

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

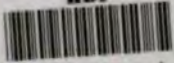
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HDI

HL 40H3 J

Слова
С

О СНОШЕНІЯХЪ

РОССІИ СЪ ФРАНЦІЕЙ.

П. В. Везобразова.

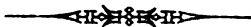
МОСКВА.

—
1892

Везовтазов, Павел Владимирович, 1859-1918
= X О СНОШЕНІЯХЪ С^о

РОССІИ СЪ ФРАНЦІЕЙ.

П. В. Везобразова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульварь.
1892

+

JAN 15 1936

ОТЪ АВТОРА.

Наша книга составилась изъ журнальныхъ статей и не представляетъ ученаго изслѣдованія. Она предназначена для публики интересующейся исторіей и появилась по слѣдующему поводу. Еще не забыты шумныя Кронштадтскія манифестаціи, газеты то и дѣло сообщаютъ объ оваціяхъ, устраиваемыхъ Русскимъ во Франціи, и въ такую минуту, казалось намъ, особенно интересно бросить взглядъ на наше прошлое и выяснить каковы были наши отношенія къ Франціи въ предшествовавшіе вѣка. Къ тому же въ самое послѣднее время появилось въ Парижѣ важное изданіе, въ которомъ въ первый разъ напечатанъ чрезвычайно интересный матеріалъ для исторіи сношеній Россіи съ Франціей. Это сборникъ инструкцій, данныхъ французскимъ посланникамъ въ Россіи (съ 1586—1793 г.), изданный французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ съ прекраснымъ введеніемъ извѣстнаго историка Рамбо ¹. Сборникъ этотъ положенъ въ основаніе нашихъ статей, причемъ мы пополняли этотъ новый матеріалъ другими источниками, преимущественно документами, изданными въ Сборникѣ Историческаго Общества и напечатанными С. М. Соловьевымъ въ его Исторіи Россіи. Матеріалъ, напечатанный въ французскомъ Сборникѣ, не идетъ дальше французской революціи, а такъ какъ въ прошломъ году опубликованы новые документы для Наполеоновскаго времени, мы сочли полезнымъ остановиться нѣсколько на сношеніяхъ Александра I съ Наполеономъ. Вниманіе наше было обращено преимущественно на дипломатическія сношенія, но мы не теряли изъ виду торговыхъ и культурныхъ интересовъ, связывавшихъ насъ съ Франціей.

5 февраля, 1892 г.

¹ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la révolution française, t. VIII—IX. Paris, 1890.

I.

Изъ древнѣйшей исторіи Россіи намъ извѣстенъ только одинъ фактъ, свидѣтельствующій о сношеніяхъ съ Франціей. Дочь Ярослава Мудраго была выдана замужъ за короля французскаго Генриха I; но это фактъ единичный и совершенно случайный, изъ котораго нельзя дѣлать никакихъ выводовъ. Затѣмъ мы не слышимъ ни о какихъ сношеніяхъ съ Франціей до конца XVI вѣка. Начиная съ Іоанна III московскіе цари, выписывавшіе иноземныхъ архитекторовъ и мастеровъ, посылали посольства въ Венецію, Римъ, Германію, Англію; въ то же время завязываются у насъ торговыя сношенія съ Западомъ, въ Архангельскъ и Москву приходятъ англійскіе, голландскіе купцы; является необходимость урегулировать внѣшнюю торговлю, заключаются торговые договоры. Франція вступила съ нами въ сношенія позднѣе всѣхъ другихъ европейскихъ державъ. Московскіе цари привыкли уже принимать англійскихъ, нѣмецкихъ, венеціанскихъ пословъ, но ни одного Француза еще не видали въ Москвѣ.

Однако къ концу XVI вѣка Французы открыли невѣдомую до-толѣ страну, открыли Россію или Московію, какъ они выражались. Они замѣтили, что сѣвернымъ „варварамъ“ можно сбывать товары не безъ барыша, и это послужило первымъ толчкомъ къ нашимъ дипломатическимъ сношеніямъ. Рамбо дѣлитъ исторію нашихъ сношеній съ Франціей на пять періодовъ и характеризуетъ первый періодъ такими словами: „Мы едва знаемъ Россію; она не имѣетъ для насъ никакого политическаго значенія; если, въ видѣ исключенія, французскій посланникъ появляется въ Россіи, то это единственно, чтобъ установить торговыя сношенія. Этотъ періодъ простирается до 1654 года, когда Алексѣй Михайловичъ объявилъ войну Польшѣ“.

Когда вступилъ на престолъ сынъ Іоанна Грознаго Теодоръ, онъ счелъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія французскаго короля Генриха III. Послѣдній прислалъ съ Франсуа де Карлемъ любезное письмо, въ которомъ завѣрялъ московскаго царя въ дружбѣ и просилъ его способствовать безпрепятственной торговлѣ между обѣими странами. Такимъ образомъ, Франсуа де Карль былъ первымъ французскимъ посланникомъ въ Москвѣ. До насъ дошло только отвѣтное письмо Теодора Іоанновича, помѣченное октябремъ 1585 г. Царь писалъ, между прочимъ, что онъ позволяетъ французскимъ купцамъ приходить въ Россію и торговать всевозможными товарами, именно ходить моремъ въ Холмогоры, а сухимъ путемъ по всему царству.

Дѣло въ томъ, что въ 80-хъ годахъ XVI вѣка составила въ Парижѣ компанія французскихъ купцовъ (Ichan le Sauvage Collas, Ninel и другіе) съ цѣлю открыть торговлю съ Россіей. Трое изъ этихъ купцовъ посѣтили Холмогоры и Архангельскъ и были здѣсь любезно приняты архангельскимъ воеводой. По русскому обычаю онъ угостилъ ихъ и даже такою крѣпкою водкой, что она, по словамъ Франгузовъ, обожгла имъ желудокъ и горло. Этой компаніи царемъ Теодоромъ Іоанновичемъ дана была торговая привилегія въ 1587 г. Имъ разрѣшено было торговать въ Холмогорахъ, Архангельскѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ; притомъ приказано было брать съ нихъ только половину торговыхъ пошлинъ, взимаемыхъ съ другихъ иностранцевъ, потому что это „первые Франгузы, дерзнувшіе прибыть въ Архангельскъ для торговли съ нашею страной“¹.

Борисъ Годуновъ, направлявшій въ то время нашу внутреннюю и внѣшнюю политику, находилъ выгоднымъ расширять нашу торговлю съ Европой. Въ томъ же 1587 г. были сдѣланы еще большія льготы въ пользу Англичанъ: англійскимъ купцамъ позволено было торговать вольною торговлей, пошлины съ ихъ товаровъ брать не велѣно².

Съ этихъ поръ все чаще и чаще появляются у насъ французскіе купцы, доктора и даже офицеры, поступающіе въ военную службу. Изъ послѣднихъ извѣстенъ Маржере, пскатель приключеній, служившій Годунову и Самозванцу и оставившій намъ описаніе Россіи XVII вѣка.

¹ Recueil, VIII 11, 13—16.

² С. М. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. VII, стр. 304.

Сохранились три письма короля Генриха IV, изъ которыхъ два адресованы Теодору Иоанновичу, одно Василію Шуйскому. Въ первомъ онъ просить царя отпустить домой его доктора нѣкого Павла, гражданина города Милана, такъ какъ онъ старъ и желаетъ повидать своихъ родственниковъ и друзей, служащихъ „при дворѣ нашемъ“. Король прибавляетъ къ этому: „А если вы вмѣсто него желаете имѣть другаго врача, мы съ удовольствіемъ пришлемъ вамъ такого, ученостью и вѣрностью котораго вы останетесь довольны, какъ и вообще мы будемъ рады всякому случаю сдѣлать вамъ пріятное.“ Во второмъ письмѣ Генрихъ проситъ даровать право торговли французскому купцу Мусерону. Въ третьемъ письмѣ король рекомендуетъ Шуйскому купца Бертрана де Казана, у котораго Лжедмитрій покупалъ драгоценныя вещи и которому задолжалъ 3 тысячи рублей¹.

Въ царствованіе Михаила Теодоровича мы впервые наталкиваемся на тотъ фактъ, что московскій царь желаетъ заключить политическій союзъ съ Франціей и надѣется найти въ ней союзницу противъ внѣшнихъ враговъ. „Царь Михаилъ Теодоровичъ, рассказываетъ Ле-Дранъ въ запискѣ составленной въ 1726 г., вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, желая снискать себѣ друзей, отправилъ въ 1615 г. посла къ королю Людовику XIII, чтобы привѣтствовать его и увѣрить въ своей дружбѣ. Такъ какъ въ то время французскій Дворъ былъ занятъ совершенно другими дѣлами и ему некогда было думать о государяхъ столь отдаленныхъ земель, тѣмъ болѣе, что право царя Михаила на московскій престолъ было оспариваемо сыномъ польскаго короля Сигизмунда Владиславомъ, то это изъявленіе дружбы осталось безо всякихъ послѣдствій.“²

Въ этихъ словахъ очень вѣрно выраженъ взглядъ Людовика XIII на Россію. Въ 1615 году Михаилъ Теодоровичъ отправилъ во Францію посланниковъ Ивана Кондырева и подъячаго Невѣрова, съ объявленіемъ о своемъ восшествіи на престолъ и съ просьбой о помощи противъ Поляковъ и Шведовъ: „Послали мы къ вамъ, брату нашему, говорилось въ царской грамотѣ,

¹ Recueil, VIII, 17.

² Записка старшаго чиновника французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Ле-Драна, составленная въ 1726 году, о переговорахъ для заключенія союза между Франціей и Россіей съ 1613 по 1718 годъ (*Сборникъ Историческаго Общества*, т. 34, стр. 1).

наше государство obavѣститъ, Сигизмунда короля и шведскихъ, прежняго и нынѣшняго, королей неправды объявить. А вы, братъ нашъ любительный, великій государь Людвигъ король, намъ бы великому государю способствовалъ, гдѣ будетъ тебѣ можно“¹. Посольство было принято въ Бордо, гдѣ тогда находился Людовикъ, принято оно было съ почетомъ и ему врученъ любезный отвѣтъ. „Ваше посольство, писалъ между прочимъ король, рассказало намъ чего вы ждете отъ дружбы съ нами въ войнѣ, которую ведете съ королями польскимъ и шведскимъ, и говорило о союзѣ, какой вы желаете заключить съ нами для общаго блага нашихъ государствъ. Мы приняли и благосклонно выслушали вашихъ пословъ и желали въ тѣ немного дней, которые провели въ этомъ городѣ (Бордо), выказать имъ уваженіе, питаемое нами къ вашему расположенію, на которое будемъ отвѣчать тѣмъ же. Ибо мы запретимъ нашимъ поданнымъ служить врагамъ вашимъ и съ удовольствіемъ поведемъ переговоры о возобновленіи союза съ вами, когда пошлемъ къ вамъ нашихъ пословъ, которымъ поручено будетъ выработать условія наиболѣе выгодныя на благо и пользу нашихъ народовъ.“ Эти любезныя фразы остались безъ послѣдствія. „Посольство Кондырева, справедливо замѣчаетъ Рамбо, не могло имѣть серьезныхъ результатовъ; Россію такъ мало знали во Франціи, что дворъ, по его собственному признанію, никогда о ней ничего не слыжалъ“².

Хотя московскій царь ошибся въ своемъ расчетѣ на Францію, хотя французскій король считалъ, что союзъ съ Московіей, азіатскимъ царствомъ, не можетъ имѣть никакого значенія для Европы, тѣмъ не менѣе торговля съ Россіей обращала на себя вниманіе французскихъ купцовъ. Во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ хранится бумага отъ 1628 года подъ заглавіемъ: „О помѣхахъ и затрудненіяхъ, какія встрѣчается французская торговля въ Московіи“³. Тутъ читаемъ слѣдующее: „Торговлю Франціи съ Московіей можно вести только двумя путями, или по Балтійскому морю чрезъ Нарву и другіе Ливонскіе порты, или вокругъ Норвегіи и Лапоніи чрезъ Архан-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. IX, стр. 170.

² Recueil, VIII, 19—20.

³ Это извлеченіе изъ книги Англичанина Purchas, напечатаннаго сборникъ знаменитыхъ путешествій подъ заглавіемъ: Purchas, his pilgrimages or relations etc.

гельскъ. Что касается Балтійскаго моря, приходится проѣзжать по Датскому проливу, гдѣ король датскій требуетъ большихъ пошлинъ съ кораблей и товара, причеъ онъ произвольно вышлагаетъ пошлину и часто подъ разными предлогами останавливаетъ суда, конфискуетъ и ихъ, и товаръ. Пройдя датскій проливъ, нельзя добраться до Московіи иначе, какъ пройдя черезъ предѣлы шведскаго короля, которому принадлежатъ всѣ берега Балтійскаго моря отъ Кальмара въ Швеціи до Риги въ Ливоніи. По всей вѣроятности, онъ, такъ же какъ датскій король, захочетъ взимать пошлины въ своихъ портахъ и будетъ произвольно конфисковать суда и товаръ. Онъ несомнѣнно будетъ дѣлать это изъ страха, какъ бы Французы не уменьшили барышей, извлекаемыхъ его подданными изъ торговли съ Московіей.“

Въ то же время подана была въ министерство записка, въ которой ставилось на видъ, что Англичане пользуются большими привилегіями въ Россіи, торгуютъ тамъ беспошлинно. Для конкуренціи съ Англичанами и Голландцами авторъ записки совѣтовалъ образовать обширную сѣверную компанію, которая взяла бы въ свои руки торговлю съ Швеціей, Даніей и Россіей. Эта мысль очень понравилась купцамъ, наплись капиталисты, составившіе товарищество съ помянутою цѣлю. Они имѣли въ виду прежде всего торговлю съ Россіей и въ 1628 г. подали кардиналу Ришелье записку слѣдующаго содержанія: „Предполагаемая ими (то-есть купцами) торговля принесетъ большую выгоду нашему королевству, ибо изъ него не будетъ уходить ни золота, ни серебра, такъ какъ торговля будетъ мѣновая. Они будутъ ввозить въ Московію шелковыя и шерстяныя ткани, соль, водку и бумагу; они будутъ вывозить оттуда разные мѣха, кожу, воскъ, большое количество льну, парусовъ и канатовъ для судовъ, такъ что не нужно будетъ больше покупать корабельныхъ снастей у Голландцевъ. Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ вся торговля съ Московіей находилась въ рукахъ Французовъ; но частыя войны и революціи, отъ которыхъ начала страдать та страна, заставили Французовъ совсѣмъ бросить эту отрасль торговли. Въ 1613 г. смуты прекратились въ этой странѣ и высшая власть сосредоточилась въ рукахъ Михаила Ѳеодоровича, нынѣ царствующаго великаго князя московскаго, который могъ прислать во Францію посла съ извѣщеніемъ о вступленіи его на престолъ. Его величество принялъ этого посла въ Бордо и отвѣтилъ ему,

что какъ только умиротворятся дѣла королевства, онъ пошлетъ посла къ его господину, великому князю съ увѣреніемъ въ своей дружбѣ и желаніи возобновить прежнія хорошія отношенія между Французами и Московитами. Это обѣщаніе до сихъ поръ не было исполнено, и вотъ почему они нижайше просятъ господина кардинала привести это въ исполненіе и написать великому князю московскому, дабы исходатайствовать для помянутыхъ купцовъ самыя выгодныя условія въ торговыхъ сношеніяхъ, а также право свободно исповѣдовать католическую религію тѣмъ изъ нихъ, которые поселятся въ Московіи. Кромѣ выгодъ, какія Франція можетъ извлечь изъ этой торговли, король пріобрѣтетъ большое значеніе среди сѣверныхъ монарховъ и даже въ глазахъ короля польскаго, самыя могущественныя враги котораго Московиты и который тогда не станеть содѣйствовать интересамъ австрійскаго дома, какъ онъ дѣлаетъ теперь, боясь, что его величество въ состояніи будетъ повредить ему у московскаго великаго князя. Поселеніе французскихъ купцовъ въ Московіи облегчитъ со временемъ распространеніе католической религіи во всей Россіи. Они придерживаются той же вѣры, что и Греки, исключая того, что не признаютъ константинопольскаго патріарха и слѣдовательно не имѣютъ такого отвращенія къ папѣ; и дѣйствительно, нѣтъ никакого указа, запрещающаго въ Московіи исповѣдовать католическую религію. Тамъ нѣсколько монастырей, имѣющихъ большое количество оригинальныхъ рукописей греческихъ¹ отцовъ церкви, принесенныхъ въ эту страну послѣ покоренія Греціи Турками. Если установится торговля съ Россіей, легко будетъ получить эти рукописи и другія книги, которыхъ у насъ нѣтъ.“¹

Допустимъ, что придворные имѣли самое смутное представленіе о Москвитѣ, что Россія не играла никакой роли въ политическихъ планахъ Людовика XIII, однако купцы въ собственныхъ своихъ интересахъ слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось на дальнемъ Сѣверѣ, знали, что у насъ была смута, что у насъ свой патріархъ и что Англичане торгуютъ безошлянно, что у насъ есть цѣнныя греческія рукописи. Петицію они составили очень ловко и старались подѣйствовать на слабыя стороны Ришелье. Онъ былъ заклятымъ врагомъ австрійскаго дома, они указывалп,

¹ Recueil, VIII, 21 · 23.

что сношенія съ Россіей могутъ ослабить Австрію; въ качествѣ кардинала онъ желалъ распространить по всей землѣ истинную (то-есть католическую) вѣру, они открывали ему новый способъ пропаганды въ Москвѣ; онъ любилъ науку и рѣдкія книги, они сулили ему литературныя сокровища.

Записка купцовъ подѣйствовала на Ришелье: чрезъ четырнадцать лѣтъ французское правительство вдругъ вспоминаетъ объ обѣщаніи, данномъ царю Михаилу и въ 1629 г. отправляетъ въ Москву посла Луи Дегэ де Курменена (Deshayes de Courmenin). Въ сентябрѣ посланникъ прибылъ въ Дрептъ и получилъ письмо отъ новгородскаго воеводы знаменитаго князя Пожарскаго, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его, что ему разрѣшенъ свободный проѣздъ въ Москву. На встрѣчу къ нему выслали пристава Окунева съ лошадью. Между Французомъ и нашимъ приставомъ произошли сейчасъ же пререканія изъ-за церемоніала, которому въ то время придавали большое значеніе. Приставъ хотѣлъ ѣхать по правую сторону посла, но тотъ съ лѣвой стороны не поѣхалъ и не трогался съ того мѣста, гдѣ была встрѣча; приставъ ему говорилъ, что у государя бываютъ турецкіе, персидскіе, нѣмецкіе и другіе послы и по лѣвую сторону ѣздятъ; Французъ отвѣчалъ, что Турція, Персія, Крымъ—земли не христіанскія, а его король христіанскій, и потому ему по лѣвую сторону не ѣхать, у него о томъ отъ короля приказъ. Приставъ ему говорилъ, для чего онъ объ этомъ прежде не объявилъ до пріѣзда въ землю государеву? Посоль отвѣчалъ, что онъ русскаго обычая не знаетъ, потому и не писалъ и хотѣлъ ѣхать назадъ въ Дрептъ, съ той лошади сошелъ, которую прислалъ ему воевода, подводу, на которой ѣхалъ, покинулъ, сталъ въ телѣгѣ да и говорить, что ему учиненъ позоръ и онъ за свой позоръ смерть приметъ. Ему говорили, что изъ государевой земли безъ государева указа его не отпустить. Онъ отвѣчалъ: „если меня назадъ и не отпустить, то я буду стоять, кормъ и питье стану покупать на свои деньги; а съ лѣвой стороны не поѣду“, и стоялъ до вечера. Наконецъ Французъ придумалъ средство: пусть ѣдутъ два пристава, одинъ по лѣвую, а другой по правую сторону, а онъ въ срединѣ. Такъ и сдѣлали; Окуневъ поѣхалъ по правую сторону посла, а по лѣвую ѣхалъ одинъ сынъ боярскій въ видѣ пристава.

Въ Москвѣ посоль былъ принятъ въ торжественной аудіенціи

и предложилъ слѣдующіе пункты: 1) Король желаетъ быть съ царемъ въ дружбѣ и любви. 2) Торговля между обѣими странами должна быть свободною и беспошлинною. 3) Французскихъ купцовъ въ московскомъ государствѣ не лишать свободы, не сажать въ тюрьму, дозволить имъ имѣть своихъ католическихъ священниковъ. 4) Одинъ князь австрійскаго дома (король испанскій) другъ Германскаго императора, и когда эти князья австрійскаго дома дѣйствуютъ заодно съ Польшей, они составляютъ сильную коалицію; эти австрійскіе князья враги короля французскаго, а король польскій врагъ царя; богатство этихъ австрійскихъ князей происходитъ оттого, что ихъ подданные ведутъ торговлю на Востокъ и этими деньгами помогаютъ королю польскому; еслибы царь находился въ дружбѣ съ королемъ французскимъ и даровалъ Французамъ право беспошлинно торговать въ Москвѣ, онъ сильно ослабилъ бы австрійскій домъ, отнялъ бы у него восточную торговлю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства помогать Польшѣ. 5) Пусть царь позволить Французамъ ѣздить въ Персію чрезъ свое государство; отъ того царю и его подданнымъ будетъ большая прибыль: Англичане, Голландцы и Брабантцы покупаютъ товары во Франціи, а въ Москвѣ перепродаютъ ихъ по дорогой цѣнѣ, притомъ товары они привозятъ не высокаго сорта, а Французы будутъ привозить лучшіе товары и продавать ихъ по своей невысокой цѣнѣ.

Желая польстить московскому царю, Курмененъ прибавилъ къ этому слѣдующее по словамъ нашихъ архивныхъ дѣлъ: „Царское величество глава и начальникъ надъ восточною страной и надъ греческою вѣрой, а Людовикъ король французскій начальникъ въ полуденной странѣ, и когда царь будетъ съ королемъ въ дружбѣ, любви и соединенѣ, то у царскихъ недруговъ много силы убудетъ; цесарь римскій съ литовскимъ королемъ заодно, а царю съ королемъ французскимъ потому же надобно быть въ дружбѣ и на недруговъ стоять заодно. Французскій король турскому султану другъ; зная, что царскому величеству турскій султанъ другъ, а надъ православною христіанскою греческою вѣрой царское величество начальникъ, зная это, король наказалъ посламъ своимъ въ Царьградъ, чтобъ они русскимъ людямъ и Грекамъ, которые при нихъ будутъ, въ Царьградъ во всякихъ дѣлахъ помогали. Такіе великіе государи, король французскій и

царское величество вездѣ славны, другихъ такихъ великихъ и сильныхъ государей нѣтъ.“¹

Предложенія французскаго посла обсуждалсь въ боярской думѣ, которая, вообще говоря, отнеслась къ нимъ несочувственно. Результаты этихъ переговоровъ Михайлъ Ѳеодоровичъ сообщилъ Людовику въ длинномъ письмѣ. На московскаго царя неприятно подѣйствовало, что въ письмѣ, принесенномъ Курмененомъ, не былъ прописанъ полностью его титулъ, неприятно подѣйствовало и то, что французское правительство отвѣтило на посольство Кондырева чрезъ четырнадцать лѣтъ и, ничего не слѣлавъ для Россіи, выпрашивало себѣ разныя льготы. „Мы не знаемъ, чему приписать, писалъ Михайлъ Ѳеодоровичъ Людовику, что въ письмѣ, которое вы прислали намъ, забыли поставить наши титулы. Мы не можемъ одобрить, что вы, желая быть намъ другомъ, отнимаете у насъ титулы, данныя намъ всемогущимъ Богомъ. Впредь, если вы желаете жить въ дружбѣ и любви съ нашею великою державой, такъ чтобы соединенныя наши государства внушали страхъ всей вселенной, вы должны приказать чтобы на вашихъ письмахъ вполне прописывались наши титулы, какъ они значатся въ нашемъ письмѣ.“ Дума сочла невозможнымъ освободить Французовъ отъ торговыхъ пошлинъ. „Мы позволяемъ, сказано въ томъ же письмѣ, всѣмъ Французамъ, вашимъ подданнымъ, безпрепятственно торговать въ нашемъ государствѣ, какъ въ Архангельскѣ, такъ и Новгородѣ, Псковѣ, Москвѣ, но съ тѣмъ, чтобы они вносили въ нашу казну двухпроцентную пошлину.“ Облегчить французскую торговлю съ Персіей было не въ интересахъ московскаго правительства; поэтому французскимъ купцамъ было поставлено на видъ, что ѣздить имъ въ Персію не зачѣмъ; персидскіе товары они могутъ приобрѣтать по дешевой цѣнѣ въ Москвѣ. Михайлъ Ѳеодоровичъ соглашался пропускать пословъ въ Персію, но отказывалъ въ этомъ купцамъ. Тѣмъ изъ нихъ, кто поселится въ Москвѣ разрѣшалось исповѣдовать католическую вѣру и держать своихъ священниковъ, съ тѣмъ, однако, чтобы они, во избѣжаніе соблазна, не отправляли всенародно богослуженія по обрядамъ католической церкви. Слѣдовательно строить храмы имъ запрещалось.²

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. IX, стр. 170—173.

² Recueil, VIII, 27—31. *Сб. Ист. Общ.*, т. 34, стр. II.

Такимъ образомъ Курмененъ не добился серьезныхъ результатовъ и при этихъ условіяхъ торговля съ Россіей не могла представлять тѣхъ выгодъ, о которыхъ мечтало французское купечество. Не знаемъ, начала ли свои операціи проецировавшаяся сѣверная компанія, но едва ли наши торговля сношенія съ Франціей были очень дѣятельны. Настоящато судоходства вокругъ Норвегіи по Бѣлому Морю тогда не существовало, а перевозка товаровъ сухимъ путемъ была сопряжена съ большими затрудненіями и затратами.

На слѣдующій годъ случился фактъ первостепенной важности. Явился къ намъ изъ Парижа капитанъ Бертранъ Боннефуа (Bonpeou) съ письмомъ отъ Людовика XIII къ царю, гдѣ на этотъ разъ былъ полностью проставленъ его титулъ. „Желаніе, чтобъ усилилась торговля между нашими и вашими подданными, говорилось въ письмѣ, и такимъ образомъ упрочилась наша дружба съ вашимъ величествомъ, побудило насъ послать въ ваше государство капитана Боннефуа съ тѣмъ, чтобъ онъ вывезъ изъ вашей страны большое количество пшеницы, даже до 5 или 6 тысячъ ластовъ (отъ 60 до 72 тысячъ четвертей); онъ долженъ привезти хлѣбъ въ наше королевство, гдѣ приключился неурожай, чтобы кормить какъ нашихъ подданныхъ, такъ и большую армію, стоящую у насъ подъ оружіемъ.“ Однако просьба французскаго капитана не могла быть уважена, несмотря на то, что онъ предлагалъ заплатить наличными и по рыночной цѣнѣ. Въ данную минуту въ московскомъ государствѣ не было избытка въ хлѣбѣ, значительныя партіи были проданы въ Англію, Данію, Швецію и Голландію. Боннефуа уѣхалъ съ пустыми руками, но съ обѣщаніемъ, что на будущій годъ ему будетъ продано требуемое количество пшеницы. Франція не могла обойтись безъ русскаго хлѣба и черезъ годъ капитанъ вернулся. Въ письмѣ, привезенномъ отъ Людовика и помѣченномъ 1631 годомъ, король писалъ царю: „Благодаря отъ всего сердца ваше величество за позволеніе купить и вывезти въ нынѣшнемъ году 50 тысячъ шептъ (75 тысячъ четвертей) пшеницы, мы просимъ, чтобъ это позволеніе было распространено на шесть послѣдующихъ лѣтъ и мы могли вывозить изъ нашего государства каждый годъ то же количество шептъ какъ пшеницы, такъ и другихъ сортовъ хлѣба, и просимъ разрѣшить намъ покупать хлѣбъ у частныхъ лицъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы сочтете это удобнымъ. Если ваше величе-

ство согласится, чтобы ваши купцы приняли этотъ подрядъ, пусть они возьмутъ ту же цѣну, что берутъ съ королей англійскаго, датскаго и шведскаго“¹.

Не подлежитъ сомнѣнію, что московскіе купцы воспользовались этимъ обстоятельствомъ. Мы видѣли, что дружелюбныя отношенія съ Франціей въ этотъ первый періодъ вели къ обоюдной выгодѣ: мы открыли себѣ новый рынокъ для сбыта хлѣба, а Французы приобрѣли новую страну, куда могли вывозить свои мануфактурныя издѣлія.

II.

Съ царствованія Алексѣя Михайловича мы вступаемъ въ новый періодъ нашихъ сношеній съ Франціей. Въ это время въ первый разъ на европейскомъ конгрессѣ было упомянуто имя московскаго царя. При заключеніи Оснабрюкскаго трактата, установившаго миръ Швеціи съ Германскою имперіей, представители королевы Христіны дали понять, что въ числѣ ея союзниковъ находится и „великій князь московскій“. Во Франціи начинаютъ смотрѣть на Россію, какъ на державу, имѣющую политическое значеніе, а не только какъ на страну сарматскую, куда можно сбывать товаръ. Въ Москвѣ поняли это, по крайней мѣрѣ царь Алексѣй Михайловичъ, начавъ въ 1654 году войну съ Польшей, счелъ нужнымъ оповѣстить объ этомъ событіи европейскіе дворы. Особенно любопытно подробное письмо, отправленное имъ Людовику XIV; онъ старался доказать, что не онъ нарушилъ вѣчный миръ, заключенный съ Польшей въ 1618 году, а король польскій Янъ-Казимиръ, что слѣдовательно онъ имѣетъ законную причину къ войнѣ. Изложивъ условія, на которыхъ былъ заключенъ вѣчный миръ, царь начинаетъ жаловаться на Поляковъ: „Они, пишетъ онъ, невѣрно прописывали наши имена и титулы, напримѣръ отцу нашему царю Михаилу Ѳедоровичу они писали вмѣсто Михаилъ Ѳедоровичъ Михаилъ Филаретовичъ, въ другой разъ Ѳедоръ Михаилловичъ; въ нѣсколькихъ письмахъ они забыли написать титулъ „Всея Россіи Самодержецъ“, намъ они написали разъ вмѣсто Алексѣй Михайловичъ

¹ Recueil, VIII, 36—38.

Александръ Михайловичъ. Далѣ, по привязанію его величества (короля польскаго) и съ разрѣшенія сейма, въ разныхъ городахъ печатали на латинскомъ и польскомъ языкахъ книги, въ которыхъ заключаются поношенія, оскорбленія, клевета на отца нашего царя Михаила Ѳеодоровича и дѣда нашего святаго патріарха Филарета Никитича; подобнаго поступка не только не можетъ потерпѣть монархъ, помазанникъ Божій, но даже самый низкій человѣкъ, объ этомъ даже стыдно подумать. Посланное въ 1650 году посольство выхлопотало отъ короля постановленіе, чтобы сеймъ осудилъ на смертную казнь всѣхъ указанныхъ нами лицъ, виновныхъ въ оскорбленіи нашего величества. Несмотря на это, подобныя злоупотребленія продолжались, и только послѣ новаго посольства 1652 года король прислалъ намъ декретъ сейма, по которому изъ 400 обвиненныхъ нами лицъ было осуждено всего 12 человѣкъ и не знатныхъ, а низкаго происхождения; главныхъ же виновниковъ совсѣмъ оправдали ¹.

¹ Объ оскорбленіяхъ, найденныхъ въ польскихъ книгахъ, дѣйствительно была рѣчь въ 1650 году, когда отправлены были наши послы въ Польшу. С. М. Соловьевъ на основаніи архивныхъ дѣлъ рассказываетъ объ этомъ слѣдующее: „Послы перешли къ жалобѣ на новое оскорбленіе, згѣе прежняго; по повелѣнію короля Яна-Казимира напечатаны въ Польшѣ многія книги и разнесены въ московское царство и во всѣ окрестныя государства; въ этихъ книгахъ напечатано многое безчестье и укоризна отцу великаго государя, царю Михаилу Ѳеодоровичу, самому царю Алексѣю Михайловичу, боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ, чего по вѣчному докончанью (то-есть миру) и посольскимъ договорамъ не только печатать, и помыслить нельзя, отъ Бога въ грѣхъ и отъ людей въ стыдъ. Въ книгѣ, которая напечатана въ 1648 году на латинскомъ языкѣ въ Данцигѣ, около лика Владиславова (короля польскаго) противъ лѣвой руки написано: „Московія покорна учивена“, потомъ напечатано, что Владиславъ союзопреступныхъ Москвитянъ подъ Смоленскомъ осадилъ и въ такое отчаяніе ихъ привелъ что жизнь и смерть всего войска въ его волѣ были, и Москвитяне, трижды преклонивъ колѣна свои, милости просили. Напечатано, что Москвитяне только по имени слывуть христіанами, а дѣломъ и обычаемъ хуже варваровъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ возведенъ на престолъ людьми непостоянными. Въ книгѣ о житіи и славныхъ побѣдахъ Владислава, напечатанной въ 1649 году, также находится царскому величеству и Московскому государству безчестія съ великою укоризной, наприимѣръ „бѣдная Москва“; Михаилъ Ѳеодоровичъ Московскій написанъ мучителемъ, патріархъ Филаретъ Никитичъ написанъ трубачемъ“ (*Исторія Россіи*, т. X, стр. 284—285). Но Польша дала намъ удовольствіе; по приказанію короля, изъ книгъ были выдраны тѣ листы, которые содержали въ себѣ укоризны на московскихъ го-

Кромѣ того, его королевское величество входило въ сношенія съ татарскимъ ханомъ крымскимъ съ тѣмъ, чтобы соединенными силами напасть на наши земли. На границѣ дѣлались враждебныя намъ демонстраціи; жители Польши и Литвы, переходя границу, разорали земли, помѣстья нашихъ дворянъ, крали ихъ крестьянъ, мучили ихъ, силой уводили съ собою за границу. Мои воеводы доносятъ миѣ объ этомъ и требуютъ удовлетворенія, а польскіе министры дать его не хотятъ.

„Поэтому, видя такія оскорбленія со стороны его величества, принимая во вниманіе обиды и поношенія, нанесенныя нашему отцу, дѣду и намъ, разсматривая, какъ они нарушали вѣчный миръ, намъ невозможно терпѣть долѣе такія оскорбленія; въ доказательство нашихъ словъ мы посылаемъ вашему королевскому величеству самыя книги, въ которыхъ прописаны всѣ эти гадости, и мы просимъ васъ разсмотрѣть эти польскія книги, напечатанныя по приказанію короля, и разсудить, справедливо ли, чтобы христіанскіе князья, договорившіеся о вѣчномъ мирѣ, поступали такъ другъ съ другомъ.“¹

Царь распространялся собственно только о предложенияхъ къ войнѣ, о настоящей же причинѣ умалчивалъ. А причина, какъ извѣстно, заключалась въ отпаденіи Малороссіи отъ Польши и въ желаніи окончательно присоединить ее къ московскому царству. Если Алексѣй Михайловичъ счелъ нужнымъ говорить такъ подробно о своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, то конечно потому, что желалъ склонить Людовика XIV на свою сторону и узнать въ какую сторону влонятся его симпатіи.

Съ вышеприведеннымъ письмомъ былъ посланъ во Францію

сударей, и публично сожжены (тамъ же, стр. 241). Царь кажется несправедливо обвинялъ польскаго короля въ томъ, будто онъ хотѣлъ соединиться съ крымскимъ ханомъ противъ Москвы. По крайней мѣрѣ польскіе послы, пріѣхавшіе въ Москву въ 1661 году, объявили боярамъ: какъ въ прошлыхъ годахъ присланы были къ царскому величеству крымскіе послы, и тѣхъ пословъ приняли и держали въ Москвѣ нечестно, не по прежнему обычаю, а иныхъ татарскихъ пословъ и не приняли, поворотили назадъ; да въ то же время донскіе казаки ходили по Черное Море и крымскіе улусы воевали. Съ этихъ поръ крымскій ханъ и всѣ его Татары надъ московскимъ государствомъ безпрестанно всякое зло умышляютъ, и къ королевскому величеству ханъ прислалъ съ просьбой, чтобы король, соединясь съ нимъ, шелъ на московское государство. Но королевское величество, соблюдая вѣчное докончаніе, на такое зло не помислялъ (тамъ же, стр. 258).

¹ Resneil, VIII, 39—43.

гонецъ Мачехинъ. Въ Парижѣ не оказалось никого, кто зналъ бы русскій языкъ; тогда предложилъ свои услуги нѣкто Вильнеръ, родившійся въ Москвѣ, но Фламандецъ родомъ, говорившій только по-фламандски. Къ нему приставили одного банкира, знавшаго по-фламандски, и на королевской аудиенціи слова Мачехина переводили сначала на фламандскій языкъ, а потомъ на французскій.

Война Россіи съ Польшей не могла входить въ планы Людовика XIV; ослабленіе Польши парализовало его сѣверную политику. Въ своей вѣковой борьбѣ съ габсбургскимъ домомъ Франція искала противъ него союзниковъ на сѣверѣ, старалась по мысли Ришелье создать противъ Австріи восточный оплотъ, состоящій изъ Швеціи, Польши и Турціи. Французскіе посланники хлопотали, чтобъ эти державы жили въ мирѣ между собою и, не жалѣя денегъ, создавали въ Польшѣ французскую партію; на самомъ дѣлѣ это королевство, страдавшее постоянными неурядицами, слабостью власти, борьбой между сословіями, не оказало Франціи никакой существенной услуги; тѣмъ не менѣе, въ Парижѣ дорожили расположеніемъ пановъ, надѣясь, что въ критическую минуту ихъ можно будетъ двинуть противъ Австріи. Понятно, что Людовикъ, заботившійся о процвѣтаніи Польши, остался недоволенъ вѣстію о начинающейся войнѣ съ Москвою. Въ отвѣтномъ письмѣ, врученномъ Мачехину, онъ прямо писалъ: „Ваше величество легко пойметъ, какъ намъ не понравилось то, что вы предприняли.“ Онъ совѣтовалъ царю заключить миръ съ Польшей и предлагалъ свое посредничество.

Черезъ два года во Франціи узнали, что Алексѣй Михайловичъ открылъ военныя дѣйствія противъ Швеціи. Сначала они вмѣстѣ съ Карломъ X шведскимъ воевали Польшу, но скоро у нихъ произошли раздоры изъ-за дѣлежа завоеванныхъ областей, и московскій царь, заключивъ перемиріе съ Поляками, обратилъ оружіе противъ прежняго союзника. Если Людовику была неприятна война Москвы съ Польшей, то война со Швеціей уже серьезно обезпokoила его; это еще болѣе разстроивало его политическую систему на сѣверѣ. „Исторія Швеціи, говоритъ Рамбо,—тѣсно связана съ нашею въ эпоху борьбы Франціи съ австрійскимъ домомъ. Ришелье ввелъ въ большую европейскую политику эту державу, не игравшую до дѣхъ поръ никакой роли; Густавъ Адольфъ въ 1613 году вернулъ провинціи, отнятыя у его отца Датчанами; по Столбовскому миру Михаилъ Федоровичъ отдалъ ему Ингрію и Карелію (въ 1617 г.); но у него все еще продол-

жалась война съ Польшей. При посредничествѣ французскаго посла Польша заключила съ нимъ перемиріе въ 1629 году, и Рихелье могъ съ этого времени обратить противъ Австріи воинственный пылъ шведскаго короля. Союзъ съ Даніей, разбитой при Луттерѣ, онъ замѣнилъ союзомъ со Швеціей, гораздо болѣе сильною союзницею. Рихелье избрѣлъ этого „короля снѣговъ“, надъ которымъ насмѣхались придворные германскаго императора. Онъ помѣстилъ на свою сторону шведскія войска, закалившіяся въ 25-лѣтней войнѣ, снабженныя усовершенствованною артиллеріей, прекрасно дисциплинированныя, находившіяся подъ командой превосходныхъ генераловъ. Лейпцигская, Лехская, Люценская побѣды потрясли германскую имперію до основанія. Когда Густавъ Адольфъ палъ на полѣ битвы, его генералы и дипломаты продолжали его дѣло. Швеція была вознаграждена при заключеніи Вестфальскаго мира: Мазарини помогъ ей получить Померанію, епископства Бременское и Верденское и тѣмъ самымъ сдѣлаться германскою державой.

„Швеція начала играть ту же роль, какъ въ послѣдствіи Бранденбургъ, она была естественнымъ врагомъ Австріи, главой протестантской части Германіи, противникомъ католическаго цезаря. Для исполненія этой миссіи у нея была значительная матеріальная сила и значительное нравственное вліяніе; одно время послѣ мира 1648 года она занимала въ Германіи 132 укрѣпленныя мѣста. Поддерживать такое военное положеніе Швеція могла только благодаря субсидіямъ, которыя получала отъ французскаго короля; казалось, что во всякой войнѣ противъ Габсбурговъ, Франція могла вполнѣ разсчитывать на нее. Изъ всѣхъ нашихъ союзниковъ Швеція была самымъ цѣннымъ, потому что дѣйствія ея были направлены прямо противъ Австріи и потому что шведская армія всегда готова была начать кампанію. Въ самомъ дѣлѣ, Швеція долго оставалась для Франціи вѣрною, могущественною и дѣйствительною союзницею, созданною гениемъ Рихелье.“

Въ іюль 1657 года Людовикъ написалъ Алексѣю Михайловичу письмо, начинавшееся слѣдующими словами: „Безъ сомнѣнія намъ легко будетъ убѣдить ваше величество, исповѣдующее ту же, что и мы, святую вѣру, что обязанность всякаго короля, императора и христіанскаго монарха стараться помѣшать пролитію человѣческой врови; такъ какъ въ этой первой обязанности присоединяются еще обязанности, налагаемыя на насъ союзами, то предъ Богомъ и людьми было бы неизвинительно, еслибы мы не

сдѣлали предложеній, представляющихся намъ справедливыми, чтобы предотвратить столь великое зло.“ Далѣе король сообщаетъ, что пришлетъ своего дворянина и просить царя назначить лицъ, которыя переговорили бы съ его уполномоченнымъ и помогли ему уладить непріятности, возникшія между Швеціей и Россіей.

Дѣйствительно, въ ноябрѣ того же гола былъ посланъ въ Швецію и Москву Деминьеръ и ему дано порученіе примирить сѣверныя державы. Французскій король пожелалъ оказать какою-нибудь любезность московскому царю, а потому письмо, которое привезъ посланникъ, начали съ глубокаго сожалѣнія о томъ, что скончался царь Михайль, и выраженія радости, что вступилъ на престолъ столь доблестный монархъ, какъ сынъ его Алексѣй. Любезность эта была не совсѣмъ кстати, потому что Михаила Феодоровича не было въ живыхъ уже цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ и въ парижской канцеляріи не замѣтили, что если это соболѣзнованіе не было выражено въ предъидущихъ письмахъ, теперь оно являлось запоздалымъ и доказывало скорѣе пренебрежительную забывчивость. Вся остальная часть письма, привезеннаго Деминьеромъ, была буквально списана съ предъидущаго; король опять предлагалъ свое посредничество для переговоровъ съ Швеціей.

Деминьеръ, какъ видно изъ его донесенія, былъ принятъ въ Россіи очень нелюбезно. Изъ Швеціи онъ отправился въ Дерптъ, но дерптскій воевода велѣлъ ему сказать, чтобъ онъ немедленно удалился изъ его воеводства, а то будетъ арестованъ, что съ его стороны было дерзостью войти въ русскіе предѣлы, не предупредивъ о томъ воеводу, что царь не нуждается въ услугахъ короля, у него довольно своихъ дѣлъ, чтобы не впутываться въ чужія; царь не обращаетъ никакого вниманія на державы, на дружбу или ненависть короля, на союзъ его съ Швеціей; съ шведскимъ королемъ онъ счумѣетъ устроиться самъ безъ посредниковъ; пусть онъ уйдетъ во свояси и служитъ королю. Французскій посланникъ не испугался и провелъ нѣсколько дней подъ Дерптомъ, хотя воевода три раза присылалъ ему сказать чтобъ онъ немедленно удалился. Наконецъ воевода переимѣнилъ обращеніе, отъ отправилъ Деминьеру водки, меду, пива и сѣстныхъ припасовъ, какъ для него, такъ и для его шведскаго конвоя, состоявшаго изъ 50 человекъ, и на этотъ разъ въ любезныхъ выраженіяхъ просилъ его уйти въ Нарву, принадлежавшую тогда Шведамъ. Воевода послалъ гонца къ царю, чтобъ узнать какъ быть съ французскимъ посольствомъ и обѣщалъ, получивъ

отвѣтъ, сейчасъ же увѣдомить посла. „И такъ я былъ вынужденъ вернуться въ этотъ городъ, доносилъ Деминіеръ изъ Нарвы, — и ожидать отъ царя позволенія предстать предъ его ясныя очи или же отказа и тогда уйти домой“. При этомъ посоль сообщилъ, что едва ли Русскіе примутъ посредничество Франціи, хотя Шведы все еще надѣются на это, и что ему конечно пріятно было бы принять участіе въ готовившихся тогда переговорахъ, если они удадутся на пользу шведскаго короля.

Дерптскій воевода поступилъ такъ грубо съ Деминіеромъ, конечно, потому, что зналъ взглядъ правительства на посредничество Франціи, и Москва была совершенно права, отвергнувъ любезное посредничество. Въ декабрѣ 1659 года было заключено Валіесарское перемиріе, по которому намъ былъ уступленъ Дерптъ и всѣ наши завоеванія въ Ливоніи. Въ данномъ случаѣ французское вмѣшательство не имѣло никакихъ результатовъ, но на окончательный миръ со Швеціей—Кардскій, заключенный въ 1661 году, французская политика осталась не безъ вліянія. Въ 1661 г. Швеція оказалась гораздо менѣе уступчивою, чѣмъ въ 1659 году, а Россія гораздо болѣе уступчивою. Заключенъ былъ самый невыгодный для насъ миръ, по которому мы уступили Швеціи всѣ наши завоеванія, „миръ тяжелый, по выраженію С. М. Соловьева,—потому что условіями своими вполнѣ выражалъ бесплодность войны“. Война съ Швеціей истощила царскую казну и не дала ни малѣйшей выгоды. Если въ Москвѣ согласились на такой тяжелый миръ, на который не согласились бы двумя годами раньше, то это съ одной стороны потому, что волновалась Малороссія и Польша грозила войной, а съ другой стороны, потому что положеніе Швеціи значительно измѣнилось. Возобновленіе войны съ Россіей не было ей страшно, у нея уже не было враговъ, внушавшихъ ей опасенія во время переговоровъ въ Валіесарѣ. Враговъ этихъ не было, благодаря вмѣшательству Франціи. Французскіе дипломаты добились мира на сѣверѣ; при ихъ посредствѣ Швеція заключила въ 1660 году миръ въ Оливѣ съ Польшей и Бранденбургомъ, и въ томъ же году подписала Копенгагенскій трактатъ съ Даніей. Поэтому Людовикъ XIV имѣлъ полное право написать Алексѣю Михайловичу, что „его посредничество доставило миръ тремъ сѣвернымъ королевствамъ“¹.

¹ Recueil, VIII, 43—51.

III.

Несмотря на то, что московское правительство отвергло посредничество Людовика и имѣло случай убѣдиться, что Франція не можетъ быть нашею союзницею ни противъ Швеціи, ни противъ Польши, въ Москвѣ дорожили сношеніями съ Франціей и возобновили ихъ чрезъ семь лѣтъ послѣ злополучнаго Кардискаго мира. Это объясняется вліяніемъ, какое имѣли тогда бояре Ординъ-Нащокинъ и извѣстный Матвѣевъ, завѣдывавшіе нашею дипломатіей. Оба они были недовольны московскими порядками, стремились къ преобразованіямъ, которымъ суждено было осуществиться только при Петрѣ, и придавали большое значеніе европейской наукѣ и цивилизаціи, которую старались водворить въ Москвѣ. Ординъ-Нащокинъ, желавшій передѣлать наше войско на иноземный ладъ, поручилъ даже воспитаніе сына ученымъ Полякамъ; подъ вліяніемъ отца и воспитателей, молодой человекъ проникся такою любовью къ Европѣ, что убѣжалъ за границу, сначала въ Германію, а оттуда во Францію.

Въ 1668 году отправлены были въ Испанію, а оттуда во Францію, спальникъ Петръ Ивановичъ Потемкинъ съ сыномъ Степаномъ и дьякомъ Румянцевымъ. Предлогомъ для этого посольства было объявить о прекращеніи войны съ Польшей. Наше посольство отправилось изъ Архангельска моремъ и высадилось въ Кадиксѣ. Пробывъ въ Испаніи пока не былъ заключенъ миръ съ Франціей, они направились въ Парижъ, и здѣсь остались вполне довольны королемъ, такъ какъ были соблюдены всѣ правила московскаго этикета. Король всталъ, отвѣчая на поклонъ Потемкина, стоя выслушалъ привѣтствіе отъ московскаго царя, и затѣмъ спросилъ: „Какъ здоровье любезнаго брата нашего, его величества царя и великаго князя Алексѣя Михайловича?“ Принимая письмо царя, король всталъ въ третій разъ. Послы отъ себя принесли богатые подарки Людовику, между прочимъ, Потемкинъ поднесъ дамасскую саблю, изукрашенную драгоценными камнями. Нѣсколько дней нашихъ пословъ возили по Парижу въ королевскихъ коляскахъ и показывали имъ всѣ достопримѣчательности: Лувръ, Тюильри, Версаль; возили ихъ по театрамъ, и они присутствовали при представленіи Мольеровскаго *Амфитріона*.

Людовикъ принялъ пословъ еще разъ въ торжественной аудіенціи, но и на этотъ разъ ни о чемъ серьезномъ не говорили. Переговоры Потемкинъ велъ съ королевскими комиссарами, назначенными для обсуждения его предложенія. Онъ говорилъ слѣдующее: 1) великій государь желаетъ быть съ королевскимъ величествомъ въ братской дружбѣ и любви, 2) для поддержанія этой дружбы и любви изволилъ бы король послать къ царскому величеству своихъ пословъ; 3) съ обѣихъ сторонъ торговымъ людямъ ходить и торговать во всѣхъ городахъ. Комиссары выработали проектъ трактата, состоявшій изъ тринадцати статей. Существенное его содержаніе сводится къ слѣдующему. Русскіе имѣютъ право торговать во Франціи, уплачивая тѣ же пошлины, что и другіе иностранные купцы; Русскіе могутъ имѣть въ главныхъ портахъ своихъ консуловъ, которые будутъ разбирать дѣла, возникающія между ихъ купцами; Русскіе имѣютъ право свободно исповѣдовать православную вѣру во Франціи; французскіе купцы пользуются тѣми же преимуществами въ московскомъ государствѣ. Посланники отвѣтили, что они не уполномочены подписывать торговый трактатъ, но что это будетъ сдѣлано, когда король пошлетъ своихъ пословъ въ Москву.

Вслѣдъ за этимъ явились къ Потемкину представители парижскаго купечества съ разспросами, какіе товары можетъ поставлять Россія и въ какіе порты удобнѣе направлять суда. Они говорили, что готовы отправить въ Россію шесть кораблей. Потемкинъ далъ имъ всѣ нужныя справки, приглашая ихъ направиться въ Архангельскъ (другаго русскаго порта въ то время не было), но предупредилъ, что запрещенъ ввозъ табака и водки. Парижскіе делегаты замѣтили, что кожа, мѣха, сало и ленъ могутъ имѣть хорошій сбытъ во Франціи.

Предъ отъѣздомъ Потемкину пришлось повозиться съ королевскою канцеляріей, ему вручили письмо отъ Людовика къ царю, но въ письмѣ оказались такія несправности, что онъ отказывался везти его, напримѣръ, писцы опибались, выцарапывали невѣрные слова, и на такомъ выцарапанномъ мѣстѣ какъ разъ написали титулъ „самодержецъ“. Это нашъ посоль считалъ за оскорбленіе; всѣ его замѣчанія были приняты во вниманіе, и письмо приведено въ исправный видъ. Въ прощальной аудіенціи Людовикъ отдарилъ наше посольство, между прочимъ, подарилъ имъ свой портретъ, портреты королевы и дофина, ковры и го-

белены. Черезъ Голландію Потемкинъ вернулся въ Москву и остался очень доволенъ своимъ путешествіемъ. Ему понравился французскій народъ, любезный, здоровый и сильный, понравились каменные дома, представлявшіе для Москвича большую рѣдкость. Его поразило, что французская королева ѣздитъ въ открытомъ экипажѣ и не старается скрыться отъ взоровъ многихъ мужчинъ, обращенныхъ на нее ¹.

Въ письмѣ, принесенномъ Потемкинымъ, Людовикъ писалъ: „Хотя намъ и было непріятно, что наше предложеніе быть посредникомъ въ мирѣ съ Польшей не имѣло результатовъ, тѣмъ не менѣе мы очень обрадовались исходу этого дѣла, перемирію заключенному на 13½ лѣтъ; если наше вниманіе можетъ быть полезно и пріятно вашему величеству съ тѣмъ, чтобы продолжить это перемиріе еще на нѣкоторое время или, что было бы еще лучше, чтобы установить между этими двумя великими христіанскими державами вѣчный миръ, мы отъ чистаго сердца предлагаемъ наше посредничество и увѣряемъ, что будемъ дѣйствовать съ истинно братскимъ радушіемъ, дабы въ этихъ новыхъ переговорахъ доставить вашему величеству всякія выгоды, которыя вы пожелаете и которыя окажутся справедливыми“. Король обѣщаль послать пословъ въ Москву какъ только окончательно уяснить себѣ, какая можетъ быть польза для той и другой стороны отъ заключенія формальнаго торговаго трактата.

Посольство Потемкина оживило наши сношенія съ Франціей, оно обратило вниманіе извѣстнаго министра финансовъ Кольбера на московскую торговлю. Кольберъ, значительно поднявшій во Франціи промышленность и разившій ея торговлю, отправилъ въ Москву въ качествѣ торговаго агента, одного Курляндца Гозенса; онъ поручилъ Помпонну, французскому посланнику въ Голландіи, изучить самымъ тщательнымъ образомъ торговлю Нидерландовъ съ Россіей; наконецъ, по его иниціативѣ получила утвержденіе правительства, проектировавшаяся уже ранѣе, Сѣверная Компанія ².

Весной 1672 г. турецкій султанъ Магометъ IV объявилъ войну Польшѣ, потому что она осмѣлилась воевать съ малороссійскимъ гетманомъ Дорошенкомъ, признавшимъ себя вассаломъ Тур-

¹ Recueil, VIII, 53—60. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XII, стр. 236.

² Recueil, VIII, 60—62.

щии. 300-тысячное турецкое войско перешло Дунай, ворвалось въ Подолію, разбило Поляковъ, взяло городъ Каменецъ. Страшное впечатлѣніе произвела въ Москвѣ вѣсть о взятіи Каменца, этого оплота Польши съ юга, подобнаго которому не имѣла Россія. Явились уже рассказы о тѣхъ ужасахъ, которые надѣлали бусурманы въ покоренномъ городѣ: христіанскія церкви и римскіе костелы Турки разорили и подѣлали мечети; образа изъ костеловъ и церквей выносили, клали въ проѣзжихъ воротахъ и велѣли христіанамъ по нимъ идти и всякое ругательство дѣлать; кто не соглашался, того били до смерти. Давали знать, что визирь, крымскій ханъ и Дорошенко хвалятся идти подъ Кіевъ. Царь призвалъ на совѣтъ высшее духовенство, бояръ и думныхъ людей, объявилъ имъ объ успѣхахъ султана, о замыслахъ его идти подъ Кіевъ, на малороссійскіе города и Сѣверскую Украину и спрашивалъ, что дѣлать? Тѣмъ временемъ Поляки заключили миръ съ Турками, уступивъ имъ Подолію, Украину и обязавшись платить султану ежегодно по 22,000 червонцевъ. Такимъ образомъ тяжесть новой турецкой войны грозила обрушиться на одну Москву, и все вниманіе ея правительства обращено было на югъ ¹.

Въ Москвѣ задумали грандіозный планъ,—составить европейскую коалицію противъ Турціи; въ коалицію эту должны были войти Франція, Англія и Испанія. Съ этимъ дипломатическимъ порученіемъ былъ посланъ во Францію въ концѣ 1672 г. переводчикъ посольскаго приваза Андрей Виніусъ, сынъ Голландца, поселившася въ Россіи. Алексѣй Михайловичъ слѣдовалъ приѣзду, данному Людовикомъ, онъ начиналъ письмо, посланное съ Виніусомъ, съ увѣщанія не воевать съ Голландіей. „Мы просимъ ваше королевское величество, писалъ онъ, разсмотрѣвъ планъ, составленный этимъ общимъ врагомъ всѣхъ христіанъ, имѣющимъ въ виду покорить всѣ христіанскія государства и прежде всего королевство Польское, которое онъ совершенно опустошилъ и обогрилъ невинною кровью христіанскою, мы просимъ ваше королевское величество отказаться отъ воинственныхъ замысловъ, какіе вы питаете, какъ мы слышали, противъ Голландскихъ Штатовъ;—удостоить склониться, какъ подобаетъ христіанѣйшему князю, къ мирнымъ съ ними переговорамъ, поз-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XII, стр. 126—127.

волить воинамъ своимъ пощадить кровь солдатъ христіанскихъ, послѣдовать нашему примѣру, ибо наше царское величество не пожелало отвѣтить отказомъ на письмо вашего королевскаго величества, принесенное намъ нашимъ гонцомъ Мачехинымъ, и на просьбу вашу воздержаться отъ войны, начавшейся между нами и Яномъ Казимиромъ, тогдашнимъ королемъ польскимъ, мы не разсердились, но великодушно согласились на желаніе вашего величества и съ помощью Божіею дружескимъ договоромъ положили конецъ этой войнѣ. Вотъ почему мы по-дружески просимъ ваше величество прекратить войну съ Голландскими Штатами и затѣмъ обратить ваши королевскіе легіоны противъ мусульманъ. Если ваше величество сочтетъ удобнымъ покончить эту войну, мы надѣемся, что вы дадите намъ знать объ этомъ письмомъ, и затѣмъ можете намъ вспомогательнымъ отрядомъ противъ помянутыхъ мусульманъ. Мы желаемъ также знать, когда и въ какомъ мѣстѣ эти вспомогательные отряды будутъ поставлены подъ оружіе и желаемъ, чтобъ объ ихъ назначеніи переговорили депутаты съ обѣихъ сторонъ. Для большей увѣренности, что получимъ эту помощь, мы желаемъ узнать отъ вашего величества, когда и гдѣ наши посланники могутъ сойтись съ вашими посланниками, чтобы переговорить объ этомъ дѣлѣ.“ Царь увѣдомлялъ также Людовика, что онъ обращается къ Англіи, Испаніи и другимъ европейскимъ державамъ и проситъ его стать во главѣ этой коалиціи.

Если московскіе дипломаты выставляли на видъ опасность, какая грозитъ отъ султана Польшѣ, а не Москвѣ, то конечно потому, что хорошо знали, что польскіе интересы для Европы ближе, чѣмъ наши, и испытали уже, что Франція благоволитъ къ польскому королю. Но ждать серьезной помощи отъ западныхъ державъ могли только благодаря недостаточному знакомству съ европейскою политикою вообще и въ частности съ событіями, происходившими въ данную минуту. Въ Англіи Виніусу сказали, что король не можетъ помочь Польшѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, мѣшаетъ война съ Голландцами, которая занимаетъ весь англійскій флотъ; во-вторыхъ, въ Турціи живетъ множество англійскихъ купцовъ, и если король начнетъ войну противъ Турокъ, то султанъ велитъ всѣхъ Англичанъ ограбить или побить¹. Немыслима была коалиція между такими врагами, какъ Франція и

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XII, стр. 235.

Испанія, къ тому же въ данную минуту Людовикъ воевалъ Испанскіе Нидерланды. Наконецъ, въ Москвѣ не знали, что мусульмане могутъ быть друзьями съ христіанами, что Франція дорожить союзомъ съ султаномъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ Турція, говоритъ Рамбо, завоевала Грецію, Валахію, Крымъ, Сирію, Египетъ, острова Архипелага, Аравію, вся торговля съ греческимъ и мусульманскимъ Востокомъ, отъ Алжира до Александріи, отъ Аенъ до Каффы, отъ Бейрута до Багдада находилась подъ ея властью. Она наложила руку на Левантскій рынокъ, тогда самый значительный во всемъ свѣтѣ. Отъ нея зависѣла французская торговля, процвѣтаніе Марселя, Ліона, Парижа. Этотъ рынокъ былъ отданъ почти исключительно Французамъ. Султаны предоставили намъ монополію въ восточной торговлѣ, дали право суда нашимъ консуламъ, гарантировали намъ свободное исповѣданіе католической религіи. Очень долго Итальянцы, Англичане, Голландцы, Нѣмцы могли торговать на Востокъ только подъ нашимъ флагомъ и подъ защитой нашихъ консуловъ. Порта сдѣлала больше. Она позволила французскому королю распространить свое покровительство не только на купцовъ, но и на христіанское населеніе турецкой имперіи, католиковъ и православныхъ.“ Громадно было вліяніе Франгузовъ на Востокъ, французскій посланникъ въ Константинополь былъ для христіанъ настоящимъ великимъ визиремъ. Кромѣ того, начиная съ XVI вѣка султанъ является дѣятельнымъ союзникомъ Франціи въ ея борьбѣ съ австрійскимъ домомъ. Въ 1526 году Солиманъ помогаетъ Франсуа I, въ 1553 г. Генрихъ II заключаетъ формальный договоръ съ султаномъ. Изъ всѣхъ державъ, составлявшихъ сѣверный оплотъ, Людовикъ XIV дорожилъ всего больше Турціей, какъ самымъ сильнымъ государствомъ, готовымъ и способнымъ нанести большой вредъ Австріи.

Понятно, что предложеніе Виніуса было принято очень холодно, и король отвѣтилъ царю прямымъ отказомъ. „Благо нашихъ подданныхъ и наша собственная слава заставили насъ начать войну съ Голландцами. Война эта продолжается и мѣшаетъ намъ принять участіе въ защитѣ королевства, служившаго до сихъ поръ оплотомъ противъ Оттоманскаго могущества. Мы не можемъ, какъ желали бы, присоединиться къ планамъ и мѣропріятіямъ, какія вы намъ предлагаете.“¹

¹ Recueil, VIII, 62—65.

IV.

Несмотря на то, что Франція не оказала намъ никакой политической услуги, въ Москвѣ продолжали рассчитывать на ея помощь. Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича французскій посоль въ Варшавѣ маркизъ де-Бетюнъ, повидимому, съ согласія царя, долженъ былъ присутствовать при переговорахъ о мирѣ между польскими уполномоченными и русскими. Въ концѣ 1680 г. отправлено было посольство въ Парижъ, состоявшее изъ вышеупомянутаго Петра Ивановича Потемкина и Степана Волкова. Они должны были передать Людовику письмо отъ Ѳедора Алексѣевича, въ которомъ онъ извѣщалъ его о вступленіи на престолъ, и опять просить помощи противъ Турціи.

28 марта 1681 г. послы высадились въ Кале и были приняты съ большимъ почетомъ. Король отправилъ къ нимъ своего дворянина Сторфа, чтобы привѣтствовать ихъ отъ имени его величества и сопровождать ихъ: кромѣ того, де-ла-Гардъ былъ посланъ въ качествѣ дворецкаго (*maitre d'hotel*), чтобы содержать ихъ во все время пребыванія ихъ во Франціи, ибо великій князь московскій обыкновенно содержитъ на своемъ изживеніи пословъ въ своихъ владѣніяхъ. 10 апрѣля упомянутый Сторфъ пріѣхалъ въ Кале. Онъ нашелъ пословъ помѣщенными въ гостиницѣ и на вопросъ о томъ, какія почести были имъ оказаны, узналъ, что при въѣздѣ было сдѣлано въ честь ихъ восемь залповъ изъ пушекъ, что гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ у городскихъ воротъ и что городское управленіе ходило ихъ привѣтствовать и поднесло имъ вино и водку. 13-го послы уѣхали изъ Кале вмѣстѣ со Сторфомъ въ наемныхъ каретахъ. При выѣздѣ ихъ изъ города гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ и городское управленіе привѣтствовало ихъ и поднесло имъ въ бутылкахъ вино и водку. 20-го послы прибыли въ Сень-Дени, гдѣ провели десять дней; тамъ ихъ привѣтствовали отъ имени короля де-Бонель, на обязанности котораго лежало вводить пословъ (*introduceur des ambassadeurs*). Во время своего пребыванія въ Сень-Дени они осматривали гробницы, мощи и ризницу. 30-го маршалъ д'Этре, сопровождаемый вышеупомянутымъ де-Бонелемъ, явился къ нимъ отъ имени короля, чтобы проводить ихъ въ Парижъ въ посольскій домъ. Они приняли его внизу лѣстницы, подали ему руку, провели его въ свои покои и предложили ему кресла, поставивъ свои кресла ниже его

кресель. Разговоръ продолжался недолго. Затѣмъ сѣли въ королевскія кареты, которыя предложилъ имъ маршалъ, и остановились въ посольскомъ домѣ. Маршалъ проводилъ пословъ въ ихъ помѣщеніе и, пробывъ тамъ нѣсколько времени, впрочемъ не садясь, простился съ ними; послы проводили его до нижней ступеньки крыльца и оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ сѣлъ въ карету. 6 мая маршалъ д'Этре въ сопровожденіи г. де-Бонеля пріѣхалъ за ними въ каретахъ короля и королевы, чтобы везти ихъ въ Версаль на аудіенцію его величества. Узнавъ о пріѣздѣ маршала, послы вышли изъ своихъ покоевъ, чтобы встрѣтить его внизу лѣстницы, и такъ какъ уже было время ѣхать, то всѣ они сѣли въ кареты. Послы пріѣхали въ Версаль около 11 часовъ. Французскіе и швейцарскіе гвардейскіе полки стояли подъ ружьемъ и отдавали честь барабаннымъ боемъ. Прежде всего ихъ провели въ посольскую приемную залу, гдѣ они ждали приглашенія; по прошествіи около часа король прислалъ просить ихъ на аудіенцію. Послы, одѣтые въ кафтаны съ большими собольими отворотами, тотчасъ отправились. Маршалъ д'Этре шелъ по правую ихъ сторону, де-Бонель по лѣвую, нѣсколько впереди маршала. Секретарь посольства, вмѣстѣ съ сыномъ посланника и нѣсколькими московскими дворянами, пошли передъ послами, держа поднятое вверхъ письмо великаго князя. Во главѣ всѣхъ шли сто десять швейцарцевъ гвардейскаго полка, неся подарки, а слуги посланниковъ замыкали шествіе.

Послы подвигались по парадной лѣстницѣ, по которой сто швейцарцевъ королевской гвардіи стояли шеренгой подъ ружьемъ. Герцогъ де-Дюра, капитанъ тѣлохранителей, привѣтствовалъ ихъ при входѣ въ проходную залу и подаль имъ руку. Онъ сталъ по правой сторонѣ, нѣсколько впереди посланниковъ, а маршалъ отступилъ назадъ и сталъ подлѣ посланниковъ, по одной сторонѣ съ герцогомъ. Они прошли проходную залу, наполненную гвардейцами, стоявшими шеренгой подъ ружьемъ. Швейцарцы, неся подарки, остановились въ переднихъ комнатахъ. Посланники шли въ шапкахъ и при входѣ въ опочивальню были приглашены Сторфомъ ихъ снять. Сначала они возражали, но наконецъ сняли шапки и, пройдя опочивальню, вошли въ большой кабинетъ, гдѣ король сидѣлъ подлѣ балдахиномъ въ креслахъ, поставленныхъ на эстрадахъ, на которую вели только двѣ ступени. Дофинъ, герцогъ и принцъ de la Roche-sur-Yon стояли съ непокрытыми головами направо отъ короля; напротивъ нихъ стояли принцъ де-Конти и

герцогъ де-Вермандуа. Позади кресель и рядомъ съ ними занимали мѣсто оберъ-камергеръ, старшіе камеръ-юнкеры, оберъ-гардеробмейстеръ и гардеробмейстеръ. Король при входѣ посланниковъ снялъ шляпу, не поднявшись съ мѣста, но при ихъ приближеніи онъ всталъ и поклонился имъ, затѣмъ тотчасъ сѣлъ и надѣлъ шляпу. Потемкинъ, остановясь у эстрады, началъ говорить королю съ непокрытою головой. Переводчикъ передавалъ его рѣчь, содержаніе которой состояло въ томъ, что его царское величество царь московскій прислалъ его къ Людовику Великому, чтобы просить его о продолженіи союза, давно существующаго между обѣими державами. Когда переводчикъ замолчалъ, посланникъ изъявилъ желаніе, чтобы король поднялся съ мѣста и освѣдомился о здоровьѣ царя. Король отвѣтилъ ему, что хотя онъ только-что слышалъ объ этомъ, однако, принимая искреннее участіе въ состояніи здоровья царя, охотно выслушаетъ новое въ томъ удостовѣреніе, но при этомъ замѣтилъ, что посоль долженъ удовольствоваться тѣмъ, что видѣлъ его снимающимъ шляпу каждый разъ, какъ произносилось имя царя; впрочемъ, желая доказать свое особое уваженіе къ царю, онъ встанетъ, когда ему подадутъ письмо, хотя онъ не имѣетъ обыкновенія этого дѣлать, принимая даже письма султана. Дьякъ Волковъ повторилъ слова своего товарища, а затѣмъ оба посланника взошли на первую ступень и подали письмо королю, который передалъ его Кольберу де-Круасси (министру иностранныхъ дѣлъ). Вручивъ письмо, они поднесли подарки, состоящіе изъ разныхъ мѣховъ, значительнаго количества соболей, собольяго одѣла, собольяго мѣха для халата и т. п. Сынъ Потемкина поднесъ отъ себя персидскую матерію, затканную серебромъ и золотомъ, которую король, желая сдѣлать ему пріятное, взялъ въ руки и похвалилъ. Послѣ поднесенія подарковъ посланники цѣловали руку у короля. До окончанія аудіенціи послы просили у короля позволенія откланяться ему въ публичной аудіенціи и назначить для переговоровъ трехъ комиссаровъ, какъ это было сдѣлано въ 1668 г. Король далъ согласіе на аудіенцію, но сказалъ, что назначить имъ только одного комиссара, чтобъ они могли скорѣе окончить дѣла.

Посланники удалились въ томъ же порядкѣ, какъ и пришли, и ихъ повезли обѣдать къ камергеру. Хотя для этого надо было сдѣлать не болѣе двухъ шаговъ, тѣмъ не менѣе они пожелали ѣхать въ каретахъ, запряженныхъ шестеркой, за которыми было послано. 11-го послы имѣли прощальную аудіенцію, на которой

ихъ принимали съ тѣми же почестями и на которую ихъ вели тѣ же особы, что и на первой аудіенціи. По окончаніи аудіенціи ихъ отвели обѣдать къ оберъ-камергеру и накормили всю ихъ свиту. Послѣ обѣда имъ показывали версальскіе сады и фонтаны, а къ вечеру посланники вернулись въ Парижъ. Король подарилъ имъ много гобеленовыхъ ковровъ, штофныхъ матерій, затканныхъ золотомъ и серебромъ, и другихъ тканей, часовъ стѣнныхъ и карманныхъ, и прочихъ вещей.¹

Переговоры съ де-Круасси не привели ни къ какимъ результатамъ; толковали опять о персидской торговлѣ, но заключеніе торговаго трактата отложили. Людовикъ писалъ царю, что для подписанія трактата пошлетъ посольство въ Москву. Онъ дѣйствительно исполнилъ свое обѣщаніе, но къ тому времени обстоятельства измѣнились. Въ 1681 году былъ заключенъ Бахчисарайскій миръ съ Турціей, царь не нуждался болѣе въ помощи Франціи, и въ Москвѣ стали несговорчивы, не хотѣли давать Французамъ никакихъ торговыхъ привилегій, хотя раньше намекали на возможность разныхъ льготъ. Французскій посланникъ доносилъ, что онъ поздравилъ князя Голицына, завѣдываваго Посольскимъ Приказомъ, съ миромъ и напомнилъ ему, что пора серьезно заняться торговымъ вопросомъ и основательно сговориться объ этомъ предметѣ для отгѣны пошлинь, такъ обременительныхъ для торговли. По этому поводу онъ спросилъ князя, какой торговый договоръ заключить царь съ королею. На что тотъ отвѣтилъ, что этотъ договоръ касается провоза шелка и другихъ товаровъ изъ Персіи чрезъ московское государство. „Но здѣшніе проникательные люди убѣждены, писалъ посланникъ, что означенный договоръ не состоится, потому что главнѣйшіе поводы къ нему уничтожились, такъ какъ французскій король брался мирить несогласія между царемъ и государями польскимъ и шведскимъ. Но какъ царь заключилъ миръ съ Турками и Татарами, то помянутый торговый договоръ не имѣетъ достаточно основанія, потому что онъ теперь имѣетъ возможность принудить согласиться Поляковъ и Шведовъ на все, что будетъ ему желательно. Сверхъ того, нравы и обычай Французовъ такъ разнятся съ нравами этой страны (Россіи), что нѣтъ вѣроятности, чтобъ эти двѣ націи, столь различныя, остались надолго въ согласіи, а потому торговый договоръ уничтожится самъ по себѣ.“²

¹ Сб. Ист. Общ., т. 34, стр. 1—10.

² Recueil, VIII, стр. 74. Сб. Ист. Общ., Т. 34, стр. 400—401.

V.

Сношенія Россіи съ Франціей въ правленіе царевны Софьи были основаны на взаимныхъ недоразумѣніяхъ. Въ 1683 году восточный оплотъ оказался очень слабымъ, Швеція собиралась вступить въ коалицію противъ Людовика, Польша заключила союзъ съ Австріей и вмѣстѣ съ ней нанесла серьезныя пораженія турецкому войску. Въ виду такихъ обстоятельствъ Людовикъ рѣшилъ привлечь на свою сторону Москву, втянуть ее въ войну съ Швеціей, совмѣстно съ Даніей и курфюрстомъ бранденбургскимъ. Въ инструкціи, данной де-ла-Пикетьеру, который долженъ былъ отправиться съ этимъ дипломатическимъ порученіемъ въ Москву, говорилось: „Его Величество считаетъ нужнымъ ничего не упустить для того, чтобы датскій король и курфюрстъ бранденбургскій вполнѣ оставались довольны союзами, съ нимъ заключенными, тѣмъ болѣе, что поведеніе Шведовъ совершенно освободило его величество ото всѣхъ обязательствъ къ этому государству по прежнимъ договорамъ, а потому его величество вполнѣ будетъ свободенъ принять всѣ мѣры, необходимыя для того, чтобы не допустить ее до нападенія на датское королевство и на упомянутаго курфюрста бранденбургскаго, или облегчить этимъ государствамъ доставленіе средствъ вознагражденія на счетъ самой Швеціи, если она будетъ содѣйствовать возобновленію войны. Въ этихъ видахъ его величество, согласно съ датскимъ королемъ и курфюрстомъ бранденбургскимъ, рѣшился отправить въ Москву г. де-ла-Пикетьера, чтобы совмѣстно съ послами этихъ государствъ или отдѣльно содѣйствовать ихъ преднамѣреніямъ на пользу и на выгоду общаго дѣла.“ Подъ предлогомъ установленія взаимныхъ торговыхъ сношеній между Россіей и Франціей, посоль долженъ былъ отправиться въ Москву вмѣстѣ съ датскими и бранденбургскими уполномоченными и „поставить на видъ московскому правительству, что Швеція заключила могущественные союзы, приготовила сильныя вооруженія на морѣ, равно какъ и на сушѣ, что все клонится къ какому-нибудь предпріятію противъ сосѣдей, а такъ какъ царь считается однимъ изъ нихъ, то въ его выгодахъ соединиться съ Франціей, Даніей и курфюрстомъ бранденбургскимъ для взаимной помощи въ случаѣ нужды, и, наконецъ, онъ не долженъ слушать

дружественныя завѣренія Швеціи, клонящіяся лишь къ выиграну времени и тому, чтобы быть въ состояніи болѣе легко занять положеніе для внушенія страха.“ Комбинація эта была задумана подъ вліяніемъ невѣрнаго слуха, шедшаго изъ Даніи, будто московское правительство готово выступить противъ Швеціи ¹.

На самомъ же дѣлѣ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, извѣстный фаворитъ Софьи Алексѣевны и посольскихъ дѣлъ обер-регатель, подтвердилъ Кардскій договоръ съ Швеціей, готовъ былъ примириться съ Польшей, и все свое вниманіе обратилъ на Турцію и крымскаго хана, представлявшихъ тогда самыми страшными врагами Россіи. Поэтому Людовикъ хорошо сдѣлалъ, что только предполагалъ послать де-ла-Пикетьера, а потомъ раздумалъ и не послалъ.

Московское правительство вступило въ коалицію съ Австріей, Польшей и Венеціей противъ Турціи, и, готовясь къ крымскому походу, Голицынъ отправилъ во Францію князя Якова Долгорукаго и князя Мышецаго (въ 1687 году) объявить королю о вступленіи Москвы въ священный союзъ противъ Турокъ и пригласить его послѣдовать ей примѣру. Съ этою цѣлью была приготовлена на латинскомъ языкѣ записка, съ перечисленіемъ нашихъ войскъ, гдѣ русскія военныя силы были значительно увеличены и показано конницы 370 тысячъ, пѣхоты 157 тысячъ, а всего 527 тысячъ. Это было конечно большою дипломатическою ошибкой. Наше посольство прибыло во Францію какъ разъ въ то время, когда возраставшее могущество Людовика поселило опасенія во всей Европѣ и онъ былъ покинутъ почти всѣми прежними союзниками, когда французское правительство было разстроено поражениями, нанесенными Туркамъ Яномъ Собескимъ (королемъ польскимъ) и герцогомъ Лотарингскимъ, когда слѣдовательно была ослаблена Турція, главный врагъ Австріи, когда Людовикъ готовъ былъ скорѣе вступить съ оружіемъ въ рукахъ за Порту.

Естественно, что на этотъ разъ московскіе послы были приняты съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ во Франціи. Они высадились въ Дюнеирхенѣ и для встрѣчи ихъ былъ посланъ Сторфъ, который долженъ былъ объявить посламъ, что король удивленъ, узнавъ, что они явились въ его земли съ такою многочисленною свитой, не предупредивъ его заранѣе. Въ инструкціи было

¹ *Сб. Ист. Общ.*, т. 34, стр 401—406..

сказано, что король имѣеть намѣреніе выслать за ними экипажи, если они не займутъ химерическихъ и неблагоразумныхъ требованій; если же они имѣють неудовлетворимыя претензіи, Сторфъ долженъ объявить имъ, что имъ бесполезно продолжать путешествіе. Въ нашихъ архивныхъ дѣлахъ значится, что въ Дюнкеркѣ явился къ посламъ приставъ съ вопросомъ отъ имени королевскаго: „не для упрямства ли какого пріѣхали, и не будутъ ли въ чемъ волѣ королевскаго величества противны?“ Послы отвѣчали: „Таковое странное вопрошеніе зѣло насъ удивляетъ; мы присланы для любительныхъ дѣлъ, а не для какаго-нибудь сопротивленія; прежнимъ посланникамъ такихъ необыкновенныхъ вопросовъ не задавали“.

Наши послы имѣли совѣщаніе съ министромъ Круасси. Долгорукій сказалъ, что они прибыли отъ своихъ государей къ его величеству, какъ къ знаменитѣйшему властителю въ свѣтѣ, чтобы умолять его вступить въ союзъ съ ними и Польшей и присоединить къ ихъ оружію свое во славу имени христіанскаго; что они уже стали высылать значительныя войска въ татарскую землю и убѣждены, что, въ случаѣ его величества согласится принять участіе въ этомъ союзѣ, будетъ легко разрушить Оттоманскую имперію. Круасси отвѣчалъ, что въ настоящую минуту, въ виду положенія дѣлъ, со стороны короля было бы при всей его мудрости крайне безразсудно объявить войну Туркамъ и присоединить свое оружіе къ оружію другихъ христіанскихъ монарховъ; что король не имѣеть обыкновенія объявлять войну, если къ тому нѣтъ справедливыхъ поводовъ и если слава не падеть главнымъ образомъ на него; что къ тому же король въ 1673 г. возобновилъ съ Портой прежніе договоры, заключенные его предшественниками съ турецкими султанами; что этимъ разрывомъ онъ погубилъ бы торговлю своихъ подданныхъ на Востоке; что онъ могъ бы послать лишь незначительныя отряды и что несмотря на то, что это потребовало бы большихъ издержекъ, турецкія владѣнія такъ удалены, что прежде чѣмъ отряды эти достигли бы мѣста своего назначенія, войска христіанскія уже покорили бы все, и что король нуждается въ своихъ войскахъ для защиты отъ вторженія сосѣдей, объявившихъ, что, тотчасъ по заключеніи мира съ султаномъ, они не замедлятъ напасть на его владѣнія. Нашъ посолъ отвѣчалъ, что государи ихъ также находились въ мирѣ съ Турціей при объявленіи ей войны, но что когда идетъ рѣчь о славѣ имени Христа, не

слѣдуетъ обращать вниманіе на трактаты и что они не усомнились напасть на султана и составить союзъ для его покоренія; что же касается торговли, то когда Турки будутъ побѣждены, его величество можетъ вести ее съ тѣми, которые займутъ ихъ мѣсто, а относительно славы король можетъ приобрести достаточную ея долю, присоединившись къ нимъ и вступивъ въ союзъ, заключенный ими съ Польшей. Далѣе Круасси говорилъ, что король, усердно заботясь о преуспѣяніи и славѣ вѣры христіанской, посылаетъ иногда миссіонеровъ въ Китай, а такъ какъ король узналъ, что изъ Тобольска, столицы Сибири, отправляются дважды въ годъ караваны въ Пекинъ, столицу Китая, то пари сдѣлали бы удовольствіе, облегчивъ этотъ переѣздъ іезуитамъ и другимъ миссіонерамъ, отправляющимся въ Китай, ибо этотъ путь гораздо вѣрнѣе и короче морскаго, по которому надо два раза переѣзжать черезъ экваторъ.

Послы остались очень недовольны пріемомъ, оказаннымъ имъ въ Парижѣ, не отличавшимся прежнею предупредительностію. Послѣ совѣщанія съ Круасси Людовикъ велѣлъ сказать посламъ, что дальнѣйшіе переговоры не нужны, король понялъ въ чемъ дѣло и пришесть посламъ свою отвѣтную грамоту. Долгоручій отвѣчалъ, что это неслыханное дѣло: всѣ государи отдають отвѣтную грамоту сами посламъ, и они царскіе послы не примуть грамоты иначе какъ изъ рукъ королевскихъ. Наконецъ имъ разрѣшили прощальную аудіенцію, но въ отвѣтномъ письмѣ царямъ было пропущено „великимъ государямъ“. Послы требовали, чтобы грамота была переписана, имъ отказали подъ предлогомъ, что король никому такого титула не даетъ и самъ себя такъ не называетъ; послы не взяли грамоты.

Едва успѣли узнать въ Россіи о неприяностяхъ, испытанныхъ нашимъ посольствомъ, какъ въ Москву явились два іезуита Авриль и Боволліе съ любезнымъ письмомъ отъ Людовика къ царямъ Іоанну и Петру. Король просить царей пропустить чрезъ свои земли этихъ іезуитовъ, отправляющихся въ Китай проповѣдывать христіанство, и оказать имъ возможное покровительство. Но іезуитовъ вообще побаивались въ Москвѣ, а въ данномъ случаѣ не хотѣли дѣлать никакихъ любезностей Франціи. Поэтому миссіонеровъ пригласили въ Посольскій Приказъ и объявили имъ волю великихъ государей: „Королевское величество французскій въ грамотѣ своей, которую вы объявили, писалъ противно и необыкновенно, и для того великіе государи этой

грамоты принять у васъ и чрезъ города великороссійскаго царства въ Китай пропускать васъ не указали, а указали грамоту отдать вамъ назадъ и отпустить въ свою сторону тою же дорогою, какою вы прїѣхали. Да и для того великіе государи васъ пропустить не указали: когда у короля вашего были царскіе послы, тогда государь вашъ во время посольства ихъ показалъ многую противность съ безчестіемъ на сторону ихъ царскаго величества.“ Иезуиты вынуждены были вернуться во свояси.¹

Такъ обострились взаимныя отношенія между Россіей и Франціей.

VI.

Петръ Великій преслѣдовалъ всю жизнь одну задачу: сдѣлать Россію вполне европейскою державой, открыть ей море, завести флотъ. Это должно было вовлечь его въ войну съ Турціей и Швеціей. Въ 1696 году былъ взятъ Азовъ, въ 1700 году началась великая Сѣверная война. Изъ моей предъидущей статьи ясно, что такая политика не могла нравиться Франціи; Россія опять вооружилась противъ ея союзниковъ, а своими союзниками Людовикъ XIV дорожилъ теперь особенно, потому что возгорѣлась война за Испанское наслѣдство и всѣ его силы были направлены на то, чтобы разбить Австрію и соединившихся съ ней нѣмецкихъ князей.

Петръ стремился отыскать себѣ союзниковъ въ Европѣ противъ Швеціи; онъ велъ дѣятельные переговоры съ Австріей, Голландіей и Англіей, хлопоталъ о томъ, чтобы эти государства не помогали Швеціи, если отъ нихъ нельзя получить прямой помощи. Въ то же время онъ считалъ необходимымъ поддерживать добрыя отношенія съ Франціей. Съ этою цѣлью былъ посланъ въ Парижъ дипломатическій агентъ Постниковъ, который долженъ былъ сообщить французскому двору о нашихъ побѣдахъ надъ Шведами и слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось во Франціи². Постниковъ завѣрялъ французскихъ министровъ въ дружбѣ, канц-

¹ Resneil, VIII, 83—90. *Сб. Ист. Общ.*, т. 34, стр. 11—17. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XIV, стр. 60—63.

² Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XV, стр. 61—62.

лерь Головкинъ писалъ въ Парижъ любезныя фразы, и Людовикъ вообразилъ, что быть-можетъ и въ самомъ дѣлѣ Петръ очень дорожить дружбой съ нимъ и его можно примирить съ Швеціей и сдѣлать орудіемъ французской политики.

Въ концѣ 1702 года былъ посланъ въ Россію Балюзъ и ему приказано добиться двухъ вещей: 1) чтобы царь сдѣлалъ диверсію въ Трансильванію при помощи казаковъ, другими словами, чтобы онъ началъ войну съ Австріей; 2) чтобы Петръ ссудилъ королю деньги. На такихъ условіяхъ Людовикъ соглашался заключить союзъ съ Россіей, „но такъ какъ, говорится въ инструкціи, данной Балюзу, Петру трудно будетъ дѣйствовать, продолжая воевать съ шведскимъ королемъ, необходимо, чтобы царь заключилъ миръ съ Швеціей какъ можно скорѣе, а король употребить старанія и посредничество свои для содѣйствія въ тому“. Кроме того, Балюзу было поручено „точно извѣщать короля о качествахъ ума великаго князя Московскаго, объ образѣ его управленія, о власти, которую онъ имѣетъ надъ своими подданными, о его силахъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, о его стараніи къ ихъ увеличенію, о его доходахъ, о его семьѣ, о торговлѣ и о способности его подданныхъ, о значеніи вельможъ и объ ихъ расположеніи къ царю“.

Во Франціи имѣли смутное представленіе о національныхъ задачахъ, преслѣдовавшихся Россіей со времени Іоанна Грознаго; а то Людовикъ зналъ бы, что Петръ будетъ продолжать борьбу за Балтійское море, хотя бы противъ него вооружилась вся Европа. Всего труднѣе было направить его противъ Австріи, такъ какъ Австрія была нашею естественною союзницею; у насъ былъ съ нею общій и страшный врагъ Порты. Понятно, что Балюзъ не добился никакихъ результатовъ. Онъ доносилъ, что его принимаютъ со всевозможною любезностью. Головкинъ прислалъ ему разныхъ ликеровъ и заливной рыбы, царь принялъ его въ частной аудіенціи въ домѣ Головкина, но о дѣлахъ не говорилъ, ограничившись нѣсколькими милостивыми словами. Черезъ годъ французскій посланникъ получилъ приказаніе отправиться въ Варшаву, такъ какъ его пребываніе въ Россіи оказалось совершенно бесполезнымъ. Пользу оно принесло только въ одномъ отношеніи, Французы ближе познакомились съ Петромъ и онъ несомнѣнно возвысился въ ихъ глазахъ. Балюзъ писалъ королю, что войско царя очень значительно, что благодаря хорошимъ

порядкамъ, заведеннымъ въ государствѣ, онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ, что онъ очень любимъ солдатами ¹.

Вслѣдъ за этимъ случился инцидентъ, ясно показавшій, что Людовикъ дорожитъ гораздо больше Швеціей, чѣмъ Россіей. Въ 1703 году московское судно *Апостолъ Св. Андрей*, плывшее изъ Архангельска въ Лондонъ подъ флагомъ царя, съ обычными засвидѣтельствованными бумагами и неимѣвшее никакого запрещеннаго товара, было схвачено французскимъ катеромъ и отведено въ Дюнкирхенъ; корабль былъ конфискованъ, несмотря на нейтралитетъ, въ точности соблюдаемый царемъ. Въ слѣдующемъ году другой московскій корабль, вышедшій изъ той же гавани въ Голландію и тоже называвшійся *Святой Андрей*, былъ также схваченъ, отведенъ въ Дюнкирхенъ и конфискованъ. Постниковъ писалъ объ этомъ Головину: „Здѣшній дворъ великою злобой и протівностію дышетъ на интересы его священнаго царскаго величества, и нынѣ сей огонь, подъ пепломъ притворной политики таящійся, открылся: корабль нашъ въ совѣтѣ королевскомъ морскомъ предъ самимъ королемъ конфискованъ и со всѣми товарами отписанъ на короля. Тотъ же совѣтъ не удержалъ въски правосудія въ равности, потому что шведскій корабль, взятый французскими же пиратами, отданъ назадъ по прошенію посланника шведскаго и со всѣми товарами. Извольте видѣть, какъ открытымъ лицомъ здѣшній дворъ ласковую приклонность оказываетъ Шведамъ, а не намъ, и дѣйствуетъ безстыдно противъ народнаго права, яко юристы говорятъ“ ².

Для улаженія этого инцидента былъ отправленъ въ Парижъ нашъ посланникъ въ Голландіи, Матвѣевъ. Онъ подалъ записку министру иностранныхъ дѣлъ де-Торси, въ которой говорилъ: „Если эти конфискаціи были произведены по приказанію его величества вслѣдствіе неправильныхъ донесеній, то царь проситъ короля повелѣть, на основаніи нейтралитета, чтобы царскимъ поданнымъ была оказана справедливость и чтобы оба корабля были немедленно освобождены съ приличнымъ вознагражденіемъ. Онъ требуетъ, чтобы адмиралтейства запретили офицерамъ королевскихъ кораблей и каперамъ препятствовать плаванію кораблей царя или его поданныхъ подъ царскимъ флагомъ и снабженныхъ узаконенными паспортами, торгующихъ незапрещенными

¹ Recueil, VIII 93—108. *Сб. Ист. Общ.* Т. 34, стр. 23—37, 408—417.

² *Сб. Ист. Общ.* Т. 34, стр. 39. Соловьевъ, т. XV, стр. 64.

товарами, подобно тому, какъ поступаютъ въ этомъ случаѣ нейтральныя державы и какъ царь приказалъ поступать въ своихъ владѣнiяхъ относительно подданныхъ короля. Что упомянутое приказанiе царя было въ дѣйствии уже въ 1703 году это можно видѣть изъ того, что архангельскiй губернаторъ заставилъ англiйскаго капитана, который завладѣлъ въ заливѣ французскимъ кораблемъ *Рука Божiя*, нагруженнымъ виномъ, отпустить его съ грузомъ и экипажемъ, и тотъ же губернаторъ, ради того, чтобы въ этомъ мѣстѣ торговля была всегда свободна, объявилъ именовъ царя Англичанамъ, Голландцамъ и Гамбургцамъ, что если на будущее время они покусятся въ заливѣ предпринять что-либо противъ кораблей и подданныхъ французскаго короля или короля испанскаго, то онъ будетъ считать это неповиновенiемъ царской воли и заставить ихъ возмѣстить убытки.“

Французское правительство объяснило, что конфискацiя судовъ была постановлена не потому, что на нихъ былъ московскiй флагъ, но потому, что коносаменты не были подписаны и въ нихъ не было объяснено, согласно установленiю и общему обычаю всѣхъ европейскнхъ государствъ, кому слѣдовалъ грузъ, вслѣдствiе чего и сочли, что онъ назначается Голландцамъ. Вернуть наши корабли оказалось невозможнымъ, они были отданы въ собственность каперамъ. Вообще намъ не дали никакого удовлетворенiя. Матвѣеву пришлось опровергать разные нелѣпные слухи, ходившiе въ Парижѣ о Петрѣ Великомъ и русскнхъ дѣлахъ. Такъ, напримѣръ, рассказывали, будто въ Россiи ненавидятъ Французовъ и въ доказательство этой ненависти приводили казнь французскаго офицера Бодуэна, котораго казнили въ Москвѣ будто бы единственно по той причинѣ, что онъ Французъ. По справкѣ нашего посланника оказалось, что этого офицера приговорили къ смерти за то, что онъ заколъ хирурга въ одной изъ комнатъ дворца. Несмотря на это, Матвѣевъ остался очень доволенъ Францiей и изысканною вѣжливостью въ обращенiи съ нимъ. Онъ со своей стороны произвелъ очень выгодное впечатлѣнiе на Парижанъ. „Я нашель въ этомъ посланникѣ гораздо больше ума, знанiя европейскнхъ дѣлъ и вѣжливости, чѣмъ того ожидалъ“, говоритъ периговаривавшiй съ нимъ министръ. „Городъ Парижъ, писалъ Матвѣевъ Головину,—нашель я втрое больше Амстердама и людства множество въ немъ неописанное и народа уборъ, забавы и веселiе его песказанныя. И хотя обносилось, что Французы утѣснены отъ короля, однако то неправда; всѣ

въ своихъ домахъ безъ всякой тѣсноты и въ уравненіи прямою состоятъ и нѣкто изъ вельможъ ни мало не озлобляется и ниже узнать возможно, что они такую долговременную и тяжелую ведутъ войну.“ Отзываясь съ похвалою о Франціи, Матѣевъ въ то же время указывалъ, что „дружба здѣшная черезъ сладость комплиментовъ своихъ бесполезная“ и что „сей дворъ наши дѣла и насъ не велико ставитъ.“¹

VII.

Знаменитая побѣда при Полтавѣ произвела сильное впечатлѣніе въ Европѣ. Вотъ что писалъ объ этомъ Ле-Дранъ въ вышеупомянутой запискѣ, составленной въ 1726 году: „Однимъ изъ послѣдствій одержанной царемъ въ іюнѣ 1709 года Полтавской побѣды надъ Шведами было полное подчиненіе его власти Ингрии, Ливоніи и Кареліи. Повидимому царь хотѣлъ воспользоваться этими новыми пріобрѣтеніями при Балтійскомъ морѣ, чтобы въ короткое время создать значительный флотъ и отовсюду привлечь чужеземныхъ купцовъ къ портамъ этихъ земель; онъ повелъ это дѣло съ такимъ усердіемъ, что вскорѣ достигъ цѣли; возрастающее его могущество обратило на себя вниманіе Европы, и Людовикъ XIV пришелъ къ убѣжденію, что при такомъ положеніи дѣлъ не слѣдовало пренебрегать союзомъ съ этимъ государствомъ, власть котораго усиливалась съ каждымъ днемъ“.

Въ Парижѣ обратили серьезное вниманіе на Россію тѣмъ болѣе, что одновременно съ русскими побѣдами Французы терпѣли поражение за пораженіемъ; рѣшительный ударъ былъ нанесенъ имъ при Мальплаке черезъ два мѣсяца послѣ Полтавской битвы.

Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ де-Торси подалъ Людовику докладную записку, въ которой доказывалъ, какъ важно было бы воспользоваться Россіей. „Царь, писалъ онъ, совершилъ завоеванія, доставившія ему владычество надъ Балтійскимъ моремъ. Подобный образъ дѣйствій и возрастаніе его могущества дѣлаютъ его грознымъ для сосѣдей. Кардиналъ Ришелье откля-

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 34, стр. 37 — 48. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XV, стр. 64, 67.

царя Густава Адольфа отъ завоеванія Ливоніи, чтобы сокрушить могущество австрійскаго дома; было бы весьма важно отклонить царя отъ завоеванія тѣхъ же земель для той же цѣли.“ Во второй запискѣ, трактующей о томъ же самомъ, указывается, что нечего дорожить союзомъ со Швеціей, которая теперь не можетъ принести Франціи никакой пользы, и что слѣдуетъ образовать лигу изъ Россіи, Польши, Даніи и Бранденбурга.

Записки эти подѣйствовали на Людовика, и онъ рѣшилъ вторично отправить въ Россію вышеупомянутаго Балюза. Въ данной ему инструкціи говорится: „Король разсудилъ, что для его пользы было бы умѣстно содѣйствовать взаимному удовлетворенію шведскаго короля и московскаго царя, стараясь искренно объ установленіи мира между этими двумя государями. Но прежде нежели приступить къ сему какъ посредникъ, король желаетъ узнать отъ самого царя, желаетъ ли онъ этого, какъ угодно это шведскому королю. Король желаетъ, чтобы г. Балюзъ старательно поддерживалъ въ царѣ высказанное имъ расположеніе въ сильной поддержкѣ Венгерцевъ противъ императора. Надо стараться, чтобы это было однимъ изъ условій мира между этимъ государемъ и шведскимъ королемъ, такъ что, если онъ будетъ заключенъ, то оба государя обязуются поддерживать свободу Венгріи, а если миръ этотъ не состоится, то чтобы царь одинъ обѣщалъ защищать народы, угнетеніе которыхъ увеличило бы еще могущество австрійскаго дома, и безъ того уже опаснаго.“

Петръ былъ дѣйствительно одно время въ сношеніяхъ съ возставшимъ противъ императора седмиградскимъ княземъ Рагоци. Онъ надѣялся устроить такъ, чтобы его выбрали въ короли польскіе, и заключить съ нимъ договоръ, по которому Рагоци обязывался, вслѣдъ за полученіемъ короны, открыть кампанію противъ Швеціи. Въ такомъ случаѣ царь обѣщалъ приводить добрыми способами императора къ возвращенію вольности венгерской и седмиградской. Планъ этотъ не удался, и Петръ не имѣлъ ни желанія, ни возможности помогать венгерскому возстанію.

Въ началѣ 1711 г. Турція объявила войну Россіи, и въ Петербургѣ хорошо знали, что на такое рѣшеніе Порты повліяли не только шведскій посланникъ, но и французскій. Еще нѣсколько лѣтъ раньше, когда боялись войны съ Турціей, нашъ посоль въ Константинополѣ Толстой собирался дѣйствовать заодно съ французскимъ посломъ, но тутъ же оказалось, что этотъ послан-

никъ началъ интриговать противъ Россіи. Толстой давалъ знать, что французскій посланникъ получилъ отъ своего короля приказаніе поссорить Порту съ Россіей, не щадя никакихъ изживеній. Толстому удалось провѣдать содержаніе нотъ, представленныхъ французскимъ посланникомъ турецкому правительству. Содержаніе ихъ было таково: оружіе австрійскаго императора и царя московскаго очень расширяется: чего же ждетъ Порты? Теперь время изложить оружіе нѣмецкое и московское и утвердить свою державу, потому что Венгры вопіють о помощи. Если Порты не хочетъ начинать явной войны, то пусть позволитъ Татарамъ дѣйствовать противъ Москвы, а на помощь Венграмъ пошлетъ тайно тысячь восемь или десять Турокъ. Если Порты въ настоящее время московскаго царя не утѣситъ, то уже послѣ долго будетъ дожидаться такого благопріятнаго случая. Кромѣ того, царь московскій имѣетъ постоянныя сношенія съ Греками, Валахами, Молдаванами и многими другими единовѣрными народами, держитъ здѣсь въ Константинополѣ посла безо всякой надобности, развѣ только для того, чтобы посоль этотъ внушалъ Грекамъ и другимъ единовѣрцамъ своимъ всякія противности. Посоль московскій не спитъ здѣсь, но всячески промышляетъ о своей пользѣ, а Порту утѣшаетъ сладостными словами; царь московскій ждетъ только окончанія шведской и польской войны, чтобы покрыть Черное Море своими кораблями и послать сухопутное войско на Крымъ; австрійскій императоръ нападаетъ съ другой стороны, и чтобы не принудили мусульманъ убраться во внутреннюю Азію.¹

Понятно, что при такихъ условіяхъ Балюза встрѣтили менѣе любезно, чѣмъ въ первый разъ. „Настоящій мой пріемъ при этомъ дворѣ, доносилъ онъ, весьма различался отъ того, который былъ мнѣ сдѣланъ въ Москвѣ (въ 1703 г.), гдѣ покойный Головинъ встрѣтилъ меня въ домѣ, назначенномъ для иностранныхъ посланниковъ и черезъ два часа по моемъ пріѣздѣ прислалъ мнѣ угощеніе. Здѣсь никто не привѣтствовалъ меня съ пріѣздомъ.“ На конференціи съ канцлеромъ Головкинымъ и вице-канцлеромъ Шафировымъ французскій посланникъ старался прежде всего увѣрить нашихъ министровъ, что не имѣетъ никакого основанія слухъ, распушенный по всей Европѣ врагами короля, будто бы онъ принимаетъ участіе въ войнѣ, объявленной Туркамъ Петру.

¹ Соловьевъ, т. XV, стр. 183—184, 194—197.

Однако министры этому не повѣрили. „Мы высказали другъ другу много любезностей, писалъ Балюзъ королю,—но доводы, приводимые ими и свѣдѣнія, по словамъ ихъ, полученные изъ Константинополя и другихъ мѣстъ, достаточно показали мнѣ, что они убѣждены въ томъ, что ваше величество могли найти нѣкоторыя выгоды въ объявленіи упомянутой войны.“ Я нашелъ возможность, писать онъ дальше,—заставить ихъ объявить мнѣ прямо: желаетъ ли царь заключить отдѣльный миръ съ Портой; они отвѣчали мнѣ, что таково его желаніе; я возражалъ имъ, что Порта вѣроятно не согласится вести переговоры безъ участія короля шведскаго, своего союзника; они хотѣли меня увѣрить, что не существуетъ никакого союза между этимъ монархомъ и султаномъ, который, по ихъ словамъ, и не особенно его уважаетъ. Я спросилъ ихъ: дѣйствительно ли царь рѣшился не заключать мира съ королемъ шведскимъ; они отвѣчали, что ихъ государь всегда желалъ заключить съ нимъ миръ и даже теперь готовъ это сдѣлать, но такъ какъ высокомеріе и гордость этого монарха съ каждымъ днемъ усиливаются, то поэтому будетъ легче заключить отдѣльный миръ съ Турками.“

На второй конференціи министры уже не говорили о французскихъ интригахъ въ Константинополѣ, они передали Балюзу отъ имени Петра, что „Людовикъ можетъ быть вполне увѣренъ въ дружбѣ царя; что же касается войны, объявленной царю, то монархъ этотъ слишкомъ полагается на чувство уваженія и расположенія, всегда питаемая имъ къ королю, для того, чтобы повѣрить его участію въ упомянутой войнѣ и, несмотря на положительныя извѣстія, которыя могли утвердить его въ общемъ мнѣніи, онъ готовъ былъ охотѣе предполагать, что если въ этихъ извѣстіяхъ есть доля правды, то это произошло помимо его воли; царь надѣется, что королю угодно будетъ дать ему несомнѣнное доказательство расположенія, и онъ употребить свое вліяніе и посредничество для доставленія царю возможности заключить миръ съ Турками, отдѣльно отъ мира съ королемъ шведскимъ.“

16 мая Балюзъ былъ принятъ Петромъ въ частной аудиенціи, происходившей въ саду. „Царь воспользовался этимъ случаемъ, доносилъ французскій посланникъ,—объяснить мнѣ самымъ точнымъ образомъ свои намѣренія, и высказалъ свое желаніе въ томъ смыслѣ, чтобы ваше величество доставили ему возможность заключить миръ съ одною Портой, независимо отъ короля шведскаго. Я возразилъ, что такъ какъ министры его увѣрили меня,

что онъ не станетъ сопротивляться заключенію мира съ королемъ шведскимъ, то я предполагалъ, что онъ не откажется вести переговоры одновременно съ обѣими державами. Царь сказалъ мнѣ, что намѣреніе его вовсе не таково въ виду враждебнаго настроенія короля шведскаго, и что онъ полагалъ вести переговоры только съ Турками; по заключеніи же этого мира, Швеція, находясь подъ вліяніемъ Оттоманской Порты и будучи покинута ею, оказалась бы болѣе створчивою, и вашему величеству тогда легче будетъ склонить ее на благоразумныя условія, на которыя король шведскій иначе никогда не согласится, и миръ останется недостижимымъ, если заключеніе его будетъ зависѣть отъ этого монарха.“

Петръ твердо стоялъ на своемъ; война съ Турціей представлялась ему нежелательною, она отвлекала его силы на югъ, она могла дать Швеціи время оправиться. Зная, что Франція въ большой силѣ у Порты, онъ желалъ воспользоваться ея вліяніемъ и поскорѣе заключить миръ съ Турціей, но конечно отдѣльный отъ Швеціи, съ тѣмъ, чтобы вновь громить послѣднюю и вынудить ее на уступку Балтійскаго моря. Но то, что было желательно и выгодно Петру, представлялось нежелательнымъ и невыгоднымъ Людовику. Во Франціи отлично понимали, что отдѣльный миръ съ Портой поведетъ къ усиленію Россіи; если же теперь повести переговоры со Швеціей, когда съ юга грозить турецкое войско, царь пойдетъ на уступки, а къ ослабленію его прежде всего стремился Людовикъ. Въ Парижѣ въ эту минуту живо интересовались дипломатическими сношеніями съ Россіей; каждую недѣлю Балюзъ получалъ письма то отъ самого короля, то отъ министра иностранныхъ дѣлъ. Изъ этихъ писемъ ясно видно, къ чему клонилась французская политика. „Я вижу, пишетъ Людовикъ 18 іюня 1711 года, — что этотъ государь продолжаетъ желать, чтобы мои услуги могли доставить ему миръ съ Турками. Я съ удовольствіемъ содѣйствовалъ бы этому, если бы въ то же время онъ не хотѣлъ, чтобы этотъ миръ состоялся помимо шведскаго короля. Но я не могу оставить шведскаго короля въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится, ни содѣйствовать къ лишенію помощи, получаемой имъ отъ Порты.“ Черезъ недѣлю онъ писалъ Балюзу: „Я уже вамъ указывалъ, что предлагалъ мое посредничество лишь въ виду предоставленія шведскому королю и царю мира, который я считалъ выгоднымъ для того и другаго. Такъ какъ у меня никогда не было намѣ-

ренія заставить короля шведскаго потерять единственнаго своего союзника, я не могу содѣйствовать желаніямъ царя во вредъ этому государю.“ Совершенно откровенно французскій король выразилъ свой взглядъ въ слѣдующихъ словахъ: „Министры царя ясно вамъ объявили, что онъ не въ состояніи поднять и поддержать венгерскихъ конфедератовъ, считая ихъ дѣло окончательно погибшимъ. Однакоже такая помощь была единственною пользою, которую я могъ ожидать отъ связей, которыя царь хотѣлъ заключить со мной. Когда онъ захочетъ ограничить связь эту, чтобы пользоваться моими услугами къ заключенію мира съ Портой помимо шведскаго короля, польза отъ этого будетъ лишь для однихъ Русскихъ, и я не вижу, чего мнѣ можно будетъ ожидать отъ его неопредѣленныхъ увѣреній исполнить тогда то, что я только могу пожелать.“¹

Петръ, конечно, не читалъ писемъ, приходившихъ изъ Франціи на имя Балюза; онъ надѣялся, что Людовикъ дѣйствительно сослужитъ ему службу, а потому, не довольствуясь переговорами съ французскимъ посланникомъ, отправилъ въ Парижъ Волкова. Последний имѣлъ въ Фонтенебло конференцію съ министрами Людовика XIV. Министры предложили слѣдующія условія: 1) чтобы царь помогъ Венграмъ противъ Австріи; 2) чтобы принца австрійскаго дома не допустилъ до короны императорской, а помогъ получить эту корону королю польскому (Юсифъ I умеръ въ апрѣлѣ 1711 г.); 3) чтобы войска датскія и саксонскія были отозваны изъ службы державъ, враждебныхъ Франціи. При такихъ условіяхъ король обѣщаль подѣйствовать на Порту. Донося объ этихъ „высокихъ и невозможности касающихся предложеніяхъ“, Волковъ писалъ: „Явно, что здѣшній дворъ не пересталъ искать шведскаго интереса, и какъ ни скрытенъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Торси, однако въ разговорѣ съ нимъ о Шведѣ, въ лицѣ его и словахъ легко уловить нѣкоторую внутреннюю къ нему склонность. Одинъ мой пріятель, человекъ очень свѣдущій въ дѣлахъ, говорилъ мнѣ, что Торси несправедливо съ нашимъ дворомъ поступаетъ и хочетъ его только провестъ, а народъ здѣшній весь враждебенъ Россіи, и которыя добрыя вѣдомости о насъ бываютъ, тѣхъ и слышать не хотятъ, и въ печать они не допускаются, почему выгодно было бы

¹ Recueil, VIII, 94—130. Сб. Ист. Общ. Т. 34, стр. 51—70, 418—432, 454, 457, 463.

курантельщика (редактора газеты) чѣмъ-нибудь приласкать, чтобы принималъ и печаталъ добрыя о насъ вѣдомости.“¹

Понятно, что при такихъ условіяхъ дипломаты не могли сговориться, и событія шли своимъ чередомъ. Прутскій походъ окончился очень неудачно; Петръ потерпѣлъ поражение и чуть не попалъ въ плѣнъ. Въ 1711 г. былъ заключенъ миръ съ Портой крайне невыгодный, по которому уступленъ былъ Азовъ. Это уже второй невыгодный миръ, которымъ мы обязаны французскимъ интригамъ.

Послѣ этого Петръ сталъ иначе относиться къ Балюзу; Франція не могла уже оказать ему никакой помощи, всѣ силы могли быть обращены опять противъ Швеціи, а съ ней царь могъ справиться и одинъ. Французскій посланникъ жаловался на равнодушіе, выказываемое къ нему въ Россіи. „29 августа, писалъ онъ,—въ восемь часовъ утра, я былъ у графа Головкина (въ Ярославлѣ), который предложилъ мнѣ идти вмѣстѣ съ нимъ представиться царю. Я подождалъ нѣсколько времени, потому что государь писалъ, и подошелъ къ нему въ присутствіи его министра въ то время, когда онъ ходилъ взадъ и впередъ, отдавая приказанія относительно своего отъѣзда. Когда я подошелъ, онъ снялъ шляпу и выслушалъ привѣтствіе, которое я сказалъ ему по-польски, по случаю благополучнаго возвращенія и предпринимаемаго имъ путешествія. Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ, тотчасъ же обратился къ своему министру и къ одному изъ своихъ генераловъ, снова надѣлъ шляпу и, повернувшись ко мнѣ спиной, началъ переходить отъ одной лодки къ другой, отдавая приказанія относительно своего отплытія. Монархъ этотъ, его министръ и генералы показались мнѣ весьма сдержанными и смущенными. Нѣсколько времени спустя я обратился къ графу Головкину и спросилъ у него: не будетъ ли угодно его государю поручить мнѣ что-либо такое, о чемъ я могъ бы доложить вашему величеству. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, ибо царь озабоченъ своимъ отъѣздомъ. Быть-можетъ московскій дворъ поручитъ Волкову предложить что-либо вашему величеству, не сообщивъ о томъ мнѣ; сильно желаю этого. Холодность и сдержанность этого двора даютъ мнѣ поводъ сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ былъ расположенъ предложить что бы то ни было. Изъ всего, что я имѣлъ честь доложить вамъ, и изъ письма графа Голов-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XVII, стр. 74.

кина, ваше величество изволите усмотрѣть, что дворъ Московскій вовсе не былъ расположенъ назначить мнѣ прощальную аудіенцію и дать мнѣ отвѣтъ на письмо, которое я вручилъ царю отъ имени вашего величества; я не счелъ полезнымъ для пользы вашего величества требовать того или другаго.“¹

Вслѣдъ за этимъ Балюзъ уѣхалъ въ Варшаву.

VIII.

3 апрѣля 1715 года Франція заключила трактатъ съ Швеціей; въ сентябрѣ того же года умеръ Людовикъ XIV, а на время малолѣтства Людовика XV управление государствомъ перешло къ регенту, герцогу Филиппу Орлеанскому. Выстѣ съ тѣмъ измѣнилась и французская политика; противъ главнаго врага, Испаніи, регентъ старался заключить тройственный союзъ съ Англіей и Голландіей, своими прежними противниками. Союзники Петра, король англійскій Георгъ и Данія, стали уклоняться отъ него; не желая способствовать его возраставшему могуществу. Царь желалъ ближе ознакомиться съ европейскою политикою, приобрѣсти новыхъ союзниковъ, и для этого предпринялъ второе путешествіе на Западъ. Онъ отправился прежде всего въ Голландію и въ Гагъ пожелалъ вступить въ переговоры съ французскимъ посланникомъ Шатонефомъ. Парижскій дворъ разрѣшилъ Шатонефу вступить въ сношенія съ уполномоченными царя, Головкинымъ, Шафировымъ и Кураевымъ, но въ то же время онъ очень равнодушно относился къ Россіи, рассчитывая только заключить съ ней по возможности выгодный торговый трактатъ. „Союзъ съ царемъ не можетъ быть мнѣ особенно полезенъ, говорится въ письмѣ короля къ Шатонефу, служившемъ ему вмѣсто инструкціи.—Тѣмъ не менѣе я желаю, чтобы вы воспользовались пребываніемъ этого монарха въ Голландіи и довели до его свѣдѣнія, что, зная его личныя качества и славу, этими качествами приобрѣтенную, я поручилъ вамъ увѣрить его въ полномъ уваженіи, которое я къ нему питаю, и въ желаніи представить этому доказательства, что я считаю его путешествіе въ Голландію удобнымъ случаемъ, чтобъ установить между нашими подданными полезныя для нихъ торговыя сношенія.“ Изъ

¹ Сб. Ист. Общ., т. 34, стр. 78—80.

инструкцій, пославшихся министромъ иностранныхъ дѣлъ Шато-нефу, видно, что въ Парижѣ не придавали никакого значенія переговорамъ съ Россіей, и вели ихъ только для виду, чтобы удовлетворить желанію Петра. „Я подтверждаю вамъ, говорится въ одной инструкціи,—что вы должны дѣйствовать съ большою осмотрительностью, стараться выиграть время, не принимая на себя никакого обязательства, только доносить королю обо всемъ, что скажутъ вамъ министры царя.“ Онъ не долженъ былъ давать никакихъ обѣщаній царю, но только слѣдить за тѣмъ, чтобы тотъ не заключилъ какого-нибудь союза, противнаго интересамъ короля, и мѣшать всякимъ такимъ переговорамъ. „Вамъ легко понять, сказано въ другой инструкціи,—что хотя союзъ съ королемъ Англійскимъ и Голландіей представляется въ настоящую минуту самымъ важнымъ и выгоднымъ дѣломъ, было бы слишкомъ неосмотрительно, зная непостоянство англійской націи, исключительно довѣряться этой поддержкѣ и не сохранять за собою возможности оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ другими сѣверными державами; такимъ образомъ, не нарушая дружбы, установившейся между королемъ, Англіей и Голландіей, надо имѣть и другіе ресурсы на случай, что они понадобятся.“

Видя что переговоры съ французскимъ посланникомъ не приводятъ ни къ какимъ результатамъ, Петръ рѣшилъ отправиться самому въ Парижъ. Зотовъ, агентъ царскій во Франціи, писалъ Петру: „Бонмазари говорилъ съ Дэтре о женитьбѣ царевича Алексѣя на европейской принцессѣ и искусно спросилъ, не угодно ли будетъ двору французскому царевича женить на принцессѣ французской, именно на дочери дюка д'Орлеанса? на что маршалъ отвѣчалъ, что весьма радъ слышать такую добрую мысль, и сказалъ, что царскому величеству на въ чемъ здѣсь не откажутъ. Маршалъ объявилъ обо всемъ дюку, который сказалъ: я де бы радъ былъ, чтобы сіе сегодня учинилось“. Эти увѣренія, что здѣсь ни въ чемъ не откажутъ, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, могли внушить Петру мысль, которую онъ не покидалъ до конца жизни, мысль о бракѣ своей дочери Елисаветы съ французскимъ королемъ Людовикомъ XV. ¹

„Регентъ, рассказываетъ Сень-Симонъ въ своихъ *Мемуарахъ*, охотно обошелся бы безъ этого визита. Посѣщеніе царя вводило въ большія издержки; кромѣ того, не малыя затрудненія пред-

¹ Resneil, VIII, 137—156 Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XVII, стр. 78.

ставлялъ пріемъ такого могущественнаго и пронидательнаго монарха, но преисполненнаго разныхъ фантазій и съ нѣкоторыми остатками варварскихъ нравовъ, въ особенности же многочисленной свиты, имѣющей совсѣмъ другія привычки чѣмъ наши.“

Въ Дюнкирхенѣ для встрѣчи царя былъ посланъ камеръ-юнкеръ Лбуа, которому поручили содержать Петра со всею его свитой, доходившею до шестидесяти человекъ, и доставить его въ Парижъ. Лбуа всячески заботился объ экономіи; онъ доносилъ о „злоупотребленіяхъ царскаго главнаго повара, который подъ предлогомъ двухъ или трехъ тарелокъ кушанья, которыя онъ приготовляетъ ежедневно для его величества, беретъ говядины и даже вина столько, сколько потребовалось бы для восьми человекъ“. Онъ даже хотѣлъ отмѣнить ужинъ, но потомъ замѣтилъ, что хотя царь и не присутствуетъ за нимъ, однако имъ пользуются многіе сановники, и потому прекратить ужины не соответствовало бы достоинству короля. Объ образѣ жизни Петра Лбуа доносилъ: „Царь встаетъ рано, обѣдаетъ около десяти часовъ, ужинаетъ около семи и удаляется въ свои комнаты раньше девяти; онъ употребляетъ водку передъ обѣдомъ, пиво и вино послѣ полудня, за ужиномъ ѣсть мало, а иногда и вовсе не ужинаетъ“. Наружность его онъ описывалъ слѣдующимъ образомъ: „Царь очень великъ ростомъ, нѣсколько сутуловатъ и имѣетъ привычку держать голову немного внизъ. Онъ смугль и въ выраженіи лица его есть что-то суровое; кажется, онъ обладаетъ живымъ умомъ и большою смѣтливостью; въ движеніяхъ его замѣтно нѣкоторое величіе, впрочемъ не всегда выдерживаемое. Онъ задумчивъ и разсѣянъ, хотя для всѣхъ доступенъ и простъ въ обращеніи; говорить, что онъ очень силенъ и способенъ къ работѣ физической и умственной.“¹

Въ Парижѣ Петру приготовили помѣщеніе бывшей королевы въ Луврѣ, а также домъ маршала Виллерау, на тотъ случай, что царь, ѣхавшій инкогнито, не пожелаетъ жить во дворцѣ. Петръ пріѣхалъ въ Парижъ въ 9 часовъ вечера, вошелъ въ Лувръ, но нашелъ, что приготовленное ему помѣщеніе слишкомъ великолѣпно отдѣлано и освѣщено, и сейчасъ же отправился въ домъ Виллерау. Ему показалось, что и тутъ слишкомъ много пышности, потому что домъ былъ меблированъ королевскою

¹ Сб. Ист. Общ., т. 34, стр. 144—145, 165.

мебелью, и онъ приказалъ приготовить въ маленькой комнатѣ свою походную кровать.

Парижъ живо заинтересовалъ царя, и онъ осматривалъ всѣ достопримѣчательности этого города, которыхъ уже тогда было не мало; но этикетъ очень стѣснялъ его, поэтому часто, не дожидаясь, чтобъ ему подали королевскую карету, онъ садился на перваго попавшагося извозчика.

На другой день по прїѣздѣ Петра регентъ сдѣлалъ ему визитъ. Царь вышелъ изъ своего кабинета, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу герцогу, обнялъ его и, указавъ ему на дверь кабинета, первый вошелъ туда, что, по мнѣнію Сень-Симона, было не очень учтиво. Усѣвшись въ кресла другъ противъ друга, царь бесѣдовалъ съ регентомъ цѣлый часъ, но о дѣлахъ не говорили.

Черезъ день, 10 мая, прїѣхалъ къ Петру маленькій король. Царь встрѣтилъ его у подъѣзда, а потомъ у себя въ комнатахъ, взялъ его на руки и поцѣловалъ. Всѣ были прїятно поражены, увидѣвъ съ какою нѣжностію Петръ обращается съ мальчикомъ-королемъ, какъ онъ его хвалитъ и ласкаетъ.

Каждый день Петръ осматривалъ что-нибудь; особенно интересовало его военное дѣло; съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ онъ въ Луврѣ планы французскихъ крѣпостей. Но когда въ Тюильрійскомъ дворцѣ хотѣли похвастаться коронными драгоценными камнями, онъ отнесся къ этому вполне равнодушно и сказалъ, что въ драгоценностяхъ ничего не смыслить. Простота его обращенія обратила на себя всеобщее вниманіе и не могла не поразить придворныхъ, привыкшихъ къ утонченному этикету Людовика XIV. Такъ, напримѣръ, онъ посѣтилъ казармы, попробовалъ солдатскаго супа и вина, пилъ за здоровье солдатъ, трепалъ ихъ по плечу и называлъ камадами.

Вообще Петръ произвелъ на Французовъ хорошее впечатлѣніе. Сень-Симонъ выставивъ многія симпатичныя стороны царя, въ заключеніе говоритъ: „Можно было бы безконечно рассказывать объ этомъ царѣ по истинѣ велпкомъ; его рѣдкіе и разнообразныя таланты дѣлаютъ изъ него монарха, достойнаго самаго большаго удивленія, каковымъ онъ останется во мнѣніи самаго отдаленнаго потомства, несмотря на варварство его происхожденія, его страны и его воспитанія. Такое мнѣніе единогласно составили о немъ во Франціи, гдѣ на него смотрѣли какъ на чудо и гдѣ имъ были очарованы“¹

¹ *Mémoires du duc de Saint-Simon*, t. IX, p. 225—236. Paris, 1865.

Вести переговоры съ русскими дипломатами было на этотъ разъ поручено маршалу де-Тессэ. Въ данной ему инструкціи выражался тотъ же взглядъ правительства, какой мы видѣли раньше. „Первою заботой регента было, чтобы король могъ занять главное мѣсто при посредничествѣ о сѣверномъ мирѣ, такимъ образомъ, чтобы вѣнскій дворъ не могъ одинъ завладѣть этимъ посредничествомъ и выговорить себѣ новыя средства для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ; регентъ считаетъ важною статьею склонить царя къ такимъ обязательствамъ, чтобы онъ отнынѣ отказался отъ мысли заключить связи съ вѣнскимъ дворомъ. Предоставляется искусству маршала Тессэ сѣмъ заставить высказаться царскихъ министровъ такъ, чтобы можно было знать, какія могутъ быть дѣйствительныя намѣренія этого государя при настоящемъ положеніи дѣлъ, не отвергая вполнѣ ихъ предложенія, но также, со своей стороны, не связываясь никакимъ обязательствомъ, которое могло бы превзойти то, что объявлено ему регентомъ о своихъ намѣреніяхъ. Маршалъ Тессэ могъ замѣтить изъ приведеннаго, что регентъ никакъ не желаетъ вступить въ связь съ царемъ, могущую чѣмъ нибудь противорѣчить тому, что было принято въ союзномъ договорѣ съ Англіей и Голландіей, или дало бы справедливый поводъ къ неудовольствію этимъ двумъ государствамъ. Онъ полагаетъ не протирать связей съ царемъ далѣе простыхъ выраженной дружбы и искреннихъ отношеній.“

19 мая Тессэ имѣлъ совѣщаніе съ канцлеромъ Головкинымъ. Послѣдній предложилъ слѣдующее: Для скрѣпленія обоюдной дружбы между народами будетъ заключенъ оборонительный трактатъ. Россія гарантируетъ Франціи договоры, заключенные ею съ европейскими державами; равно и Франція будетъ гарантировать завоеванія царя у Шведовъ; Швеція не будетъ оказано королевъ помощи деньгами или войскомъ, ни прямо, ни косвенно. На это Тессэ отвѣтилъ: мы охотно заключимъ союзный и дружественный договоръ, но мы не можемъ и не хотимъ отступить отъ договоровъ, заключенныхъ съ нашими союзниками; у насъ такой есть съ Швеціей, но мы дадимъ слово не возобновлять его; сверхъ того, невозможно гарантировать будущія завоеванія, такъ какъ они измѣняются и зависятъ отъ успѣха оружія. Наши дипломаты возразили на это съ полною откровенностью. „Если дѣйствительно вы не можете гарантировать завоеванія царя у Швеціи, ну

такъ оставьте царя дѣйствовать, какъ онъ знаетъ съ Швеціей, не гарантируя его завоеванія, но поставьте царя въ положеніе и на мѣсто Швеціи. Зачѣмъ Франція соединилась съ Швеціей? Потому-что въ то время у шведскаго короля были владѣнія въ Германіи и такой союзъ уравнивалъ могущество императора. Положеніе Европы измѣнилось. Швеція, почти уничтоженная, не можетъ оказать вамъ никакой помощи. Царь предлагаетъ Франціи поставить себя на мѣсто Швеціи. Онъ предлагаетъ не только союзъ, но свое могущество и въ то же время содѣйствіе Пруссіи, безъ которой и не могъ дѣйствовать. Польша ничего болѣе не желаетъ, какъ приступить къ этому союзу. А когда Франція, Польша, Пруссія, царь будутъ соединены, равновѣсіе будетъ восстановлено. Царь предвидитъ въ будущемъ угрожающее могущество австрійскаго дома, долженствующее васъ смутить, поставьте царя на мѣсто Швеціи, такимъ договоромъ онъ замѣнитъ вамъ все то, чего вы можете ожидать отъ Швеціи и можетъ васъ обезпечить ото всего, что вы можете и должны заподозрѣвать отъ могущества императора.“

На второй конференціи Головкинъ, по словамъ Тессэ, требовалъ, чтобы, въ случаѣ заключенія трактата, Франція выплачивала Россіи ежегодную субсидію. „Когда я, доносилъ Тессэ, стараясь возвысить цѣну нашихъ услугъ, говорю, что мы предлагаемъ гарантировать царю все, что будетъ уступлено ему при заключеніи сѣвернаго мира и вслѣдствіе этой гарантіи, выставленной мной какъ большая выгода, я отклоню рѣчи о субсидіяхъ, эти господа смѣются мнѣ въ лицо и отвѣчаютъ, что вовсе не нуждаются въ насъ для этой гарантіи, что они меня благодарятъ, и что они достаточно сильны для того, чтобы самимъ гарантировать себѣ то, что будетъ предоставлено имъ сѣвернымъ миромъ. Словомъ, я не предвижу, чтобы регентъ могъ извлечь какую-либо пользу изъ настоящихъ нашихъ переговоровъ, а также изъ путешествія царя и его видимой готовности заключить съ нами крѣпкій союзъ, если только онъ не рѣшится, вступивъ съ царемъ въ отношенія, въ которыхъ онъ до сихъ поръ находился въ королю шведскому, выдавать ему подобныя же субсидіи.“

Конференціи такъ и остались конференціями; Франція дорожила исключительно союзомъ съ Англіей и Голландіей; она не считала для себя выгоднымъ замѣнить Швецію Россіей, не хотѣла разстаться съ дружбой султана. Правительство, говоритъ

Тессэ, имѣло исключительное намѣреніе забавлять царя до его отъѣзда, не думая договариваться съ нимъ о чемъ-нибудь серьезномъ. ¹

Однако Петръ дорожилъ дружбой съ Франціей: уѣзжая въ іюнѣ изъ Парижа, онъ прощался съ герцогомъ Орлеанскимъ и получилъ отъ него обѣщаніе, что начатыя переговоры будутъ продолжаться въ Голландіи.

Дѣйствительно, въ Амстердамѣ начались совѣщанія между канцлеромъ Головкинымъ, вице-канцлеромъ Шафировымъ и нашимъ посломъ Куракинымъ, Шатонефомъ и барономъ Книппенгаузеномъ, прусскимъ посланникомъ. На этотъ разъ договорились и заключили договоръ между Франціей, Пруссіей и Россіей. Существенное содержаніе этого перваго трактата съ Франціей сводится къ слѣдующему: Договаривающіеся государи гарантируютъ договоры Утрехтскій и Баденскій, равно какъ тѣ, которые прекратятъ Сѣверную войну; если одинъ изъ союзниковъ подвергнется нападенію, то другіе обязаны сначала мирными средствами вытребовать ему удовлетвореніе отъ обидчика; но если эти средства не помогутъ, то по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ союзники должны помогать войсками или деньгами. Царь Всероссийскій и король прусскій обязуются принять посредничество короля французскаго для прекращенія Сѣверной войны, причемъ французскій король не долженъ употреблять никакого понужденія ни противъ которой стороны; король французскій обязуется также, по истеченіи срока договору, существующему между его государствомъ и Швеціей, не вступать ни въ какое новое обязательство съ Швеціей. Для утвержденія союза между тремя державами подданные ихъ пользуются взаимно всѣми выгодами, какія имѣютъ нація, наиболѣе покровительствуемая. Договаривающіеся государи предоставляютъ себѣ взаимное право сохранить всѣ другіе свои договоры и союзы, не противные настоящему союзу; особенно король французскій выговариваетъ себѣ союзъ, заключенный имъ съ Англіей и Голландіей ².

Амстердамскій трактатъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, не принесъ намъ никакой пользы.

¹ Recueil, VIII, 170—187. Сб. Ист. Общ. Т. 34, стр. 510—536.

² Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XVIII, стр. 66.

IX.

Вслѣдъ за заключеніемъ Амстердамскаго трактата, барона Шлейница назначили резидентомъ при французскомъ дворѣ. Онъ доносилъ объ интригахъ противъ насъ Англіи и о любезномъ обращеніи съ нимъ регента. „Англія, писалъ Шлейницъ въ 1718 году, и здѣсь старается всѣми силами уничтожить дѣйствіе тройнаго союза, заключеннаго между Россіей, Франціей и Пруссіей. Сверхъ того, я имѣю подлинныя вѣдомости изъ Бѣны, что англійскій дворъ велѣлъ обнадежить цесаря, чтобъ онъ нисколько не опасался этого союза. Англійскій посланникъ при французскомъ дворѣ, Стерсъ, старается уговорить регента, чтобъ онъ способствовалъ заключенію партикулярнаго мира между королемъ англійскимъ и Швеціей и самъ вступилъ въ оборонительный союзъ съ Англіей и Швеціей, для противодѣйствія планамъ вашего величества, грозящимъ спокойствію всей Европы. Стерсъ имѣетъ большой кредитъ у регента; почти не проходитъ дня, чтобъ они не сидѣли часа по два запершись; правда, что эти тайныя конференціи касаются испанскихъ и итальянскихъ дѣлъ; но я знаю навѣрное, что и сѣверныя дѣла тутъ не бываютъ забыты“. Регентъ говорилъ Шлейницу такія любезныя фразы: „Мое истинное намѣреніе сблизиться какъ можно тѣснѣе съ царскимъ величествомъ и королемъ прусскимъ. Я стараюсь всѣми силами о примиреніи Испаніи съ цесаремъ; но этимъ самымъ примиреніемъ я сдѣлаю Испанію и Австрію сильными и опасными для Франціи. Для избѣжанія этой опасности мнѣ нужно имѣть контробалансъ, который всего лучше я могу найти въ союзѣ съ Россіей и Пруссіей и, если можно, съ Швеціей. Нужно образовать сильную партію въ Германіи, что всего лучше сдѣлать чрезъ Пруссію; но я не хочу впасть въ ту же ошибку, какую здѣсь сдѣлали въ началѣ войны за Испанское наслѣдство, ибо Франція, заключая союзы въ имперіи, начала съ ногъ, а голову забыла; но я теперь начну съ головы, то-есть съ царскаго величества“.

6 октября 1719 года министръ иностранныхъ дѣлъ, аббатъ Дюбуа формально предложилъ Шлейницу посредничество французскаго короля въ примиреніи Россіи съ Швеціей. Въ отвѣтъ на это нашъ посланникъ получилъ въ декабрѣ царскій рескриптъ

я на его основаніи подалъ регенту слѣдующій меморіаль: „Ниже-подписавшійся полномочный министр его величества царя всея Россіи имѣеть указъ объявить вашему королевскому высочеству именовъ царя своего государя, что его величество принимаетъ охотно предложеніе христіаннѣйшаго величества насчетъ посредничества о мирѣ между его царскимъ величествомъ и королевой и короной шведскою, если его христіаннѣйшее величество изволить дать ему декларацію на письмѣ за рукой вашего королевскаго высочества, что его христіаннѣйшее величество не имѣеть никакого обязательства, ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ, съ королевой и короной шведскою, ниже съ какимъ инымъ союзникомъ ея или съ какою иною державою, кто бы они ни были, противнаго силѣ и смыслу договора, заключеннаго въ Амстердамѣ 4 августа 1717 года. Причины, заставляющія его величество царя требовать этой деклараціи, суть повторительныя извѣстія, которыя его величество получилъ отъ министровъ своихъ, прибывающихъ при другихъ иностранныхъ дворахъ, что министры его христіаннѣйшаго величества, по согласію съ министрами его британскаго величества, дѣйствуютъ почти при всѣхъ европейскихъ дворахъ въ пользу королевы и короны шведской“.

Регентъ отвѣчалъ на это, что Амстердамскій договоръ оный свято исполнять и всегда исполнять будетъ; но требуемую письменную декларацію дать не можетъ, потому что это противно его чести. Если царь повѣритъ его обнадеживаніямъ и приметъ посредничество, то увидитъ, что оный, регентъ, будетъ поступать съ совершеннымъ безпристрастіемъ; впрочемъ, если съ русской стороны питается хотя малѣйшее недовѣріе къ этому посредничеству, то ему, регенту, во всякомъ случаѣ будетъ пріятно, когда царское величество заключить миръ съ Швеціей прямо, или при посредничествѣ какой-нибудь другой державы.

Петръ не вполне довѣрялъ Шлейницу, а потому въ іюнѣ 1720 г. послалъ поручика гвардіи графа Мусина-Пушкина. Въ инструкціи, ему данной, было сказано: „Ѣхать ему въ Парижъ на-скоро на экстраординарной почтѣ, объявляя въ нашей землѣ, что посланъ въ Голландію для нѣкоторыхъ партикулярныхъ комиссій, а за границей объявлять, что ѣдетъ на воды. Какъ можно скорѣе домогаться быть ему у регента на приватной аудіенціи одному, домогаться секретно, чтобы Шлейницъ о томъ провѣдать скоро не могъ“¹. Мусинъ-Пушкинъ привезъ письмо отъ царя къ герцогу

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XVII, стр. 331, 340—341, 344—345.

Орлеанскому, въ которомъ. Петръ пишетъ, что, желая прекратить войну, съ удовольствіемъ принимаетъ посредничество регента и вполнѣ на него полагается, что онъ готовъ уступить Швеціи Финляндію, всѣ же остальные завоеванныя имъ области должны отойти къ Россіи; это непрѣмѣнное его условіе и только на этомъ условіи онъ согласенъ принять посредничество Франціи.

Сохранились замѣчанія на письмо царя, составленныя въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ нихъ говорится, что союзъ съ царемъ можетъ быть полезенъ только въ случаѣ войны, поэтому никоимъ образомъ не слѣдуетъ жертвовать другими союзниками изъ-за интересовъ царя. Надо дать отвѣтъ очень осторожно, такъ чтобы не давать повода къ недоувѣрью со стороны Петра, но и такъ, чтобы дворы вѣнскій и англійскій поняли, что сношенія съ царемъ не повредятъ имъ. Надо постараться внушить царю слѣдующее: слава, прибрѣтенная имъ его необыкновеннымъ умомъ и храбростью, не можетъ зависѣть отъ того, сохранить ли онъ большую часть своихъ завоеваній или останется за нимъ поменьше, что, напротивъ, его слава еще увеличилась бы, еслибъ онъ показалъ при этомъ случаѣ свое великодушіе ¹.

Въ такомъ смыслѣ составленъ отвѣтъ регента Петру, въ которомъ онъ извѣщаетъ его, что переговоры о мирѣ поручены французскому послу въ Швеціи Кампредону. „Доказательства довѣрія, говорится въ этомъ письмѣ, которыя вашему величеству благоугодно было дать намъ въ письмѣ вашемъ, тѣмъ болѣе тронули насъ, что мы ничего такъ искренно не желаемъ, какъ чтобы во время нашего регентства заключены были и упрочились узы тѣсной дружбы между королемъ и вашимъ величествомъ. Это также причина, заставляющая насъ давно уже желать, чтобы возстановленіе спокойствія на сѣверѣ устранило единственное препятствіе, мѣшающее установленію согласія, столь желательнаго для блага и выгодъ двухъ монархій, интересы коихъ вполнѣ солидарны между собой. И хотя условія, кои вашему величеству благоугодно было сообщить намъ, какъ планъ того, что можетъ привести къ миру между вашимъ величествомъ и королемъ шведскимъ, не доставили намъ возможности, посредствомъ участія короля въ переговорахъ и нашихъ собственныхъ хлопотъ, подвинуть впередъ это важное дѣло настолько, насколько

¹ Recueil, VIII, 201--203.

намъ хотѣлось бы; тѣмъ не менѣе мы успѣшно воспользовались этими условіями, такъ какъ они дали намъ средство удостовѣриться, что ваше величество, тронутые неразлучными съ войной общественными бѣдствіями и страданіями, охотно согласитесь вернуться къ миролюбивымъ чувствамъ. Въ настоящее время, посылая министру (Кампредону) новое приказаніе—отправиться къ вашему величеству, дабы узнать, какія именно средства прекращенія смутъ на сѣверѣ могутъ быть наиболѣе пріятны вашему величеству, король дастъ ему инструкціи и повелѣнія, которыя нужны ему, чтобы дѣйствовать въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ. Ваше величество столько разъ и такъ блистательно доказали, во многихъ случаяхъ, свою храбрость и превосходство своего генія, что король убѣжденъ, что ваше величество не менѣе отличитесь и своею умѣренностію въ рѣшеніяхъ, какія ваше величество примите въ дѣлѣ достиженія мира между вашимъ величествомъ и королемъ шведскимъ. Если вашему величеству благоугодно будетъ войти въ эти виды, столь соотвѣтствующіе истинной славѣ вашей, то смѣемъ увѣрить ваше величество, что мы со своей стороны не забудемъ ничего, что можетъ служить интересамъ вашего величества и обезпечить успѣхъ дѣла, которое ваше величество соблагволили поручить намъ и которое будетъ служить какъ бы необходимымъ продолженіемъ этого перваго событія ¹.

Отвѣтъ этотъ былъ посланъ черезъ полгода послѣ полученія письма отъ царя. Герцогъ Орлеанскій, рассказываетъ Ле-Дранъ, не счелъ возможнымъ отвѣчать царю ранѣе, чѣмъ узналъ, каковы послѣднія намѣренія шведскаго короля и удостовѣрившись, нельзя ли предпринять что-либо такое, что позволило бы этому государю силою отнять у царя удерживаемыя имъ шведскія владѣнія. Чтобы замаскировать несвоевременность отвѣта, регентъ приказалъ тянуть время, требуя отъ царскаго министра различныхъ объясненій.

Внѣшняя политика Франціи въ то время была очень запутана. Съ одной стороны, она вмѣстѣ съ Голландіей, Англійей и Австріей составила четверной оборонительный союзъ противъ Испаніи; съ другой стороны, она связана была Амстердамскимъ трактатомъ. Одинъ изъ ея союзниковъ Англія находилась во враждебныхъ отношеніяхъ съ другимъ союзникомъ Россіей. Король англійскій

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 40, стр. 145—146.

Георгъ примирился со Швеціей, заключилъ съ ней договоръ и выслалъ въ Балтійское море флотъ, помогавшій Шведамъ противъ Русскихъ. По буквальному смыслу трактатовъ Франція должна была бы вступить за Россію противъ Англии и за Англию противъ Россіи.

Относительно Швеціи французскіе дипломаты вели самую двусмысленную политику. Ламаркъ и смѣнявшій его въ сентябрѣ 1719 года Кампредонъ старались всячески примирить Швецію съ ея европейскими противниками для того, чтобы Россія оставалась совсѣмъ одна и не могла рассчитывать на поддержку какой-нибудь западной державы. Благодаря Кампредону Швеція сдѣлала разныя уступки и заключила трактаты съ Даніей, Пруссіей, наконецъ, Англіей. Это была та самая политика, которой слѣдовало французское правительство въ царствованіе Алексѣя Михайловича и которая довела насъ до невыгоднаго Кардискаго мира. Когда умеръ Карлъ XII и вступила на престолъ Ульрика, она желала сейчасъ же вступить въ переговоры съ царемъ и заключить съ нимъ миръ. Ее отговорилъ Ламаркъ, убѣдивъ, что ей придется принять очень невыгодныя условія, пока у нея есть другіе противники.

Чтобъ успѣшнѣе дѣйствовать, Кампредонъ привезъ съ собою триста тысячъ экю въ видѣ субсидій шведскому правительству. Это было уже прямымъ нарушеніемъ Амстердамскаго трактата. Поэтому Кампредону предписывалось хранить въ тайнѣ оказанную Швеціи денежную помощь и наблюдать за тѣмъ, чтобы Шведы этого не разглашали. „Король французскій, говоритъ Ле-Дранъ, весьма дѣйствительнымъ способомъ доказалъ свое искреннее желаніе придти на помощь королевѣ, и министръ этого монарха въ Стокгольмѣ объявилъ, что король расположенъ принять живое участіе въ возстановленіи Швеціи и желаетъ возстановить съ этою цѣлю между обѣими коронами союзный трактатъ, срокъ коего уже истекъ“, и который, скажемъ отъ себя, онъ обязался не возобновлять по Амстердамскому договору.

Однако шведское правительство было недовольно. Оно только потому согласилось на всѣ уступки, сдѣланныя въ пользу Англии, Даніи и Пруссіи, что его увѣрили, что за эти уступки ему помогутъ возратить всѣ провинціи, отнятыя у Швеціи царемъ; а между тѣмъ не только эти увѣренія не исполнялись въ дѣйствительности, но, благодаря побѣдамъ русскаго войска, Шведы видѣли себя въ необходимости купить миръ съ Россіей

путемъ еще новыхъ уступокъ. Въ концѣ іюля 1720 года король шведскій откровенно высказалъ королю французскому и великобританскому, въ какомъ бѣдственномъ положеніи онъ находится, и просилъ ихъ условиться насчетъ мѣръ, посредствомъ коихъ можно бы привести къ концу эту войну, которую Швецы не въ состояніи были вести. Съ одной стороны, онъ предложилъ имъ средства, могущія можетъ-быть заставить царя принять благоразумныя условія мира. Первое изъ этихъ средствъ состояло въ томъ, чтобы склонить короля прусскаго выступить со значительными силами противъ царя. Второе—въ томъ, чтобы при помощи англійскихъ и французскихъ субсидій набрать армію изъ войскъ нѣсколькихъ имперскихъ курфюрстовъ и князей. Третье—въ томъ, чтобъ образовать коалиціи императора и королей англійскаго, шведскаго и польскаго. Тогда можно будетъ собрать армію, достаточно многочисленную, чтобы загнать царя въ лѣса и болота Россіи, если онъ не предпочтетъ согласиться на тѣ условія мира, которыя Швеція и другія заинтересованныя въ умиротвореніи сѣвера державы найдутъ согласными съ ихъ безопасностію. Первые два средства, по мнѣнію англійскаго короля, были невозможны, оставалось подумать о третьемъ.

Король шведскій съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствовалъ шаткость своего положенія и часто говорилъ объ этомъ въ интимныхъ бесѣдахъ съ Кампредономъ. 21 октября онъ пригласилъ его ужинать съ собою и послѣ ужина имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Тутъ онъ довѣрилъ ему, что со стороны англійскаго короля сообщаютъ, что нѣтъ никакой надежды образовать противъ царя предположенную коалицію; что императоръ не только не выказалъ расположенія вступить въ эту коалицію, но видимо желалъ сойтись съ царемъ, а Франція не хочетъ и не можетъ содѣйствовать коалиціи, такъ какъ финансы ея въ конецъ разстроены; что поэтому Швеція надо серьезно подумать о томъ, какъ на возможно лучшихъ для нея условіяхъ заключить миръ съ царемъ, принеся ему нѣкоторыя жертвы. Король шведскій закончилъ просьбой, чтобы Кампредонъ сообщилъ всѣ эти подробности герцогу Орлеанскому и умолялъ его помогать ему въ этихъ грустныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ по крайней мѣрѣ своими совѣтами и указаніями. На это регентъ отвѣтилъ, что онъ обѣщаетъ Швеціи всякую денежную помощь и всякую посредническую услугу, какія только онъ въ состояніи будетъ оказать имъ. Но при всемъ желаніи у регента нѣтъ достаточно средствъ,

чтобы сформировать и содержать сильную вспомогательную армию, какъ о томъ просить король. ¹

До царя, какъ мы видимъ, доходили слухи о покровительствѣ, оказываемомъ Франціей Швеціи, а потому регентъ хотѣлъ дать Россіи доказательство своего доброжелательства и тѣмъ вѣрнѣе достигнуть результатовъ въ Стокгольмѣ. Все вниманіе его было устремлено на сѣверъ, и онъ рѣшился устранить недоразумѣнія, возникавшія на югѣ между Турціей и Петромъ. „Съ разныхъ сторонъ, рассказываетъ С. М. Соловьевъ, приходили въ Петербургъ извѣстія, что враги Россіи стараются поднять противъ нея султана. Турецкая война поставила бы въ это время Россію въ крайне затруднительное положеніе, и для ея отвращенія отправленъ былъ посланникомъ въ Константинополь Алексѣй Дашковъ.“ Онъ доносилъ, что на другой день послѣ аудіенціи, данной ему султаномъ, французскій и голландскій посланники прислали первыхъ своихъ переводчиковъ съ поздравленіемъ, но англійскій не прислалъ и теперь днемъ и ночью старается, чтобы какое-нибудь поврежденіе сдѣлать интересамъ вашего величества и меня отбить отъ здѣшняго двора. Въ другомъ донесеніи Дашковъ писалъ, что изо всѣхъ иностранныхъ министровъ оказываетъ къ нему расположеніе одинъ французскій посоль, который говорилъ ему: „больше всего старайтесь сохранить миръ съ Портой, тогда и шведскую войну счастливо окончите“. „А еслибы французскій посоль говорилъ Портѣ за цесаря (тоже интриговавшаго противъ Россіи), то она сейчасъ бы склонилась на его слова, и никто не могъ бы намъ столько зла сдѣлать, какъ онъ, потому что сиденъ онъ у Порты и нейтраленъ, потому Порта ему вѣритъ. Не угодно ли будетъ вашему величеству назначить ему пенсію, потому что голландскому послу давать пенсіи теперь не за что, весь на царской сторонѣ и кредита у Порты никакого не имѣеть.“

Въ январѣ 1720 г. переводчикъ Порты рассказалъ Дашкову, что императорскій посоль былъ у визиря, подаль грамоту отъ шведской королевы, въ которой, благодаря за помощь, оказанную брату ея Карлу XII, Ульрика просила не оставить Швецію въ настоящихъ ея неудачахъ. Визирь промолчалъ. Видя, что Порта не поддается, австрійскій и англійскій послы придумали новое средство, предложили именовъ своихъ государей, чтобы Порта

¹ Записка Ле-Драна въ *Сб. Ист. Общ.* Т. 40.

приняла посредничество между Россіей и Швеціей и принудила царя возвратить Швеціи свои завоеванія, потому что если Россія удержит все завоеванное, то и Туркамъ будетъ не безопасно отъ такого сильнаго сосѣда, Визирь призвалъ въ тайную конференцію французскаго посла и спрашивалъ его какъ друга и нейтрала, что тутъ дѣлать? Французскій посоль отвѣчалъ, что не должно принимать посредничество, которое поведетъ только къ бесполезной и убыточной ссорѣ съ Россіей, а отъ Швеціи за то какого ждать награжденія? Самы посудите, говорилъ посоль, что царь всего завоеваннаго возвратитъ не можетъ и ваше предложеніе отвергнетъ, слѣдствіемъ будетъ война между нимъ и вами, и въ этой войнѣ царь будетъ правъ предъ всѣмъ свѣтомъ, потому что не онъ ее началъ. Что же намъ дѣлать? спрашивалъ визирь. Завтра же призовите царскаго министра, отвѣчалъ посоль, объявите ему прямо, что вамъ что доносить, что предлагаетъ, изъ чего окажется ваша правдивая дружба; потомъ говорите ему, чтобъ онъ просилъ царя о присылкѣ полномочія для заключенія вѣчнаго мира, ибо миръ съ Россіей вамъ всего выгоднѣе. Какъ ты намъ сказалъ, такъ и будетъ, отвѣчалъ визирь, послалъ за Дашковымъ и объявилъ ему все, какъ совѣтовалъ французскій посоль. Послѣдній прислалъ сказать Дашкову, что если царское величество хочетъ заключить выгодный миръ съ Турціей, то слѣшилъ бы этимъ дѣломъ при нынѣшнемъ визирѣ и нынѣшнихъ министрахъ, потому что визирь человѣкъ миролюбивый, а министры всѣ большіе взяточники, сами просятъ безстыдно, и съ такими лучше дѣло имѣть, чѣмъ съ безкорыстными. Дашковъ доносилъ, что французскій посоль дѣйствительно трудится въ интересахъ царскихъ, но что онъ человѣкъ корыстолюбивый, уже освѣдомлялся, какая шла пенсія отъ русскаго двора голландскому послу; также и жена его любитъ подарки и давала знать Дашкову, что ей нужно собелей на шапку, за которыхъ она обѣщаетъ отслужить. Дашковъ послалъ ей двѣ пары собелей и мѣхъ горностаевый. Въ ноябрѣ 1720 г. благодаря французскому вмѣшательству нашему послу удалось заключить вѣчный миръ между Россіей и Портой ¹.

Изъ письма Дюбуа къ Кампредону, которое должно было служить ему руководствомъ, видно чего желала достигъ Франція своимъ посредничествомъ. „Пока оставалась, писалъ министр

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XVII, стр. 346—353.

иностранныхъ дѣлъ, хотъ малѣйшая надежда на то, что можно будетъ силой возвратить земли, завоеванныя царемъ у Швеціи, или, по крайней мѣрѣ, умѣрить его претензіи, регентъ избѣгалъ всякихъ демаршей, которые могли бы умалить эту надежду или укрѣпить надежды, питаемыя царемъ, и поэтому до сихъ поръ не давалъ этому монарху прямого отвѣта на предлагаемое имъ посредничество. Но теперь въ предложеніи царя регентъ видитъ удобный предлогъ къ тому, чтобы вы сдѣлали у царя тѣ демарши, которые король шведскій сочтетъ удобнымъ при настоящемъ положеніи вещей. Такъ какъ оказывается невозможнымъ образовать европейскую коалицію, регентъ считаетъ полезнымъ, чтобы вы вступили въ переговоры съ царемъ. Но вы должны пользоваться этимъ полномочіемъ только въ тѣхъ размѣрахъ, какіе король шведскій признаетъ согласнымъ со своими интересами. Такимъ образомъ, вы должны смотрѣть на свое полномочіе только какъ на средство, предоставленное вамъ, чтобы принести пользу королю шведскому, и чтобы не оставалось никакого препятствія къ принятію мѣръ, которыя онъ сочтетъ нужными для блага и пользы своего королевства. Полагаюсь на ваше благоразуміе и на инструкціи, которыя вы получите отъ короля шведскаго.“

Дюбуа просилъ передать шведскому правительству, что Франція и по заключеніи мира будетъ выдавать ему субсидіи. Кромѣ того, онъ сообщалъ, что регентъ готовъ ассигновать до восьмидесяти тысячъ риксдалей для раздачи подарковъ русскимъ министрамъ, такъ какъ въ то время это считалось однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ дипломатическихъ средствъ, и какъ мы видѣли, и Франція, и Россія выдавали пенсіи посламъ иностранныхъ державъ.

Въ январѣ 1721 года Кампредонъ подалъ королю шведскому записку о дѣли его отправленія въ Петербургъ, которая была прочитана сенату. Въ этой запискѣ онъ сообщалъ, что назначенъ быть посредникомъ при переговорахъ Швеціи съ Россіей, и что регентъ не пожертвуетъ интересами шведскаго короля въ пользу монарха, который не можетъ принести ему никакой пользы. ¹

Въ февралѣ Кампредонъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ встрѣченъ здѣсь любезно, но не безъ нѣкотораго недовѣрія. „Узналъ я, доносилъ французскій посланникъ, что Румянцевъ старался

¹ Recueil, VIII, 208—230.

возстановить царя противъ меня по поводу долгаго пребыванія моего въ Стокгольмѣ и довѣрія, которымъ почтплъ меня шведскій король. По этой-то причинѣ, прибывъ на конференцію съ русскими министрами въ канцелярію, гдѣ я нашель гг. Головкина, Толстого и Шафпрова, я счелъ своимъ долгомъ прежде всего сказать имъ, что можетъ-быть и, какъ мнѣ кажется, даже навѣрное какой-нибудь недоброжелательный человекъ внушилъ фальшивое понятіе обо мнѣ, основываясь на долгомъ пребываніи моемъ въ Швеціи. Какъ они сами знаютъ, министръ, желающій хорошо служить своему государю, обязанъ стараться приобрести расположеніе двора, при которомъ онъ аккредитованъ. Я точно также поступалъ бы при здѣшнемъ дворѣ, еслибы регенту угодно было раньше прислать меня сюда; но я Французъ и останусь имъ всегда и всюду, то-есть мой образъ дѣйствій никогда не будетъ имѣть иной цѣли, какъ исполненіе приказаній, которыми меня удостоить.“

На конференціи русскіе министры рѣшительно объявили, что царь согласенъ на миръ только на тѣхъ условіяхъ, которыя разъяснены имъ въ письмѣ къ регенту, и только на этихъ условіяхъ онъ принимаетъ посредничество Франціи. Онъ отказывается отъ Финляндіи и этимъ доказываетъ умѣренность своихъ требованій, но остальные завоеванія онъ намѣренъ удержать за собой. Кампредонъ возразилъ, что царь такимъ образомъ принимаетъ посредничество короля, что это похоже скорѣе на предписаніе закона, чѣмъ на полюбовное соглашеніе. Регенту совершенно безразлично, состоится ли миръ при его посредствѣ, или непосредственно между воюющими сторонами; но неслыханное дѣло, чтобы, принимая посредничество, обязывали посредника заставить врага вполне подчиниться волѣ его соперника. Невѣроятность и даже невозможность склонить къ этому Шведовъ препятствовали до сихъ поръ регенту хлопотать объ этихъ переговорахъ. Онъ съ величайшимъ прискорбіемъ увидить, что то же препятствіе существуетъ до сихъ поръ, и потому Кампредонъ еще разъ просить ихъ сообщить ему, если они найдутъ возможнымъ и полезнымъ для интересовъ царя, условія болѣе справедливыя и болѣе годныя для прекращенія этой продолжительной кровавой войны. Въ этихъ видахъ онъ ужъ, такъ и быть, беретса склонить Шведовъ на уступку Ревеля, если царь согласенъ удовлетвориться этимъ, хотя онъ знаетъ нежеланіе Шведовъ лишиться порта, который одинъ можетъ еще гарантировать имъ въ некоторую, хоть

и недостаточную безопасность. Если они поручатся ему, что на этомъ условіи миръ можетъ быть скоро заключенъ, то онъ, чтобы по мѣрѣ своихъ силъ способствовать этому, согласенъ еще разъ предпринять тяжелое и опасное путешествіе въ Стокгольмъ и уговорить шведскаго короля и совѣтъ его содѣйствовать этой уступкѣ. Русскіе министры съ улыбкой отвѣчали ему, что всѣ эти инспиуаціи совершенно бесполезны, потому что царь твердо рѣшился и ни ради какихъ соображеній въ мирѣ не откажется отъ обладанія Ливоніей и Эстоніей.

„Со времени вышеизложенной конференціи, доносилъ Кампредонъ, я употребилъ всевозможныя старанія, чтобы убѣдять министровъ царя расположить его къ смягченію условій, на которыхъ онъ желаетъ заключить миръ. Я заставилъ дѣйствовать въ томъ же направленіи и Мардефельдта, посланника прусскаго короля. Царь довѣряетъ ему и разговаривалъ съ нимъ нѣсколько дней тому назадъ, когда Мардефельдтъ представлялъ ему, что невозможно убѣдить Шведовъ принять условія, на которыхъ онъ настаиваетъ, если условія эти не будутъ хоть нѣсколько смягчены; этотъ государь возразилъ ему, что такъ какъ я не предлагалъ ему со стороны Швеціи ничего такого, что хоть приблизительно давало возможность вступить въ переговоры, хотя онъ очень хорошо знаетъ, что у меня есть полномочіе, то съ своей стороны тоже не слѣдуетъ откровенно высказывать, какія облегченія онъ намѣренъ сдѣлать, потому что, повидимому, моя миссія не имѣетъ иной дѣли, какъ вывѣдать его ультиматумъ для того, чтобы воспользоваться имъ сообразно съ интересами Швеціи и по возможности лишить его плодовъ кампаніи. Мардефельдтъ увѣрилъ царя, что его ввели въ заблужденіе; онъ, Мардефельдтъ, головой ручается, что я дѣйствую добросовѣстно, въ чемъ царь убѣдится самъ, если соблаговолитъ выслушать меня лично. Согласно нашему съ нимъ условію, Мардефельдтъ въ томъ же смыслѣ говорилъ съ Толстымъ и съ бар. Шафировымъ. Вѣроятно эти господа, каждый самъ по себѣ, дѣлали представленіе царю, потому что этотъ государь прислалъ вчера сказать мнѣ, что желаетъ поговорить со мной.“

Свиданіе съ Петромъ Кампредонъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ пріемной комнатѣ я встрѣтилъ канцлера Головкина съ Толстымъ и Шафировымъ. Послѣдній заявилъ мнѣ, что если я имѣю предложить что-либо кромѣ уже слышаннаго ими отъ меня доселѣ, то я могу открыть это царю, который обра-

тить должное вниманіе на мое сообщеніе. Въ эту минуту вошелъ монархъ, одѣтый въ матросскую куртку; онъ возвращался изъ адмиралтейства, гдѣ онъ каждый день работаетъ и отдаетъ приказанія. Я сказалъ ему, что съ глубочайшимъ сожалѣніемъ вижу, какъ мало успѣха имѣютъ дружественныя старанія регента подвинуть дѣло мира. Видя отношеніе его царскаго величества къ образованію конгресса, регентъ предложилъ, что царь рѣшился умѣрить свои требованія настолько, чтобы сдѣлать ихъ удобопримѣняемыми. Я имѣлъ также честь откровенно сказать царю, что король шведскій, будучи въ томъ же убѣжденіи, желая воспользоваться еще остающимися до открытія кампаніи временемъ, дабы предупредить еще большее кровопролитіе, далъ мнѣ полномочія или заключить перемиріе на 18 мѣсяцевъ, или подписать предварительно трактатъ; но такъ какъ министры царя безусловно отвергли первое предложеніе, а въ виду крайняго различія между требованіями царя и предложеніями Швеціи я не усматриваю рѣшительно никакой возможности трактовать о послѣднемъ; то я и считалъ совершенно бесполезнымъ объявлять, что уполномоченъ королемъ шведскимъ вести переговоры. Все, что я могу сдѣлать въ этомъ положеніи, это умолять царя откровенно сообщить мнѣ, если онъ найдетъ это возможнымъ, свое послѣднее рѣшеніе, дабы я могъ поѣхать дать въ немъ отчетъ королю шведскому и посмотрѣть не удастся ли мнѣ уговорить его согласиться на то. Я привыкъ во всемъ поступать честно и правдиво, и потому беру смѣлость сказать его величеству, что прочность трактатовъ зависитъ отъ ихъ справедливости. Какъ бы ни казалась слаба Швеція, она все же и по положенію, и по силамъ своимъ, еще въ состояніи защищаться, тѣмъ болѣе, что врагъ, находящійся въ своей собственной странѣ, всегда имѣетъ большія преимущества. Могутъ встрѣтиться неудобства и непріятности, неожиданныя и вредныя для интересовъ царя; хотя бы произошло лишь замедленіе въ установленіи дружескихъ связей, въ которыя царь желаетъ вступить съ королемъ и другими державами, то и то ужъ значительная непріятность, такъ какъ Швеція должна служить скрѣпляющимъ узломъ этихъ связей, а она не можетъ принести никакой пользы союзникамъ, если должна по мирному договору лишиться всѣхъ занимаемыхъ царемъ провинцій, не говоря уже о томъ, что для него самого будетъ и болѣе славно, и болѣе полезно, если его будущіе союзы основаны будутъ на дружбѣ, а не на страхѣ предъ его могуществомъ.

Я имѣлъ честь представлять ему все это, какъ человѣкъ истинно расположенный и не имѣющій иной цѣли, какъ содѣйствовать славѣ и выгодамъ царя возстановленіемъ общаго спокойствія на сѣверѣ, первымъ плодомъ коего будетъ заключеніе дружескаго и торговаго союза, котораго онъ самъ повидимому такъ сильно желалъ. Впрочемъ, заключилъ я, регенту безразлично, непосредственно ли со Швеціей поведетъ царь переговоры о мирѣ, или чрезъ посредство короля, такъ какъ онъ въ этомъ случаѣ не желаетъ ничего, кромѣ скорѣйшаго заключенія мира на благопріятныхъ для той и другой стороны условіяхъ. Царь отвѣчалъ мнѣ, что онъ принялъ и принимаетъ снова посредничество короля на тѣхъ условіяхъ мира, которыя сообщены имъ регенту. Въ существенныхъ основаніяхъ онъ отъ нихъ не отступитъ, будучи одинаково готовъ какъ къ миру, такъ и къ войнѣ, хотя, тѣмъ не менѣе искренно желаетъ мира. Чтобы достигъ онаго, онъ не откажется согласиться на нѣкоторое смягченіе требованій, а такъ какъ я посредникъ, то мнѣ и слѣдуетъ предложить, въ чемъ, по моему мнѣнію должно заключаться это смягченіе. Я возразилъ, что не только не могу ничего предложить на этотъ счетъ, но что я никакъ не думаю, чтобы Швеція могла согласиться на такія уступки, потому что тогда она лишилась бы безопасности, лишилась бы вѣрнѣйшихъ своихъ доходовъ и потеряла бы всякое уваженіе въ Европѣ. Царь отвѣчалъ мнѣ, смѣясь, что Господь наказалъ бы его, еслибъ онъ, изъ желанія сдѣлать удовольствіе другому, отдѣлялъ бы отъ своей имперіи плоды столькихъ трудовъ, крови и денегъ.“

„Вотъ все, писалъ Кампредонъ,—чего я могъ добиться, пройдя чрезъ многія неудачи, какъ вслѣдствіе дурнаго мнѣнія, которое внушили обо мнѣ царю, такъ и вслѣдствіе надменности его министровъ, которые къ недостатку вѣжливости присоединяютъ еще крайнее тщеславіе положеніемъ своего государя.“

Несмотря на то, что французскій посланникъ старался всачески подѣйствовать на нашихъ министровъ, между прочимъ и обѣщаніемъ значительныхъ подарковъ, русское правительство оставалось непоколебимымъ и твердо стояло на своемъ, и Кампредонъ писалъ, что едва ли можно подлѣтать что-нибудь съ царемъ. „Еслибы, говорилъ онъ, была практически выполнима коалиція, о которой такъ много говорятъ и надеждой на которую, какъ мнѣ пишутъ изъ Швеціи, король англійскій опять обольщаетъ ее, если Франція согласится оной содѣйствовать; еслибы

нельзя было опасаться, что расположение Англичанъ измѣнится, даже и тогда попытка силой принудить царя отъезжаться отъ своихъ намѣреній встрѣтила бы непреодолимые препятствія.“

Кампредонъ пошелъ на компромиссъ; онъ заявилъ, что Швеція готова сдѣлать нѣкоторыя уступки, напримѣръ, она откажется отъ Бексгольма, Петербурга, Ингрии со всѣми принадлежащими къ нимъ мѣстностями до Нарвы. Но это было гораздо меньше того, что требовалъ Петръ, и министры объявили Кампредону, что царь не уступить ни Ливонію, ни Эстонію; онъ не желаетъ изъ собственнаго окна видѣть земли сосѣда. Два мѣсяца хлопоталъ французскій посланникъ, но ничего не добился. „Я могу васъ положительно увѣрить, писалъ онъ Дюбуа, что дѣла царя находятся въ слишкомъ хорошемъ положеніи, чтобы можно было надѣяться, будто желаніе мира побудитъ его заключить оный на условіяхъ, подходящихъ для шведской державы.“

Въ апрѣлѣ отправился онъ въ Стокгольмъ съ извѣстіемъ, что Шведамъ надо принять условія, предложенныя царемъ. „Мнѣ необходимо, доносилъ онъ, дать королю шведскому вѣрный и точный отчетъ обо всемъ и тѣмъ предупредить бѣдствія, которыя грозятъ его королевству, если онъ не поспѣшитъ подчиниться существующимъ роковымъ обстоятельствамъ. Чѣмъ глубже я знакомлюсь съ дѣломъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ той истинѣ, что если Шведы стануть медлить и не примутъ предъявленныхъ имъ царемъ условій, то онъ силой принудитъ ихъ согласиться на болѣе тяжкія.“¹

Въ августѣ 1721 года былъ заключенъ Ништадскій миръ съ Швеціей, по которому Россія приобрѣла Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, часть Карелии, приобрѣла наконецъ море, къ которому стремилась такъ давно. „Швеція, говоритъ С. М. Соловьевъ, потеряла свое первенствующее положеніе на сѣверо-востокѣ, которое заняла Россія; но этимъ не ограничивалось значеніе великаго событія. Занявшая мѣсто Швеціи держава была держава новая, не участвовавшая прежде въ европейской жизни, держава, приносящая европейской исторіи цѣлый новый міръ отношеній, держава громаднѣйшая, которой границы простирались до Восточнаго океана и сходились съ границами Срединной имперіи, держава славянская, держава принадлежащая къ восточной

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 40, стр. 160—190, 205, 208, 219—220.

церкви, естественная представительница племенъ славянскихъ, естественная защитница народовъ греческаго исповѣданія. Давно исторія не видала явленія, болѣе обильнаго послѣдствіями.“

Такой блестящій миръ Петръ Великій заключилъ не благодаря французскому посредничеству, а вопреки европейскимъ интригамъ, благодаря исключительно своему таланту и славнымъ побѣдамъ русскаго войска, благодаря тому, что онъ боролся съ Европой европейскимъ оружіемъ.

X.

Такъ неудачно шли наши дипломатическія сношенія съ Франціей, но въ то же время торговля съ Россіей живо интересовала французскихъ купцовъ. Въ 1712 г. была подана французскому правительству записка, въ которой говорилось слѣдующее: „Вопросъ о томъ, до какой степени важна торговля Франціи съ Московіей, не подвергается разсмотрѣнію. Не трудно видѣть, что учрежденіе прочной и хорошо устроенной компаніи можетъ на столько подвинуть это дѣло, что голландской торговлѣ будетъ нанесенъ значительный ущербъ, ибо Голландцы закупаютъ исключительно во Франціи товары, пригодные для Московіи, и во Франціи же сбываютъ значительную часть товаровъ, приобретаемыхъ ими здѣсь. Необходимо однако замѣтить, что компанія, которая предприняла бы это дѣло, первоначально встрѣтитъ со стороны Голландцевъ противодѣйствіе, способное разрушить это предпріятіе, если не будетъ обращено особаго вниманія на поддержаніе компаніи до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени она не приобрететъ силы забрать въ свои руки всю торговлю съ этимъ государствомъ. Можно легко составить сильную компанію людей свѣдущихъ въ торговлѣ, которые учредятъ въ Петербургѣ контору; тутъ можно бы постепенно продавать французскіе товары и своевременно закупать товары, годные для отправки во Францію, что несомнѣнно повлекло бы за собой тысячу счастливыхъ послѣдствій для фабрикъ королевства, въ чемъ можно удостовѣриться лишь посредствомъ опыта. А такъ какъ еще неизвѣстны всѣ затрудненія, которыя могутъ встрѣтиться при подобномъ учрежденіи, то положительно необходимо, прежде чѣмъ составлять компанію, сдѣлать опытъ на двухъ или трехъ корабляхъ, нагруженныхъ французскими товарами въ удобное для того время. Цѣль отправленія этихъ кораблей состояла бы въ устра-

нені всѣхъ могущихъ встрѣтиться препятствій и въ начертаніи плана для предполагаемаго учрежденія, на основаніи собранныхъ во время путешествія свѣдѣній, какъ относительно внутренняго состоянія Московіи, такъ и относительно условій, кои его царскому величеству угодно будетъ предоставить. Съ этою цѣлію предполагается послать въ будущемъ ноябрѣ судно въ полтораста тоннъ, нагруженное годными для Московіи товарами, которое отправится какъ бы для совершенія открытія.“

Записка эта была подана, потому что изъ Россіи прибылъ Лефорть, предложившій установить непосредственную торговлю черезъ Петербургъ. Теперь условія измѣнились къ лучшему сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда приходилось возить товары въ Архангельскъ, и Людовикъ обратилъ серьезное вниманіе на записку французскаго купечества. Въ концѣ 1714 года Лави былъ посланъ въ Россію, онъ долженъ былъ способствовать развитію французской торговли. Миссія его была не только временная; онъ былъ первымъ французскимъ консуломъ въ С.-Петербургѣ и прожилъ тамъ до 1722 года.

По инструкціи, данной Лави, ему поручалось собрать слѣдующія свѣдѣнія: Узнать есть ли установленныя ярмарки въ Петербургѣ, какая продолжительность ихъ и какія привилегіи этихъ ярмарокъ. Освѣдомиться о приспособленіяхъ, существующихъ въ царскихъ владѣніяхъ для доставки товаровъ до Петербурга, какъ по рѣкамъ и каналамъ, такъ и на подводахъ. Составить списки товарамъ, которые европейскіе торговцы, а въ особенности французскіе, могли бы доставлять Русскимъ, обозначая приблизительно среднимъ числомъ ежегодное количество сбыта товаровъ каждаго рода и обыкновенную цѣну, за которую можно бы было ихъ тамъ продать. Узнать какъ производится торговля: объѣмомъ ли товаровъ, а если уплатой, сколько товаровъ и сколько деньгами. Узнать, существуютъ ли тамъ обороты векселями и на какія мѣста ихъ принято трассировать. Освѣдомиться о звонкой монетѣ ходячей въ Петербургѣ и въ другихъ частяхъ государства царя и объ отношеніи ея къ монетамъ нашимъ, гамбургскимъ, голландскимъ, и англійскимъ. Узнать о мѣрахъ и вѣсѣ, установленныхъ въ Петербургѣ, и объ ихъ отношеніи къ нашимъ. Въ особенности освѣдомиться о торговлѣ тамъ производимой Англичанами, Голландцами и Гамбургцами и о количествахъ судовъ, употребляемыхъ обыкновенно каждымъ изъ этихъ трехъ народовъ.

Французское правительство желало воспользоваться назначением Лави и для ближайшаго ознакомления съ Россіей, а потому къ инструкціи было прибавлено слѣдующее: „Такъ какъ лицо, которое должно совершить путешествіе въ Петербургъ, способно заняться болѣе возвышенными дѣлами, чѣмъ тѣ, о какихъ упомянуто въ настоящей запискѣ, можно было бы поручить ему въ то же время постараться узнать Петра, государя наследника, главныхъ министровъ и генераловъ, узнать интересы этого двора, его отношенія съ иностранными государствами, проникнуть предначертанія царя для увеличенія своего государства и своего могущества, преимущественно же что касается до флота, для котораго вѣроятно царь составилъ проекты. Было бы хорошо также имѣть точныя свѣдѣнія объ образѣ правленія, о совѣтахъ и судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ рѣшаются дѣла, о доходахъ царя, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, о религіи и о духовенствѣ, о числѣ войска, которое у царя налицо или которое онъ можетъ имѣть“.

Лави аккуратно исполнилъ данныя ему порученія, онъ постоянно доносилъ обо всемъ, что дѣлалось въ Россіи, о вѣншей политикѣ, о ходѣ Сѣверной войны, о царскомъ семействѣ, о дѣлѣ Алексѣя Петровича. Онъ самъ рассказываетъ, откуда черпаетъ свои свѣдѣнія. „Мнѣ очень жаль, пишетъ онъ, что я здѣсь имѣю лишь весьма скудные матеріалы для донесенія: отъ публики тщательно скрываютъ дурныя извѣстія и сообщаютъ лишь то, что можетъ нравиться народу, и часто выдумываютъ ихъ единственно для его усилія; здѣсь нѣтъ обычая печатать какую-либо газету; правда, иногда появляются летучіе листки объ успѣхахъ его царскаго величества, но весьма рѣдко упоминается о томъ, что происходитъ въ странѣ; а потому для пріобрѣтенія свѣдѣній слѣдуетъ знакомиться съ знатными лицами, приглашать ихъ на увеселительныя собранія, и когда они выпьютъ немного лишняго, является возможность разузнать отъ нихъ о самыхъ секретныхъ дѣлахъ; такимъ путемъ я часто узнавалъ, что дѣлается въ сенатѣ и при дворѣ князя Меншикова.“ Французскому консулу случалось, конечно, сообщать невѣрныя свѣдѣнія, однако явно вымышленныхъ извѣстій и притомъ враждебныхъ Россіи, какъ это дѣлали другіе, онъ не передаетъ. Вообще онъ относится сочувственно къ Петру и его преобразованіямъ; въ дѣлѣ съ Алексѣемъ Петровичемъ онъ находилъ его вполне правымъ и писалъ объ этомъ: „Несомнѣнно, что этотъ монархъ употре-

билъ при жизни царевича всѣ средства, чтобы внушить ему чувства, столь необходимыя наслѣднику престола, и если онъ передъ смертію лишилъ его престола и титула, то былъ вынужденъ къ подобному образу дѣйствія необходимостью оградить собственную безопасность и благо своего государства, такъ что нельзя достаточно похвалить прекрасный образъ дѣйствія этого государя.“

Лави обращалъ вниманіе регента на выгоды, которыя можетъ извлечь Франція изъ торговли съ Россіей. „Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, ваша высочество, пишетъ онъ, что установленіе нашей торговли съ Русскими повлечетъ за собою различныя выгоды, весьма существенныя для государствъ и заслуживающія вниманія. Вопервыхъ, расширеніе нашей торговли въ Балтійскомъ морѣ и вообще всей торговли вслѣдствіе связи послѣдней съ первою и наоборотъ уменьшеніе торговли Голландцевъ, которые безъ пособія французскихъ и даже испанскихъ, португальскихъ и итальянскихъ произведеній не могутъ вести торговлю съ русскими иначе какъ на наличныя деньги. Вовторыхъ, подобное же уменьшеніе торговли Великобританіи и Гамбурга, которые отчасти находятся въ подобномъ же положеніи. Втретьихъ, мы могли бы получать изъ владѣній царя всѣ предметы, потребныя для снабженія arsenalовъ его величества, которые крайне въ томъ нуждаются, и, сверхъ того, сберечь значительныя суммы. Голландцы, такъ же, какъ и Англичане, старались убѣдить царя продолжать торговлю въ Архангельскѣ и навсегда лишить Францію той торговли, которую она можетъ весьма выгодно вести съ Петербургомъ; но государь сохраняетъ твердое желаніе не только основать въ этомъ городѣ главную свою торговлю, но даже предоставить свободу участвовать въ ней всѣмъ государствамъ, которыя пожелали бы здѣсь торговать.“

Вскорѣ послѣ этого онъ писалъ: „Такъ какъ царь убѣжденъ, что торговля съ Франціей и съ Испаніей есть самая выгодная для его подданныхъ, то, мнѣ кажется, ваше высочество, въ интересахъ короля не слѣдуетъ пренебрегать торговлей, которую мы можемъ вести съ Великобританіей черезъ С.-Петербургскій портъ. Нѣсколько существенныхъ причинъ заставляютъ меня надѣяться, что ваше высочество признаете ихъ уважительными. Вопервыхъ, учрежденіе нашей торговли въ этой гавани уменьшить на $\frac{2}{3}$ торговлю Голландіи и на одну треть Великобританіи, это положительный фактъ, котораго не станеть оспаривать ни одинъ

свѣдущій негодіантъ. Повторяхъ, такъ какъ царь собирается соединить Балтійское море съ Каспійскія, то въ государствѣ его процвѣтетъ торговля съ Персіей, и ея караваны, приходящіе сюда въ январѣ, февралѣ и мартѣ, дадутъ возможность сбывать въ большомъ количествѣ наши товары и мануфактурныя издѣлія, изготовляемыя во Франціи, ибо Армяне, покупающіе наши сукна въ Смирнѣ, получаютъ возможность имѣть ихъ здѣсь по болѣе дешевой цѣнѣ. Дѣло въ томъ, что царь заключилъ съ Армянами условіе или трактатъ, по которому этотъ монархъ обязался (за 4% пошрины и по 50 к. съ пуда) перевозить ткани въ Астрахань, откуда ихъ отправляютъ въ Персію.“

„Не подлежитъ сомнѣнію, доносилъ онъ въ другой разъ, что если французская компанія будетъ дѣйствовать осмотрительно, то достигнетъ желаемой цѣли, то-есть утвердить свою торговлю съ Россіей, которая будетъ одна изъ выгоднѣйшихъ въ свѣтѣ“.¹

Мы не имѣемъ свѣдѣній, составила ли предполагавшаяся компанія, но изъ донесенія Лави видно, что въ С.-Петербургѣ бывали французскіе негодіанты, приходившіе къ консулу за паспортами. Въ 1721 г. онъ обращалъ вниманіе своихъ соотечественниковъ, что имъ не худо было бы заняться ловлей рыбы на Бѣломъ Морѣ: „Недавно, писалъ онъ, одинъ англійскій негодіантъ, уже лѣтъ двадцать живущій въ Россіи, подалъ царю докладную записку, въ которой предлагаетъ устроить въ здѣшней резиденціи компанію купцовъ для ловли семги, трески или шток-фиша, моржей и даже китовъ, въ водахъ отъ рѣки Двины до Печоры. Царь послалъ эту записку для просмотра въ торговую коллегію и одобрилъ проектъ; говорятъ, что онъ скоро будетъ обнародованъ и даже, что иностранные негодіанты приглашены будутъ къ участію въ компаніи. Говорятъ, русское дворянство не будетъ имѣть въ ней никакого участія, чѣмъ думаютъ внушить довѣріе иностранцамъ и побудить ихъ разобрать акціи. Я пришлю въ морской совѣтъ брошюру, которая должна появиться объ этомъ дѣлѣ. Пусть узнаютъ о немъ подданные короля и, если найдутъ нужнымъ, пусть примутъ мѣры, чтобы тоже вкушать сладости прибыльной торговли. Мнѣ изъ хорошаго источника извѣстно, что нѣсколько частныхъ русскихъ предпринима-

¹ Recueil, VIII, 131 — 135. Сб. Ист. Общ. Т. 34, стр. 214, 232, 365, 490—492.

телей, употребившіе въ 1720 г. капиталъ въ 36 тысячъ рублей, получили на него по сведеніи счетовъ 28 тысячъ руб. барыша, что составляетъ прибыль въ 76%, а она несомнѣнно увеличится еще, если устроить все, что нужно для процвѣтанія этой ловли. Было бы желательно, чтобы на это дѣло обратили вниманіе, такъ какъ по-моему французскіе негодіанты лучше всѣхъ прочихъ націй въ состояніи заняться имъ¹.

Французское купечество воспользовалось Ништадскимъ миромъ и вновь подало записку въ министерство иностранныхъ дѣлъ. „Въ государствахъ монархическихъ, говорится въ этой запискѣ, торговля никогда не шла успѣшно, покуда находилась въ рукахъ государей и ихъ министровъ. Обширная торговля Англии и въ особенности Голландіи неоспоримо доказываетъ, что она можетъ поддерживаться и успѣшно развиваться только при помощи частныхъ компаній. Однакоже компаніи эти сами по себѣ не располагаютъ достаточными силами, чтобы однѣмъ бороться съ завистью прочихъ державъ, и потому торговля ихъ можетъ пользоваться безопасностію лишь при помощи и подѣ покровительствомъ союзовъ, заключаемыхъ между собою государями тѣхъ странъ, которыя находятся въ торговыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Въ союзѣ и тѣсномъ сближеніи царя съ Франціей представляются разомъ всѣ эти великія и прочныя выгоды. Торговый трактатъ между обѣими монархіями можетъ имѣть своимъ предметомъ и цѣлію: 1) доставленіе въ ту и другую страну товаровъ и сырья, каждой изъ нихъ прямо и безъ посредства третьихъ лицъ; 2) для Франціи—возможность вести торговлю съ восточною Индіей, и въ особенности съ Персіей черезъ владѣнія царя, которыя служили бы тогда складочнымъ мѣстомъ для восточныхъ и персидскихъ товаровъ, отправляемыхъ во Францію и французскихъ, годныхъ для Востока².“

XI.

Еще до заключенія Ништадтскаго мира посланъ былъ въ Парижъ князь Василій Лукичъ Долгорукій, который долженъ былъ замѣнить Шлейница. Въ маѣ 1721 года онъ получилъ указъ хлопотать о брачномъ союзѣ между королемъ Людовикомъ XV

¹ *Сб. Ист. Общ.*, т. 40, стр. 216—17.

² Тамъ же, стр. 418—421.

и дочь Петра, Елисаветой. Но въ концѣ года нашъ посольство уведомилъ императора, ¹ что рѣшено женить короля на четырехлѣтней инфантѣ Испанской. ²

Несмотря на эту неудачу, Петръ не хотѣлъ отступить отъ своей мысли, и дальнѣйшіе переговоры съ Франціей почти исключительно вертѣлись на вопросѣ, какъ бы соединить родственными узами Парижъ съ Петербургомъ.

23 октября прибылъ въ Кронштадтъ Кампредонъ, назначенный посломъ къ Русскому двору. Черезъ день онъ обѣдалъ у коменданта и, узнавъ, что контръ-адмиралъ Сиверсъ, присутствовавшій за обѣдомъ, посылалъ нарочнаго къ царю съ извѣстіемъ о приѣздѣ посла, спросилъ его, не получилъ ли онъ отвѣта. Тотъ засмѣялся и сказалъ, что только-что получилъ, но не смѣетъ сказать какой; однако скоро онъ открылъ тайну: царь пишетъ, что самъ прибудетъ въ Кронштадтъ. Дѣйствительно Петръ приѣхалъ, пока они еще сидѣли за столомъ. По всей вѣроятности у царя было какое-нибудь дѣло въ Кронштадтѣ; невѣроятно, чтобъ онъ приѣхалъ навстрѣчу къ Кампредону, какъ увѣряютъ нѣкоторые историки. Послу посоветовали ѣхать домой и скоро дали ему знать, что царь отправляется на шведскій фрегатъ, на которомъ приѣхалъ французскій посольство, и просить его приѣхать туда же. Петръ стоялъ уже на палубѣ, когда подъѣхалъ Кампредонъ. Онъ ласково поздоровался съ посломъ, затѣмъ осмотрѣлъ фрегатъ отъ палубы до трюма и зашелъ въ каюту Кампредона. Здѣсь онъ не отказался отъ наскорю приготовленной закуски, любезно поговорилъ съ посломъ и даже предложилъ на дняхъ лично показать ему русскій флотъ.

На слѣдующій день царь принялъ Кампредона въ Петербургѣ; аудіенція была назначена въ канцеляріи сената. „Тамъ я засталъ, доносилъ Кампредонъ, канцлера Головкина, Шафирова и Толстаго, а немного погодя пришелъ и Остерманъ. Я произнесъ привѣтственную рѣчь, послѣ чего Шафировъ, по приказанію царя, отвѣтилъ мнѣ, что рѣчь эта ему пріятна, что онъ съ сердечнымъ участіемъ относится къ помолвкѣ короля, что онъ благодаренъ его величеству и регенту за ихъ участіе, что онъ съ своей стороны сдѣлаетъ все для скрѣпленія и усиленія дружескихъ отношеній обѣихъ коронъ и прикажетъ своимъ мини-

¹ 22 октября 1721 г. Сенатъ поднесъ Петру титулъ „императора“.

² Соловьевъ, *Исторія Россіи*. Т. XVIII, стр. 120.

страмъ вступить въ переговоры со мною, а покуда завѣряетъ меня, что регентъ не могъ прислать къ его особѣ личность болѣе заслуживающую его довѣрія и вниманія. Шафировъ прибавилъ, что, не владея въ достаточной мѣрѣ французскимъ языкомъ, не вполне понялъ мою рѣчь, почему проситъ меня оставить ему копию съ нея.“

Въ этотъ самый день былъ обнародованъ только-что ратификованный миръ со Швеціей и готовилось большое торжество. „Послѣ аудіенціи, пишетъ Кампредонъ, меня повели въ находящуюся у самаго Сената кофейню, гдѣ собрались уже всѣ придворные вельможи. Царь и самъ прибылъ туда, и всѣ последовали за нимъ въ соборъ, гдѣ должна была происходить церемонія обнародованія мира. Баронъ Шафировъ помѣстилъ меня между собою и канцлеромъ Головкинымъ, около балюстрады, отдѣляющей предшествующее алтарю возвышеніе, на которомъ царь стоялъ вмѣстѣ съ совершавшими богослуженіе священниками и по обыкновенію распѣвалъ. Служили соборнѣ два митрополита и нѣсколько архіереевъ. Царь нѣсколько разъ обертывался въ мою сторону и, замѣтивъ, что нѣсколько стоящихъ впереди меня вельможъ мѣшаютъ мнѣ видѣть церемонію, приказалъ Шафирову велѣть имъ посторониться и поставить меня поближе къ нему, а графу Матвѣеву, стоявшему недалеко отъ меня, приказалъ объяснять мнѣ службу. Тотчасъ по окончаніи ея прочли по-русски договоръ со Швеціей и ратификацію онаго, послѣ чего служившій преосвященный произнесъ проповѣдь на тему о мирѣ.“ Вечеромъ былъ балъ во дворцѣ, на которомъ императрица пригласила танцовать французскаго посла. Нѣсколько дней продолжались празднества. „Всѣ заняты теперь маскарадомъ и прочими празднествами, заканчивалъ Кампредонъ свое донесеніе, которыя будутъ длиться цѣлую недѣлю, и поэтому я полагаю, пока царскіе министры сами заговаряютъ со мною о дѣлахъ.“

Кампредонъ, близко познакомившійся съ Россіей во время своей послѣдней миссіи, пришелъ къ убѣжденію, что франко-русскій союзъ можетъ быть только выгоденъ для Франціи и что послѣ зампренія Швеціи нѣтъ никакой причины уклоняться отъ него. Онъ совѣтовалъ министру Дюбуа, бывшему въ это время кардиналомъ, женить какого-нибудь французскаго принца на Елисаветѣ Петровнѣ и такимъ образомъ удовлетворить желаніе Петра. „Одинъ пріятель—писалъ онъ министру—говорилъ мнѣ недавно слѣдующее: чтобъ окончателно привлечь царицу на нашу сто-

рону, желательно было бы устроить брак младшей дочери царя, очень милой и очень хорошенькой особы, съ однимъ изъ французскихъ принцевъ, котораго легко, а при могуществѣ царя даже навѣрное, можно бы сдѣлать польскимъ королемъ. Я убѣжденъ, что эти толки исходятъ отъ Шафирова и хотя мнѣ назвали принца Шаролэ, я сдѣлалъ видъ, что принимаю все это за простой разговоръ и отвѣчалъ въ общихъ выраженіяхъ, что ничего не слыхалъ объ этомъ дѣлѣ. Ваше высокопресвященство знаете, что я уже давно писалъ о немъ и точно также вамъ лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, какъ легко выполнить этотъ проектъ и сколько выгодъ и почета это доставило бы Франціи. Вамъ слѣдовательно надлежитъ обсудить, найдутъ ли у насъ это дѣло столь же подходящимъ, какъ здѣсь, и дать мнѣ приказанія, какія сочтете нужнымъ, дабы я могъ на основаніи ихъ дѣйствовать.“ „Царь пламенно желалъ бы видѣть одну изъ своихъ дочерей, — писалъ онъ чрезъ двѣ недѣли, — замужемъ за принцемъ Французскаго дома. И если только регентъ находитъ это дѣло подходящимъ, я увѣренъ, что можно разсчитывать вмѣстѣ съ царскою дочерью получить и корону Польши, въ которой царь пользуется безусловною властью.“¹

Кампредонъ принадлежалъ къ старымъ дипломатамъ, воспитаннымъ въ блестящее время Людовика XIV, когда французское оружіе и французская дипломатія распоряжались судьбами Европы. Во время Ништадтскихъ переговоровъ онъ старался доставить Швеціи по возможности выгодный миръ, но тутъ же онъ убѣдился, что могущество Швеціи сломлено, сломлено ея сосѣдкой Россіей, этою новою европейскою державой. Онъ понялъ, что въ интересахъ Франціи соединиться съ Петромъ, что это лучший способъ стать во главѣ сѣверной политики, и съ этихъ поръ онъ сталъ ревностнымъ сторонникомъ Франко-Русскаго союза. Онъ предлагалъ своему правительству очень удачную комбинацію: женить какого-нибудь французскаго принца на Елисаветѣ Петровнѣ и посадить его на польскій престолъ. Такимъ образомъ Польша оказалась бы въ подчиненіи у Франціи, она же и родственными связями послужила бы неразрывнымъ звеномъ, которое соединяло бы Петербургскій и Парижскій кабинеты. Комбинація эта была вполне возможна; Польша находилась въ анархическомъ положеніи, въ состояніи разложенія, которое скоро должно было довести ее

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 40, стр. 252—285, 296—298, 300, 303—304, 351.

до перваго раздѣла. Вліяніе Петра Великаго и дѣйствіе французскаго золота были настолько сильны въ Польшѣ, что смѣло можно было рассчитывать на проведеніе своего кандидата. Къ тому же король Августъ былъ слабъ здоровьемъ, наконецъ, польскій сеймъ могъ бы поступить съ нимъ такъ же, какъ съ предшественникомъ его Станиславомъ Лещинскимъ, то-есть смѣстить его. Такъ осуществилась бы та мысль Людовика XIV, старавшагося, но безуспѣшно, посадить на польскій престолъ французскаго принца Конти.

Герцогъ Орлеанскій сейчасъ же понялъ, что предлагаемая посломъ комбинація можетъ быть только выгодна для Франціи; онъ пожелалъ извлечь изъ нея какую-нибудь выгоду для собственнаго своего рода. Поэтому онъ предлагалъ женить сына своего герцога Шартрскаго на одной изъ дочерей Петра и такимъ образомъ добыть корону Орлеанскимъ, которымъ, несмотря на все желаніе, не удавалось завладѣть французскимъ престоломъ. Когда Кампредонъ давалъ понять регенту, что жениха русской царевны можно сдѣлать королемъ польскимъ, онъ не говорилъ на обумъ, но на основаніи своихъ разговоровъ съ русскими министрами. Изъ проекта, представленнаго нашимъ посланникомъ Парижскому двору, видно, что Петръ соглашался на указанную комбинацію. Но регентъ отличался свою нерѣшительностію; съ одной стороны проектъ льстилъ его самолюбію, съ другой онъ находилъ, что сынъ его сдѣлаетъ мезальянсъ¹, кромѣ того, онъ не зналъ, какъ посмотреть на это его союзница Англія, находившаяся во враждебныхъ отношеніяхъ съ Россіей. Онъ колебался и не давалъ никакого отвѣта Кампредону.

Послѣдній однако настаивалъ на своемъ проектѣ. „Не подлежитъ сомнѣнію, писалъ онъ, что предложеніе руки герцога Шартрскаго будетъ пріятно царю. Онъ не можетъ найти въ Европѣ болѣе подходящей партіи и наконецъ Франція несомнѣнно наиболѣе уважаема здѣсь изъ всѣхъ европейскихъ державъ. Кромѣ того, я знаю совершенно достоверно, что принцесса (Анна) красавица собой, прелестно сложена, умница, ни правами, ни манерами не напоминаетъ русскую, не любитъ герцога Голштинскаго (за котораго ее хотѣли выдать). Ея особеннымъ довѣріемъ пользуется служащая при ней графиня де-Лонуа. Эта женщина

¹ Во Франціи были недовольны происхожденіемъ Елисаветы Петровны со стороны матери.

разсказывала, что когда принцесса прочла въ газетахъ предположеніе о бракѣ ея съ герцогомъ Шартрскимъ, она была этимъ пріятно взволнована, разспрашивала, красивъ ли онъ, хорошій ли человекъ и, наконецъ, повидимому, не зная, что ей предназначено сдѣлаться наслѣдницей русскаго престола, сказала, что нѣжно любящій ее царь, ея родитель, выдастъ ее замужъ не иначе, какъ за короля. Иностраннѣйшій принцъ, который женится на этой принцессѣ,—а мнѣ уже объяснили, что царь ни въ какомъ случаѣ не отдастъ ее за Русскаго,—будетъ управлять могущественнымъ государствомъ, даже если и не сдѣлается царемъ, что впрочемъ и не желательно. Правда, что здѣшній народъ находился до сихъ поръ въ варварскомъ состояніи. Но со времени путешествія царя здѣсь многое совершенно измѣнилось, а если царь проживетъ еще лѣтъ десять, онъ поставитъ все на другую ногу, ибо ежедневный опытъ доказываетъ, что твердостью и смѣлостью изъ этого народа можно сдѣлать все что угодно.“

Положеніе Кампредона было очень неудобно, онъ не получалъ никакихъ инструкцій и не могъ дать русскому правительству никакихъ положительныхъ обѣщаній. Во время одной конференціи съ вице-канцлеромъ Шафировымъ, послѣдній высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Покуда у васъ нѣтъ положительныхъ приказаній, нельзя ни о чемъ говорить царю, ни подвинуть дѣла хотя бы на іоту впередъ. Царь довольно ясно высказалъ черезъ меня свое желаніе вступить въ тѣсный союзъ съ Франціей. Дѣло это и теперь въ томъ же положеніи. Но справедливо изумляясь тому, что васъ такъ долго оставляютъ здѣсь въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, царь легко можетъ повончить какъ-нибудь съ кѣмъ-либо другимъ“. Это былъ намекъ, что Россія можетъ заключить союзъ съ Австріей. Кампредонъ ставилъ это на видъ своему министерству, писалъ донесенія еженедѣльно, и каждый разъ убѣдительно просилъ прислать ему точныя инструкціи. Но кардиналъ Дюбуа упорно молчалъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, только съ іюля 1722 года начали приходить отъ него коротенькія записки, въ которыхъ онъ увѣрялъ посла, что его образомъ дѣйствій въ Парижѣ вполне довольны и обѣщали прислать инструкціи. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и только въ срединѣ октября регентъ рѣшился дать отвѣтъ Кампредону; въ концѣ ноября онъ получилъ отъ Дюбуа обширнѣйшую инструкцію.

„Если довѣрять намекамъ, пишетъ Дюбуа, слѣдующимъ вамъ на этотъ счетъ, и свѣдѣніямъ, инымъ путемъ полученнымъ нами,

то можно бы надѣяться, что царь, въ расчетѣ породниться съ королевскимъ домоу и возвести одну изъ дочерей своихъ на польскій престолъ, склоненъ благопріятствовать избранію на него герцога Шартрскаго, когда тронъ этотъ сдѣлается вакантнымъ, что, какъ есть основаніе думать, случится довольно скоро. Но эти надежды не должны ослѣплять насъ, пока не выяснится, насколько онѣ основательны. Говоря вообще, регентъ желалъ бы возведенія герцога Шартрскаго на польскій престолъ. Онъ сдѣлаетъ отъ имени короля и сообщитъ съ царемъ все, что нужно будетъ для успѣха этого избранія, и счелъ бы весьма для него хорошимъ положеніемъ бракъ своего сына съ младшею дочерью царя, такъ какъ это обезпечило бы ему значительную партію въ Польшѣ и могущественную поддержку извнѣ. Со своей стороны и царь нашелъ въ томъ выгоды, отнюдь для него небезразличныя. Онъ вступилъ бы въ самыя блестящія родственныя связи, на какія только можно рассчитывать въ Европѣ. Связи эти соединили бы его интересы съ интересами единственной великой державы, которая, по положенію своему, не можетъ имѣть съ нимъ никакихъ враждебныхъ столкновеній. А безопасность со стороны Польши и опора, которую онъ нашелъ бы тогда въ ней, дали бы ему возможность безпрепятственно усовершенствовать начатыя имъ великія учрежденія, и онъ имѣлъ бы открытыя во всѣ стороны пути къ распространенію своего вліянія и къ внушенію всѣмъ почтенія къ себѣ. Вы замѣтите, что въ выборѣ между доставленіемъ герцогу Шартрскому короны царской и возведеніемъ его на польскій престолъ регентъ не колеблется ни одной минуты. Еслибы даже могла быть рѣчь о первомъ, планъ подчиненія великой имперіи и ея многочисленнаго населенія представляеть слишкомъ мало вѣроятій на успѣхъ и слишкомъ много опасности, чтобы подвергать имъ принца, единственнаго сына регента и послѣ него ближайшаго предполагаемаго наслѣдника французскаго престола. Поэтому изъ двухъ указанныхъ путей регентъ рѣшительно предпочитаетъ послѣдній, единственно въ его глазахъ соотвѣтствующій достоинству королевскаго дома, и не сомнѣвается, что царь вполне раздѣлитъ его мнѣніе, если пожелаетъ дѣйствовать сообразно со своими выгодами. Принявъ за руководство это основное положеніе, можно надѣяться, что когда установится взаимное довѣріе, общность интересовъ поможетъ довести это дѣло до благополучнаго окончанія. Надо только соблюдать должную мѣру и не смѣшивать въ одно дѣла, которыя

лишь постольбу могутъ въ совершенствѣ быть выполнены каждое, поскольку оба они способствуютъ предполагаемой дѣли. Не слѣдуетъ принимать обязательствъ насчетъ брака, долженствующаго запечатлѣть столь великое дѣло, не получивъ предварительно вполне обеспеченной надежды на достиженіе польскаго престола; ибо безъ увѣренности въ этомъ не можетъ быть сдѣлано ничего прочнаго и выгоднаго ни для одной стороны, что очень легко доказать. Какое бы высокое положеніе ни занималъ теперь царь, но столько обстоятельствъ могутъ снова погрузить его имперію въ тотъ мракъ, изъ котораго онъ извлекъ ее, что было бы чрезчуръ смѣло предоставлять что-либо на долю случая въ дѣлѣ союза съ нимъ. Бракъ, отъ коего произошли принцессы, которыхъ онъ хочетъ выдать замужъ, не заключаетъ въ себѣ ничего лестнаго, и говорятъ даже, будто младшая изъ этихъ принцессъ, та, которую предназначаютъ вѣроятнo для герцога Шартрскаго, сохраняетъ въ себѣ нѣкоторые слѣды грубости своей націи. Извлечь какіе-либо плоды изъ этого брака можно только войдя со своей стороны въ планы царя. Между тѣмъ, можетъ случиться, что монархъ этотъ, приведя въ нѣкоторый порядокъ свои внутреннія дѣла, увлечется какими-нибудь такими предпріятіями, которыхъ Франція не можетъ ни признать, ни поддерживать, не рискуя создать себѣ этимъ могущественныхъ враговъ, и которымъ она даже, въ собственныхъ интересахъ, должна будетъ противиться. Наконецъ, можетъ также случиться, что, по заключеніи брака, можетъ-быть не совсѣмъ приличнаго для герцога Шартрскаго, окажется, что изъ него нельзя извлечь никакихъ плодовъ, если избраніе герцога на польскій престолъ не совершится по крайней мѣрѣ одновременно съ бракомъ. Едва ли можно даже сомнѣваться, что если послѣдній будетъ заключенъ раньше, то прочія европейскія державы, а можетъ-быть и значительная часть польскихъ магнатовъ, которымъ это обстоятельство раскроетъ планы царя, постараются доставить торжество какому-либо иному принцу. Такимъ образомъ, на долю Франціи останется лишь позоръ тщетной попытки, которая напугаетъ и можетъ-быть сдѣлаетъ ей враждебными сосѣдей и лучшихъ друзей ея. Заключеніе изъ всѣхъ этихъ и многихъ новыхъ, проходящихъ въ голову соображеній, то, что если уже должна быть рѣчь о бракѣ герцога Шартрскаго съ одною изъ принцессъ, дочерей царя, то надо, чтобы возведеніе его на польскій престолъ обезпечило заключеніе этого брака. Иначе нельзя сдѣлать

ничего прочнаго, потому что это вообще одно изъ тѣхъ предприятий, которыя могутъ быть оправданы только ихъ успѣхомъ, и насчетъ которыхъ можно желать, чтобъ ихъ результатъ предшествовалъ вызываемому имъ шуму. Вотъ, милостивый государь, чѣмъ вы должны руководствоваться въ образѣ дѣйствій своихъ относительно этого вопроса. Но, разумѣется, вы должны искусно придавать такой оборотъ своимъ рѣчамъ, чтобы казалось, будто регентъ будетъ чрезвычайно польщенъ честью, которую царь сдѣлаетъ герцогу Шартрскому, если, оказавъ ему свое содѣйствіе къ достиженію польскаго престола, когда послѣдній сдѣлается вавантнымъ, дастъ ему затѣмъ залогъ своей дружбы въ особѣ одной изъ принцессъ, дочерей своихъ. Вы должны выставить этотъ бракъ звеномъ, которое еще тѣснѣе свяжетъ съ царемъ короля и исполнить желанія регента, всегда стремившагося къ союзу между ними, старавшагося подготовить его и теперь дѣлающаго все зависящее отъ него, чтобы заключить его поскорѣе и сдѣлать его столь же счастливымъ, сколько и соответствующимъ интересамъ обѣихъ коронъ. Наконецъ, къ этимъ общимъ увѣреніямъ вы можете прибавить все, что по вашему мнѣнію способно возбудить и укрѣпить довѣріе. Старайтесь разомъ подготовить пути и къ достиженію цѣли возведенія герцога Шартрскаго на польскій престолъ, и къ заключенію союза, первоначально порученнаго вашими заботамъ.“¹

Изъ словъ Дюбуа видно, что въ Парижѣ желали сначала посадить герцога Шартрскаго на польскій престолъ, а потомъ женить его на русской царевнѣ, то-есть хотѣли получить приданое до совершенія брака. Кромѣ того, министръ поручалъ Кампредону хлопотать о примиреніи Петра съ королемъ Англійскимъ и о заключеніи тройственнаго союза между Франціей, Англіей и Россіей.

Когда Кампредонъ получилъ наконецъ желанныя инструкціи, онъ не могъ ничего дѣлать, потому что Петръ былъ въ это время въ персидскомъ походѣ, откуда вернулся только въ декабрѣ 1722 года. Въ началѣ слѣдующаго года дана была Кампредону секретная аудіенція въ Москвѣ, гдѣ тогда находился дворъ; тутъ посоль сдѣлалъ официально предложеніе о бракѣ герцога Шартрскаго съ Елисаветой Петровной. „На аудіенціи, на которой шла рѣчь объ этомъ вопросѣ, доносилъ Кампредонъ, при-

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 49, стр. 4, 58, 87, 95, 185—189.

существовала одна царица, чего еще никогда не дѣлалось ни для одного иностраннаго министра и что заранѣе показывало, что предложеніе, о которомъ князь Долгорукій (нашъ посолъ въ Парижѣ) сообщалъ уже царю, будетъ хорошо принято ихъ царскими величествами. Потому ли, что царь не пожелалъ довѣрить Остерману того, что было говорено на этой секретной аудіенціи, или по другой какой неизвѣстной мнѣ причинѣ, только поручилъ этому министру вести со мною переговоры насчетъ союза и сообщить ему условія, долженствующія составить основу оного, государь приказалъ Долгорукому (отозванному тогда изъ Парижа) объявить мнѣ, что брачное предложеніе ему очень пріятно и что если мнѣ поручено вести переговоры о немъ, то бракъ могъ бы быть заключенъ здѣсь же, одновременно съ договоромъ объ оборонительномъ союзѣ, что даже и необходимо, такъ какъ надо заблаговременно принять мѣры, въ виду ежедневно слабѣющаго здоровья короля Августа. Я отвѣчалъ Долгорукому, что я полагаю, это великое дѣло будетъ предоставлено ему и онъ для совершенія его снова поѣдетъ во Францію. Кромѣ того, мною получено покуда лишь привязаніе въ общихъ чертахъ разузнать, благопріятно ли примутъ предложеніе и затѣмъ уже сдѣлать его. Но если царь соблаговолитъ высказать мнѣ свое мнѣніе, я буду имѣть честь сообщить его королю и надѣюсь, что король уполномочитъ меня подписать какое-нибудь условіе на этотъ счетъ. Планъ возведенія герцога Шартрскаго на польскій тронъ сдѣлался бы невыполнимымъ, коль скоро бракъ совершился бы ранѣе или даже просто кто-нибудь узналъ бы о нашемъ проектѣ на этотъ счетъ. Съ этимъ Долгорукій согласился и сказалъ, что царь, его государь, то же думаетъ, но желаетъ, чтобъ условіе насчетъ брака герцога Шартрскаго съ принцессой Елисаветой подписано было здѣсь, причемъ необходимо опредѣлить условія приданаго, въ случаѣ вдовства, и необязательность перемѣны вѣры для принцессы. Я отвѣчалъ опять, что насчетъ частныхъ дѣла инструкцій не имѣю и не знаю даже, допускаетъ ли польская конституція исповѣданіе королевою иной, а не господствующей въ странѣ, вѣры. Кажется между греческимъ и римскимъ исповѣданіями разница не велика, да наконецъ, теперь вѣдь дѣло только въ обезпеченіи брака, о прочихъ же обстоятельствахъ и о томъ, какъ довести до счастливаго конца дѣло, служащее условіемъ брака, можно договориться впоследствии. Повидимому Долгорукій согласился съ этимъ и обѣщалъ сдѣлать

докладъ царю. Такъ какъ онъ не совсѣмъ здоровъ и не можетъ выходить, я отправился вчера къ нему. Онъ сообщилъ мнѣ, что монархъ согласенъ на бракъ, если королю угодно будетъ дать мнѣ инструкціи насчетъ приданого и вѣроисповѣданія и спеціальныя полномочія на заключеніе условія по этимъ вопросамъ. Долгорукій повторялъ нѣсколько разъ, что въ такомъ, однаково интересующемъ обоихъ монарховъ, дѣлѣ нельзя терять времени. Я отвѣчалъ, что немедленно буду имѣть честь доложить обо всемъ королю и увѣдомлю его тотчасъ, какъ получу приказанія, которыя исполню въ точности. Ради такихъ обстоятельствъ, казалось мнѣ, стоить послать нарочнаго курьера, котораго я осмѣлился отправить къ королю сегодня же съ всепокорнѣйшею просьбой прислать его обратно какъ можно скорѣе. Иначе царь можетъ опять подумать, какъ думалъ до сихъ поръ, будто его хотятъ провести умышленнымъ оттягиваніемъ дѣла, съ единственною цѣлю не допустить его принять другія предложенія, которыя ему дѣлаютъ, и предупредить которыя мнѣ кажется въ интересахъ короля.

Въ частномъ письмѣ къ Дюбуа посолъ такъ описываетъ царевну: „Принцесса Елисавета сама по себѣ особа чрезвычайно милая. Ее можно даже назвать красавицей, если посмотрѣть на ея стройный станъ, ея цвѣтъ лица, глаза, руки. Недостатки, если таковыя вообще есть въ ней, могутъ оказаться лишь въ воспитаніи и манерахъ. Меня увѣрили, что она очень умна. Слѣдовательно, если въ этомъ отношеніи окажется какой-нибудь недостатокъ, его можно будетъ исправить, назначивъ къ принцессѣ какую-нибудь свѣдущую и искусную особу.“

Петръ желалъ какъ можно скорѣе покончить это дѣло, хлопоталъ объ этомъ и Кампредонъ, но ничего не могъ подѣлать съ равнодушіемъ и нерѣшительностію своего министра. Онъ посылалъ курьера за курьеромъ, всячески старался подѣйствовать на Дюбуа. Онъ указывалъ на то, что пріѣхали въ С.-Петербургъ два принца изъ дома Гессенъ-Гомбургскаго и что общественное мнѣніе выдаетъ ихъ за жениховъ царевенъ, надо торопиться. Онъ требовалъ себѣ полномочія заключить брачный договоръ; но день проходилъ за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, отвѣта не было. Дюбуа присылалъ ему письма, въ которыхъ говорилъ о разныхъ политическихъ вопросахъ, но ни слова о предполагавшемся бракосочетаніи. Въ отчаяніи Кампредонъ обращается все съ тою же просьбой и къ Дюбуа, и къ регенту, и къ пятнадцати-

лѣтнему королю. Ничаго результата. Прошла зима, весна, лѣто. Посланникъ старается поддержать хорошія отношенія съ царемъ и это удается ему. Петръ обѣдаетъ у него и продолжаетъ быть съ нимъ любезнымъ. Но положеніе его становится неловкимъ; его оставляютъ безъ денегъ, такъ что онъ вынужденъ занимать, чтобъ уплатить почтовыя издержки, не дають категорическаго отвѣта насчетъ брака, между тѣмъ его спрашиваютъ, подозрѣваютъ французское правительство въ тайномъ недоброжелательствѣ, ему неудобно бывать во дворцѣ, и онъ скрывается больнымъ.

Въ сентябрѣ Кампредонъ былъ приглашенъ въ Петергофъ. Его повезли туда на великолѣпной яхтѣ, подаренной Прусскимъ королемъ. Узнавъ о прибытіи его въ портъ, государь выслалъ за нимъ шлюпку и встрѣтилъ его самъ на берегу канала, ведшаго къ дворцу отъ моря. Онъ повелъ посла въ маленькій домикъ „*Mon plaisir*“, гдѣ жилъ и который былъ построенъ въ подражаніе подобному же домику вблизи Берлина. „Туда-то, рассказываетъ Кампредонъ,—царь повелъ насъ прежде всего и показалъ намъ всѣ комнаты. Отправляясь оттуда въ другой маленькій домикъ, называемый „*Марли*“, царь посадилъ меня вмѣстѣ съ собою на большія дроги, поставленныя на такія широкія колеса, что они нисколько не портятъ аллей. Роль хозяина на данномъ намъ во дворцѣ обѣдѣ игралъ герцогъ Голштинскій, а царь удостоилъ насъ своимъ присутствіемъ на другой день въ садовой галлерей, гдѣ столъ былъ накрытъ на 80 персонъ. Послѣ его обычнаго постѣобѣденнаго сна, мы были приглашены сопутствовать ему къ каналу, черезъ который проведена вода въ Петергофъ. Царь удостоилъ сказать мнѣ, что я видѣвшій столько прекрасныхъ вещей во Франціи, едва ли найду что-нибудь любопытное въ Петергофѣ, и прибавилъ, что желалъ бы, чтобъ у короля въ Версалѣ былъ такой же чудный видъ, какъ здѣсь, гдѣ съ одной стороны открывается море съ Кронштадтомъ, съ другой виденъ Петергофъ. Меня поражаетъ, отвѣчала я монарху, что онъ счумѣлъ въ теченіе столь продолжительной войны и въ суровомъ климатѣ соорудить всѣ показанныя намъ великолѣпныя вещи, вполне заслуживающія вниманія. Когда мы остались наединѣ съ Остерманомъ, онъ спросилъ меня, не получалъ ли я отъ короля какихъ-нибудь приказаній насчетъ начатыхъ въ Москвѣ переговоровъ. Многіе иностранныя дворы, сказалъ онъ, въ особенности Вѣнсскій, считали ихъ уже оконченными и договоръ подписаннымъ. Этотъ

дворъ выражалъ даже свое безпокойство царю, который не можетъ понять, что за причина побуждаетъ короля такъ пренебрегать его союзомъ, заключенія коего король самъ желалъ. Вы не можете, прибавилъ Остерманъ, сомнѣваться въ искренности добраго расположенія государя, но, не говоря уже о томъ, что онъ не привыкъ къ пренебреженію, его положеніе очевидно должно было бы внушить менѣе равнодушія къ союзу выгодному, главнымъ образомъ, королю.“ Кампредонъ отвѣтилъ на это разными отговорками, что кардиналъ Дюбуа боленъ и безъ него нельзя написать ни одной важной бумаги. Въ душѣ онъ негодовалъ на свое правительство; прошло полгода съ тѣхъ поръ, какъ онъ послалъ въ Парижъ экстреннаго курьера съ просьбой немедленно отослать его, курьеръ не возвращался.

Что же дѣлалось во Франціи? Почему молчало министерство иностранныхъ дѣлъ? Злые языки утверждали, что когда на столѣ у Дюбуа накапливалось слишкомъ много дипломатическихъ депешъ, онъ бросалъ ихъ въ каминъ не читая. Это конечно анекдотъ, въ дѣйствительности же въ эту минуту кардиналъ былъ занятъ исключительно внутреннею политикой и своими личными дѣлами. Людовикъ XV достигъ совершеннолѣтія, регентство должно было прекратиться; главною заботой герцога Орлеанскаго и его бывшаго воспитателя Дюбуа было, какъ бы фактически продолжить регентство отмѣненное *de jure*. Кардиналу удалось подѣйствовать на юнаго короля, и онъ былъ утвержденъ въ должности перваго министра. Герцогъ Орлеанскій искалъ поддержки во вѣнскихъ отношеніяхъ и находилъ ее въ Англій. Онъ старался увѣрить общество, что союзъ съ Англійею обезпечиваетъ миръ во Франціи и союзъ этотъ будетъ продолжаться столько же сколько его могущество; по его словамъ, трактаты съ Англійею были заключены скорѣе съ Орлеанскимъ домомъ, чѣмъ съ Франціею. Чтобы утвердить это мнѣніе, онъ всячески старался выставить на видъ свою интимность съ лондонскимъ кабинетомъ и ухаживалъ за нимъ еще больше прежняго. Такъ какъ бракъ его сына съ царевной могъ не понравиться въ Англій, онъ просилъ у нея разрѣшенія, но отвѣта ему не давали. Въ такихъ обстоятельствахъ Дюбуа не зналъ, что ему дѣлать, и молчалъ. Наконецъ, получивъ изъ С.-Петербурга не менѣе 16 донесеній, онъ рѣшился взяться за перо. 1 августа была составлена депеша на имя Кампредона, но Дюбуа не успѣлъ подписать ее, 2-го онъ заболѣлъ отъ невоздержной жизни, 10-го умеръ. Его достой-

ный воспитанникъ, научившійся отъ него не только наукамъ, но и разврату, пережилъ его недолго. Въ 49 лѣтъ герцогъ Орлеанскій смотрѣлъ старикомъ и 3 декабря его сразилъ ударъ.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Морвиаль подписалъ заготовленную Дюбуа депешу и отправилъ ее въ С.-Петербургъ. Она пришла вскорѣ послѣ петергофскаго свиданія, но заключала мало утѣшительнаго. „Хотя главнымъ образомъ, писалъ министръ, продолжительная болѣзнь помѣшала мнѣ отвѣчать на ваши письма, но это не единственная причина, почему я не далъ вамъ до сихъ поръ точныхъ приказаній насчетъ возложенныхъ на васъ переговоровъ. Дѣйствительно, на первый взглядъ кажется, что общность интересовъ Франціи и Россіи должна бы устранить всѣ препятствія къ соглашенію оныхъ. Но есть такія препятствія, которыя могутъ быть устранены только царемъ, ибо король не можетъ обойти ихъ, не рискуя заслужить упрекъ въ измѣнѣ своимъ обязательствамъ. Мы поэтому вынуждены были прибѣгнуть къ средствамъ, съ помощію коихъ можно сказанныя препятствія устранить. Съ такою именно цѣлю король отправляетъ сегодня къ Англійскому двору Шавиньи, нашего посланника въ Генуѣ, случайно бывшаго здѣсь. Итакъ наше промедленіе должно быть приписано отнюдь не стремленію нашему добиться новыхъ и еще болѣшихъ выгодъ, но единственно желанію, вступая въ новыя обязательства съ царемъ, выполнить я тѣ, что прежде приняты нами на себя. Наши дѣйствія основаны не на скрытыхъ началахъ, а на обязательствахъ принятыхъ по обнародованнымъ во всеобщее свѣдѣніе трактатамъ, въ силу коихъ мы обязаны защищать интересы Англій. То, что прежде могло разсматриваться, какъ слѣдствіе вѣжливости по отношенію къ Англійскому королю, сдѣлалось теперь обязательнымъ тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе царскіе министры противятся примиренію своего монарха съ англійскою короной. Выказанное царемъ нежеланіе примириться съ Англійскимъ дворомъ служитъ единственнымъ препятствіемъ, задерживавшимъ до сихъ поръ заключеніе союзнаго договора.“

О предполагавшемся бракѣ министръ писалъ слѣдующее: „Мнѣ остается обсудить съ вами важный вопросъ о бракѣ герцога Шартрскаго съ принцессой Елисаветой. Предложеніе этого брака сдѣлано съ цѣлю укрѣпить союзъ Франціи съ Россіей и извлечь изъ него наиболѣе пользы для обѣихъ державъ, которыя нашли бы обоюдную выгоду въ возведеніи герцога Шартрскаго

на польскій престолъ, когда оный сдѣлается вакантнымъ. Если бы можно было совершить бракосочетаніе раньше достиженія этой цѣли, король стремился бы къ тому такъ же ревностно, какъ царь; но обнародовать бракъ, не обезпечивъ предварительно избраніе, значитъ прямо дѣйствовать въ противность предположеннымъ цѣлямъ. Царь хорошо знаетъ, что сдѣлается этотъ планъ извѣстенъ преждевременно, ему никогда не удастся осуществить его. Это встревожило бы всѣ европейскія державы, а польскую націю больше всѣхъ, потому что она непременно вообразила бы, будто это событіе поставитъ ее въ положеніе вѣчнаго слуги чужихъ интересовъ, зависающаго отъ воли своихъ сосѣдей. Царю скоро пришлось бы встрѣтиться съ непреодолимыми препятствіями, и онъ понялъ бы тогда, что родительская любовь побуждавшая его поторопиться бракомъ принцессы послужила только къ возстановленію противъ него могущественныхъ враговъ и къ уничтоженію той партіи въ Польшѣ, при помощи коей онъ можетъ разсчитывать на успѣхъ своихъ плановъ. Такимъ образомъ, согласиться на немедленное заключеніе брака съ его дочерью въ томъ соображеніи, что король польскій можетъ прожить еще долго, и слѣдовательно, судьба этой принцессы не устроится еще много лѣтъ, согласиться на это, значило бы дѣйствовать противъ блага и противъ интересовъ царя. Хотя и нельзя опредѣлить заранее срокъ жизни короля, но можно кажется безъ особенной смѣлости сказать, что польскій король не долго уже проживетъ теперь и что наступаетъ моментъ, когда можно будетъ испытать на дѣлѣ дѣйствительность мѣръ, которыя будутъ приняты съ обѣихъ сторонъ для возведенія на польскій престолъ герцога Шартрскаго. А разъ это событіе совершится, ничто не помѣшаетъ болѣе заключить бракъ и возвести дочь царя на польскій престолъ. Итакъ, скажите князю Долгорукову, что препятствіе, не допускающее короля нынѣ же сдѣлать угодное отцовской любви царя, обусловливается не столько посторонними соображеніями, сколько именно интересами самого царя, а что еслибъ ихъ можно было согласить съ немедленнымъ заключеніемъ брака, то король съ радостью сдѣлалъ бы это.¹

Съ грустію увидѣлъ Кампредонъ, что его многочисленныя донесенія не произвели должнаго впечатлѣнія въ Парижѣ, что тамъ все еще на первомъ планѣ стоитъ Англія, что хотить пре-

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 52, стр. 68—70, 86, 62—65.

жде всего завладѣть польскимъ престоломъ. другими словами, что бракъ Елисаветы Петровны долженъ быть отложенъ въ долгій ящикъ. Когда онъ узналъ, что умеръ герцогъ Орлеанскій, онъ могъ надѣяться, что произойдетъ перемирие во французской политикѣ.

ХІІ.

По смерти герцога Орлеанскаго, Людовикъ сдѣлалъ первымъ министромъ другаго принца крови, герцога Бурбонскаго, и поручилъ ему веденіе всѣхъ дѣлъ. Король все еще не хотѣлъ самъ править государствомъ, и новый министръ былъ на самомъ дѣлѣ новымъ регентомъ. По словамъ Вандаля, во Франціи рѣдко бывало худшее правительство. Герцогъ не обладалъ никакими талантами и, кромѣ того, находился подъ вліяніемъ женщины, маркизы де-При, о которой ея другъ написалъ: она два года управляла королевствомъ, но сказать, что она хорошо управляла, это дѣло шное. Маркиза отличалась мелочностію и навязала Франціи такую же мелочную политику. Новое министерство желало продолжать систему регентства и впало въ еще большія ошибки. Внѣшняя политика заключалась преимущественно въ томъ, чтобъ еще болѣе раболѣпствовать предъ Англіей и выказывать еще болѣе высокомерія по отношенію къ Россіи.

Кампредонъ увидѣлъ это изъ первой же депеши, присланной новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Морвилемъ по смерти герцога Орлеанскаго. „Послѣ послѣдовавшей вчера, писалъ онъ, неожиданной кончины герцога Орлеанскаго, король возложилъ обязанности перваго министра на герцога Бурбонскаго и поручилъ ему завѣдывать всѣми дѣлами. Событіе это не внесетъ ни во внутреннія, ни тѣмъ менѣе во внѣшнія дѣла королевства никакой перемены.“ Нѣкоторая перемена однако произошла. „Надо опасаться, писалъ Морвиль 4 февраля 1724 года, новыхъ замедленій со стороны министровъ царя, если смерть герцога Орлеанскаго поселитъ въ нихъ мысль, что будто теперь станутъ менѣе заботиться объ интересахъ короля Великобританскаго. Вамъ слѣдовало бы предупредить всякія сомнѣнія, могущія служить на руку извѣстному отвращенію царскихъ министровъ къ примиренію ихъ государя съ королемъ Великобританскимъ и сразу заявить, что такъ какъ настоятельныя требованія короля основаны на договорахъ, заключенныхъ между коронами его и ан-

тлїйскою, они являются дѣломъ государственнымъ, отъ котораго ни теперь и никогда отказаться нельзя.“ Прежнее правительство указывало только на то, что примиреніе Россіи съ Англіей желательно, но не отказывалось заключить трактатъ съ Петромъ, даже еслибъ онъ оставался во враждебныхъ отношеніяхъ съ королемъ Англійскимъ. Новое правительство ставило вопросъ очень рѣзко: союзъ съ Россіей можетъ быть заключенъ только подъ условіемъ, что она примирится съ Англіей. Это грозило разрывомъ съ Россіей, потому что Петръ считалъ себя оскорбленнымъ Англіей и требовалъ отъ нея удовлетворенія, котораго та дать не хотѣла. ¹

Если разрыва не произошло, то только потому, что Петръ хотѣлъ во что бы то ни стало осуществить завѣтную мысль, выдать Елисавету Петровну если не за Людовика, то по крайней мѣрѣ за какого-нибудь французскаго принца, а также потому, что французскіе дипломаты, болѣе дальновидные чѣмъ правительство, усиленно хлопотали о томъ, чтобы поддержать добрыя сношенія съ Петербургомъ.

Персидскій походъ, завоеванія на Каспійскомъ морѣ и въ Закавказьѣ, вызвали большое неудовольствіе въ Константинополѣ; султанъ увѣрялъ, что Персія принадлежитъ ему, хотя шахъ Персидскій не признавалъ своей зависимости отъ Порты, на самомъ же дѣлѣ Турція желала захватить Грузію и боялась, что она отойдетъ къ Россіи. Въ теченіе всего 1723 года постоянно возникали разные инциденты, окончательно уладить которые удавалось нашему послу Неплюеву. Въ самомъ началѣ 1724 года султанъ, наущаемый англійскимъ посломъ, рѣшился объявить войну Россіи. Переводчикъ Порты пріѣхалъ къ Неплюеву и сказалъ ему: „Объявляется война, и ты долженъ выбрать одно изъ трехъ: или возвратиться въ отечество, или быть при великомъ визирѣ въ походѣ, или жить въ Царьградѣ простымъ челоукомъ, ибо Порта съ этой минуты не признаетъ тебя за министра. Хотя у насъ и нѣтъ обычая оставлять министровъ на свободѣ въ такихъ случаяхъ, однако для тебя дѣлается исключеніе за твое доброе поведеніе“. Петръ не ожидалъ войны съ Турціей, не желалъ ея и Кампредонъ, понимавшій, что тогда Франція должна будетъ стать на сторону своей старой союзницы противъ

¹ *Сб. Ист. Оби.* Т. 52. стр. 130, 155. Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 69—70.

Россіи. Такого же образа мыслей держался и де-Бонакъ, французскій посолъ въ Константинополѣ. Не получивъ инструкцій отъ своего правительства, эти два дипломата начали дѣйствовать въ пользу Россіи, такъ какъ видѣли въ этомъ и пользу Франціи. Де-Бонакъ предложилъ свое посредничество, которое было принято Петромъ, и ему удалось убѣдить визиря, что война съ Россіей не выгодна Турціи и что лучше договориться съ ней и условиться, что дальше извѣстной границы русскія войска не зайдутъ въ Персію. Вслѣдъ за этимъ онъ посылаетъ къ Кампредану Даліона и требуетъ, чтобы какъ можно скорѣе былъ данъ категорическій отвѣтъ Портѣ, согласно ли русское правительство съ тѣми предложеніями, которыя отъ его имени сдѣланы де-Бонакомъ.

Кампредонъ начинаетъ хлопотать очень энергично, онъ старается подѣйствовать на нерѣшительнаго Остермана, который въ отсутствіе царя (Петръ былъ въ Олонецѣ) боится дать отвѣтъ Портѣ, а султанъ не соглашается ждать долѣе шести недѣль. „Я составилъ записку, сообщалъ Кампредонъ де-Бонаку, и подаль ее Остерману. Объ этомъ мы заранѣе условились съ нимъ, потому что ему надо приготовить всѣ матеріалы настолько, чтобы царь вернувшись могъ тотчасъ же рѣшить вопросъ окончательно. Этимъ я расчистилъ дорогу Остерману, поставивъ его въ возможность высказать истину, какъ она есть, не рискуя исказить ее никакими измышленіями. Къ тому же я зналъ, что то насчетъ чего я условлюсь съ Остерманомъ, пройдетъ непремѣнно, потому что въ настоящее время онъ у царя оракулъ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ. Министръ этотъ благодарилъ меня за мой трудъ и обѣщалъ воспользоваться имъ какъ слѣдуетъ. Я сказалъ ему, что надо дать категорическое рѣшеніе и инструкціи настолько ясныя и опредѣленныя, чтобы не приходилось опять просить новыхъ. Мы съ Даліономъ объяснили ему заявленную вами рѣшимость не вмѣшиваться болѣе въ это дѣло, если, вернувшись, Даліонъ не привезетъ вамъ и резиденту разрѣшенія подписать договоръ на условіяхъ, предложенныхъ въ ультиматумѣ великаго визиря, которыя мы ему сообщили и письменно и устно. По-моему, присовокупилъ я, лучшее средство достигъ скорѣе цѣли, въ сущности болѣе выгодной для царя, чѣмъ для султана, это составить здѣсь проектъ договора, такъ чтобы русскій резидентъ могъ подписать договоръ послѣ двухъ, трехъ совѣщаній. Я совѣтую это изъ желанія добра, потому что, зная какъ

министры царя страшатся хотя бы на одну иоту отступить отъ его предписанія, совершенно убѣждены, что Неплюевъ по своему обыкновенію не будетъ знать, что дѣлать и станетъ упорно отказываться подписывать договоръ при малѣйшемъ затрудненіи, хотя бы дѣло шло о какомъ-нибудь пусташномъ оборотѣ рѣчи. Сдѣлавъ нѣсколько незначительныхъ возраженій, Остерманъ согласился со мною и обѣщаль выработать проектъ договора. Три дня отъ него не было никакихъ извѣстій. Я написалъ ему, спрашивая, когда именно ждутъ царя и предлагая ему, хотя не прямо высказать, буде онъ пожелаетъ выслушать еще нѣсколько соображеній, въ добавленіе къ тѣмъ, которыя онъ такъ хорошо принялъ раньше. Онъ на слѣдующее утро пріѣхаль ко мнѣ и сказалъ, что поработалъ уже надъ проектомъ, но оставилъ его у канцлера Головкина. Затѣмъ онъ прочелъ намъ извлеченіе изъ связаннаго проекта, перевода его съ русскаго. Мы съ Даліономъ ничего въ немъ не поняли, кромѣ того, что возникаютъ какія-то затрудненія. Этотъ способъ вести переговоры привелъ меня къ заключенію, что русскіе министры никакого проекта еще не составили и что если я не настою на рѣшеніи этого дѣла раньше пріѣзда царя, то до окончательнаго рѣшенія пройдетъ еще много времени. Я предложилъ Остерману, не угодно ли ему прослушать набросанный мною черновой проектъ? Можетъ-быть онъ и окажется подходящимъ; во всякомъ же случаѣ, Остерманъ убѣдится въ готовности и быстротѣ, съ которою посредники слушать дѣлу, весьма, по нашему мнѣнію, важному для интересовъ царя. Послѣ этого маленькаго вступленія я прочелъ ему свой проектъ. Онъ слушалъ очень внимательно и только на одну статью сдѣлалъ замѣчаніе. Остальные пункты не вызвали никакихъ возраженій, такъ что Остерманъ сталъ убѣдительно просить меня дать ему мой проектъ, дабы онъ могъ по немъ составить свой, спросивъ предварительно мнѣніе сотоварищей. Я возразилъ, что вѣдь это только черновая, въ которой я изложилъ свои мысли, единственно съ цѣлью обработать нѣсколько матеріалъ; но если ужъ онъ непремѣнно желаетъ, чтобы я, какъ другу, довѣрилъ ему эту черновую, то я велю переписать ее набѣло и пришлю ему. Онъ отвѣчалъ, что я доставилъ бы ему большое удовольствіе, вручивъ черновую въ томъ видѣ, какъ она есть, а онъ пришлетъ мнѣ ее обратно въ тотъ же вечеръ. Вѣдь въ переговорахъ съ участіемъ посредниковъ, прибавилъ онъ, вообще принято чтобы послѣдніе составляли проекты, потому что духъ безпристрастія, руководящій

всѣми ихъ поступками, много способствуетъ соглашенію сторонъ. Тогда я сказалъ министру, что если онъ такъ смотритъ на дѣло, то я охотно даю ему проектъ, составленный дѣйствительно въ видахъ устраненія затрудненій и ускоренія счастливаго окончанія дѣла. Въ тотъ же день вечеромъ Остерманъ возвратилъ мнѣ проектъ.“

На другой день пріѣхалъ Петръ и сейчасъ же занялся турецкими дѣлами. Назначена была конференція Остермана и другихъ министровъ съ Кампредономъ и Даліономъ. Остерманъ открылъ засѣданіе заявленіемъ, что царь всѣ свои надежды на успѣхъ переговоровъ возлагаетъ на французскаго посла въ Константинополь, что онъ приважетъ Неплюеву во всемъ слѣдовать его совѣтамъ, и что де-Бонаву будетъ вручена копія царскихъ инструкцій вмѣстѣ съ копіей проекта договора, подписанною русскими министрами, причемъ онъ будетъ уполномоченъ измѣнить, какъ найдетъ нужнымъ, слова и обороты рѣчи, съ условіемъ лишь оставить неприкосновенною самую суть дѣла. Царь составилъ самъ проектъ договора съ Турціей, и на этомъ основаніи Кампредонъ кое-что измѣнилъ въ своемъ проектѣ и послалъ его де-Бонаву въ исправленномъ видѣ. По совѣту французскаго посла Петръ послалъ султану въ подарокъ шубу изъ чернобурыхъ лисицъ, цѣной въ двадцать тысячъ рублей, и обѣщалъ по заключеніи договора послать и ему, и великому визирю подарки болѣе цѣнные. Составленный Кампредономъ проектъ былъ принятъ Портой съ нѣсколькими ничтожными измѣненіями, и 12 іюня 1724 г. Неплюевъ подписалъ договоръ съ Турціей, по которому были разграничены Русскія и Турецкія владѣнія на Кавказѣ.¹

Кампредону удалось предотвратить грозившую войну съ Турціей, ему оставалось одно: помирить Петра съ Англійскимъ королемъ. „Меня не удивляетъ, писалъ ему Морвиль, что король Великобританскій дѣйствовалъ въ Константинополь противъ царя. Весьма естественно, что, видя непобѣдимое сопротивленіе царя всякой попыткѣ примиренія съ нимъ, король Англійскій долженъ былъ стараться поддерживать смуты, которыя отвлекаютъ силы царя въ другую сторону, и слѣдовательно не позволяютъ ему дать волю своимъ мстительнымъ чувствамъ противъ него, короля Англійскаго. Для русскихъ министровъ и для ихъ монарха было

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 52, стр. 169—201. Соловьевъ, *Исторія Россіи*. Т. XVIII, стр. 72—75.

бы лучше, еслибы они похлопотали о примиреніи царя съ королемъ Великобританскимъ; тогда они предупредили бы естественное противодѣйствіе этого государя планамъ монарха, который видимо питаетъ въ душѣ замысль мстить, замысль, дѣйствительно служившій доселѣ главнымъ и единственнымъ препятствіемъ къ установленію прочнаго союза между королемъ и царемъ.“

Онъ толковалъ объ этомъ съ Остерманомъ, но результата не было никакого, и онъ рѣшился на смѣлый шагъ. Въ тотъ день, когда присланъ былъ изъ Константинополя подписанный тамъ договоръ, въ Петербургѣ торжественно праздновали это событіе. Кампредонъ стоялъ у собора, въ ожиданіи когда появится царь, и вотъ въ тотъ моментъ, когда Петръ сходитъ съ лошади и собирается войти со своей свитой въ церковь, посолье пробирается чрезъ толпу и подходитъ къ царю. Петръ, нисколько не разсердившись за такую фамильярность, подаетъ руку Кампредону и, намекая на Ништадтскій миръ, говоритъ: „вы всегда были для меня вѣстникомъ мира“.—„Сдѣлайте такъ, отвѣчаетъ посолье, чтобъ я до конца имѣлъ эту честь; неужели вы не сдѣлаете никакой уступки нашему королю, который хлопочетъ о водвореніи добрыхъ отношеній между вами и Англіей, имѣя преимущественно въ виду вашу славу и ваши истинные интересы?“—„Я не буду неблагодарнымъ, отвѣтилъ государь,—и сейчасъ же дамъ своимъ министрамъ приказанія, которыми вы останетесь довольны.“

Приказанія эти заключались въ томъ, чтобы выработаны были условія, на которыхъ могли бы возобновиться дипломатическія сношенія съ Англіей; Петръ официально сообщилъ Людовику, что принимаетъ его посредничество для улаженія недоразумѣній съ королемъ Великобританскимъ. 16 октября король увѣдомлялъ Кампредона, что почва настолько подготовлена, что можетъ быть посланъ русскій резидентъ въ Лондонъ, и при этомъ давалъ своему послу инструкцію, какъ дѣйствовать. „Господинъ де-Кампредонъ, начинается письмо отъ короля, меня чрезвычайно огорчали препятствія, мѣшавшія заключенію давно предполагаемаго союза, въ который я такъ желаю вступить съ царемъ. Поэтому вы безъ труда поймете, какъ обрадовало меня то обстоятельство, что монархъ, внимая голосу долга относительно своихъ подданныхъ и славы своего царствованія, согласился наконецъ примириться съ королемъ Великобританскимъ, пожертвовавъ по моимъ просьбамъ непріязненнымъ чувствомъ своимъ противъ этого государя. Но чѣмъ болѣе царь оказалъ мнѣ

въ этомъ случаѣ довѣрія, тѣмъ болѣе я считалъ обязательнымъ для себя дѣйствовать осторожно и не компрометтировать достоинство царя при стараніяхъ уничтожить можетъ-быть оставшіяся еще въ умѣ короля Великобританскаго предубѣжденія. Приходилось выжидать момента, когда можно будетъ съ увѣренностью высказать извѣстныя вещи. Опытъ послѣдняго времени какъ нельзя лучше доказалъ, что излишняя торопливость только отдалила бы отъ предполагаемой цѣли, и что раньше всѣ попытки склонить Англійскій дворъ на тѣ уступки, которыя недавно сдѣланы имъ по многимъ изъ пріятныхъ царю вопросамъ, были бы тщетны. На дняхъ только королю предложили статьи договора приблизительно въ томъ видѣ, какъ онѣ выработаны съ московскими министрами. Я хотѣлъ поставить условія эти такъ, чтобы царь, убѣдившись въ стремленіи моемъ исполнить все, что можетъ быть ему пріятно, рѣшился немедленно же закончить договоромъ переговоры, окончаніе коихъ столь долго откладывалось. Посылаю вамъ проектъ договора, который, по моему мнѣнію, можетъ быть принятъ царемъ, и который король Великобританскій не затруднится подписать.“¹

Чѣмъ уступчивѣе становился Петръ, тѣмъ все увеличивались требованія французскаго правительства. Возобновленіе сношеній между Россіей и Англіей казалось ему теперь недостаточнымъ, оно соглашалось заключить договоръ съ Петромъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ договорѣ приняла участіе и Англія, иначе говоря, требовало, чтобы между царемъ и королемъ Англійскимъ былъ заключенъ дружественный трактатъ.

Это не входило въ виды русскаго правительства и трудно было требовать отъ него дружбы съ королемъ, который еще такъ недавно помогалъ Шведамъ. „Когда я заговорилъ о заключеніи договора сообщая съ королемъ Великобританскимъ, доносилъ Кампредонъ 28 ноября, Остерманъ слегка нахмурился. Онъ замѣтилъ, что это будетъ труднѣе всего и спросилъ, послѣднее ли это слово короля. Я отвѣчалъ, что уже давно говорилъ ему объ этомъ и готовъ хоть сейчасъ снова изложить ему всю необходимость и всѣ выгоды этого тройственнаго союза для царя. По выраженію лица канцлера Головкина въ то время, какъ Остерманъ переводилъ ему мои слова, я замѣтилъ, что онъ сильно настроенъ противъ короля Великобританскаго. Но Остерманъ объявилъ мнѣ,

¹ Сб. *Ист. Общ.* Т. 52, стр. 295—296. Vandal, p. 73—74.

наконецъ, что поѣдетъ къ царю, сообщить ему нашъ разговоръ и тотчасъ же увѣдомить о томъ, каковы будутъ его приказанія.“

Однако никакого приказанія не послѣдовало. Въ Парижѣ сердились и ставили на видъ, что участіе Англіи въ союзномъ договорѣ *conditio si ne qua non*. „Судя по вашему письму, писалъ Морвиѣ Кампредону, царь все еще чувствуетъ нежеланіе вести переговоры о союзѣ сообща съ королемъ Англійскимъ. Послѣ всего, что было до сихъ поръ, это обстоятельство кажется мнѣ до того удивительнымъ, что я считаю нужнымъ напомнить въ точности все то, что вамъ писалось на этотъ счетъ. Это дастъ вамъ возможность доказать Остерману, что планъ, по которому вы дѣйствуете теперь, совсѣмъ не новъ и представляетъ лишь слѣдствіе тѣхъ началъ, которымъ слѣдовали по меньшей мѣрѣ полтора года. Дѣйствія Остермана и канцлера Головкина, о которыхъ вы докладываете, могутъ происходить лишь отъ ихъ собственной хитрой изворотливости. Однако имъ должно быть хорошо извѣстно, что подобныя уклоненія совершенно бесполезны; и если еще разъ зайдетъ рѣчь объ этомъ, вы можете прямо объявить имъ, что такъ какъ событія не внесли никакихъ измѣненій во взаимныя отношенія Франціи съ Англіей, король не отступить отъ того условія, на основаніи коего вы доселѣ вели переговоры, то-есть чтобы король Англійскій принималъ дѣйствительное участіе въ договорѣ. Заявите, что это послѣднее рѣшеніе короля и что какъ бы онъ ни желалъ вступить съ царемъ въ тѣсный союзъ, столь соотвѣтствующій ихъ выгодамъ и славѣ, но ему придется отказаться отъ этой столь желанной дѣли до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать нынѣшнія препятствія. Постарайтесь всѣми силами разъяснить эту тайну и удостовѣриться, дѣйствительно ли это только изворотливость московскихъ министровъ, или произошла какая-нибудь перемѣна.“

Несмотря на то, что послѣ послѣдняго категорическаго заявленія Франціи прошло три мѣсяца и русское правительство не давало никакого отвѣта, Кампредонъ все еще надѣялся уладить дѣло. 9 января 1725 г. онъ доносилъ: Остерманъ отвѣчалъ мнѣ, что царь попрежнему желаетъ заключенія союза и прикажетъ хоть сегодня же подписать договоръ, если я уполномоченъ сдѣлать это отъ имени одного короля, съ упоминаніемъ лишь короля Великобританскаго наравнѣ съ прочими государями, которые могутъ впослѣдствіи къ этому союзу приступить. Но разъ требуется прямо заключить союзъ съ его британскимъ величе-

ствомъ, прежде чѣмъ даже совершится примиреніе съ нимъ, то это уже изъ конца въ конецъ измѣняетъ предложенный въ началѣ порядокъ, ибо тогда рѣчь шла лишь о гарантіи сѣверныхъ договоровъ и объ обезпеченіи его германскихъ владѣній отъ неимѣвшаго никакого дѣйствительнаго основанія, воображаемаго нападенія на оныя. А впрочемъ, онъ, Остерманъ, говоритъ мнѣ это отнюдь не затѣмъ, чтобы лишить меня всякой надежды на согласіе царя на то, что король требуетъ отъ него въ данномъ случаѣ. Монархъ замѣтилъ только на его докладъ, что это для него новость, которую слѣдуетъ обдумать на досугѣ. Между тѣмъ, досуга-то и не было, потому что царь въ послѣдніе два мѣсяца сильно занятъ былъ то болѣзнию своею, то семейными, то духовными дѣлами, то, наконецъ, новымъ сенатскимъ уставомъ, который окончилъ лишь наканунѣ Рождества.“ „Царь не сдѣлалъ бы такъ много уступокъ въ вопросѣ о примиреніи, писалъ онъ дальше, еслибы не усматривалъ въ этомъ собственной выгоды. Едва ли также рѣшился бы онъ компрометтировать имя короля какъ разъ въ то время, когда его величество оказалъ ему такую существенную услугу, и, кромѣ того, я знаю, что онъ признаетъ союзъ съ Франціей самымъ полезнымъ и почетнымъ изъ всѣхъ представляющихся ему, а насчетъ намѣренія его вступать въ какія-либо инныя связи не слыхалъ ничего, хотя и развѣдывалъ.“¹

Петру не удалось уже заняться французскими дѣлами, въ январѣ онъ опасно заболѣлъ, 28 января 1725 г. онъ умеръ. До самой смерти онъ не получилъ официального извѣстія, о предполагавшемся бракѣ Елисаветы Петровны; но частнымъ образомъ онъ, конечно, зналъ, что проектъ этотъ былъ оставленъ французскимъ правительствомъ, и герцогъ Шартрскій женился на нѣмецкой принцессѣ.

XIII.

Культурное вліяніе Франціи на Россію только зарождалось въ Петровское время: французскій языкъ, французскія книги, французскіе гувернеры не вошли еще въ моду; вообще говоря, преобладало вліяніе германскихъ народовъ, Голландцевъ, Англичанъ и Нѣмцевъ. Это происходило прежде всего отъ личнаго вкуса Петра, симпатіи котораго не клонились къ Французамъ. Поэтому

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 52, стр. 347, 374—377, 385—387.

молодежь посылалась для обучения большею частью въ Германію, Италію, Голландію, Англію, гдѣ скорѣе чѣмъ во Франціи можно было научиться практическимъ наукамъ (инженерному искусству, военному дѣлу), которымъ царь придавалъ особенное значеніе. Тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что въ 1723 году прѣхали въ Петербургъ ученики, обучавшіеся въ Парижѣ философіи: Иванъ Горлецкій, Тарасъ Посниковъ, Иванъ Каргопольскій¹. Изъ Франціи выписывались мастера, художники, инженеры, архитекторы; въ рядахъ русской арміи сражались и переселившіеся Французы. Слѣдовательно нельзя сказать, чтобы Франція не оказывала на насъ никакого вліянія, хотя среди иностранцевъ, жившихъ въ Россіи, преобладали другія національности.

Выгоды русской службы, возможность нажити въ Россіи, привлекали Французовъ. Въ 1717 г. консулъ Лави слышалъ, что изъ Франціи собирается цѣлая колонія изъ 200 семействъ, имѣющая намѣреніе поселиться въ Петербургѣ и другихъ частяхъ Россіи; говорили, что имъ раздадутъ землю и освободятъ на десять лѣтъ ото всякихъ податей и повинностей. Въ концѣ того же года Лави доносилъ: „Лейденскія газеты отъ 23 ноября сообщаютъ въ статьѣ изъ Франкфурта, что туда прибыло большее число семействъ французскихъ ремесленниковъ, въ сопровожденіи трехъ русскихъ комиссаровъ, которые везутъ ихъ въ Россію для открытія различныхъ мануфактуръ; желательно было бы, чтобы это извѣстіе оказалось несправедливымъ, ибо кромѣ того, что подобныя учрежденія вообще вредятъ торговлѣ нашего народа, большая часть Французовъ прибывшихъ сюда на свой счетъ находится въ крайней бѣдности, и если царь не доставитъ имъ средствъ зарабатывать себѣ хлѣба, они будутъ принуждены возвратиться или погибнуть отъ нищеты; другіе не должны рассчитывать на лучшую участь. Я уже имѣлъ честь передавать двору, что многіе Французы выѣхали изъ королевства подъ различными предлогами, скрывая свое имя и званіе, будучи мастерами мануфактуръ; къ этому я долженъ прибавить, что здѣсь собираются открыты казенную фабрику для приготовленія всѣхъ сортовъ матерій изъ шелка, серебра и золота, подъ управленіемъ вице-канцлера, барона Шафирова. Съ этою цѣлію пригласили нѣсколько французскихъ мастеровъ.“² Не знаемъ, оправ-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, Т. XVIII, стр. 188.

² *Св. Ист. Общ.* Т. 34, стр. 236, 269—270.

дался ли слухъ, сообщенный консуломъ, но несомнѣнно, что въ Петербургѣ была французская колонія и отъ нея одна изъ улицъ на Васильевскомъ Островѣ называлась Французскою; тамъ находилась и французская католическая церковь.

Въ донесеніяхъ дипломатовъ читаемъ нѣрѣдко о французскихъ офицерахъ, поступившихъ въ русскую армію; тутъ упоминаются капитанъ Вильбуа, полковники Дебрили и Деринья, капитанъ Шамюзо, генераль-майоръ Дюпре, бригадиръ графъ де-Браза; по всей вѣроятности Французомъ былъ и графъ Салти, назначенный въ 1722 г. полковникомъ и товарищемъ герольдмейстера. Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ Девіеръ носилъ тоже французскую фамилію. Во флотѣ также встрѣчаются Французы, напримѣръ, нѣкто Касаръ, бывшій у себя на родинѣ капитаномъ корабля, былъ произведенъ у насъ въ контръ-адмиралы. Важную роль игралъ Сантъ-Илеръ; по его мысли была основана морская академія и онъ сдѣланъ ея главнымъ начальникомъ, но онъ оказался неуживчиваго характера и чрезъ два года былъ уволенъ въ отставку. ¹

Среди французскихъ военныхъ встрѣчается всего больше инженеровъ, которымъ Петръ охотно давалъ разныя порученія и которые оказали намъ немаловажныя услуги. Леблондъ завѣдывалъ укрѣпленіями Кронштадта, называвшагося тогда Кроншлотомъ; онъ составилъ планъ города, который собирались построить въ этомъ портѣ. Одно время онъ былъ управляющимъ царскими зданіями и по его предложенію въ 1717 г. было выписано изъ Парижа на 6.200 рублей „вылитыхъ вещей, принадлежащихъ къ фонтанамъ, каскадамъ и прочая, которые хотятъ дѣлать въ плезирныхъ домахъ его царскаго величества“. Черезъ годъ послѣ этого Леблондъ впалъ въ немилость; иностранцы повидимому не уживались съ Русскими. По крайней мѣрѣ французскій консулъ доносилъ въ 1718 г.: „Полагають, что г. Леблондъ, котораго лишили управленія царскими зданіями, будетъ уволенъ, такъ какъ царь недоволенъ имъ за ослушаніе его повелѣніямъ и за различныя ссоры его со многими лицами, которыя всѣ вмѣстѣ жаловались на него князю Меншикову. Правда, что дурное поведеніе его жены много способствовало его немилости“ ². Петръ же-

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 34, стр. 119, 350.

² *Сб. Ист. Общ.* Т. 11, стр. 65, 385—336. т. 34, стр. 112, 115. 219, 223, 261, 263.

даль соединить системой каналовъ Балтійское море съ Вѣлымъ, для этихъ разысканій былъ посланъ французскій инженеръ Кулонъ, завѣдывавшій всѣми водными постройками. Кромѣ того, ему дано было однажды порученіе отправиться въ Азовъ и снять карту Азовской губерніи ¹. „Французскій инженеръ Бринья, доносилъ Лави въ 1720 г., уѣхалъ въ Псковъ, съ приказаніемъ отправиться оттуда въ Смоленскъ и Великіе Луки, для снятія плана этихъ мѣстностей и немедленнаго донесенія объ ихъ состояніи военной коллегіи, которая намѣревается возвести тамъ укрѣпленія. Другой французскій инженеръ, полковникъ Коллонъ, отправился въ Ревель съ тѣмъ, чтобъ оставаться тамъ во все время кампаніи (противъ Шведовъ) и руководить работами по усиленію этой крѣпости въ случаѣ, если это понадобится“. Э тотъ же Бринья сопутствовалъ Петру въ персидскомъ походѣ ². Францъ зъ Віаръ строилъ укрѣпленія въ Ригѣ, Конвенанъ по порученію царя укрѣпилъ нашу южную границу въ 1720 г. Лубра строилъ на Балтійскомъ морѣ портъ Рогервикъ, недалеко отъ Ревеля ³.

Казенными фабриками и заводами въ петровское время большею частью управляли иностранцы, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и Французы; директоромъ зеркальныхъ фабрикъ былъ Делонуа, директорами двухъ оружейныхъ заводовъ—Лубатье и Монбріонъ. Въ концѣ царствованія Петра упоминается директоръ императорской мануфактуры Менаръ, поссорившійся съ консуломъ Лави и нанесшій ему какое-то оскорбленіе. ⁴

Несомнѣнно, что изъ Франціи выписывались простые мастера, но о нихъ мы почти ничего не знаемъ. Случайно дошло до насъ извѣстіе о слесарномъ мастерѣ Беленѣ, котораго постигла странная участь. 24 мая 1723 года онъ за „смертное убійство“ былъ присужденъ къ каторжной работѣ; но уже черезъ полгода послѣдовалъ императорскій указъ „отъ той работы учинить его свободна и отослать ево въ канцелярію надъ строеніями, въ команду директора Снявина, и быть ему тамо подъ карауломъ, чтобъ онъ не ушелъ, и обучать слесарному своему мастерству оной команды людей, сколько надлежитъ и того ему директору смотрѣть самому, дабы оные обучены были добрымъ мастерствомъ,

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 34, стр. 265, 267, 319.

² *Сб. Ист. Общ.* Т. 40, стр. 97, т. 49, стр. 281.

³ *Сб. Ист. Общ.* Т. 40, стр. 151, 81, 417, т. 49, стр. 1.

⁴ *Сб. Ист. Общ.* Т. 34, стр. 259, 308, 312.

какъ надлежить, и для того кормить ево, Француза, изъ оной команды, чѣмъ бы могъ онъ пропитатца.“ По всей вѣроятности, былъ большой недостатокъ въ мастерахъ, если царь рѣшился воспользоваться трудомъ каторжника. ¹

Гораздо рѣже выписывали ученыхъ и художниковъ. Въ 1717 году французскій консулъ писалъ изъ Петербурга въ Парижъ: „сюда прибыло 17 Французовъ, разныхъ ремесленниковъ и художниковъ; между ними находится одинъ пожилой человекъ, профессоръ философіи, вызванный для того, чтобы преподавать русскому дворянству.“ Французскій профессоръ въ Россіи это, конечно, большое исключеніе. Изъ живописцевъ извѣстенъ Каравакъ. Въ 1722 году царь подарилъ ему деревянный домъ, на Васильевскомъ Островѣ, во Французской улицѣ. Онъ былъ выписанъ за нѣсколько лѣтъ до этого преимущественно чтобы писать портреты, но между прочимъ ему дали также порученіе написать картину, представляющую Полтавскую битву. Меншиковъ извѣщалъ царя въ 1717 года: „Живописца Каравака по указу вашего величества заставляю писать Полтавскую баталию и учениковъ ему, что возможно найти, придамъ.“ Этотъ Каравакъ былъ преданъ церковному отлученію католическимъ священникомъ. Среди донесеній консула Лави находится бумага слѣдующаго содержанія: „Въ лѣто 1720, апрѣля 25 дня, въ шесть часовъ утра, предсталъ на судъ къ намъ, Генрику Лави, Людовикъ Каравакъ, живописецъ на службѣ его царскаго величества и нотабль французской націи, который сказалъ и объявилъ намъ, что вчерашній день, въ воскресенье, 24 числа текущаго мѣсяца, отправившись между девятью и десятью часами утра въ Французскую церковь, на Васильевскомъ Островѣ, для слушанія тамъ божественной службы, онъ съ удивленіемъ услышалъ, какъ отецъ Кайо, совершавшій богослуженіе (послѣ того, какъ объявилъ присутствующимъ, что на недѣлѣ нѣтъ никакого праздника, который бы препятствовалъ имъ заниматься работою), обратился къ нему, Караваку, въ выраженіяхъ обидныхъ и поносительныхъ, называя его по имени и скандальнымъ образомъ обвиняя его какъ мятежнаго возмутителя, подлежащаго наказанію за свое недостойное поведеніе, за то, говорилъ онъ, что своимъ вреднымъ вліяніемъ отвлекалъ прихожанъ отъ говѣнія и причащенія у него. Вслѣдъ затѣмъ онъ сказалъ слѣдующее: властію Богомъ мнѣ

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 11, стр. 528.

данною я отлучаю его отъ церкви и объявляю его лишеннымъ причащенія, а также объявляю уничтоженнымъ бракъ его съ дѣвицею Симономъ, запрещаю даже имъ супружеское сожитіе, а всеѣмъ мопѣмъ прихожанамъ священническою моею властію запрещаю признавать Каравака супругомъ дѣвицы Симономъ, а дѣвицу Симономъ его супругой, потому что помянутое бракосочетаніе совершено было отцомъ Патриціо, капудиномъ, и не было сдѣлано оглашенія въ Василе-островской церкви, которая одна имѣетъ право дѣлать такіа оглашенія для Французской колоніи, а къ тому же были люди, противившіеся браку. Затѣмъ, повторивъ отлученіе отъ церкви, онъ сказалъ, что если въ теченіе двухъ недѣль, считая со дня отлученія, Каравакъ не вернется къ своему долгу и еслибъ онъ въ теченіе сказаннаго времени умеръ въ этомъ состояніи, то его похоронять на живодернѣ, вмѣстѣ съ собаками и ослами. Все это, по словамъ вышепомянутаго, представшаго на судъ (Каравака) было объявлено тѣмъ же отцомъ Кайо и въ другой Французской церкви, близъ мануфактуры, что и вынуждаетъ его принести жалобу на такое поведеніе, столь противное сану, носимому помянутымъ отцомъ. Онъ ничѣмъ не заслужилъ подобнаго обращенія, потому что не сдѣлалъ ничего изъ того, въ чемъ отецъ Кайо обвиняетъ его и, напротивъ, принялъ все мѣры, необходимыя для содѣланія законнымъ брака, въ который онъ вступилъ съ дѣвицею Симономъ, что доказывается контрактомъ, совершеннымъ въ канцеляріи консульства, и свидѣтельствомъ, полученнымъ отъ вѣнчавшаго ихъ сказаннаго отца капуцина и присоединеннаго къ копіи помянутаго контракта. Такимъ образомъ, вышесказанный, представшій на судъ, настоящимъ своимъ заявленіемъ просить признать недѣйствительнымъ отлученіе отъ церкви, произнесенное сказаннымъ отцомъ Кайо, взыскавъ съ онаго все могущія произойти потери, протори, убытки и проч., и просить, чтобъ ему дано было полнѣйшее удовлетвореніе за все клеветы, которыя оный отецъ произносилъ противъ него безо всякаго основанія, но единственно изъ ненависти и мести за то, что не онъ совершалъ вѣнчаніе, поведеніе совершенно противное духу Евангелія и званію добраго и вѣрнаго пастыря. Поэтому сказанный представшій на судъ настоящею своею жалобой просить, чтобы составленъ былъ протоколъ слѣдствія, подписанный свидѣтелями, присутствовавшими въ той и другой изъ сказанныхъ церквей въ то время какъ отецъ Кайо высказывалъ все то, что утверждаетъ представ-

пій на судѣ своимъ настоящимъ заявленіемъ, дабы сказанный протоколъ могъ ему служить и доставить, что слѣдуетъ.“ Чѣмъ кончилось это дѣло неизвѣстно, но по всей вѣроятности оно было улажено, потому что черезъ два года послѣ этого Карвакъ все еще жилъ на Васильевскомъ Островѣ; французскій живописецъ провелъ въ Петербургѣ всю жизнь и умеръ уже въ царствованіе Елизаветы Петровны въ 1758 году ¹.

Всѣ помянутые Французы, офицеры, инженеры, живописцы, числились на царской службѣ и получали жалованье, но несомнѣнно не изъ нихъ однихъ состояла французская колонія. На Французской улицѣ жили кушцы и другіе Французы, пріѣхавшіе съ цѣлію эксплуатировать наши естественныя богатства на свой страхъ. Лави упоминаетъ объ одномъ ювелирѣ Гравело, большимъ знатокѣ драгоценныхъ каменьевъ, котораго хотѣли отправить въ Китай за покупкою ихъ и предлагали ему кромѣ путевыхъ издержекъ 500 рублей жалованья, но онъ отказался. Далѣе сохранился очень любопытный „высочайше утвержденный проектъ инструкціи на совершеніе контракта съ миссисипской компаніей въ Парижѣ для размноженія російскихъ рудоконныхъ заводовъ“. „Наше Россійское государство, говорилъ Петръ, предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами, и минералами благословенна есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы; причина этому была, что наши подданные не разумѣли рудоконнаго дѣла, частію же изживенія и трудовъ не хотѣли къ оному приложить.“ Отчасти это продолжалось и въ Петровское время, а потому бергъ-коллегія велѣно было призывать иностранныхъ охотниковъ до рудоконныхъ дѣлъ. Такимъ охотникомъ оказалась миссисипская компанія и съ ней долженъ былъ быть заключенъ контрактъ, проектъ котораго подписанъ Петромъ. По 2му параграфу этого проекта компаніи позволено во всемъ государствѣ, гдѣ ей угодно будетъ, искать чрезъ искусныхъ рудоконныхъ людей новыхъ металловъ и минераловъ. Отъ всѣхъ металловъ и минераловъ они должны отдавать въ казну десятую часть натурой; золото и серебро не продавать никому кромѣ монетнаго двора и съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они противъ рыночной цѣны уступали нѣсколько процентовъ. Прочіе же металлы и минералы, какъ мѣдь, олово, свинецъ, желѣзо, квасцы, сѣру, купоросъ позволяется компаніи продавать кому

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 11, стр. 493, т. 34, стр. 226, т. 40, стр. 91.

хотять; но при продажѣ государю она должна дѣлать уступку въ 5 процентовъ. Позволяется компаніи содержать въ Петербургѣ оберъ-директора и къ онымъ рудокопнымъ дѣламъ на ихъ надвиженіе рудокопныхъ людей и офицеровъ, сколько имъ потребно будетъ, опредѣлить. Компанія освобождается отъ акцизовъ и ей позволяется при заводахъ варить пиво для своихъ рабочихъ, но не пускать его въ продажу. Компаніи будетъ отведено обширное мѣсто при Невѣ рѣкѣ, на которомъ могутъ быть построены палаты съ амбарами и огородами. Всѣмъ членамъ компаніи и ея рабочимъ позволяется свободное отправленіе вѣры ¹.

Французскій языкъ, знаніе котораго стало впоследствии обязательнымъ для всякаго образованнаго Русскаго, въ Петровское время былъ мало распространенъ даже въ высшемъ обществѣ. Самъ Петръ не владѣлъ имъ и въ Парижѣ разговаривалъ черезъ переводчика; очень немногіе министры могли свободно бесѣдовать съ французскимъ посломъ Кампредономъ. Но уже съ начала XVIII вѣка замѣчается перемѣна; царевича Алексѣя Петровича учатъ по-французски. По плану воспитанія, составленному его наставникомъ барономъ Гюйсенымъ, царевичъ долженъ былъ прежде всего приобрѣсть необходимое средство образованія, изучить французскій языкъ, какъ самый легкій и наиболѣе употребительный, и когда станетъ понимать французскія книги, начать преподаваніе наукъ, исторіи, географіи и математики. Дѣйствительно, Алексѣй Петровичъ научился иностраннымъ языкамъ, говорилъ и писалъ хорошо по-нѣмецки и по-французски ².

Понятно, что французская литература оставалась у насъ почти неизвѣстною; въ оригиналъ ее могли читать немногіе, но и переводили мало съ французскаго, хотя были переводчики, какъ напримѣръ, Борисъ Волковъ и Постниковъ, которые могли это дѣлать. Въ каталогъ книгъ Петровскаго времени, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ, я нашелъ всего шесть сочиненій, переведенныхъ съ французскаго. Вотъ они: 1) Книга о способахъ творящихъ въ дохожденіе рѣкъ свободное. 2) Новая манера укрѣпленію городовъ учиненная чрезъ г. Блонделя (*Nouvelle manière de fortifier les places par B'ondel, Paris 1683*). 3) Уставъ о войскахъ морскихъ и о ихъ арсеналахъ Людовика XIV. 4) Алко-

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 84, стр. 380, Т. 11, стр. 409—411. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, Т. XVI, стр. 199.

² Соловьевъ, *Исторія Россіи*. Т. XVII, стр. 130—131.

ранъ о Магометѣ. 5) Овидіевы фигуры. (*Métamorphoses d'Ovide*, Amsterdam 1697). Вся книга состоитъ изъ гравированныхъ на мѣди рисунковъ, съ французскаго переведены только подписи. 6) Истинный способъ укрѣпленія городовъ (*Véritable manière de fortifier de Mr. de Vauban*). Какъ видно, романовъ совсѣмъ не переводили; точно также въ Россіи едва ли знали основательно Мольера, Расина и Корнеля. Театромъ при Петрѣ завѣдывалъ нѣмецкій антрепренеръ и изъ французскихъ пьесъ была поставлена только одна, *Докторъ Принужденный*, Мольера (*le médecin malgré lui*).

Тѣмъ не менѣе, въ царствованіе Петра мы познакомились съ Франціей ближе чѣмъ до того времени и, что еще важнѣе, Французы въ первый разъ воспользовались плодомъ русской науки и заинтересовались нами. Академикъ Делиль составилъ географическое описаніе европейскихъ странъ, и при описаніи Россіи пользовался картой Азовскаго округа, составленною у насъ. Иностранные издатели считали возможнымъ печатать краткую исторію Россіи и очевидно находили покупателей¹. Въ самый годъ смерти Петра появились въ Парижѣ *Мемуары о современномъ положеніи Великороссіи или Московіи*. Это переводъ мемуаровъ одного резидента въ Россіи, къ которымъ приложено нѣсколько сочиненій, касающихся Россіи. Для насъ особенно интересно предисловіе къ этой книгѣ, написанное издателемъ. „Вниманіе, говорится въ этомъ предисловіи, съ нѣкоторыхъ поръ выказываемое публикой ко всему, что можетъ дать ей понятіе о современномъ положеніи Россіи, подаетъ мнѣ надежду, что она будетъ мнѣ благодарна за то, что я употребилъ часы досуга на переводъ книги, способной удовлетворить ея любопытство и дать ей полное представленіе о нравахъ и обычаяхъ народа, который повидимому долженъ интересоваться ее все больше и больше (особенно со времени путешествія царя во Францію) выгодными измѣненіями и улучшеніями, введенными этимъ монархомъ въ своемъ царствѣ. Итакъ я имѣю полное право надѣяться, что подобный сюжетъ придется по вкусу публикѣ, и что она прочтетъ съ удовольствіемъ о томъ, что составляетъ предметъ восхищенія во всей Европѣ. Можно ли въ самомъ дѣлѣ видѣть

¹ *Mémoires du règne de Pierre le grand par le B. Ivan Nestesuranoi*, Tome premier, qui contient un abrégé de l'histoire des czars. Amsterdam. 1725.

безъ удивленія, какъ царь распространилъ предѣлы своего царства, построилъ цѣлый городъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ было не болѣе двухъ рыбацкихъ хижинъ, и портъ въ пустынѣ, соорудилъ флотъ въ сорокъ военныхъ кораблей и нѣсколько сотъ галеръ, ввелъ въ свое войско дисциплину, существующую въ наиболѣе цивилизованныхъ государствахъ, основалъ морскія академіи, привелъ въ порядокъ финансы и администрацію? Всѣ эти перемѣны, случившіяся за послѣднія двадцать лѣтъ, до того необыкновенны, что онѣ поражаютъ даже тѣхъ, кто былъ ихъ свидѣтелями, а потомство съ трудомъ будетъ вѣрять, что въ такое короткое время можно было исполнить столько чудесъ.“ Къ этой книгѣ приложено: 1) описаніе Петербурга и Кронштадта; 2) путешествіе въ Китай Ланге, 3) описаніе Остяковъ, сдѣланное капитаномъ Мюллеромъ; 4) процессъ царевича Алексѣя Петровича, переведенный съ русскаго. ¹

XIV.

Немедленно по своемъ воцареніи, говоритъ Г. Э. Штендманъ, Екатерина I озаботилась дать успокоительныя увѣренія всѣмъ пребывавшимъ въ Петербургѣ представителямъ иностранныхъ государствъ, которымъ одновременно съ извѣщеніемъ о кончинѣ царя и о восшествіи на престолъ царицы объяснено было, что новая государыня во внѣшней политикѣ своей будетъ въ точности слѣдовать планамъ покойнаго царя, супруга своего. По многимъ причинамъ, при объясненіяхъ этихъ, съ особеннымъ вниманіемъ отнеслись къ представителю Франціи Камредону. Вопервыхъ, онъ былъ единственнымъ аккредитованнымъ при Русскомъ дворѣ посланникомъ великой державы. Второстепенныя государства, какъ Саксонія, Швеція, Данія и въ особенности Пруссія, всегда заискивавшая добраго расположенія Россіи, имѣли постоянныхъ, аккредитованныхъ министровъ; но вѣнскій дворъ, лишь въ особенныхъ случаяхъ, присылалъ экстраординарныхъ пословъ, въ обыкновенное же время довольствовался повѣреннымъ въ дѣлахъ, въ лицѣ простаго секретаря посольства; Англія же и Испанія и совсѣмъ не имѣли представительства въ Петер-

¹ *Nouveaux mémoires sur l'état présent de la grande Russie ou Moscovie.* Paris 1726.

бургъ. Вовторыхъ, съ Франціей велись уже переговоры о союзѣ не только съ ней, но черезъ ея посредство съ Англіей, а для Екатерины въ ея тогдашнемъ положеніи всякій союзъ долженъ былъ представляться желательною и необходимою опорой, тѣмъ болѣе союзъ съ двумя самыми могущественными и вліятельными державами Европы. Положеніе это несмотря на то, что Екатерина заняла престолъ и была провозглашена самодержавною императрицей, было еще далеко неувѣренно и шатко, главнымъ образомъ благодаря близкому родству малолѣтняго царевича Петра съ императоромъ Карломъ VI. Вѣнскій дворъ еще при жизни покойнаго царя настоятельно убѣждалъ его, объявить царевича своимъ наслѣдникомъ; теперь же онъ могъ—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось многимъ—рѣшиться силой поддержать его права на престолъ, или вызвать въ Россіи тяжелыя внутреннія смуты, оказывая нравственную поддержку несомнѣнно существовавшей среди вельможъ партіи царевича. Этого и ждали всѣ въ Европѣ и этого же постоянно опасалась сама Екатерина. При такихъ обстоятельствахъ ей всего естественнѣе было обратиться взоры на Францію, которая и по могуществу и, въ особенности, по историческому соперничеству своему съ Габсбургами, могла служить ей вѣрнымъ другомъ и защитникомъ. Втретыхъ, неожиданная кончина Петра и воцареніе послѣ него женщины могли неблагоприятно отозваться на отношеніяхъ Турціи къ Россіи; Турки легко могли вообразить, что теперь уже имъ рѣшительно нечего опасаться Россіи и если не прямо объявить ей войну, то во всякомъ случаѣ причинить ей не мало хлопотъ въ Персіи. Въ скользкихъ же отношеніяхъ съ Оттоманскою имперіей помочь Екатеринѣ могла опять-таки одна Франція, поддержкой которой не разъ пользовался и Петръ. Вчетвертыхъ, наконецъ, Екатерина имѣла свои особенные виды на Францію, виды, которые она тоже унаслѣдовала отъ Петра и отъ которыхъ не отказалась, несмотря на неудачу, встрѣченную первою попыткой покойнаго царя въ этомъ направленіи. Именно, Екатерина ласкала себя надеждой выдать младшую дочь свою, Елисавету Петровну, за герцога Бурбонскаго, а можетъ-быть и за самого Людовика XV. о намѣреніи котораго разорвать предположенный бракъ свой съ малолѣтнею испанскою инфантой начинали уже ходить слухи. ¹

¹ См. прекрасное предисловіе Г. Э. Штендмана къ 58 тому *Сб. Ист. Общ.*

Въ засѣданіи, учрежденнаго Екатериной верховнаго тайнаго совѣта, обсуждался вопросъ, какой политики слѣдуетъ держаться. Нѣкоторые министры высказались за союзъ съ Австріей, но большинство, съ Остерманомъ и кн. Меншиковымъ во главѣ, доказывали, что необходимо заключить трактатъ съ Франціей на предложенныхъ ею условіяхъ, то-есть включить въ договоръ Англію. Въ это время Екатерина узнала частнымъ образомъ, что въ Парижѣ рѣшили отослать инфанту въ Испанію. Извѣстіе это было вѣрно; королю было шестнадцать лѣтъ, его невѣстѣ не больше семи, слѣдовательно, приходилось долго ждать. Герцогъ Бурбонскій опасался, что болѣзненный Людовикъ умретъ, престоль останется безъ наслѣдника; въ предупрежденіе этого случая надо было поскорѣе женить короля, а для этого — разорвать съ инфантой и прискать другую принцессу.

Екатерина сейчасъ же призвала Кампредона и спросила его, правда ли, что король отсылаетъ инфанту назадъ въ Испанію. „Я не имѣю о томъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ газетныхъ, отвѣчалъ посоль, еслибы дѣло зашло такъ далеко, какъ утверждается въ газетахъ, то это непременно сообщили бы иностраннымъ дворамъ.“ „Я получила изъ Голландіи письма, возразила царица, въ которыхъ меня увѣряютъ, что уже назначенъ день отъѣзда инфанты. Я давно предвидѣла, что столь юная принцесса не годится ни для короля, ни для блага его короны, требующей скорѣйшаго появленія наслѣдниковъ. Я желаю королю всевозможнаго счастія и благополучія, отъ всей души желала бы содѣйствовать ему. въ чемъ могу, и прошу васъ передать его величеству, что дружбу и союзъ съ нимъ предпочла бы всѣмъ державамъ въ мірѣ.“

На слѣдующій день пріѣхалъ къ Кампредону Меншиковъ и, въ крайнему удивленію, посла послѣ преувеличенныхъ описаній могущества царицы и искренняго желанія ея вступить въ тѣсный союзъ съ королемъ, вдругъ объявилъ ему, что есть вѣрное средство сдѣлать этотъ союзъ нерасторжимымъ и на вѣки связать неразрывными узами интересы коронъ русской и французской, поставить ихъ въ возможность предписывать законы всѣмъ европейскимъ державамъ. Разъ король рѣшился отослать инфанту въ Испанію, онъ не найдетъ во всей Европѣ партіи болѣе подходящей, чѣмъ царевна Елисавета. Она однихъ лѣтъ, она всего на полтора мѣсяца старѣе короля. Она хороша собой,

прекрасно сложена, въ ней много ума, веселости и живости, дѣлающихъ ее вполне способною проникнуться французскимъ духомъ. Если король не сдѣлаетъ иного выбора и рѣшится остановиться на русской царевнѣ, онъ можетъ вполне рассчитывать на всѣ силы, на все могущество царицы, которыя обратятся противъ всякой державы, на какую королю угодно будетъ напасть. Такой союзъ дастъ королю возможность располагать короной польской и осуществить всякіе иные замыслы по отношенію къ Италіи или къ австрійской имперіи. Въ послѣдней войска царицы могутъ моментально сдѣлать диверсію, которая по меньшей мѣрѣ удержитъ въ страхѣ и въ почтеніи всѣхъ германскихъ государей. Что касается Польши, то черезъ нѣсколько дней выяснятся желанія царицы. Онъ, Меншиковъ, проситъ пока Кампредона, не теряя времени, увѣдомить короля объ этомъ предложеніи, дабы, если дѣло это придется по сердцу королю, можно было немедленно приступить къ его осуществленію. Никакого затрудненія встрѣтиться не можетъ, даже въ вопросѣ о вѣрѣ, потому что когда все устроится, царица Елисавета согласится перейти въ католическую вѣру.

Кампредонъ тутъ же сказалъ Меншикову, что высказанное сейчасъ предложеніе представляется ему чрезвычайно щекотливымъ. „Вопервыхъ, говоритъ онъ, вовсе не достоверно, что король отсылаетъ инфанту въ Испанію. Но допуская даже, что онъ имѣетъ намѣреніе сдѣлать это, я почти увѣренъ, что онъ уже составилъ планъ иного брака. Наконецъ, у царицы есть аккредитованный министръ въ Парижѣ; черезъ него гораздо ловчѣе передать это предложеніе, да ему и легче сдѣлать это, чѣмъ мнѣ“. „Именно этого-то она и не хочетъ, возразилъ Меншиковъ. Вамъ она довѣряетъ и надѣется, что вы съумѣете и осторожно исполнить это порученіе, и сохранить его въ тайнѣ, такъ что ея достоинство ни въ какомъ случаѣ не пострадаетъ. Поручая вамъ это великое дѣло, она даетъ вамъ величайшее доказательство своего расположенія“. Кампредонъ поблагодарилъ за честь, но былъ увѣренъ, что планъ Екатерины не понравится въ Парижѣ. „Безполезно рассказывать, доносилъ онъ Морвилю, съ какимъ оживленіемъ высказывалъ мнѣ Меншиковъ свое предложеніе. Не мое дѣло судить, подходитъ оно или нѣтъ. Я предпочелъ бы не быть вынужденнымъ передавать его вамъ. Но такъ какъ молчаніе было бы противно и долгу моему и вашимъ при-

казаніямъ, то я подумалъ, что не заслужу неодобрения герцога и ваше, если послѣдую вашимъ предписаніямъ“.¹

Виды на Польшу объяснились черезъ нѣсколько дней. Екатерина предлагала герцогу Бурбонскому жениться на Маріи, дочери бывшаго короля польскаго Станислава Лещинскаго проживавшаго во Франціи начиная съ 1712 г. По мнѣнію императрицы, у Лещинскаго оставалась въ Польшѣ довольно значительная партія, и совмѣстными усиліями Франціи и Россіи удалось бы добиться избранія герцога Бурбонскаго; свойство его съ бывшимъ королемъ достаточно оправдывало бы избраніе французскаго принца на польскій престоль. Такимъ образомъ Екатерина предлагала Франціи чрезвычайно выгодную для послѣдней комбинацію: за то чтобы сдѣлать свою дочь королевой французской, она готова была заключить съ Франціей оборонительный и наступательный союзъ, проливать русскую кровь за французскіе интересы, водворить въ Варшавѣ французскаго герцога. Это было несомнѣнно большое увлеченіе, которымъ герцогъ Бурбонскій воспользовался бы, еслибы былъ дальновиднѣе.

Вскорѣ послѣ этого Екатерина получила странныя извѣстія. Нашъ посланикъ въ Парижѣ, Куракинъ, писалъ ей: „Отъѣздъ испанской инфанты достовѣрный фактъ. Сперва думали, будто король рѣшился на это лишь постѣ того какъ обезпечилъ другой бракъ, болѣе соответствующій благу его государства, и полагали, что имѣлась въ виду англійская принцесса. На дѣлѣ же оказалось, что ничего этого не было, ибо англійскій парламентъ отказалъ въ своемъ согласіи на этотъ бракъ по причинѣ иновѣрія. И ко всеобщему крайнему изумленію король обратилъ будто свои взоры на одну изъ своихъ подданныхъ, именно на сестру герцога Бурбонскаго, красота которой до того поразила короля, что онъ хочетъ жениться на ней, не слушая никакихъ увѣщаній. Герцогиня недавно появилась при дворѣ (ей было 19 лѣтъ), но братъ ея герцогъ, замѣтивъ страсть короля къ ней и опасаясь послѣдствій оной, отослалъ ее обратно въ монастырь. Когда король спросилъ о причинѣ такого распоряженія, герцогъ отвѣчалъ, что его сестра не такого званія, чтобы быть любовницей, на что король возразилъ, что сдѣлаетъ ее своею женой. Затѣмъ король приказалъ верховному совѣту собраться для совѣщанія объ этомъ бракѣ, и многое указываетъ, что король добьется благоприятнаго

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 5с, стр. 93, 110—115.

для себя рѣшенія; а въ такомъ случаѣ корона можетъ подвергнуться большимъ волненіямъ, которыя возникнутъ изъ взаимной вражды домовъ Орлеанскаго и Бурбонскаго. Подобные союзы рѣдко бывають счастливы и во Франціи почти безпримѣрны“.

Это извѣстіе подѣйствовало очень неприятно на императрицу, оно очень не понравилось самому Кампредону, и онъ рѣшился, рискуя попасть въ немилость, высказать свой взглядъ французскому правительству. Вотъ что онъ написалъ въ частномъ письмѣ Морвилю: „Да соблагодолитъ Господь Богъ направить къ добру рѣшеніе короля и совѣта его; но я замѣчаю, что сообщенія князя Куракина произвели здѣсь сильное впечатлѣніе, и они навѣрное весьма затруднятъ порученные мнѣ переговоры. Не мнѣ, жалкому червю, разсуждать конечно, тѣмъ болѣе что въ основѣ моихъ разсужденій лежатъ можетъ быть невѣрныя свѣдѣнія. Но если хоть часть Куракинскихъ сообщеній вѣрна, то по моему партія, предложенная здѣсь королю черезъ меня, безконечно во всѣхъ отношеніяхъ приличнѣе для него. Король имѣлъ бы тогда въ своемъ распоряженіи одну изъ главнѣйшихъ державъ Европы. Но еще разъ я передаю лишь то что слышу, предоставляя вашей мудрости и той добротѣ, которой вы всегда удостаиваете меня, воспользоваться этимъ какъ вы сами заблагоразсудите“.

Когда это письмо пришло въ Парижъ, обстоятельства измѣнились; герцогъ Бурбонскій дѣйствительно старался выдать за короля сначала одну изъ своихъ сестеръ, потомъ другую, но вида, что этотъ проектъ не нравится ни Французамъ, ни европейскимъ державамъ, онъ бросилъ свою мысль и сталъ опять искать невѣсту среди иностранныхъ принцессъ. Но маркиза де-При, распоряжавшаяся герцогомъ Бурбонскимъ какъ хотѣла, не желала видѣть на французскомъ престолѣ русскую царевну, потому что она не подчинилась бы фавориткѣ герцога. Поэтому она искала ничтожную принцессу, которая, возведенная на такую высоту, чувствовала бы всю жизнь благодарность къ маркизѣ и стала бы орудіемъ въ ея рукахъ¹.

Кампредонъ настаивалъ на томъ, что Елисавета Петровна самая подходящая невѣста для короля, но въ маѣ ему послали оффиціальнѣйшій отказъ подъ вымышленнымъ предлогомъ, написанный дипломатично и крайне любезно. Всячески стараясь по-

¹ Сб. Ист. Общ., т. 58, стр. 180—182, 184—186. Vandal, p. 87—92.

золотить пиллюю, герцогъ Бурбонскій писалъ Кампредону: „Отвѣчаю на то письмо ваше, въ которомъ вы сообщаете, сдѣланное вамъ княземъ Меншиковымъ, предложеніе о женитбѣ короля на принцессѣ Елисаветѣ. Вы сами легко поймете, что когда зашла рѣчь о выборѣ невѣсты для короля, то здѣсь обращено было большое вниманіе на выгоды, которыя могъ бы доставить союзъ съ принцессой, дочерью почившаго царя и царицы. Съ одной стороны высокія достоинства возведшія царицу на ту высоту, на которой она нынѣ стоитъ, съ другой — личныя прелести, коими, какъ всѣмъ извѣстно, одарена принцесса Елисавета, не дозволили бы королю остановить выборъ на комъ-либо иномъ, еслибы можно было надѣяться, что исповѣдуемая царицей и ея семьей вѣра не послужитъ препятствіемъ къ исполненію желанія короля. Но соображая, какъ велика привязанность Россіи къ господствующей въ ней религіи и какія неудобства могли бы возникнуть для самой царицы, еслибъ она на глазахъ всѣхъ своихъ подданныхъ дозволила принцессѣ, своей дочери, перемѣнить вѣру, король можетъ только навсегда сохранить безпредѣльную благодарность за полученное имъ доказательство дружбы такой великой государыни, какъ царица. Еслибы чувства короля къ ней не были и безъ того уже чрезвычайно сильны, то они, конечно, еще усилились бы отъ этого убѣдительнаго знака, счастливаго расположенія государыни. Увѣрьте царицу и князя Меншикова, что сдѣланное предложеніе будетъ сохранено въ глубочайшей тайнѣ, и достоинство монархини ничѣмъ не будетъ компрометтировано, и объясните въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какъ глубоко тронуть король и какъ искренно желаетъ найти случай доказать царицѣ почтеніе, которое онъ всегда сохраняетъ къ этой государынѣ и къ ея семейству“.

Въ то же время Екатерина предлагала руку дочери герцогу Бурбонскому, на случай отказа короля; но одновременно съ приведеннымъ письмомъ пришло другое отъ Морвиля, въ которомъ говорилось, что герцогъ тронуть сдѣланнымъ ему предложеніемъ, но, къ сожалѣнію, принять его не можетъ. Такъ неудачно окончились попытки Петра соединить брачными узами короля французскаго съ русскою царевной ¹.

Съ этой минуты наступило въ Петербургѣ замѣтное охлажденіе къ Франціи, чему способствовало еще больше новое направ-

¹ Сб. Ист. Общ., т. 58, стр. 313—314, 322.

леніе французской политики. Король испанскій Филиппъ V считалъ себя оскорбленнымъ отказомъ Людовика жениться на инфантѣ, по этому случаю онъ примирился со своимъ врагомъ австрійскимъ императоромъ Карломъ VI и заключилъ съ нимъ союзный договоръ. Франціи грозила война противъ соединенной арміи австрійской и испанской, ей необходимо было думать объ оборонѣ. Эта необходимость, по справедливому замѣчанію г. Штендмана, обусловливала два одинаково неизбежныхъ для Франціи послѣдствія: вопервыхъ, крѣпче прежняго привязывала ее съ одной стороны къ Англіи, безъ помощи которой ей трудно было бы бороться съ все еще могущественною на морѣ Испаніей, съ другой къ Турціи, которая теперь болѣе чѣмъ когда-либо нужна ей была для того, чтобы держать въ почтеніи императора; во вторыхъ, роковымъ образомъ отдаляла ее отъ Россіи. „Новымъ препятствіемъ къ заключенію договора, доносилъ Кампредонъ, явилось убѣжденіе въ неизбежности войны Франціи съ Испаніей. Царца боится быть влупанной въ войну за интересы, касающіеся одной Франціи. Впрочемъ, царица весьма ясно дала мнѣ понять, что касаяся дѣла интересовъ одного короля, она съ радостію приняла бы всякія обязательства, но что интересы Англіи она не можетъ защищать также охотно. Она говорила, что только ради короля согласилась вступить въ союзъ съ англійскимъ королемъ, въ надеждѣ помочь тѣмъ удовлетворенію своего зятя (герцога Голштинскаго). Безъ этого она съ неменьшею, чѣмъ покойный царь, твердостію и отвращеніемъ отпеслась бы къ этому государю, тѣмъ болѣе, что большинство ея министровъ такого мнѣнія, что союзъ не только не принесетъ ей значительныхъ выгодъ, но будетъ вреденъ, если ей придется оружіемъ добиваться справедливости для герцога Голштинскаго“. Дѣйствительно еще въ то время, когда не пришелъ формальный отказъ Людовика, многіе министры были противъ англо-французскаго союза и доказывали, что намъ надо держаться Австріи.

Они были правы. Австрія по своему положенію и по своей политикѣ являлась естественною нашею союзницею. Непріязненные отношенія, говорить проф. Мартенсъ, въ которыя становилась Австрія къ Англіи, Франціи и Пруссіи, вслѣдствіе заключенія ею союзнаго и торговаго трактатовъ съ Испаніей еще болѣе утвердили въ Вѣнѣ желаніе имѣть на своей сторонѣ Россію. Извѣстный испанскій министръ Рипперда, устроившій союзъ между Австріей и Испаніей, лично старался убѣдить русскаго

посланника въ Вѣнѣ, что заключеніе союза между Россіей и Австріей, къ которому также присоединилась бы Испанія, согласно съ интересами всѣхъ трехъ державъ. Политическія обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія воплію благоприятствовали заключенію союзнаго договора. Блестящіе успѣхи Турокъ въ Персіи, которая оказалась совершенно безсильною охранять неприкосновенность своей территоріи противъ завоевательныхъ захватовъ со стороны Турціи, вызывали въ Россіи воплію основательныя опасенія. Для противодѣйствія же Турціи дружеское содѣйствіе Австріи было въ то время крайне необходимо. Затѣмъ солидарность интересовъ обѣихъ державъ относительно Рѣчи Посполитой заставила ихъ обезпечить свои права въ случаѣ какихъ-либо обстоятельствъ, могущихъ случиться въ Польшѣ. Наконецъ, давнишнее желаніе Россіи возвратить герцогу Голштинскому (супругу Анны Петровны) отнятую у него Даніей провинцію Шлезвигъ могло скорѣе всего осуществиться при содѣйствіи германскаго цесаря ¹. Франція же и Англія держались Даніи противъ герцога Голштинскаго.

Понятно, что все еще продолжавшіеся переговоры объ англо-французскомъ союзѣ не могли дать никакихъ результатовъ. Тщетно старался Кампредонъ убѣдить тѣхъ министровъ, которые совѣтовали императрицѣ заключить союзъ съ Австріей и къ которымъ присоединился послѣ нѣкотораго колебанія Остерманъ, имѣвшій главное значеніе при рѣшеніи политическихъ вопросовъ. Въ концѣ 1725 года французскій посланникъ получилъ предписаніе прекратить на время всякіе переговоры. Морвиль писалъ ему: „Пока можно только одобрить ваше рѣшеніе уклониться въ объясненіяхъ съ дворомъ, при коемъ вы состоите, отъ обсуждения образа дѣйствій короля въ общихъ дѣлахъ. Какъ вы правильно замѣтили, надо подождать болѣе благоприятнаго момента въ настроеніи московскихъ министровъ и тогда уже рѣшить, въ чемъ именно можно дѣйствовать сообща съ ними. Скажу вамъ даже откровенно, что недостатокъ взаимности со стороны царицы послѣ всѣхъ тѣхъ доказательствъ дружбы, которыя даны ей королемъ въ дѣлахъ ея съ Константинополемъ, вынуждаетъ короля предписать своему послу при Портѣ повременить съ дальнѣйшими дѣйствіями въ этомъ направленіи. Конечно, не предпринимать ничего противъ интересовъ царицы, но и не содѣй-

¹ Ф. Мартенсъ. *Собраніе трактатовъ и конвенцій*, т. I, стр. 33.

ствовать имъ, пока не выяснятся намѣренія министровъ государыни. Можетъ-быть они талтъ такіе планы, что королю вовсе не желательно прослать за покровителя интересовъ двора, который пользуется мирными отношеніями съ Турками только для того, чтобы вѣрнѣе осуществить свои предпріятія на сѣверѣ. Надо п вамъ слѣдовать тѣмъ же началамъ“.

Въ началѣ 1726 года Кампредонъ находился въ довольно холодныхъ отношеніяхъ съ дворомъ и въ особенности съ Остерманомъ. Размолвка между ними произошла по той причинѣ, что послѣдній обратился къ Кампредону съ просьбой уладить нѣкоторыя дѣла въ Константинополѣ чрезъ тамошняго французскаго посла. Кампредонъ же согласно полученной инструкціи долженъ былъ отвѣтить отказомъ. 26 января онъ представилъ Остерману мемуаръ, въ которомъ говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „Много времени прошло съ послѣдняго нашего совѣщанія, въ которомъ я имѣлъ честь объяснить вашему превосходительству, чтобы вы сообщили царицѣ послѣднія рѣшенія короля. Мое изложеніе этихъ рѣшеній должно было доказать вамъ неизмѣнную прямоту, какъ мою, такъ и короля, ни разу не отступившаго отъ первоначальныхъ принциповъ переговоровъ. Вы отвѣтили на все это молчаніемъ и обнаружили замѣчательное равнодушіе къ союзу, къ которому прежде выказывали самое горячее стремленіе. Между тѣмъ на сторонѣ очень дѣятельно работали надъ принятіемъ иныхъ мѣръ. Это стало извѣстно королю и это, а также и другія извѣстія, съ разныхъ сторонъ доходившія до него, вынудили, наконецъ, короля прислать мнѣ именное предписаніе объявить вамъ, что король не можетъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что намѣренія здѣшняго двора совсѣмъ не таковы, какъ казался сначала, по отношенію къ союзному договору, долженствовавшему обезпечить спокойствіе и общее и въ частности сѣвера. Нельзя не оскорбляя ясных, какъ день, истины отрицать, что король сдѣлалъ со своей стороны все для утверженія такого союза. Нынѣ король исчерпалъ всѣ снисхожденія и уступки, идти далѣе онѣ не могутъ. Король можетъ во всякое время доказать фактически, что съ такимъ вниманіемъ служить интересамъ государыни, какъ еслибы самыя опредѣленные формальныя условія обязывали его къ тому. Естественно, разумъ давалъ королю права ожидать такого же отношенія и къ себѣ. Но долгій опытъ привелъ короля къ убѣжденію, что звѣзда благодарности и искренности лишь въ слабой степени вліяетъ на Россію.

Разсчитывать на эту державу нельзя, ибо въ ней не только не отвѣчали на дружественные поступки и честныя намѣренія короля, но съ очевиднымъ усердіемъ хлопотали лишь о томъ какъ бы всюду вызвать къ нему недовѣріе. Тогда какъ министры короля получаютъ во всемъ, что касается царицы, только такія инструкціи, которыя могутъ быть ей пріятны, министры государыни почти исключительно занимаются противодѣйствіемъ видамъ короля и государей, союзниковъ его, даже въ дѣлахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ интересами царицы. Вотъ поэтому-то король и приказалъ мнѣ прекратить свое посредничество съ посланникомъ короля при Портѣ Оттоманской. Не совѣмъ справедливо было бы королю, не видя никакой взаимности со стороны царицы, продолжать служить ея интересамъ съ тѣмъ же рвеніемъ, съ какимъ онъ служилъ бы державамъ, одушевленнымъ наиболѣе пріятными и выгодными ему чувствами“.

Кампредонъ конечно повторялъ только слова своего министерства, въ душѣ онъ сознавалъ, что союзъ съ Россіей, которому онъ самъ придавалъ большую важность, не состоялся по винѣ французскаго правительства, а не русскаго. Тѣмъ не менѣ отношенія изъ дружественныхъ и любезныхъ становились почти враждебными. Посоль доносилъ въ Парижъ, что Екатерина готовится къ войнѣ съ Даніей, чтобы вынудить ее вернуть Шлезвигъ герцогу Голштинскому. Отъ имени короля отвѣтили угрозой, что въ такомъ случаѣ Франція вступится за Данію. „Я желаю, писалъ Людовикъ Кампредону, чтобы вы изложили царицѣ слѣдующее: я вижу, что ея министры столь же озабочены противодѣйствіемъ видамъ моей короны, какъ должны были бы содѣйствовать имъ, еслибы не подчиняли самыхъ существенныхъ и естественныхъ интересовъ своимъ личнымъ соображеніямъ. Несмотря на такую неправильность ихъ дѣйствія, я, помня столько разъ повторенныя слова царицы и ея министровъ, все еще надѣялся, что не будетъ предпринято въ ущербъ общему спокойствію ничего такого, что вынудило бы меня принять непріятныя для государыни мѣры; надѣялся, пока долгъ вѣрнаго слуги моихъ интересовъ не вынудилъ васъ извѣстить меня съ посланнымъ вами курьеромъ о томъ, что замышляется нападеніе на Данію. Въ виду такихъ обстоятельствъ я предписалъ вамъ сдѣлать самыя энергическія представленія на счетъ такого нарушенія даннаго слова, на счетъ неудобства всякаго вообще военнаго предпріятія, насчетъ необходимости, въ которой я окажусь тогда,

принять участіе въ войнѣ и воспрепятствовать ея пламени распространиться на весь сѣверъ, наконецъ на счетъ того, что я былъ бы глубоко огорченъ, еслибы, потерѣвъ неудачу въ стараніяхъ своихъ заключить союзъ съ царицей, я еще вынужденъ былъ придти къ рѣшенію, которое я приму, правда, лишь въ крайнемъ случаѣ, но которое, тѣмъ не менѣе, принять придется непременно, ибо я не могу допустить свободнаго развитія войны, которую царицѣ угодно будетъ возжечь“¹.

Въ концѣ мая Кампредонъ уѣхалъ въ Парижъ; ему уже нечего было дѣлать въ Петербургѣ. Здѣсь все было готово для союза съ Карломъ VI, и дѣйствительно 6 августа былъ подписанъ въ Вѣнѣ союзный трактатъ между Россіей и Австріей. Въ этотъ же самый день была подписана секретная статья, приложенная къ союзному трактату и конвенція относительно Шлезвигскаго герцогства. Въ секретнѣйшей статьѣ Австрія приняла на себя обязательство специально охранять неприкосновенность русскихъ владѣній, въ случаѣ нападенія со стороны Оттоманской Порты. Въ случаѣ же возникновенія войны между Россіей и Турціей, Австрія обязалась соединить свои войска съ русскими. По конвенціи же австрійскій императоръ обязался содѣйствовать всѣми средствами возвращенію герцогу Голштинскому Шлезвига. Если бы мирныя средства оказались нецѣлесообразными, то даже войной союзники обязались возстановить нарушенныя права герцога, близкаго родственника Русскаго императорскаго дома.²

XV.

Трактатъ съ Австріей 1726 года знаменуетъ рѣшительный поворотъ въ нашей политикѣ. Этимъ годомъ заканчивается второй періодъ нашихъ сношеній съ Франціей и начинается третій. По словамъ Рамбо, второй періодъ характеризуется такъ: „Россія принимаетъ все болѣе и болѣе важное политическое значеніе, не потому чтобы союзъ съ ней казался намъ тогда драгоценнымъ или вражда страшною и не потому чтобы она проявляла враждебныя чувства къ Франціи, но потому что не желая этого и почти бессознательно она вредитъ намъ, нападая на Шве-

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 64, стр. 34—35, 211—217, 239—240.

² Трактатъ напечатанъ у Мартеаса, *Собраніе Трактатовъ и Конвенцій* Т. I, стр. 32 сл.

цію, Польшу, Турцію, страны, которыя въ политической системѣ XVIII вѣка были необходимыми точками опоры въ борьбѣ Франціи противъ Австрійскаго дома“. Мы видѣли, что русское правительство совершенно искренно желало союза съ французскимъ королемъ, что оно предлагало даже военную помощь за призрачную честь, за свойство съ бурбонскимъ домою. Еслибы этотъ договоръ дѣйствительно состоялся, онъ повелъ бы къ ряду недоразумѣній, намъ пришлось бы проливать кровь за французскихъ друзей, а нашихъ недруговъ, сражаться за Турцію противъ Австріи, за Швецію противъ Даніи и т. п.

Какъ только заключенъ былъ австрійскій трактатъ наши отношенія къ Франціи естественнымъ образомъ должны были стать очень натянутыми. Мѣсто уѣхавшаго Кампредона занялъ секретарь посольства Маньянъ, не получившій никакихъ вѣрительныхъ грамотъ. „Я рассчитываю, писалъ ему министръ иностранныхъ дѣлъ, что вы будете аккуратно съ каждою почтой писать мнѣ обо всемъ, что узнаете интереснаго“¹. Это единственное порученіе, данное Маньяну, которое онъ дѣйствительно добросовѣстно исполнилъ. Онъ присутствовалъ при смерти Екатерины, при вступленіи на престолъ Петра II и подробно описывалъ всѣ эти событія. Онъ слѣдилъ за русскою политикою внѣшнею и внутреннею, но въ его многочисленныхъ донесеніяхъ нѣтъ ни слова о какихъ бы то ни было переговорахъ съ русскимъ правительствомъ. Такъ продолжалось дѣло во все царствованіе Петра II. Со вступленіемъ на престолъ Анны Иоанновны начинается знаменитая эпоха Бироновщины, господства Нѣмцевъ, не питавшихъ никакой симпатіи къ Французамъ. Ясно, что это было самымъ неудобнымъ временемъ для франко-русскаго союза.

Биронъ не былъ рѣшительнымъ противникомъ французскаго союза, ему вообще не были дороги интересы Россіи, которою ему пришлось управлять по капризу судьбы; если онъ дорожилъ Австріей, то прежде всего потому, что видѣлъ въ этомъ свой интересъ. Въ 1730 г. австрійскій посолъ вручилъ ему дипломъ на графство священной римской имперіи, портретъ императора, осыпанный брилліантами и 200.000 талеровъ, на которые Биронъ купилъ помѣстье въ Силезіи. Но въ то самое время, какъ большинство министровъ стояли на сторонѣ Австріи, существовала и другая партія, называвшаяся старо-русскою и группировавшаяся

¹ *Сб. Ист. Общ.*, т. 64, стр. 369.

ся вокругъ царевны Елисаветы. Французское правительство старалось воспользоваться этою партіей и отвлечь Россію отъ союза съ Австріей, потому что боялось встрѣтиться на полѣ сраженія съ соединеннымъ войскомъ австрійско-русскимъ. Однако русская партія, въ силу своей ненависти къ Нѣмцамъ клонившая въ сторону Франціи, оказалась очень слабою. Но среди иностранцевъ нашелся одинъ, считавшій австрійскій союзъ для насъ невыгоднымъ, это былъ Минихъ, фельдмаршалъ, президентъ военной коллегіи и петербургскій губернаторъ. Съ нимъ-то вступилъ въ сношенія Маньянъ и въ срединѣ 1732 года между ними былъ частный разговоръ, въ которомъ Минихъ высказалъ: „Швеція дала нашей государынѣ императорскій титулъ, мы не ждемъ съ ея стороны никакого безпокойства. Съ Даніей не можетъ быть никакого столкновенія, съ Англіей и Голландіей также, съ Персіей миръ. Остается Турція, которая связываетъ наши интересы съ интересами австрійскаго императора; чего мы въ этомъ отношеніи должны ожидать отъ Франціи? Намъ тяжело переносить, что Азовъ у Турокъ, быть-можетъ мы пойдемъ вырывать его у нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, если не удастся достигнуть этого мирнымъ путемъ. Кромѣ Турціи—Польша; Поляки не даютъ намъ удовольвенія: подлѣ Кіева находится пространство земли, которое по договорамъ должно оставаться пустымъ; но Поляки его населяютъ и кѣмъ же? Бѣглыми изъ Россіи, которые принимаются радушно и потому толпами переселяются въ Польшу! Потомъ Польша не отказывается отъ своихъ притязаній на Ливонію. Въ случаѣ смерти короля Польскаго, у императрицы большая партія въ Польшѣ, и Россія будетъ дѣйствовать, чтобы не былъ избранъ человекъ, преданный императору. Будетъ ли Франція во всѣхъ этихъ вопросахъ поступать согласно желаніямъ Россіи? Наконецъ, согласится ли французскій король дать государынѣ императорскій титулъ и платить субсидіи, ибо здѣсь нѣтъ денегъ? Если да, то императрица согласится держать въ распоряженіи Людовика XV не только 30, но 40 и 50 тысячъ войска, 12 или 15 хорошихъ кораблей и 100 галеръ“.

Маньянъ сообщилъ объ этомъ разговорѣ въ Парижъ и получилъ отъ своего правительства слѣдующій отвѣтъ: „что вамъ сказалъ Минихъ о тождествѣ интересовъ императора и Россіи, относительно Турокъ, справедливо въ теоріи, но на практикѣ это вещь чисто идеальная, и мы всегда удивлялись, что Рус-

скі: серьезно разсчитываютъ на исполненіе своего договора съ императоромъ; тогда какъ мы можемъ сказать безъ кшатства, что благодаря нашему вліянію въ Константинополѣ, мы оказали во времена Петра I такіа услуги Россіи, какихъ имперія не могла бы оказать, хотя бы употребила всѣ свои силы. Такимъ образомъ, благоразумная политика требуетъ, чтобы Россія не вводила насъ ни въ какое обязательство, которое могло бы насъ посорить съ Портой; но вы можете увѣрить именовъ королевскимъ, что какъ скоро у насъ будетъ заключенъ союзъ съ Россіей, мы будемъ поддерживать русскіе интересы въ Константинополѣ, такъ что въ умѣ царицы не останется ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ вѣрности и пользы нашей дружбы, и потому достаточно, если въ договорѣ будетъ заключаться взаимная гарантія всѣхъ европейскихъ владѣній. Обратите вниманіе г. Миниха на то, что никогда Россія не получитъ существенной помощи отъ императора противъ Турокъ, и что никогда король не станетъ поддерживать Турокъ противъ Россіи. Относительно Польши чрезвычайно трудно заключить какія-нибудь опредѣленные условія, не повредивши дѣламъ царицы; дайте почувствовать фельдмаршалу Миниху, что Россія можетъ быть покойна на счетъ сохраненія Ливоніи, если въ договорѣ будетъ условлена общая гарантія европейскихъ владѣній. Мы достигнемъ въ Польшѣ большихъ результатовъ, если со временемъ тамъ будетъ король, на котораго мы могли бы вполне положиться; втакъ, мы думаемъ, что было бы опасно входить въ подробности, и что достаточно на словахъ согласиться въ принципахъ, по которымъ будемъ дѣйствовать впоследствии. Мы съ удовольствіемъ дадимъ царицѣ императорскій титулъ. Мы увѣрены, что съ русской стороны не будутъ настаивать на субсидіи, такъ какъ мы не хотимъ быть въ тягость Россіи, заставляя ее держать наготовѣ чрезвычайныя силы. Когда мы будемъ находиться, именно, въ обстоятельствахъ, обозначенныхъ въ договорѣ, то понятно, что мы сочтемъ своимъ долгомъ помочь Россіи, и мы это сдѣлаемъ безъ предварительныхъ обязательствъ. Если Минихъ будетъ настаивать, то можно постановить вообще, что мы будемъ поддерживать интересы Россіи при Портѣ, безъ означенія въ чемъ именно и не называя Азовъ.“

Французское правительство соглашалось только на одну уступку—признать за русскимъ государемъ императорскій титулъ.

чего раньше не хотѣли сдѣлать. Вообще же этотъ отвѣтъ не могъ подѣйствовать у насъ благопріятно. „Разрозненность русскихъ и французскихъ интересовъ, справедливо замѣчаетъ С. М. Соловьевъ, по отношеніямъ къ Турціи и Польшѣ была очевидна, а при такой разрозненности союзъ могъ ли быть возможенъ? Россія постоянно имѣла въ виду войну съ Турціей; война послѣдней съ Персіей давала возможность выгоднаго вмѣшательства для уничтоженія тяжелыхъ условій договора 1711 года; а Франція продолжала твердить одно; не ссорьте меня съ Турціей, я вамъ буду помогать въ Константинополь, какъ помогла при Петрѣ I; но тогда Франція могла помочь, потому что Россія, имѣя на плечахъ Персидскую войну, не хотѣла разрывать съ Турціей; теперь же обстоятельства были совсѣмъ другія; Россія искала союзника въ войнѣ, а не помощника для избѣжанія войны. Въ Польшѣ Франція обѣщала также помогать, но твердила, что Россія прежде всего должна была помочь ей возвести на польскій престолъ челоуѣка, вполне подчиненнаго французскому вліянію; кто же могъ повѣрить, что Франція въ угоду Россіи будетъ ослаблять значеніе преданнаго ей короля и свое собственное вліяніе, заставляя Рѣчь Посполитую уступать русскимъ требованіямъ? Неискренность, явное желаніе употребить Россію только орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей проявлялись въ каждомъ словѣ французскихъ предложеній.“

Поэтому, Остерману было очень легко доказать несостоятельность французскихъ предложеній и пользу союза съ Австріей. Относительно предложенія французской гарантіи европейскихъ владѣній Россіи онъ замѣчалъ: „Надобно зрѣло подумать о томъ, можно ли для французской гарантіи пренебречь всѣми другими и надобно еще знать, какъ Франція, при такомъ дальнемъ разстояніи, можетъ на самомъ дѣлѣ исполнить свое обязательство, относительно гарантіи, чтобы Россія могла быть вполне безопасна; также естественно можно ожидать, что тѣ державы, съ которыми вслѣдствіе французскаго союза разойдемся, могутъ противъ Россіи принимать всевозможныя мѣры“. Относительно Турціи: „Зрѣлѣйшаго разсужденія требуетъ то, можно ли русскіе интересы отдать въ руки одной Франціи; а Франція прямо объявляетъ, что она не сдѣлаетъ никакого поступка, которымъ бы могла возбудить нерасположеніе къ себѣ Порты, что и естественно по ея интересамъ. Что римскій цесарь Туркамъ противъ Россіи никогда помогать не будетъ—это естественно, но

чтобъ онъ также Россіи противъ Турокъ никогда помогать не захотѣлъ, объ этомъ, какъ о будущемъ, подлинно узнать нельзя; а по человѣческому разсужденію и по естественнымъ цесарскимъ интересамъ надобно ожидать, что онъ помогать будетъ, ибо цесарь, отступивъ отъ договоровъ съ Россіей, нанесетъ вредъ только самому себѣ: Россія будетъ тогда въ состояніи чувствительно отомстить ему за неисполненіе договоровъ“. Относительно выборовъ польскаго короля: „Франція требуетъ согласнаго дѣйствія; но такъ какъ она объ этомъ ничего подлиннаго постановить и, слѣдовательно, ни въ какія обязательства на счетъ одного какого-нибудь кандидата вступить не хочетъ, то и не видно, какъ можно поступать согласно съ ней. Французскій интересъ требуетъ быть съ Швеціей и Портой въ тѣсной дружбѣ, слѣдовательно и на польскій престолъ возвести такого кандидата, который одинакія съ нею склонности и намѣренія имѣетъ: на сколько это согласно съ русскими интересами—не видно. Предложеннымъ обязательствомъ съ Франціей у Россіи будутъ связаны руки поступать по своимъ прямымъ интересамъ, не говоря уже о томъ, что другіе, особенно ближайшіе сосѣди, не замедлятъ воспрепятствовать согласному дѣйствію Россіи съ Франціей. Франція обѣщаетъ признаніе императорскаго титула и субсидій, если по поводу союза съ нею, у Россіи произойдетъ разрывъ съ другими державами. Опредѣленіе субсидій, повидимому, предоставляется великодушію Франція, и за это она требуетъ, чтобы Россія отступила отъ всѣхъ своихъ союзниковъ, и хочетъ платить субсидіи, когда за это у Россіи начнется съ ними война; но стоять ли такія субсидіи опасности войны и разрыва съ союзниками?“

Несмотря на сопротивленіе вице-канцлера Остермана, имѣвшаго главное значеніе въ вопросахъ иностранной политики, Минихъ старался подѣйствовать на императрицу и Бирона. Онъ требовалъ впрочемъ, чтобы Франція сдѣлала болѣе опредѣленныя предложенія и болѣе соответствующія русскимъ интересамъ, на что Маньянъ возражалъ, что его правительство не можетъ нарушить своихъ принциповъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ французскимъ представителемъ фельдмаршалъ выражался очень рѣшительно и говорилъ гораздо больше того, что имѣлъ право говорить. Такъ, на примѣръ, онъ прямо объявилъ: „Во всякомъ случаѣ, если союзъ съ Франціей не состоится, то и союза съ австрійскимъ императоромъ не будетъ; онъ никогда не получитъ

тридцатипяти тысячаго корпуса на помощь, Россія останется нейтральною“. При этомъ онъ намекалъ, что Франція должна подарить Бирону сто тысячъ эку¹.

Однако несмотря на большую энергію Миниху не удалось усилить Остермана, и обстоятельства скоро показали, что послѣдній былъ совершенно правъ въ своемъ взглядѣ на Францію. Минихъ напрасно утверждалъ, что Россія не будетъ поддерживать въ Польшѣ кандидата угоднаго Австріи. Случилось какъ разъ наоборотъ, и польскія дѣла привели къ окончательному разрыву между петербургскимъ и парижскимъ кабинетами. Въ началѣ 1733 года умеръ польскій король Августъ II и въ Польшѣ началась избирательная борьба. Самыми серьезными кандидатами были тестъ Людовика XV Станиславъ Лещинскій и сынъ умершаго короля курфюрстъ Саксонскій Августъ. Французское правительство не жалѣло денегъ и поддерживало кандидатуру Лещинскаго, Австрія и главнымъ образомъ Россія интриговали въ пользу Августа. По этому случаю французское правительство издало декларацію противъ австрійскаго образа дѣйствій. „Достоинство французскаго короля, говорилось въ этой деклараціи, мѣсто, которое онъ занимаетъ между сильнѣйшими европейскими державами, и такъ часто высказанное имъ желаніе поддерживать всеобщій миръ, не позволяютъ ему допустить равнодушно, чтобы какаѣ бы то ни была держава нарушила священнѣйшія права государства, состоящаго въ дружбѣ и союзѣ съ Франціей. На этомъ основаніи король объявляетъ, что онъ будетъ сопротивляться всѣми своими силами предпріятіямъ, клонящимся къ стѣсненію свободнаго избранія новаго польскаго короля.“

Кардиналъ Флери, бывшій тогда первымъ министромъ во Франціи, отличался своею безхарактерностью и нерѣшительностью, поэтому не желая становиться съ Россіей въ прямо враждебныя отношенія онъ сдѣлалъ попытку расположить русское правительство въ пользу Лещинскаго. Маньяну поручили передать русскому министерству декларацію противъ Австріи и постараться при этомъ завести переговоры о союзѣ съ Франціей. Маньянъ обратился опять къ Миниху. Въ среду на Святой недѣлѣ въ числѣ лицъ, толпившихся въ пріемной графа Миниха, появился также французскій секретарь. Графъ былъ очень удивленъ его пріѣздомъ, потому что Маньянъ не предупредилъ его

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XIX, стр. 344—349.

объ этомъ. Маньянъ поздравилъ графа съ праздникомъ и Минихъ, не желая при постороннихъ говорить съ нимъ о важныхъ дѣлахъ, сталъ спрашивать его о маловажныхъ предметахъ. Но Маньянъ попросилъ у него позволенія поговорить съ нимъ наединѣ. Минихъ повелъ его въ свой кабинетъ и тамъ произошелъ у нихъ слѣдующій разговоръ: „французскій король, началъ Маньянъ, всегда близко принималъ къ сердцу свободу и благополучіе Польскаго государства. Поэтому онъ не могъ не обратить своего вниманія на то, что императоръ и другія державы, которыя поддаются внушеніямъ австрійскихъ министровъ, выставили свои войска на границахъ Польши, а императоръ прямо объявилъ, что онъ никогда не допуститъ, чтобы Станиславъ Лещинскій вступилъ на польскій престолъ. Французскій король надѣется, что другія державы не примутъ участія въ такомъ явномъ оскорбленіи и нарушеніи польской свободы. Цѣль вѣнскаго двора легко угадать. Онъ хочетъ выманить у курфирста саксонскаго согласіе на прагматическую санкцію ¹. Курфирстъ, ослѣпленный блескомъ польской короны, можетъ не понимать своихъ выгодъ. Но какая же охота другимъ государствамъ помогать въ этомъ дѣлѣ австрійскому дому, который постоянно только думаетъ объ увеличеніи своего могущества, не заботясь объ интересахъ своихъ союзниковъ. Русскому двору ничего не можетъ быть такъ невыгодно, какъ избраніе курфирста въ польскіе короли. Престолъ польскій слѣдается наследственнымъ въ саксонскомъ домѣ, и Саксонцы поступаютъ съ Польшей такъ, какъ Габсбурги съ Германіей, которые превратили свободу избранія въ простую формальность. Такъ какъ вѣнскій дворъ открыто объявилъ, что онъ намѣренъ дѣйствовать насильственнымъ образомъ, то французскій король повелѣлъ своимъ министрамъ сообщить всѣмъ европейскимъ дворамъ, что онъ будетъ защищать польскую свободу всѣми зависящими отъ него средствами и въ случаѣ нужды даже оружіемъ. И такъ какъ всѣ европейскія державы заинтересованы въ этомъ вопросѣ, то король французскій надѣется, что онъ будетъ дѣйствовать въ союзѣ съ ними и воспротивится намѣреніямъ Австріи. Русское государство наслаждается теперь внутреннимъ спокойствіемъ и глубокимъ миромъ.

¹ Австрійскій императоръ Карлъ VI не имѣлъ сыновей, поэтому онъ издалъ указъ, по которому всѣ австрійскія земли должны были перейти къ его дочери; этотъ указъ назывался Прагматическою Санкціей.

Какая же охота ему вмѣшиваться въ другія дѣла? Теперь Россія пользуется уваженіемъ сосѣдей и внушаетъ имъ даже нѣкоторый страхъ своею военною силою. Но легко можетъ случиться, что русскія войска потерпятъ маленькое пораженіе; тогда этотъ страхъ предъ русскою арміею очень уменьшится, и отсюда могутъ произойти довольно непріятныя послѣдствія“.

Мини́хъ отвѣтилъ Маньяну, что онъ не можетъ взять на себя докладъ объ его предложеніяхъ и что ему слѣдовало обратиться съ ними къ великому канцлеру Головкину или къ Остерману. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, въ воскресенье 1 апрѣля къ Остерману пріѣхалъ датскій посланникъ Вестфаль. Когда Остерманъ, какъ онъ рассказываетъ въ своей докладной запискѣ, простился съ нимъ и проводилъ его до дверей, онъ увидѣлъ въ своей передней французскаго секретаря. Маньянъ поздравилъ его съ праздникомъ и сказалъ, что получилъ письма изъ Франціи, изъ которыхъ видно, что вѣсть о смерти французскаго короля, распространенная въ Петербургѣ, совершенно ложная. Остерманъ отвѣтилъ, что онъ слышалъ, будто бы нѣкоторыя газеты распространяли эту вѣсть, но никто ей не вѣрилъ; впрочемъ ему весьма пріятно слышать, что это извѣстіе не имѣетъ никакого основанія. Наконецъ Маньянъ вынулъ изъ кармана бумагу и послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ фразъ прочелъ французскую декларацію. Когда онъ кончилъ, Остерманъ долгое время молчалъ, ожидая, что Маньянъ начнетъ говорить о Станиславѣ, или о намѣреніяхъ Русскаго двора. Но и Маньянъ молчалъ, высматривая, какое впечатлѣніе произвела на русскаго вице-канцлера французская декларація. Наконецъ Остерманъ сказалъ, „что Маньянъ, вѣроятно, по старой дружбѣ къ нему, сообщилъ ему извѣстія, полученные имъ изъ Франціи, но такъ какъ долгъ платежомъ красенъ, то и онъ считаетъ обязанностью сказать ему, что сохраненіе польской свободы и конституціи для Россіи очень важно, но крайней мѣрѣ не менѣе, чѣмъ для Франціи, что Россія принесла для этого гораздо болѣе жертвъ, чѣмъ Франція и въ будущемъ не станетъ жалѣть ничего, чтобы защитить Польшу отъ всякаго притѣсненія. Русскій дворъ вполне убѣжденъ, что Франція очень хорошо понимаетъ свои интересы и дѣйствуетъ согласно съ ними. Можно, поэтому, надѣяться, что и Франція будетъ справедлива къ другимъ и сознается, что и Россія также понимаетъ свою выгоду“.

фраза вызоветъ Маньяна на дальнѣйшія объясненія, но французскій секретарь промолчалъ и тотчасъ же уѣхалъ.¹

Цѣлый мѣсяць Маньянъ занимался бесплодными переговорами; изъ его донесеній въ Парижѣ замѣтили, что немислимо отвлечь Россію отъ австрійскаго союза и склонить ее на сторону Лещинскаго. Въ концѣ мая министръ иностранныхъ дѣлъ Шовеленъ писалъ Маньяну: „Надо сознаться, что вы исчерпали предметъ и что вы сказали все, что могло бы произвести впечатлѣніе на министровъ, не столь преданныхъ вѣнскому двору и менѣе рѣшительныхъ противниковъ короля Станислава. Вы не добились успѣха и какъ я писалъ вамъ, я не особенно разсчитывалъ на него. Я полагаю, что у фельдмаршала Миниха хорошія намѣренія, но вліяніе его невелико. Вамъ говорили, что не будутъ насиловать событій и не легко введутъ русскія войска въ Польшу, но это не вѣрно. Изъ стороннихъ сообщеній мы имѣемъ основаніе думать, что не только не будутъ слѣдовать столь умѣренной политикѣ, но присоединятся вполне къ видамъ вѣнскаго двора и можетъ-быть въ такомъ духѣ уже отвѣтили на прочитанную вами декларацію. При такомъ предположеніи, соотвѣтствуетъ ли достоинству короля, чтобы лицо, представляющее его особу, оставалось при дворѣ царицы, и нѣтъ ли въ этомъ своего рода непристойности? Прошу васъ подумать объ этомъ, и написать мнѣ свое мнѣніе. Мы особенно были оскорблены обращеніемъ съ вами Остермана“. Не дождавшись отвѣта, министръ черезъ двѣ недѣли писалъ уже рѣшительно Маньяну, что „онъ живо чувствуетъ непристойность имѣть представителя короля при дворѣ, который объясняется и ведетъ себя столь противоположнымъ образомъ вниманію, какого заслуживаетъ французская держава. Поэтому, самое лучшее, прибавлялъ онъ, чтобы вы, какъ бы по собственной инициативѣ, уѣхали изъ Россіи, не давая формальнаго объясненія отъ имени короля, а сказавъ только, что ваше пребываніе въ Петербургѣ стало бесполезнымъ“. Въ концѣ іюня 1733 года, Маньянъ уѣхалъ изъ Россіи, передавъ всѣ бумаги консулу Виллардо.²

Дѣйствительно положеніе было таково, что ежеминутно можно было ожидать Польско-Русской войны съ партіей Лещинскаго. За нѣсколько мѣсяцевъ до отозванія Маньяна 22 февраля 1733

¹ В. Герье. Борьба за польскій престолъ въ 1733 году, стр. 410—415.

² Recueil, VIII, 270—272.

года было въ кабинетѣ генеральное собраніе, присутствовали министры, сенатъ и генералитетъ. По выслушаніи реляціи, присланной изъ Польши отъ нашего посла графа фонъ-Левенвольда, разсудили слѣдующее: 1) по русскимъ интересамъ, Лещинскаго и другихъ, которые зависятъ отъ короны французской и шведской и, слѣдовательно, отъ турецкой, до короны польской допустить никакъ нельзя; 2) для того отправляемые въ Польшу министры должны усиленно стараться, денежные и другіе пристойные способы употреблять, сообщая съ министрами союзниковъ, чтобы Поляковъ отъ избранія Лещинскаго и подобныхъ ему отворотить, для того этихъ министровъ надо снабжать денежными суммами; 3) а такъ какъ можетъ случиться, что вышеозначенные способы для отвращенія такихъ вредныхъ Русскому государству предпріятій окажутся недостаточными, и надо будетъ силу оружія употребить, то признается нужнымъ, безъ упущенія времени, на самыхъ границахъ поставить восемнадцать полковъ пѣхоты и десять полковъ конницы и расположить ихъ въ такомъ разстояніи, чтобы, въ случаѣ нужды, немедленно могли собраться и маршировать, а какъ скоро внешнее время наступитъ, собрать ихъ въ два, или три корпуса и велѣтъ ихъ вывести къ самымъ границамъ литовскимъ и польскимъ; 4) къ этому корпусу регулярному нарядить нерегулярнаго войска; 5) къ этому корпусу опредѣлить главнаго командира и прочихъ отъ генералитета съ такимъ именованнымъ указомъ, чтобы по первому требованію отъ главнаго министра ея величества, обрѣтающагося въ Польшѣ, вступилъ въ Польшу и дѣйствовалъ бы во всемъ по его опредѣленію. Рѣшеніе это было исполнено, русская армія поставлена на польскую границу и въ іюль лифляндскій губернаторъ генерал-аншефъ Леси получилъ приказаніе ѣхать немедленно къ полкамъ, расположеннымъ на польской границѣ, и приготовить ихъ къ походу такъ, чтобы могъ выступить на другой день, по полученіи о томъ указа.

Военная сила скоро понадобилась: французская дипломатія въ Варшавѣ одержала побѣду надъ русской. На сеймѣ 11 сентября большинство избрало въ короли Станислава Лещинскаго, но довольно значительное меньшинство протестовало и провозгласило королемъ Августа. Въ Варшавѣ начались уличные беспорядки. Станиславъ не чувствовалъ себя въ безопасности, у него было самое ничтожное войско и уже черезъ десять дней послѣ избранія онъ удалился въ Гданскъ (Данцигъ) въ сопровожденіи глав-

ныхъ своихъ приверженцевъ и пословъ французскаго и шведскаго. Партія Лещинскаго разграбила домъ нашего посла Левенвольда; къ нему никого не пускали; курьеровъ останавливали, у нихъ отбирали бумаги и распечатывали пакеты. Домъ саксонскаго посла былъ взятъ приступомъ, посолъ долженъ былъ выѣхать изъ Варшавы. Наконецъ, 30 сентября, на правомъ берегу Вислы показалось двадцать тысячъ русскаго войска, подъ начальствомъ Леси.

Въ Парижѣ остались очень недовольны такимъ дерзкимъ сопротивленіемъ французской политикѣ. Шовеленъ выразилъ это очень рѣзко въ письмѣ къ Виллардо: „Мы будемъ мстить русскому двору, жестокость и, можно сказать, безчеловѣчность котораго дошла до величайшаго насилія въ Польшѣ. Мы не скрываемъ, что до тѣхъ поръ будемъ мстить виновникамъ столькихъ несправедливостей, пока Господу угодно будетъ благословлять оружіе, которое король имѣетъ полное право пустить въ дѣйствіе на защиту угнетеннаго народа; на народъ этотъ хотятъ наложить ярмо, котораго онъ не станетъ терпѣть и которое сброситъ при могущественной помощи нашей и нашихъ союзниковъ“. Въстѣ съ тѣмъ консулъ получилъ приказаніе вернуться во Францію. Дипломатическія сношенія были окончательно порваны, потому что уже нѣсколько лѣтъ, какъ у насъ не было аккредитованнаго министра въ Парижѣ.²

Для того чтобъ Августъ могъ утвердиться въ Польшѣ, необходимо было выгнать Станислава изъ Данцига, куда къ нему на помощь легко могли явиться моремъ Французы, а быть-можетъ и другіе союзники. Поэтому Леси получилъ приказаніе немедленно идти къ Данцигу. Несмотря на то, что въ Польшѣ находилось въ это время тысячъ пятьдесятъ русскаго войска, Леси могъ взять съ собою къ Данцигу не больше двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Остальное войско необходимо было оставить въ Польшѣ, потому что въ разныхъ мѣстахъ постоянно образовывались конфедераціи въ пользу Станислава. Въ январѣ 1734 года Леси занялъ Торнъ, жители котораго присягнули Августу и приняли русскій гарнизонъ. Но жители Данцига рѣшились твердо держаться Станислава, въ надеждѣ на французскую помощь, и на то, что и другія, особенно морскія державы, не позволятъ разорить та-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XX, стр. 21—23.

² Recueil, VIII, 274—275.

кой важный торговый городъ; присутствіе французскаго посла Монти, французскихъ инженеровъ и шведскихъ офицеровъ поддерживало эти надежды, тѣмъ болѣе, что у нихъ было втрое больше людей, чѣмъ у осаждающихъ. Малочисленность войска, недостатокъ во всемъ нужномъ для осады и неблагоприятное время года не позволяли Леси вдругъ сдѣлать что-нибудь важное, а въ Петербургѣ торопились, боясь весны и появленія французскихъ кораблей съ войскомъ и потому отправили подъ Данцигъ первую военную знаменитость имперіи, графа Миниха.

Въ апрѣлѣ дѣйствительно пришла въ Данцигу французская эскадра и нѣсколько людей успѣли высадиться; но Французы не нашли никакой возможности ни соединиться съ польскимъ войскомъ, ни войти въ городъ, потому что Минихъ взятіемъ форта Зоммершанцъ совершенно пресѣкъ сообщенія Данцига съ его гаванью Вейксельмюнде. Французы два дня имѣли намѣреніе атаковать русскіе посты, находившіеся на берегу Вислы, но отчаялись въ усиѣхѣ при видѣ незначительности своихъ силъ, сѣли на корабли и вышли въ море. 13 мая показались на рейдѣ одиннадцать французскихъ кораблей и высадили войско на берегъ. Тутъ въ первый разъ русскіе солдаты вступили въ бой съ Французами, атаковавшими наши ретраншаменты. Французы были отбиты и „русскіе офицеры и солдаты, по словамъ Миниха, въ сей акціи превеликій куражъ, охоту и радость оказывали и ничего такъ не желали, какъ чтобы Французы еще сильнѣе пришли и въ другой разъ бы отвѣдали“. 12 июня Французы сдали Вейксельмюнде; черезъ двѣ недѣли Станиславъ Лещинскій бѣжалъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, и Данцигъ сдался съ обязательствомъ быть вѣрнымъ королю Августу III. ¹

Въ то время, какъ русское войско стояло подъ Данцигомъ, въ Парижѣ составилъ новый проектъ, уладить сѣверныя дѣла мирнымъ образомъ. Мысль эту подалъ Гейль, агентъ герцога Мекленбургскаго, прибывшій во Францію лѣтомъ 1734 года. Онъ предлагалъ особенную комбинацію, на которую, по его мнѣнію, могла согласиться Анна Иоанновна и за которую ухватился кардиналъ Флери. Дѣло въ томъ, что первый министръ лично симпатизировалъ польской политикѣ, онъ находилъ, что неслѣдуетъ настаивать на избраніи Станислава Лещинскаго и тратить на это большія деньги. Только по настоянію короля и другихъ

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XX, стр 28, 33—40.

влиятельныхъ лицъ послалъ онъ въ Варшаву предъ избирательнымъ сеймомъ три милліона ливровъ и сдѣлалъ это съ большимъ неудовольствіемъ. Когда пришлось защищать польскаго короля уже не деньгами, а оружіемъ, Флери опять-таки выказалъ свою нерѣшительность и къ Данцигу былъ посланъ ничтожный отрядъ, который не былъ въ состояніи устоять противъ Миниха. Кардиналъ предвидѣлъ это, а потому для улаженія дѣла послали въ Петербургъ аббата Ланглуа. Ему дана была секретная миссія и въ началѣ іюня онъ выѣхалъ изъ Парижа подъ именемъ Итальянца Бернардони. Ему вручили полномочіе отъ короля заключить съ министрами русской императрицы всякіе трактаты и конвенціи, какіе покажутся ему удобными. Проектъ трактата, который Бернардони долженъ былъ предложить въ Петербургъ, заключался главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) Россія признаетъ польскаго королемъ Станислава Лещинскаго и будетъ поддерживать его; 2) возобновленіе Амстердамскаго трактата, гарантія Ништадскаго мира; Швеція формально откажется отъ провинцій, завоеванныхъ Петромъ Великимъ; 3) Франція обязуется поддерживать миръ между Портой и Россіей. Этотъ проектъ надѣялись провести при помощи герцога Мекленбургскаго, близкаго родственника Анны Іоанновны, который долженъ былъ принять участіе въ франко-русскомъ союзѣ и которому обѣщали гарантировать его права, установленныя на Вестфальскомъ мирѣ и оспаривавшіяся въ то время въ Германіи. Поэтому вѣсть съ нимъ отправился и Гейль, повидному плохо знавшій настроеніе Петербургскаго кабинета и внушившій Бернардони излишнюю увѣренность. Приѣхавъ въ Любекъ послѣдній писалъ: „я надѣюсь, что черезъ три дня по приѣздѣ въ Петербургъ нашъ трактатъ будетъ заключенъ безо всякихъ затрудненій. Эта надежда поддерживаетъ мои силы, а силъ мнѣ надо много для такого труднаго путешествія“.

Когда Бернардони послѣ шестинедѣльнаго странствованія прибылъ, наконецъ, въ Петербургъ, Данцигъ былъ давно уже взятъ и казалось бы, что предполагавшійся трактатъ былъ совершенно немислимъ. Тѣмъ не менѣе французскій агентъ попытался поправить дипломатическимъ путемъ то, что было проиграно на полѣ сраженія. Первое впечатлѣніе, какое онъ вынесъ, было очень благоприятно. Гейль по секрету сообщилъ Бирону, что въ Петербургѣ живетъ Бернардони, и для переговоровъ съ нимъ была назначена особая коммиссія изъ Остермана, князя Черкаскаго и Левен-

вольда. Французскій агентъ доносилъ объ этомъ: „Остерманъ и Черкасскій отправились къ Левенвольду, который встрѣтилъ меня у подъѣзда съ должною любезностью и ввелъ въ комнату, гдѣ сидѣли два другіе министра. Остерманъ говорилъ о сильномъ желаніи царицы быть въ дружбѣ съ королемъ, на что я отвѣтилъ такъ, что, кажется, всѣ остались довольны. Они сообща попросили меня подробнѣе заняться дѣломъ сегодня вечеромъ въ пять часовъ. Сказать правду, я получилъ нѣкоторую надежду, веселое, смѣющееся лицо графа Остермана показалось мнѣ хорошимъ предзнаменованіемъ“. Бернардони торопилъ Остермана, но послѣдній черезъ пять дней послѣ первой конференціи отвѣтилъ, что онъ и самъ хотѣлъ бы покончить поскорѣе это дѣло, но затруднительно, какъ это сдѣлать, чтобы публикѣ понравилась такая внезапная и неожиданная перемѣна.

Прошло нѣсколько дней, но все еще не приступали къ обсужденію проекта, привезеннаго французскимъ агентомъ. Тогда Бернардони рѣшился обратиться къ Остерману съ письмомъ слѣдующаго содержанія. „Въ прошедшій понедѣльникъ ваше превосходительство выразило желаніе, чтобы я подробно изложилъ на бумагѣ свои предложенія, и я на другой же день имѣлъ честь удовлетворить вашему желанію. Вы изволили прочесть ихъ и отвѣтить мнѣ, что дадите перевести мой проектъ и попросите разрѣшенія вступить въ его обсужденіе. Съ тѣхъ поръ я ничего не слышалъ объ этомъ дѣлѣ, исключая того, что Гейль передалъ мнѣ отъ вашего имени, что вы подумаете, какъ бы развязаться съ теперешними обязательствами Россіи, такъ чтобы Европѣ нечего было порицать въ этой перемѣнѣ. Зрѣло обдумавъ этотъ вопросъ, мнѣ показалось, что трактатъ ¹, который, какъ мнѣ говорили, не ратификованъ и который не исполняется ни тою, ни другою стороною, не заслуживаетъ такого осторожнаго съ нимъ обращенія. Во всякомъ случаѣ это неисполненіе договора даетъ, мнѣ кажется, достаточный поводъ, чтобы принять солидныя, выгодныя и полезныя предложенія. Я повергаю мое слабое мнѣніе высшему разумнѣю вашего превосходительства и прошу, какъ милости, дать мнѣ категорическій отвѣтъ. Время проходитъ и приближается зима; поэтому я умоляю васъ дать мнѣ возможность или остаться въ этой столицѣ съ тѣмъ, чтобы

¹ Рѣчь идетъ объ австрійскомъ трактатѣ 1726 года, который былъ ратификованъ Екатериной.

подписать трактатъ, или же немедленно вернуться во Францію. Второе было бы мнѣ на столько же непріятно, на сколько первое преисполнило бы меня радости“. На это настоятельное письмо Остерманъ отвѣтилъ на словахъ, что онъ просить Бернадони повременить, увѣряя, что черезъ два дня будетъ назначена настоящая конференція. Прошло два дня, Остерманъ опять въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ просилъ французскаго агента подождать. Розовыя мечты начали исчезать, и онъ чувствовалъ неудобство своего положенія. Остерманъ не любилъ высказываться прямо и очевидно тянулъ время, съ одной стороны изъ дипломатической любезности, а съ другой стороны, чтобъ устрашить нѣсколько Австрію и заставить ее тѣснѣе сблизиться съ Россіей. Какъ ни торопился Бернадони, онъ былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ тѣмъ, что миссія была секретная. Будучи на самомъ дѣлѣ католическимъ аббатомъ, онъ выдавалъ себя за Италіянца, воспитаннаго въ Женевѣ и перешедшаго тамъ въ кальвинизмъ; онъ увѣрялъ, будто состоитъ секретаремъ герцога Мекленбургскаго. „Вотъ уже тридцать три дня, что я въ Петербургѣ, доносилъ онъ, но выходилъ изъ дому только два раза по дѣламъ, о которыхъ писалъ вамъ, и покидалъ я свой домъ только послѣ захода солнца. Несмотря на всѣ эти предосторожности, я не смѣю увѣрять, что никто не подозрѣваетъ истинной цѣли моего путешествія, я даже не могу этого замѣтить, потому что ни съ кѣмъ не вижу“.

Бернардони надѣялся обдѣлать дѣло въ три дня, а прошло болѣе мѣсяца, и онъ не могъ дать никакого положительнаго отвѣта кардиналу Флери. Въ это же время въ Петербургѣ распространился слухъ, который долженъ былъ еще болѣе оттолкнуть нашихъ министровъ отъ французскаго агента. Биронъ написалъ записку Бернадони; въ которой говорилъ, что по сообщенію нашего резидента въ Стокгольмѣ, тамошній французскій посоль сказалъ слѣдующее объ Аннѣ Іоанновнѣ: „эта женщина слишкомъ подымаетъ носъ, надо сбить ее спѣсь: отравить ее будетъ стоить королю, моему господину, не больше ста дукатовъ, ибо Русскіе за сто рублей готовы убить отца“. Хотя трудно было повѣрить, чтобы французскій дипломатъ выражался такъ грубо, но на императрицу это сообщеніе произвело непріятное впечатлѣніе, а князь Черкасскій поднялъ страшный шумъ и кричалъ, что нельзя такъ оскорблять цѣлый народъ. Бернадони сейчасъ отправилъ отвѣтное письмо Бирону, въ которомъ говорилъ, что

Французское министерство съ ужасомъ узнасть объ этихъ позорныхъ и гнусныхъ словахъ. Оно разслѣдуетъ это дѣло и прихѣрнымъ наказаніемъ виновнаго смоетъ это пятно. Онъ просить Бирона увѣрить императрицу, что Франція, даже по отношенію ко врагу, неспособна на подобный замыселъ. Если ему удастся на этой же недѣлѣ подписать проектируемый трактатъ, онъ пошлетъ его съ нарочнымъ и тотчасъ же получить отвѣтъ, изъ котораго будетъ видно негодование короля.

До конца ноября Бернардони все еще надѣялся, что ему удастся исполнить какъ-нибудь возложенную на него миссію. Онъ прожилъ три мѣсяца въ ожиданіи, что вотъ-вотъ приступать къ обсужденію его проекта, и тогда только его спутникъ и помощникъ Гейль письменно извинился предъ кардиналомъ Флери, что изъ предложеннаго имъ проекта ничего не вышло. Бернардони уѣхалъ изъ Петербурга въ послѣднихъ числахъ ноября.¹

Неудивительно, что русское правительство отвергло этотъ проектъ, который былъ выгоденъ только для герцога Мекленбургскаго и Франціи. За заступничество предъ Портой не стоило усиливать французское вліяніе въ Польшѣ, отказываться отъ всего того, что было сдѣлано съ большими пожертвованіями. Еслибы въ Петербургѣ согласились на предложенія Бернардони, то вышло бы, что напрасно посылали войско въ Польшу и побѣда подъ Данцигомъ не принесла бы никакой пользы, напротивъ, побѣда привела бы къ пораженію, къ утвержденію французскаго кандидата на польскомъ престолѣ.

XVI.

Въ это время въ Петербургѣ находился уже французскій агентъ Фонтонъ де-Летанъ, присланный по совѣмъ другому дѣлу. Портъ Вейксельмюнде сдался на капитуляцію съ тѣмъ условіемъ, что французскій гарнизонъ будетъ доставленъ въ одинъ изъ приморскихъ городовъ Балтійскаго побережья, откуда ему возможно будетъ возвратиться во Францію на своихъ судахъ; но условіе это было нарушено по причинѣ, изложенной въ „декларации, данной русскимъ дворомъ Ламотту, командиру французскаго отряда, взятому на капитуляцію при Вейксельмюнде“. Несмотря

¹ Recueil, VIII, 277—300.

на то, говорится въ этомъ документѣ, что не была объявлена война между Россіей и Франціей, французская эскадра въ Балтійскомъ морѣ атаковала пакетботъ, два галіота и наконецъ русскій фрегатъ (*Митаву*), взяла въ плѣнъ и увела съ собою весь экипажъ этихъ судовъ, схватила всѣ вещи и товары на нихъ находившіеся, а фрегатъ даже увела съ собою во Францію. Это было сдѣлано несмотря на то, что помянутыя суда и фрегатъ не позволили себѣ никакихъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ французскимъ судамъ, такъ какъ фрегатъ не получалъ подобнаго приказанія, а остальные суда даже вовсе не были вооружены и служили только для перевозки корреспонденціи и пассажировъ изъ Кронштадта въ Любекъ, какъ это практикуется уже нѣсколько лѣтъ. Такія враждебныя демонстраціи удивительны, потому что Россія не позволяла себѣ ничего подобнаго по отношенію къ Франціи, и французскіе купцы продолжали до сегодня свободно торговать во всѣхъ русскихъ портахъ. Такіе поступки противны международному праву и обычаямъ, принятымъ у всѣхъ, даже наименѣе цивилизованныхъ народовъ, не позволяющихъ себѣ враждебныхъ дѣйствій, не объявивъ предварительно войны. На этомъ основаніи Ея Императорское Величество считаетъ себя въ правѣ и даже обязанною задержать французскій отрядъ по праву репрессалій, пока не будетъ возвращенъ фрегатъ, называемый *Митава*, со всѣмъ его экипажемъ, то-есть съ капитаномъ, лейтенантомъ, всѣми офицерами, солдатами и матросами, со всѣми орудіями, аммуниціей и эффектами, однимъ словомъ до тѣхъ поръ, пока фрегатъ не будетъ доставленъ въ одинъ изъ русскихъ портовъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ онъ былъ взятъ. Хотя Ея Императорское Величество вынуждена по указаннымъ причинамъ задержать французскій отрядъ, пока Франція не удовлетворитъ ея справедливымъ требованіямъ, императрица объявляетъ, что отрядъ будетъ содержаться приличнымъ образомъ. Она разрѣшаетъ командиру отряда послать нѣсколькихъ своихъ офицеровъ во Францію, чтобы поскорѣе уладить это дѣло. Французское войско будетъ размѣщено по близости отъ Балтійскаго моря, чтобъ оно могло какъ можно скорѣе быть посажено на суда и возвратиться домой.

Въ обстоятельномъ письмѣ бригадиръ Ламоттъ сообщаетъ Шовелену о своей судьбѣ. Онъ и его офицеры были привезены въ Кронштадтъ и здѣсь любезно приняты адмираломъ Головиннымъ. Послѣдній переправилъ ихъ на императорской яхтѣ въ

Петербургъ, гдѣ они имѣли свиданіе съ Остерманомъ, сообщившимъ имъ вышеупомянутую декларацію. „Если король захочетъ, писалъ Ламоттъ, освободить насъ отсюда до зимы, онъ предупредить окончательную гибель двухъ нашихъ полковъ, платье которыхъ совершенно износилось и которые не въ состояніи будутъ выдержать страшные морозы этой страны. До сихъ поръ мы можемъ только похвастаться хорошимъ обращеніемъ, оказываемымъ офицерамъ и солдатамъ. Императрица приказала помѣстить насъ въ одномъ изъ своихъ дворцовъ, гдѣ намъ даютъ великолѣпный и обильный столъ. Я не знаю, какъ выразить вамъ всѣ знаки доброты, оказанные намъ императрицей, соблаговолившей удостоить насъ цѣлованія ея руки и приказавшей показать намъ всѣ великолѣпія двора. Графъ Остерманъ и другіе придворные вельможи расточаютъ намъ свои любезности“.¹

По случаю взятія Данцига былъ данъ блестящій балъ, на который пригласили и плѣнныхъ французскихъ офицеровъ. Леди Рондо, жена англійскаго резидента при русскомъ дворѣ, описываетъ такъ этотъ праздникъ: „Когда балъ начался, ввели французскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Данцигомъ. Признаюсь, я находила такое обращеніе съ ними жестокимъ и приблизилась, чтобы разсмотрѣть ихъ въ такомъ щекотливомъ положеніи. Начальникъ ихъ, графъ де-Ламоттъ, красивый мущина около пятидесяти лѣтъ; вся фигура его выражала бодрость и мужество. Онъ имѣлъ видъ чловѣка, который въ дупгѣ чувствуетъ злобу, но презираетъ оскорбленія. Послѣ того какъ каждый изъ плѣнныхъ поцѣловалъ руку императрицы, она обратилась къ графу де-Ламотту и сказала ему, что быть - можетъ онъ удивляется выбору такой минуты для представленія ея величеству, но такъ какъ Французы очень дурно поступали съ плѣнными, имѣвшими несчастье попасть къ нимъ въ руки, то она, вмѣсто мщенія за нихъ, довольствуется лишь этимъ оскорбленіемъ, и зная Французовъ за людей весьма вѣжливыхъ, надѣется, что любезность присутствующихъ здѣсь дамъ изгладитъ отчасти нанесенное имъ оскорбленіе. Затѣмъ она подозвала нѣсколькихъ дамъ, умѣвшихъ говорить по-французски, и просила ихъ постараться заставить этихъ господъ забыть по крайней мѣрѣ въ продолженіе вечера, что они плѣнные. Вмѣстѣ съ тѣмъ она приказала возвратить имъ шпаги на честное слово. Такъ

¹ Recueil, VIII, 300 - 306.

какъ я изъ любопытства стояла около царицы, то она обратилась ко мнѣ первой, и я должна была заговорить съ ближайшимъ изъ офицеровъ, который, слѣдуя любезности своей страны, поклонился императрицѣ и сказалъ, что она нашла случай побѣдить ихъ два раза, ибо онъ надѣется, что графъ Минихъ отдастъ имъ справедливость, сознавшись въ томъ, что они, несмотря на его храбрость, сдались ему неохотно; въ настоящее же время сердца ихъ съ удовольствіемъ покоряются такимъ прекраснымъ побѣдителямъ. Такъ какъ я чувствовала себя не совсѣмъ здоровою, то считала за счастье, что лѣта моего кавалера не позволяли ему танцовать; мы провели вечеръ въ бесѣдѣ, причемъ онъ выказалъ умъ, вѣжливость и много живости; но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣчь его сильно изобиловала риторическими выраженіями, столь свойственными его націи, въ особенности въ разговорахъ съ женщинами. Онъ очень удивлялся великолѣпію и учтивости русскаго двора. Въ самомъ дѣлѣ съ ними обращаются очень вѣжливо; придворныя кареты отданы въ ихъ распоряженіе и имъ показываютъ все, что обыкновенно показывается иностранцамъ".¹

Французскіе солдаты были отправлены въ Копорье, въ Петербургѣ явилась мысль нельзя ли извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу и переманить часть на русскую службу. Императрица отправила въ Копорье флотскаго капитана Полянскаго съ такимъ наказомъ: „ѣхать тебѣ въ Копорье въ лагерь, гдѣ обрѣтаются Французы и объявить тамъ указъ гвардіи-майору Албрехту или Астраханскаго полка Лопухину, что мы указали быть тебѣ при тамошней командѣ обще съ ними, потому что ты французскаго языка умѣешь, и Французамъ таже объявить, что ты для нихъ нарочно присланъ. Притомъ майору или подполковнику секретно объявить, чтобъ они помянутыхъ Французовъ впредь такъ вѣриво не держали, какъ нынѣ, и еслибы кто изъ нихъ сталъ уходить тайно, то за ними присматривать, и отъ того ихъ удерживать не велѣтъ, а для сыску за ними ни куда не посылать, понеже изъ нихъ многіе есть молодые люди, и буде они будутъ уходить, то тотъ ихъ побѣгъ къ лучшему нашему интересу воспослѣдуетъ, чего ради не токмобъ ихъ отъ того удерживать, но еще по крайней возможности въ томъ имъ способствовать и къ тому приговаривать, и какъ можно тайно отправлять ихъ въ С.-Петербургъ".²

¹ Письма леди Рондо подъ редакціей С. Н. Шубинскаго, стр. 72—74.

² Соловьевъ, *Исторія Россіи*. Т. XX, стр. 41.

Въ августѣ отправили въ Петербургъ Фонтон-де-Летанъ, чтобы добиться возвращенія французскихъ плѣнныхъ и особенно освобожденія маркиза Монти, французскаго посла въ Польшѣ, попавшаго въ плѣнъ при взятіи Данцига. Новаго французскаго агента приняли еще любезнѣе, чѣмъ Бернардони. За первымъ же обѣдомъ, происходившимъ, кажется, въ помѣщеніи Ламотта, присутствовавшій тутъ фельдмаршалъ Минихъ пилъ за здоровье кардинала Флери и Шовелена.

Летанъ отзывался съ большою похвалою о великодушіи, съ которымъ обращались съ французскими плѣнными. Когда французскіе офицеры были отправлены изъ Петербурга къ своему отряду, императрица подарила каждому изъ нихъ по прекрасному мѣху. Каждый день нарочно для нихъ дѣлали смотръ какому-нибудь полку, а на смотре конногвардейцамъ императрица командовала сама. Ихъ не только кормили на царскій счетъ, но одинъ изъ придворныхъ игралъ роль хозяина за обѣдомъ.

Тотчасъ же по приѣздѣ въ Петербургъ Летанъ подалъ ноту графу Остерману. Фонтонъ-де-Летанъ, говорится въ этомъ документѣ, согласно полученнымъ имъ приказаніямъ имѣетъ честь заявить г. Остерману, что король желаетъ, чтобы возвращенъ былъ на родину французскій отрядъ, а также отосланъ шведскій фрегатъ *Исаакъ* и чтобы маркизу Монти разрѣшено было вернуться во Францію. Король желалъ бы тоже, чтобы дарована была свобода всѣмъ французскимъ и шведскимъ офицерамъ, взятымъ въ плѣнъ въ Данцигѣ.

Переговоры о выдачѣ плѣнныхъ не обошлись безъ недоразумѣній и вызвали нѣкоторое охлажденіе Остермана къ Летану тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время распространился вышеупомянутый слухъ объ оскорбительной фразѣ, сказанной будто бы французскимъ посланникомъ въ Швецію. Къ тому же въ Данцигѣ появился памфлетъ на русское правительство и говорили, что авторъ его Монти. Въ Парижѣ пришли въ негодованіе, когда узнали объ этихъ слухахъ. „Всякій человѣкъ, писалъ Шовелень Летану, способный на такія рѣчи, оскорбительныя для цѣлаго народа, заслуживалъ бы публичнаго наказанія. Выдумывать подобныя вещи черезчуръ низко, и всѣмъ было бы одинаково важно открыть сочинителей этой клеветы. Я не сомнѣваюсь, что если до васъ дошли эти слухи, вы отъ себя заявили Остерману, въ какомъ мы будемъ негодованіи, когда узнаемъ, что намъ приписываютъ такіе грязные замыслы“.

Вскорѣ послѣ этого министръ увѣдомилъ своего агента, что фрегатъ *Митаву* приводить въ тотъ видъ, въ которомъ онъ былъ взятъ и отошлеть его въ Россію. Переговоры о плѣнномъ отрядѣ были благополучно окончены въ декабрѣ и рѣшено отправить французскія войска при первомъ удобномъ случаѣ. Но кромѣ того Летану нужно было добиться освобожденія Монти и на него было возложено продолжать переговоры, начатыя Бернардони. „Что бы не вышло изъ извѣстнаго вамъ дѣла, писалъ ему министръ, надо стараться не порывать окончательно сношеній со страной, гдѣ вы находитесь. Поэтому вамъ надо мало-помалу войти въ дѣловыя сношенія съ Остерманомъ. Съ этою цѣлью вы должны сказать, что получили новое приказаніе настанавать на освобожденіи Монти, чего мы и въ самомъ дѣлѣ очень желали бы добиться“. Въ виду войны съ Австріей французское правительство все еще надѣялось, что возможно отвлечь какъ-нибудь Россію отъ австрійскаго союза. 16 декабря Шовелень писалъ Летану: „Издали и ходя въ потьмахъ очень трудно дать точное предписаніе. Но если все затрудненіе происходитъ отъ того, что Русскіе не хотятъ возстановить Станислава Лещинскаго на польскомъ престолѣ, то возможенъ и средній терминъ (un mezzo-termino), именно чтобы русское правительство отозвало свои войска изъ Польши, оставалось нейтральнымъ и предоставило Полякамъ дѣйствовать, какъ они знаютъ и чтобы при этомъ сохраняли нейтралитетъ и всѣ другія державы. Для насъ это было бы почти безразлично и, можетъ-быть, менѣе пугало бы тѣхъ Русскихъ, которые боятся полной перемѣны системы. Въ то время, какъ мы пишемъ это письмо, мы видимъ, что Русскіе увеличиваютъ количество своихъ войскъ въ Польшѣ“. Очевидно, французское министерство надѣялось своимъ компромиссомъ ввести въ заблужденіе русское правительство; оно какъ будто соглашалось на уступку, а на самомъ дѣлѣ все еще пыталось дипломатическимъ путемъ отплатить за капитуляцію Данцига. Станиславъ Лещинскій былъ вторично изгнанъ изъ Польши при помощи русскаго оружія, русское войско поддерживало Августа III, въ Варшавѣ; очевидно, что Франціи было выгодно въ эту минуту согласиться на невмѣшательство въ польскія дѣла, она могла надѣяться, что партія Лещинскаго возьметъ верхъ и даже въ худшемъ случаѣ она ничего не теряла. Въ Петербургѣ это хорошо понимали и не поддавались на французскія предложенія.

На только что приведенное письмо Шовелена Летанъ отвѣтилъ слѣдующее: „Ваше письмо отъ 16 декабря пришло слишкомъ поздно и нельзя льстить себя надеждой, что предложенныя вами условія, какъ бы они ни были выгодны, были хорошо приняты здѣсь. Графъ Биронъ получилъ письмо отъ австрійскаго императора: этимъ все сказано. Тѣмъ не менѣе я сегодня утромъ говорилъ слѣдующее Остерману: напрасно морскія державы стараются упрочить европейскій миръ, если никто не складываетъ оружія. Какую славу приобрѣла бы царица еслибы она первая способствовала этому и какой можетъ быть у нея болѣе благородный стимуль, какъ даровать Европѣ миръ? — Чтѣ же надо дѣлать? спросилъ онъ.—Вывести ваши войска изъ Польши, отказать въ войскѣ императору; тогда война станетъ немислимою за неимѣниемъ сражающихся. Онъ отвѣчалъ, что я говорю, какъ человѣкъ преданный своему правительству, но что всякій знаетъ свои интересы; императрица объявила уже свое рѣшеніе Бернардои. Я замѣтилъ, что между тогдашнимъ проектомъ и моими предложеніями большая разница. Наконецъ онъ сказалъ, что будетъ посланъ отвѣтъ королю. Я увидѣлъ изъ этого разговора, что мнѣ придется скоро уѣхать“.

Летану намекали, что ему больше нечего дѣлать въ Петербургѣ; Остерманъ сталъ даже невѣжливо поступать съ французскимъ агентомъ. Въ началѣ 1735 г. онъ писалъ: „Нѣмцы и Поляки повидимому выиграли свое дѣло. Всѣ говорятъ, что принято рѣшеніе заставить меня уѣхать. Это уже не секретъ: генералъ Минихъ подтверждаетъ это извѣстіе. Однако мнѣнія раздѣлены, безпристрастные московскіе совѣтники (*conseillers moscovites*) видятъ меня здѣсь безъ неудовольствія и настаиваютъ на томъ, чтобъ я оставался. Причина та, что они могутъ чрезъ мое присутствіе извлечь болѣе выгодъ изъ австрійскаго императора. Но если это будетъ продолжаться и у меня не останется никакой надежды, я лучше уѣду чѣмъ косвеннымъ образомъ служить на пользу этому двору, которымъ вы не можете быть довольны. Сверхъ всего Остерманъ своимъ дурнымъ обращеніемъ слишкомъ ясно доказываетъ свое пристрастіе. Я отправился поздравить его съ новымъ годомъ, а онъ заставилъ меня просидѣть цѣлый часъ въ передней и уѣхалъ, не принявъ меня. Я замѣтилъ это и сталъ передъ его глазами садиться въ экипажъ; онъ подозвалъ меня раньше, чѣмъ сѣсть въ карету и спросилъ, чего я желаю отъ него. Я сказалъ и отошелъ“.

Но французскій агентъ былъ настойчивъ, онъ хотѣлъ непременно добиться какого-нибудь опредѣленнаго отвѣта отъ русскаго правительства, между тѣмъ Остерманъ трактовалъ его свысока и даже принимать не хотѣлъ. Пять разъ ѣздилъ къ нему Летанъ, три раза его совѣтъ не приняли, а два раза Остерманъ выходилъ къ нему на нѣсколько минутъ въ переднюю. Въ послѣднее свиданіе французскій агентъ просилъ дать ему отвѣтъ на сдѣланныя имъ предложенія. Остерманъ отвѣтилъ, что онъ не знаетъ намѣреній императрицы. Тутъ только Летанъ рѣшился попросить, чтобъ ему выданъ былъ паспортъ для обратнаго проѣзда во Францію. Сдѣлалъ онъ это тогда, когда убѣдился, что Остерманъ, даже не хочетъ доложить императрицѣ о его предложеніяхъ. Но онъ все-таки хотѣлъ дожидаться одобренія отъ своего правительства; въ мартѣ пришло это одобреніе. „Такъ какъ дворъ, при которомъ вы находитесь, писалъ Шовеленъ, твердо держится своей прежней политики и никакъ не хочетъ отступить отъ нея, нечего удивляться, что избѣгали войти съ вами въ обсужденіе вашихъ предложеній. Впрочемъ, нечего раскаяваться въ томъ, что вы осмѣлились высказать Остерману. Если страсть этого министра къ вѣнскому двору не позволяетъ ему воспользоваться вашими предложеніями у императрицы, чего требовали бы ея истинные интересы, по крайней мѣрѣ вы сдѣлали все отъ васъ зависящее. Итакъ, вы отлично сдѣлали, что рѣшились уѣхать, и мы вполне одобряемъ это.“

Послѣ отъѣзда Летана французское правительство поручило голландскому резиденту въ Петербургѣ хлопотать объ освобожденіи Монти. Императрица соглашалась отпустить его только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Людовикъ далъ ей обѣщаніе не поручать Монти польскихъ дѣлъ. Король считалъ ниже своего достоинства удовлетворить такому требованію, и Монти былъ отпущенъ только въ концѣ 1735 г. по просьбѣ австрійскаго императора.¹

XVII.

Дипломатическія сношенія съ Франціей были окончательно прерваны. Въ Парижѣ узнавали о томъ, что дѣлается въ Россіи чрезъ австрійскаго и прусскаго посланниковъ. Начиналась месть, о которой писалъ французскій министръ. Австрія французское

¹ Recueil, VIII, 308—325.

правительство отомстило на полѣ битвы; по вѣнскому миру, предлимнарныя условія котораго были заключены въ 1735 году, Лотарингія отошла къ Франціи. Намъ парижскій кабинетъ желалъ отомстить другимъ образомъ, именно, возбудивъ противъ насъ Порту.

Въ то время, какъ въ Варшавѣ шла борьба за польскій престоль, французскій посоль въ Константинополь Вильневъ хлопоталъ, чтобы Порта вступилась за Станислава Лещинскаго и чтобы она по возможности отвлекла русскія силы отъ Польши. Султанъ требовалъ, чтобы Татары были пропущены чрезъ русскія владѣнія на Кавказъ, гдѣ Турки желали распространить свое могущество. „Порта по внушеніямъ французскимъ, доносилъ нашъ посоль Неплюевъ, пренебрегаетъ Россіей и потому поступаетъ горячо, доводитъ каждое дѣло до крайности, грозя войной. Ваше величество приказали мнѣ отказать Портѣ въ пропускѣ Татаръ, поступать вообще съ твердостью, какъ по здѣшнему состоянію требуетъ польза Россіи. Нахожусь въ немаломъ недоумѣніи, когда дѣло доходить до крайностей, какъ и теперь относительно пропуска Татаръ. Съ одной стороны принимая во вниманіе польскія дѣла, удаляюсь отъ ссоръ; но съ другой боюсь нарушить интересы и честь вашего величества, боюсь уступчивостью возбудить гордость Турокъ и усилить французскія мечтанія. Послѣ двойныхъ выборовъ польскаго сейма французскій посланникъ объявилъ визирю, что избраніе Станислава Лещинскаго произведено законно, а избраніе Августа противно польскимъ правамъ и обычаямъ, и произведено единственно насиліемъ русскіхъ войскъ, причемъ Поляковъ было очень немного. За это французскій король вступилъ въ войну съ австрійскимъ императоромъ, который не можетъ подать помощи Россіи, ибо кромѣ Франціи имѣетъ противъ себя Испанію и Савоію, а Голландія, Англія и Пруссія по меньшей мѣрѣ останутся нейтральными, потому что всѣмъ поступокъ Австріи и Россіи въ Польшѣ противенъ. Портѣ необходимо объявить войну Россіи; а если Порта при настоящихъ обстоятельствахъ не постарается отомстить Россіи, то навлечетъ на себя бѣду, когда въ Польшѣ утвердится королемъ курфиреть Августъ и соединится съ Россіей, а австрійскій императоръ между тѣмъ освободится отъ опасности“. Визирь отвѣчалъ послу сдержанно, потому что война съ Персіей не позволяла сейчасъ же выступить противъ Россіи, тѣмъ не менѣе слова Вильнева произвели сильное впечатлѣніе на Турокъ.

На генеральномъ совѣтѣ при Портѣ рѣшили, что надобно помириться и заключить союзъ съ Персіей, что если Россія войскъ своихъ изъ Польши не выведетъ, то надобно объявить ей войну, чтобы Россія императору противъ Французовъ, а императоръ Россіи противъ Турокъ не помогали. Но пока персидскія дѣла не были улажены Турція не рѣшалась порвать съ Россіей, съ которой у нея былъ договоръ. Визирь сказалъ Неплюеву, что Франція побуждаетъ Порту воспользоваться благоприятными обстоятельствами и объявить войну обоимъ императорскимъ дворамъ, но Порта не обращаетъ вниманія на эти внушенія и принимаетъ мѣры только для охраненія своей чести. Переводчикъ Порты, подъ клятвой, какъ христіанинъ, сообщилъ Неплюеву о причинахъ крутаго поворота въ отношеніяхъ Порты къ Россіи: визирь Али-Паша никогда не хотѣлъ мѣшаться въ польскія дѣла и теперь не хочетъ; но Французы напѣли всѣмъ въ уши, что вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу есть явное нарушеніе договора, существующаго между Россіей и Портой, что Россія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ оказываетъ явное презрѣніе къ Портѣ; враги визиря, пользуясь этимъ, вездѣ кричатъ, что честь Порты Оттоманской оскорблена, а тутъ еще ханъ крымскій пишетъ ко всѣмъ знатымъ людямъ, жалуется на Россію.

Въ свитѣ французскаго посланника Неплюевъ имѣлъ преданнаго челоуѣка, который увѣдомлялъ его обо всемъ, что дѣлалось и говорилось противъ Россіи; то былъ Бонъ, племянникъ генерала, находившагося въ русской службѣ. Бонъ сообщалъ, что хотѣли прежде всего свергнуть визиря, считая его преданнымъ Россіи; потомъ толковали, что надобно помочь Швеціи возвратить отъ Россіи всѣ завоеванія Петра Великаго, ибо безъ этого Франція не можетъ получить никакой пользы отъ союза съ нею. Шведы могутъ и въ Германію, и въ Польшу вступить только моремъ, но русскій флотъ можетъ пресѣчь имъ совершенно этотъ путь. Англичане и Голландцы будутъ очень рады подъ рукою способствовать французскому намѣренію для пользы своего купечества въ Балтійскомъ морѣ. Съ другой стороны пока Ливонія будетъ въ русскихъ рукахъ, Россія всегда будетъ имѣть возможность помогать противъ Франціи австрійскому императору, не только нынѣшнему, но и наслѣдникамъ его, изъ какихъ бы германскихъ домовъ они ни были, ибо у Россіи съ Германіей есть общій интересъ и раздѣлить ихъ трудно, потому что между ними никакихъ споровъ ни на землѣ, ни на морѣ быть не можетъ.

Шли толки и о томъ, чтобы возвратить Полякамъ Смоленскъ и Кіевъ и выгнать Русскихъ изъ завоеванныхъ ими земель у береговъ Каспійскаго моря; однимъ словомъ, хотѣли привести Россію въ положеніе, въ какомъ она была сто лѣтъ тому назадъ, и думали, что для исполненія этихъ плановъ тогдашнія обстоятельства были самыя благоприятныя, ибо легко возбудить противъ Россіи множество непріятелей внѣшнихъ, а если война начнетъ распалаться, то и внутри встанетъ смута, вслѣдствіе раздора между Русскими и иностранцами, имѣющими участіе въ правленіи, тѣмъ болѣе, что правленіе вообще было слабо.

Въ концѣ 1733 года Персы нанесли сильное пораженіе турецкому войску, и это обстоятельство помѣшало интригѣ Вильнева. Въ декабрѣ онъ все-таки рѣшился представить визирю, что если Станиславъ не получитъ помощи, то принужденъ будетъ возвратиться во Францію, и потому онъ, именовъ государя своего, требуетъ, чтобы Порта объявила войну Россіи; въ противномъ случаѣ австрійскій императоръ, Россія и креатура ихъ, польскій король Августъ выгонять Турокъ изъ всѣхъ европейскихъ провинцій, и тогда французскій король за Порту не заступится и о дѣлості ея заботиться не будетъ, какъ до сихъ поръ дѣлалъ. Визирь отвѣчалъ уклончиво, что Порта сама очень желала бы воспользоваться нынѣшнею европейскою войною для борьбы съ Россіей и императоромъ и считаетъ нужнымъ для себя, чтобы королемъ въ Польшѣ былъ Станиславъ, но при войнѣ персидской нужно ей прежде всего закрѣпить союзъ съ Франціей, именно, чтобы Франція не мирилась съ цесаремъ безъ согласія Порты. ¹

Вильневу помогалъ ренегатъ Бонневаль, который былъ папой боснійскимъ, подъ именовъ Османа и пользовался значительнымъ вліяніемъ въ Константинополѣ. Онъ реорганизовалъ турецкое войско и за эту заслугу султанъ питалъ къ нему благодарность и оказывалъ ему довѣріе. Бонневаль ненавидѣлъ Австрію и всячески хлопоталъ о томъ, чтобы Порта вступила въ тѣсный союзъ съ Франціей, получила отъ нея вспомогательное войско и начала войну противъ императора и Россіи. Въ началѣ 1735 года въ Константинополѣ серьезно готовились къ войнѣ; Бонневаль и двое его товарищей, тоже Французы-ренегаты, формировали регулярное войско. Вешняковъ, замѣнявшій больнаго Неплюева, при-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XX, стр. 66, 69, 73.

давалъ большое значеніе этимъ ренегатамъ и писалъ Аннѣ Іоанновнѣ: „Нельзя безъ ужаса смотрѣть на слѣдствія этого дѣла для всего христіанства и особенно для сосѣднихъ Турціи державъ. Одно средство помѣшать дѣлу—это удалить Бонневала съ двумя его товарищами изъ Турціи; сдѣлать же этого иначе нельзя, какъ еслибъ одна изъ христіанскихъ державъ перезвала ихъ къ себѣ на выгодныхъ условіяхъ. Бонневаль сильно тяготится, что, будучи человѣкомъ такихъ великихъ способностей и достоинствъ, находится между такими варварами и совершенно невѣдущими скотами. Вышеписанныхъ ради резоновъ резидентъ Неплюевъ и я приедемъ дерзновеніе вашему величеству донести, не изволите ли повелѣть предложить чрезъ голландскаго посла свой покровъ и убѣжище этимъ Французамъ для общаго блага.“

Конечно, не одна французская интрига была причиной войны съ Турціей въ царствованіе Анны Іоанновны. Война началась съ крымскаго похода Миниха, а какъ извѣстно, начиная съ Іоанна Грознаго, наши цари чувствовали необходимость завоевать Крымъ и сокрушить это послѣднее татарское царство. „Въ Петербургѣ уже давно хотѣлось начать войну съ Портой, говорить С. М. Соловьевъ, отдали Персіи области, завоеванныя Петромъ Великимъ, и какъ ни оправдывали эту отдачу тѣмъ, что эти области вмѣсто пользы причиняютъ страшный вредъ, служа кладбищемъ для русскаго войска, однако все было очень непріятно начинать царствованіе уступками пріобрѣтенія великаго дяди; поэтому желалось вознаградить себя за эти уступки пріобрѣтеніями со стороны Турціи, желалось возвратить то, что было уступлено Петромъ, изгладить такимъ образомъ безчестіе прутскаго мира. Минихъ сильно желалъ турецкой войны, желалъ славы, которая необходимо приносила съ собой силу, и рассчитывалъ на вѣрныя и полныя побѣды.“ Россія, читаемъ въ дневникѣ Миниха, находилась тогда въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя могли общать ей вѣрный успѣхъ въ предпріятіи. Казна была полна, войско въ хорошемъ состояніи, и при государственномъ устройствѣ сосѣднихъ европейскихъ государствъ (Польши и Швеціи), ихъ нечего было опасаться; не было опасности и со стороны Азии. Анна взшла на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ слѣдовать правиламъ своего дяди Петра I, совершить начатое имъ. При такомъ поворотѣ (ибо до Анны вельможи, въ рукахъ которыхъ находилась власть, старались только о томъ, чтобы разрушить начатое Петромъ) почли нужнымъ армію

и всю націю занять чѣмъ-нибудь виѣшнимъ и вмѣстѣ слѣдовать плану Петра I. И такъ какъ теперь приняли за основаніе не увеличивать болѣе своихъ предѣловъ на счетъ европейскихъ государствъ, а только удерживать ихъ при существующемъ правительственномъ устройствѣ, то и обратились къ востоку. ¹

Въ 1737 г. Австрійцы также открыли кампанію противъ Турокъ, потому что по трактату 1726 г. они обязаны были помогать русскимъ тѣмъ болѣе, что во время австро-французской войны былъ посланъ двадцатитысячный корпусъ на помощь императору; русское войско въ битвахъ не участвовало, потому что когда пришло на театръ войны, уже начались мирные переговоры между Франціей и Австріей.

Въ то время, какъ, къ радости французскаго правительства, русское войско дралось съ турецкимъ, въ Парижѣ нашелся одинъ человекъ, желавшій вновь завязать сношенія съ русскимъ дворомъ. То былъ капитанъ гренадеровъ Лалли, эмигрантъ-Ирландецъ, ото всей души ненавидѣвшій ганноверскій домъ, правившій въ Англии, и мечтавшій о томъ, чтобы Франція бросила союзъ съ Англійей и искренно соединилась съ Россіей. Послѣ долгихъ усилій и продолжительныхъ переговоровъ съ наиболѣе влиятельными министрами и кардиналомъ Флери Лалли добился того, что послѣдній согласился послать его въ Россію. Но ему не дали ни инструкціи, ни официального титула. „Вы можете быть дипломатомъ-добровольцемъ, сказалъ ему Флери, и король сѣмъветъ вознаградить ваше рвеніе.“ Прощаясь съ Лалли, министръ иностранныхъ дѣлъ Амело еще разъ повторилъ ему: „Помните, что вамъ не дадутъ никакого порученія.“ Лалли отправился въ С.-Петербургъ въ концѣ 1737 г.; въ Ригѣ его приняли за шпиона и задержали, такъ какъ у него не было даже официального паспорта; чрезъ два мѣсяца его отпустили по просьбѣ адмирала Гордона, Англичанина на русской службѣ. Онъ объявилъ, что желаетъ служить добровольцемъ въ арміи Леси и получилъ отъ послѣдняго паспортъ и рекомендательное письмо къ Остерману. Въ Петербургѣ Лалли былъ принятъ Остерманомъ, сѣмъветъ польстить Вироу и получилъ благодаря этому аудіенцію у императрицы. Тѣмъ не менѣе положеніе Лалли было очень неудобно; переговоры его не имѣли никакого смысла, отъ него требовали

¹ Zinkeisen, Geschichte des osmanischen Reiches, Th. 5 p. 658. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XX стр. 80, 87—88.

какихъ-нибудь положительныхъ свѣдѣній, а между тѣмъ ни Флери ни Амело не только не присылали ему инструкцій, но и не отвѣчали на письма. Наконецъ Лалли потерялъ терпѣніе, онъ боялся, что его примутъ за авантюриста и, сказавъ Бирону, что ѣдетъ въ Парижъ для переговоровъ со своимъ министерствомъ, поспѣшно удался изъ Россіи. Флери очень удивился его возвращенію. „Вы думаете, что мы можемъ дѣйствовать такъ же быстро, какъ вы, сказалъ ему кардиналь,—и вы даже не дождались нашего отвѣта.“ Лалли разсердился. „Капитанъ гренадеровъ идетъ прямо къ цѣли, отвѣтилъ онъ.—Я не получилъ ни одной строки ни отъ васъ, ни отъ Амело.“ „Ну, возразилъ кардиналь улыбаясь,—не сердитесь, гнѣвъ капитана пугаетъ священника.“

Лалли попросили, чтобъ онъ составилъ записку для министерства о томъ, чтѣ видѣлъ въ Россіи; просьбу эту онъ исполнилъ и представилъ два мемуара. Въ запискѣ, поданной кардиналу Флери, онъ вкратцѣ рассказываетъ исторію Россіи послѣдняго времени, даетъ очеркъ государственнаго управленія и дѣлаетъ обзоръ финансамъ, сухопутнымъ и морскимъ силамъ. Во второй запискѣ, поданной Амело, онъ говоритъ о политическомъ положеніи Россіи, о выгодахъ союза съ ней и о торговлѣ. Въ первой запискѣ онъ пишетъ между прочимъ: „Я не могу дать болѣе простой и въ то же время болѣе вѣрной идеи о Россіи, какъ сравнивъ ее съ ребенкомъ, который оставался въ утробѣ матери гораздо долѣе обыкновеннаго срока, росъ тамъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и, вышедъ наконецъ на свѣтъ, открываетъ глаза, видитъ предметы, на него похожіе, протягиваетъ руки и ноги, но не умѣетъ ими пользоваться, чувствуетъ свои силы, но не знаетъ, на чтѣ ихъ употребить. Нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ въ такомъ состояніи допускаетъ управлять собою первому встрѣчному. Нѣмцы были этими первыми встрѣчными: они и воспользовались руками и ногами этого народа и управляютъ его движеніями. Вѣнскій дворъ, внимательный къ своимъ выгодамъ, умѣлъ воспользоваться такимъ положеніемъ націи, и можно сказать, что онъ управлялъ петербургскимъ дворомъ съ самаго восшествія на престолъ нынѣ царствующей императрицы; онъ снабжалъ лицами для замѣщенія первыхъ должностей въ министерствѣ и войскахъ; онъ по своей волѣ заставлялъ заключать миръ, объявлять войну; по его же внушеніямъ Россія приняла настоящую войну. Россія можетъ 20 лѣтъ съ успѣхомъ воевать въ Крыму, также около устьевъ Днѣпра, Буга и Днѣстра,

въ состояніи еще болѣе истощиться отъ потери людей и денегъ, и несмотря на все это не будетъ обладать Каффою, не имѣя и не будучи въ состояніи имѣть флотъ. Даже овладѣвъ всѣмъ Крымомъ, она не можетъ удержать его за собою, такъ какъ отдѣлена отъ него пустыней, населенною 200 тысячами Татаръ. Россія только и мечтаетъ о мирѣ, и въ Петербургѣ обычное при словѣ, что графъ Остерманъ прозрѣетъ и получитъ способность ходить только при заключеніи мира; съ самаго начала послѣдней войны этотъ министръ не являлся ко двору и не выходилъ изъ своей комнаты.“ Кромѣ того, Лалли написалъ нѣсколько писемъ къ Флери, въ которыхъ высказывалъ свой взглядъ на Россію. Въ одномъ изъ нихъ онъ говоритъ: къ интересахъ Франціи въ настоящую минуту, чтобы Россія заключила миръ съ Портою не иначе какъ почувствовавъ, что она обязана имъ Франціи. ¹

Путешествіе Лалли повліяло до нѣкоторой степени и въ Парижѣ и въ Петербургѣ на возобновеніе нашихъ сношеній съ Франціей. Французскіе дипломаты всячески хлопотали, чтобы Австрія заключила отдѣльно отъ Россіи миръ съ Турціей, чтобы Россія вынуждена была вслѣдствіе этого принять менѣе выгодныя условія и чтобы она согласилась на посредничество Франціи. Планъ этотъ вполнѣ удался. Австрійское войско дѣйствовало очень неудачно, и уже въ концѣ 1737 г. императоръ обратился къ Франціи за дипломатическою помощію. Узнавъ объ этомъ Анна Иоанновна писала Карлу VI, что она готова принять французское посредничество, но дѣла, слава Богу, еще не въ такомъ состояніи, чтобы нельзя было имѣть основательной надежды на приличный миръ, если только со стороны императорскихъ дворовъ будетъ показана настоящая твердость и императоръ будетъ поступать съ тою ревностію, какою обладалъ союзный дворъ и съ какою поступаетъ Россія. Кампанія 1738 г. была неудачна, и въ Петербургѣ были очень склонны заключить миръ, тѣмъ болѣе что изъ Швеціи и Польши доносили о движеніяхъ враждебныхъ Россіи партій и Башкирцы волновались. Въ маѣ 1738 г. Остерманъ писалъ французскому посланнику въ Константинополь Вильневу, что императрица, согласно съ австрійскимъ императоромъ, даетъ ему полную мочь для заключенія прелиминарнаго трактата съ Портою и пользуется этимъ случаемъ для засвидѣ-

¹ Recueil, VIII, 327—337. Некарскій, Маркизъ де-ла-Шетарди, стр. 15—16.

тельствования христіаннѣйшему королю, какъ она дѣлать посредничество его величества и въ какой мѣрѣ полагается на искусство и благоразуміе Вильнева. Условія мира были самыя умѣренныя со стороны Россіи: она требовала одного Азова, взятаго Минихомъ. Несмотря на это Турки тянули переговоры; Вильневъ сообщалъ, что въ Константинополѣ не уклоняются отъ заключенія мира, если могутъ получить его на выгодныхъ условіяхъ, но торопиться не имѣютъ причины, потому что императоръ не имѣетъ средствъ дѣлать завоеванія въ ихъ земли; что же касается Россіи, то ея войску путь дальній и Порты имѣетъ средства не допускать его въ свои границы.

Принятое нами посредничество повело къ возобновенію дипломатическихъ сношеній съ Франціей. Намъ посланникъ въ Лондонѣ извѣстный писатель князь Антиохъ Кантемиръ былъ переведенъ въ Парижъ, куда прибылъ въ сентябрѣ 1738 г. Со своей стороны Людовикъ XV изъявилъ желаніе имѣть представителя въ Петербургѣ; назначенъ былъ сначала Дюгренанъ, а послѣ его отказа маркизъ де-ла-Шетарди. Флери увѣрялъ Кантемира въ истинной королевской склонности къ возобновенію добраго согласія съ Анной Иоанновной и въ усердіи, съ какимы онъ намѣренъ, по возможности своей, содѣйствовать этому полезному дѣлу. Министръ иностранныхъ дѣлъ Амело старался ввести въ заблужденіе Кантемира; онъ увѣрялъ нашего посла, что со стороны королевской употребляются всѣ средства для приведенія Порты къ резонабельному миру, что онъ самъ, Кантемиръ, не могъ бы сильнѣе дѣйствовать въ интересахъ своей государыни, чѣмъ какъ дѣйствуетъ Вильневъ. Со словъ Амело Кантемиръ доносилъ, будто Вильневу посланы указы, чтобы тотъ внушалъ Портѣ: 1) чтобы никакой надежды не имѣла на раздѣленіе двухъ союзныхъ дворовъ, петербургскаго и вѣнскаго; 2) чтобы не ждала отмѣны въ предложенныхъ Россіей условіяхъ. Такихъ указовъ конечно не посылали, потому что держались противоположной политики, старались разъединить союзные дворы.

Такъ какъ Турки все еще не заключали мира, въ Петербургѣ рѣшили открыть кампанію въ слѣдующемъ 1739 году. На этотъ разъ Минихъ дѣйствовалъ удачно: онъ одержалъ блестящую побѣду при Ставучанахъ, взялъ Хотинъ, вступилъ въ Яссы, завоевалъ всю Молдавію. Въ это самое время Турки послѣ нѣсколькихъ побѣдъ осадили Австрійцевъ въ Бѣлградѣ; Вильневъ убѣдилъ ихъ сдаться и заключить отдѣльный миръ, не дожидаясь

когда то же самое будет сдѣлано Россіей. Въ тотъ день, когда Минихъ торжествовалъ покореніе Молдавіи, онъ получилъ извѣстіе о заключеніи Австрійцами „мира стыднаго и предосудительнаго“. Когда извѣстіе это дошло до Парижа, то предъ Кантемиромъ обнаруживали крайнее изумленіе, непониманіе дѣла. Тогда нашъ посоль понялъ, что его провели, хотя повидимому продолжалъ думать, что французское правительство прямо не участвовало въ разьединеніи насъ съ Австріей. По крайней мѣрѣ онъ писалъ слѣдующее: „не трудно заключить, что это приключеніе такъ согласно съ ихъ намѣреніемъ, что еслибы сами объ немъ старались, то лучшаго успѣха получить не могли. Раздѣленіе двухъ союзническихъ дворовъ было всегда ихъ главною цѣлью. Кажется главное намѣреніе кардинала состоитъ въ томъ, чтобы всю Европу держать въ постоянномъ смущеніи, и тѣмъ удобнѣе усиливать свою власть при всѣхъ дворахъ и въ мутной водѣ рыбу ловить“.

Русское правительство не хотѣло продолжать войну безъ помощи австрійскаго войска; Вильневу поручили договориться о мирѣ и для окончанія дѣла послали Вешнякова, но главную роль игралъ французскій посоль. Когда Вешняковъ убѣждалъ Вильнева измѣнить нѣкоторыя условія относительно договора въ пользу Россіи, обѣщая за это высокое удовольствіе и достойные знаки благодарности со стороны императрицы, то французскій посоль отвѣчалъ увѣреніями въ своемъ доброжелательствѣ къ Россіи и въ своихъ крайнихъ стараніяхъ соблюсти ея интересы, но по обстоятельствамъ онъ не можетъ достигнуть всего, чего бы желалъ. Миръ (называемый Бѣлградскимъ) былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Азовъ остался за Россіей, но укрѣпленія его должно было срыть. окрестности его должны были остаться пустыми и служить раздѣленіемъ между обѣими имперіями; Россія получала право построить крѣпость на донскомъ островѣ Черкасскѣ, а Порта построить себѣ крѣпость на Кубани. Россія не имѣла права имѣть кораблей на Черномъ Морѣ, могла торговать на немъ только посредствомъ турецкихъ судовъ. ¹

Эти условія были менѣе выгодны чѣмъ тѣ, которыя предлагало наше правительство послѣ неудачной кампаніи 1738 г. Азовъ оставался въ нашихъ рукахъ, но оставалось только мѣсто, потому что крѣпость мы обязались уничтожить. Къ чему же послужили бле-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XX, стр. 135, 146—152, 157—167.

стачія побѣды послѣдняго года? „Бѣлградскій миръ, говорить французскій историкъ Вандаль,— это мастерское произведеніе нашей дипломатіи XVIII вѣка. Онъ представляетъ замѣчательную аналогію съ парижскимъ миромъ 1856 г.; но разница въ томъ, что въ Бѣлградѣ Франція достигла мирнымъ путемъ, исключительно искусными переговорами тѣхъ же результатовъ, которые впоследствии стоили ей потоковъ крови“. Къ сожалѣнію это правда. „Пусть Турки благодарятъ Магомета и Вильнева“, воскликнулъ Минихъ въ негодованіи.¹

Русская императрица сочла однако своею обязанностью отблагодарить французскаго посла; ему предложили значительную сумму денегъ, а „созвительницѣ его посольствѣ“ брилліантовый перстень. Перстень былъ принятъ, но отъ денегъ Вильневъ по приказанію короля отказался и просилъ, чтобы ему дали андреевскій орденъ. Просьбу эту уважили, и французскому послу вручили знаки ордена св. Андрея, осыпанные брилліантами. За какую же заслугу? За то, что онъ выхлопоталъ намъ наименѣе выгодный миръ, возможный при тогдашнихъ условіяхъ, за то что онъ побуждалъ Порту заключить оборонительный трактатъ съ Швеціей и уговаривалъ Шведовъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и устроить диверсію противъ Россіи.

XVIII.

Маркизъ де ла Шетарди, по словамъ Вандалья, представлялъ типъ свѣтскаго Француза прошлаго вѣка. То офицеръ, то дипломатъ и прежде всего придворный, онъ обращалъ на себя вниманіе, гдѣ бы ни находился. Онъ страстно любилъ общество, гдѣ, благодаря своей красотѣ и обходительности, пользовался блестящимъ успѣхомъ, гдѣ у него было столько же друзей сколько враговъ; друзей доставляла ему его обаятельность и любезность, враговъ—вспыльчивость и неровность характера. Онъ обладалъ быстрымъ умомъ и остроуміемъ, но судилъ часто невѣрно, былъ легкомысленъ, гордъ, самоувѣренъ; онъ жертвовалъ всѣмъ, чтобы только блистать въ обществѣ и играть роль, онъ пускался въ самыя смѣлыя предпріятія, не предвидя послѣдствій, и часто терялъ по своей вѣтренности плоды своей ловкости. Притомъ онъ былъ

¹ Vandal, p. 111.

высокомѣренъ, гордился своимъ званіемъ дворянина и посла, ни за что не соглашался отступить отъ церемоніала, относился серьезно къ мелочамъ и легкомысленно къ серьезнымъ вещамъ. Въ искусствѣ разораться по барски у него не было соперниковъ. Онъ съ малолѣтства видѣлъ соблазнительные примѣры. Его мать, одна изъ львицъ въ царствованіе Людовика XIV, вышла вторично замужъ за баварскаго дворянина Монастероля, который сначала удивлялъ беспорядочною жизнью и мотовствомъ дворы версальскій и мюнхенскій, а потомъ окончательно разорившись застрѣлился. Неудивительно, что Шетарди съ юныхъ лѣтъ пристрастился къ роскоши. При дворахъ, гдѣ онъ былъ аккредитованъ, дивились его пышному образу жизни; много говорили о его экипажахъ, о его платьѣ, о ливреѣ его прислуги, о великолѣпннхъ его приѣмахъ.

Шетарди желалъ блеснуть и въ Петербургѣ, гдѣ его еще не видали. Поэтому онъ взялъ съ собою многочисленную свиту, состоящую изъ двѣнадцати секретарей, восьми духовныхъ, шести поваровъ подъ главнымъ руководствомъ знаменитаго Барридо, готовившаго лучше повара прусскаго короля, далѣе изъ пятидесяти пажей, камердинеровъ и ливрейныхъ слугъ. „Платья Шетарди, замѣчалъ Мантейфель, прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ, самыя великолѣпныя и самымъ лучшимъ образомъ сшитыя изъ виданныхъ въ Россіи. По словамъ маркиза, онъ покажетъ русскимъ во всѣхъ отношеніяхъ, что значитъ Франція“. Въ тщательно закупоренныхъ ящикахъ съ нимъ везли до ста тысячъ бутылокъ тонкихъ французскихъ винъ, между прочимъ 16.800 бутылокъ шампанскаго.

29 ноября 1739 года Шетарди прибылъ въ Ригу, гдѣ его встрѣтили войска и городовыя роты, причемъ происходила пальба; посланникъ обѣдалъ у тамошняго губернатора Бисмарка и „такимъ образомъ черезъ три дня здѣсь во всякомъ удовольствіи пробавлялся“, какъ было написано въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. 12 декабря такая же почетная встрѣча для него была устроена въ Нарвѣ, 15-го французскій посоль прибылъ въ Петербургъ. Въ это время у насъ считали себя обязанными Франціи за ея посредничество предъ Портой и Бѣлградскій миръ, и хотѣли выказать необыкновенную радость по поводу возобновленія прерванныхъ сношеній. Французскому послу предоставили устроить торжественный въѣздъ въ Петербургъ, но онъ скромно отказался, потому что подобной чести не было оказано Канте-

миру. Тѣмъ не менѣ ему сдѣлали необыкновенную любезность, въ день аудіенціи его провожала блестящая свита, придворные верхами, гайдуки, лакеи, пажы, скороходы. Анна Іоанновна приняла Шетарди самымъ торжественнымъ образомъ, сидя на тронѣ, съ короной на головѣ, въ присутствіи всего двора. Свѣтскій Французъ очаровалъ императрицу своими элегантными манерами и ловкими комплиментами.

Вслѣдъ за этимъ Шетарди просилъ, чтобъ его представили Елисаветѣ Петровнѣ. Онъ не только желалъ познакомиться съ очаровательной царевной, ему необходимо было сблизиться съ ней въ политическихъ видахъ. Въ инструкціи данной французскому послу было сказано: „Состояніе Россіи еще не обезпечено настолько, чтобы не опасаться внутреннихъ переворотовъ. Иноземное правительство, чтобъ утвердиться, ничѣмъ не пренебрегало для притѣсненія и разогнанія старинныхъ русскихъ фамилій; но несмотря на всѣ усилія, все еще остаются недовольные иноземнымъ игомъ—они вѣроятно прервутъ молчаніе и оставятъ бездѣйствіе, когда будутъ въ возможности сдѣлать это съ безопасностью и успѣхомъ. Нынѣ король не можетъ, по справедливости, имѣть вѣрныя подробности объ этомъ положеніи; но вспоминная незначительность права, которое возвело на русскій тронъ герцогиню курляндскую, когда была принцесса Елисавета и сынъ герцогини голштинской, трудно предполагать, чтобы за смертью царствующей государыни не послѣдовали волненія. Король не можетъ предписывать ничего касательно этого предмета своему посланнику. Было бы даже очень опаснымъ предпринять что-нибудь такое, что высказало бы какое бы то ни было любопытство или расчетъ въ этомъ случаѣ; но въ то же время весьма важно, чтобы марквизъ де-ла Шетарди, употребляя всевозможныя предосторожности, узналъ, какъ можно вѣрнѣе, о состояніи умовъ, о положеніи русскихъ фамилій, о вліяніи друзей, которыхъ можетъ имѣть принцесса Елисавета, о сторонникахъ дома голштинскаго, которые сохранились въ Россіи, о духѣ въ разныхъ корпусахъ войскъ и тѣхъ, кто ими командуетъ, наконецъ, обо всемъ, что можетъ дать понятіе о вѣроятности переворота, въ особенности если царица скончается прежде, чѣмъ сдѣлаетъ какое-либо распоряженіе о наслѣдованіи престола.“ Шетарди сразу понравился царевнѣ и съ первыхъ же дней между ними установились пріязненные отношенія, которыя должны были привести къ государственному перевороту. За то свиданіе съ

племянницей императрицы, герцогиней брауншвейгской Анной Леопольдовной отличалось совсѣмъ другимъ характеромъ; герцогиня, какъ Нѣмка въ душѣ, отнеслась очень холодно къ французскому послу.

Шетарди всячески старался сблизиться съ петербургскимъ обществомъ, но на первыхъ порахъ это не удавалось ему. „Съ пяти часовъ утра до полудня, писалъ онъ кардиналу Флѣри, я сижу у себя въ кабинетѣ и занимаюсь своими обязанностями, вечеромъ я еще нѣсколько часовъ посвящаю дѣламъ съ такимъ же удовольствіемъ; но чѣмъ болѣе работаешь, тѣмъ необходимѣе становятся развлечения, доставляемые обществомъ. Несмотря на всѣ мои любезности, несмотря на то, что у меня постоянно накрытъ столъ на 14 приборовъ, мнѣ не удается побѣдить предрасудковъ и обычаевъ, существующихъ въ этой странѣ. Я не унываю, и буду дѣлать еще болѣе, если это возможно, и сочту себя вознагражденнымъ за свои труды, если, стараясь всячески понравиться, я докажу обществу насколько я желаю сдѣлать свой домъ пріятнымъ и доставить ему приличное развлеченіе, котораго оно должно желать столько же, сколько я“.

„Не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе, писалъ Шетарди Амело (министру иностранныхъ дѣлъ), отъ уединенія тѣмъ болѣе невыносимаго, что въ теченіе 8 или 9 мѣсяцевъ въ году невозможно даже гулять. Мнѣ кажется, что одиночество, въ которомъ я нахожусь, заходитъ слишкомъ далеко и неприлично для человѣка, занимающаго мой постъ. Я не жалуясь, но могу сказать, что представляю рѣдкій примѣръ посланника, проведеннаго съ самаго пріѣзда два мѣсяца въ своемъ кабинетѣ безо всякаго общества, исключая тѣхъ минутъ, что я былъ при дворѣ.“

Такое положеніе надоѣло Шетарди, онъ отправился къ канцлеру Остерману и просилъ его приказать придворнымъ пріѣзжать къ нему. Остерманъ объявилъ согласіе принять всѣ зависящія отъ него мѣры и сказалъ: „если теперь общество не будетъ ходить къ вамъ, вы согласитесь, что оно неисправимо“.

„Здѣсь не слушаются приказаній,“ возразилъ на это маркизъ. Онъ былъ правъ, съ этого дня къ нему начало приходить много гостей, и сначала по принужденію, а потомъ по собственной охотѣ въ салонахъ Шетарди стало собираться избранное петербургское общество, мало-по-малу оцѣнившее любезность и пріятный разговоръ французскаго посла. Такимъ образомъ Шетарди узналъ, что существуетъ значительная партія,

ненавидящая Бирона и правленіе Нѣмцевъ, полагающая свои надежды на Елисавету Петровну, и могъ сообщить своему правительству подробныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Россіи. Несмотря на это Штарди не разговаривалъ о дѣлахъ съ русскими министрами, ему приказано было держаться выжидательной политики, ждать, чтобы сами Русскіе сдѣлали какія-нибудь предложенія. Остерманъ намекалъ французскому послу, что могла бы послѣдовать перемѣна въ политикѣ и что союзъ съ Австріей не таковъ, чтобы съ нимъ нельзя было разстаться. Онъ просилъ довести это до свѣдѣнія кардинала Флѣри. На это пришелъ отвѣтъ отъ Амело, писавшаго между прочимъ: „увѣрьте Остермана, что мы люди, съ которыми можно имѣть дѣло, и когда съ нами будутъ говорить съ довѣріемъ и откровенно, мы докажемъ своими дѣйствіями Россіи, что у нея не можетъ быть болѣе вѣрныхъ друзей“. Это послужило началомъ къ болѣе откровеннымъ разговорамъ между канцлеромъ и французскимъ посломъ. Но послѣдній обращалъ особенное вниманіе на царевну Елисавету Петровну, на придворномъ балу танцовалъ съ ней менуэтъ и вообще всячески старался поправиться ей. „Повѣрите ли вы, писалъ Штарди, стѣсненіе здѣсь развито до таковой степени, что иностранные министры, мои предшественники такъ поддались ему, что никто изъ нихъ не бывалъ у великихъ князей? Воспользовавшись предложомъ, котораго именно искалъ, что онѣ были нездоровы, я рѣшился отправиться къ нимъ съ визитомъ, и эта попытка для всѣхъ показалась новостью, обратившею на себя вниманіе. такъ что великія княжны Елисавета и Анна отдалили мое посѣщеніе, чтобъ имѣть время узнать мысли на этотъ счетъ царицы. Когда же онѣ меня принимали, то г. Минихъ, братъ фельдмаршала, находился у той и другой, чтобы быть свидѣтелемъ всему происходившему. Это вовсе не помѣшало мнѣ выразить громко великимъ княжнамъ, такъ же какъ и герцогинѣ курляндской, надежду, что онѣ дозволятъ мнѣ отъ времени до времени являться къ нимъ свидѣтельствовать мое почтеніе; и я тѣмъ менѣе пропушу это, что заведенный до сихъ поръ обычаи, есть послѣдствіе рабства—подчиняться же ему было бы съ моей стороны столько же неумѣстно, сколько важно изгнать такой предрасудокъ бережно и осторожно. Мнѣ удалось также при прощаніи тихо и кратко выразить великой княжнѣ Елисаветѣ, что если я не могъ прежде выполнить предъ ней своего долга, то это произошло единственно отъ желанія исполнить это какъ

можно проще и естественнѣе. Она меня поняла, и какъ на ней преимущественно тяготѣютъ стѣсненія, то она была тронута мнѣмъ вниманіемъ.“¹

Однако при жизни Анны Иоанновны не было серьезныхъ конференцій между Остерманомъ и Шетарди. Въ концѣ 1740 г. умерла императрица и наступило кратковременное царствованіе малолѣтняго Иоанна Антоновича подъ регентствомъ его матери Анны Леопольдовны. За недѣлю до Анны Иоанновны умеръ австрійскій императоръ Карлъ VI. Онъ всю жизнь хлопоталъ о томъ, чтобы Европа признала прагматическую санкцію и при жизни получилъ согласіе державъ, но какъ только онъ умеръ Европа отказалась признавать императрицей его дочь Марію Терезію. Курфирстъ баварскій выступилъ претендентомъ на австрійскій престолъ, король испанскій требовалъ австрійскихъ владѣній въ Италіи, король прусскій Фридрихъ II заявлялъ свои права на Силезію и двинулъ туда войско. Всего важнѣе было, какъ посмотрятъ на прагматическую санкцію Франція и Россія. Въ Парижѣ послѣ нѣкотораго колебанія возобладало мнѣніе, что слѣдуетъ поддерживать кандидатуру курфирста баварскаго. Въ Петербургѣ рѣшили поддерживать Марію Терезію и склонить къ этому и Францію, тѣмъ болѣе, что по донесеніямъ Кантемира Франція не намѣревалась вступаться за Пруссію съ оружіемъ въ рукахъ. Въ мартѣ 1741 года Остерманъ писалъ нашему послу: „Но нашему мнѣнію, французское намѣреніе ни къ чему иному клонится, окромѣ, чтобы напередъ военный огонь вездѣ залазать, а потомъ получа чрезъ то свободные способы, свои дальніе виды тѣмъ скорѣе и лучше въ дѣйство производить. Сіе наше мнѣніе отъ того не отдалено, что вы уже неоднократно въ прежнихъ своихъ реляціяхъ доносили и въ нынѣшней надежно подтверждаете, а именно, что Франція дѣйствительно противъ вѣнскаго двора оружія употребить не станетъ и по тѣмъ же отъ васъ самихъ объявленнымъ резонамъ мы и нынѣ въ томъ съ вами утверждаемся, однако жъ по нѣкоторымъ надежнымъ же секретнымъ вѣдомостямъ является: 1) что между Франціей, Испаніей и курфирстомъ баварскимъ противу дому австрійскаго дѣйствительное согласіе учинено; 2) что вслѣдствіе того великая сумма денегъ къ баварскому двору отъ Испаніи дѣйствительно

¹ Vandal, p. 115—126. *Recueil*, VIII 362—363. Пекарскій. Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи, стр. IV—V, 66—67.

уже заплачена, изъ которой чрезвычайныя въ Баваріи происходившія сильныя вооруженія чинятся; 3) что изъ Алзаціи подь образомъ дезертированія много людей изъ французскаго войска въ Баварію отпускаются; 4) что Франція дѣйствительно тридцать тысячъ войска къ нему, курфирсту баварскому, въ вспоможеніе послать намѣрена; 5) что также короля прусскаго къ себѣ присоединить намѣреніе имѣеть; 6) и дабы австрійскій домъ все и нашего вспоможенія лишить, то Швецію на насъ поднимають, которой для того и два милліона денегъ обѣщали. Мы вамъ о томъ для того пространно сообщаемъ, дабы вы будучи тамъ на мѣстѣ, такъ напротивъ обо всемъ томъ подлинно провѣдать въ состояніи были и надлежаще стараться могли, что надлежитъ до вашихъ поступковъ, при всѣхъ такихъ обстоятельствахъ.“

Кантемиръ, желая узнать истинныя намѣренія парижскаго кабинета, обратился къ кардиналу Флѣри съ предложеніемъ: русскій императоръ готовъ вступить въ соглашеніе съ французскимъ королемъ объ общихъ мѣрахъ для исполненія гарантіи прагматической санкціи, императоръ тѣмъ охотнѣе открываетъ свое намѣреніе королю, что изъ всѣхъ донесеній его, Кантемира, усмотрѣлъ доброе расположеніе короля къ Маріи Терезіи и къ сохраненію европейской тишины, и что если двѣ такія сильныя державы примутъ общія мѣры, то исполненіе гарантіи будетъ легко. Кардиналъ отвѣчалъ съ сердцемъ, что король не можетъ и не долженъ принимать никакихъ мѣръ къ поправленію дурнаго положенія королевы венгерской; удивительно, что отъ короля требуютъ помощи Маріи Терезіи, къ чему онъ вовсе не обязанъ; эту тягость должны нести тѣ державы, которыя приняли на себя гарантію прагматической санкціи, а французскій король прагматическую санкцію не гарантировалъ. „Такая неожиданная и дикая рѣчь“ привела Кантемира въ великое удивленіе. Кардиналъ, отвѣчалъ онъ, не могъ забыть, что между королемъ и императоромъ Карломъ VI заключенъ союзный договоръ, по которому Франція за большія уступки со стороны Австріи гарантировала прагматическую санкцію; договоръ этотъ такъ новъ, что и чернила на немъ не высохли; кардиналъ не можетъ также забыть, сколько словесныхъ и письменныхъ обнадѣживаній сдѣлано французскимъ правительствомъ, какъ министрамъ вѣнскаго двора, такъ и находящимся здѣсь министрамъ другихъ державъ о святомъ исполненіи этихъ обязательствъ. Эти

обнадеживанія не мало побудили и Русскій дворъ къ принятію извѣстнаго рѣшенія, и теперь онъ, Кантемиръ, не знаетъ, какъ согласить настоящій отвѣтъ кардинала со всѣмъ предшествовавшимъ и какъ донести объ этомъ своему государю. Правда, отвѣчала кардиналь, король заключилъ съ покойнымъ императоромъ упомянутый договоръ, но договоръ этотъ въ исполненіе не приведенъ, ибо покойный императоръ не только обѣщанной имперской ратификаціи не доставилъ, но самъ старался ее задержать. Такимъ образомъ король французскій нисколько не обязанъ исполнять договоръ; что же касается до обнадеживаній, сдѣланныхъ французскимъ правительствомъ по смерти императора Карла VI, то никто не можетъ доказать, чтобы Франція поступала вопреки имъ. Кантемиръ возразилъ, что покойному императору не было никакой пользы останавливать имперскую ратификацію, которая впрочемъ и не нужна, потому что прагматическая санкція касается не имперіи, а частныхъ владѣній австрійскаго дома. „Объекціи сіи, доносилъ Кантемиръ, будучи такого основательства, что ничего къ опроверженію ихъ резонабельно привести не можно, господниъ кардиналь такіе смѣшныя и несостоятельныя резоны противъ нихъ употребилъ, что стыдно объ оныхъ и упоминать: столь они были безпутны и безъ всякаго основанія. Когда кардиналь, уже отложивъ всякій стыдъ, прямо выговорилъ, что король санкцію прагматическую не гарантировалъ, никакого сомнѣнія уже не остается, что всѣмъ способомъ вредить королевѣ венгерской намѣрены. Вопросъ потому о томъ только идетъ, чтобы знать, когда и какимъ образомъ свою злую склонность въ дѣйство произвестн намѣрены.“ Кантемиръ думалъ, что Франція войны противъ Маріи Терезіи не объявитъ и не будетъ препятствовать державамъ, которыя станутъ помогать Австріи противъ прусскаго короля ¹. Но на самомъ дѣлѣ французское правительство поступило гораздо рѣшительнѣе, оно заключило союзныя трактаты съ Пруссіей, Баваріей и Саксоніей, и отправило войско въ Германію. Въ это самое время Анна Леопольдовна собиралась послать на помощь Маріи Терезіи тридцати-тысячный корпусъ, который она обязана была дать по договору 1726 года. Мало того, англійскій посланникъ Финчъ предложилъ гарантировать брауншвейгской фамиліи русскій престолъ и на этомъ основаніи былъ заключенъ союзный

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 107—110.

трактатъ съ Англіей, которая дѣйствовала противъ Франціи и поддерживала прагматическую санкцію. Такимъ образомъ въ вопросѣ объ австрійскомъ наслѣдствѣ парижскій и петербургскій кабинеты смотрѣли съ прямо противоположныхъ точекъ зрѣнія и никакъ сойтись не могли.

Было еще обстоятельство, которое должно было вносить рознь между Россіей и Франціей—это шведскій вопросъ. Франція держалась попрежнему старой политики Ришелье, выдавала субсидіи шведскому правительству, старалась сдѣлать изъ Швеціи свое орудіе. Взглядъ на эту страну выраженъ въ инструкціи, которой долженъ былъ держаться Шетарди. „Россія, говорится въ этомъ документѣ, въ отношеніи къ равновѣсію на сѣверѣ достигла слишкомъ высокой степени могущества. Съ одной стороны становится болѣе, нежели когда-либо, трудно разорвать связи между русскимъ и вѣискимъ дворами; съ другой это невозможно безъ прямыхъ сношеній съ Россіей; но эти сношенія только увеличиваютъ значеніе ея, что противно видамъ его величества, который, возвышая и поддерживая Швецію, видитъ въ ней единственное на сѣверѣ государство, дружба съ которымъ можетъ быть полезна и постоянна. Въ этихъ самыхъ видахъ, въ продолженіи нынѣшняго сейма государственныхъ чиновъ въ Стокгольмѣ, король не только заключилъ съ Швеціей трактатъ о субсидіяхъ, но и употребилъ всѣ усилія, чтобы удалить изъ правительства въ Швеціи всѣхъ лицъ, которые извѣстны были своею преданностью Англии и Россіи. Не должно обольщать себя, чтобы Россія не приписывала мѣрамъ, принятымъ королемъ, помѣхи ея самолюбивымъ замысламъ объ увеличеніи своихъ владѣній, и маркизъ де-ла-Шетарди долженъ даже ожидать, что если ему не будутъ о томъ жаловаться, то по крайней мѣрѣ выкажутъ себя очень огорченными тѣмъ, что происходитъ въ Швеціи. На это онъ долженъ отвѣчать, что трактатъ о субсидіяхъ не есть вещь новая, и что съ устраненіемъ причинъ, препятствовавшихъ ратификаціи его въ 1735 г. невозможно и не должно было отказываться отъ исполненія его.“¹

Послѣ смерти Карла VI французскіе дипломаты старались возбудить Швецію противъ Россіи; Сень-Северинъ доказывалъ Шведамъ, что настала удобная минута напасть на Россію и вернуть провинціи, отнятыя Петромъ Великимъ. Въ 1741 г. на мѣ-

¹ Пезарскій, стр. 37—39.

сте заболѣвшаго посла былъ посланъ въ Стокгольмъ Ланмари и ему дана инструкція, представляющая вмѣстѣ съ тѣмъ историческую записку. „Послѣ нинтатскаго мира, читаемъ тутъ, Шведы казалось болѣе ощущали спокойствіе, котораго достигли, чѣмъ лишеніе столькихъ богатыхъ провинцій. Но они скоро замѣтили, что уменьшеніе ихъ могущества лишало ихъ возможности принимать участіе въ европейскихъ дѣлахъ, наиболѣе ихъ интересовавшихъ, и что, находясь почти въ полной зависимости отъ державъ ихъ разорившихъ, они никогда не возстановятъ прежняго значенія своей короны и не постараются воспользоваться возможными конъюнктурами въ ходѣ общихъ дѣлъ, чтобы вернуть по крайней мѣрѣ часть потерянныхъ провинцій. Сенаторы, имѣвшіе наибольшее значеніе, не скрыли отъ короля этого образа мыслей шведскаго сената. Они не могли сомнѣваться въ желаніи его величества, чтобъ эта древняя союзница Франціи вновь окрѣпла. Король по собственной инициативѣ защищалъ ихъ великодушно и очень сильно, когда они, лишеные всякихъ средствъ, рисковали пасть подъ ударами непріятелей.

Его величество продолжалъ безкорыстно помогать имъ значительными суммами, и онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что благодаря хорошему употребленію, какое Швеція давала деньгамъ, и благодаря постоянной бережливости, Шведы постепенно возстановили флотъ и армію и наполнили свои магазины всѣмъ необходимымъ. Правда, что король желалъ, чтобъ они въ благодарность за столько благодѣяній способствовали его видамъ въ польскихъ дѣлахъ, но тѣ, которые находились тогда во главѣ правленія, не считали возможнымъ безъ большаго риска вступить за Станислава, такъ какъ армія и флотъ не были еще приведены въ надлежащій видъ; эти причины, а также вліяніе, которымъ пользовались Англія и Россія, на короля шведскаго и на нѣкоторыхъ членовъ сената удержали Швецію въ бездѣйствіи, тогда какъ, дѣйствуя заодно съ королемъ, она могла одинаково работать въ свою пользу и въ пользу Франціи. Выгоды, которыя обѣ короны могли бы извлечь, были до такой степени ощутительны, что шведская нація скоро сознала, что министры, имѣвшіе тогда наибольшее вліяніе, не воспользовались какъ слѣдуетъ столь благоприятнымъ обстоятельствомъ; недовольство противъ министерства начало проявляться, когда, вслѣдъ за прибытіемъ въ Стокгольмъ королевскаго посланника графа Сень-Северина, въ концѣ 1737 года собрался сеймъ, дѣйствія котораго были

направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобъ установить самый тѣсный союзъ съ Франціей; этотъ сеймъ смѣнилъ почти все министерство и даже выразилъ порицаніе нѣкоторымъ сановникамъ, которые, увлекаясь своимъ предубѣжденіемъ въ пользу Великобританіи и Россіи, открыто внушали недобѣріе къ намѣреніямъ Франціи и такимъ образомъ уклонились отъ чувствъ почтенія и благодарности, которое всякій шведскій министръ долженъ питать къ французской коронѣ. Король не можетъ достаточно похвалить прекрасный образъ дѣйствія графа Сень-Северина, старавшагося укрѣпить такое благопріятное расположеніе умовъ шведской націи и просвѣтитъ ее еще больше относительно причинъ, которыя должны побуждать ее вполне рассчитывать на дружбу короля и во всякое время предпочитать союзъ съ нимъ союзу со всякою другою державой. Онъ съумѣлъ понравиться и королю Шведскому и новому министерству и вслѣдствіе пріобрѣтеннаго имъ довѣрія съумѣлъ удержать эту націю, когда, возмущенные убійствомъ барона Синклера, какъ нарушеніемъ международнаго права, всѣ Шведы дышали местию противъ русскаго правительства, по приказанію котораго, какъ никто не сомнѣвался, совершенно было это убійство¹. Графъ Сень-Северень далъ имъ понять, что раньше чѣмъ разрывать съ державой, силы которой стали страшны всѣмъ сосѣдямъ, надо совѣтоваться съ благоразуміемъ, а не съ чувствомъ мести. Но воинственный пылъ не остылъ, и вновь возгорѣлся, когда незанятый императорскій престолъ придалъ новый оборотъ германскимъ дѣламъ, когда произошли перемѣны въ Россіи, умерла царица Анна, вступилъ на престолъ младенецъ подъ регентствомъ нѣмецкой матери и при управленіи нѣмецкихъ министровъ, и когда отъ этого можно было ожидать ослабленія Русскаго государства и надѣяться, что вслѣдствіе недовольства народа противъ иностраннаго правительства произойдетъ революція. Такимъ образомъ собравшійся скоро послѣ этого сеймъ съ рѣдкимъ единодушіемъ постановилъ заниматься исключительно приготовленіями необходимыми для нападенія на Россію и заставить ее дать удовлетвореніе за прежнія и новыя обиды².

¹ Синклеръ, шпіонъ дѣйствовавшій противъ Россіи, былъ посланъ въ 1738 г. съ важными дипломатическими депешами изъ Стокгольма въ Константинополь, на обратномъ пути около Бреслава онъ былъ ограбленъ и убитъ какими-то всадниками. Въ Стокгольмѣ распространился слухъ, что убійство совершено по прояскамъ Русскихъ.

² Recueil, II, 253—357.

О французских интригахъ въ Стокгольмѣ постоянно доносили нашъ посоль Бестужевъ. „Такъ какъ велѣно флотъ экипировать, писалъ онъ, то ясно, что Франція Шведовъ на то подвинула и денегъ дать обѣщала, ибо своими средствами Шведы этого дѣлать не въ состояніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Франція тутъ дѣйствуетъ и коварство свое производитъ, дабы всегда содержать Россію въ тревогѣ и опасности отъ здѣшней стороны и не дать ей возможности употребить свои силы въ другомъ мѣстѣ.“ Черезъ нѣкоторое время послѣ этого Бестужевъ далъ знать, что шведская горячность къ войнѣ начала усиливаться. Когда депутаты духовнаго и крестьянскаго сословія на сеймѣ спрашивали, къ чему дѣлаются такія издержки на вооруженія, то получали въ отвѣтъ, что военные приготовленія Швеціи ничего не стоить и Франція Швецію никогда не оставитъ; что Швеція должна воспользоваться нынѣшними благопріятными обстоятельствами, и для этого она должна быть вооружена и вооружается она на чужіи деньги.

Въ Парижѣ старались скрыть отъ Кантемира дѣйствія французскаго правительства въ Швеціи. Въ этомъ отношеніи очень любопытенъ одинъ разговоръ между Флѣри и нашимъ посломъ. Кардиналь упомянулъ, что въ Швеціи усматривается военное движеніе. Кантемиръ отвѣчалъ, что съ русской стороны не пренебрежено ничѣмъ для сохраненія сѣверной тишины, и если начнется война, то весь свѣтъ долженъ признать правду Россіи. Кардиналь сказалъ, что онъ самъ не понимаетъ, какъ шведскій дворъ можетъ отважиться на войну съ Россіей, ибо силы обѣихъ державъ вовсе не равны, и потомъ началъ распространяться по своему обыкновенію о недостаткѣ довѣрія въ Европѣ, о подозрительности, господствующей между державами, о распространяющемся повсюду духѣ несогласія, который долженъ произвести страшное кровопролитіе; кардиналь высказывалъ свое миролюбіе и сожалѣніе, что всѣ его труды для сохраненія мира были напрасны. Кантемиръ замѣтилъ, что тяжкій отвѣтъ отдадутъ тѣ, которые подали поводъ къ наступающимъ бѣдамъ. Флѣри продолжалъ въ томъ же проповѣдническомъ тонѣ, что не только войной, но и другими язвами Богъ людей наказываетъ: въ одинъ и тотъ же годъ видимъ и жестокою зиму, и неурожай, и болѣзни; что онъ не можетъ понять, какъ эти язвы не остановили высокомыслия войнолюбивыхъ людей и, что всего хуже, при такой общей склонности къ войнѣ нельзя найти ни

одного посредника, который бы привелъ всѣхъ къ доброму согласію; напротивъ, всякій спѣшитъ принять участіе въ войнѣ, которая до него собственно не касается. Въ другой разъ Флѣри категорически заявлялъ Кантемиру, что король не памѣренъ принимать ни малѣйшаго участія въ войнѣ между Россіей и Швеціей, что онъ, кардиналъ, особенно жалѣеть, видя такую горячность со стороны шведской и по чистой совѣсти можетъ засвидѣтельствовать, что его совѣты шведскому министерству клонились къ сохраненію тишины. Кантемиръ, обладавшій яснымъ взглядомъ на политическое положеніе, обмануть не былъ. „Хотя я не придаю никакого значенія сладкимъ словамъ кардинала, писалъ онъ, однако счелъ своею обязанностью донести объ этомъ разговорѣ, изъ котораго видно, съ какими искусствомъ онъ производитъ свои внушенія, клонящіяся къ тому, чтобъ отклонить союзниковъ отъ подавія помощи королевѣ венгерской, ибо это будетъ препятствовать видамъ Франціи.“ Нашъ посолъ сообщалъ также объ одной меморіи, гдѣ изслѣдуются интересы французскаго двора. Авторъ меморіи совѣтовалъ начать войну противъ Англіи и Германіи, а между тѣмъ шведскому двору дать не только субсидіи для нападенія на Россію, но даже войска и корабли; также постараться устроить союзъ между Швеціей, Даніей и Пруссіей, наконецъ возбудить противъ Россіи Турокъ и Персіанъ и дѣйствовать противъ Россіи до тѣхъ поръ, пока Россія потеряетъ все пріобрѣтенное ею по ништадтскому миру.

Неудивительно, что въ Петербургѣ находились министры, которые желали совсѣмъ порвать съ Франціей. Вице-канцлеръ графъ Головкинъ рѣшительно заявилъ Остерману, остававшемуся въ это время руководителемъ иностранной политики, хотя онъ былъ уже не канцлеромъ, а великимъ адмираломъ: зѣло потребно бы было всячески стараться себя изъ рукъ Франціи вывести въ разсужденіи ея тайныхъ непріятельскихъ поступковъ. Остерманъ возразилъ на это, что находить мнѣніе вице-канцлера очень основательнымъ, но такъ какъ Франція была посредницей при заключеніи мира между Россіей и Портой и приняла на себя его гарантіи, то мнится, что не надобно ее огорчать никакимъ наглымъ поступкомъ, но всячески менажировать, ибо хотя она теперь тайно намъ злодѣйствуетъ, однако наружно всякую дружественную аппаренцію оказываетъ. ¹

Въ одномъ французскомъ журналѣ того времени появилось

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 84—86, 110—113, 107.

извѣстіе: „Маркизь де ла Шетарди рѣдко показывается при дворѣ“. Это было совершенно вѣрно, потому что положеніе французскаго посла въ Петербургѣ было довольно непріятное. Анна .Леопольдовна не чувствовала къ нему никакой симпатіи. Онъ обязанъ былъ слѣдовать политикѣ своего правительства, то-есть политикѣ намъ враждебной, и постоянно сносился съ Нолькенымъ, представителемъ Швеціи въ Петербургѣ, и французскимъ посломъ въ Стокгольмѣ. Къ тогдашнему правительству и къ Россіи вообще онъ относился недоброжелательно. Вотъ чтó онъ писалъ Лемеру, французскому послу въ Копенгагенѣ: „Ошибочно представляютъ себѣ страшилищемъ московское государство. Не потому, чтобъ я былъ въ ослѣпленіи насчетъ его положенія, силы, которую оно можетъ выставить въ оборонительномъ положеніи, легкости и дешевизны припасовъ, которые оно въ состояніи приобрести и отыскивать въ себѣ самой, но я твердо убѣжденъ, что соединенный датско шведскій флотъ, отрѣзавъ русскій, помѣшаетъ безъ затрудненія выйти ему изъ портовъ, и слѣдовательно шведскіе берега будутъ въ безопасности отъ высадокъ, которыя такъ много причинили вреда въ послѣднюю войну. Шведы при помощи субсидій могутъ дѣйствовать съ успѣхомъ со стороны Выборга, особенно если Данія согласится сдѣлать диверсію небольшимъ корпусомъ войскъ въ Эстоніи. Этотъ одинъ планъ, будьте увѣрены, быстро смиритъ надменность и жестокость этихъ людей. Порукой въ томъ ихъ характеръ и политика. За исключеніемъ нѣкоторыхъ государствъ, съ которыми не желаютъ столкновеній, они въ опьяненіи отъ своего величія, которое только въ томъ и состоитъ, что не можетъ весь свѣтъ явиться къ нимъ, а они хотятъ предписывать законы всей Европѣ. При малѣйшемъ пораженіи, они перейдутъ также быстро изъ одной крайности въ другую и будутъ уважать чрезмѣрно другихъ. Къ этимъ доводамъ, которые одни заставляютъ исчезнуть страшилище, прибавьте, что можно безъ затрудненія быть увѣреннымъ въ диверсіи со стороны Турокъ, которые могутъ это сдѣлать не объявляя войны. Графъ Остерманъ нынѣ полный властелинъ и сохранить Россіи превосходство, неизбѣжно уничтожающее равновѣсіе на Сѣверѣ—опасность, слишкомъ очевидная и которая выказалась уже настолько, что невозможно предотвратить ее иначе, какъ препятствуя дальнѣйшему возростанію этого превосходства.¹

¹ Пекарскій, стр. 220—222.

Ко всему этому присоединились еще недоразумѣнія другого свойства. По смерти Анны Иоанновны король прислалъ Шетарди новыя полномочія и писалъ ему, чтобъ онъ вручилъ Иоанну Антоновичу свои кредитивныя грамоты и письмо отъ короля. Шетарди хотѣлъ исполнить это буквально и требовалъ, чтобъ онъ былъ представленъ императору, которому еще не исполнилось года. Другіе послы довольствовались аудіенціей у регентши, и претензія Шетарди удивила русскихъ министровъ и возбудила много вопросовъ. Спрашивали, вручить ли посоль грамоты въ руки самого младенца-императора? или онъ можетъ положить ихъ къ подножію трона? Не лучше ли отдать ихъ Аннѣ Леопольдовнѣ, которая будетъ держать на рукахъ царя? По этому поводу возникла безконечная переписка между Петербургомъ и Парижемъ и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могли рѣшить вопроса, слѣдуетъ ли Иоанну Антоновичу принять въ торжественной аудіенціи французскаго посла или нѣтъ?

Шетарди видѣлъ, что при господствѣ брауншвейгской фамиліи и Нѣмцевъ невозможно отвлечь Россію отъ союза съ Австріей, политика могла измѣниться только съ перемѣной правительства. И вотъ французскій посоль составилъ смѣлый планъ: произвести государственный переворотъ. Мысль эта явилась у него конечно потому, что элементы для переворота давно существовали, надо было только воспользоваться ими. Уже много лѣтъ всѣ недовольные сначала Бирономъ, а потомъ Брауншвейгцами, смотрѣли съ надеждой на царевну Елисавету, считали ее законною наслѣдницей престола и отъ нея ждали спасенія; недовольныхъ было много и въ высшихъ слояхъ общества, и въ гвардіи, и въ духовенствѣ, и въ народѣ. Надо было только собрать воедино эти разбросанные элементы, организовать партію, и тогда легко было свергнуть брауншвейгскую фамилію.

Шетарди хотѣлось сдѣлаться вожакомъ національной партіи, приобрести популярность въ Россіи и заслужить, какъ онъ надѣялся, вѣчную благодарность будущей царицы. Онъ любилъ играть роль, и такой грандіозный планъ ирельщаль его. Современникамъ могло казаться, что французскій посоль желаетъ исключительно блага Россіи, что онъ хочетъ уничтожить ненавистное господство Нѣмцевъ. На самомъ же дѣлѣ онъ думалъ только о себѣ и выгодахъ Франціи. Это ясно видно изъ слѣдующаго мѣста его письма къ кардиналу Флѣри: „Россія была очень привержена къ австрійскому дому, отнынѣ она будетъ ему

предана окончательно: власть, сосредоточивающаяся въ рукахъ принца брауншвейгскаго и герцогини мекленбургской, перейдетъ въ руки владѣтеля собственно нѣмецкаго, а если вѣнскій дворъ будетъ здѣсь косвенно царствовать, то это всегда отзовется вредомъ для интересовъ Швеціи и ея союзниковъ. Напротивъ же, если принцессѣ Елисаветѣ будетъ проложена дорога къ трону, то можно быть нравственно убѣжденнымъ, что претерпѣнное ею прежде, такъ же какъ и любовь ея къ своему народу, побудятъ ее къ удаленію иноземцевъ и къ совершенной довѣрчивости къ Русскимъ. Уступая склонности своей, а также и народа, она немедленно переѣдетъ въ Москву; хозяйственныя занятія, къ которымъ склонны знатные, побудятъ послѣднихъ тѣмъ болѣе обратиться къ нимъ, что они лишены уже того съ давнихъ временъ; морскія силы будутъ пренебрежены, и Россію увидятъ постепенно обращающуюся къ старинѣ, которую Долгорукій во времена Петра II желалъ возстановить и которая существовала до Петра I. Вѣроятно такая система возвращенія къ старинѣ была бы постоянно опровергаема графомъ Остерманомъ, и только переворотъ въ состояніи воспрепятствовать такому противоборству. Шведы при томъ вдвойнѣ выиграютъ: тогда непріязнь, возбужденная въ Елисаветѣ воспоминаніемъ прошлаго, поведетъ къ окончательному паденію этого министра; тогда Швеція, такъ же какъ и Франція, увидятъ себя освобожденными отъ могущественнаго непріятеля, который всегда будетъ противъ нихъ и имъ опасенъ. Къ этимъ доводамъ можно прибавить слѣдующія частности. Принцесса Елисавета ненавидитъ Англичанъ, любитъ Французовъ; нація (русская), которая думаетъ также, можетъ быть удержана денежными и личными расчетами, которые ставятъ ее въ зависимость отъ Англичанъ; но если Русскимъ помочь въ этомъ случаѣ, то не невозможно будетъ отвлечь ихъ, и тогда освобожденные Французы будутъ по крайней мѣрѣ надѣяться завести здѣсь торговлю на развалинахъ англійской, столько же выгодную, сколько она нынѣ убыточна вслѣдствіе необходимости вести ее чрезъ руки Англичанъ и Голландцевъ.“ Мысль Шетарди еще болѣе уясняется изъ слѣдующихъ словъ англійскаго посланника Финча: „Большая часть дворянъ закоренѣлые Русскіе, и только принужденіе и сила могутъ помѣшать имъ возвратиться къ ихъ стариннымъ обычаямъ. Нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы не желалъ видѣть Петербурга на днѣ морскомъ, а завоеванныя области пошедшими къ чорту, лишь бы только имѣть

возможность возвратиться въ Москву, гдѣ, вблизи своихъ имѣній, они могли бы жить съ большею роскошью и еъ меньшими издержками. Они не хотятъ имѣть никакого дѣла съ Европой, не видятъ иностранцевъ: лишь бы ими пользоваться на время войны, а потомъ избавиться отъ нихъ. Имъ также противны морскія путешествія, и для нихъ легче быть сосланными въ страшныя мѣста Сибири, чѣмъ служить на корабляхъ.“¹

Какихъ же результатовъ ожидалъ Шетарди отъ государственнаго переворота? Столица будетъ перенесена въ Москву, дворяне будутъ жить по своимъ помѣстьямъ, отчего въ администраціи и арміи не будетъ хватать людей, флотъ забросать и Балтійское море опять перейдетъ въ руки Шведовъ; Россія возвратится къ допетровскимъ временамъ, то-есть придетъ вновь въ варварское состояніе, какъ выражались Французы, и такимъ образомъ грозная держава, созданная великимъ преобразователемъ, перестанетъ быть страшною и для Франціи, и для ея любимой Швеціи.

Шетарди, сравнивавшій посла безъ инструкцій съ часами, которые забыли завести, не хотѣлъ дѣйствовать, не получивъ одобренія своего министерства. Во Франціи сначала колебались вступить на путь пріключеній, на который приглашалъ Шетарди. Французскому министерству представлялось не совсѣмъ удобнымъ вмѣшиваться въ домашнія дѣла иностранной державы, возбуждать тамъ возмущеніе и дѣлать короля участникомъ заговора съ цѣлю ниспроверженія существующаго порядка. На первые намеки посла версальскій кабинетъ отвѣтилъ, что надо обдумать этотъ вопросъ. Скоро однако желаніе замѣнить въ Россіи нѣмецкое вліяніе взяло верхъ, и министерство согласилось, „что это дѣло вполне заслуживаетъ вниманія короля“. Вслѣдъ за этимъ Шетарди, согласно съ полученнымъ имъ распоряженіемъ, завѣрилъ царевну, что Франція отдаетъ въ ея распоряженіе свои сокровища, свой кредитъ и свои совѣты. Онъ прибавилъ къ этому, что еслибы король увидѣлъ ее и отдался бы чувству, которое она способна внушить, то и тогда онъ не могъ бы болѣе заниматься тѣмъ, что ее интересуетъ.

Пока не былъ рѣшенъ вопросъ объ аудіенціи, и Шетарди никому не представилъ кредитивныхъ грамотъ, ему неудобно было являться ко двору, поэтому онъ переговаривалъ съ Елисаветой Петровной черезъ медика Лестока, которому царевна вполне до-

¹ Пекарскій, стр. 247—249.

вѣрляла. Каждый день ждали, что Швеція объявить войну, и этимъ моментомъ думали воспользоваться Елисавета и Лестокъ. Когда объявленіе войны произведетъ замѣшательство при петербургскомъ дворѣ, тогда удобно будетъ поднять бунтъ въ войскѣ. Франція желала нѣсколько видоизмѣнить этотъ проектъ, она требовала, чтобы царевна вошла въ соглашеніе со Швеціей. Шведы по приглашенію Елисаветы нападутъ на Россію, помогутъ ей вступить на престоль, она за это по воцареніи уступитъ Швеціи часть провинцій, завоеванныхъ Петромъ, именно восточное побережье Балтійскаго моря. „Надо сдѣлать все, писалъ Амело французскому послу, чтобы побудить Шведовъ принять участіе въ революціи и сдѣлать ее способною нанести сильный ударъ, когда всѣ мѣры будутъ приняты. Но по всей вѣроятности за столь великую услугу, они пожелаютъ чтобъ имъ возвращена была хоть часть отнятыхъ провинцій. Если вы сумѣете убѣдить принцессу Елисавету принести эту жертву, вы окажете очень большую услугу королю, въ интересахъ котораго заключить Россію въ ея прежніе предѣлы.“ Такого же взгляда держался Шетарди, когда писалъ: „слѣдовательно не только желательно, чтобы планъ принцессы Елисаветы удался, но надобно, чтобъ это произошло не иначе, какъ при содѣйствіи Швеціи. и чтобы въ такомъ случаѣ принцесса Елисавета знала о главной пружинѣ ея возвышенія, и чрезъ то были бы извлечены на пользу короля тѣ плоды, которыхъ можно было ожидать“.

Шетарди убѣждалъ Лестока, что Елисаветѣ необходимо дать Шведамъ письменное обязательство вознаградить ихъ по воцареніи. На увѣреніе посла, что король его заботится только о царевнѣ и ея выгодахъ, Лестокъ отъ имени Елисаветы объявилъ, что она относительно внѣшнихъ средствъ полагается совершенно на волю королевскую; относительно же внутреннихъ ограничивается суммой во 100 тысячъ рублей на случай, еслибы въ рѣшительную минуту понадобилось привлечь на свою сторону того или другаго. Шетарди отвѣчалъ, что король охотно доставитъ средства на покрытіе издержекъ, какъ только будетъ указано, какимъ образомъ можно будетъ при этомъ сохранить тайну. Пусть царевна общается существенныя выгоды и этимъ дастъ шведскому королю возможность убѣдить подданныхъ къ началю войны. Лестокъ отвѣчалъ, что царевна не скрываетъ отъ себя невозможности побудить Шведовъ даромъ оказать ей помощь. Итакъ, сказалъ Шетарди, пусть же она подтвердитъ то, что счи-

тасть необходимъ, пусть передастъ мнѣ на письмѣ, что хотѣла бы она устроить въ случаѣ успѣха предпріятія. Шетарди старался напугать Елисавету. Зачѣмъ царевнѣ допускать, говорилъ онъ Лестоку, чтобы Шведы принесли пользу другимъ, а не ей? Не обманывайтесь: правительница, принцъ брауншвейгскій и графъ Остерманъ чувствуютъ, что они здѣсь иноземцы, а правительство такого рода для поддержанія себя очень неразборчиво въ средствахъ, мало смотритъ на пожертванія, лишь бы отдѣлаться отъ войны и купить миръ у Шведовъ, которые не упустятъ воспользоваться такимъ случаемъ: что изъ этого выйдетъ? Царевна потеряетъ все и не будетъ имѣть ни малѣйшей надежды на будущее. Я пойду далѣе и скажу вамъ, что если Шведы не вступятъ заранѣе въ соглашеніе съ царевной на прочихъ основаніяхъ, то они выскажутся въ пользу внука Петра I. Не имѣя въ томъ препятствія, они вѣрнѣе возведутъ на престолъ герцога голштинскаго, тогда какъ царевна увидитъ себя лишенною принадлежащаго ей и удаленною отъ трона навсегда. Лестоку отправился съ этими внушеніями къ Елисаветѣ, и въ слѣдующее свиданіе принесъ отвѣтъ, что царевна очень тронута доказательствами усердія, постоянно показываемаго посланникомъ; она желала бы отплатить ему, слѣдуя его внушеніямъ, но она всегда будетъ опасаться упрековъ отъ своего народа, если для достиженія престола нанесетъ ему ущербъ какими-нибудь уступками. Дочь Петра Великаго не забыла, что море досталось намъ послѣ двадцатилѣтней войны и положительно отказалась вступать въ переговоры съ врагомъ своего отца и давать какія бы то ни было обѣщанія Шведамъ.

Сопротивленіе Елисаветы Петровны оказывалось первою помѣхой въ осуществленіи проектовъ Шетарди; скоро явилась еще новая помѣха. Въ маѣ 1741 г. французскій посоль получилъ приказаніе объявить Остерману, что онъ отказывается ото всякихъ сношеній съ русскимъ правительствомъ, если ему не позволятъ представить кредитивныя грамоты самому царю. На свиданіи, въ которомъ Шетарди объявилъ этотъ ультиматумъ, старый министръ не хотѣлъ ни прямо отказать въ аудіенціи, ни согласиться на нее. „Чтобъ избѣжать объясненія, говоритъ Шетарди, онъ прибѣгъ къ своему обыкновенному приему, когда онъ находился въ затрудненіи. У него были колики; жизнь его, по собственнымъ словамъ, была рядомъ страданій; боли, которыя быстро являлись у него, заставляли его дѣлать тысячу гримасъ; въ крес-

слѣ онъ никакъ не могъ усидѣть спокойно; тяжело дышалъ, каплялъ ужасно и утиралъ безпрестанно лицо; а между тѣмъ пзъ-подъ платка кидаль на меня взгляды, чтобы лучше проникнуть мои мысли.“ Не получивъ категорическаго отвѣта, Шетарди вынужденъ былъ окончательно прервать сношенія съ дворомъ и не могъ уже дѣлать официальныхъ визитовъ царевнѣ. Лестокъ рѣдко приходилъ на свиданія съ посломъ, потому что распространились слухи о заговорѣ, и онъ очень трусилъ.

Прошло нѣсколько недѣль, Шетарди ничего не слышалъ о Елисаветѣ. Онъ не бываль при дворѣ и его считали подозрительнымъ: никто не ходилъ къ нему въ гости, но за то шпионы слѣдили за нимъ день и ночь. Какъ только наступило лѣто, онъ переѣхаль на острова и здѣсь велъ жизнь отшельника, къ которой, какъ онъ писалъ, онъ никогда не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія. Однако царевна не забыла его и старалась повидаться съ нимъ; одно время она даже думала купить домъ по сосѣдству съ дачей, занимаемой посломъ. Въ концѣ іюля она послала къ нему Воронцова, чтобы устроить какъ-нибудь свиданіе. Рѣшено было, что на слѣдующій день царевна какъ бы невзначай встрѣтится съ Шетарди на дорогѣ, ведущей въ Петербургъ. Но въ послѣднюю минуту Елисавета Петровна не рѣшилась на такой шагъ, потому что за ней зорко слѣдили.

Въ это время пришло извѣстіе объ окончательномъ разрывѣ съ Швеціей. Шведскій король объявилъ войну Россіи, и манифестъ о войнѣ былъ написанъ подъ диктовку французскаго посла въ Стокгольмѣ. Правительница знала это, и Шетарди ожидалъ, что ему придется уѣхать. Случилось какъ разъ наоборотъ, въ затруднительную минуту русское правительство боялось порвать съ Франціей, и Шетарди разрѣшена была аудіенція у малолѣтнаго царя. Аудіенція дѣйствительно состоялась, и Шетарди вновь появился при дворѣ. На придворномъ балѣ онъ встрѣтился съ царевной и имѣлъ случай поговорить съ ней. „Она слѣдала мнѣ честь выразить, писалъ Шетарди, что лично для себя очень довольна моимъ пребываніемъ здѣсь, по думая о неудовольствіяхъ, которыя я претерпѣлъ и которыя еще готовится для меня впереди, она не можетъ не сожалѣть о моей судьбѣ. Минута была слишкомъ благоприятна, чтобы не воспользоваться ею и не дать замѣтнѣе почувствовать принцессѣ все, чѣмъ она обязана королю. Я отвѣтилъ ей, что честь свидѣтельствовать ей мое почтеніе всегда вознаграждаетъ меня за то, что могъ я пре-

терпѣть; что не менѣе утѣшительная причина, заставляющая меня благословлять мою судьбу, заключается въ томъ, что единственно въ видахъ служить и поспѣшествовать сея интересамъ, его величество повелѣлъ мнѣ остаться здѣсь, несмотря на справедливость причинъ, которыя имѣлъ король, чтобъ отозвать меня; что его величество равножѣрно заботится о средствахъ возвести ее на тронъ и что если онъ для этой цѣли уже подвигнулъ Шведовъ, своихъ союзниковъ, взяться за оружіе, то съумѣетъ также ничего не пощадить, чтобы только дать имъ средство къ возжеланному успѣху; что мнѣ слѣдовательно предстоитъ единственно исполнять свои обязанности, чтобъ чувствовать, какъ лестно для меня быть жертвой за столь справедливое дѣло. Ничего не было унущено принцессой, чтобы выразить свою признательность. Она мнѣ сообщила притомъ, что въ надеждѣ, что я буду отнынѣ навѣщать ее, она приняла заранѣе предосторожности не быть никѣмъ стѣсняемою изъ придворныхъ. Какъ принцесса, такъ и я замѣтили, что всѣ присутствовавшіе на балѣ обратили вниманіе на нашъ разговоръ, а потому мы сочли приличнымъ во избѣжаніе подозрѣній не продолжать его болѣе“¹.

Съ этого времени организуется настоящій заговоръ, въ которомъ принимаютъ участіе не только Шетарди, но и 88лѣтній кардиналъ Флёрн и министръ иностранныхъ дѣлъ Амело, отличавшійся своею педантическою важностью. Въ послѣднихъ числахъ сентября одинъ незнакомецъ, стараясь скрыться въ толпѣ прохожихъ, пробрался по улицѣ Ришелье и вошелъ въ кафе Фоа, гдѣ собирались знаменитые литераторы. Тамъ къ нему подошелъ одинъ посѣтитель, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и съ большими предосторожностями принялъ отъ него кошелекъ съ двумя тысячами дукатовъ (22.423 франка). Первое лицо — это агентъ министерства иностранныхъ дѣлъ, второй—г. Манъ, другъ маркиза де-ла-Шетарди. Манъ посылалъ деньги своему племяннику, находившемуся тогда въ Россіи. Молодой человекъ много тратилъ, игралъ въ карты и естественно, что онъ прибѣгалъ къ щедрому дядѣ. На самомъ же дѣлѣ деньги эти предназначались французскому послу въ Петербургѣ, которому онѣ не могли быть посланы безъ того, чтобы не возбудить подозрѣнія. Шетарди истратилъ ихъ съ политическою цѣлью и еще нѣсколько разъ ему дѣлались подобныя же присылки.

¹ Пекарскій, стр. 236, 238, 307—308. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 128—129. Vandal, p. 134—144.

Въ Петербургѣ Шетарди былъ душой заговора, говоритъ Вандаль. Онъ выказываетъ необыкновенную ловкость, чтобы достичь цѣли, которая подстрекаетъ его самолюбіе, плѣняетъ его сердце, задѣваетъ его тщеславіе; онъ чувствуетъ себя въ своей тарелкѣ, когда нужно вести сложную интригу, въ особенности въ пользу прелестной женщины. Если посмотрѣть съ какой легкостью онъ играетъ встрѣчающимися ему затрудненіями, можно подумать, что онъ занять любовнымъ похожденіемъ, а не предпріятіемъ, въ которомъ онъ рискуетъ свободой и жизнью. Все напоминаетъ романическую исторію: таинственныя свиданія, долгое ожиданіе на условленномъ мѣстѣ, записки, писанныя на условномъ языкѣ; Елисавету зовутъ „героємъ“, Лестока „повѣреннымъ“, другаго агента Нѣмца Шварца „посредникомъ.“ По крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю Шетарди устраивалъ свиданія съ царевной, ежедневно онъ посылалъ ей совѣты, старался поддержать ея рѣшимость.

Между тѣмъ Шетарди рисковалъ очень сильно; Елисавета Петровна опасалась даже, чтобы его не отравила противная имъ партія. „Принцесса, доносилъ французскій посолъ, узнала черезъ горничную правительницы, въ которой она увѣрена, что мнѣ желаютъ здѣсь большой бѣды и смотреть на меня, какъ на одно изъ главнѣйшихъ орудій, рѣшившихъ войну со Швеціей; что вслѣдствіе того восемнадцать дней тому назадъ зашла рѣчь у правительницы, имѣю ли я право сохранить еще преимущества, связаннаго съ моимъ званіемъ. Въ справедливости такого извѣстія, говорилъ мнѣ Лестокъ, я могу убѣдиться изъ копіи, которую Елисавета получила съ письма, написаннаго Линаромъ (фаворитомъ Анны Леопольдовны) къ правительницѣ на другой день и добытаго Елисаветой чрезъ ту же женщину. Вотъ содержаніе его: „Повторяю вамъ то, что передалъ вчера словесно. Народное право „есть, какъ всякое другое право, и никакой государь не обязанъ „терпѣть возмущенія, которыя бы поддерживались иностраннымъ „министромъ, и чрезъ то самое послѣдній утрачиваетъ свой характеръ и почести, которыя ему воздаются.““ При первомъ взглядѣ такое опредѣленіе мнѣ показалось такъ смѣшнымъ и выказывающимъ въ такой степени невѣжество, что я могъ оправдать его только подозрѣніемъ, что успѣли нѣсколько проникнуть въ тайну. По этому поводу, для уясненія себѣ дѣла, я предложилъ Лестоку вопросы. Онъ мнѣ многократно повторялъ, что ничего не открыто, а упоминаніе о возмущеніи, которое повидимому слѣдовало бы понимать, какъ намекъ на внутренніе и домашніе происки,

рѣшительно относятся къ войнѣ со Швеціей, потому что сказанная горничная, слушая толки, очень хорошо поняла, что слова „возбуждать внѣшняго врага“, значило нарушать спокойствіе внутри и лишать себя возможности защиты международнаго права. Равнымъ образомъ я долженъ ужасно быть осторожнымъ и заботиться о самосохраненіи. Это объясненіе не допускало съ моей стороны никакого противорѣчія. Я отвѣчалъ, что съ силой въ рукахъ можно предпринять все, однако предвараю тѣхъ, которые имѣютъ передать мнѣ дурное привѣтствіе, что они должны быть снабжены формальнымъ повелѣніемъ, иначе я дамъ имъ настоящую идею о народномъ правѣ, выкинувъ ихъ въ окно.“ Остерманъ желалъ удалить Шетарди, но боялся принять рѣшительныя мѣры. Онъ писалъ Кантемиру: „Постулки Шетарди такъ явно недоброжелательны, что мы имѣемъ полную причину желать его отозванія отсюда; только это надобно исхотатайствовать такимъ образомъ, чтобы французское министерство, при нынѣшнемъ своемъ счастьи и безъ того ни на кого не смотрящее, не получило повода къ преждевременному разорванію съ нами дипломатическихъ сношеній и къ сложенію вины на насъ. Поэтому надобно поступать въ этомъ дѣлѣ, смотря по тамошнимъ склонностямъ, министерскому праву и обращеніемъ дѣла и при томъ на ваше благоразсужденіе оставляемъ, не можете ли чрезъ того благосклоннаго къ вамъ пріятеля, о которомъ въ реляціяхъ своихъ упоминаете, тамошнему министерству, между прочимъ, искусно внушить, что постулки Шетарди и интриги совершенно открылись, и потому онъ для французскихъ интересовъ здѣсь болѣе уже не можетъ быть полезенъ, и что вслѣдствіе его поведенія никто не желаетъ съ нимъ знакомства, всѣ избѣгаютъ его, какъ только можно, безъ явнаго озлобленія.“¹

Естественно, что Шетарди торопиль развязкой. Чтобы возбудить мужество Елисаветы Петровны, онъ сочинилъ аргументъ, который пустилъ въ ходъ, и далъ ей знать, что нерѣшительность въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія. „Вы вынуждаете меня, сказалъ онъ при личномъ свиданіи, не скрывать ничего объ опасности, которой подвергаетесь. Знайте, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ хорошаго источника, дѣло идетъ о заключеніи васъ въ монастырь. Вы бы

¹ Пекарскій, стр. 310—311. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 114—115 Vandal, p. 145—149.

уже тамъ были, когда бы нѣкоторые обстоятельства тому не помѣшали—только очень ясно, что эта отсрочка не будетъ продолжительна. Слѣдовательно, даже въ случаѣ неуспѣха предпріятія, вы рискуете только испытать можетъ-быть нѣсколькими мѣсяцами ранѣе участь, которая вамъ предназначена и которой, благодаря принятымъ мѣрамъ, вы не въ состояніи болѣе избѣжать. Разница только въ томъ, что, оставаясь въ бездѣйствіи, заставляете падать духомъ вашихъ друзей; тогда какъ, выказывая мужество, вы сохраните себѣ приверженцевъ, а ваше несчастіе только воодушевитъ ихъ болѣе къ отмщенію, чтобъ избавить васъ отъ погибели тѣмъ или другимъ образомъ.“ Принцесса Елисавета, рассказываетъ Шетарди, пораженная такою будущностью, старалась увѣриться въ сообщенномъ мною сейчасъ обстоятельствѣ; мои отвѣты убѣдили ее въ томъ, что я говорилъ. Она выражала мнѣ безграничную привязанность за то, что и до сихъ поръ, удерживая ее, въ настоящую минуту дѣлаю противное, чтобъ лучше услужить ей, и общала, что кровь Петра I не обманетъ, такъ какъ ее хотятъ вывести изъ терѣнія.

Странныя слова Шетарди подѣйствовали на царевну, а еще сильнѣе подѣйствовалъ разговоръ ея съ Анной Леопольдовной 23 ноября. Это было на приемѣ во дворцѣ. Правительница отправилась въ отдаленный покой, велѣла позвать туда Елисавету Петровну, и послѣдняя возвращаясь оттуда казалась очень взволнованною. Лестокъ сообщилъ Шетарди, что разговоръ шелъ о немъ. „Правительница, пишетъ Шетарди, объявила, что рѣшилась просить короля о моемъ отозваніи и опасалась только, чтобы кардиналъ, движимый врожденною справедливостію, не просилъ предварительно доказать то, въ чемъ меня обвиняютъ, что тѣмъ болѣе затруднительно, что не было возможности достать какое-нибудь доказательство противъ меня. Правительница, высказывая такимъ образомъ всѣ причины, которыя она, по ея мнѣнію, имѣла къ обвиненію меня, внушала принцессѣ Елисаветѣ, что она не должна принимать такого человѣка, какъ я. Принцесса, возражая, что она можетъ сказать одинъ или два раза, что ея нѣтъ дома, дала почувствовать, что ей этого нельзя повторить, однако, въ третій разъ. Такъ какъ правительница, несмотря на эти доводы, повторяла свои настоянія, то принцесса отвѣчала ей насмѣшливо: „зачѣмъ вы не дѣйствуете гораздо проще? Вы, правительница и повелительница: прикажите графу Остерману сказать Шетарди не ѣздить болѣе ко мнѣ въ домъ“.

Правительница возразила, что она очень остерегается этого, так как не надобно раздражать людей, подобных мнѣ, ни подавать имъ явно повода къ жалобамъ. Принцесса отвѣчала, что если Остерманъ будучи первымъ министромъ и, имѣя повелѣнія, не смѣетъ дѣлать подобныя вещи, то она тѣмъ менѣе осмѣлится рѣшиться на это. Правительница, оскорбленная такимъ противорѣчіемъ, приняла надменный тонъ, который въ свою очередь заставилъ принцессу возвысить голосъ хотя и умѣренно, насколько это было тогда прилично, и вотъ почему онѣ разстались съ горячностью, которую я примѣтилъ.“

На слѣдующій день, 24 ноября, правительство отдало приказъ по всемъ гвардейскимъ полкамъ быть готовыми къ выступленію въ Финляндію противъ Шведовъ. Во дворцѣ Елисаветы эту мѣру поняли такъ, что правительница нарочно хочетъ удалить гвардію, зная приверженность ея къ царевнѣ, и люди близкіе настаивали, чтобъ Елисавета немедленно съ помощью гвардіи произвела переворотъ. Царевна наконецъ рѣшилась. 25 ноября во второмъ часу ночи она, надѣвъ кирасу на свое обыкновенное платье, сѣла въ сани и отправилась въ казармы Преображенскаго полка. По дорогѣ царевна остановилась у дома Шетарди и дала ему знать, что она летитъ къ славѣ и не сомнѣвается, что онъ желаетъ ей успѣха. Въ три часа ночи она извѣстила французскаго посла о полнѣйшемъ успѣхѣ. Къ восьми часамъ утра готовъ былъ манифестъ, начинавшійся словами: „Божією милостію мы, Елисаветъ Первая, императрица и самодержица Всероссийская“.¹

XIX.

Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны, казалось, наступила удобная минута для франко-русскаго союза. Личныя симпатіи императрицы были на сторонѣ Франціи и раньше всѣхъ другихъ монарховъ она сообщила Людовику XV о началѣ своего царствованія и писала ему: „Мы не сомнѣваемся, что ваше величество съ удовольствіемъ услышитъ о счастливомъ и выгодномъ для всей имперіи переворотѣ, и что вы желаете не меньше насъ упрочить дружбу, существующую между двумя дворами. Мы со

¹ Пекарскій, стр. 416—417, 419—420, 422. Соловьевъ. *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 144—145, 148.

своей стороны будемъ особенно заботиться объ этомъ во все наше царствованіе, и мы воспользуемся всякимъ случаемъ, чтобы доказать вашему величеству искренность нашихъ намѣреній.“ Елисавета Петровна дѣйствительно старалась показать французскому посланнику вниманіе къ его монарху. „Во время одной частной бесѣды, писалъ Шетарди, она вдругъ вспомнила, что царь, ея родитель, привезъ изъ Франціи портретъ короля, имѣвшаго тогда семь или восемь лѣтъ. Она немедленно приказала его отыскать и принести. Разсматривая его со вниманіемъ, она сказала: я бы очень желала, чтобы вы приказали принести находящійся у васъ портретъ его величества, чтобы имѣть болѣе вѣрное понятіе о его лицѣ. Въ продолженіи довольно длиннаго разговора, царица замѣтила, что она обратилась спиной къ королевскому портрету и упрекнула себя въ разсѣянности. Это не помѣшаетъ, сказалъ я, чтобы король представлялся вашему величеству всегда съ самой отличной стороны, какъ только будетъ случай доказать ему на дѣлѣ вашу дружбу.“ „Я тѣмъ болѣе убѣждена въ томъ, возразила она, что съ тѣхъ поръ, какъ начала себя помнить, король единственный государь, къ которому я чувствовала склонность.“ „Ваше величество, надѣюсь, соизволите, сказалъ я, чтобы я передалъ о томъ королю: если онъ, признавая насъ государыней всея Россіи, увидитъ съ удовольствіемъ склонность вашего величества къ тому, чтобы царствовало согласіе между двумя державами, то будетъ въ восторгѣ, что такая принцесса, какъ ваше величество, всегда думала о немъ подобнымъ образомъ.“ „Я не противъ того, что вы намѣрены сдѣлать, и буду весьма довольна, когда король будетъ считать это порукою искренняго моего желанія быть съ нимъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ.“

Шетарди былъ самымъ близкимъ лицомъ къ императрицѣ, она спрашивала его совѣта даже по внутреннимъ дѣламъ, напримѣръ, какъ поступить съ брауншвейгскою фамиліей и Іоанномъ Антоновичемъ. Французскій посоль, помогшій Россіи освободиться отъ Бироновщины, былъ любимцемъ гвардіи. Однажды къ нему явилась депутація одного изъ гвардейскихъ полковъ и благодарила его за добрые совѣты, которые онъ давалъ императрицѣ. Шетарди обнимался съ офицерами и пилъ съ ними за здоровье французскаго короля и царицы. Вліяніе его было такъ сильно, что англійскій резидентъ называлъ его первымъ министромъ.

Естественно, что Елисавета Петровна обратилась къ Шетарди

съ просьбой остановить шведскую войну, и послѣдній тотчасъ написалъ шведскому главнокомандующему, совѣтуя ему прекратить военныя дѣйствія. Совѣтъ этотъ получилъ одобреніе и очевидно онъ клонился въ пользу самой Швеціи, такъ какъ по началу войны надо было ожидать успѣха русскаго оружія. Въ Парижѣ однако этого не поняли и сдѣлали Штарди выговоръ за то, что онъ будто бы держитъ сторону Россіи противъ Швеціи. „Вся шведская нація, писалъ Амело, раздражена до крайности и не сомнѣвается, что король хотѣлъ пожертвовать ею. Я посылаю сегодня курьера въ Стокгольмъ, чтобы стараться успокоить тамъ умы и дать знать, какъ это и есть въ дѣйствительности, что перемена монарха въ Россіи нисколько не измѣняетъ чувствъ короля къ Швеціи, ни вдовѣ Франціи. И точно, если король всегда желалъ переворота только, какъ средства облегчить Шведамъ исполненіе ихъ намѣреній, и если этотъ переворотъ произвелъ противное дѣйствіе, то должно жалѣть о всѣхъ трудахъ, которые предпринимались для ускоренія его. Я былъ очень изумленъ, что на другой день послѣ этого переворота вы рѣшились писать къ Левенгаупту (шведскому главнокомандующему) о приостановленіи наступленія. Еще болѣе пугнулся я, что вы хотѣли взять на свою отвѣтственность все, что изъ того могло произойти. Я не могу примирить такого образа дѣйствій съ вашей стороны съ знаніемъ, которое вы имѣете касательно вдовѣ короля, и съ постоянно сообщаемыми вами извѣстіями о худомъ состояніи московской арміи, которая нуждалась даже въ необходимомъ и которую вы считали неизбежно разбитою, если только Шведы явятся со своими силами. Во всѣхъ вашихъ письмахъ говорилось о слабости русскаго правительства, которое до сихъ поръ единственно наружнымъ блескомъ, скрывавшимъ внутреннія язвы, внушало почтеніе иностранцамъ. Какимъ образомъ могло случиться, что въ двадцать четыре часа измѣнилось все, и Русскіе сдѣлались столь страшными, что Шведы могутъ найти себѣ спасеніе единственно въ добротѣ царицы, во власти которой ихъ уничтожить? Шведская армія вовсе не въ дурномъ положеніи. Лучше чѣмъ останавливать Левенгаупта было бы, когда бы шведская армія, преслѣдуя съ успѣхомъ свое намѣреніе, была разбита на голову. Миръ былъ бы не менѣе заключенъ тогда и такъ же выгодно, какъ вы заставляете надѣяться нынѣ, потому что не даете даже догадываться о желаніи царицы что-нибудь уступить, и Швеція не могла бы ни въ

чемъ упрекать насъ. Когда же, напротивъ, удалось бы предприятіе Левенгаупта и онъ одержалъ бы верхъ, то царица почла бы себя счастливою, еслибы королю было угодно доставить ей миръ. Въ волѣ его величества было бы назначить условія, и Россія осталась бы ему признательна за то, что умѣлъ утишить Шведовъ.“ Въ заключеніе французскій министръ писалъ, что слѣдуетъ ввести въ заблужденіе императрицу и воспользовавшись ея довѣрчивостью заставить ее заключить наименѣе выгодный миръ. „Важно, говорилъ онъ, чтобы мы могли быть полными хозяевами мира, который должно заключить между Россіей и Швеціей, и король не колебался приметъ посредничество, котораго царица будетъ просить. Слѣдовательно чрезвычайно нужно, чтобы она не питала къ намъ никакой недовѣрчивости и была бы все болѣе и болѣе увѣрена въ благонамѣренности короля.“

Получивъ это письмо Шетарди вынужденъ былъ объявить въ Петербургѣ слѣдующее: „Швеція принялась за оружіе какъ для полученія удовлетворенія въ обидахъ, нанесенныхъ ей прежнимъ нѣмецкимъ правительствомъ Россіи, такъ и изъ желанія возвратить себѣ прежнія свои провинціи. Обязательства, въ которыя король французскій вошелъ относительно Швеціи, не могутъ быть условны, и такъ какъ король хлопоталъ за государыню, нынѣ царствующую въ Россіи, именно помогая Швеціи, то ея величество не можетъ сердиться на него за то, что онъ оказался въ необходимости служить шведскимъ интересамъ. Король французскій находится въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, по личной склонности, онъ желаетъ быть полезнымъ царидѣ, содѣйствовать ея славѣ и благополучію ея царствованія; а съ другой стороны онъ связанъ съ Швеціей, самую старинную союзницей Франціи, и если покинетъ ее, то измѣнитъ самымъ формальнымъ своимъ обязательствамъ. Кажется Швеція никогда не согласится на безвыгодный для себя миръ. Король французскій можетъ умѣрить шведскія претензіи; но какъ онъ надѣется, царица пойметъ, что надобно чѣмъ-нибудь пожертвовать, если хотять привести дѣло къ скорому примиренію.“

Изъ этихъ словъ было видно, что нечего ждать помощи отъ Франціи въ шведской войнѣ. Это хорошо понималъ такой опытный и дальновидный государственный дѣятель какъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, бывший сначала вице-канцлеромъ, а потомъ великимъ канцлеромъ. Онъ былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ выдающихся министровъ прошлаго вѣка, и пока онъ

стоялъ во главѣ управленія, русское правительство твердо и рѣшительно преслѣдовало свои національныя задачи. Вестужевъ видѣлъ, что союзъ съ Франціей не можетъ быть искреннимъ и принести намъ пользу, потому что въ Парижѣ заботятся только объ ослабленіи Россіи. Въ этомъ убѣждали его не только французскія интриги въ Швеціи, но и донесенія Кантемира. „Всѣ движенія здѣшной политики, писалъ нашъ посолъ изъ Парижа, имѣютъ цѣлю королеву венгерскую (Марію Терезію) и Англичанъ. Главныя усилія Франція клонятся къ конечному испроверженію силы австрійскаго дома, и всѣ тѣ державы, которыя поставляютъ препятствія этимъ усиліямъ, считаются здѣсь не менѣе враждебными и не меньше желаютъ здѣсь ихъ ослабленія. Потому всегда здѣсь на Россію неприятными глазами смотрѣли, поднимала противъ насъ непріятеля, чтобы препятствовать ей вступаться за австрійскій домъ. На томъ же главнѣйшимъ образомъ основана здѣшняя ненависть и противъ Англичанъ, умалчивая о томъ, что эта ненависть усиливается могуществомъ Англичанъ на морѣ и процвѣтаніемъ ихъ торговли. Изъ этого вы позволите усмотрѣть, что если ваше величество намѣрены содержать прежнія обязательства съ вѣнскимъ и англійскимъ дворами, то не можете себѣ льстить дружбой со здѣшними, и не трудно предвидѣть, что въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Швеціей сгнѣшить здѣсь не стануть, пока вашего величества намѣренія совершенно не высмотрятъ.“ Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда шли переговоры съ Швеціей и Франція предлагала свое посредничество, Кантемиръ доносилъ: „Предложенія Франціи нисколько не сходны съ часто повторенными обнадеживаніями объ истинномъ доброжелательствѣ королевскомъ къ вашему величеству. Кромѣ этихъ предложеній Франція составляетъ проектъ о тройномъ союзѣ между нею, Швеціей и Даніей. Франція побуждаетъ Порту противъ Россіи; изъ этого ясно, что древній здѣшній проектъ объ уменьшеніи русскихъ силъ не выходитъ изъ головы. Я обязанъ подтвердить, что всякая предосторожность противъ здѣшнихъ хитростей не только прилична, но и очень нужна, потому что на здѣшнія обнадеживанія полагаться никакъ нельзя. Отъ невозможности помогать войскомъ Швеціи нельзя заключать, что Франція къ намъ доброжелательна.“

Кантемиръ былъ совершенно правъ сообщая, что Франція интригуетъ противъ насъ въ Константинополѣ. Благодаря усиліямъ французскихъ дипломатовъ былъ заключенъ оборонительный со-

юзъ между Турціей и Швеціей и Порта послала въ Стокгольмъ субсидію въ 300 тысячъ піастровъ. Интрига эта скоро раскрылась. Австрійская полиція захватила письмо отъ Амело къ Кастилану, посланнику въ Константинополь, и представила его императрицѣ. Въ этомъ письмѣ французскій министръ говорилъ, что восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны—конецъ величія Россіи, что государыня не намѣрена поручать важнѣйшихъ должностей въ государствѣ иноземцамъ и что Россія, предоставленная сама себѣ, не преминетъ скоро впасть въ прежнее свое ничтожество, что Порта для скорѣйшаго приведенія Россіи въ такое положеніе и чтобъ избавитъ отъ сосѣда, причинявшаго ей много безпокойства, должна торопиться дѣйствовать силой и воспользоваться обязательствами, которыми имѣетъ она со Швеціей для соединенія съ нею и нападенія на Россію. Извѣстіе это произвело сильное впечатлѣніе на императрицу; она ясно увидѣла, что Франція относится къ намъ враждебно и что государственные интересы Россіи не совпадаютъ съ личными симпатіями ея государыни. Амело сначала увѣрялъ Шетарди, что письмо сфабриковано въ Вѣнѣ, потомъ однако сознался, что оно дѣйствительно было написано имъ, но просилъ выдавать его за подлогъ и увѣрить въ этомъ Елисавету Петровну.

Поведеніе Шетарди еще болѣе отклоняло русскихъ министровъ отъ Франціи. Онъ хвастался своею близостью къ императрицѣ, старался показать всѣмъ, какимъ влияніемъ онъ пользуется при дворѣ, вмѣшивался во всѣ государственныя дѣла, которыя его совсѣмъ не касались, высококомѣрно обращался съ сановниками, всюду сопровождалъ императрицу, на балы, на охоту, на прогулки. Шетарди сказалъ однажды, что иностранные министры затрудняются имѣть сношенія съ канцлеромъ кн. Черкасскимъ, который не знаетъ ни одного иностраннаго языка и желаютъ избранія министра, къ которому они могли бы непосредственно обращаться. „Еще не время, отвѣтила Елисавета, впрочемъ, что вамъ за нужда? Вы будете вести переговоры прямо со мною, а другіе иностранные министры пусть дѣлаютъ какъ знаютъ“. Шетарди воспользовался этими словами и со всѣми дѣлами обращался прямо къ императрицѣ, минуя министровъ. Это очень не нравилось Бестужеву, который былъ оскорбленъ этимъ и, кромѣ того, боялся вреднаго влиянія Шетарди. Начинается борьба между вице-канцлеромъ и французскимъ посломъ, особенно усилившаяся послѣ неудачной попытки Шетарди. Онъ предложилъ Бестужеву

пенсію отъ французскаго правительства, но русскій министръ отказался и получилъ за это дурную аттестацию отъ Шетарди. „Остерманъ былъ плутъ, но умный плутъ; теперешній же вице-канцлеръ просто полусумашедшій“. Дѣйствительно, давно не видали въ Петербургѣ такого сумасшедшаго министра, который бы совершенно безкорыстно стоялъ на стражѣ русскихъ интересовъ.

Вестужевъ одержалъ побѣду надъ французскимъ посломъ, онъ убѣждалъ императрицу, что невозможно руководствоваться совѣтами представителя враждебной намъ державы, и чрезъ полгода по воцареніи Елисавета Петровна принимала Шетарди съ прежнею любезностью, но о дѣлахъ съ нимъ не говорила. Это былъ первый ударъ, второй былъ еще серьезнѣе. На конференціяхъ происходившихъ между представителемъ Швеціи Нолькенымъ и русскими министрами желалъ присутствовать Шетарди и служить посредникомъ при переговорахъ о мирѣ; добивалась этого Швеція. Но наши министры рѣшительно объявили, что французское посредничество не можетъ быть принято, потому что, какъ всему свѣту извѣстно, Франція и Швеція находятся въ тѣсномъ союзѣ и объявлено, что Франція не оставитъ Швеціи въ настоящемъ затруднительномъ случаѣ; понятно, слѣдовательно, что такое посредничество невозможно. Шетарди, надѣявшійся по-своему устроить шведскія дѣла, разсердился и сейчасъ же отправился во дворецъ, вполне увѣренный, что стоить ему только увидать царицу и дѣло его будетъ выиграно. Но императрица заставила его ждать два часа, а затѣмъ, когда онъ былъ, наконецъ, принятъ, его краснорѣчіе и просьбы не имѣли никакого дѣйствія. „Обратитесь къ моимъ министрамъ“, отвѣтила ему Елисавета. Въ досадѣ Шетарди потребовалъ, чтобъ его отозвали, на что въ Парижѣ согласились.

Елисавета Петровна старалась показать, что личныя отношенія и симпатіи не имѣютъ ничего общаго съ политикой и до самаго отъѣзда Шетарди обращалась съ нимъ необыкновенно любезно. Онъ сопровождалъ государыню въ Москву на коронацію и здѣсь она сама назвалась къ нему на ужинъ. Шетарди предвидѣлъ эту фантазію и ежедневно въ его домѣ все было готово для пріема августѣйшей гостыи. Когда пріѣхала государыня, фасадъ дома былъ убранъ цвѣтами, при входѣ били два фонтана вина и три стола были роскошно сервированы. Елисавета Петровна осмотрѣла всѣ комнаты и проходя мимо портрета Людовика XV поклонилась ему и долго съ видимымъ удоволь-

ствіємъ разсматривала его. Въ концѣ ужина она встала и предложила тостъ за здоровье своего брата короля французскаго. На прошальной аудіенціи Шетарди поднесли Андреевскую ленту и множество очень цѣнныхъ подарковъ. Французскій посольскій уѣхалъ лѣтомъ 1742 года въ каретѣ государыни, куда она приказала поставить нѣсколько бутылокъ стараго венгерскаго вина.¹

На мѣсто Шетарди назначили Даліона, бывшаго секретаремъ посольства въ Константинополь, а потомъ въ Петербургѣ. Несмотря на неудачу Шетарди, новому посланнику приказано было побудить Россію къ принятію французскаго посредничества. „Самое важное для насъ, писалъ Амело Даліону, чтобъ Англичане не взяли на себя посредничества и такимъ образомъ не отняли у короля плода всѣхъ его стараній и издержекъ. Я подозреваю, что Бестужевъ способенъ доставить имъ эту выгоду, и что онъ будетъ противиться всѣмъ вашимъ попыткамъ возстановить миръ на Сѣверѣ и устроить тѣсный союзъ съ царницей. Чтобъ устранить это препятствіе, которое будетъ мѣшать каждому нашему шагу, желательно было бы найти средства или погубить столь неблагонамѣренныхъ министровъ, или, по крайней мѣрѣ, подарками склонить ихъ на свою сторону. Но къ сожалѣнію я до сихъ поръ не вижу съ ихъ стороны никакого расположенія къ этому и могу только спросить васъ, какія бы можно было пустить въ ходъ средства, чтобы съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ сломить ихъ сопротивленіе и заставить Россію принять французское посредничество для возстановленія мира со Швеціей и установленія наилучшей системы, способствующей упроченію тишины на Сѣверѣ.“² Даліону не удалось, конечно, сломить сопротивленія неблагонамѣренныхъ русскихъ министровъ, и скоро Елисавета Петровна убѣдилась, что Бестужевъ былъ вполне правъ, отвергнувъ французское посредничество. Мы продолжали съ успѣхомъ войну со Швеціей, и въ 1743 году заключили миръ въ Або, по которому Швеція уступила намъ значительную часть Финляндіи съ городами Фридрихсгамомъ, Вильманстрандомъ, Нейшлотомъ. Миръ этотъ былъ выгоднѣе многихъ другихъ, заключавшихся при помощи французскихъ дипломатовъ.

¹ Пезарекій, стр. 450, 464—465, 484—489. Соловьевъ, *Исторія Россіи* т. XXI, стр. 199—209, 218—219. Vandal p. 163—178.

² Recueil VIII, 395.

XX.

Послѣ мира въ Або наши отношенія къ Франціи измѣняются къ лучшему. Съ одной стороны, между Россіей и Швеціей устанавливаются, повидимому, на долгое время дружественныя отношенія, потому что одинъ принцъ Голштинскій (будущій Петръ III) признанъ наследникомъ русскаго престола, а другой Голштинскій принцъ по настоянію Елисаветы избранъ сеймомъ въ короли шведскіе. Такимъ образомъ Франція могла покровительствовать Швеціи, оставаясь въ дружбѣ съ Россіей. Съ другой стороны, Австрія показала себя очень дурно. Въ августѣ открыли заговоръ, имѣвшій цѣлю возстановить на русскомъ престолѣ брауншвейгскую фамилію; въ заговорѣ этомъ принималъ дѣятельное участіе австрійскій посоль маркизъ Ботта. Марія Терезія медлила дать требуемое отъ нея удовлетвореніе. Въ заговорѣ замѣшанъ былъ и Гюи Дикенсъ, секретарь англійскаго посольства; а съ Англіей мы только-что заключили союзный трактатъ. Все это наводило на мысль, что нельзя полагаться на дружбу Англіи и Австріи и еще болѣе располагало Елисавету Петровну въ пользу Франціи, которой она симпатизировала попрежнему.

Въ то же время Франція болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждалась въ поддержкѣ Россіи. Война за австрійское наследство приняла дурной оборотъ, потому что Фридрихъ Великій заключилъ миръ съ Австріей, большинство нѣмецкихъ князей отпали отъ Франціи, а Голландія и Англія заступались за Марію Терезію. Кардиналъ Флери даже умеръ отъ горя, потрясенный большими неудачами (въ началѣ 1743 года). Твердость русскаго правительства и выгодный миръ со Швеціей также подѣйствовали на парижскій кабинетъ въ благопріятномъ для насъ смыслѣ. Послѣ заключенія мира въ Або Кантемиръ писалъ: „Насколько ваше величество больше славы получаетъ, и насколько основывается тишина въ государствѣ вашемъ и безопасность на будущее время, настолько дворъ здѣшній менѣе доволенъ такою удачею вашей, ибо съ одной стороны предусматриваетъ, что кредитъ французскій на Сѣверѣ долженъ очень убавиться, а съ другой боятся, что ваше величество получаете возможность помочь королеву венгерской, что было бы верхомъ здѣшнихъ несчастій. Этому страху я долженъ приписать усиленное вниманіе ко мнѣ

здѣшняго министерства. Состояніе здѣшнихъ дѣлъ столь плохо, что никакими усиліями не могутъ привести въ безопасность свои границы; государство истощено деньгами и людьми, военныя силы недостаточны, министерство слабое и для такихъ важныхъ дѣйствій неспособное, генералы не искусные, народъ бѣдный и недовольный, король пренебрегаетъ дѣлами.“¹

Въ Парижѣ рѣшили послать въ Петербургъ чрезвычайнаго посла на мѣсто Даліона, котораго считали не довольно искуснымъ. Остановились, конечно, на Шетарди, который просился на старое мѣсто и который представилъ довольно фантастическій проектъ о громадномъ союзѣ между Франціей, Россіей, Швеціей, Даніей, Пруссіей и даже Портой. Однако предостереженія Кантемира и Даліона, указывавшихъ на то, что опасно назначать вторично лицо, которое ненавидятъ русскіе министры, заставили призадуматься французское министерство. Хотѣли послать предварительно Меліера съ секретною миссіей разузнать, какъ примутъ въ Петербургѣ прежняго посла. Но Кантемиръ получилъ отъ своего двора рескриптъ домогаться возможными способами возвращенія маркиза Шетарди въ Россію. Желая угодить Елисаветѣ Петровнѣ. Амело въ сентябрѣ 1743 г. вручилъ маркизу кредитивныя грамоты и инструкцію. Чтобы поставить посла въ болѣе выгодное положеніе и сдѣлать какой-нибудь авансъ Россіи, ему разрѣшено было на аудіенціяхъ, какъ бы по собственной инициативѣ, титуловать Елисавету Петровну императрицей, то-есть сдѣлали уступку, на которую Франція не соглашалась со временъ Петра Великаго, но уступку дѣлали не охотно и съ оговорками. Поэтому заготовили два письма отъ имени Людовика XV къ русской императрицѣ: въ первомъ ее титуловали царицей, во второмъ императрицей и самодержицей. Второе письмо должно было быть вручено только въ томъ случаѣ, если въ Петербургѣ потребуютъ признанія императорскаго титула. Въ инструкціи, данной Шетарди, находимъ слѣдующую курьезную оговорку: „Король—это императоръ во Франціи, первомъ королевствѣ христіанскаго міра; азіатскія и африканскія державы въ письмахъ, трактатахъ и другихъ актахъ всегда признавали это достоинство за французскими королями, и его величество, по примѣру своихъ предшественниковъ, также принимаетъ императорскій титулъ въ сношеніяхъ съ этими державами. Но французскіе короли не ставили своей славы въ этомъ пустомъ

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 273—274.

титулъ; тѣмъ болѣе, что достоинство французскаго короля обезпечиваетъ за ними первое послѣ римскаго императора мѣсто, среди коронованныхъ особъ. Таково преобладаніе французской короны; и если король по особому вниманію къ царицѣ можетъ быть впоследствии признаеть за ней императорскій титулъ, это снисхожденіе короля не должно имѣть никакихъ послѣдствій и на этомъ основаніи русской коронѣ нельзя будетъ претендовать на преобладаніе и на какія-нибудь новыя прерогативы надъ кородемъ и французскою короною; на этомъ основаніи русскимъ министрамъ во Франціи нельзя будетъ заявлять какихъ-нибудь новыхъ претензій, или измѣнять установленный церемоніаль. Шетарди поручали заключить союзный трактатъ съ Россіей, а также торговый трактатъ, по которому бы французскіе купцы получили какія-нибудь преимущества предъ англійскими. ¹

Инструкція была совершенно излишнею для предприимчиваго маркиза, онъ составилъ свой собственный планъ дѣйствій, не имѣвшій ничего общаго съ указами правительства. Возвращаясь въ Россію, говоритъ Вандаль, онъ отправился на войну. Русскій союзъ представлялся ему завоеваніемъ, крѣпостью, которую надо взять приступомъ. „Надо завоевать Россію, говорилъ онъ. Невоздержный характеръ, отчаянное честолюбіе, ненависть къ Бестужеву, какъ будто лишили его разсудка; планъ, имъ составленный, отличался смѣлостью, превосходящею предѣлы возможнаго. Онъ собирался тотчасъ по пріѣздѣ стать въ явно враждебныя отношенія къ русскимъ министрамъ, не дѣлать имъ визитовъ и не говорить съ ними. Но представитель иностранной державы не могъ не имѣть никакихъ сношеній съ министрами двора, у котораго онъ аккредитованъ. Поэтому Шетарди рѣшилъ явиться не въ качествѣ посланника, а частнымъ лицомъ. Всѣ будутъ знать, что у него въ карманѣ кредитивныя грамоты, но до поры до времени онъ не представитъ ихъ. Елисавета Петровна, несмотря на это, захочетъ его видѣть и призоветъ къ себѣ. Въ интимныхъ бесѣдахъ онъ съумѣетъ вернуть свое вліяніе на государыню, докажетъ ей неспособность Бестужева и добьется его паденія. Послѣ того, какъ онъ сдѣлается другомъ царицы, онъ вступитъ официально въ исправленіе своихъ обязанностей и блестящимъ образомъ исполнитъ свою миссію.

Шетарди отправился чрезъ Стокгольмъ, чтобы ближе познако-

¹ Recueil, VIII, 409—426.

миться съ Швеціей, и медленно пробираясь по Финляндіи, вспомнилъ, что скоро 25 ноября, день вступленія на престолъ Елисаветы Петровны. Ему хотѣлось непременно быть въ этотъ день въ Петербургѣ, онъ былъ увѣренъ, что по такому случаю императрица приметъ его безъ обычныхъ формальностей; она пригласитъ его отпраздновать славный день, когда онъ игралъ не послѣднюю роль. Къ несчастію случилась оттепель, и дороги стали почти непроѣзжими. Это однако не могло остановить смѣлаго маркиза. Онъ бросаетъ свою многочисленную свиту и свои экипажи, достаетъ себѣ деревенскія сани, садится въ нихъ и ѣдетъ въ Петербургъ по морю грязи и снѣга. Въ теченіе трехъ дней онъ семь разъ падаетъ изъ саней; сопровождавшій его секретарь ломаетъ себѣ руку и отстаетъ по дорогѣ; лошади падаютъ, но Шетарди продолжаетъ путь. Въ ночь на 25 ноября онъ останавливается на берегу Невы, почти противъ Петербурга. Ему надо перебраться черезъ рѣку, а перебраться нельзя: Нева покрыта большими льдинами. Нѣсколько солдатъ устраиваютъ ему переправу черезъ одинъ рукавъ, а дальше Шетарди, рискуя жизнью, плыветъ въ лодкѣ среди льда. Добравшись до противоположнаго берега, онъ идетъ пѣшкомъ и въ полдень подходитъ къ окраинѣ Петербурга. Тутъ встрѣчаютъ его три коляски, присланныя императрицей, узнавшей объ его приѣздѣ.

Шетарди приѣхалъ въ тотъ день, когда хотѣлъ, но приемъ во дворцѣ уже окончился. Тѣмъ не менѣе, надежды его оправдались. Онъ слѣдующимъ образомъ рассказываетъ о своемъ первомъ свиданіи съ Елисаветой Петровной: „Царица избавила меня отъ сожалѣнія, что мнѣ утромъ не удалось принять участіе въ радости, какую всѣ старались выразить по поводу годовщины ея вступленія на престолъ. Вполнѣ увѣренная, что я сдѣлалъ все на свѣтѣ, чтобы поспѣть къ этой минутѣ, она не хотѣла, чтобы замедленіе въ нѣсколько часовъ лишило меня возможности выказать ей мое почтеніе. Хотя вечеромъ не было приѣма во дворцѣ, она дала мнѣ знать, что если я отправлюсь къ Брюкнеру, гофмаршалу принца голштинскаго, можетъ-быть я вслѣдствіе какой-нибудь случайности увижу ее. Я пришелъ туда въ 7 часовъ и оставался до девяти. Царица была со мной крайне любезна. Чтобы возбудить въ царицѣ чувства, которыя я знаю можно пробудить въ ней, льстя ея самолюбію, я напомнилъ ей о томъ, что она при моемъ отъѣздѣ поручила мнѣ передать королю.— Король, прибавилъ я, когда отошли кресты Бестужева, пору-

члѣмъ мнѣ сказать вамъ, какъ онъ тронуть вашимъ вниманіемъ. Король надѣется, что вы не сомнѣваетесь въ дѣйствіи, какое произвели на него ваши слова, тѣмъ болѣе, что онъ со своей стороны не забылъ обстоятельствъ 1725 года ¹, и что эти обстоятельства оставили въ его сердцѣ неизгладимый слѣдъ. По этой причинѣ король убѣжденъ, что вы примете его портретъ съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ онъ посылаетъ его. Царлица покраснѣла; но скромность скоро уступила мѣсто радости, которой она не могла скрыть.“ ²

Первое благопріятное впечатлѣніе придало храбрости маркизу, и онъ принялся за дѣло. Въ то время боролись между собою двѣ партіи, о которыхъ Екатерина Великая рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующее: „Русскій дворъ въ то время, когда Екатерина съ матерью прибыла въ Москву 9 февраля 1744 года, раздѣленъ былъ на двѣ большія партіи. Во главѣ первой, начинавшей подниматься послѣ своего униженія, находился вице-канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Его несравненно болѣе боялись, чѣмъ любили; онъ былъ чрезвычайно пронырливъ и подозрителенъ, твердъ и непоколебимъ въ своихъ мнѣніяхъ, довольно деспотиченъ, врагъ неумолимый, но другъ друзей своихъ, которыхъ не покидалъ, пока они сами не измѣняли ему; къ тому же неуживчивъ и часто мелоченъ. Онъ стоялъ во главѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ на сторонѣ дворовъ вѣнскаго, саксонскаго и англійскаго. Пріѣздъ Екатерины и ея матери все не былъ ему приятенъ: это было дѣло противной ему партіи, устроенное въ тайнѣ отъ него. Число враговъ графа Бестужева было весьма велико, но онъ заставлялъ трепетать всѣхъ ихъ. Онъ превосходилъ ихъ и занимаемымъ мѣстомъ, и своимъ характеромъ, безконечно возвышавшими его надъ политиками лакейской. Партія противная Бестужеву была за Францію, покровительствуемую ею Швецію и за прусскаго короля. Душею этой партіи былъ маркизь де-ла-Шетарди; главнѣйшими членами—придворные, пріѣхавшіе изъ Голштиніи. Они привлекли къ себѣ Лестока, одного изъ главныхъ дѣятелей въ переворотѣ, возведшемъ императрицу Елисавету на русскій престолъ. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ императрицы. Онъ былъ ея вра-

¹ Въ 1725 г. шли переговоры о бракѣ Людовика XV съ Елисаветой Петровной.

² Vandal, p. 186—188.

чемъ по смерти Екатерины I, при которой состоялъ; онъ оказывалъ важныя услуги матери и дочери; онъ былъ довольно уменъ, ловокъ, хитеръ, но злаго нрава и чернаго, дурнаго сердца. Всѣ эти иностранцы поддерживали и выводили впередъ графа Михаила Воронцова, который участвовалъ въ переворотѣ и сопровождалъ Елисавету въ ту ночь, когда она взошла на престолъ. Елисавета женила его на племянницѣ императрицы Екатерины I, графинѣ Аннѣ Карловнѣ Скавронской, воспитанной вмѣстѣ съ императрицей Елисаветой и весьма ей преданной. Къ этой же партіи примкнулъ графъ Александръ Румянцевъ, заключившій миръ въ Або. Они рассчитывали еще на генераль-прокурора кн. Трубецкаго и на всю фамилію Трубецкихъ. Остальные приближенные императрицы принадлежали тогда къ фамиліи Шуваловыхъ. Они соперничали съ оберъ-гофмейстеромъ Разумовскимъ, который въ то время былъ титулованнымъ фаворитомъ. Графъ Бестужевъ умѣлъ пользоваться Шуваловыми, но главною опорой былъ баронъ Черкасовъ, кабинетъ-секретарь императрицы, служившій еще при кабинетѣ Петра I. Это былъ человѣкъ суровый и угрюмый, требовавшій во всемъ порядка и справедливости. Остальные придворные присоединялись къ той или другой партіи, смотря по личнымъ видамъ.“

Екатерина Великая, не любившая Бестужева, можетъ-быть преувеличила нѣкоторыя несимпатичныя черты его характера, но во всякомъ случаѣ она отдавала ему справедливость, какъ государственному дѣятелю, и несмотря на сплетни, распускавшіеся его врагами, утверждала, что Бестужева полкупить нельзя. Очень вѣрно оцѣнилъ этого выдающагося министра г. Бильбасовъ. „Царедворцы, стоявшіе у трона Елисаветы Петровны, говорить онъ, представляли, какъ всегда и вездѣ, довольно пеструю толпу, добровольно отрекшуюся отъ собственной воли, обезличившую себя, ради богатства, почести, власти, которыхъ они не заслуживали ни по уму, ни по трудамъ, ни по образованію. Тутъ были свои, русскіе люди, и чужестранцы, ради выгодъ измѣнившіе своей родинѣ; люди знатные, родившіеся съ Рюрикомъ, и выскочки, не помнившіе родства и не любившіе вспоминать о своемъ происхожденіи; тутъ иностранныя дипломаты мѣшались съ русскими сановниками, между которыми были и даровитые, и талантливые, но сгубившіе дары Божіи невѣжествомъ и угодливостью. Надо всемъ царить и властвовать подобострастіе и низкопоклонство, составляющія единственную ихъ заслугу и наложив-

шія на них свою отверженную печать. И почестей, и власти, и богатства они достигли не услугами отечеству и не пользой родинѣ, но нечистыми средствами и темными путями. У нихъ нѣтъ собственнаго мнѣнія и не было природной чести; своя польза и личная выгода заставляютъ ихъ мнѣнять свои убѣжденія и не дорожить честью. Даже въ присутствіи императрицы эта разноязычная и разношерстная толпа угодливо разступалась и невольно преклоняла головы при появленіи графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Тихою увѣренной поступью, съ приподнятою слегка головой, скромно выступалъ онъ въ толпѣ, которая такъ же страшилась и ненавидѣла его, какъ онъ презиралъ и не щадилъ ее. Онъ одинъ изъ всей этой толпы достигъ своего высокаго положенія личнымъ усиленнымъ трудомъ, полученнымъ имъ образованіемъ и честною службой родинѣ; его одного изъ всей этой смѣси лицъ отличилъ и отмѣтилъ Петръ Великій, брилліантовый портретъ котораго украшаетъ его грудь. Одинъ онъ не кривя душой смѣло высказывалъ свои мнѣнія и Петру I и его дочери Елисаветѣ Петровнѣ; одинъ онъ имѣлъ право передъ смертію начертать свой девизъ: *semper idem*. У него были недостатки, были и пороки—онъ былъ сыномъ вѣка; но у него были и достоинства, которыя ставили его головой, двумя, выше сыновъ того вѣка. Это былъ вполнѣ Европеецъ, свободно объяснявшійся на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; онъ хорошо зналъ дипломатическую исторію Европейскихъ державъ, былъ свѣдущъ въ наукахъ. Всякій политическій вопросъ, требовавшій рѣшенія, Бестужевъ старался рассмотреть съ всѣхъ сторонъ, обсудить даже побочныя обстоятельства, уяснить ближайшія цѣли и отдаленнѣйшія послѣдствія, и когда послѣ такой работы принималъ извѣстный планъ, то проводилъ его твердою рукой, ни предъ чѣмъ не останавливаясь, ни для кого не уступая.“¹

Партію, противную Бестужеву, слѣдуетъ назвать иностранною и антинаціональною. Главными врагами канцлера были Мардефельдъ, Брюммеръ, княгиня Цербстская, Лестоковъ и Шетарди. Всѣ эти лица хлопотали, чтобы Россія присоединилась къ Пруссіи и всѣми покинутая Австрія не въ состояніи была бороться съ возрастающимъ могуществомъ Фридриха Великаго и Людовикомъ XV. Но для этого надо было устранить Бестужева, неуклонно слѣдовавшаго политикѣ петровскаго времени и пользовавшагося

¹ Бильбасовъ, *Исторія Екатерины Второй*, т. I, стр. 65—69.

довѣріемъ императрицы. Естественноъ было, что этого добивался прусскій посланникъ Мардефельдъ, получившій отъ своего правительства приказаніе привлечь Россію къ франко-пруско-шведскому союзу. Понятно также, что на его сторону тянуль Брюмеръ, гофмаршалъ и воспитатель голштинскаго принца и наслѣдника русскаго престола Петра Ѳедоровича. Княгиня Цербетская Іоганна, мать Софіи Фридерики (будущей Екатерины), благоговѣла предъ Фридрихомъ Великимъ и добровольно приняла на себя некрасивую роль прусскаго шпиона. Она старалась уничтожить Бестужева, потому что бракъ ея дочери съ русскимъ наслѣдникомъ не былъ еще окончательно рѣшенъ и противъ него возставалъ канцлеръ. Лестоку дѣйствовалъ изъ личнаго разсчета, онъ получалъ за свои услуги пенсію отъ французскаго правительства и старался не потерять ее. Мы видѣли уже на чѣмъ надѣялся Шетарди; Бестужевъ былъ для него важною помѣхой, пока существовалъ этотъ канцлеръ, одаренный желѣзною волей, французскій посолъ не могъ играть первой роли и распоряжаться какъ угодно судьбами русскаго государства, которое онъ желалъ привести въ прежнее ничтожество.

Нужно было доказать императрицѣ, что Бестужевъ неспособный министръ и ведетъ Россію по ложному пути. Поэтому всѣчески старались распространить слухъ, будто канцлеръ подкупленъ Австріей и Англійей. Особенно пригоденъ могъ быть въ данномъ случаѣ Лестоку, которому чаще другихъ приходилось бесѣдовать наединѣ съ императрицей. Шетарди писалъ своему министерству, что Лестоку дѣлалъ слѣдующія внушенія Елисаветѣ Петровнѣ: „Уже давно бы вамъ слѣдовало понять, говорилъ онъ ей,—что Бестужевъ плутъ и что онъ и не Русскій и не слуга вашего величества. Петръ Великій, который на все смотрѣлъ собственными глазами и который зналъ больше чѣмъ его подданные, вмѣстѣ взятые, имѣлъ для иностранныхъ дѣлъ такихъ людей какъ Головинъ, Остерманъ, Толстой, Шафировъ, Долгорукій, а вы не даете себѣ труда, какъ онъ, читать всѣ документы. Вы вполне отдались въ руки одного человѣка, который извѣстный плутъ. Развѣ у васъ не хватаетъ подданныхъ? Пусть вашъ канцлеръ докажетъ, что отъ прекраснаго трактата съ Англійей, который онъ заключилъ, и отъ другихъ, которые онъ заставилъ васъ подписать,—государство получило выгоды хоть на одинъ рубль, и я возьму назадъ свои слова. Вы относитесь съ пренебреженіемъ къ вашимъ настоящимъ друзьямъ, и нѣкоторые изъ нахо-

дящихся здѣсь иностранныхъ министровъ ни о чемъ не могутъ договориться съ вами только изъ-за того, что канцлеръ ихъ врагъ, а между тѣмъ они могли бы принести большую пользу и вамъ и государству. Всѣ ваши подданные смѣются, что въ иностранныхъ дѣлахъ ими руководить глухой человѣкъ. Развѣ вашъ канцлеръ не выказываетъ своей глупости, когда онъ нашептываетъ вамъ, что надо остерегаться хитростей Франціи, тогда какъ онъ не имѣетъ на это никакихъ доказательствъ, и вы, напротивъ, должны быть убѣждены въ расположеніи Франціи.“¹ Изъ этого письма видно, что Шетарди очень преувеличивалъ значеніе Лестока, тотъ хвастался, а маркизъ вѣрилъ ему. Положимъ, что Елисавета Петровна мало занималась государственными дѣлами и была недостаточно подготовлена къ этому, но главная ея заслуга заключается въ выборѣ способныхъ лицъ. Такимъ лицомъ былъ Бестужевъ; ему она довѣрила веденіе иностранной политики, въ которую почти не вмѣшивалась, и невѣроятно, чтобы Лестокъ посмѣлъ такъ грубо отзываться о первомъ сановникѣ въ государствѣ. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что Лестокъ, по наущенію Шетарди, всячески старался поколебать довѣріе императрицы къ Бестужеву.

Шетарди прибѣгъ и къ другому излюбленному средству дипломатовъ прошлаго вѣка: онъ подкупалъ всѣхъ сколько-нибудь вліятельныхъ лицъ, которыхъ только можно было подкупить; онъ внушалъ своему правительству, что не надобно жалѣть денегъ. что кромѣ Лестока, которому онъ увеличилъ пенсію на 2.000 рублей, кромѣ двухъ дамъ, надобно подкупить духовника императрицы и членовъ синода, по ихъ вліянію на суевѣрную Елисавету. Наконецъ, Шетарди старался найти такое лицо, которое изъ честолюбія согласилось бы погубить Бестужева и стать на его мѣсто. Маркизъ внушилъ Брюммеру, Лестоку и Мардефельду, что въ настоящее время Воронцовъ пользуется полнымъ довѣріемъ императрицы, и поэтому не надо упускать ни минуты для привлеченія его на свою сторону, иначе Бестужевъ возьметъ верхъ. Пусть Лестокъ забудетъ о своихъ дурныхъ отношеніяхъ къ Воронцову и объявитъ ему, что онъ постоянно пыталъ къ нему дружеское расположеніе, но не могъ имѣть къ нему довѣрія, видя его преданнымъ Бестужеву, злему врагу императрицы и голштинскаго дома. Такимъ заявленіемъ легче будетъ открыть глаза

¹ Recueil, VIII, 429.

Воронцову насчетъ канцлера, а потомъ возбудить его честолюбіе, указавъ на возможность для него быть великимъ канцлеромъ и употребить его орудіемъ для низверженія Бестужева. Лестовъ и Брюнмеръ объявили, что они со своей стороны готовы дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, и Мардефельдъ, не теряя времени, отправился къ Воронцову закидывать свои сѣти. „Я пріѣхалъ къ вамъ, началъ онъ говорить Воронцову, чтобъ открыть тайну моего сердца. Я не могу безъ сердечной боли выносить того положенія дѣлъ, въ которомъ находится Россія, и единственный способъ помочь бѣдѣ, это ваше вступленіе въ министерство. Искренность вашихъ намѣреній и доброта вашего сердца будутъ вами руководить лучше и надежнѣе всякаго знанія и опытности въ дѣлахъ, и потому императрица найдетъ въ васъ помощь, которая отвратитъ приготавлиемая ей опасности. Она нашла бы сильную помощь и въ дружбѣ короля, моего государя: но теперь насъ стараются ссорить. Вице-канцлеръ явно объявилъ себя противъ насъ, и я вамъ объявляю, что и я его болѣе жалѣть не буду. Объявляю вамъ, что пока онъ одинъ управляетъ иностранными дѣлами, мой дворъ не будетъ имѣть никакого довѣрія ко всему тому, что бы императрица ни дѣлала и мнѣ ни говорила.“ „Изъ этого выходитъ, замѣтилъ Воронцовъ, что его надобно отправить къ какому-нибудь иностранному двору или опредѣлить больше членовъ въ совѣтъ иностранныхъ дѣлъ, а если и одинъ съ нимъ буду, то онъ и меня погубитъ, когда онъ такой человѣкъ, какимъ вы мнѣ его описываете.“ „Первый путь самый разумный, отвѣчалъ Мардефельдъ, но и во второмъ случаѣ, кого бы вы ни опредѣлили, они всегда будутъ зависѣть отъ насъ, потому что вы пользуетесь довѣріемъ императрицы; сначала они помогутъ вамъ своею опытностью, а потомъ вы и безъ нихъ можете обойтись. По своей дружбѣ къ вамъ я обязанъ и то вамъ замѣтить, что вы должны упрочивать свое счастье.“¹

Бестужевъ зорко слѣдилъ за дѣйствіями французскаго посла и выжидалъ той минуты, когда онъ соберетъ достаточно вѣскія доказательства, чтобъ его погубить. Шетарди зналъ, что его письма вскрываются, а потому писалъ обыкновенною азбукой тѣ мѣста, которыя желалъ бы показать русскому двору, секретныя же извѣстія шифровалъ, воображая, что его замысловатаго шифра никто не можетъ разгадать. На самомъ же дѣлѣ это было не

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 317, 319—320.

такъ: почтдиректоръ Ашъ доставлялъ Бестужеву донесенія и частныя письма Шетарди, а статскій совѣтникъ Гольдбахъ разбиралъ шифрованныя мѣста. Послѣдній хвастался своимъ искусствомъ: распечатаетъ письмо, прочтетъ, если нужно спишетъ и дешифрируетъ, а между тѣмъ „ни кувертъ не поврежденъ, ни на подлинномъ цыфирные пассажи литерами не выписаны“. Прошло полгода съ прибытія Шетарди, и Бестужевъ подалъ императрицѣ записку, въ которой объяснялъ, что есть предѣлы, въ которые иностранные послы безъ лишенія своего права вступаться не должны. Это 1) поношеніе священныхъ государевыхъ персонъ, качествъ или склонностей ихъ. 2) Всякое народное противу государя возмущеніе, подкушеніе чужихъ подданныхъ и заведеніе тамъ себѣ партій и слѣдственно опроверженіе ему противной, яко такія переимѣны единственно въ государевой волѣ состоятъ имѣютъ. 3) Посылка о состояніи того государства, въ которомъ онъ резидуетъ, ко двору своему ругательныхъ и предосудительныхъ реляцій. Бестужевъ приводилъ примѣры изъ европейской и русской исторіи, доказывающіе, что иностранные послы, провинившіеся по указаннымъ пунктамъ, безо всякой церемоніи высылались.

„Находящійся нынѣ здѣсь войскъ французскихъ бригадиръ Шетардій, продолжалъ канцлеръ, противу всѣхъ трехъ вышеоглавленныхъ пунктовъ (кромя народнаго возмущенія) такъ погрѣшилъ, что онъ наивнѣйшему обруганію самъ себя подвергнулъ. Поэтому Бестужевъ предлагалъ: 1) послать нарочнаго курьера въ Парижъ и объявить французскому министерству, что истинное ея императорскаго величества къ королю почитаніе удержало ея величество съ помянутымъ Шетардіемъ такъ поступить, какъ онъ виною и знатнымъ своимъ погрѣшеніемъ заслужилъ; по особливой къ королю аттенціи и консидараціи определено ему немедленно выѣхать изъ Имперіи и никогда въ оную не вѣзжать. 2) Поручить всѣмъ нашимъ посламъ при чужестранныхъ дворахъ объявить о причинѣ высылки Шетарди. 3) Два или три дня послѣ отъѣзда помянутаго курьера послать къ нему, Шетардію, въ домъ двухъ довѣренныхъ персонъ сказать, что единое великодушіе и щедроты ея величества удержали съ него кавалерію снять и по винамъ его достойно не поступить, но приказано ему только выѣхать изъ города въ 24 часа.“

Въ доказательство Бестужевъ представилъ въ русскомъ переводѣ около пятидесяти депешъ и частныхъ писемъ Шетарди. Изъ этой корреспонденціи было ясно, что французскій посолъ

интриговалъ противъ канцлера, что онъ подкупами составлялъ себѣ партію. Но всего больше подѣйствовало на императрицу то обстоятельство, что постоянно льстившій ей маркизь отзывался о ней очень неодобрительно. Въ довольно неуложимъ переводѣ прочла она слѣдующія фразы, которыя я вновь перевожу съ оригинала: „Легкомысліе царицы таково, что надо считать большимъ пріобрѣтеніемъ, если кому удастся заставить ее исполнить хоть часть дѣлъ, которыя клонятся къ ея собственной выгодѣ.“ „Здѣсь принято до такой степени уединяться во время поста и заниматься наружнымъ благочестіемъ, что въ это время нельзя видѣть царицу, и она отказывается давать аудіенціи, не откладывая которыя было бы въ ея интересахъ. Еслибъ она лучше умѣла соединять обязанности христіанки, съ обязанностями государыни, этого неудобства не было бы. Этому злу нельзя помочь, пока царица, преданная исключительно удовольствіямъ и пріобрѣтая все большее и большее отвращеніе къ дѣламъ, не будетъ имѣть вѣрныхъ министровъ, полагаясь на которыхъ она могла бы отдыхать отъ управленія государствомъ.“ „Надо быть на мѣстѣ, чтобы повѣрить, что всѣ ея занятія заключаются въ забавахъ бездѣлушками, безумномъ наслажденіи мѣнять туалетъ по четыре и по пяти разъ въ день, въ удовольствіи видѣть себя окруженной лакействомъ (valetaille, „подлымъ сбродомъ“ по современному переводу). Зло, проистекающее отъ этого очень велико. Мысль о малѣйшемъ дѣлѣ страшитъ и пугаетъ ее. Примѣры, когда она подписывала бумаги не зная ихъ содержанія и когда впоследствии ей указывали на происшедшій отъ этого вредъ, не могутъ побѣдить ея лѣни, которая заставляетъ ее оставлять всѣ дѣла въ пренебреженіи. Эта лѣнь и страхъ, что новые министры не позволятъ ей предаваться безпечности, дѣлаютъ ее рабой привычки подчиняться канцлеру. Развѣ безъ этого было бы возможно, чтобы она оставляла министра, о которомъ она говорила мнѣ больше дурнаго, чѣмъ я сталъ бы говорить о злѣйшемъ врагѣ?“

Эти мѣста произвели сильное впечатлѣніе на Елисавету Петровну; она не могла больше видѣть друга въ Шетарди. Онъ вмѣшивается не въ свои дѣла, занимается шпионствомъ и подкупами. Императрица попросила сутки на размышленіе, на другой день она приняла предложенія Бестужева. 6 іюня 1744 г. въ половинѣ шестаго утра на квартиру маркиза Шетарди явились—генералъ Ушаковъ, князь Петръ Голицынъ, двое чиновни-

новъ иностранной коллегіи Веселовскій и Неплюевъ, и секретарь коллегіи Курбатовъ. Въ переднюю вышелъ къ нимъ служитель и сказалъ, что Шетарди боленъ и всю ночь не спалъ; но когда они настоятельно требовали свиданія, Шетарди вышелъ въ парикъ и шлафрокъ. Генераль Ушаковъ объявилъ ему, что присланъ къ нему въ домъ по ея императорскаго величества указу, для нѣкотораго объявленія; секретарь Курбатовъ прочелъ изготовленную декларацію, по которой Шетарди велѣно было выѣхать изъ Россіи въ 24 часа. Шетарди сказалъ, что желаетъ видѣть доказательства, на которыя опирается декларація. Курбатовъ прочелъ извлеченія изъ его собственныхъ писемъ, Шетарди не сталъ ихъ оспаривать и сказалъ, что ему нечего другаго дѣлать, какъ какъ только исполнить волю государыни. „При происшествіи всего вышеписаннаго, говорится въ рапортѣ Ушакова,—явно было, что онъ, Шетарди, сколь скоро генерала Ушакова увидалъ, то онъ въ лицѣ перемѣнился; при прочтеніи экстракта столь конфузенъ былъ, что ни слова въ оправданіе свое сказать или что-либо прекословить могъ; на оригиналы токмо взглянулъ и, увидя свою руку, ниже больше смотрѣть не хотѣлъ, будучи при всемъ томъ весьма смутенъ, и образъ лица его, такожь и неокончаемыя рѣчи и дрожащій голосъ, показуя его вину и робость, якоже и видно было, что тяжчайшаго съ нимъ поступка по винѣ своей ожидалъ.“

Въ домѣ Шетарди оставили подпоручика Измайлова съ командой; ему приготовили экипажи и подводы, и гордый маркизъ выѣхалъ, какъ ему было приказано, не откланявшись государынѣ и ни съ кѣмъ не простившись. Вестужевъ торжествовалъ побѣду. „Изъ приложенной при семъ копіи, писалъ онъ Воронцову,—умотрѣть изволите благополучное окончаніе комиссіи Ушакова, чѣмъ имѣя честь поздравить, по истинѣ доношу, что такой въ Шетарди конфузій и торопости никогда не ожидали. Въмѣсто того чтобы свѣтлымъ умомъ своимъ при семъ случаѣ дѣйствовать, самъ оуптался собственнымъ признаніемъ и послѣдними своими словами показавъ, что вящаго надъ собою ожидалъ. Конфузія его была велика: не опомнилъ, ни сѣсть попотчивалъ, ниже что малѣйшее въ оправданіе свое принести; стоялъ потупя носъ и во все время сопѣлъ, жалуюся немалымъ кашлемъ, которымъ и подлинно неможеть. По всему видно, что онъ никогда не чаялъ, дабы столько противу его доказательствъ было собрано, и когда оныя услышалъ, то еще болѣе присмирѣлъ, а оригиналы когда

показаны, то своею рукой закрылъ и отвернулся, глядѣть не хотѣлъ.“¹

Бестужевъ закончилъ свою записку о высылкѣ Шетарди слѣдующими словами: „симъ способою, видится, можно отъ него, Шетардія, безъ явной съ Франціей ссоры освободиться; а что они за это мстить не оставятъ, сіе безсумнительно, и только та рознь будетъ, что вмѣсто того, дабы интриги свои, какъ то понынѣ чинили, весьма скрытно содержать, безъ толикаго менажменту производить стануть, и слѣдовательно толь лучшимъ успѣхомъ противу оныхъ остерегаться и ни во что обращать возможно будетъ“. Однако Бестужевъ ошибался; французское правительство было недовольно образомъ дѣйствія своего посла. Ему нѣсколько разъ приказывали представить свои кредитивныя грамоты; онъ не слушался и такимъ образомъ не исполнилъ возложеннаго на него порученія. Онъ не передалъ письма, на которомъ былъ прописанъ императорскій титулъ Елисаветы Петровны и, кромѣ того, онъ лишилъ французское правительство возможности заступиться за него, какъ за своего представителя, потому что жилъ въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ. За это его постигла немилость: король запретилъ ему являться ко двору и приказалъ жить въ своемъ имѣніи.

XXI.

Послѣ высылки Шетарди король назначилъ вновь посломъ при русскомъ дворѣ Даліона, возвратившагося въ Парижъ послѣ ссоры съ Шетарди. Въ инструкціи, данной Даліону, помѣщено официальное неодобреніе дѣйствіямъ прежняго посла. „Вице-канцлеръ Бестужевъ, читаемъ въ этомъ документѣ, приобретающій все большее и большее довѣріе царицы, сумѣлъ ловко убѣдить ее, что слѣдуетъ подождать, пока маркизь Шетарди предъявитъ свои кредитивныя грамоты и сдѣлаетъ ему первый визитъ, согласно съ обычаемъ, принятымъ при всѣхъ дворахъ; онъ уговорилъ царицу избѣгать всякаго разговора о дѣлахъ въ интимныхъ свиданіяхъ, которыя она разрѣшала маркизу. Король предвидѣлъ съ самаго начала затрудненіе, въ какое попадетъ

¹ Архивъ князя Воронцова, т. I, стр. 457—617, т. II, стр. 4—5. Recueil VIII, стр. 430—440.

Шетарди, упорствуя въ нежеланіи выказать вице-канцлеру Бестужеву вниманіе, должное занимаемому имъ посту и довѣрію, которымъ удостоиваетъ его царица. Король нѣсколько разъ повторялъ ему приказаніе исполнить, наконецъ, необходимыя формальности и занять должность, которая ему поручена, такъ какъ онъ считалъ, что Шетарди можетъ служить ему съ пользою только тогда, когда, признанный французскимъ посломъ, онъ въ состояніи будетъ вести переговоры съ царицей и ея министрами. Король надѣялся, что это будетъ средствомъ показать царицѣ самымъ очевиднымъ образомъ, каковы его чувства къ ней и до какой степени король расположенъ выказать ей самое высокое почтеніе, такъ какъ, оставляя соображенія, которыя мѣшали ему признать за прежними царями императорскій титулъ, король разрѣшилъ маркизу Шетарди публично признать царицу императрицей всея Россіи и великодушно далъ ей этотъ титулъ въ кредитивныхъ грамотахъ, которыя Шетарди долженъ былъ поднести царицѣ на первой же аудіенціи. Изъ донесеній Шетарди король не усмотрѣлъ, какія у него были причины откладывать со дня на день исполненіе приказанія правительства; это особенно непонятно въ виду того, что онъ могъ не только принести пользу королю и его союзникамъ, но еще вмѣнить себѣ въ особую услугу при русскомъ дворѣ, что онъ первый изъ подданныхъ короля даетъ царицѣ титулъ, котораго она домогалась больше всего, какъ дочь царя Петра I; царь этотъ торжественно провозгласилъ себя императоромъ всея Россіи, считая, что этотъ титулъ, присвоенный навсегда его потомству, достойная награда за то, что онъ имѣлъ храбрость сдѣлать славнымъ миромъ, дарованнымъ своему народу послѣ двадцатилѣтней войны, доставившей ему нѣсколько значительныхъ провинцій. Король приказалъ написать Шетарди еще разъ, чтобъ онъ, наконецъ, представилъ свои кредитивныя грамоты, когда онъ узналъ о повелѣніи царицы данномъ Шетарди удалиться изъ Россіи; повелѣніе это указывало на то, что онъ забылся до такой степени, что разными интригами старался составить себѣ партію при этомъ дворѣ и испровергнуть министерство и даже не съ должнымъ уваженіемъ относился къ царицѣ. Болѣе продолжительное его пребываніе въ Россіи, вмѣсто того, чтобъ укрѣпить дружбу существовавшую между двумя дворами, могло бы, напротивъ, причинить охлажденіе и недоразумѣнія между ними. Поступая такъ слабо съ маркизомъ Шетарди, который по своему возвращеніи

въ Петербургъ былъ только частнымъ лицомъ, царица руководствовалась исключительно желаніемъ поддерживать дружбу съ королемъ. Всѣ эти обстоятельства въ высшей степени удивили короля. Онъ не могъ ожидать, что Шетарди покроетъ себя позоромъ и будетъ изгнанъ изъ Россіи съ такимъ скандаломъ. Это было діаметрально противоположно приказаніямъ короля, повторявшаго нѣсколько разъ Шетарди, что онъ долженъ вести себя такъ, чтобы, пріобрѣтая расположеніе царицы, способствовать заключенію союза, дружбы и прямыхъ торговыхъ сношеній между французскою и русскою націей. Но теперь не время обсуждать, почему Шетарди при своемъ возвращеніи не заслужилъ милости царицы, прежде осыпавшей его благодѣяніями. Достаточно того, что она публично выразила свое недовольство, и король не можетъ сомнѣваться, что она не прибѣгла бы къ такой крайней мѣрѣ, еслибы Шетарди не провинился по отношенію къ ней. Такъ какъ Шетарди въ теченіе шести мѣсяцевъ, что онъ провелъ при русскомъ дворѣ, не предъявилъ кредитивныхъ грамотъ и можно было сомнѣваться, сдѣлаетъ ли онъ это впослѣдствіи, такъ какъ позоръ падаетъ исключительно на его личность, а не на французскаго посла, каковымъ онъ не былъ, и такъ какъ изъ деклараціи, предъявленной всѣмъ дворамъ, видно, что царица ясно отличаетъ, что касается лично Шетарди, и выражаетъ желаніе находится въ дружбѣ съ королемъ, король не усомнился дать тотчасъ же приказаніе г. Даліону отправиться безъ малѣйшаго замедленія и вновь исполнять въ Россіи обязанности полномочнаго министра и свезти царицѣ увѣренія, что намѣреніе короля — поддерживать дружбу со столь совершенною принцессой. Поэтому король вручаетъ г. Даліону кредитивныя грамоты, въ которыхъ онъ титулуетъ царицу императрицей всея Россіи.“

Даліону поручалось на первой же аудіенціи выразить Елисаветѣ Петровнѣ, какое расположеніе питаетъ къ ней король и какъ онъ сожалѣетъ о назначеніи Шетарди, такъ плохо исполнившаго возложенное на него порученіе. Далѣе новый посланникъ долженъ былъ хлопотать о заключеніи тройственнаго союза между Россіей, Швеціей и королемъ прусскимъ; къ этому союзу могла бы присоединиться и Франція. Крімъ того, по инициативѣ морскаго министра, Даліону было дано еще порученіе. „Выгоды, говорится въ отдѣльной инструкціи, какія доставляетъ Англіи, Голландіи и другимъ націямъ торговля въ Россіи фран-

цузскими товарами и во Франціи русскими не позволяют сомнѣваться, насколько прибыльна можетъ быть прямая торговля Русскихъ съ Французами.“ Поэтому Даліону поручалось навести справки, на какихъ основаніяхъ торгуютъ въ Россіи другіе народы, и по возможности добиться для Франціи торговыхъ привилегій. ¹

Первое впечатлѣніе вынесенное Даліономъ въ Петербургѣ было благопріятно. На торжественной аудіенціи онъ поднесъ Елисаветѣ Петровнѣ кредитивныя грамоты, въ которыхъ находилось признаніе императорскаго титула; императрица не скрыла своей радости и наградила посла Андреевскою лентой. Онъ надѣялся, что ему придется имѣть дѣло съ самою Елисаветой и что онъ сумѣетъ подѣйствовать на ея сердце, но скоро онъ замѣтилъ, что императрица дѣлами не занимается, надо переговаривать съ канцлеромъ Бестужевымъ и вице-канцлеромъ Воронцовымъ, а они оба сторонники Австріи и Англіи. Даліонъ жаловался на холодность русскаго канцлера, на невозможность его подкупить, но все-таки надѣялся, что можно подѣйствовать большою суммой. „Ослабить Бестужева, писалъ онъ, можно только знатною суммой, и потому надобно ее ему дать, иначе отъ меня требовать ничего нельзя. Вице-канцлера гораздо легче можно склонить къ принятію пенсіи; женатый на двоюродной сестрѣ императрицы, онъ свергнетъ Бестужева. Россія вовсе не такъ сильна, какъ кажется издали, да и то, если слушать людей, которымъ выгодно представлять ее сильною. Въ деньгахъ страшный недостатокъ.“

Скоро Даліонъ убѣдился, что даже большая сумма не можетъ подѣйствовать на Бестужева и что съ нѣкоторымъ успѣхомъ можно хлопотать только о томъ, чтобы въ борьбѣ Франціи съ Австріей Россія оставалась нейтральною и не помогала врагамъ Французовъ. „Я вторично, доносилъ онъ, сдѣлалъ канцлеру тѣ пріятныя предложенія, которыя особенно могли бы его подвигнуть; но онъ выслушалъ ихъ равнодушно. Вице-канцлеръ сказалъ мнѣ: не дѣлайте намъ зла, а мы вамъ его дѣлать не будемъ; я взялъ его за руку и смотря прямо ему въ глаза, спросилъ. можетъ ли мой дворъ полагаться на все то, что въ этихъ четырехъ словахъ заключается; онъ, пожмая мнѣ руку и также прямо смотря мнѣ въ глаза, сказалъ: да. Итакъ, въ настоящее время о союзѣ толковать нечего, и я долженъ стараться объ одномъ:

¹ Recueil, VIII, 458—470.

прислуживать, чтобы Россія не давала помощи нашимъ непріателямъ, въ чемъ и надѣюсь успѣть, не истративъ ничего изъ королевскихъ денегъ. До сихъ поръ и другіе иностранные министры не больше меня успѣли, съ тою только разницей, что они деньгами сыплютъ, а я деньги королевскія сберегъ. Всѣ хотятъ что-нибудь при здѣшнемъ дворѣ сдѣлать, но никто ничего не сдѣлаетъ.“ Даліонъ совѣтовалъ прибѣгнуть къ старому средству, къ помощи Турціи. „Россія, писалъ онъ, не безъ причины ничего такъ не боится, какъ турецкой войны. Мнѣ кажется, что въ Турціи можно сдѣлать очень много хорошаго; вѣскольکو татарскихъ набѣговъ, отъ которыхъ Порта всегда могла бы отречься, произвели бы между здѣшнимъ народомъ большую тревогу.“

Въ то же время министръ иностранныхъ дѣлъ Даржансонъ старался внушить нашему послу Гроссу, что не слѣдуетъ Елисаветѣ Петровнѣ поддерживать Австрію, потому что вѣнскій дворъ имѣетъ естественную склонность къ брауншвейгской фамиліи. Еслибы Россія вступила съ Франціей и Пруссіей въ тѣсный союзъ, чтобы было три головы подъ одною шапкой, то ей нечего было бы бояться никакой державы. На донесенія объ этихъ рѣчахъ Гроссъ получилъ въ отвѣтъ изъ Петербурга привязаніе не входящее съ Даржансономъ въ дальнѣйшія объясненія и ограничиться только наблюденіемъ „сентиментовъ“ французскаго двора относительно Саксоніи, союзницы Маріи Терезіи. Эту сдержанность Гросса французское министерство естественно приписывало Бестужеву, и Даржансонъ въ разговорахъ съ Гроссомъ даже не могъ удерживаться, чтобы не называть Бестужева Англичаниномъ и не замѣчать, что дѣйствія русскаго министерства не согласны съ видами самой императрицы.

Французскія дѣла шли не лучше въ Петербургѣ. Даліонъ слѣдовалъ примѣру Шетарди; прежде всего онъ старался дѣйствовать подкупомъ. Онъ ходатайствовалъ о возобновленіи годовой пенсіи въ 4.000 ливровъ княгинѣ Долгорукой, находившейся въ свойствѣ со всею знатью, и графинѣ Румянцевой. Даліонъ, такъ же какъ его предшественникъ, интриговалъ противъ Бестужева и надѣялся всего больше на Воронцова. Съ тѣхъ поръ какъ Бестужевъ былъ назначенъ канцлеромъ, а Воронцовъ вице-канцлеромъ, пріятельскія отношенія между ними испортились; честолюбивому Воронцову непріятно было играть вторую роль, быть только помощникомъ Бестужева. „Почти нѣтъ сомнѣнія, писалъ

Даліонъ, что Воронцовъ свергнетъ Бестужева, и это событіе не заставило бы себя долго ждаты, еслибы по несчастію нездоровье Воронцова не принуждало его ѣхать на нѣсколько времени за границу.“ Но французское правительство ничего не выиграло бы, еслибы на мѣсто Бестужева сталъ Воронцовъ, потому что въ это время они оба были сторонниками Австріи и разница заключалась только въ томъ, что первый держался болѣе воинственной политики, второй болѣе миролюбивой. Канцлеръ зорко слѣдилъ за дѣйствіями Даліона. Мардефельдъ совѣтовалъ французскому послу предложить канцлеру и вице-канцлеру по 50 тысячъ рублей. Эта депеша, какъ многія другія, была прочитана въ Петербургѣ и Воронцовъ написалъ на ней замѣтку: „вогда Даліонъ вздумаетъ подлинно 50 тысячъ предлагать, тогда я ему скажу, что онъ самъ помнитъ, что и во 100 тысячахъ я ему отказалъ, и теперь нехотати будетъ принять 50 тысячъ“. Только досадою можно объяснить слѣдующую фразу въ одномъ донесеніи Даліона: „Бестужевъ ненавидитъ Французовъ. Онъ продаетъ императрицу за чистыя деньги Англичанамъ, Австрійцамъ, Саксонцамъ, не отнимая отъ себя впрочемъ свободы подбирать и гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ“. На подобныхъ мѣстахъ основано мнѣніе, до сихъ поръ встрѣчающееся въ иностранной литературѣ, о продажности нашего канцлера. Досадою на неудачу и на преобладаніе Бестужева объясняются и слѣдующія слова Даліона: „Все зло состоитъ въ томъ, что больше уже не знаютъ, какимъ путемъ доводить до государыни свои мнѣнія, всякій держитъ себя въ величайшей скрытности, и если графъ Воронцовъ не пріѣдетъ (изъ-за границы) для скорѣйшаго поправленія дѣлъ, то здѣшній дворъ скоро будетъ походить на султанскій, при которомъ видятъ только верховнаго визиря и разговариваютъ только съ нимъ; впрочемъ здѣшній дворъ довольно уже походить на султанскій по другимъ обстоятельствамъ, которыя вы безъ труда отгадаете. Не знаютъ нынѣ здѣсь ни вѣры, ни закона, ни благопристойности.“ Бестужевъ прочелъ эту депешу и сдѣлалъ къ ней слѣдующее грозное примѣчаніе: „Син и сему подобныя Даліономъ чинимы враки ему непримѣтнымъ образомъ путь въ Сибирь приготавливаютъ; но понеже оныя со временемъ усугубятся да и по приумножающейся мардефельдовой къ нему конфиденціи нѣчто и о прусскихъ проискахъ иногда свѣдано быть можетъ: того ради слабѣйше мнитса ему еще на нѣсколькокое время свободу дать ядъ его долѣе испущать“. Къ концу 1754 г.

Даліонъ убѣдился, что невозможно сломить могущество все усиливающагося Бестужева. Въ отчаяніи писалъ онъ своему министру: „Въ обхожденіи моемъ съ графомъ Воронцовымъ я въ точности послѣдую вашимъ намѣреніямъ. Я съ великимъ стараніемъ его приласкаю; внушаю ему опасенія для будущаго, какъ относительно императрицы, такъ относительно его лично; я побуждаю его къ принятію сильныхъ предосторожностей; я заставляю дѣйствовать въ немъ самолюбіе. Если что можно сдѣлать, то помощи надобно ожидать отъ времени. Вице-канцлеръ находится на пути своемъ такіа препятствія, которыя преодолѣть очень трудно. Бестужевъ въ послѣднее время такое дѣло сдѣлалъ, которое ему упрочиваетъ милость и довѣренность и разрушаетъ планы графа Воронцова; онъ женилъ своего единственнаго сына на племянницѣ графа Разумовскаго. Очень прискорбно для меня и вредно для королевской службы, что препятствія день ото дня умножаются, такъ что я теперь не усматриваю, что намъ больше дѣлать при здѣшнемъ дворѣ, какъ только продолжать борьбу съ господствующею партіей, пользоваться обстоятельствами и всѣми способами обезпокоивать Россію.“¹

Въ то время какъ Франція безуспѣшно старалась привлечь Россію на сторону Пруссіи, Австрія со своей стороны надѣялась получить помощь отъ русскаго двора. Въ 1742 г. Фридрихъ Великій заключилъ миръ съ Маріей Терезіей, но успѣхъ австрійскаго оружія и явное намѣреніе королевы возвратить уступленныя Пруссіи области снова вызвали Фридриха на поле брани, и въ концѣ 1744 г. опять возникла война между Австріей и Пруссіей. Прусскія арміи наводняли Богемію и страну союзника Маріи Терезіи, саксонскаго курфюрста и польскаго короля Августа. Кромѣ того, Франція и Испанія также объявили войну Австріи. Въ виду возрастающаго могущества Пруссіи Бестужевъ пришелъ къ убѣжденію, что надо подать руку ея врагамъ. Онъ выразилъ это словами: „ежели сосѣда моего домъ горитъ, то я естественно принужденъ ему помогать тотъ огонь для своей собственной безопасности гасить, хотя бы онъ наизлѣйшій мой непріятель былъ, къ чему я еще вдвое обязанъ, ежели то мой пріятель есть“. Но для того, чтобы помочь пріятелю, Австріи, надо было устранить недоразумѣніе, возникшее вслѣдствіе заговора Ботты и вслѣдствіе того, что вѣнскій дворъ медлилъ дать требуемое отъ него-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXII, стр. 51—54, 119—124.

удовлетвореніе. Видя, что Австрія находится въ очень опасномъ положеніи, Марія Терезія рѣшила какъ можно скорѣе уладить дѣло. Въ августѣ 1744 г. пріѣхалъ въ Петербургъ чрезвычайный австрійскій посоль, графъ Розенбергъ, и представилъ канцлеру промеморію по дѣлу Ботты. Въ этомъ актѣ Марія Терезія заявляетъ полное свое сожалѣніе „о проклятіи достойномъ преступленіи“ бывшаго ея министра и объявляетъ, что Ботта посаженъ въ замокъ Грацъ, а время его заключенія она предоставляетъ опредѣлить „прославленной въ свѣтѣ милости ея императорскаго величества Елисаветы Петровны“. Получивъ требуемое удовлетвореніе приступили къ обсужденію союзнаго трактата и заключили его въ маѣ 1746 года. По этому трактату Россія обязалась послать на помощь Маріи Терезіи тридцать тысячъ человѣкъ, а именно двадцать тысячъ инфантеріи и десять тысячъ конницы, въ случаѣ королева будетъ атакована въ Европѣ; Австрія со своей стороны принимала обязательство помогать Россіи такимъ же количествомъ войска. Въ секретномъ сепаратномъ артикулѣ было выговорено, что Россія не обязана принимать участія въ войнѣ Австріи съ Франціей, которая велась во время заключенія трактата. „Но есть ли бы паче чаянія впредь по какой бы то причинѣ ни было, новая война между Ея Римскомъ Цесарско-Королевскимъ Величествомъ и королемъ французскимъ произошла, то Ея Имп. Вел. всея Россіи въ такомъ случаѣ торжественно обѣщаетъ королевѣ помощный корпусъ изъ пятнадцати тысячъ человѣкъ своего войска состоящій, а именно двѣнадцать тысячъ человѣкъ пѣхоты и три тысячи конницы, или полмиліонъ рублей деньгами.“¹

Заключеніе трактата съ Австріей произвело сильное и непріятное впечатлѣніе въ Парижѣ. Даліонъ писалъ Даржансону, что Россія слаба и ея нечего бояться. Однако французскій министръ думалъ иначе и писалъ: „Фридрихъ II другаго мнѣнія, потому что больше чѣмъ когда-либо боится поспориться съ Россіей и навязать на свою шею силы этой державы. Въ 1733 году Россію также представляли безсильною, стараясь побудить нашего короля доставить польскій престоль тестю своему Лещинскому; но потомъ оказалось, сколько Россія могла сдѣлать въ Польшѣ и Германіи, доведя войска свои до самаго Рейна; и въ скоромъ времени та же самая держава взяла такой верхъ надъ Турками, что еслибы вѣнскій дворъ умѣлъ держать себя только въ оборо-

¹ Мартенсъ, *Собраніе трактатовъ и конвенцій*, т. I, стр. 145—167.

нительномъ положеніи, то Турки въ одну кампанію могли бытъ потерять всѣ свои европейскія владѣнія.“ Видя, что Даліонъ не въ состояніи принести никакой пользы въ Петербургѣ, его отозвали въ концѣ 1747 года; на его мѣсто не назначили никого, но наблюдать за дѣйствіями Россіи поручили консулу Сень-Соверу, бывшему въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бестужевымъ.

Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ Пуизіе (Brulart de Sillery, marquis de Puysieux) написалъ консулу слѣдующее письмо: „Я знаю, что вы не неприятны гр. Бестужеву. Это обстоятельство побудило меня поручить вамъ веденіе королевскихъ дѣлъ при дворѣ, при которомъ вы находитесь, пока король не сочтетъ нужнымъ замѣстить г. Даліона. Вы должны исполнить безъ шума и секретно порученія, которыя дастъ вамъ гр. Морепа (морской министръ). Вы должны писать только ему и избѣгать того, чтобы думали, будто вамъ поручено какое-нибудь дипломатическое дѣло. Сношенія, въ которыхъ вы и безъ того находитесь съ гр. Бестужевымъ, доставятъ вамъ возможность разговаривать съ нимъ, не привлекая на себя вниманія, а этого то мы и желаемъ. Я увѣренъ, что вы покажете себя достойнымъ довѣрія Морепа и моего. Если впоследствии нужно будетъ дать вамъ письмо, чтобы аккредитовать васъ у Бестужева, это не представитъ затрудненія.“

Въ 1747 году шли дѣятельные переговоры между Лондономъ и Петербургомъ и было рѣшено двинуть тридцати-тысячный корпусъ на помощь морскимъ державамъ (Англіи и Голландіи) противъ Франціи. Распространившійся объ этомъ слухъ очень тревожилъ парижскій кабинетъ. Это видно изъ слѣдующаго письма морскаго министра къ французскому консулу въ Петербургѣ. „Чувства уваженія и почтенія, которыя высказывалъ вамъ при разныхъ случаяхъ гр. Бестужевъ, дадутъ мнѣ поводъ думать, что онъ будетъ имѣть больше довѣрія къ вамъ, чѣмъ къ Даліону, и что онъ охотнѣе откроетъ вамъ все, что имѣетъ отношеніе къ французскому двору и можетъ способствовать поддержанію добрыхъ отношеній, давно существующихъ между обѣими коронами; поэтому я, по соглашенію съ маркизомъ Пуизіе, уполномочиваю васъ этою частною депешей, которая можетъ служить вамъ кредитивною грамотой для русскаго канцлера, вступить въ переговоры съ этимъ министромъ и объясниться съ нимъ насчетъ распространяющихся со всѣхъ сторонъ слуховъ, что тридцати-тысячный корпусъ русскаго войска собирается поступить на

службу враговъ короля. Король не можетъ вѣрить, чтобъ императрица рѣшилась соединить свои войска съ войсками его враговъ, особенно теперь, когда всѣ державы извѣщены объ ея искреннемъ желаніи умиротворить Европу. Вы сдѣлаете пріятное королю, постаравшись узнать, основательны ли эти слухи, или нѣтъ, и объяснившись на счетъ этого съ Бестужевымъ, чтобы король могъ самымъ точнымъ образомъ знать истинныя намѣренія этого министра и виды русскаго двора въ столь важномъ вопросѣ. Вы должны всячески стараться, чтобъ окончились неудачей переговоры, давно начатые министрами лондонскимъ, вѣнскимъ и голландскимъ о томъ, чтобы Россія послала имъ на помощь тридцатитысячный корпусъ. Вы должны аккуратно донести мнѣ о результатахъ свиданія, которое вы будете имѣть съ Бестужевымъ, и сообщать мнѣ обо всемъ, что по вашему мнѣнію можетъ способствовать успѣху порученнаго вамъ дѣла.“

Вскорѣ послѣ этого министръ иностранныхъ дѣлъ посылаетъ новое письмо консулу. „Я не сомнѣваюсь, пишетъ онъ, что вы всячески старались распутать, что правда, что нѣтъ въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ сообщеніе, о которомъ много говорятъ, будто тридцати-тысячный русскій корпусъ идетъ то на Рейнъ, то въ Голландію. Насъ увѣряютъ, что это войско скоро выступитъ чрезъ Польшу, Силезію, Моравію и Богемію, и однако мы не видимъ, чтобы подобное обязательство было принято на себя русскою императрицей по какому-нибудь подписанному ей трактату. Несмотря на разнообразныя слухи, распускаемые нашими врагами, будто этотъ корпусъ будетъ на ихъ службѣ, мы склонны думать, что они скорѣе всего имѣютъ въ виду свое желаніе и выгоду заставить вѣрить, будто они могутъ рассчитывать на этотъ корпусъ. Мы думаемъ, что столь просвѣщенный министръ, какъ Бестужевъ, зрѣло обдумалъ предложенія нашихъ враговъ, не теряя изъ виду существенныхъ интересовъ, достоинства и славы Россіи. Я понимаю, что такъ какъ вы не аккредитованы для переговоровъ о политическихъ дѣлахъ, вы въ свиданіяхъ съ этимъ министромъ по дѣламъ торговымъ можете только слегка касаться этихъ вопросовъ. Но такъ какъ Бестужевъ знаетъ, что мы теперь будемъ судить исключительно по вашимъ донесеніямъ, чего намъ ждять отъ русскаго двора, вы все-таки можете засвидѣтельствовать ему, насколько король желалъ бы, чтобы не было никакихъ препятствій къ установленію тѣснаго союза между нимъ и русскою императрицей. Я все еще сомнѣваюсь на счетъ пред-

полагаемаго похода русскаго войска; но сознаюсь, я буду безконечно сожалѣть, что подобныя непріятности не позволяютъ мнѣ преслѣдовать того, что мы могли бы сдѣлать хорошаго и пріятнаго для императрицы и для славы ея царствованія.“¹

Когда французскій консулъ получилъ это письмо, военной коллегіи уже данъ былъ указъ, что для поддержанія европейскаго равновѣсія и ускоренія мира Россія посылаетъ морскимъ державамъ тридцати-тысячный корпусъ для дѣйствія на Рейнѣ. С.-Соверу конечно невозможно было остановить этотъ указъ, и Людовикъ XV рѣшился прервать дипломатическія сношенія съ Россіей и отозвалъ послѣдняго своего представителя, консула. Нашъ посланникъ Гроссъ все еще оставался въ Парижѣ, потому что въ Петербургѣ думали, что на мѣсто Даліона будетъ назначенъ кто-нибудь другой. Только въ концѣ 1748 года императрица подписала Гроссу рескриптъ, въ которомъ приказывала ему немедленно выѣхать изъ Франціи. „Мы изъ разныхъ вашихъ реляцій усмотрѣли, говорилось въ рескриптѣ, что маркизъ Пюизіе въ нѣкоторый реванжъ за отправленныя нами къ обѣимъ морскимъ державамъ тридцать тысячъ человекъ войска отзываетъ отъ нашего двора французскаго министра Даліона почиталь, оказывая при томъ, что король его государь и совѣтъ не намѣренъ кого-либо другаго на мѣсто его къ намъ прислать. Сверхъ же того, по поводу помянутаго перепущенія нашихъ войскъ, весьма непріятныя и всевысочайшему нашему достоинству предосудительныя разговоры вамъ держаны. И яко намъ вкорененное французскому двору къ нашей императрицѣ недоброжелательство и произведенныя издревле при разныхъ дворахъ, да и при самой Оттоманской Портѣ, намъ предосудительныя происки и возмущенія, которые по приобрѣтенной Франціею несправедливыми и богомерзкими войнами въ свѣтѣ знатности отъ большей части и успѣхъ получавутъ, довольно извѣстны, мы же для обезсиленія такой знатной энфлюенціи лучшихъ способовъ не изобрѣли, какъ вѣрнымъ и натуральнымъ нашимъ союзникамъ постороннимъ образомъ противъ оной державы сильно вспомогать. Тако мы, какъ въ разсужденіи того, что французскій дворъ причиненною посылкою нашихъ войскъ препятствія прогрессомъ оружія онаго намъ не скоро позабыть можетъ, такъ и для неподанія о насъ въ свѣтѣ мнѣнія, яко бы сія корона столько намъ надобна, что

¹ Recueil, VIII, 481 — 485.

мы и собственную всевысочайшую нашу честь изъ глазъ выпускаемъ, оставляя васъ тамо, не взирая на то, что при нашемъ дворѣ французскаго министра не находится, и что хотя почитай ко всѣмъ другимъ новыя послы и министры назначиваются, а о насъ не помышляется, да весьма нужно избобрѣли вамъ повелѣть, чтобъ вы оттуда со всѣми у васъ находящимися канцелярскими дѣлами, какъ скоро токмо собратся можете, въ Гагу подъ такимъ претекстомъ выѣхали, что вы по прошенію вашему о распоряженіи нѣкоторыхъ домашнихъ дѣлъ въ отечествѣ вашемъ всевысочайшее отъ насъ позволеніе получили ¹.”

Французское правительство не ограничивалось конечно порученіями, которыя давало Далиону и С.-Соверу; оно старалось удержать русское войско еще другимъ путемъ, созидая намъ разныя затрудненія. Французскіе дипломаты принялись опять интриговать противъ Россіи въ сосѣдникъ съ нами державахъ Швеціи, Польшѣ и Турціи. „Подлинно, доносилъ нашъ посолъ въ Константинополь Неплюевъ, имѣть того что бѣ Французы постыдились выдумать и предложить Туркамъ.“ Какъ разъ въ это время французскій кредитъ стоялъ очень высоко въ Константинополѣ. Султанъ былъ очень благодаренъ Франціи за ея посредничество и Бѣлградскій миръ, и при всякомъ случаѣ выражалъ свое глубочайшее почтеніе къ „императору Франціи, самому древнему и могущественному союзнику высокой Порты.“ Турецкіе министры постоянно совѣтовались съ французскимъ посломъ Кастелланомъ, находившимъ сильную поддержку въ ренегатѣ Бонневаль. Послѣдній видѣлъ въ тѣсномъ союзѣ съ Франціей единственное спасеніе для Турціи; онъ мечталъ о постоянной конфедераціи между Франціей, Портой, Польшей и Швеціей, то-есть о вѣчной коалиціи противъ Россіи. Бонневаль преслѣдовалъ этотъ планъ начиная съ 1734 года, и по его инициативѣ Франціи дѣлались нѣсколько разъ предложенія оформить дружественныя отношенія между Парижемъ и Константинополемъ, и заключить настоящій союзъ. Парижскій кабинетъ ничего не отвѣчалъ на эти предложенія; онъ предпочиталъ держаться по отношенію къ Портѣ удобной политики, освященной вѣками. Франція считала Турокъ подчиненными себѣ помощниками, отъ которыхъ она могла требовать величайшихъ услугъ, не обязываясь отплачивать за нихъ съ своей стороны. Какъ только нужна была диверсія, Франція

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXII, стр. 248—249.

выдвигала Турокъ, направляла ихъ на Австрію, но не принимала на себя никакихъ обязательствъ. Бонневаль открылъ визирю глаза на это обстоятельство; онъ указывалъ на то, что сто лѣтъ тому назадъ Турки подняли оружіе противъ Австріи по просьбѣ Франціи, но что затѣмъ Людовикъ XIV бросилъ ихъ, заключилъ отдѣльный миръ съ Германіей, предоставляя Портѣ выносить всю тяжесть войны. Во время войны за австрійское наслѣдство Турки доказали, что совѣты Бонневалья не прошли безслѣдно; на настоянія Франціи принять участіе въ борьбѣ Порты требовала трактата, въ силу котораго Франція не могла бы бросить ее въ трудную минуту. Въ 1745 году, когда становилось яснымъ, что Россія вновь сближается съ Австріей и собирается послать ей войска, Порты соглашалась устроить диверсію, если французскій король заключить съ ней формальный трактатъ. Султанъ не требовалъ отъ Франціи матеріальной помощи, а только обѣщанія не заключать отдѣльнаго мира. На этомъ условіи Порты обѣщала стянуть войска къ границамъ Украины и напасть на Россію при первомъ извѣстіи, что русскія войска по пути въ Германію вошли въ Польшу. Французскій король могъ пріобрѣсти серьезную помощь и можетъ-быть остановить русскую армію, собиравшуюся на Рейнъ; стоило ему только заключить формальный трактатъ съ невѣрными. Людовикъ XV посовѣтовался со своимъ любимцемъ маршаломъ Ноалемъ; маршалъ подалъ мемуаръ, въ которомъ высказывался противъ союза съ Портой по мотивамъ нравственнымъ и религіознымъ. Онъ говорилъ, что союзъ старшаго сына церкви съ врагами христіанъ возбудитъ въ Европѣ всеобщее негодованіе и лишитъ французское оружіе благословенія Божія. Мнѣніе маршала было принято и предложеніе Турціи отвергнуто. Это нанесло роковой ударъ французскому вліянію на Востокѣ. Кастеллана не принимали уже съ прежнею любезностью и визирь смотрѣлъ на него не безъ подозрѣнія. Для насъ это было выгодно, потому что Турція согласилась заключить съ нами вѣчный миръ, и въ то время какъ мы посылали значительный корпусъ въ Германію, мы могли быть спокойны за наши южныя границы ¹.

Французскія интриги въ Швеціи и Польшѣ были также неудачны. Швеція, недавно испытывавшая какъ трудно бороться съ Россіей, соглашалась на новую войну, не иначе какъ если ей

¹ Vandal, p. 206—214.

будетъ обезпечено содѣйствіе Порты; не мало французскаго золота было потрачено въ Стокгольмѣ безо всякой пользы. Русскій корпусъ долженъ былъ пройти чрезъ Польшу, и Франція интриговала, чтобы рѣчь Посполитая его не пропускала. И тутъ французскіе дипломаты потерпѣли неудачу; русское войско было пропущено и дошло до Рейна, но не приняло участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ виду приближенія тридцатитысячнаго корпуса воюющія стороны поспѣшили примириться, и въ Ахенѣ былъ заключенъ миръ между Франціей и Испаніей съ одной стороны, Австріей, Англіей и Голландіей съ другой (1748 г.).

XXII.

Въ теченіе семи лѣтъ мы не имѣли прямыхъ сношеній съ Франціей, но мы сталкивались съ ней въ Польшѣ, въ Швеціи, въ Турціи. Это было какъ разъ въ то время, когда Людовикъ XV захотѣлъ управлять самъ иностранною политикою. Маршалъ Ноаль давалъ ему слѣдующій совѣтъ: „Не позволяйте чтобы вами управляли. Не имѣйте ни фаворитовъ, ни перваго министра. Совѣщайтесь съ вашимъ совѣтомъ, но рѣшайте дѣла сами“. Людовикъ XV желалъ слѣдовать этому совѣту, и когда умеръ его воспитатель, кардиналъ Флери сказалъ, что теперь онъ самъ будетъ первымъ министромъ. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ не было официальнаго перваго министра, но всегда былъ „секретный визирь“, какъ тогда выражались. Такимъ лицомъ, имѣвшимъ большое вліяніе, но не занимавшимъ официальнаго положенія, былъ во время разрыва съ Россіей родственникъ короля принцъ Конти. Людовикъ XV не довѣрялъ своимъ министрамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся ихъ противодѣйствія; поэтому онъ считалъ нужнымъ дѣйствовать тайно отъ министровъ, не справляясь съ ихъ мѣропріятіями. Такимъ образомъ возникла секретная дипломатія самаго короля на ряду съ официальною министерскою, и секретная переписка короля со своими агентами. Главой этой секретной дипломатіи, часто расходившейся съ официальною, былъ принцъ Конти, который прочитывалъ предварительно всѣ донесенія посланниковъ и потомъ уже отправлялъ ихъ въ министерство, секретныя же оставлялъ у себя.

По плану Конти, одобренному Людовикомъ, необходимо было возстановить пошатнувшееся французское вліяніе въ Швеціи,

Турціи и Польшѣ, и возсоздать сѣверный оплотъ времени Ригелье, давно потерявшій свою прежнюю силу. Въ Швеціи въ это время поднималась сильная партія, желавшая измѣнить конституцію Карла XII и усилить королевскую власть. Наше правительство боролось противъ этой партіи, ссылаясь на то, что оно по Ниптатскому миру гарантировало конституцію, и грозя оккупацией Финляндіи въ случаѣ если она будетъ измѣнена. Если Россія, страна самодержавная по преимуществу, противилась монархической партіи въ Швеціи, то конечно потому, что довольно нелѣпая конституція ослабляла эту страну; Франція же, заботясь о процвѣтаніи Швеціи, старалась усилить королевскую власть. Людовикъ приготовилъ двѣнадцать военныхъ судовъ и корпусъ войска, которые во всякую минуту могли быть отправлены въ Балтійское море.

Кромѣ того, старались подѣйствовать на Порту, чтобъ и она приняла угрожающее положеніе по отношенію къ Россіи. Французскій посланникъ въ Константинополь внушалъ слѣдующее турецкому правительству: „Истинный мотивъ Россіи принизить и уничтожить своихъ сосѣдей, славѣ и могуществу которыхъ она завидуетъ, ослабить ихъ настолько, чтобъ они навсегда стали бесполезными своимъ союзникамъ, доставить себѣ жестокое наслажденіе перемѣнить министерство въ Швеціи цѣною спокойствія и крови Шведовъ и всѣхъ тѣхъ, кто вынужденъ будетъ принять участіе въ войнѣ, наконецъ, распространить на Шведовъ тираническій деспотизмъ, который она уже распространила на Поляковъ. Можетъ ли Европа смотрѣть хладнокровно, какъ ея спокойствіе и цѣлыя арміи будутъ принесены въ жертву несправедливому честолюбію Русскихъ? Порты имѣетъ личный интересъ помѣшать ихъ успѣхамъ. Пусть Турки пораздумаютъ о распространеніи владѣній, кредита и могущества Московитовъ, начиная съ начала нынѣшняго вѣка и насколько Порты за это время потеряла свое вліяніе въ общихъ дѣлахъ Европы. Что можетъ быть опаснѣе для свободы Сѣвера и въ частности для Оттоманской имперіи, какъ допускать предпріятія націи, которая, едва вышедши изъ тьмы варварства и невѣжества, стремится постепенно наложить ярмо на сосѣдніе съ ней народы и не знаетъ другаго закона, кромѣ силы? Развѣ есть у Турокъ другой болѣе важный и настоятельный интересъ, какъ поставить плотину противъ этого стремительнаго потока, принесшаго уже столько разрушенія?“ Турки напомнили намъ, что у нихъ оборонитель-

ный союзъ съ Швеціей и что, въ случаѣ войны, они вынуждены будутъ ей помочь. Но шведскій вопросъ скоро отошелъ на второй планъ: въ 1750 г. умеръ шведскій король, и его преемникъ, Адольфъ-Фридрихъ, вступая на престолъ, торжественно объявилъ, что онъ оставитъ конституцію неприкосновенною.

Болѣе важные планы преслѣдовала Франція въ Польшѣ. Посланникомъ къ польско-саксонскому двору (Августъ III былъ королемъ польскимъ и курфюрстомъ саксонскимъ) былъ назначенъ, по желанію принца Конти, графъ Броули. Это былъ, по отзыву современника, честолюбивый человѣкъ, походившій на волкана; блескъ его глазъ обнаруживалъ безпокойный и дѣятельный умъ. Горячій въ привязанности, неумолимый къ врагамъ, онъ ничего не жалѣлъ, чтобы служить друзьямъ и губить враговъ. У него былъ большой дипломатическій и военный талантъ; но деспотизмъ и безграничное честолюбіе заставляли его переходить всякія границы. Графъ Броули получалъ двѣ инструкціи, одну официальную отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, другую секретную отъ Конти. По официальной инструкціи посланникъ долженъ былъ всячески хлопотать о томъ, чтобы Польша не приставала къ австро-русскому союзу и чтобы не состоялся сеймъ, на которомъ хотѣли внести это предложеніе; ему указывали на нѣсколькихъ вліятельныхъ польскихъ магнатовъ, пользовавшихся издавна протекціей Франціи, которыми онъ долженъ былъ прикрываться съ тѣмъ, чтобы интрига его не обнаруживалась. Совсѣмъ другой смыслъ имѣла секретная инструкція. Принцъ Конти желалъ привести въ исполненіе старую французскую мечту и вмѣстѣ съ тѣмъ упредить за своимъ родомъ власть давно утраченную во Франціи; онъ желалъ быть избраннымъ на польскій престолъ по смерти Августа III. Поэтому графу Броули поручалось пускаться въ ходъ всякія средства, составить себѣ обширную партію среди Поляковъ недовольныхъ саксонскимъ королемъ, подготовить почву для будущихъ выборовъ. Дѣйствія въ Польшѣ французскаго посланника шли въ разрѣзъ съ дѣйствіями русскаго посланника, хлопотавшаго о томъ, чтобы еще при жизни Августа преемникомъ былъ признанъ его сынъ, хотя это и противорѣчило польской конституціи.

Положеніе графа Броули было двусмысленно и затруднительно; официально ему рекомендовали осторожность, не официально совѣтовали ничѣмъ не стѣсняться. Ему надо было соединиться съ

партіей оппозиціонной, а между тѣмъ французскій дофинъ былъ женатъ на дочери польскаго короля и весьма вліятельные люди въ Парижѣ доказывали, что онъ обязанъ поддерживать саксонскую династію. На подкупъ польскихъ магнатовъ Людовикъ тайкомъ выдавалъ деньги изъ своихъ частныхъ средствъ и такимъ образомъ дѣйствовалъ противъ наследника престола. Въ одномъ донесеніи принцу Конти графъ Брольи выразилъ слѣдующимъ образомъ двусмысленность своего положенія: „Что мнѣ всего труднѣе исполнить, это отдавать отчетъ министру во всемъ, что происходитъ, во всемъ, что я дѣлаю и что я вижу, и сообразовать этотъ отчетъ съ намѣреніями вашего высочества и великими планами, порученными вамъ королемъ. Поэтому я вынужденъ скрывать отъ него много вещей, которыя вижу, и дѣлать предположенія о такихъ, которыхъ не вижу. Напримѣръ, г. Сенъ-Конте (министръ иностранныхъ дѣлъ) въ послѣднемъ письмѣ пишетъ мнѣ, что всѣ слухи о здоровьѣ короля польскаго предвѣщаютъ близкую смерть, и поручаетъ мнѣ донести ему объ этомъ. Еслибъ я отвѣтилъ ему то, что вижу и думаю, я сказалъ бы ему, что нахожу короля вполне здоровымъ: у него хорошій аппетитъ и отличный видъ. Но такъ какъ вы желаете, чтобы смерть короля считали близкою, я отвѣчаю министру, что король польскій здоровъ въ настоящую минуту, но онъ такъ толстъ и шея у него такъ коротка, что повидимому ему ежеминутно грозитъ апоплексическій ударъ.“ Графъ Брольи подкупомъ и вліаніемъ, какое онъ оказывалъ на знатныхъ дамъ, сумѣлъ составить себѣ значительную партію среди польскихъ магнатовъ и до нѣкоторой степени возстановилъ французское вліаніе въ Польшѣ. Первоначально онъ старался провести мысль о кандидатурѣ принца Конти, но скоро убѣдился, что это дѣло не осуществимо, такъ какъ встрѣтитъ противодѣйствіе со стороны Россіи, Австріи, Англии и даже Пруссіи. По одному частному вопросу, въ которомъ Чарторыйскіе, представители русской партіи въ Польшѣ, оказались въ оппозиціи къ королю, графъ Брольи принялъ сторону послѣдняго и съ этихъ поръ хлопоталъ только объ одномъ, о тѣсномъ союзѣ саксонскаго курфюрста съ Франціей. другими словами, онъ пренебрегъ секретнымъ порученіемъ и сталъ преслѣдовать дѣли, намѣченныя въ его официальной инструкціи ¹.

¹ Boutaric, Correspondance secrète de Louis, XV, t. I. p. 13, 65. Duc de Broglie, Le secret du roi, t. I, p. 36—37, 64—65. Vandal, p. 222—242.

Секретная дипломатія распространила свои дѣйствія и на Россію, и ей мы обязаны возобновленіемъ сношеній съ Франціей. Елисавета Петровна пожертвовала личными симпатіями ради государственныхъ цѣлей, но была очень огорчена разрывомъ съ версальскимъ кабинетомъ; она неоднократно высказывала это и подобныя слухи доходили до Парижа. Хотя официальныхъ отношеній не было, но частныя лица рассказывали во Франціи о томъ, что дѣлалось въ Петербургѣ. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ французскій кузнецъ Мишель, сынъ Француза, поступившаго на русскую службу при Петрѣ Великомъ, родившійся и получившій воспитаніе въ Петербургѣ. Здѣсь открылъ онъ торговлю галантерейнымъ товаромъ и нашелъ обширный сбытъ въ дамскомъ обществѣ. Каждую весну отправлялся онъ въ Парижъ за товаромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ привозилъ иногда депеши отъ французскаго консула (пока таковой еще былъ въ Петербургѣ) и самыя свѣжія новости о Россіи. Это былъ образованный и умный негодантъ, котораго принимало высшее петербургское общество. Въ 1753 г. онъ отправился къ министру иностранныхъ дѣлъ Сенъ-Конте и сообщилъ ему, что русская императрица выразила желаніе вновь сблизиться съ Франціей; повидимому это было сдѣлано съ согласія Елисаветы Петровны. Принцъ Конте, мечтавшій одно время о бракѣ съ Елисаветой Петровной, принялъ во вниманіе это обстоятельство, и когда извѣстіе, привезенное Мишелемъ, подтвердилось изъ другихъ частныхъ источниковъ, онъ рѣшилъ отправить въ Россію тайнаго агента. Для этой цѣли избрали Мекензи Дугласа, Шотландца, бѣжавшаго изъ родной страны во Францію, и въ іюнѣ 1755 г. принцъ Конте далъ ему инструкцію слѣдующаго содержанія:

„Общее положеніе Европы, смятеніе поднявшееся въ Европѣ въ прошломъ году, участіе, которое принялъ въ немъ петербургскій дворъ, ожиданіе, что онъ скоро заключитъ субсидный трактатъ съ Англіей при посредствѣ Виліамса, назначеннаго английскимъ посланникомъ при русской императрицѣ, все это требуетъ обратить должное вниманіе на положеніе и мѣропріятія этого двора. Давно уже король не имѣетъ тамъ ни посла, ни даже консула и слѣдовательно мы находимся въ полномъ невѣдѣніи о положеніи Россіи. Чтобы имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ Россіи, сочли умѣстнымъ послать лицо безо всякаго официальнаго назначенія, которое было бы способно слѣдить наблюденія въ Петербургѣ и затѣмъ дать о нихъ от-

четь. Французъ не годился бы для такого порученія. Несмотря на дружбу, которую, какъ предполагается, русская императрица все еще питаетъ къ королю и на ея расположеніе къ французской націи, русское министерство слишкомъ слѣдило бы за подданнымъ короля, подь какимъ бы предлогомъ онъ ни старался скрыть истинную цѣль своего путешествія, при этихъ условіяхъ онъ оказался бы бесполезнымъ. По этой причинѣ выбрали Дугласа, который, будучи подданнымъ короля великобританскаго, не можетъ возбудить никакого подозрѣнія. Его умъ и рвеніе подають надежду, что онъ съ успѣхомъ выполнитъ возложенное на него порученіе. Онъ отправится отсюда въ качествѣ дворянина, путешествующаго исключительно для своего здоровья и развлечения. Многие изъ его соотечественниковъ любятъ путешествовать и слѣдовательно на это не обратятъ вниманія. Онъ долженъ имѣть видъ, что не находится ни въ какихъ сношеніяхъ съ министрами короля, ни во Франціи, ни въ другихъ странахъ, поэтому во время путешествія не долженъ видѣться ни съ кѣмъ изъ нашихъ посланниковъ. Во избѣжаніе вопросовъ, которые стали бы дѣлать ему при большихъ германскихъ дворахъ, представляется умѣстнымъ, чтобъ онъ выѣхалъ въ Германію черезъ Швабію, оттуда отправился въ Богемію подь предлогомъ осмотрѣть различные рудники этого королевства. Его познанія въ минералогіи могутъ служить ему предлогомъ для путешествія. Изъ Богеміи онъ отправится въ Саксонію, гдѣ осмотритъ рудники Фрейберга. Удовлетворивъ своей любознательности, онъ отправится въ Данцигъ или черезъ Силезію, Варшаву и Торнъ или черезъ бранденбургскую Померанію. Изъ Данцига онъ направится чрезъ Пруссію въ Курляндію, гдѣ онъ пробудетъ нѣкоторое время потому будто бы, что ему нужно отдохнуть; на самомъ же дѣлѣ онъ наведетъ справки, въ какомъ положеніи находится герцогство Курляндское, что думаетъ курляндская знать о ссылкѣ своего герцога (Бирона). Онъ справится также о финансахъ и судѣ Курляндіи, и о томъ сколько войска содержится тамъ Россіей.

Изъ Курляндіи онъ проѣдетъ въ Ливонію и затѣмъ по большой дорогѣ въ Петербургъ. Первою его заботой по прибытіи туда должно быть распространить слухъ, что онъ пріѣхалъ изъ простаго любопытства. Онъ постарается приобрѣсти знакомства, которыя помогутъ ему узнать то, что онъ желаетъ. Онъ не можетъ производить свои изслѣдованія слишкомъ осторожно. Онъ

не долженъ выказывать расположенія къ какому-нибудь народу предпочтительно предъ другими. Онъ справится наиболѣе секретнымъ образомъ у Вилліамса о ходѣ переговоровъ съ Россіей. Онъ долженъ навести справки о слѣдующемъ: о количествѣ русскаго войска, о состояніи флота, о финансахъ, торговлѣ, о расположеніи націи къ теперешнему министерству, объ упадкѣ кредита графа Бестужева, о значеніи Воронцова, о фаворитахъ императрицы, о вліяніи какое они могутъ имѣть на министровъ, о дружбѣ и враждѣ между министрами, о поведеніи ихъ по отношенію къ фаворитамъ, о судьбѣ князя Ивана (Антоновича), бывшаго царемъ, о привязанности націи къ русскому великому князю (наслѣднику престола Петру), о томъ имѣетъ ли князь Иванъ тайную партію и поддерживаетъ ли ее Англія, о желаніи Русскихъ жить мирно и о нерасположеніи ихъ къ войнѣ, о видахъ Россіи на Польшу и Швецію, о впечатлѣніи, произведенномъ смертію султана Мамуда и вступленіемъ на престолъ Османа, о томъ, что думаютъ о вѣрности казаковъ, о чувствахъ императрицы къ Франціи и о внушеніяхъ дѣлаемыхъ ей по всей вѣроятности министерствомъ, чтобы отвлечь ее отъ Франціи, о придворныхъ партіяхъ, о подданныхъ, мужчинахъ и женщинахъ, къ которымъ императрица питаетъ довѣріе, о чувствахъ ея и министровъ къ дворамъ вѣнскому и лондонскому. Дугласъ сдѣлаетъ замѣтки обо всѣхъ этихъ предметахъ, на основаніи которыхъ онъ составитъ мемуаръ. Но онъ пошлетъ свой мемуаръ только послѣ того, какъ выѣдетъ изъ предѣловъ Россіи или если шведскій посланникъ въ Петербургѣ возьмется отправить его съ курьеромъ въ Стокгольмъ. Онъ ничего не долженъ довѣрять обыкновенной почтѣ кромѣ донесенія о своемъ прибытіи и нѣкоторыхъ общихъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ, которыя долженъ выражать на условномъ аллегорическомъ языкѣ. Когда онъ исполнитъ приблизительно всѣ возложенныя на него порученія, онъ дастъ объ этомъ знать, чтобы можно было дать ему приказаніе вернуться во Францію тою же дорогой или на Швецію подъ тѣмъ же предлогомъ посмотрѣть тамъ рудники, чтобы до конца скрывать истинную цѣль его путешествія.“¹

Къ этой инструкціи была приложена таблица аллегорическаго языка. Англійскій посланникъ Вилліамсъ будетъ называться „черною лисицей“, и сообщенія о томъ падаетъ онъ въ цѣвѣ или

¹ Recueil, IX, 6—10.

поднимается будутъ означать степень его вліянія при дворѣ; выраженіе „горностаѣ въ ходу“ будетъ значить, что русская партія преобладаетъ, а иностранцы не пользуются вліяніемъ; если же австрійская партія, къ которой принадлежитъ Бестужевъ, возьметъ верхъ, тогда напишутъ, что „волы и шкуры также въ цѣнѣ.“ „Соболь падаетъ“ будетъ означать, что вліяніе канцлера уменьшается; число войскъ въ тысячахъ будетъ показано количествомъ мѣховъ въ единицахъ; если нельзя будетъ ничего достигнуть, посланникъ сообщитъ, что здоровье его плохо, если ему необходимо будетъ вернуться, увѣдомитъ, что мѣха уже куплены и т. п. ¹.

Мы знаемъ очень мало о пребываніи Дугласа въ Петербургѣ. Онъ обратился прежде всего къ англійскому посланнику, но тотъ, не довѣряя эмигранту, отказался представить его ко двору. Тогда онъ вошелъ въ сношенія съ Мишелемъ, который и познакомилъ его съ Воронцовымъ. Вице-канцлеръ довель до свѣдѣнія императрицы, что къ намъ явился тайный агентъ изъ Парижа, и Елисавета Петровна выразила желаніе возобновить сношенія съ Франціей, въ чемъ Воронцовъ далъ письменное удостовѣреніе Дугласу. Такъ какъ послѣдній не имѣлъ никакихъ полномочій и обязанъ былъ срывать цѣль своего путешествія, онъ счелъ бесполезнымъ жить долго въ Петербургѣ и, пробывъ тамъ двѣ недѣли, возвратился въ Парижъ.

Въ то время въ политическомъ мірѣ произошли важныя событія. 19 сентября 1755 года Россія заключила съ Англіей субсидный трактатъ слѣдующаго содержанія: Россія обязывается содержать на ливонскихъ и литовскихъ границахъ корпусъ въ 55 тысячъ человекъ и на морскомъ берегу отъ 40 до 50 галеръ съ потребнымъ экипажемъ; этотъ корпусъ идетъ за границу какъ скоро на Англійскаго короля или кого-нибудь изъ его союзниковъ сдѣлано будетъ нападеніе; съ своей стороны Англія обязалась выдать Россіи субсидію въ 500 тысячъ фунтовъ за диверсію и 100 тысячъ фунтовъ за содержаніе войска на границахъ. Конвенція была подписана, но не ратификована. Бестужевъ всячески торопился ратификаціей, но Воронцовъ и другіе враги канцлера останавливали императрицу. Бестужевъ предполагалъ, что Фридрихъ Великій нападетъ на Ганноверъ, принадлежавшій королю Англійскому, и что Россіи придется посылать войска только противъ одного врага Англіи, Пруссіи, съ которой и безъ того не-

¹ *Русская Старина* 1874 г. августъ, стр. 751—752.

обходимо было воевать; поэтому онъ считалъ выгоднымъ, что за войну начатую въ интересахъ Россіи и неизбежную мы получимъ отъ Англіи вознагражденіе. Канцлеръ подалъ императрицѣ длинную записку, въ которой требовалъ ратификаціи субсиднаго трактата и грозилъ иначе выйти въ отставку. „Записка канцлера, говоритъ С. М. Соловьевъ, продиктованная раздраженнымъ самолюбіемъ, была крайне слаба. Она была наполнена выходками противъ недоброжелательныхъ людей, которые изъ личной вражды къ нему, канцлеру, останавливаютъ полезное для государства дѣло; указывалось на противорѣчіе этихъ людей, которые кричали о необходимости сократить силы короля прусскаго, о необходимости выставить большое войско; а теперь, когда идетъ дѣло о томъ, чтобы содержать это войско на чужой счетъ, они не хотятъ. Но Бестужевъ въ своемъ раздраженіи билъ совершенно мимо; люди, которые раздумывали и внушали императрицѣ раздумье надъ субсиднымъ трактатомъ, были совершенно послѣдовательны; они готовы были сейчасъ подписать субсидный трактатъ, еслибы они были увѣрены, что войско немедленно и непременно двинется противъ Фридриха II; ихъ останавливало сомнѣніе, не должно ли будетъ идти войско въ другую сторону.“ Вслѣдствіе настояній Бестужева конвенція съ Англіей была ратификована, но къ ней по требованію Воронцова приложена секретнѣйшая декларация, что Россія обязуется помогать Англіи только противъ Пруссіи.

Бестужевъ уже пятнадцать лѣтъ заправлялъ нашею внѣшнею политикою и торжествовалъ во все это время. Предсказанія его сбывались, мѣропріятія оправдывались, дипломатическія затрудненія ловко устранялись; Россія не была впутана ни въ одну невыгодную войну, она не заключила ни одного невыгоднаго мира. Но на шестнадцатомъ году канцлеръ ошибся, онъ не замѣтилъ, что отношенія между европейскими державами измѣняются, что впредь Франція и Пруссія не будутъ уже стоять противъ Австріи и Англіи. Ошибка его скоро сказалась, и онъ дорого за нее заплатился.

Трактатъ между Россіей и Англіей вызвалъ новый трактатъ, и на этотъ разъ между прежними врагами, Англіей и Пруссіей. Фридрихъ Великій боялся Россіи. „Это страшная держава, говорилъ онъ, которая чрезъ полстолѣтія заставитъ трепетать Европу“. Когда онъ узналъ объ англо-русской конвенціи, онъ

понялъ, что будетъ имѣть дѣло не съ однимъ австрійскимъ войскомъ, но и съ русскимъ. Ему непремѣнно нужно было отклонить русскія силы, поэтому онъ рѣшилъ сойтись съ Англіей. Въ началѣ 1756 года былъ заключенъ Вестминстерскій трактатъ, по которому Фридрихъ Великій обязывался защищать Ганноверъ отъ нападенія всякаго непріятеля, то-есть Франціи. Оказывалось, что мы въ союзѣ съ Англіей, а Англія въ союзѣ съ Фридрихомъ, и слѣдовательно мы должны помогать Пруссіи. Не зная о секретной деклараціи Фридрихъ дѣйствительно рассчитывалъ на нашу помощь. „Я хочу выполнить свои обязательства относительно вашего государя, говорилъ онъ англійскому посланнику, и въ случаѣ если покой въ Германской имперіи будетъ нарушенъ, то я буду дѣйствовать противъ непріятеля сообща съ англійскимъ королемъ. Но увѣрены ли вы въ Русскихъ?“ „Король, мой государь думаетъ, что можетъ быть увѣреннымъ на ихъ счетъ“, отвѣчалъ посланникъ. Фридрихъ сталъ считать силы, какія могли выставить воюющія стороны: „У меня, говорилъ онъ, сто тысячъ войска, да если прибавить сюда еще тридцать тысячъ Русскихъ? Русскія войска могутъ сѣсть на суда въ лифляндскихъ и курляндскихъ гаваняхъ и выйти на берегъ въ Ростокъ, въ Пруссіи.“

Понятно какое впечатлѣніе произвело въ Петербургѣ извѣстіе о союзѣ Англіи съ Пруссіей. Враги канцлера торжествовали. „Бестужевъ, говоритъ С. М. Соловьевъ, зналъ очень хорошо, что нѣтъ никакой возможности уничтожить дурное дѣйствіе англо-прусскаго союза. Никогда еще знаменитый канцлеръ не былъ въ такомъ печальномъ положеніи. Какъ нарочно только-что предъ тѣмъ съ необыкновенною горячностью настаивалъ онъ на ратификаціи субсиднаго договора, выставляя свою непогрѣшимость и позоря враговъ ихъ ошибками; и вдругъ такая страшная ошибка, такой позоръ предъ лицомъ этихъ самыхъ враговъ. Хуже всего, Бестужевъ долженъ былъ чувствовать, какъ онъ упалъ во мнѣніи императрицы: Елисавета никогда не любила его, но она считала его необходимымъ по его талантамъ и опытности и не выдавала врагамъ; но теперь это обаяніе необыкновеннаго искусства и предусмотрительности исчезло; ошибки молодости, неопытности извиняются легко, ибо считаются средствомъ къ приобрѣтенію искусства; ошибки старости не прощаются, ибо могутъ только служить признакомъ паденія силъ.“

Созвана была конференція для обсужденія, какой политики держаться. Тутъ участвовалъ, конечно, Бестужевъ, но также и нѣкоторые его противники, какъ Воронцовъ и Шуваловы. 30 марта 1756 года конференція постановила: 1) съ вѣнскимъ дворомъ немедленно приступить къ соглашенію и склонять его, чтобъ онъ, пользуясь нынѣшнею войною Англии съ Франціей, напалъ на прусскаго короля вмѣстѣ съ Россіей. Представить вѣнскому двору, что такъ какъ съ русской стороны для обузданія прусскаго короля выставляется армія въ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, а въ случаѣ нужды употребятся всѣ силы, то императрица-королева (Марія Терезія) имѣетъ въ рукахъ самый удобный случай возвратитъ завоеванныя прусскимъ королемъ въ послѣднюю войну области. Если императрица-королева опасается, что Франція отвлечетъ ея силы въ случаѣ нападенія на короля прусскаго, то представить, что Франція занята войною съ Англией, и Австрія, не мѣшаясь въ ихъ ссору и не подавая Англии никакой помощи, можетъ убѣдить и Францію къ тому, чтобъ она не вмѣшивалась въ войну Австріи съ Пруссіей, чему Россія будетъ содѣйствовать со своей стороны сколько возможно. 2) Здѣшнимъ, при чужихъ дворахъ находящимся, министрамъ приказать, чтобъ они съ французскими министрами ласковѣ прежняго обходились, однимъ словомъ, все къ тому вести, чтобы вѣнскому двору безопасность со стороны Франціи доставить и склонить этотъ дворъ къ войнѣ съ Пруссіей. 3) Польшу исподоволь готовить, чтобъ она приходу русскихъ войскъ чрезъ свои владѣнія не только не препятствовала, но охотно бы на то смотрѣла. 4) Стараться Турокъ и Шведовъ держать въ спокойствіи и бездѣйствіи; оставаться въ дружбѣ и согласіи съ обѣими этими державами, чтобы съ ихъ стороны не было ни малѣйшаго препятствія успѣху здѣшнихъ намѣреній относительно сокращенія силъ короля прусскаго. 5) Послѣдую симъ правиламъ идти далѣе, а именно, ослабя короля прусскаго, сдѣлать его для Россіи нестрашнымъ и незаботнымъ; усиливши вѣнскій дворъ возвращеніемъ Силезіи, сдѣлать союзъ съ нимъ противъ Турокъ болѣе важнымъ и дѣйствительнымъ. Одолживши Польшу доставленіемъ ей восточной Пруссіи, взаимно получить не только Курляндію, но и такое округленіе границъ съ польской стороны, благодаря которому не токмо пресѣклись бы нынѣшнія безпрестанныя объ нихъ хлопоты и безпокойства, но быть-можетъ и полученъ былъ бы

способъ соединить торговлю Балтійскаго и Чернаго морей и сосредоточить всю левантскую торговлю въ своихъ рукахъ ¹.

Изъ постановленій конференціи видно, что русское правитель-ство домогалось главнымъ образомъ нейтралитета Франціи въ предстоящей войнѣ Австріи съ Пруссіей; съ другой стороны французское правительство желало, чтобы Россія оставалась нейтральною въ разгоравшейся тогда европейской войнѣ, и съ этою цѣлю въ началѣ 1756 г. былъ вторично посланъ въ Петербургъ Дугласъ. Въ данной ему инструкціи французское ми-нистерство старалось защититься ото всѣхъ упрековъ, которые Россія могла сдѣлать Франціи. „Случившееся съ маркизомъ Шетарди и Даліономъ, отозваніе Гросса, связи русскаго двора съ врагами короля, войска посланныя на помощь имъ въ 1748 г., проекты русской державы измѣнить правленіе Швеціи и утѣснить Польшу, то-есть государства, свободою которыхъ король заинтере-сованъ,—все это заставляло думать короля, что русскій дворъ по принципу врагъ друзей короля и другъ его враговъ, что слѣ-довательно бесполезно при такомъ положеніи вещей думать о возобновленіи дружбы, существовавшей между этими государ-ствами. Несмотря на это король отдавалъ справедливость добро-дѣтелямъ русской императрицы и былъ убѣжденъ, что она питаетъ къ нему должную благодарность за содѣйствіе ей ока-занное при вступленіи на престолъ; но король жалѣлъ, что она удручена министерствомъ, жертвующимъ своимъ личнымъ цѣлямъ славою и интересамъ государства. Все это Дугласъ можетъ ска-зать графу Воронцову по возвращеніи своемъ въ Петербургъ. Изъ приказанія, даннаго Дугласу, предпринять второе путеше-ствіе, этотъ министръ выведеть заключеніе, что личные чувства короля къ русской императрицѣ не измѣнились, что онъ искренно желаетъ блага, процвѣтанія и славы императрицы, что только государственные интересы помѣшали ему развивать дружбу, существовавшую между нимъ и императрицей съ самаго начала ея царствованія. Въ дѣлѣ маркиза Шетарди усмотрѣно было желаніе русскихъ министровъ оскорбить Францію; если своимъ неумѣреннымъ поведеніемъ онъ не понравился императрицѣ, она могла пожаловаться на него королю, который зная съ какимъ вниманіемъ монархи должны относиться другъ къ другу, не пре-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXIII, стр. 292—293, т. XXIV, стр. 19—20, 23—24, 26—27, 35—36.

минулъ бы отозвать Шетарди и наказаніемъ, которымъ подвергъ бы его, далъ бы императрицѣ болѣе блистательное удовлетвореніе чѣмъ то, которое она дала себѣ сама; ссылка, которой подвергли Шетарди по его возвращеніи во Францію, достаточно указываетъ на чувства короля. Въ газетахъ часто появлялись оскорбительныя для короля вещи, которыя печатались конечно съ разрѣшенія русскихъ министровъ. На основаніи всего этого Воронцовъ самъ разсудить, прилично ли было королю сдѣлать первый шагъ къ примиренію. Рожденіе князя Павла Петровича (въ 1754 г.) не дало повода къ этому. Оно было объявлено въ частномъ письмѣ русской императрицы къ королю, на чтѣ и было отвѣчено согласно обычаю. Еслибы по этому случаю императрица прислала кого-нибудь къ королю, онъ отвѣтилъ бы ей тѣмъ же; она могла воспользоваться рожденіемъ герцога Бурбонскаго (сына дофина) и прислать кого-нибудь изъ своихъ придворныхъ поздравить короля съ событіемъ, которое не менѣе важно для Франціи, чѣмъ рожденіе Павла Петровича для Россіи.

Знаменитый артистъ, каковъ Токе (извѣстный портретистъ), много работающій и зарабатывающій на мѣстѣ, всегда съ большимъ трудомъ рѣшается на далекое путешествіе, хотя бы онъ считалъ за большую честь желаніе русской императрицы быть написанной его кистью. Успѣхъ въ искусствахъ измѣнчивъ; артистъ боится рисковать и потерять свою репутацію и слѣдовательно причинить себѣ навсегда безконечный вредъ. Несомнѣнно по этимъ соображеніямъ Токе торговался и наконецъ совсѣмъ отказался отъ путешествія. Впрочемъ король не былъ извѣщенъ о желаніи императрицы. Петербургскій дворъ не долженъ думать, будто во Франціи были того мнѣнія, что въ Россіи не умѣютъ ни понять ни вознаграждать талантовъ.¹

Графъ Воронцовъ, съ которымъ Дугласъ будетъ говорить въ этихъ выраженіяхъ, слишкомъ просвѣщенъ, чтобы не чувствовать что всѣ эти упреки не имѣютъ достаточнаго основанія. Монарховъ должны соединять ихъ чувства и государственные интересы. Королю дорого продолженіе мира и поддержаніе законовъ и государственнаго устройства всякаго государства. Хотя Воронцовъ и говоритъ о желаніи императрицы соединиться съ королемъ,—какую вѣру можно имѣть въ его слова, когда Россія собирается

¹ Токе впоследствии провель въ Россіи два года (1757—1759) и написалъ портретъ Елисаветы Петровны.

отправить на помощь Англии 55 тысяч войска? Этот пункт — пробный камень, по которому можно будет судить об истинных чувствах императрицы. Воронцовъ говоритъ, что есть средства сдѣлать англо-русскій трактатъ недѣйствительнымъ. Дѣйствительно есть одно средство. Опасеніе, что подымутся безпорядки внутри Имперіи, если выведутъ изъ нея такой значительный корпусъ, возможность нападенія со стороны Турокъ и Татаръ, вооруженное сопротивленіе Польши пропуску русскаго войска, всѣ эти причины, изложенныя какъ можно яснѣе императрицѣ, могутъ заставить ее понять, какую ошибку она сдѣлала, подписавъ этотъ трактатъ, и постараться его уничтожить.

Дугласъ долженъ говорить обо всемъ этомъ Воронцову съ ловкостью и деликатностью. Онъ можетъ положительно завѣрить этого министра, что король не измѣнилъ о немъ мнѣнія. Онъ всегда былъ расположенъ къ Воронцову, и послѣдній при всякомъ случаѣ будетъ ощущать королевскую благосклонность. Король не ограничился бы бесплодными знаками благодарности, еслибы Воронцову удалось остановить движеніе русскаго войска (намекъ на пенсію). Дугласъ долженъ внушить это министру какъ можно ловчѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно ясно.

Воронцовъ возразить можетъ-быть, что невозможно разорвать трактата, потому что это причинило бы вредъ императрицѣ, такъ какъ за содержаніе войска въ мирное время Англичане дали субсидію во 100 тысячъ фунтовъ, что изъ этихъ денегъ часть уже израсходована, что разорвавъ этотъ трактатъ изъ дружбы къ Франціи, императрица потеряетъ субсидію и не получитъ ничего въ замѣну. Поэтому Дугласу подъ величайшимъ секретомъ довѣряется, что если Воронцовъ сдѣлаетъ это возраженіе и если отъ этого только будетъ зависѣть успѣхъ переговоровъ объ уничтоженіи трактата, король не отказывается вознаграждать императрицу за ея потерю. Франція готова дать субсидію Россіи и ничего не потребуетъ за это кромѣ нейтралитета. Но надо сдѣлать такъ, чтобъ эта идея пришла въ голову Воронцову и чтобъ онъ первый заговорилъ о ней.

Но насколько можно рассчитывать на доброе расположеніе Воронцова, настолько же надо бояться Бестужева, вполне преданнаго Англии. Поэтому было бы очень важно для возобновленія сношеній съ Россіей, чтобы канцлеръ былъ удаленъ отъ дѣлъ. Это было бы самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, какое императрица могла бы дать въ своихъ истинныхъ чувствахъ

къ королю. Это пунктъ слишкомъ деликатный, чтобъ о немъ распространяться здѣсь.

Если Воронцовъ, какъ надо думать, одобрить то, что ему будетъ говорить Дугласъ, король полагаетъ, что самымъ приличнымъ способомъ для образованія союза будетъ найти предлогъ въ торговыхъ сношеніяхъ и назначить въ Петербургъ французскаго консула. Если послѣ этого перваго шага взаимное расположеніе останется тѣмъ же, и русская императрица публично заявитъ о своемъ желаніи возобновить сношенія съ Франціей, назначивъ посланника къ нашему двору, она можетъ быть увѣрена, что король со своей стороны пошлетъ въ Петербургъ въ качествѣ посла одного изъ своихъ придворныхъ и при томъ такого, который будетъ пріятель императрицѣ¹.

9 апрѣля Дугласъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а на слѣдующій день Воронцовъ получилъ извѣстіе отъ Дугласа, что онъ прібылъ въ Петербургъ и желаетъ видѣться съ вице-канцлеромъ немедленно. Воронцовъ согласился на это свиданіе, и Дугласъ подалъ ему письмо отъ министра иностранныхъ дѣлъ Рулье, написанное на аллегорическомъ языкѣ. Письмо начиналось такъ: „Узнавъ о благосклонныхъ обо мнѣ отзывкахъ вашего сіятельства отъ особы, которой вы поручили отыскать бібліотекаря и прислать образцы бургонскаго вина, я поручаю ей засвидѣтельствовать вашему сіятельству за это мою благодарность.“ „Что это значитъ? Какой бібліотекарь, какое вино?“ спросилъ Воронцовъ. „Бібліотекарь это я, отвѣчала Дугласъ, а вина—это дѣла, назначеніе лицъ, которыя должны быть посланы съ обѣихъ сторонъ для возобновленія сношеній“. „Кажется, можно было бы и прямо объ этомъ написать, замѣтилъ Воронцовъ. Я донесу объ этомъ императрицѣ, но такъ какъ теперь Страстная недѣля, то наврядъ я могу это сдѣлать прежде Пасхи, и потому прошу васъ сообщить мнѣ письменно все, что поручено вамъ предложить здѣсь отъ французскаго двора, чтобъ я могъ сдѣлать обстоятельнѣйшее донесеніе императрицѣ“. Дугласъ согласился и подалъ слѣдующую записку: „Король мой государь отправилъ мени къ вашему сіятельству съ извѣщеніемъ, что если императрица дѣйствительно расположена къ соединенію съ Франціей, то король съ удовольствіемъ увидитъ установленіе дружескихъ сношеній, которымъ для взаимныхъ интересовъ не слѣдовало

¹ Recueil, IX, 18—27.

бы никогда прерываться. Миѣ поручено васъ увѣрить, что когда императрица рѣшится назначить своего министра во Францію, то король, какъ только узнаетъ о происхожденіи и званіи этого министра, немедленно назначитъ своего министра въ Россію одинакаго происхожденія и званія. Такъ какъ взаимное отправленіе этихъ министровъ можетъ повести къ прямой торговлѣ Французовъ въ Россіи, то король назначитъ консула въ Петербургъ.“

Изъ упрямства, а также изъ понятнаго эгоизма Бестужевъ былъ противъ возобновленія сношеній съ Франціей. Кредитъ его сильно пошатнулся, и онъ былъ увѣренъ, что если въ Петербургѣ вновь появится ловкій французскій дипломатъ и присоединится къ его противникамъ, то теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ это можетъ вызвать его паденіе. Но настоящихъ причинъ чуждаться Франціи уже не было; извѣстно было, что происходитъ сближеніе Франціи съ Австріей, что обѣ эти державы ополчатся на прусскаго короля, что такимъ образомъ Франція становится естественною нашею союзницею. Понятно, что одолѣла партія, противная Бестужеву, и Дугласу вручили официальный отвѣтъ на его записку, въ которой говорилось слѣдующее: Императрица съ особеннымъ удовольствіемъ узнала о личныхъ чувствахъ короля къ ней, и такъ какъ она ожидала только случая увѣрить короля въ своихъ чувствахъ къ нему, неизмѣнно ею сохраненныхъ, то императрица очень рада видѣть доброе расположеніе короля къ восстановленію добраго согласія и тѣсной дружбы между обоими дворами. Императрица съ удовольствіемъ соглашается на взаимное назначеніе министровъ съ посольскимъ характеромъ; но императрица находитъ согласнымъ съ достоинствомъ и пользой обоихъ дворовъ, назначить ихъ одновременно и немедленно, и уже назначила, въ соотвѣтствіе присылки Дугласа, отправить во Францію надворнаго совѣтника Бехтѣва, и хотя Дугласъ недостаточно авторизованъ, однако его будутъ принимать съ отличіемъ и выслушивать какъ человѣка, дѣйствительно присланнаго королею.

Бехтѣвъ былъ домашнимъ человѣкомъ у вице-канцлера Воронцова, пробылъ значительное время за границей и считался способнымъ исполнить порученіе, казавшееся деликатнымъ. Бехтѣвъ долженъ былъ внушать французскому министерству, что императрица отвергнетъ англійскія субсидіи и пренебрежетъ всѣми выгодными предложеніями, которыя Англія до сихъ поръ

не перестаетъ дѣлать, только въ уваженіе постоянно подаваемыхъ со стороны Маріи Терезіи обнадеживаній, что французскій король будетъ болѣе, чѣмъ Англія, готовъ вступить въ видъ Россіи и дѣйствительно имъ помогать. Бехтѣевъ долженъ былъ стараться внушить французскому двору о необходимости скорого и ближайшаго соединенія, не говоря ничего о характерѣ этого соединенія, и еслибы французское министерство его объ этомъ спросило, то онъ могъ прямо отвѣчать, чтобъ обратились къ австрійскому послу Штарембергу, которому Бехтѣевъ долженъ объявить, что ему запрещено дѣлать что-либо безъ его согласія и совѣта: надобно, говорилось въ наказѣ, наблюдать крайнюю осторожность, чтобы не дать вѣнскому двору повода думать, будто бы на его старанія не полагаются и помимо его хотятъ постановить что-то важное съ Франціей; часто случалось, что отъ малаго недоразумѣнія великія и знатныя дѣла портились ¹.

Вслѣдъ за прибытіемъ Дугласа случилось важное событіе въ дипломатическомъ мірѣ: 1 мая былъ подписанъ оборонительный трактатъ между Австріей и Франціей, вѣковая вражда была забыта, и Марія Терезія собиралась воевать противъ Пруссіи вмѣстѣ съ Людовикомъ. Такая пережѣна политики была прямымъ слѣдствіемъ Вестминстерскаго договора и войны за австрійское наслѣдство. По смерти императора Карла VI Франція собиралась разгромить Австрію и съ этою цѣлію соединилась съ королемъ Фридрихомъ. Но по окончаніи войны оказалось, что въ выгодѣ осталась одна Пруссія, а Франція не получила никакихъ осязательныхъ результатовъ; стало яснымъ, что страшна не Австрія, а возрастающее могущество Пруссіи, которое начало уже нарушать европейское равновѣсіе, что Фридрихъ II очень не вѣрный союзникъ, что онъ держится союзной державы, только пока ему это выгодно, а затѣмъ бросаетъ ее. Не предупредивъ Людовика онъ заключилъ оборонительный трактатъ съ его врагомъ Англіей, и Франція оставалась безъ поддержки; противъ нее были Пруссія, Россія, Англія, Австрія. Тогда французское правительство рѣшило пренебречь традиціей и соединиться съ Маріей Терезіей, о чемъ давно хлопоталъ австрійскій министръ Кауницъ.

Измѣнившаяся политика Франціи позволила и намъ заключить съ ней союзъ, и 31 декабря 1756 г. Елисавета Петровна подписала

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXIV, стр. 67--68.

асть приступленія Россійскаго двора къ заключенному въ Версалѣ 1 мая между Вѣнскимъ и Французскимъ дворами оборонительному трактату. Франція и Россія обязались оборонять другъ друга противъ всякаго непріятели, но тутъ встрѣтилось маленькое затрудненіе. Неужели французское правительство должно разстаться со своею восточною политикою и воевать съ Портою, въ случаѣ она нападетъ на Россію? Это представлялось невыслымымъ, и въ актѣ приступленія помѣстили оговорку: „императрица освобождаетъ короля французскаго отъ назначенной вышесказаннымъ трактатомъ обороны и помощи ея владѣніямъ и землямъ въ случаѣ нападенія онымъ со стороны Оттоманской Порты или Персін“. Съ другой стороны Россія не обязывалась помогать Франціи противъ Англіи. Но въ то же время къ трактату присоединили по обычаю того времени секретную декларацию, до нѣкоторой степени уничтожавшую помянутыя оговорки. По этой деклараціи Россія обязывалась помогать Франціи противъ Англіи, если послѣдняя нападетъ на Францію въ Европѣ, а Франція обязывается давать Россіи денежную помощь противъ Турціи ¹.

Такимъ образомъ послѣ разрыва съ Франціей мы вступаемъ съ нею въ дружбу въ 1756 г. и начинается новый періодъ (по счету Рамбо четвертый) нашихъ сношеній съ Франціей. Въ теченіе третьяго періода (1726—1756 г.) Россія, заключившая союзъ съ Австріей, относилась прямо враждебно къ Франціи.

XXIII.

Какъ только Россія приступила къ австро-французскому союзу, явилась необходимость имѣть и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ аккредитованныхъ представителей, такъ какъ Дугласъ и Бехтѣвъ были только повѣренными въ дѣлахъ. Въ Парижъ отправили въ качествѣ посланника Михаила Бестужева, брата канцлера, въ Петербургъ маркиза Лопитала.

Когда онъ пріѣхалъ въ Россію, Семилѣтняя Война находилась въ полномъ разгарѣ. Въ Америкѣ и другихъ колоніяхъ Франція воевала съ Англіей; кромѣ того, французское войско сражалось

¹ Мартенсъ, *Собраніе трактатовъ и конвенцій*, т I, стр. 188—201. Соловьевъ, *Исторія Россія*, т. XXIV, стр. 75.

въ Германіи; Фридрихъ Великій напалъ на Австрію и Саксонію; русская армія подъ начальствомъ Апраксина вступила въ восточную Пруссію. Французское правительство желало втянуть въ войну Швецію для того, чтобъ усилить положеніе союзниковъ, соединившихся противъ Пруссіи, а также чтобы въ случаѣ благополучнаго исхода войны доставить Швеціи какія-нибудь выгоды. „Швеція старинный другъ Франціи, говорится въ инструкціи Лопиталю. Король желаетъ выгодъ Швеціи, и если настоящія обстоятельства позволятъ доставить выгоды этому королевству, онъ съ удовольствіемъ увидитъ, что императрица способствуетъ этому дѣлу. Маркизь Лопиталь можетъ дѣятельно работать надъ этимъ, когда узнаетъ, каковы истинныя чувства русскихъ министровъ къ Швеціи.“ Несмотря на симпатіи шведскаго короля къ Пруссіи, Франція съумѣла повліять на шведскій сеймъ, и Швеція вступила въ союзъ съ Австріей и Франціей; между этими тремя державами была заключена конвенція, по которой Швеція за ея участіе въ войнѣ обѣщана была Померанія. Къ этой конвенціи приступила и Россія, и такимъ образомъ дѣйствительно обѣщала выгоду Швеціи ¹.

Французскому посланнику были даны еще другія порученія. „Русская императрица, говорится въ инструкціи, которая до сихъ поръ была предана удовольствіямъ и мало занималась дѣлами, говорятъ, подвергается болѣзненнымъ припадкамъ, которые могутъ измѣнить ея характеръ. Болѣзненное ея состояніе, если только это правда, увеличитъ еще ея отвращеніе къ труду и, по всей вѣроятности, за удовольствіями послѣдуетъ набожность. Извѣстно, что набожность Русскихъ болѣе суевѣріе, чѣмъ благочестіе. Ханжи займутъ мѣсто фаворитовъ. Лопиталь долженъ съ большимъ вниманіемъ слѣдить за пережвѣной въ образѣ мыслей императрицы. Если возьметъ верхъ набожность, онъ справится о тѣхъ людяхъ, которые будутъ руководить императрицей, и хотя, по всей вѣроятности, трудно будетъ до нихъ добратся, онъ долженъ постараться сдѣлать это, чтобы пользоваться ихъ вліяніемъ на императрицу. Если ея болѣзненное состояніе дойдетъ до того, что надо будетъ опасаться близкаго конца—это было бы большимъ несчастіемъ въ теперешнихъ обстоятель-

¹ Актъ приступленія Россіи къ конвенціи, заключенной 21 марта 1757 г. въ Стокгольмѣ, между императрицей Русскою и королями Французскимъ и Шведскимъ, напечатанъ у Мартенса, *Собраніе трактатовъ*, т. I, стр. 218.

ствахъ — онъ всячески долженъ постараться разузнать каково расположеніе умовъ по отношенію къ наслѣднику престола.“ Въ виду болѣзненнаго состоянія Елисаветы Петровны, французскому посланнику рекомендовали ухаживать за Екатериной и убѣждать ее въ пользѣ французскаго союза, не упускать изъ виду и наслѣдника престола Петра, и стараться польстить ему.

Второе порученіе дано было Лопиталю министромъ финансовъ. Въ мемуарѣ, приложенномъ къ его инструкціи, выраженъ взглядъ, господствовавшій во Франціи на отношенія къ Россіи. „Нельзя предвидѣть, читаемъ мы въ этомъ документѣ, чтобы въ теченіе царствованія русской императрицы, намъ нужно было бы вести при этомъ дворѣ какіе-нибудь сложные переговоры. Разстояніе, отдѣляющее оба государства, слишкомъ велико, чтобы между ними могъ образоваться когда-нибудь очень тѣсный союзъ, такъ какъ они не могутъ подавать другъ другу непосредственной помощи. Положеніе Россіи таково, что она можетъ увеличивать свои владѣнія только на счетъ Швеціи и Польшы, двухъ державъ изстари союзныхъ съ Франціей, интересы которыхъ мы всегда будемъ поддерживать. Другими словами, нашъ посоль будетъ жаловаться отъ имени короля, какъ только Русская императрица предприметъ что-нибудь вредное для обонхъ этихъ государствъ; это неприятное дѣло для посла, который желалъ бы нравиться двору, при которомъ онъ акредитованъ. Единственная дѣйствительная выгода, которую мы можемъ извлечь изъ Россіи, это выгода отъ оживленной торговли между обоими народами. Чтобы достигнуть этого великаго предмета, Лопиталь долженъ разузнать, какія главныя вѣтви русской торговли; какіе товары можно вывозить отъ нихъ и какіе ввозить; каковъ былъ бы результатъ этой торговли, то-есть какой народъ имѣлъ бы отъ этого наибольшую выгоду, мы или Русскіе. Изъ одного мемуара видно, что въ Италіи англійская торговля процвѣтаетъ въ ущербъ нашей, по слѣдующимъ причинамъ: 1) англійскіе товары доброкачественнѣе нашихъ; 2) Англичане могутъ продавать дешевле нашего. Если въ Россіи Англичане пользуются тѣми же преимуществами, Лопиталю будетъ очень трудно заключить съ русскими министрами проектъ торговли, который былъ бы выгоденъ для Франціи. Поэтому онъ долженъ разслѣдовать на мѣстѣ, какія вѣтви торговли наиболѣе выгодны Англичанамъ, каково качество и каковы цѣны ихъ товаровъ, какія пошлины они платятъ, разузнать во что имъ обходится доставка товара и на основаніи всего этого

разсудить, можемъ ли мы, доставляя Русскимъ тѣ же товары, выдержать конкуренцію съ Англичанами. Посольство Лопитала увѣнчалось бы всего лучше заключеніемъ выгоднаго торговаго трактата съ Россіей. Онъ долженъ быть увѣренъ, что подобный трактатъ сдѣлалъ бы ему столько же чести, сколько самыя блестящія военные подвиги. Извѣстно, что результаты войны сводятся часто къ переходящему благу, между тѣмъ какъ отъ удачнаго торговаго трактата государство въ теченіе многихъ лѣтъ богатѣетъ и усиливается. Какихъ похвалъ не заслужилъ бы Лопиталь, еслибъ его переговоры привели къ тому, что Россія стала бы данинцей Франціи на значительную сумму¹.

Военное время было по всей вѣроятности неудобно для торговыхъ сношеній, по крайней мѣрѣ мы не видимъ, чтобы Лопиталь хлопоталъ объ исполненіи инструкціи министра финансовъ. Точно также онъ не считалъ нужнымъ заниматься слишкомъ много молодымъ дворомъ, между тѣмъ какъ французское министерство придавало ему большое значеніе, въ виду болѣзненнаго состоянія Елисаветы Петровны. Въ самомъ дѣлѣ, можно было предвидѣть, что въ случаѣ смерти императрицы, русская политика совершенно измѣнится и наша армія если не присоединится къ прусской, то по меньшей мѣрѣ будетъ отозвана съ театра войны. „Великій князь такой же закоренѣлый Прусакъ, какъ великая княгиня несправная Англичанка“, писалъ Лопиталь, и слова его надо признать справедливыми. Извѣстно, что Петръ Ѳедоровичъ питалъ благоговѣніе къ Фридриху II, во всемъ старался подражать ему и во время Семилѣтней Войны симпатіи его были на сторонѣ Пруссіи. По личнымъ соображеніямъ Екатерина была на сторонѣ Англій и противъ Франціи. Ей было недостаточно тридцати тысячъ рублей карманныхъ денегъ, такъ какъ она проигрывала по семнадцати тысячъ рублей въ карты и устраивала празднества, на которыхъ всему Ораніенбауму раздавались подарки. Въ этой бѣдѣ помогла ей Англія; сблизившійся съ нею англійскій посланникъ Вилліамъ открылъ ей довольно широкій кредитъ у англійскаго консула, банкира Вольфа, ссужавшаго великой княгинѣ по его записочкамъ десятки тысячъ рублей.

Далѣе Екатерина чувствовала большую слабость къ красивому, любезному и ловкому графу Понятовскому, послу польской рес-

¹ Recueil, IX, 32-58.

публики. Онъ принадлежалъ къ русской партіи, во главѣ которой стояли его родственники, князя Чарторижскіе и поэтому самому былъ неугоденъ французскому правительству, все еще интриговавшему въ Польшѣ и старавшемуся усилить французскую партію. Въ виду большаго вліянія, которымъ пользовался Понятовскій при молодомъ дворѣ, и въ виду того, что онъ дѣйствовалъ за одно съ англійскимъ посланникомъ, Франція хлопотала объ его отозваніи и раздражала противъ себя Екатерину. „Такъ какъ графъ Понятовскій унаслѣдовалъ всѣ англійскіе принципы Вилліамса и поддерживаетъ англійскія симпатіи великой княгини, писалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Лопиталю, мы употребимъ всѣ наши усилія въ Варшавѣ, чтобы заставить короля отозвать его изъ Петербурга. Ваше дѣло—какъ вести себя въ виду этого относительно великокняжескаго двора. Было бы неблагоприятно слишкомъ уже сближаться съ молодымъ дворомъ, но и удалиться тоже нельзя, не пришлось бы потомъ раскаяться. Вы лучше чѣмъ кто-нибудь съумѣете держаться середины.“ Но держаться середины было трудно; Лопиталь вмѣстѣ съ Воронцовымъ интриговалъ противъ Понятовскаго, онъ былъ отозванъ, и Екатерина не могла простить Франціи разлуки съ любимымъ человекомъ. ¹

Жизнь русской императрицы была необыкновенно дорога для Франціи въ эту минуту, отъ нея зависѣлъ тотъ или иной исходъ въ борьбѣ съ Пруссіей, и этимъ объясняется необыкновенная заботливость Людовика о здоровьѣ Елисаветы Петровны. Вообще говоря, французскій король относился къ русской императрицѣ не слишкомъ внимательно. Елисавета Петровна звала его вмѣстѣ съ собой крестить дочь Екатерины, но Людовикъ находилъ, что католику невозможно крестить православныхъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ по этому поводу Лопиталю: „Король очень пожалѣлъ бы, еслибъ ему оказалось невозможнымъ дать императрицѣ доказательство своего расположенія, котораго она желаетъ. Я уже извѣщалъ васъ о сомнѣніяхъ, испытываемыхъ деликатною совѣстью короля; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается устранить затрудненія. Надо знать, чисто ли и просто ли крещеніе въ греческой церкви, то-есть крестить ли младенца только во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Все равно, совершается ли крещеніе погруженіемъ, или обливаніемъ; но чтѣ существенно,

¹ Вильбасовъ, *Исторія Екатерины*, стр. 322, 329.

это надо имѣть увѣренность, что греческая церковь не требуетъ отъ крестныхъ отцовъ исповѣданія догматовъ, противныхъ латинской церкви, ваково, напримѣръ, исхожденіе св. Духа отъ Отца чрезъ Сына, такъ какъ мы по Никейскому символу признаемъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, и не принимаютъ ли крестные за дѣтей какихъ-нибудь обязательствъ, несогласныхъ съ вѣрой латинской церкви. Когда король получить свѣдѣнія объ этихъ затруднительныхъ пунктахъ, онъ охотно дастъ императрицѣ дозавательство своей дружбы.“¹ Въ этомъ письмѣ заключается вѣжливый отказъ, потому что король боялся запятнать свою вѣру, крестя дѣтей въ странѣ, не признающей *filioque*. Несмотря на это, онъ обратилъ серіозное вниманіе на припадокъ, случившійся съ Елисаветой Петровной.

8 сентября 1757 года, въ праздникъ Рождества Богородицы императрица отправилась изъ Царскосельскаго дворца въ приходскую церковь, въ двухъ шагахъ отъ дворцовыхъ воротъ. Едва началась служба, Елисавета Петровна почувствовала себя дурно, вышла изъ церкви, сошла по церковному крыльцу и сдѣлавъ два шага, упала безъ чувствъ на траву. Ее обступила толпа народа, сошедшагося изъ города и окрестныхъ деревень на праздникъ, къ обѣднѣ. Императрица вышла изъ церкви одна, безъ свиты; избѣженныя дамы и другія приближенныя лица тотчасъ же прибѣжали на помощь и нашли императрицу все еще на травѣ, безъ сознанія, посреди народа, который смотрѣлъ на нее, но не смѣлъ прикоснуться. Ее покрыли бѣлымъ платкомъ и послали за докторомъ. Первымъ прибылъ хирургъ Фусадье, французскій эмигрантъ. Онъ немедленно тутъ же, на травѣ, посреди народа, на глазахъ толпы, пустилъ ей кровь, но императрица не приходила въ себя. Долго ждали доктора Кондоиди, Грека—онъ былъ боленъ и его принесли въ креслѣ. Наконецъ добыли изъ дворца ширмы и кушетку; подняли императрицу, положили на кушетку, терли мазями, давали нюхать разные спирты, она не приходила въ себя; такую, въ безчувственномъ состояніи, и перенесли императрицу во дворецъ, послѣ того, что она болѣе двухъ часовъ лежала на улицѣ. Во время этого припадка Елисавета Петровна такъ прикусила себѣ языкъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней не владѣла имъ и долго потомъ говорила невнятно.²

¹ Recueil, IX, 72.

² Вильбасовъ, *Исторія Екатерины*, стр. 336—337.

Этотъ припадокъ встревожилъ не только Россію, но и всю Европу. Лопиталь совѣтовалъ обратиться къ Пуассонь, знаменитому хирургу и специалисту по женскимъ болѣзнямъ, занимавшему должность старшаго военнаго врача и находившемуся въ Вестфалии при французской арміи. „Я бесѣдовалъ недавно, доносилъ Лопиталь, съ вице-канцлеромъ о здоровьѣ императрицы и о безпокойствѣ, какое она мнѣ внушаетъ послѣ царскосельскаго припадка. Воронцовъ, видя, что я говорю отъ души, открылъ мнѣ свое сердце и сознался, что онъ былъ крайне встревоженъ въ день припадка, что хотя императрица оправилась, надо бояться повторенія подобнаго припадка. Я воспользовался довѣріемъ министра, чтобъ еще болѣе разузнать, каково онъ мнѣнія о здоровьѣ императрицы. Я сказалъ ему, что, насколько я знаю, болѣзнь ея происходитъ отъ критическаго возраста, въ которомъ она находится, что король очень встревоженъ ея положеніемъ и личное расположеніе питаемое мной къ императрицѣ заставляетъ меня говорить съ полною откровенностью; меня побуждаетъ къ этому еще больше соображеніе, что потеря императрицы была бы большимъ несчастіемъ для ея государства и для ея фаворитовъ, къ которымъ принадлежитъ и Воронцовъ. Я вспомнилъ тогда, что незадолго до моего отъѣзда въ Россію я имѣлъ разговоръ съ Пуассонь, очень искуснымъ врачомъ, извѣстнымъ замѣчательными случаями излѣченія женщинъ. Такъ какъ онъ мой врачъ и другъ, я заставилъ его обѣщать, что если здоровье императрицы потребуетъ этого, онъ броситъ все и поспѣшитъ къ ней на помощь. Воронцовъ, которому я сказалъ, что у насъ есть знаменитый специалистъ и что имъ можетъ воспользоваться императрица, если пожелаетъ, спросилъ у меня какъ его зовутъ. Я сообщалъ ему также, что онъ медикъ короля. Воронцовъ тотчасъ же довелъ все это до свѣдѣнія императрицы, которая согласилась на мое предложеніе, но просила держать его въ секретѣ. Она желаетъ, чтобъ объ этомъ никто не зналъ, кромѣ короля, васъ, Воронцова, Пуассонь и меня. Пуассонь могъ бы пріѣхать въ Петербургъ подъ какимъ-нибудь вымышленнымъ предлогомъ, лучше всего подъ видомъ любознательнаго путешественника. Императрица съ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣта и сказала мнѣ: „я не могла лучше выразить довѣрія къ аббату Берни (министру иностранныхъ дѣлъ), чѣмъ довѣривъ ему заботу о своемъ здоровьи и о сохраненіи секрета.“

Король согласился на предложеніе своего посланника, и Ло-

зятель получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ своего министра: „Здоровье русской императрицы слишкомъ драгоценно, чтобъ я не занимался постоянно всѣмъ, что до него относится. Чувствую, какъ было бы важно, чтобы Пуассонье пріѣхалъ въ Петербургъ. Я сообщилъ вамъ, что онъ при вестфальской арміи въ качествѣ перваго врача. Надо подь какимъ-нибудь приличнымъ предлогомъ вызвать его оттуда, и такъ какъ онъ пользуется довѣріемъ войска, найти лицо, которое могло бы его замѣстить. Вотъ—это и надо устроить. Насколько это отъ меня зависитъ, я не теряю ни минуты, чтобы доставить облегченіе императрицѣ. Прошу передать это Воронцову, а также и то, что замедленіе происходить оттого, что надо держать дѣло въ секретѣ. Не будь этого, Пуассонье сейчасъ получилъ бы приказаніе отправиться въ Петербургъ. Король чрезвычайно желаетъ успокоиться на счетъ положенія императрицы и будетъ очень доволенъ, если ея здоровье будетъ восстановлено однимъ изъ его подданныхъ.“

„Получивъ ваше письмо, отвѣчалъ Лопиталь, я отправился къ Воронцову, которому оставилъ копію съ этого письма для прочтенія его императрицѣ. Я видѣлъ его послѣ этого и онъ сказалъ мнѣ отъ имени императрицы, что она очень чувствительна къ вашему старанію ускорить отъѣздъ Пуассонье. Онъ прибавилъ, что когда тотъ будетъ въ пути, императрица сообщитъ объ этомъ Кондоиди, своему первому врачу. Я долженъ замѣтить вамъ, что этотъ первый врачъ имѣетъ чинъ генераль-лейтенанта; поэтому, я думаю, Пуассонье долженъ явиться съ титуломъ королевскаго врача, что внушитъ къ нему больше довѣрія и уваженія. Смѣю даже сказать, что это необходимо для его успѣха. Хотя императрица теперь вполне здорова, но она разстраивается всегда при наступленіи весны и осени, поэтому я полагаю, что надо какъ можно скорѣе отправить Пуассонье. Воронцовъ не предложилъ мнѣ никакихъ условій относительно путешествія и пребыванія здѣсь Пуассонье, но я могу поручиться, что онъ не пожалѣетъ, что пожертвовалъ мѣстомъ перваго врача при арміи. Впрочемъ, я сказалъ Воронцову, что король охотно вознаградитъ Пуассонье за столь почетное и важное порученіе.“

Послѣ продолжительной переписки парижскаго доктора отправили, наконецъ, въ сентябрѣ 1758 г. и въ октябрѣ онъ прібылъ въ Петербургъ, но всю зиму прожилъ безъ дѣла. Кондоиди былъ обиженъ вызовомъ иностраннаго врача и отказывался отъ всякихъ сношеній съ нимъ подь тѣмъ предлогомъ, что онъ имѣетъ

чинъ генераль-лейтенанта, а у Пуассонье пѣтъ соответствующаго чина. Между тѣмъ, все дѣло держали въ секретѣ и парижскаго доктора выдавали за любознательнаго путешественника, поэтому Кондоиди долженъ былъ рассказать Пуассонье ходъ болѣзни императрицы. Воронцовъ и Шуваловъ хлопотали, пасколькомогли, о консультаціи, но Елисавета Петровна не любила гдѣчиться, и при противодѣйствіи Кондоиди Пуассонье оказывался бесполезнымъ. Завязалась опять длиннѣйшая переписка, Лопиталь совѣтовалъ дать парижскому доктору чинъ статскаго совѣтника, но французское правительство не соглашалось. Наконецъ, весной 1759 г. наша академія наукъ избрала Пуассонье въ свои почетные члены и поэтому случаю онъ произнесъ рѣчь въ академіи. Тогда Кондоиди нашель, что званіе русскаго академика равносильно французскому статскому совѣтнику и согласился консультировать съ парижскимъ докторомъ. Послѣдній былъ принятъ императрицей и скоро приобрѣлъ полное ея довѣріе, потому что сумѣлъ укрѣпить ея здоровье. Въ сентябрѣ, когда Пуассонье считалъ Елисавету Петровну вполне оправившеюся, онъ вернулся въ Парижъ и привезъ съ собою письмо Людовику отъ императрицы, въ которомъ она въ теплыхъ выраженіяхъ благодарила короля за оказанную ей помощь.¹

Во Франціи заботились не только о драгоценномъ здоровьи русской императрицы, но и зорко слѣдили за дѣйствіями русской арміи; не довольствуясь донесеніями Лопитала, отправляли военныхъ агентовъ на театръ войны. Во время перваго похода русской арміи подъ начальствомъ Апраксина при немъ находился баронъ Фитингофъ, Курляндецъ, поступившій на французскую службу; его замѣстилъ Менаже, составившій подробный журналъ операцій русской арміи вплоть до 1760 г. Въ то же время были и другіе военные агенты, Анжель, Лопиталь, племянникъ посла, Мейссонье; но самымъ важнымъ агентомъ былъ извѣстный инженеръ и военный писатель Монталамберъ. Въ инструкціи, данной ему въ маѣ 1759 г., говорится: „Участіе, которое принимаетъ король въ успѣхахъ оружія русской императрицы, заставляетъ его желать имѣть офицера при русской арміи, которая должна дѣйствовать въ Помераніи, чтобъ онъ былъ свидѣтелемъ операцій русской арміи, помогаль ей по мѣрѣ возможности и даваль отчетъ объ удачныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ слѣ-

¹ Recueil, IX, 74—83.

дуетъ ожидать отъ нея, поэтому король остановился на марквизѣ Монталамберѣ, который по своему военному опыту и другимъ качествамъ показался ему самымъ подходящимъ лицомъ для этого порученія. Главною заботой Монталамбера должно быть просвѣщенное и благоразумное наблюденіе за силами русской арміи, характеромъ, талантами и планами Фермора (главнокомандующаго русскою арміей) и его помощниковъ. Онъ долженъ изслѣдовать самымъ внимательнымъ образомъ, какова организація русской арміи, какія ея выгоды и неудобства, чего можно ждать отъ нея въ будущемъ; какой планъ кампаніи составилъ главнокомандующій и происходитъ ли его дѣятельность и бездѣятельность отъ приказаній, получаемыхъ имъ отъ своего двора или отъ его личного образа мыслей“¹.

Французы не могли, конечно, не желать успѣха нашему оружію, они радовались нашимъ побѣдамъ, но къ этимъ радостямъ присоединялось опасеніе, какъ бы Россія не приобрѣла слишкомъ большого могущества. Такое впечатлѣніе произвела первая побѣда Апраксина при Гроссъ-Егерндорфѣ. Донося о ней Лопиталь опасается, какъ бы блестящее дѣло не измѣнило расположенія русскаго министерства и не придало ему значительнаго вѣса на конгрессѣ, который конечно соберется впоследствии для заключенія мира. Елисавета Петровна говорила австрійскому послу Эстергази, что она не думаетъ ни о какихъ завоеваніяхъ, а желаетъ только помочь Маріи-Терезіи. „Я буду слѣдить, писалъ Лопиталь, за перемѣнами, которыя эта неожиданная побѣда произведетъ въ образѣ мыслей русскаго министерства.“

Вслѣдъ за побѣдой Апраксинъ отступилъ, ушелъ изъ Пруссіи, Французы и Австрійцы сочли это за измѣну и негодовали; на самомъ же дѣлѣ побѣдоносную армію нечѣмъ было продовольствовать, она умирала отъ голода и прусскій генералъ Левальдъ гнался за ней по пятамъ. Французы требовали отъ насъ болѣе энергичнаго веденія войны, особенно послѣ позорнаго сраженія при Росбахѣ, когда 50-тысячная французская армія не выдержала нападенія 25-тысячнаго прусскаго войска ч бѣжала съ поля сраженія. Апраксинъ былъ смѣнень; онъ, по выраженію С. М. Соловьева, былъ жертвой, принесенною для успокоенія союзниковъ, для поддержанія общаго дѣла; его замѣстили

¹ Recueil, IX, 103—110.

менѣе способнымъ Ферморомъ, и притомъ иностранцемъ, что отразилось на походѣ 1758 г.

Апраксинское дѣло повело за собою паденіе Бестужева, чему способствовалъ, насколько могъ, Лопиталь. Была захвачена переписка Екатерины съ Апраксинымъ, впрочемъ довольно невинная, и изъ такихъ сопоставленій, что Апраксинъ другъ канцлера, а послѣдній сблизился съ великимъ княземъ,—вывели заключеніе, что Бестужевъ преслѣдуетъ отдѣльную политику, политику малаго двора, и думаетъ измѣнить порядокъ престолонаслѣдія въ пользу Екатерины. Противники Бестужева сумѣли убѣдить императрицу, канцлера сослали въ Сибирь, а на его мѣсто назначили Воронцова.

Изъ переписки министра иностранныхъ дѣлъ, Берни, съ Лопиталемъ видно, чего ждала Франція отъ участія Россіи въ Семилѣтней Войнѣ. Послѣ нерѣшительнаго Цорндорфскаго боя, ослабившаго однако Фридриха II, Берни писалъ: „Правда, мы желали, чтобы Русскіе дѣйствовали, но мы желали, чтобы они дѣйствовали диверсіями, угрожая Пруссіи, взимая съ нея контрибуціи, отвлекая армію прусскаго короля, но не вступая съ нею въ сраженіе, которое можетъ ослабить ихъ и принести ему новыя выгоды. Мы полагали, что Русскіе должны были подождать, чтобы онъ былъ поставленъ въ затрудненіе арміей австрійской императрицы, что они должны были избѣгать сраженія съ прусскимъ королемъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ въ состояніи разсчитывать на вѣрный успѣхъ.“ Въ этихъ словахъ въ деликатной формѣ высказано пожеланіе, не разъ высказывавшееся австрійскимъ правительствомъ, чтобы русская армія не дѣйствовала самостоятельно, но служила только вспомогательнымъ отрядомъ австрійской. Эта мысль еще больше выясняется изъ слѣдующей фразы французскаго министра: „когда Русскіе будутъ твердо стоять на Одерѣ, мы будемъ больше желать ихъ сохраненія, чѣмъ ихъ побѣды“. Поэтому французскій посланникъ не безъ негодованія сообщаетъ о нотѣ русскаго правительства, врученной Эстергази, въ которой Елисавета Петровна объявляетъ себя одною изъ главныхъ воюющихъ сторонъ, а не помощницей только, какою была раньше. „Это указываетъ на виды Россіи въ моментъ заключенія мира“, пишетъ Лопиталь. Когда послѣ побѣды при Пальцигѣ и Кунерсдорфѣ русская армія вступила въ Берлинъ, Лопиталь писалъ: „Взятіе Берлина придало здѣшнему двору смѣлый, чтобы не сказать дерзкій, тонъ“.

Французскій посланникъ относился къ намъ не слишкомъ дружелюбно, но настаивалъ на томъ, что въ эту минуту союзъ съ Россіей выгоденъ, и его надо поддерживать. „Если не видѣлъ здѣшной страны и ея обитателей собственными глазами, писалъ онъ, — трудно составить себѣ вѣрное понятіе объ ихъ образѣ мыслей, начиная съ императрицы и кончая послѣднимъ Русскимъ. Наши идеи, наши принципы и правила настолько отличаются отъ ихъ идей и принциповъ, что мнѣ нужно было много времени и терпѣнія, чтобъ изучить ихъ. Надо принимать эту державу за то, что она есть, и не сравнивать ее съ нашею или съ Австріей. Она вышла изъ азіятскаго хаоса только со времянь Петра I, который, умирая, оставилъ престолъ плохо утвержденнымъ и едва вышедшимъ изъ тьмы невѣжества. Укоренившіеся пороки здѣшняго правительства увеличиваются, вмѣсто того чтобъ уменьшаться. Эта держава велика своимъ пространствомъ и мала своими средствами. Но она можетъ когда-нибудь оказаться намъ очень полезною, и было бы опасно имѣть ее врагомъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Находясь въ тѣсной связи съ вѣнскимъ дворомъ, мы должны блюсти интересы австрійскаго дома, которые мы и поддерживаемъ, сохраняя союзъ съ Россіей.“ „Чтобы не ошибиться относительно операций Русскихъ въ предстоящую кампанію, доносилъ Лопиталь въ концѣ 1758 г.,—нашему министерству и вѣнскому надо быть убѣжденнымъ разъ навсегда въ радикальномъ недостаткѣ организациі русской арміи. Я въ нѣсколькихъ письмахъ говорилъ о недостаткѣ принциповъ, зависящихъ отъ формы русскаго правительства. У русской императрицы нѣтъ ни одного генерала, способнаго командовать арміей. Русскій солдатъ храбръ и отваженъ; но безъ дисциплины, безъ порядка, безъ офицеровъ, безъ предводителей все будетъ идти всегда очень тихо и дурно. Тѣмъ не менѣе я считаю нашъ союзъ съ Россіей очень полезнымъ и истиннымъ благомъ, потому что наши враги могли бы извлечь изъ нея выгоды, еслибъ она соединилась съ ними. Будемъ скрывать то, что мы думаемъ о Россіи; будемъ хранить союзъ съ нею. Онъ драгоцененъ въ настоящую минуту, онъ можетъ пригодиться намъ въ будущемъ.“¹

Въ то же самое время Елисавета Петровна относилась совершенно искренно къ Французамъ и сокрушалась объ ихъ пораженіяхъ. Послѣ несчастнаго сраженія при Росбахѣ она сказала Ло-

¹ Recueil, IX, 84—97.

питалю: „Прошу васъ передать королю, что онъ всегда со мной, я думаю о немъ во всѣхъ случаяхъ, которые его касаются“. При этомъ она приложила руку къ сердцу. Когда за Росбахомъ послѣдовали новыя пораженія, императрица относилась все внимательнѣе къ французскому посланнику. Когда онъ приходилъ ко двору съ озабоченнымъ видомъ, когда газеты рассказывали какое-нибудь пораженіе, сильно преувеличивая его, Елисавета Петровна подходила къ Лопиталю, брала его за руку и повторяла: „милый посланникъ, не огорчайтесь черезчуръ, подождемъ подробныхъ свѣдѣній, вѣдь всегда все преувеличиваютъ“. ¹

XXIV.

Съ начала 1759 года министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ сдѣланъ Шуазель, что вызвало нѣкоторую переѣвну во французской политикѣ. Берни былъ обезкураженъ неудачнымъ ходомъ войны и думалъ заключить миръ какъ можно скорѣе. Шуазель, несмотря на пораженія, полагалъ, что пока у Франціи остаются солдаты, пушки и корабли, не слѣдуетъ сдаваться Англіи и что въ то же время можно съ успѣхомъ продолжать войну, начатую въ Германіи. Онъ думалъ, что надо пользоваться союзниками и, вмѣсто того, чтобы вступать съ ними въ переговоры о скорѣйшемъ заключеніи мира, какъ это дѣлалъ его предшественникъ, надо еще тѣснѣе сблизиться съ императорскими дворами и привести военныя дѣйствія къ большому единству. Шуазель былъ во Франціи однимъ изъ первыхъ сторонниковъ австрійскаго союза; Россію онъ не любилъ, боялся расширенія ея предѣловъ, но понималъ какую важную роль можетъ сыграть русская армія въ борьбѣ съ Фридрихомъ и считалъ, что надо было пользоваться полнымъ ея содѣйствіемъ; онъ былъ недоволенъ, что между версальскимъ и петербургскимъ дворомъ нѣтъ полного довѣрія. Такого же мнѣнія держались и нѣкоторые другіе дипломаты. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, двоюродный братъ министра, подалъ ему мемуаръ подъ заглавіемъ: *Размышленія о настоящемъ положеніи нашихъ сношеній съ русскимъ дворомъ*. Въ этой запискѣ говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „Можно сказать, что

¹ Vandal. p. 320—321.

Франція не состоитъ въ союзѣ съ Россіей. Эти двѣ державы похожи на людей, относящихся равнодушно другъ къ другу, но имѣющихъ общаго друга и дѣйствующихъ сообща въ интересахъ этого друга. Таково политическое положеніе Франціи относительно Россіи. Вѣнскій дворъ единственная точка соприкосновения между этими двумя державами и единственное звено связывающее ихъ. По этому поводу можно сдѣлать два размышленія: 1) Вѣнскій дворъ имѣетъ особенный интересъ поддерживать такое положеніе и сохранять двухъ могущественныхъ союзниковъ, всегда готовыхъ вооружиться за него, не сговариваясь о своихъ взаимныхъ выгодахъ. 2) Россія была почти всегда врагомъ нашихъ друзей и другомъ нашихъ враговъ. Эта странность вполне естественна и происходитъ отъ внезапной перемены нашей политической системы и оттого, что мы находимся съ Россіей только во временномъ и не непосредственномъ союзѣ; отсюда происходятъ затрудненія въ нашихъ переговорахъ съ Петербургомъ и недоувѣріе обоихъ дворовъ, дружба которыхъ не имѣетъ настоящей точки опоры. На основаніи этихъ соображеній существуютъ, кажется, только два средства создать твердую и основательную систему по отношенію къ Россіи: 1) смотрѣть на эту державу какъ на придаточную державу, не стараться сблизиться съ нею и не рассчитывать, чтобъ она могла намъ лично принести какую-нибудь пользу, исключая того, что она заступаетъ за Австрію. Слѣдую этой системѣ равнодушія, наши переговоры въ Петербургѣ становятся очень простыми и малонинтересными. 2) Соединиться съ Россіей прямою связью и заключать прямо съ нею трактаты вмѣсто того, чтобы приступать къ трактатамъ вѣнскаго двора.“ Авторъ мемуара рекомендовалъ второй образъ дѣйствія, и съ нимъ соглашался Шуазель.

„Вы можете сказать Воронцову, писалъ Шуазель Лопиталю въ началѣ 1759 года, что хотя король желаетъ мира для счастья своего народа и спокойствія Европы, но только на выгодныхъ для него и для союзниковъ условіяхъ; приняты всѣ мѣры для продолженія войны въ нынѣшнемъ году и будущемъ. Чтобы дать русской императрицѣ безспорное доказательство чувствъ короля и чтобъ устранить всякій поводъ къ недоувѣрію, король расположенъ заключить съ обѣими императрицами или съ одною русскою такою конвенцію, которая скрѣпила бы еще болѣе союзъ; и король готовъ дать новыя увѣренія, что онъ не предприметъ никакихъ мѣръ безъ согласія съ союзниками.“

Французскій министръ, желавшій болѣе тѣснаго сближенія съ Россіей, имѣлъ прежде всего въ виду интересы Франціи. Онъ понималъ, что по окончаніи войны Россія могла изъ друга опять превратиться во врага, потому что она помогала Франціи только косвенно, помогая Австріи; никакихъ прямыхъ обязательствъ по отношенію ко Франціи она не имѣла, и при другой политической комбинаціи могло случиться, что Россія станетъ на сторону враговъ Франціи. Шуазель собирался напасть на Англію и приглашалъ Россію принять участіе въ этой диверсіи; онъ предлагалъ русской арміи дойти до Штетина, взять эту крѣпость, затѣмъ съѣсть на шведскія суда и переправиться въ Шотландію. Воронцовъ отказался отъ такого рискованнаго плана, который не могъ принести намъ ни малѣйшей пользы; напротивъ, повредилъ бы нашей торговлѣ съ Англіей. Изъ этого видно, что Франція, такъ же какъ Австрія, старалась обратить нашу армію въ свой вспомогательный корпусъ.

Россіи было предложено приступить къ трактату между Франціей и Австріей, заключенному 30 декабря 1758 года, по которому Франція обязалась держать въ Германіи стотысячную армію. Но отъ нашего правительства тщательно скрывали, что между Франціей и Австріей состоялось секретное соглашеніе, по которому при заключеніи мира Франція будетъ требовать часть Нидерландъ, Австрія — Силезію. Воронцовъ отвѣтилъ на это нотой, въ которой говорилъ, что заключить новую конвенцію только въ томъ случаѣ, если союзныя державы гарантируютъ Россіи восточную Пруссію, которую русская армія фактически завоевала. Такое требованіе встревожило французское министерство и особенно самого Людовика. Франція, дѣйствовавшая очень неудачно на полѣ битвы, претендовала на расширеніе своихъ владѣній, она не допускала, чтобы Россія выставляла подобныя же претензіи.

Французскому посланнику въ Петербургѣ приходилось исполнить очень важное и деликатное порученіе. Лопиталья не считался достаточно способнымъ, онъ былъ старъ, страдалъ подагрой, не любилъ интригъ и потому не сумѣлъ, оставаясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ императрицей, сблизиться съ молодымъ дворомъ. Шуазель рѣшилъ отозвать Лопиталья, но не желая обижать заслуженнаго старика, придумалъ слѣдующую комбинацію. Въ помощники ему былъ назначенъ баронъ Бретель, которому поручалось веденіе дипломатическихъ переговоровъ, въ надеждѣ,

что через некоторое время Лопиталь уйдет самъ, что дѣйстви-
тельно случилось.¹

Бретелю дано было порученіе склонить Россію къ отказу отъ
всякихъ приобрѣтеній. „Двѣ побѣды, одержанныя Русскими, чи-
таемъ мы въ инструкціи Бретелю,—произвели большую перемѣну
въ системѣ и политическихъ видахъ Россіи. До этого времени
Россія, при поддержаніи общаго дѣла въ Германіи, казалось,
дѣйствовала только изъ дружбы и великодушія по отношенію къ
дворахъ вѣнскому и дрезденскому и, желая исполнить обязатель-
ства, принятыя на себя въ 1746 г., петербургское министерство
ограничивалось тѣмъ, что указывало на большія издержки, при-
чиняемыя войной, но ничего не говорило о какомъ бы то ни
было вознагражденіи со стороны прусскаго короля, которое оно
должно получить при заключеніи мира. Эта претензія была за-
явлена только въ концѣ прошлаго года, когда король и австрій-
ская императрица пригласили русскую императрицу присоеди-
ниться къ трактату, заключенному въ 1758 году между француз-
скимъ и вѣнскимъ дворомъ, и когда петербургскій дворъ вручилъ
Лопиталю мемуаръ и ноту. Въ этихъ документахъ Россія ясно
требуетъ вознагражденія за военныя издержки. Эта держава тре-
буетъ уступки восточной Пруссіи по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ,
пока ей не будутъ возмѣщены убытки, и она довольно ясно
указываетъ на то, что приступить къ помянутому трактату только
въ случаѣ, если вѣнскій и французскій дворъ обязуются доставить
ей помянутое вознагражденіе. Король понялъ, какія послѣдствія
и опасность пронстекають отъ подобной претензіи, что тогда при-
дется заключать новый трактатъ, который по необходимости
отдалитъ миръ и продолжитъ бѣдствія войны дальше границы,
которую король желаетъ положить имъ и дальше тѣхъ требова-
ній, которыя она обязана исполнить въ силу теперешнихъ сою-
зовъ. Король не имѣетъ никакихъ честолюбивыхъ видовъ, намѣ-
ренія его чисты, и не имѣя никакого секретнаго желанія про-
должать войну, онъ, напротивъ, чистосердечно желаетъ мира, и
такъ какъ планы его преисполнены справедливости и умѣренно-
сти, образъ дѣйствій его согласуется съ его чувствами. Ничего
не можетъ быть противнѣе такому его расположенію, какъ пре-
тензія Россіи; успѣхи привели ее къ корыстнымъ проектамъ,
осуществить которые, можетъ-быть, возможно было бы только

¹ Vandal, p. 345—366.

послѣ нѣсколькихъ удачныхъ кампаній. Для назиданія барона Бретеля надо прибавить нѣсколько общихъ соображеній, насколько существенно для всѣхъ европейскихъ державъ, въ особенности же для сѣверныхъ германскихъ, помѣшать Русскимъ завладѣть восточною Пруссіей. Это счастье для Россіи, что у нея были монархи, съ успѣхомъ работавшіе надъ уничтоженіемъ остатковъ варварства, существовавшихъ тамъ еще въ концѣ прошлаго вѣка; но здравая политика не позволяетъ дать петербургскому двору воспользоваться выгодами ея теперешняго положенія для увеличенія своего могущества и расширенія предѣловъ своего государства. Страна, почти столь же обширная, какъ соединенныя государства самыхъ важныхъ европейскихъ монарховъ, имѣющая для своей безопасности надобность въ небольшомъ количествѣ людей, можетъ посылать за границу значительныя арміи; страна, торговля которой простирается до Китая и которая легко добываетъ изъ Азіи продукты, достигающіеся другимъ націямъ только послѣ долгаго опаснаго плаванія; страна, войска которой привыкли къ войнѣ и образъ правленія которой—неограниченная монархія, такая страна должна казаться страшною ея теперешнимъ сосѣдямъ и тѣмъ народамъ, которые стануть ея сосѣдами послѣ новыхъ ея завоеваній.

„Можно сказать безъ преувеличенія, что могущество Русскихъ увеличилось вдвое со смерти Петра I, и легко понять, какую роль она стала бы играть на мировой сценѣ, еслибы новыя приобрѣтенія еще возвысили ее. Когда московскія арміи прошли въ первый разъ по Германіи, просвѣщенные дворы поняли, какъ опасно было вводить ихъ въ эту страну, и насколько въ интересахъ всѣхъ монарховъ внимательно наблюдать за планами и предпріятіями націй, могущество которой становилось опаснымъ. Но вѣнскій дворъ поддался нуждѣ настоящей минуты, когда онъ призвалъ на помощь Русскихъ въ двухъ послѣднихъ войнахъ, вызванныхъ смертью короля польскаго Августа II и императора Карла VI. Въ настоящей войнѣ австрійская императрица руководствовалась тѣмъ же мотивомъ, но кто знаетъ, не придется ли ей или ея преемникамъ раскаться въ томъ, что они прибѣгли къ такимъ помощникамъ? Насилія, совершенныя Россіей въ Польшѣ въ 1733 и 1734 годахъ, осада Данцига, предпріятая противъ всякихъ законовъ справедливости и приличія, взятіе въ плѣнъ французскаго посла и трехъ баталіоновъ, содержавшихся въ позорномъ и тяжеломъ плѣну (!) противъ

прямого смысла конституціи, неприличное обращеніе съ другимъ французскимъ посломъ (Шетарди), надменность, съ которою Россія требовала императорскаго титула отъ монарховъ, не имѣвшихъ еще любезности признать его; неполное соблюденіе послѣдняго договора съ Турками (Вѣлградскаго), которые жалуются, что Русскіе построили крѣпость на не принадлежащей имъ землѣ и удержали много подданныхъ Оттоманской имперіи, которые должны были быть возвращены немедленно по заключеніи Вѣлградскаго мира; давленіе, которое Россіи желала произвести на внутреннее управленіе Швеціи, образъ дѣйствій ея по отношенію къ Полякамъ за послѣдніе три года, политическая система Россіи, ея администрація и организація войска, все это должно внушать опасенія, и всѣ монархи, которымъ дороги общественная безопасность и спокойствіе, должны бояться расширенія этой державы.

Король приказываетъ Бретелю познакомиться какъ можно точнѣе съ привязанностями и видами великаго князя и великой княгини, и постараться заслужить ихъ расположеніе и довѣріе. Маркизь Лопиталь по мотивамъ, которые оправдываются его прамотой, не ухаживалъ за молодымъ дворомъ и въ особенности поставилъ противъ себя великую княгиню тѣмъ, что принимала участіе въ удаленіи графа Понятовскаго, къ которому эта принцесса имѣетъ большую склонность. Бретель, которому она вѣроятно будетъ жаловаться, воспользуется этимъ случаемъ и дастъ ей понять, что онъ достаточно знаетъ чувства короля къ великому князю и великой княгинѣ, и что король готовъ способствовать возвращенію Понятовскаго въ Петербургъ. Бретель настолько свѣтскій человѣкъ, что будетъ объясняться съ величайшею осторожностью и всячески падать самолюбіе великой княгини.¹

Инструкція Бретелю очень любопытна въ томъ отношеніи, что ясно раскрываетъ съ какимъ недоброжелательствомъ относилась Франція къ Россіи. Оказывалось, что французскіе плѣнные содержались въ тяжеломъ плѣну, тогда какъ они сами, какъ мы видѣли, рассказывали о прекрасномъ съ ними обращеніи; съ Шетарди поступлено было неприлично, а раньше, по словамъ самого французскаго правительства, онъ поступалъ неприлично и за это отправленъ былъ въ ссылку. Такое недоброжелательство проявляется даже въ то время, какъ Людовикъ XV переписывается съ Елисаветой Петровной и Шуазель озабоченъ болѣе тѣснымъ сближеніемъ съ Россіей.

¹ Recueil, IX, 119—136.

Людовикъ XV, недовѣрявшій, какъ мы видѣли, своимъ министрамъ, желалъ самъ подѣйствовать на Россію, чтобъ извлечь изъ нея какъ можно болѣе пользы и съ этою цѣлью предложилъ вступить въ секретную переписку съ Елисаветой Петровной, на что послѣдовало ея согласіе. Но въ то же время король колебался и боялся, что эта секретная переписка завлечетъ его слишкомъ далеко, а потому онъ потребовалъ мнѣнія у Терсье, старшаго чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, завѣдывавшаго секретною дипломатіей. Терсье написалъ по этому поводу иностранную записку, заканчивавшуюся слѣдующими размышленіями. „Нельзя сомнѣваться въ искренности намѣреній русской императрицы и въ привязанности ея къ королю. Мы убѣждены въ томъ, что она чуждается короля прусскаго. Она желаетъ уничтожить его могущество и покровительствуетъ королю польскому, но она очень нерѣшительна; съ другой стороны, природная робость Воронцова мѣшаетъ ему, несмотря на его добрыя чувства, дѣлать нужныя представленія императрицѣ. Кромѣ того, онъ боится молодаго двора, преданнаго Англіи. Несмотря на сказанное объ императрицѣ и ея министрѣ, могутъ представиться счастливыя обстоятельства, при которыхъ можно будетъ воспользоваться секретною перепиской, чтобы поставить на видъ императрицѣ такія вещи, которыхъ не въ состояніи былъ бы сказать ей Воронцовъ, воодушевить ее и предупредить, что враги короля могли бы предпринять въ Петербургѣ противъ общаго дѣла. Въ этомъ отношеніи секретная переписка можетъ сослужить службу во время войны и во время переговоровъ о мирѣ. Такъ какъ король внимательно слѣдитъ за польскими дѣлами, заботясь о сохраненіи свободы Польши и думая о возможности предстоящаго избранія короля, онъ усмотритъ, какую выгоду въ этомъ отношеніи можно извлечь изъ секретной переписки. Король разсудитъ, можно ли этимъ способомъ заставить русскую императрицу менажировать польскую республику, доведя до свѣдѣнія императрицы то, что она другимъ путемъ никогда не узнаетъ, именно насколько ея собственнымъ интересамъ можетъ повредить поведеніе ея генераловъ.¹ Сказавъ о пользѣ секретной переписки, надо изложить и неудобства, которыя она можетъ имѣть. Многое говорить въ пользу честности Воронцова, но можно ли

¹ Намекъ на то обстоятельство, будто бы русскія войска, проходя черезъ Польшу, позволяли себѣ всякія насилія.

ей безусловно довѣриться? При бурномъ дворѣ, гдѣ враги короля нѣвѣютъ большую силу и постоянно интригуютъ, этотъ министръ можетъ власть въ немилость, бумаги его могутъ быть схвачены, секретная переписка обнаружена, даже противъ желанія императрицы, не говоря уже о томъ, что она можетъ умереть. Англія несомнѣнно воспользовалась бы этимъ открытіемъ и въ ложномъ освѣщеніи представила бы переписку дворамъ вѣнскому, константинопольскому, польскому, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ это могло бы способствовать ея интригамъ. Такимъ образомъ, послѣ безпристрастнаго изслѣдованія вопроса, выходитъ, что на желаніе, выраженное русскою императрицей чрезъ своего министра, вести секретную переписку, надо отвѣтить согласіемъ. Но во избѣжаніе всякихъ неудобствъ, переписка въ началѣ не можетъ быть достаточно осмотрительною и осторожною. Надо слѣдить за тѣмъ, чтобы ничѣмъ не обязываться, однако употреблять самыя пріязненные выраженія. Вѣроятно, что Воронцовъ желаетъ проникнуть въ планы короля, настолько же въ интересахъ короля знать не только планы императрицы, но и русскаго двора. Было бы очень выгодно устроить такъ, чтобы завладѣть чужими секретами, не открывая своихъ.“

Людовикъ одобрилъ соображенія Терсье и на этихъ основаніяхъ началась секретная переписка между монархами, которую однако нельзя назвать интимною. Нѣсколько разъ въ годъ французскій посоль въручалъ императрицѣ собственноручныя письма короля, написанныя оффиціальнымъ слогомъ по всѣмъ правиламъ этикета. Половина письма была занята титулами и учтивыми обращеніями; другая половина посвящалась церемоннымъ увѣреніямъ въ дружбѣ, среди которыхъ помѣщали иногда какой-нибудь совѣтъ. Елисавета отвѣчала въ томъ же тонѣ, и письма эти очевидно не могли привести ни къ какимъ результатамъ. Съ другой стороны шла секретная шифрованная переписка между Воронцовымъ и Терсье. Письма писались канцлеромъ съ одобренія императрицы, Терсье составлялъ проектъ отвѣта, который часто исправлялся самимъ Людовикомъ, но затѣмъ посылался отъ имени Терсье и доводился до свѣдѣнія Елисаветы. Эта переписка недостаточно извѣстна намъ, но, кажется, и въ ней рѣчь шла больше о маловажныхъ политическихъ вопросахъ, потому что Людовикъ доводилъ осмотрительность до крайнихъ предѣловъ.¹

¹ Vandal p. 326—330. *Архивъ князя Воронцова*, т. VI, стр. 420—425.

Когда посланникомъ въ Петербургъ назначенъ былъ Бретель, король рѣшилъ сдѣлать его своимъ секретнымъ агентомъ, а потому ему вручена была вторая секретная инструкция, не совпадавшая съ официальной. Въ то же время секретная дипломатія не одобряла неумѣстнаго плана, составленнаго Шуазёлемъ. Дѣло въ томъ, что министръ надѣялся, что блестящій 27лѣтній офицеръ, баронъ Бретель сумѣетъ заставить Екатерину забыть Понятовскаго и такимъ образомъ приобрѣтетъ большое вліяніе при маломъ дворѣ. Терсье писалъ объ этомъ герцогу Бралья: „не могутъ ли виды, которые имѣютъ на Бретеля, вызвать неудовольствіе императрицы, или ревность великаго князя. Кто знаетъ, удастся ли этотъ проектъ? Развѣ только отъ собственнаго желанія зависить внушить любовь? У Бретеля есть жена, которую онъ, вѣжеству, любитъ. Возьметъ ли онъ на себя порученіе, главный пунктъ котораго заключается въ томъ, чтобы полюбить другую? Если онъ попытается и это ему удастся, императрица будетъ недовольна; если ему не удастся, его будетъ презирать великая княгиня.“¹

Изъ секретной инструкции, данной Бретелю, видно, что Людовикъ все еще дорожилъ Польшей и старался приобрѣсти симпатіи польскихъ пановъ и увеличить французское вліяніе въ Варшавѣ. „Секретные переговоры, читаемъ въ этой инструкціи, на первый взглядъ чужды Россіи, такъ какъ они касаются Поляковъ; но вліяніе, которымъ петербургскій дворъ пользуется въ Польшѣ, заставляетъ посланника при русской императрицѣ слѣдить за этимъ съ тѣмъ же вниманіемъ, съ какимъ дѣлаетъ это посланникъ въ Варшавѣ. Защищать вольности и конституцію польской республики, охранять ее отъ всякой попытки поработенія сосѣдними державами, предупреждать внутренніе безпорядки при приведеніи въ дѣйствіе столь драгоценнаго ей права свободнаго избранія королей, наблюдать за тѣмъ, чтобы въ случаѣ этого событія республика выбрала монарха, пріятнаго королю, и противодѣйствовать успѣхамъ противной партіи: таковы главные предметы секретной дипломатіи.“² Со времени Генриха III

¹ Duc de Broglie, le secret du roi, t, I, p. 370—371.

² Къ этому мѣсту инструкціи Рамбо сдѣлалъ справедливое примѣчаніе: „удивительно, что неограниченный монархъ въ числѣ самыхъ цѣнныхъ правъ Поляковъ ставитъ право избирать короля, когда извѣстно, что избирательная система, сопровождавшаяся подкупами и вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ, была одною изъ главныхъ причинъ анархіи и паденія Польши“.

французскіе короли постоянно поддерживали связь съ Польшей, основанную на дружбѣ и взаимныхъ интересахъ. Польшѣ нечего бояться, она можетъ надѣяться на Францію, которая со своей стороны не можетъ бояться польской республики, которой она благодарна за ея старинную привязанность. Это королевство полезно по своему положенію между державами (Россіей, Австріей и Пруссіей), которымъ было бы опасно проходить по польскимъ землямъ, еслибъ измѣнилась теперешняя политическая система. Турки и Шведы, также сосѣди Россіи и старинные союзники короля, не менѣе заинтересованы въ судьбахъ республики, и желательно, чтобы Поляки въ состояніи были остановить походъ русской арміи и, слѣдовательно, оказать препятствіе предпріятію, которое русскій дворъ могъ бы попытать противъ той, или иной изъ этихъ державъ. Честь короля требуетъ, чтобъ онъ защищалъ свободу Поляковъ всякій разъ, какъ ей будутъ угрожать. Союзъ короля съ русскою императрицей даетъ возможность заступаться предъ нею за польскіе интересы; надо пользоваться этимъ, чтобъ отвращать отъ республики вредъ, который могли бы ей нанести. Бретель позаботится также, чтобъ удовлетворены были жалобы Поляковъ на насилія, которыя позволяютъ себѣ въ Польшѣ русскія войска; онъ будетъ извѣщать Дюрана (посланника въ Варшавѣ) о ходѣ своихъ ходатайствъ, чтобы республика видѣла, какъ король заступается за нее.“

Далѣе новому посланнику поручалось заставить Россію отказаться отъ требованія восточной Пруссіи. „Король убѣжденъ, говорится въ секретной инструкціи, въ искренности дружбы русской императрицы, доказательствомъ чему можетъ служить секретная переписка. Воронцовъ, пользующійся довѣріемъ императрицы, далъ также доказательства своей привязанности къ королю. Черезъ его руки проходитъ секретная корреспонденція. Но въ то же время онъ робокъ; поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда надо будетъ принимать рѣшительныя мѣры, баронъ Бретель долженъ воодушевлять Воронцова и побуждать его расширять свое вліяніе, чтобы пользоваться имъ въ видахъ короля. Но надо сказать, что этотъ министръ, какъ это и должно быть, преданъ тому, что онъ считаетъ интересами своей государыни и своего отечества; слѣдовательно, неудивительно, если онъ имѣетъ въ виду исключительно увеличеніе могущества Россіи. Это цѣль, къ которой стремятся русскіе министры. Министерская инструкція

познакомила Бретеля съ претензіями, заявленными Россіей. На это можно было бы отвѣтить, что еще не настало время предъявлять свои требованія, что предстоящая кампанія можетъ заставитьъ измѣнить планъ, которому слѣдовали до сихъ поръ и что отъ успѣха королевской и союзной армій будетъ зависѣть окончательное рѣшеніе. Бретель долженъ слѣдовать министерской инструкціи, въ которой здѣсь надо прибавить нѣсколько размышленій. Русская императрица предприняла войну только изъ великодушія и желая исполнить трактатъ 1746 года; она въ такомъ же положеніи какъ король, переправившій войска въ Германію въ силу трактата 1756 года. Бретель поставитъ это на видъ, онъ прибавитъ къ этому все, что, по его мнѣнію, можетъ возбудить славолубіе Русской императрицы. Слѣдуетъ подѣйствовать на это чувство, ставя ей на видъ, что Европа перестанетъ считать ее великодушною, если увидитъ, что двѣ побѣды внушаютъ ей мысль о расширеніи своихъ владѣній, о чемъ она прежде не думала. Бретель будетъ дѣйствовать этимъ мотивомъ въ такой формѣ, которая способна произвести наибольшее впечатлѣніе. Издержки, причиненныя Россіи этою войною, будутъ первымъ возраженіемъ русскихъ министровъ. Надо отвѣтить, что издержки короля гораздо значительнѣе, но несмотря на это, онъ не требуетъ никакого вознагражденія; такъ какъ русская императрица дѣйствуетъ только въ качествѣ помощницы австрійской императрицы, такъ же какъ король, русскіе министры нанесли бы непоправимый вредъ славѣ своей монархини, еслибъ она одна получила вознагражденіе: что раздѣляя съ королемъ одни и тѣ же обязательства, это значило бы отказаться дѣлить съ нимъ и честь; не можетъ быть, чтобы русскіе министры способны были посовѣтовать это своей монархинѣ. Они желаютъ оставить за собою восточную Пруссію, или обмѣнять ее на польскія земли и привести въ ясность границы, на счетъ которыхъ обѣ державы спорятъ съ 1686 г. Успѣхъ обоихъ этимъ проектовъ одинаково опасенъ. Требованіе восточной Пруссіи—слѣдствіе плановъ Петра I, всегда желавшаго приблизить свою имперію къ Германіи. Еслибы Пруссія оказалась во владѣніи Россіи, это было бы очень неудобно для Польши, которая и такъ на слишкомъ большомъ пространствѣ граничитъ съ Россіей. Въ одну ночь можетъ рѣшиться судьба Данцига, и въ такомъ случаѣ Польша оказалась бы подъ ярмомъ Русскихъ. Надо всячески стараться, чтобы Данцигъ не былъ взятъ. Чтобы

русскіе министры оставили свой проектъ, Бретель замѣтитъ имъ, что для осуществленія этихъ претензій придется продолжить войну, которую уже теперь трудно выдерживать и потерять. можетъ-быть, прибрѣтенныя теперь выгоды; что общій интересъ требуетъ, чтобы продолжали вести себя съ прежнимъ безкорыстіемъ. Король не станетъ препятствовать денежному вознагражденію Россіи, но требовать его можно только отъ общаго врага; несправедливо было бы требовать, чтобы король далъ вознагражденіе. Если императрица австрійская получить вновь Силезію, она не должна сожалѣть о томъ, во что обойдется ей русская помощь. Если обѣ монархини войдутъ въ соглашеніе относительно этого пункта, и если Россія получить контрибуцію съ короля прусскаго, или короля англійскаго, его союзника, король будетъ доволенъ и желалъ бы, чтобы этою цѣной былъ купленъ миръ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что было бы печально, еслибы Англія, прибрѣты вновь прежнее вліяніе при русскомъ дворѣ, оторвала Россію отъ союза съ Франціей, но слѣдуетъ также бояться слишкомъ большаго вліянія Россіи и слишкомъ большихъ побѣдъ Русскихъ въ эту войну. Чѣмъ больше они будутъ считать себя необходимыми союзниками, тѣмъ большія претензіи будутъ предъявлять. Хотя вообще слѣдуетъ желать, чтобы всѣ союзники дѣйствовали съ одинаковою силой, настоящій случай не таковъ. Бретель не долженъ ни слишкомъ возбуждать Русскихъ, ни удерживать ихъ и не требовать такихъ усилій, отъ которыхъ они будутъ отказываться, подъ предлогомъ ихъ невозможности. Достаточно будетъ, чтобы въ предстоящей кампаніи они не понесли пораженія. Если королевская армія, какъ надо надѣяться, будетъ дѣйствовать успѣшно, вліяніе короля на заключеніе мира будетъ тѣмъ значительнѣе. Русскимъ нельзя будетъ сказать, что имъ обязаны окончаніемъ войны; изъ ихъ бесполезности можно будетъ извлечь аргументы противъ ихъ требованій; уменьшится смѣлость, съ которою они поддерживаютъ свои претензіи и можно будетъ заключить миръ на менѣ затруднительныхъ и опасныхъ условіяхъ.“

Относительно молодаго двора Бретелю позволено было сказать Екатеринѣ, что король будетъ хлопотать о возвращеніи Понятовскаго и тутъ же мы читаемъ нѣсколько фразъ, изъ которыхъ видимъ, что секретная дипломатія относилась къ Россіи еще менѣе доброжелательно, чѣмъ официальная. „Говорятъ, сказано въ секретной инструкціи, что у князя Ивана (Антоновича) зна-

чительная партія и что народъ, считая его Русскимъ, будетъ повиноваться ему охотнѣе, чѣмъ нѣмецкому принцу. Хотя король нисколько не желаетъ возбуждать какую бы то ни было революцію въ Россіи, Бретель долженъ обратить вниманіе на это обстоятельство. Ему слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ король не обязался поддерживать порядокъ въ пользу великаго князя (Петра), онъ не долженъ противиться тому, что разрушило бы этотъ порядокъ, что даже королю пріятнѣе было бы видѣть на русскомъ престолѣ князя Ивана, потому что у него нѣтъ, какъ у Петра, владѣній въ Германіи. Во всякомъ случаѣ, смута могущая возникнуть въ Россіи отъ соперничества этихъ двухъ князей можетъ быть только выгодна королю, потому что она ослабила бы русское государство и потому, что во время смуты, которую легко было бы продолжить, сосѣднимъ державамъ нечего было бы бояться Русскихъ.⁴ ¹

Какъ только Бретель пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ очутился въ неудобномъ положеніи между двумя дворами; онъ сообщилъ Екатеринѣ, что французскій посланникъ въ Польшѣ хлопочеть о возвращеніи Понятовскаго, но когда узнала объ этомъ Елисавета Петровна, Воронцовъ написалъ секретное письмо Терсье съ просьбой удержати въ Варшавѣ ненавистнаго императрицѣ Понятовскаго. Король сейчасъ же отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ дѣлать непріятности Елисаветѣ и отмѣнилъ распоряженія, сдѣланныя въ Варшавѣ. Такимъ образомъ Бретель не могъ сдѣлать ничего пріятнаго Екатеринѣ и такъ же какъ Лопиталь пересталъ ухаживать за молодымъ дворомъ, обративъ все свое вниманіе на польскія дѣла и на войну съ Пруссіей.

Послѣ взятія Берлина русскій главнокомандующій считалъ очень важнымъ занять вольный городъ Данцигъ, принадлежавшій Польшѣ; это была очень хорошо укрѣпленная крѣпость, изъ которой нашъ главнокомандующій думалъ сдѣлать свой базисъ и отсюда предпринять завоеваніе прусской Помераніи. Мы хотѣли войти въ соглашеніе съ данцигскимъ магистратомъ, но намъ помѣшала Франція. Въ инструкціи Бретеля было сказано, что невозможно допустить занятія этого города Русскими, но, кромѣ того, посланникъ получилъ еще слѣдующее секретное письмо отъ самого короля. „Хотя слухи, доходящіе изъ Польши, не безусловно достовѣрны, но нельзя терять ни минуты, чтобы прел-

⁴ Recueil, IX, 139 - 161.

упредить исполненіе плана, замышляемаго Русскими,—это занять Данцигъ. Предъ отъѣздомъ вы изъ депешъ Лопиталя видѣли все, что дѣлалось для сохраненія свободы этого города; это удалось намъ въ то время, когда силы прусскаго короля были гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь, и слѣдовательно эта точка опоры была гораздо необходимѣе Русскимъ, чѣмъ въ эту минуту. Если Русскіе желаютъ занять Данцигъ теперь, когда онъ имъ менѣе нуженъ, чѣмъ во время первыхъ кампаній, то это, конечно, болѣе въ видахъ политическихъ, чѣмъ стратегическихъ. Они начинаютъ чувствовать, что имъ трудно будетъ сохранить восточную Пруссію; они, конечно, желали бы впоследствии въ обмѣнъ Данцига получить хоть часть Пруссіи или Украйны; то и другое одинаково опасно. Вы должны всячески дѣйствовать на Воронцова, чтобы помѣшать исполненію этого проекта. Выставьте ему несправедливость этого поступка, который можетъ омрачить славу императрицы. Прибавьте къ этому всё тѣ резоны, которые могутъ доставить вамъ пріязненные отношенія съ Воронцовымъ; скажите ему, что интересуясь свободой и пользой Польши, я не могу видѣть безъ огорченія предпріятіе для нея невыгодное. Доведите до свѣдѣнія Воронцова, что если онъ дѣйствительно такъ привязанъ ко мнѣ, какъ говоритъ, онъ будетъ дѣйствовать въ противоположность этимъ чувствамъ, если не только не будетъ содѣйствовать подобному проекту, но и не помѣшаетъ ему. Еслибъ освобожденіе его отъ долга послужило только къ отвращенію этого предпріятія, я счелъ бы деньги хорошо употребленными. Вы съумѣете воспользоваться этимъ средствомъ со всевозможною деликатностью. Наконецъ, воспользуйтесь вашимъ вліяніемъ на Воронцова, чтобы помѣшать Русскимъ захватить этотъ городъ. свобода котораго такъ важна для Польши и подчиненіе котораго Россія привело бы къ весьма опаснымъ результатамъ.⁴

Бретель прекрасно исполнилъ возложенное на него порученіе, и благодаря его настояніямъ Россія по политическимъ соображеніямъ пожертвовала важнымъ стратегическимъ пунктомъ, занятіе котораго несомнѣнно принесло бы большую пользу для союзной арміи.¹

Къ концу 1760 года Франція чувствовала, что она не въ состояніи продолжать долѣе войну; въ Америкѣ пришлось уступить Англіи многія колоніи (между прочимъ Квебекъ и Канаду), въ

⁴ Vandal, г. 386—389.

Германіи французская армія не одержала ни одной, сколько-нибудь, значительной побѣды, общественное мнѣніе требовало прекращенія войны, становившейся чрезчуръ обременительною. Поэтому въ декабрѣ Бретелю послали инструкцію, по которой онъ долженъ былъ хлопотать о заключеніи мира. „Король пришелъ къ убѣжденію, говорится въ этомъ документѣ, что проектъ уничтожить прусское могущество, полезный самъ по себѣ, сталъ почти неисполнимъ и разрушителенъ для державъ, принявшихъ въ немъ участіе, такъ что если продолжать войну очень долго, можетъ-быть прусскій король перестанетъ существовать, но въ то же время могущество союзниковъ будетъ ослаблено и пользу отъ разрушенія прусскаго могущества, заключающагося въ одной головѣ, нельзя будетъ сравнить съ дѣйствительнымъ вредомъ, причиненнымъ ослабленіемъ монархій, способствовавшихъ этому разрушенію. Можетъ ли русская императрица найти въ продолженіе войны выгоду, которая уравновѣшивала бы громадную потерю денегъ и людей, когда она отправляетъ за 500 лье отъ своего государства столь значительную армію, какъ дѣйствующая нынѣ въ Помераніи и на Одерѣ? Великая держава, какова Россія, можетъ, чтобы поддержать свое преобладаніе и свои обязательства, удалить изъ своихъ предѣловъ значительныя силы на одну или самое большее на двѣ кампаніи; но эта самая имперія не можетъ, не измѣняя своего кореннаго устройства, пополнять много лѣтъ пробѣлы, образующіяся въ ея арміи отъ дальнихъ военныхъ операцій. Король знаетъ о желаніи, внушенномъ императрицѣ, завладѣть восточною Пруссіей. Русская армія завоевала эту провинцію; но нельзя думать, что прусскій король уступитъ эту страну до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ состояніи сколько-нибудь сопротивляться неприятелю. Надо полагать также, что Англія не позволитъ своему союзнику сдѣлать позорную уступку. Такимъ образомъ, чтобы русская императрица могла сохранить сдѣланное ею завоеваніе, по ходу военныхъ дѣйствій надо заключать, что потребуется еще долголѣтная война, не говоря уже о томъ, что такое расширеніе русскихъ предѣловъ неудобно по отношенію къ Польшѣ, Портѣ и сѣвернымъ державамъ (Швеція и Данія). Бретель спроситъ Воронцова, не думаетъ ли онъ, что потери которыя понесетъ русская императрица въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ войны, которую она вынуждена будетъ вести, превысятъ выгоду отъ приобрѣтенія восточной Пруссіи. Въ одну кампанію императрица потеряетъ боль-

ше Русскихъ, своихъ старыхъ и вѣрныхъ подданныхъ, чѣмъ приобрѣтеть прусскихъ подданныхъ, и военные расходы совсѣмъ не будутъ сообразны съ доходами отъ вновь приобрѣтенной провинціи. Бретель скажетъ Воронцову, что истинная выгода, которую его государыня приобрѣла въ теперешнюю войну, это то, что она показала Европѣ, какъ почтенна ея держава, съ какою вѣрностью и какимъ великодушіемъ императрица исполняетъ свои обязательства по отношенію къ союзникамъ; и дѣйствительно, король думаетъ, что союзъ заключенный итъ съ русскою императрицей, который онъ рассчитываетъ укрѣплять все больше и больше, принесетъ русской торговлѣ существенную выгоду, такъ какъ русскій рынокъ находился до сихъ поръ въ рукахъ Англичанъ, а впредь будетъ подѣленъ между Франціей и Даніей, если Россія захочетъ воспользоваться французскимъ союзомъ. Когда Бретелю удастся доказать русскому министерству, что полезно прекратить войну, онъ постарается убѣдить его сдѣлать это какъ можно скорѣе. Съ этою цѣлю онъ предложитъ русскому министерству два средства: 1) Пусть русская императрица возьмется за интересы союзниковъ и сообщитъ Англии и прусскому королю, что извѣщенная о намѣреніяхъ союзниковъ она въ правѣ договариваться объ общемъ мирѣ для всѣхъ союзниковъ; пусть она пригласитъ королей англійскаго и прусскаго сообщить ей немедленно, во избѣжаніе новой кампаніи, на какихъ условіяхъ они согласились бы возстановить общій миръ. Она могла бы прибавить, что конгрессъ представляется слишкомъ медленнымъ путемъ, что всѣ союзныя державы желаютъ такъ искренно мира, что какъ только будутъ извѣстны чувства королей англійскаго и прусскаго, это дѣло, столь благотѣльное для рода человѣческаго, не потерпитъ отлагательства. 2) Сдѣлавъ это предложеніе Россіи и показавъ ей наше почтеніе и довѣріе, было бы полезно, чтобы Бретель внушилъ Русскимъ мысль предложить королю взяться за заключеніе мира подъ тѣмъ предлогомъ, что король, заинтересованный столько же, сколько другія державы въ германской войнѣ, кромѣ того имѣетъ значительныя дѣла съ Англійей, чуждыя Германіи. Итакъ, король поручаетъ Бретелю четыре главные пункта: 1) Заставить петербургскій дворъ согласиться, что миръ необходимъ. 2) Приступить какъ можно скорѣе къ мирнымъ переговорамъ, чтобъ избѣжать кампаніи будущаго года. 3) Предложивъ русскому двору вести переговоры о мирѣ, заставить его просить и желать посредничества короля. 4) Получить

отъ русскаго министерства планъ умиротворенія Германіи. Пусть въ ходъ всё средства убѣжденія, Бретель употребить всё средства соблазна, чтобы добиться указанныхъ четырехъ пунктовъ. Кромѣ значительной суммы, которую Воронцовъ долженъ королю и о которой больше не будетъ рѣчи, король разрѣшаетъ Бретелю распредѣлить между различными членами министерства миллионъ ливровъ; эта сумма будетъ аккуратно выплачена, какъ только въ нашихъ рукахъ будетъ подписанный императрицей документъ, разрѣшающій намъ начать мирныя переговоры и заключить миръ нынѣшнею зимою.“¹

Вмѣстѣ съ этою инструкціей прислана была Бретелю декларация, которая была предъявлена имъ въ началѣ 1761 г. и начиналась словами: „Христіаннѣйшій король, тронутый несчастіями приносимыми войной Европѣ и почти всему извѣстному міру, считаетъ долгомъ объявить своимъ союзникамъ и, главнымъ образомъ, русской императрицѣ, что его человеколюбіе и вниманіе, съ которымъ онъ относится къ счастію управляемыхъ имъ народовъ, заставляютъ его желать, чтобы всё союзники способствовали возстановленію общаго мира“. Далѣе въ декларациі говорилось слѣдующее: „извѣстно, что могущество короля прусскаго настолько ослаблено, что еслибы не поддерживала его Англія, онъ не могъ бы уклониться отъ вознагражденія, которое можно требовать отъ него за его несправедливое нападеніе. Несмотря на помощь Англіи, ослабленіе этого короля несомнѣнно, и союзнымъ державамъ не слѣдуетъ бояться, что по заключеніи мира прусскій король новыми нападеніями осмѣлится нарушить покой и законы Европы. Остается только гарантировать вознагражденіе державамъ, которыя были жертвами прусскаго нашествія. Король польскій и австрійская императрица единственныя двѣ державы, которыя требуютъ этого вознагражденія. Обязательства, принятые на себя королямъ въ трактатахъ, не менѣе священны для него, чѣмъ поддержаніе Вестфальскаго мира. Но эти обязательства подчинены естественному закону возможности; что было возможно и составляло основу трактата при такихъ-то обстоятельствахъ и особенно въ началѣ войны, часто становится менѣе вѣроятнымъ во время войны и, наконецъ, совсемъ невозможнымъ. Когда удаляется увѣренность достигнуть цѣли, благоразумно союзникамъ сравнивать свои усилія со сво-

¹ Recueil IX, 163—174.

ими надеждами; и если усилія эти обременительнѣе для народа тѣмъ имѣющіяся въ виду выгоды, тогда союзныя державы должны повѣрять другъ другу свои самыя интимныя чувства, чтобы съ общаго согласія поправить миромъ несчастія войны и предпочесть счастье своего народа славѣ и пользѣ военныхъ событій, зависящихъ часто отъ случая, разрушающаго въ одну минуту самыя справедливыя и хорошо обдуманнныя планы. Король весьма желаетъ, чтобы союзники дали отвѣтъ на предложеніе его заключить миръ въ теченіе нынѣшней зимы, тѣмъ болѣе что онъ не предвидитъ, чтобы будущая кампанія поставила союзниковъ въ болѣе выгодное положеніе. Несчастныя подданные будутъ страдать, страны обезлюдѣютъ еще больше, державы истощатъ еще больше свои финансы, и подлежатъ большому вопросу, можно ли будетъ послѣ всѣхъ этихъ жертвъ заключить миръ болѣе выгодный, нежели теперь. Довѣріе, съ каковымъ король относится къ русской императрицѣ, подаетъ ему надежду, что она дастъ тотчасъ же отвѣтъ на эту декларацію и что заботясь съ тѣмъ же рвеніемъ какъ и король о счастіи Европы русская императрица пожертвуетъ своими личными интересами такъ же, какъ намѣренъ сдѣлать это король.¹

Хотя въ деклараціи, предъявленной всѣмъ союзнымъ дворамъ, Франція заявила, что Россія не требуетъ никакого вознагражденія, это было не такъ. Начиная съ 1757 г. петербургскій дворъ постоянно заявлялъ, что надо выяснитъ вопросъ о вознагражденіи Россіи за принесенныя ею въ разорительной войнѣ противъ Пруссіи жертвы. Но до начала 1760 г. австрійское правительство постоянно старалось заглушить его увѣреніями въ томъ, что оно не преминетъ при заключеніи мира доставить Россіи полное удовлетвореніе. Такъ Марія-Терезія въ рескриптѣ отъ 5 декабря 1759 г. къ графу Естергази увѣрала императорскимъ своимъ словомъ, что она приметъ всѣ мѣры для доставленія русской императрицѣ всякаго вознагражденія и всѣхъ выгодъ, которыхъ она сама желаетъ. Но петербургскій дворъ не желалъ удовольствоваться одними обѣщаніями: онъ настаивалъ на изъясненіи со стороны вѣнскаго двора формальнаго согласія на присоединеніе къ Россіи завоеванной русскими войсками восточной Пруссіи. Когда австрійскій посоль приглашалъ Россію приступить къ версальскому трактату и установить планъ общихъ

¹ Recueil, IX, 98—100.

военныхъ дѣйствій на 1760 годъ, ему отвѣчали, что все будетъ исполнено по его желанію, если онъ только согласится заключить новый союзный трактатъ и опредѣлить слѣдующее Россіи вознагражденіе. Естергази заявилъ канцлеру, что не имѣетъ полномочія заключить новый союзный договоръ и актъ о присоединеніи восточной Пруссіи къ Россіи. Черезъ недѣлю послѣ этого онъ сообщилъ о согласіи своего двора подписать декларацію, въ которой Австрія приняла бы на себя торжественнѣйшее обязательство совершенно удовлетворить Россію послѣ заключенія мира. Но Елисавета Петровна не уступила, хотя согласилась на приступленіе къ версальскому трактату, то-есть обязалась продолжать войну противъ Пруссіи за одно съ Франціей и Австріей. Австрійскому послу заявили, что въ проектахъ новаго трактата и конвенціи нѣтъ существенныхъ перемѣнъ, за исключеніемъ статьи о Пруссіи и признанія Россіи воюющею стороною. Въ виду того, что Австрія была крайне необходима помощь русскаго войска, Естергази рѣшился подписать 21 марта 1760 г. новый союзный трактатъ въ отиѣну договора 1746 г. и особенную конвенцію по случаю войны съ Пруссіей. По статьѣ 5-й этой конвенціи Австріи должны быть возвращены Силезія и графство Гладкое, а къ Россіи присоединено Прусское королевство.¹ За заключеніе конвенціи безъ достаточнаго полномочія, австрійскій посолъ получилъ строгій выговоръ отъ Маріи-Терезіи. „Въ договорѣ 1746 г., писала австрійская императрица Естергази, было постановлено, что въ случаѣ разрыва мира со стороны Пруссіи, Силезія и графство Гладкое отбираются назадъ Австріей, а Россіи завоеваній никакихъ не дѣлать, довольствоваться двумя милліонами гульденовъ; теперь это торжественное постановленіе уничтожается и дѣлается новое постановленіе, по которому Россія получаетъ такія же выгоды какъ и мы, хотя Пруссія разорвала миръ только съ нами да съ Саксоніей. Силезія старая наша наслѣдная земля, а Пруссія въ русскомъ владѣніи никогда не бывала, и мы относительно возвращенія Силезіи получили согласіе отъ всѣхъ союзниковъ и подвергались до сихъ поръ большимъ опасностямъ и убыткамъ. Несмотря на все это, мы уже давно русскую императрицу обнадежили, что вполне соглашаемся на вознагражденіе ея убытковъ

¹ Подъ Пруссимъ королевствомъ разумѣется восточная Пруссія принадлежавшая прежде Польшѣ.

и объ ея интересѣ усердствуемъ столько же, сколько о своемъ собственномъ. По великодушію и великой проницательности русской императрицы мы твердо можемъ надѣяться, что она отнюдь не изволитъ поступить въ противность нашему интересу, общему благополучію и собственному намѣренію, ибо отъ конвенціи вмѣсто ожидаемой пользы можетъ послѣдовать великій вредъ.“ Вредъ, по мнѣнію Маріи-Терезіи, заключался въ томъ, что Австрію и Россію могли покинуть другіе союзники, Франція и Швеція. Поэтому австрійская императрица отказалась ратифицировать конвенцію въ томъ видѣ, какъ подписалъ ее Естергази. Въ Вѣнѣ предложили слѣдующую сдѣлку: изъ конвенціи исключили параграфъ, въ которомъ говорилось о присоединеніи Пруссіи къ Россіи, а вмѣсто него составили сепаратный секретный артикуль того же содержанія, но съ оговоркой, что общаніе Австріи относительно присоединенія Пруссіи къ Россіи недѣйствительно, если сверхъ ожиданія Австрія не получитъ Силезіи. Съ этими измѣненіями конвенція была ратификована обѣими императрицами, и Франціи предъявлена только самая конвенція, а не приложенная къ ней секретная статья.¹ Этимъ объясняется, что во французской деклараціи прямо объявлялось, что Россія отказалась ото всякаго вознагражденія; документъ этотъ долженъ былъ также внушить страхъ Россіи и заставить ее отказаться отъ своихъ требованій.

Петербургскій дворъ написалъ слѣдующій отвѣтъ на французскую декларацію: „Конечно, никто не будетъ спорить, что если надобно желать скораго мира, то заключить надобно только миръ честный, прочный и полезный. Безъ сомнѣнія король французскій одного съ нами мнѣнія. Еслибы надобно было говорить объ одномъ прочномъ и честномъ мирѣ, то планъ былъ бы уже готовъ; надобно было бы доставить австрійской императрицѣ всю Силезію и графство Гладъ; Швеціи Померанію, датскій дворъ утвердить въ системѣ союза на счетъ прусскаго короля; польскаго короля не только достойно вознаградить, но и привести въ такое состояніе, чтобъ отовсюду открытыя его земли не легко могли найтись въ обстоятельствахъ, подобныхъ нынѣшнимъ; Англію не только принудить къ справедливой сдѣлкѣ въ американскихъ дѣлахъ, но и уступить Франціи островъ Минорку, да

¹ Мартенсъ, *Собраніе трактатовъ*, т. I, стр. 269 — 272. Соловьевъ *Исторія Россіи*, т. XXIV, стр. 324—325.

и наши убытки насчетъ общаго непріателя такъ вознаградить, какъ того требуетъ наше достоинство, поданныя отъ прусскаго короля причины въ жалобамъ, сильное наше содѣйствіе въ войнѣ и будущая нашихъ союзниковъ польза и безопасность. Но такъ какъ надо разсуждать столько же о возможности и великихъ трудностяхъ, представляющихся для полнаго достиженія всего вышеозначеннаго, то по меньшей мѣрѣ необходимо стараться о томъ, чтобы король прусскій существенно былъ ослабленъ въ своихъ силахъ и Англія чрезъ это потеряла сильное свое вліяніе въ дѣлахъ твердой земли, а союзники хотя бы въ томъ нашли вознагражденіе за свои убытки, что могли бы трудиться спокойно и безопасно надъ восстановленіемъ благосостоянія своихъ государствъ. Дѣйствительно, сила короля прусскаго теперь уменьшена; нѣтъ уже у него тѣхъ армій, съ которыми онъ надѣялся стоять противъ всѣхъ. Но когда послѣ Пальцигской и Франкфуртской битвъ, послѣ потери Дрездена, послѣ Люценскаго дѣла и, наконецъ, проведя всю зиму въ полѣ подъ ружьемъ, нашелся однако онъ въ состояніи, потерявъ въ началѣ минувшей кампаніи цѣлый корпусъ, не только показаться въ полѣ, но и опять дѣла свои поправить, и въ то время какъ дѣла его все же приходятъ день ото дня въ худшее состояніе, а наоборотъ войска союзниковъ приходятъ въ лучшее, и по меньшей мѣрѣ дошли до того, что у послѣдняго солдата истребилось неосновательное мнѣніе о непобѣдимости прусскихъ войскъ, когда при всемъ томъ встрѣчаются такіа трудности въ достиженіи принятыхъ намѣреній, то легко заключить, что уменьшеніе силъ короля прусскаго есть только кратковременное, и такое, что если имъ не воспользоваться, то онъ усилится болѣе прежняго. Когда среди такой свирѣпой войны, когда при непрерывномъ упражненіи всѣхъ его войскъ, когда почти всѣ его сосѣди враги ему, находятъ однако онъ способъ ужасные уроны въ своихъ арміяхъ пополнять съ невѣроятною скоростью, то въ какое состояніе приведетъ онъ свое войско въ два года мира, если въ его рукахъ останутся тѣ же средства. Тогда будетъ зависѣть отъ его благоусмотрѣнія, съ кого начать изъ имперскихъ князей, принимавшихъ противъ него участіе въ нынѣшней войнѣ, чтобы отомстить за это, показать всю свою силу и научить, чтобы имперія не смѣла больше давать противъ него своихъ контингентовъ. Святость вестфальскихъ договоровъ не могла воспрепятствовать нынѣшней войнѣ. Союзъ великихъ державъ его не устрасилъ, а впредь еще меньше

устрашить можетъ. Вооруженныя и однимъ духомъ мужества и твердости руководимыя державы не положили достаточныхъ предѣловъ ему, приведенному въ слабость: могутъ ли онѣ обуздать государя, жертвующаго всѣмъ одной славѣ, когда Франція будетъ обращать все свое вниманіе на поправленіе флота и дѣль своихъ въ Америкѣ и, можетъ-быть, сократитъ свои сухопутныя силы; когда австрійская императрица будетъ принуждена сдѣлать то же самое, иначе миръ ничѣмъ не различался бы отъ войны; когда король польскій станетъ только собирать разбѣжавшихся своихъ подданныхъ, а мы свою армію расположимъ на обширныхъ пространствахъ имперіи? Мы можемъ чистосердечно сказать, что крайне трудно становится намъ продолженіе войны; но еслибы при нынѣшнемъ желаемомъ мирѣ, отъ поспѣшности или по другому несчастію, не было принято мѣръ противъ новой войны, которая дѣйствительно вскорѣ возгорѣлась бы, то мы чрезъ нѣсколько лѣтъ не будемъ въ состояніи опять такую же армію привести къ рѣкѣ Одеру, какаю тамъ теперь была, хотя бы получили большіе миліоны субсидій, ибо не всегда быть можетъ готовая армія изъ Лифляндіи. Когда подробнѣе разсмотримъ вопросъ объ ослабленіи короля прусскаго, то, къ крайнему сожалѣнію, надобно признаться, что самыя къ небу вопіющія несправедливости и безчеловѣчія находятъ ему приверженцевъ и защитниковъ, что при всемъ своемъ изнеможеніи и послѣ большихъ ошибокъ сталъ онъ однако выше прежняго въ мнѣніи людей, судящихъ по наружности; сталъ онъ великъ тѣмъ, что такъ долго могъ противиться такимъ сильнымъ державамъ, и станетъ несравненно выше, когда при мирѣ ничего не потеряетъ. Наши границы обширны и окружены многими сосѣдями; однако положеніе ихъ таково, что можетъ причинять намъ только много досадъ и хлопотъ, но существенной опасности рѣдко можно ожидать. Совершенно иное положеніе нашихъ союзниковъ, особенно австрійской императрицы; она можетъ тотчасъ же съ двухъ сторонъ подвергнуться нападению въ самомъ сердцѣ наслѣдственныхъ владѣній и не получить ни откуда скорой помощи. Итакъ, существенный только интересъ нашихъ союзниковъ заставляетъ насъ съ такою ревностью говорить объ уменьшеніи силъ короля прусскаго. Но Франція находится въ совершенно другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ мы. Сколько бы Англія ни жертвовала для сохраненія короля прусскаго, всегда она этимъ больше пріобрѣтаетъ, чѣмъ теряетъ. Какъ бы американскія и въ другихъ частяхъ

свѣта дѣла хорошо и рѣшительно окончены ни были, но если Англія сохранить свое вліяніе на твердой землѣ Европы и не будетъ опасаться за свои германскія владѣнія и за своихъ союзниковъ, то она найдетъ довольно предлоговъ привести въ упадокъ исправляющійся французскій флотъ, отдаленныя колоніи и вообще торговлю. Такимъ образомъ, прочность будущаго мира и безопасность всѣхъ союзниковъ зависятъ отъ существеннаго ослабленія короля прусскаго; это должно быть первымъ главнымъ основаніемъ мира; но какъ достигнуть этого ослабленія? Австрійская императрица не будетъ настаивать на приобрѣтеніи всего того, на что она имѣетъ неоспоримое право; но такъ какъ она сдѣлала уже нѣкоторыя завоеванія въ Силезіи и можно надѣяться, что въ будущую кампанію сдѣлаетъ еще больше, то нельзя чтобы непріятеля, если искренно желаютъ мира, не сдѣлали ей здѣсь уступокъ. Король польскій, какъ курфюрстъ саксонскій, подвергся такому несправедливому нападенію, и земли его такъ безчеловѣчно разорены, что сами непріятеля не могутъ не признать справедливымъ доставить ему пристойное вознагражденіе. Это вознагражденіе не можетъ состоять въ однѣхъ деньгахъ. Швеція должна приобрѣсти что-нибудь въ Помераніи, получить тамъ лучшее округленіе границъ. Мы со своей стороны за лучшее приобрѣтеніе отъ этой войны почтемъ то, если силы короля прусскаго будутъ существенно уменьшены и мы будемъ въ состояніи положить, что война не скоро опять вспыхнетъ, будемъ покойны нѣсколько лѣтъ, не будемъ принуждены подавать нашимъ союзникамъ для насъ тягостную, а для нихъ иногда позднюю помощь. Мы уже прежде объявили, что желаемъ получить провинцію Пруссію, имѣя на нее полное право: она завоевана нами у такого непріятеля, который самъ намъ объявилъ войну, потому она не принадлежитъ къ римской имперіи. Мы хотимъ получить эту провинцію вовсе не для распространенія и безъ того обширныхъ границъ нашей имперіи, и не для вознагражденія за убытки, ибо владѣніе Пруссіей было бы для насъ въ тягость; но единственно для того, чтобы надежнѣе утвердить миръ, а потомъ, уступивъ ее Польшѣ, окончить этимъ многія взаимныя претензіи, несогласныя съ истиннымъ нашимъ желаніемъ, ненарушимо сохранять эту республику въ тишинѣ и при всѣхъ ея правахъ и вольностяхъ. Такое желаніе не можетъ быть отвергнуто, тѣмъ болѣе, что и королю прусскому эта озерами и болотами наполненная провинція большой въ силахъ разницы не сдѣлаетъ.

Могуть возразить одно, что король прусскій по своему упорству скорѣе рѣшится на всѣ крайности, чѣмъ согласится на уступку ея; но на его упорство не обязаны мы отвѣчать всегдашнимъ спасхожденіемъ. Впрочемъ, если мирное дѣло пойдетъ по желанію и главная цѣль—ослабленіе короля прусскаго—будетъ достигаема, и если при этомъ оказалось бы, что доставленіе намъ Пруссіи крайне затруднительно, и если мы усмотримъ, что, жертвуя нашими правами на Пруссію, можемъ улучшить мирныя условія для всѣхъ союзниковъ, особенно же для Франціи, то мы уступимъ Пруссію; но тогда вѣрные союзники, разумѣется, должны доставить намъ равносильное вознагражденіе.¹

Мы видимъ, что Россія все еще настаиваетъ на вознагражденіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ соглашается сдѣлать уступку, лишь бы заключить миръ и извлечь какія-нибудь другія выгоды. Благо-разумная политика не позволяла слишкомъ настаивать на требованіи Пруссіи; Фридрихъ II не могъ отказатьсь отъ своей коронной провинціи, конвенція наша съ Австріей оказалась бы также совершенно бесполезною, потому что, какъ извѣстно, по окончаніи Семилѣтней Войны Силезія осталась за Пруссіей, кромѣ того, Людовикъ помѣшалъ бы, насколько могъ, всякому расширенію нашихъ предѣловъ. Въ виду этого Воронцовъ старался сойтись съ Франціей и вмѣстѣ съ нею добиться честнаго мира. Шуазель предлагалъ устроить два конгресса, на одномъ Франція заключитъ миръ съ Англіей, на другомъ будетъ заключенъ миръ между Пруссіей и союзными державами. Кромѣ того, французскій министръ требовалъ, чтобы заключено было перемиріе. На перемиріе, которое русское правительство находило выгоднымъ только для Фридриха, Воронцовъ не согласился, и военныя дѣйствія возобновились въ 1761 г. Конференція, собравшаяся подъ предсѣдательствомъ Воронцова, согласилась, чтобы Франція вела переговоры о мирѣ отдѣльно съ Англіей и Пруссіей, и въ то же время предложила Франціи слѣдующую слѣлку. Елисавета Петровна откажется отъ восточной Пруссіи, она объявитъ лондонскому кабинету, что отказывается отъ своихъ завоеваній ради общаго мира, надѣясь, что Англія со своей стороны согласится на уступки и только на этомъ условіи дѣлаетъ она сама уступки. Въ благодарность за это версальскій дворъ секретнымъ образомъ обязуется поддерживать на польскомъ сеймѣ требованія Россіи относительно разграниченія со стороны Украины.

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXIV, стр. 359—363.

Такимъ образомъ, оказавъ услугу Франціи, русское правитель-ство надѣялось достичь намѣченной цѣли, потому что восточную Пруссію думали вымѣнять Польшѣ на другія земли. „Легко видѣть, говорить Вандаль, какую выгоду могла извлечь Франція изъ предложеній Россіи. Фридрихъ твердо держался провинціи, бывшей колыбелью могущества его предковъ; съ другой стороны, онъ пользовался въ Лондонѣ очень большимъ вліяніемъ.“ „Онъ не только король прусскій, говорилъ прежній министръ иностранныхъ дѣлъ Берни, но также первый министръ англійскаго короля. Желаніе сохранить нераздѣльность Пруссіи и необходимость менажировать Россію могли склонить Англію къ уступчивости и, можетъ-быть, побудить ее возвратить нѣкоторыя изъ завоеван-ныхъ колоній.“

Въ то же время Елисавета Петровна отправила Людовику чрезъ Воронцова и Терсье секретное письмо, въ которомъ предлагала заключить союзный договоръ съ Франціей безъ посредства и участія Австріи. Шуазель находилъ выгоднымъ предложенія Рос-сіи и надѣялся такимъ образомъ спасти нѣкоторыя колоніи. „Русскія предложенія, писалъ министръ Бретелю, не потерпятъ противодѣйствія съ нашей стороны. Я имѣю сдѣлать только одно замѣчаніе, канцлеръ долженъ вручить вамъ ноту, въ которой были бы изложены тѣ два условія, на которыхъ Россія готова отказаться отъ приобрѣтенія восточной Пруссіи. Вы видите, что для скорѣйшаго достиженія мира, мы готовы пожертвовать менѣе важными соображеніями, которыя при другихъ обстоятельствахъ показались бы оскорбительными для нашего самолюбія.“ Нашему посланнику въ Лондонѣ, Голицыну, приказано было вступить въ переговоры съ Англіей и побуждать ее къ уступчивости, и Бре-тель радовался, что Франціи будутъ возвращены потерянные ею американскія владѣнія, какъ вдругъ пришло письмо отъ Шуазеля, въ которомъ онъ отказывался отъ своихъ прежнихъ словъ и со-жалѣлъ, что согласился на предложенія Россіи. „Преждевременно, писалъ онъ, переговаривать о видахъ Россіи на польскую Украину и вы должны ограничиваться общими увѣреніями, что король готовъ служить интересамъ русской императрицы.“ Такое коле-баніе объясняется личнымъ воздѣйствіемъ Людовика, отказывав-шагося вступить въ союзъ съ Россіей, если это могло нанести малѣйшій ущербъ Польшѣ. Глава секретной дипломатіи, Терсье, написалъ письмо Бретелю, въ которомъ совѣтовалъ уклоняться

отъ разговоровъ объ Украинѣ и такимъ образомъ устранить русское посредничество въ Лондонѣ и заключеніе союзнаго договора. „Я увѣренъ, написалъ онъ, что вы въ вашихъ переговорахъ постоянно будете слѣдовать секретнымъ видамъ короля, и что вы внушите Шуазёлю мысли, какъ достигъ исполненія этихъ секретныхъ плановъ. Отказъ императрицы отъ своихъ претензій на Пруссію,—важный пунктъ для Польши, но нельзя не опасаться, что она за это постарается вознаградить себя со стороны Украины. Если мы предохранимъ польскую республику отъ этихъ посягательствъ, мы сдѣлаемъ заставить Польшу оцѣнить оказанную ей услугу.“

Несмотря на это французскій посланникъ продолжалъ переговоры о союзномъ договорѣ, а секретная французская дипломатія интриговала въ Польшѣ, стараясь усилить свою партію и въ виду старости короля доставить корону второму его сыну Ксаверію, вполне преданному Франціи. Наконецъ, Людовикъ прямо привазалъ своему посланнику не заключать договора съ Россіей. „Изъ вашихъ донесеній я вижу, писалъ король Бретелю, что вы пошли слишкомъ далеко въ вашихъ переговорахъ съ русскимъ министерствомъ. Опытъ научилъ меня, что самая большая выгода, какую я могу извлечь изъ союза съ Русскими, это помѣшать вреду, который они могли бы причинить намъ тѣснымъ союзомъ съ нашими врагами. Поэтому я желаю, чтобы вы, переговаривая съ Русскими, не заставляли меня объясняться о преемникѣ польскаго престола. Я имѣю основаніе думать, что позволивъ Русскимъ завладѣть Украиной, я только увеличу охлажденіе къ себѣ Турціи. Это значило бы участвовать въ настоящей несправедливости. Я заплатилъ бы слишкомъ дорого за союзъ съ государствомъ, гдѣ интрига пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все бѣльшую силу до такой степени, что самыя точныя приказанія государыни остаются безъ результатовъ, гдѣ шаткость престолонаслѣдія не позволяетъ довѣряться самымъ торжественнымъ обѣщаніямъ. Я чувствую, что трудно согласовать мои инструкціи съ инструкціями Шуазёля, но я требую, чтобы вы постарались привести моего министра къ образу дѣйствія, болѣе выгодному для Польши.“

Бретелю пришлось прервать переговоры съ русскимъ правительствомъ, и когда Воронцовъ говорилъ ему о союзномъ договорѣ, онъ дѣлалъ видъ, что не понимаетъ и говорилъ о торго-

вомъ трактатѣ ¹. Но даже при другихъ взглядахъ Людовика французской дружбѣ въ Россіи скоро долженъ былъ наступить конецъ. Въ декабрѣ 1761 г. умерла Елисавета Петровна и на престолъ вступилъ Петръ III, поклонникъ Фридриха II.

XXV.

Вслѣдъ за смертью Елисаветы Петровны Бретель получилъ секретное письмо отъ Людовика, въ которомъ изъяснялось сожалѣніе о потерѣ императрицы. Французскій король зналъ о симпатіи Петра къ Пруссіи и боялся, что это можетъ отозваться на дѣйствіяхъ русской арміи; но въ то же время онъ надѣялся, что не послѣдуетъ слишкомъ крутой перемены въ русской политикѣ, потому что канцлеромъ оставался Воронцовъ.

Шуазель предвидѣлъ, что въ Петербургѣ можетъ произойти нѣчто весьма неблагоприятное для Франціи, и потому отправилъ Бретелю подробную инструкцію. „Кажется, относительно будущаго можно сдѣлать только три гипотезы, говорится въ инструкціи. Вопервыхъ, новый императоръ будетъ слѣдовать прежней политической системѣ; во вторыхъ, онъ соединится съ нашими врагами, въ третьихъ, онъ выберетъ средній путь. Первая гипотеза самая желательная, но къ сожалѣнію наименѣе вѣроятная. Если она будетъ имѣть мѣсто, вамъ не нужно новыхъ инструкцій; вы будете слѣдовать прежнимъ и будете дѣйствовать такъ, какъ будто бы императрица была все еще на престолѣ. Вторая гипотеза не нуждается въ большихъ объясненіяхъ. Вы, конечно, всячески постараетесь предотвратить такое опасное положеніе убѣжденіями, дружескими увѣщаніями, подкупомъ, перспективой безчестія, которое падетъ на Россію. Наконецъ, третья гипотеза представляется мнѣ наиболѣе вѣроятною, но она можетъ принять различныя формы: 1) Петръ III постарается, можетъ быть, заключить съ Пруссіей болѣе или менѣе выгодный отдѣльный миръ, не заботясь о союзникахъ и не принимая больше участія въ войнѣ. Хотя это лучше, чѣмъ союзъ съ нашими врагами, но это было бы явнымъ нарушеніемъ трактатовъ, позорнымъ отпаденіемъ, которому мы всячески должны помѣшать. 2) Превращеніе военныхъ дѣйствій Русскихъ противъ короля прусскаго могло бы имѣть цѣлю достигнуть общаго мира при посредни-

¹ Vandal, p. 391—401.

чествѣ Россіи. Такая комбинація была бы лучше отдѣльнаго мира, но все-таки противна нашимъ интересамъ. Мы вынуждены были бы отказаться отъ посредничества монарха, извѣстнаго своимъ пристрастіемъ къ Пруссіи, но это надо было бы сдѣлать осторожно. Съ человѣкомъ такого характера, каковъ русскій императоръ, надо обращаться какъ съ ребенкомъ или больнымъ; не надо слишкомъ сердить его и доводить до крайности. 3) Императоръ, желая служить королю прусскому, можетъ-быть, предложить намъ заключить общій миръ съ Пруссіей. Въ такомъ случаѣ вы напомните все, что дѣлалъ король для достиженія мира и тѣ жертвы, которыя онъ готовъ былъ принести для этого. Вы замѣтите, что настоящіе враги Франціи Англичане, что мы только косвенно въ войнѣ съ королемъ прусскимъ. Если вы замѣтите, что новый императоръ серьезно принимаетъ къ сердцу интересы прусскаго короля, вы можете ловко дать понять, что мы вовсе не преслѣдуемъ уничтоженія Фридриха, что мы желаемъ ему зла только потому, что онъ врагъ нашихъ союзниковъ и союзникъ нашихъ враговъ, что если царь желаетъ освободить этого монарха отъ угрожающей ему опасности, онъ не встрѣтитъ съ нашей стороны большаго противодѣйствія, лишь бы онъ сталъ на нашу сторону противъ Англіи.

„Я сообщилъ вамъ всѣ пришедшія мнѣ въ голову мысли. Я полагаюсь на ваше благоразуміе, отъ котораго будетъ зависѣть воспользоваться ими смотря по обстоятельствамъ. Всего предвидѣть невозможно. Намъ надо поддерживать существующую систему и поддерживать союзъ съ обоими императорскими дворами. Но если они вступятъ на противоположный съ нами путь, намъ надо рѣшительно настаивать на принятыхъ ими обязательствахъ, не позволяющихъ имъ договариваться о мирѣ безъ нашего согласія. Это не потому чтобы мы не желали мира, но потому что миръ не можетъ быть намъ выгоденъ, если будетъ заключенъ при посредничествѣ Россіи. Мнѣ остается посоветовать вамъ принять мѣры, чтобы быть хорошо освѣдомленнымъ и устроить секретные пути, чтобы узнавать во время о всѣхъ мѣропріятіяхъ. Канцлеръ Воронцовъ, я полагаю, довольно честный человѣкъ, но онъ такъ слабохарактеренъ, что никогда не будетъ имѣть храбрости противодѣйствовать капризамъ своего государя. Однако надо любезно обходиться съ нимъ, потому что онъ довольно откровененъ и вы можете вывѣдать отъ него такія вещи, которыхъ онъ не хотѣлъ бы сказать. Король разрѣшаетъ вамъ говорить этому министру всякія

любезности. Еслибы Глѣбовъ (генераль-прокуроръ сената), пользующійся довѣріемъ императора, не былъ такъ преданъ Англіи, надо было бы постараться подкупить его, и мы не пожалѣли бы на это извѣстной суммы денегъ.“¹

Французскій министръ былъ правъ говоря, что невозможно предвидѣть будущее; случилось то, что онъ считалъ наименѣе вѣроятнымъ, чего не ожидалъ даже прусскій король, находившійся въ перепискѣ съ Петромъ. „Исходъ дѣла, рассказываетъ Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ, былъ болѣе счастливъ, чѣмъ можно было ожидать. Такъ трудно угадать причины второстепенныя и распознавать различныя пружины, опредѣляющія волю человѣческую. Оказалось, что Петръ III имѣлъ превосходное сердце и такія благородныя и возвышенныя чувства, какихъ обыкновенно не бываетъ у государей. Удовлетворяя всѣмъ желаніямъ короля, онъ зашелъ даже далѣе того, чего можно ожидать.“ Благородныя чувства новаго императора проявились въ томъ, что онъ заключилъ мирный договоръ съ королемъ прусскимъ, по которому всѣ земли, занятыя русскимъ войскомъ, возвращались безо всякаго вознагражденія Пруссіи, и въ отдѣльномъ параграфѣ говорилось, что оба государя, искренно желая соединиться еще тѣснѣе для безопасности своихъ владѣній и для взаимныхъ выгодъ, согласились приступить немедленно къ заключенію союза.²

Дѣйствительно, 8 іюня былъ подписанъ союзный трактатъ между Россіей и Пруссіей; договаривающіяся стороны обязались въ случаѣ нападенія помогать другъ другу войскомъ, состоящимъ изъ пятнадцати тысячъ пѣхоты и пяти тысячъ конницы. Это вспомогательное войско поступало въ полное распоряженіе атакованной державы и должно было подчиняться ея главнокомандующему. Въ сепаратномъ артикулѣ сказано: Когда-бъ съ одной стороны Россійская имперія отъ Оттоманской Порты, или Татаръ, а съ другой области е. к. величества прусскаго отъ Франціи атакованы были, то оба высокіе соговорители, въ мѣста толь трудной, по причинѣ отдаленія мѣстъ, помощи войсками, соглашались и обѣщали другъ другу помогать тогда деньгами, а именно суммой, состоящею въ шестистахъ тысячахъ рубляхъ на годъ, и такое вспоможеніе деньгами продолжать во

¹ Recueil, IX, 183—194.

² Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXV, стр. 35, 39.

все время означенной войны. Въ силу этого союзнаго договора Россія обязана была дать Пруссіи вспомогательный отрядъ противъ Австріи и субсидію противъ Франціи. ¹

Въ Парижѣ выказали крайнее раздраженіе противъ перемѣны русской политики. Когда нашъ посланникъ Чернышевъ подалъ Шуазёлю декларацію о заключеніи мира между Россіей и Пруссіей, тотъ, съ трудомъ скрывая свое раздраженіе, отвѣчалъ: „Не могу не скрыть, что эта декларація крайне насъ удивляетъ; какъ безо всякаго предварительнаго сношенія съ союзниками, система, казавшаяся такъ твердо установленною, вдругъ и до основанія разрушена! Иначе поступилъ третьяго и прошлаго года король, мой государь, хотя также сильно чувствовалъ надобность дать миръ своимъ подданнымъ; во всѣхъ случаяхъ онъ предпочиталъ интересъ союзниковъ своему собственному. Вы должны отдать нашему двору полную справедливость, потому что чрезъ васъ шли тогда переговоры.“ „Тогда были одни обстоятельства, а теперь другія“, отвѣчалъ Чернышевъ и распространился о томъ, какъ поступокъ Петра доказываетъ попеченіе его о благѣ своего народа и вообще его человеколюбіе. „Однако, возразилъ Шуазёль, исполненіе принятыхъ обязательствъ надобно предпочитать всему другому.“ „Нашъ разговоръ, замѣтилъ Чернышевъ, начинается касаться правъ, но такимъ образомъ мы можемъ далеко зайти, а все же другъ съ другомъ не согласимся.“ Этимъ разговоръ о русской деклараціи и кончился. Франція была тѣмъ болѣе недовольна переходомъ Россіи на сторону Пруссіи, что ея дѣла шли плохо и вмѣсто ослабленія прусскаго короля, въ результатѣ получалось ослабленіе Франціи. „Здѣшняго двора обстоятельства теперь очень критическія, доноситъ Чернышевъ. Сухопутное войско въ дурномъ состояніи и мало надежды на его успѣхи въ будущую кампанію, а флотъ еще хуже. Англичане хватаютъ множество французскихъ судовъ, другія не смѣютъ отходить отъ берега, вслѣдствіе чего торговля страдаетъ. Въ казнѣ сильный недостатокъ, народъ обѣднѣлъ и съ крайнею нуждой взыскиваютъ съ него деньги, налагая налогъ на налогъ.“

Въ отвѣтъ на русскую декларацію о мирѣ съ Пруссіей, французское правительство составило декларацію, въ которой не стѣснялось выраженіями. „Король готовъ согласиться на предложенія прочнаго и честнаго мира, но онъ всегда будетъ поступать

¹ Мартепъ, *Собраніе трактатовъ*, т. V, стр. 389—408.

въ этомъ дѣлѣ съ совершеннаго согласія своихъ союзниковъ и будетъ принимать только такіе совѣты, которые будутъ продиктованы честью и честностью; король счелъ бы себя виновнымъ въ измѣнѣ, еслибы принялъ участіе въ тайныхъ переговорахъ; король помрачилъ бы свою и своего государства славу, еслибы покинулъ своихъ союзниковъ; король увѣренъ, что каждый изъ нихъ со своей стороны останется вѣренъ тѣмъ же принципамъ. Король не можетъ забыть главнаго закона, предписаннаго государямъ отъ Бога—вѣрности договорамъ и точности въ исполненіи обязательствъ.“ Людовикъ прямо высказалъ Чернышеву свое неудовольствіе и пересталъ говорить съ нимъ на выходахъ.

Если положеніе нашего посла въ Парижѣ было непріятно, то столь же непріятно было положеніе Бретеля въ Петербургѣ. Отъ иностранныхъ министровъ потребовали, чтобъ они сдѣлали первый визитъ дядѣ Петра III, принцу Георгу Голштинскому, фельдмаршалу русскихъ войскъ. Бретель, послы австрійскій и испанскій отвѣчали, что сдѣлаютъ первый визитъ, если принцъ первый объявитъ имъ о своемъ приѣздѣ. Принцъ не согласился, и канцлеръ, пригласивъ ихъ къ себѣ именемъ императора, объявилъ, что они не будутъ допущены на аудіенцію къ императору, пока не согласятся съ принцемъ Георгомъ на счетъ визитовъ. По этому поводу Шуазель говорилъ Чернышеву, какъ странно и удивительно въ Петербургѣ смѣшиваютъ два разныхъ дѣла: одно совершенно частное и никакой важности въ себѣ не заключающее, согласятся ли извѣстныя лица на счетъ визитовъ, или нѣтъ; такіе случаи при всѣхъ дворахъ часто бываютъ; и ему, самому Шуазёлю, случилось въ Вѣнѣ столкнуться на счетъ визитовъ съ Карломъ лотарингскимъ, братомъ императорскимъ, не согласившись, и до сихъ поръ визиты съ обѣихъ сторонъ не дѣлаются. Однако вѣнскій дворъ считалъ это дѣло постороннимъ для себя, а при русскомъ дворѣ приняло оно такое неожиданное и необыкновенное значеніе. Другое же дѣло, касающееся аудіенціи, государственное: необходимо, чтобы министры допускались къ государямъ, при которыхъ они акредитованы, ибо безъ этого они не могутъ исполнять свою должность и пребываніе ихъ при дворахъ было бы совершенно лишнее. „Прошу васъ, окончилъ Шуазель, донести объ этомъ ко двору вашего государя, представить о различіи, какое находятъ въ этомъ дѣлѣ здѣшній дворъ и о необходимости допустить нашего министра на аудіенцію безъ дальнѣйшаго отлагательства; странное смѣшеніе двухъ

различныхъ дѣлъ можетъ объясниться развѣ тѣмъ, что нарочно ищутъ предлоговъ къ разрыву.“ На донесеніе объ этомъ Чернышева Воронцовъ написалъ для императора: „Вчера баронъ Бретель, будучи у меня, равнодѣрныя представленія чинилъ, на что ему вопреки довольные резоны сказаны были, и сей непріятный разговоръ съ горячностью съ обѣихъ сторонъ продолжался около часа, съ заключеніемъ тѣмъ, что о представленіи его вашему величеству мною донесено будетъ, но что я не надѣюсь чтобы ваше величество отмѣнили объявленное ему свое намѣреніе, какъ бы впрочемъ охотны ни были оказать королю французскому знаки своей дружбы. Наконецъ, г. Бретель просилъ только о сообщеніи ему послѣдней резолюціи вашего величества, отозвался притомъ, что ежели бы она не полезна для него послѣдовала, онъ съ первымъ курьеромъ просить станетъ своего рапела.“ Французское правительство не соглашалось уступить, и Бретель такъ и не получилъ аудіенціи, что не мѣшало ему однако встрѣчаться съ императоромъ въ частныхъ домахъ ¹.

Еще въ царствованіе Елисаветы Петровны случилось обстоятельство, вызвавшее неудовольствіе Петра Ѳеодоровича противъ Бретеля. При петербургскомъ дворѣ, рассказываетъ г. Бильбасовъ, установился обычай, что 24 ноября въ день св. Екатерины во время принесенія поздравленій великокняжеской четвѣ съ тезоименитствомъ великой княгини, всѣ дѣлуютъ руку не только великой княгини, но и великаго князя, который въ отвѣтъ на это обнимаетъ. Въ 1760 году, представители французскаго двора нарушили этотъ этикетъ: супруга французскаго посла, г-жа Бретель, не поцѣловала руку великой княгини, а посоль Бретель не поцѣловалъ руку великаго князя. Это, конечно, было замѣчено всѣми; при великокняжескомъ дворѣ поднялись толки, пересуды. Разговаривая съ австрійскимъ посломъ, Екатерина призналась, что даже не обратила на это вниманія, но, прибавила она, великій князь хорошо замѣтилъ, что Бретель не поцѣловалъ его руки. Такъ разговорами, вѣрнѣе сказать ничѣмъ, дѣло и окончилось; въ 1760 году ни императрица, ни вліятельные ея царедворцы не считали нужнымъ обратитъ вниманіе на нарушеніе этикета по отношенію къ великокняжеской четвѣ ².

Не забылъ этого Петръ Ѳеодоровичъ и воцарившись сталъ рѣзко и оскорбительно обращаться съ французскимъ посломъ.

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXV, стр. 52—54.

² *Исторія Екатерины*, т. I, стр. 412—413.

„Къ Франціи и личности Бретеля, доносили Мерси Аржанто, въ государѣ ежедневно яснѣе обнаруживается большее и большее нерасположеніе. Тагъ русскій императоръ нѣсколько дней тому назадъ говорилъ съ сильнымъ ожесточеніемъ то тѣмъ, то другимъ, что ему хорошо извѣстно, что Бретель относится къ нему непріязненно; что у него день и ночь заняты корреспонденціей, что Бретель съ настоящаго времени не имѣетъ болѣе официальнаго характера, слѣдовательно, онъ, императоръ, не знаетъ, чѣмъ его удерживаетъ до сихъ поръ отъ насилія противъ французскаго посла; онъ велитъ слѣдить за каждымъ его шагомъ. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ за Бретелемъ всегда слѣдуетъ шпионъ, который никогда не теряетъ изъ виду его карету.“¹

Такое положеніе казалось Бретелю невыносимымъ и онъ просилъ отозвать его. Получивъ разрѣшеніе отъ своего правительства, онъ уѣхалъ въ Варшаву, а оттуда въ Вѣну, за нѣсколько дней до государственнаго переворота, котораго онъ, повидимому, не ожидалъ. Это доказываетъ близорукость французскаго дипломата, тѣмъ болѣе странную, что Екатерина обращалась къ нему за помощью, какъ Елисавета къ Шетарди. На этотъ разъ роль Лестока игралъ піемонтецъ Одаръ, нѣсколько разъ являвшійся къ Бретелю и намекавшій ему на подготовлявшійся переворотъ и на помощь, которую ждетъ отъ него Екатерина. Но Бретель не желалъ пускаться ни въ какія рискованныя предпріятія и не вѣрилъ въ силы Екатерины и ея партіи. Наканунѣ отъѣзда Бретеля къ нему явился Одаръ и говорилъ съ нимъ очень настоятельно. „Императрица, сказала онъ, поручила мнѣ довѣрить вамъ, что, побуждаемая самыми вѣрными своими подданными и доведенная до отчаянія обращеніемъ съ ней супруга, она рѣшилась на все, чтобы положить этому конецъ. Не зная, когда ей удастся исполнить свое мужественное рѣшеніе и какія затрудненія представятся ей на пути, она спрашиваетъ васъ, можетъ ли король помочь ей 60тысячью рублей, если у васъ есть кредитъ въ Петербургѣ и вы можете вручить эту сумму лицу, которое передастъ ее императрицѣ въ обмѣнъ на росписку.“ Бретель отвѣтилъ сначала, что у короля принципъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла иностранныхъ государствъ, но затѣмъ замѣтилъ, что если, несмотря на денежные затрудненія, король въ состояніи будетъ оказать ссуду императрицѣ, онъ сдѣлаетъ это съ удоволь-

¹ Сборникъ Историческаго Общества, т. XVIII, стр. 189—191, 76—77.

ствіємъ, не спрашивая, на что ей нужны деньги. Но ничего нельзя сдѣлать безъ разрѣшенія короля. Прежде чѣмъ сообщить своему двору объ этомъ предложеніи, посольство требовало какого-нибудь документа. Одаръ долженъ былъ вручить ему записку, подписанную Екатериной, на аллегорическомъ языкѣ приблизительно такого содержания: „Я поручила подателю этой записки пожелать вамъ счастливаго пути и попросить васъ сдѣлать нѣсколько небольшихъ закупокъ, которыя прошу васъ доставить мнѣ какъ можно скорѣе.“ Одаръ обѣщалъ исполнить всѣ требованія Бретеля, но послѣдній счелъ все это за пустой разговоръ, не сталъ отыскивать требуемой суммы и на слѣдующій день уѣхалъ, поручивъ секретарю посольства Беранже принять Одаря. Если записка будетъ написана какъ слѣдуетъ, Беранже долженъ былъ уведомить объ этомъ Бретеля и тогда послѣдній обратится къ своему правительству. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло бы, пока могли быть доставлены деньги изъ Парижа, а если Екатерина нужна была матеріальная поддержка, то немедленно. Послѣ отъѣзда посла Одаръ назначилъ Беранже свиданіе въ пустынномъ мѣстѣ, онъ вручилъ ему записку, но совсѣмъ не того содержания, какъ ожидали. Екатерина раздумала и писала: „Покупка, которую мы хотѣли сдѣлать, будетъ несомнѣнно сдѣлана, но гораздо дешевле; нѣтъ болѣе надобности въ другихъ деньгахъ.“ Сношенія Екатерины съ французскимъ посольствомъ прекратились и черезъ недѣлю она безъ французской помощи вступила на престолъ (28 іюня 1762 года).¹

Французское правительство осталось очень недовольно поведеніемъ Бретеля, который уѣхалъ изъ Петербурга за нѣсколько дней до переворота и узнавъ объ этомъ событіи въ Варшавѣ, не счелъ нужнымъ вернуться, а поѣхалъ въ Вѣну. „Не могу не сдѣлать вамъ нѣкоторыхъ упрековъ, писалъ ему Шуазель, за то, что вы оставили насъ въ невѣдѣніи о готовившейся революціи, о которой, какъ вы теперь увѣряете, вы знали, и за то, что ожиданіе этого событія не побудило васъ остаться въ Петербургѣ. Вы легко могли отложить отъѣздъ подъ предлогомъ нездоровья. Вамъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, остановиться въ Варшавѣ и ожидать тамъ нашихъ инструкцій.“²

¹ Vandal, p. 414—417.

² Recueil, IX, 197.

XXVI.

Въ новой инструкціи, данной Бретелю и подписанной самимъ королею, Людовикъ XV выражалъ съ рѣдкою откровенностью свой взглядъ на Россію. „Увѣряютъ, писалъ онъ, что русскіе вельможи желаютъ сдѣлать изъ Россіи республику или, по крайней мѣрѣ, ограничить власть монарха. Я чувствую, что это не можетъ случиться скоро. Но такъ какъ отъ этого во всякомъ случаѣ произойдетъ ослабленіе русскаго государства, я думаю, вы серьезно займетесь изслѣдованіемъ расположенія націи къ императрицѣ, къ князю Ивану, и стремленія ея къ свободѣ. Все что можетъ погрузить русскій народъ въ хаосъ и въ прежнюю тьму, выгодно для нашихъ интересовъ. Единственный предметъ моей политики по отношенію къ Россіи,—это удалить ее насколько возможно отъ европейскихъ дѣлъ.“

Для достиженія этой цѣли Бретель старался подкупомъ составить себѣ партію въ Петербургѣ. Намъ извѣстна одна неудачная попытка. Французскій посоль старался подѣйствовать на сенатора Елагина, бывшаго въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Екатериной еще въ царствованіе Елисаветы Петровны, и предлагалъ своему правительству прислать сенатору карету, такъ какъ онъ былъ чувствительнѣе къ подаркамъ, чѣмъ къ деньгамъ. Но Елагинъ довелъ это до свѣдѣнія императрицы, и Екатерина собственноручно написала отъ имени сенатора слѣдующее остроумное письмо къ лицу, приходившему съ предложеніемъ Бретели. „Милостивый государь,—визитъ, который вамъ угодно было сдѣлать мнѣ, возбудилъ во мнѣ, по истинѣ, величайшее удивленіе. Хотя г. Бретель оказывалъ мнѣ честь, отлично принимая меня, что я могъ приписывать только его чрезвычайной вѣжливости, однако не думалъ я, чтобы его вниманіе къ моей особѣ будетъ простираться до того, что онъ назоветъ мое имя во Франціи, и еще кому? герцогу Пралену¹, самому королю. Я не предполагалъ въ себѣ ни довольно великихъ заслугъ, ни такого значенія, ни какихъ-либо качествъ, способныхъ отличить меня отъ безчисленнаго множества вѣрныхъ и усердныхъ подданныхъ моей монархини. Но такъ какъ барону Бретелю угодно было почтить меня

¹ Министръ иностранныхъ дѣлъ.

особеннымъ образомъ, то считаю обязанностью отвѣтствовать выраженіемъ моихъ чувствъ за счастье быть названнымъ королю, вашему государю, и это ставитъ меня въ необходимость просить васъ засвидѣтельствовать мою глубочайшую признательность королю чрезъ посредство герцога Праденъ, которому я не менѣе за то благодаренъ. Я долженъ сдѣлаться достойнымъ благосклонности его величества, оправдавъ хорошее мнѣніе, которое Бретель высказалъ обо мнѣ, и потому-то вынужденъ объявить, что не могу принять кареты, которую мнѣ даритъ его величество. Я даль обѣтъ принимать подарки только отъ императрицы, моей государыни, иначе содѣлался бы недостойнымъ ея благоволенія, которое тшусь заслужить моимъ усердіемъ и ревностью къ службѣ. Я постараюсь сдѣлать все для избѣжанія распространенныхъ врагами Франціи слуховъ, коварно распускавшимися прежде, будто она платитъ почти всѣмъ лицамъ, приближеннымъ къ русскимъ государямъ. Я никогда не буду изъ числа подобныхъ лицъ. Вотъ, милостивый государь, что я прошу васъ передать вашему двору.“¹

Бретель никакъ не могъ столковаться съ русскимъ правительствомъ насчетъ церемоніала, и весной 1763 года, по его просьбѣ, онъ былъ перемѣщенъ въ Стокгольмъ. Екатерина, предвидя образъ дѣйствія французской дипломатинъ въ Швецію, сказала Бретелю на прощальной аудіенціи: „Вы будете моимъ врагомъ въ Швецію; вы будете моимъ врагомъ, въ этомъ я увѣрена.“ Посланникъ изъ учтивости началъ увѣрять, что напрасно императрица такъ думаетъ, что съ этого времени Европа станетъ жить въ мирѣ, подъ покровительствомъ русской государыни. „Такъ вы думаете, сказала Екатерина, что Европа теперь смотритъ на меня? Такъ я имѣю какое-нибудь значеніе въ кабинетахъ? Дѣйствительно, я думаю, что Россія заслуживаетъ вниманія. У меня лучшая армія въ цѣломъ мірѣ; у меня есть деньги, и черезъ нѣсколько лѣтъ у меня будетъ ихъ много. Еслибъ я слѣдовала моимъ склонностямъ, то война приходилась мнѣ больше по вкусу, чѣмъ миръ; но человеколюбіе, справедливость и разумокъ меня удерживаютъ. Я надѣюсь постоянно сохранять миръ. Однако меня не надо подталкивать, какъ императрицу Елисавету, чтобъ я начала войну; я буду воевать, когда это будетъ необ-

¹ Recueil, IX, 218, 215, 289. *Сб. Ист. Общ.* Т. VII, стр. 331—333.

ходимо, буду воевать по убѣжденіямъ разума, а не изъ угодливости.“¹

Слова эти очень характерны. Екатерина дѣйствительно не боялась войны и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивала русскіе интересы. Она старалась приобрести возможно большій вѣсъ въ глазахъ Европы, и Людовикъ скоро убѣдился, что Россія не только не погружается въ хаосъ, но даже властною рукой распоряжается въ Польшѣ, гдѣ еще не такъ давно была сильна французская партія.

Екатерина, желая покончить вѣковую борьбу съ Польшей, тотчасъ же поняла, что въ данномъ случаѣ интересы ея сойдутся съ интересами новой, но сильной сѣверной державы, Пруссія. Елисавета Петровна желала отнять у Фридриха восточную Пруссію и взамѣнъ ея округлить свои владѣнія насчетъ Польши. Екатерина понимала, что планъ этотъ неудобноисполнимъ, особенно послѣ того какъ Петръ III измѣнилъ союзникамъ и Фридрихъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ своими противниками. Поэтому Екатерина подтвердила миръ съ Пруссіей, заключенный Петромъ, и тѣмъ ускорила окончаніе Семилѣтней Войны, такъ какъ Франція и Австрія потеряли надежду на содѣйствіе Россіи. Тотчасъ же послѣ этого императрица вступила въ переговоры съ Фридрихомъ, которые сосредоточивались на польскихъ дѣлахъ.

Со времянь Петра Великаго русскіе государи стремились приобрести герцогство Курляндское, находившееся въ вассальной зависимости отъ Польши. Это стремленіе было достигнуто отчасти при Аннѣ Иоанновнѣ, когда герцогомъ Курляндскимъ былъ Биронъ. Но послѣ ссылки Бирона король польскій Августъ III отдалъ герцогство своему сыну Карлу. Екатерина, вернувъ изъ ссылки Бирона, посадила его вновь на герцогскій престолъ; она ввела войска въ Курляндію и заставила Карла удалиться изъ Митавы. Такимъ образомъ Курляндія, номинально все еще зависѣвшая отъ Польши, фактически попала въ зависимость отъ Россіи, и въ Митавѣ авторитетомъ пользовалась Екатерина, а не польскій король. Безперемонное обращеніе съ Курляндіей было прелюдіей къ раздѣлу Польши.

Королю польскому Августу III было уже 70 лѣтъ, здоровье его слабѣло и близкая его смерть занимала всю Европу. Екатерина поручила своему полномочному министру въ Парижѣ князю

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXV, стр. 325.

Голицыну „подать королю наисильнѣйшія увѣренія о неотмѣнномъ намѣреніи нашемъ содержать съ его величествомъ доброе согласіе и искреннюю дружбу“ и вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣта до-вѣренность Пралена, предложить ему условиться насчетъ кандидата на имѣющійся скоро освободиться польскій престоль. ¹ На самомъ дѣлѣ это была только дипломатическая уловка, чтобы вывѣдать, какого образа дѣйствій будетъ держаться Франція въ польскомъ вопросѣ? Извѣстно было, что еще въ Елисаветинское время французскіе дипломаты хлопотали, чтобы по смерти Августа былъ избранъ его сынъ, а Екатерина рѣшила посадить на польскій престоль природнаго Поляка, и мысль ея остановилась на Понятовскомъ. Это совершенно ясно изъ переписки императрицы съ Фридрихомъ II. „Король польскій боленъ, писалъ Фридрихъ Екатеринѣ, здоровье его значительно разстроено, мнѣ даже пишутъ изъ Варшавы, что опасаются, что конецъ его ближе, чѣмъ воображаютъ; если смерть эта случилась бы неожиданно, то должно оласаться, чтобы при этомъ случаѣ, по интригамъ различныхъ дворовъ, не возгорѣлось снова едва потухшее пламя войны. Я готовъ участвовать во всѣхъ мѣрахъ, какія вамъ угодно будетъ предложить по этому предмету, и чтобы скорѣе приступить къ дѣлу, я считаю должнымъ открыто изъясниться о томъ съ вашимъ императорскимъ величествомъ. Изъ всѣхъ претендентовъ на польскую корону, законы здравой политики обязываютъ меня выключить только принцевъ Австрійскаго дома, и насколько я знакомъ съ интересами Россіи, то мнѣ кажется, что по этому вопросу ея выгоды достаточно отвѣчаютъ моимъ. Впрочемъ я соглашусь избрать изъ всѣхъ претендентовъ того, котораго вы предложите, однако долженъ прибавить, что нашимъ общимъ интересамъ приличествуетъ, чтобы то былъ Пясть (то-есть природный Полякъ), а не иной кто.“ На это русская императрица отвѣтила: „Такъ какъ ваше величество говоритъ въ своемъ письмѣ, что согласится избрать изъ всѣхъ кандидатовъ на польскій престоль того, который будетъ предложенъ мной, то я изъяснюсь столько же откровенно, сколько и искренно въ отвѣтъ на довѣріе ваше, но подъ глубочайшею тайной; въ случаѣ упраздненія польскаго престола, я охотно соглашусь на выключеніе принца изъ австрійскаго дома, если только вашему величеству угодно будетъ сдѣлать то же самое для кандидата,

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 48, стр. 311—312, 588.

поддерживаемого Франціей. Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе вашего величества и также хочу лучше, чтобы корона Польши пала на долю Пяста, но такого, который не стоялъ бы на краю могилы и не получалъ бы жалованья ни отъ одной изъ державъ.“ „Я раздѣляю безусловно всѣ идеи вашего величества, отвѣчалъ Фридрихъ, относительно Польши и не возьму сторону кандидатовъ, покровительствуемыхъ Франціей.“ „Такимъ-то образомъ, писалъ въ другой разъ прусскій король, какъ можно тише, съ помощью вашего величества дадимъ, когда представится къ тому случай, короля Польшѣ.“¹ Еще до смерти Августа III въ Берлинѣ и Петербургѣ рѣшено было посадить на польскій престолъ природнаго Поляка, а не иностраннаго принца, какъ это дѣлалось раньше для того, чтобы Польша была изолирована отъ Европы и чтобы легче было распорядиться разлагающимся королевствомъ.

6 октября 1763 года пришло въ Петербургъ извѣстіе, что умеръ польскій король Августъ, и въ то же утро въ присутствіи императрицы была созвана конференція. Здѣсь было положено за главное основаніе „домогаться объ избраніи въ короли не изъ постороннихъ, но изъ Пястовъ, человѣка такого, который бы, приписуя возведеніе свое на престолъ единственно Россіи, ей бы всегда благодарностью обязанъ, отъ нея зависимъ и совершеннымъ въ ея интересахъ добротствомъ ей преданъ былъ.“ Рѣшено было приказать графу Кейзерлингу, нашему послу въ Варшавѣ, „чтобы всѣми удобовозможными приласканіями старался умножить партію здѣшней сторонѣ доброжелательную“. Но такъ какъ Кейзерлингъ былъ старъ и слабъ здоровьемъ, а въ Польшѣ требовались энергичныя дѣйствія, постановили послать ему въ помощь въ качествѣ полномочнаго министра Репина, бывшаго посланникомъ въ Берлинѣ.

Затѣмъ на конференціи прочитали секретный проектъ президента военной коллегіи Чернышева, поднесенный императрицѣ еще до смерти Августа. Чернышевъ доказывалъ, что русской имперіи „необходимо нужны и полезны натуральныя укрѣпленія и окруженія границъ рѣками, ибо рѣки умножать и открывать новые токи къ благосостоянію государственной коммерціи, укрѣпленіе же натуральное замѣняетъ большое число напрасно употребляющихся и по границамъ разставленныхъ военныхъ людей“. Для того, чтобы наша юго-западная граница имѣла эти натураль-

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 20, стр. 159—160, 162, 164, 173.

ныя укрѣпленія и кончалась рѣками, авторъ проекта совѣтовалъ захватить нѣкоторыя земли у Польши, именно „сдѣлать окруженіе по рѣкѣ Двинѣ и, соединя оную отъ Полоцка на Оршу съ Днѣпромъ къ Києву, захватить по сторону Двины Крейцбургъ, Динабургъ и всю польскую Лифляндію, Полоцкѣ и полоцкое воеводство, Витебскъ и витебское воеводство, по сторону отъ мѣстечка Ула къ Оршѣ, и оное мѣстечко включая отъ Орши, Могилевъ, Рогачевъ, Мисциславскаго воеводства—все лежащее по сѣю сторону Днѣпра и по Днѣпру до нашихъ нынѣшнихъ границъ. Но какъ такое приобрѣтеніе для государственной полезности должно быть отъ сосѣдей своихъ прикрито справедливостью и совокуплено съ разумною политикою, чтобъ у прочихъ державъ не показываться, что завоеваніе сіе сдѣлается однимъ только преимуществомъ силъ, а не справедливостью“. Чернышевъ предлагалъ слѣдующія мѣры: какъ только будетъ получено извѣстіе о смерти Августа, двинуть войска въ тѣ мѣстности, которыя предположено присоединить подъ предлогомъ поддержать намѣченнаго Россіей кандидата, „яко отъ державы трактатами къ „наблюденію и къ сохраненію правъ и вольности польской обя- „занной.““ При избраніи короля или прежде выставить на сеймъ свои претензіи на вышеупомянутыя земли, говоря, что изъ-за этихъ областей возникали постоянныя жалобы, на которыя республика не только никакой справедливости не учинила, но и ни въ какія уваженія не поставляя, въ противность трактатамъ и тому почтенію, которое сосѣдственныя государства одно другому должны, бѣглыхъ никогда не выдавали, пошлины забирали, нарушая тѣмъ свободу коммерціи, многихъ къ нимъ посылаемыхъ ругательски бивали и прочее, что только выискать возможно будетъ; говорить при этомъ, что сіе занятіе и овладѣніе дѣлается не для приобрѣтенія земель, коихъ въ Россійской имперіи, какъ всему свѣту извѣстно, болѣе нежели въ томъ нужда есть, но единственно, чтобъ утвердить натуральныя межи и этимъ избѣгнуть пограничныхъ ссоръ. Такъ какъ Чернышевъ предвидѣлъ, что прочія государства сему супротивляться вознамѣрятся, онъ совѣтовалъ двинуть войско такъ быстро, чтобы державы не успѣли ничего предпринять, какъ съ нашей стороны уже все требуемое исполнилось: со всѣхъ сторонъ вдругъ и поспѣшно показавшееся войско жителей неоспоримо въ робость и послушаніе приведетъ.

Конференція отнеслась осторожно къ смѣлому проекту Чер-

нышева и признала, что „великую сего проекта пользу по многимъ обстоятельствамъ болѣе желать, нежели дѣйствительнаго оной исполненія легко чаять можно“, тѣмъ не менѣе постановила: содержать войска къ дѣйствованію въ Польшѣ опредѣляемыя въ такой, на границахъ, готовности, чтобы по первому указу немедленно туда выступить могли и не выпуская оный проектъ изъ виду, первымъ, здѣшнихъ войскъ, движеніямъ быть со стороны тѣхъ мѣстъ о которыхъ въ ономъ показано. ¹

Изъ того факта, что проектъ Чернышева былъ доложенъ конференціи и что осуществленіе его было признано желательнымъ, видно какъ русское правительство намѣревалось распорядиться въ Польшѣ. Изъ переписки Екатерины съ Фридрихомъ ясно, что вслѣдъ за смертью Августа и до избранія новаго короля уже рѣшенъ былъ вопросъ о раздѣлѣ Польши. „Я желаю, писала русская императрица прусскому королю, грозныхъ демонстрацій на нашихъ границахъ только для того, чтобы воспользоваться нашимъ преимуществомъ надъ другими, я хочу сказать о преимуществѣ, какое даетъ намъ въ дѣлахъ Польши положеніе нашихъ государствъ. Ваше величество сами согласитесь съ тѣмъ, что если мы не воспользуемся имъ, то раздѣлимъ въ равной мѣрѣ вліяніе съ нашими соперниками, въ особенности потому, что подкупъ ихъ будетъ идти своимъ чередомъ. Я не имѣю еще непосредственнаго извѣстія о вооруженіяхъ Австріи и Франціи, но тѣмъ не менѣе думаю, что они состоятся, вслѣдствіе перваго впечатлѣнія относительно согласія между нами по раздѣлу.“ ²

Слухи о прусско-русскихъ замыслахъ доходили до Парижа и Вѣны и тревожили французское и австрійское правительства. „Я не вѣрю слуху, говорилъ министръ Праленъ Голицыну, будто императрица договорилась съ королемъ прусскимъ отнять у Польши нѣкоторыя провинціи и раздѣлить между собой: въ такомъ случаѣ Франція не можетъ остаться спокойною.“ ³ Панинъ, бывший только старшимъ членомъ иностранной коллегіи, но пользовавшійся довѣріемъ Екатерины и потому руководившій иностранною политикой помимо Воронцова, остававшагося канцлеромъ, увѣрялъ австрійскаго посланника, что даже самое малѣйшее расчлененіе королевства польскаго прямо противно русской го-

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 57, стр. 5—11.

² Сб. Ист. Общ. Т. 20, стр. 195.

³ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXV, стр. 323.

сударственной системѣ, и въ Петербургѣ никогда не позволять этого, и что французскій дворъ распространяетъ подобныя слухи для возбужденія державъ противъ Россіи. ¹ Открыто сознались только въ томъ, что Екатерина будетъ поддерживать кандидатуру Станислава Понятовскаго, того самаго, съ которымъ она прежде была въ близкихъ отношеніяхъ.

Въ тотъ самый день, когда пришло въ Петербургъ извѣстіе о смерти Августа, Екатерина писала Фридриху: „Послѣ того какъ согласіе существуетъ между нами, намъ остается только изъясниться, и во избѣжаніе всякой медлительности, я предлагаю вашему величеству того изъ Пястовъ, котораго нахожу могущимъ быть болѣе другихъ обязаннымъ вашему величеству и мнѣ за то, что мы сдѣлаемъ для него. Если ваше величество согласны, то это литовскій стольникъ, графъ Станиславъ Понятовскій, и вотъ мои къ тому доводы: изъ всѣхъ претендентовъ на польскую корону онъ имѣетъ менѣе всѣхъ средствъ достигнуть ее, а слѣдовательно будетъ болѣе другихъ считать себя обязаннымъ тѣмъ, изъ чьихъ рукъ получить корону.“ ²

Избраніе русскаго кандидата не могло быть пріятно Франціи и нужно было рѣшить вопросъ, какъ отнестись къ предстоящимъ выборамъ въ Польшу. Въ данномъ случаѣ замѣтно два теченія; взгляды Пралена не сходились со взглядами Людовика и его секретныхъ политическихъ агентовъ. „Какое намъ дѣло до польской республики и до ея выборовъ, сказалъ однажды Праленъ. Намъ безразлично, кто будетъ на польскомъ престолѣ, Французъ, Чарторижскій, Русскій, кто угодно.“ Министръ иностранныхъ дѣлъ представилъ королю обширный мемуаръ, въ которомъ старался доказать, что у Франціи нѣтъ достаточныхъ основаній интересоваться польскими дѣлами и нѣтъ средствъ принимать въ нихъ участіе. „Цѣль этого мемуара, говоритъ Праленъ, дать королю возможность разсудить, какъ ему относиться къ выборамъ польскаго короля. Франція въ теченіе двухъ вѣковъ пріобрѣла большое вліяніе въ дѣлахъ польскаго королевства; французское министерство постоянно считало, что очень важно сохранять это вліяніе. Слѣдуетъ разсмотрѣть, вѣрно ли это мнѣніе.“ Показавъ, что нѣтъ непосредственныхъ политическихъ интересовъ связывающихъ Францію и Польшу, такъ какъ такіе интересы суще-

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 46, стр. 717.

² Сб. Ист. Общ. Т. 20, стр. 177.

ствують только между сосѣдними государствами, могущими расширять свои предѣлы насчетъ друга друга и оборонять друга друга, авторъ мемуара продолжаетъ: „Слѣдуетъ разсмотрѣть, каковы отношенія Польши къ Франціи, естественны ли они, близки ли, или основаны на отвлеченныхъ умозрѣніяхъ, невѣроятныхъ предположеніяхъ, искусственныхъ комбинаціяхъ. Польша—обширное и прекрасное королевство; земля въ немъ превосходна, жители достойные и умные люди; положеніе королевства выгодно, и оно орошено большими рѣками, способствующими торговлѣ. Но недостаетъ въ немъ народонаселенія, цивилизаціи и хорошаго управленія. Порочная форма его администраціи отнимаетъ у него всякую силу. Эта анархическая форма почти не поправима, потому что она зависитъ отъ предразсудковъ націи, интересовъ знати и устройства страны. Верховный авторитетъ не сосредоточивается ни въ лицѣ монарха, ни въ какомъ-нибудь государственномъ учрежденіи, а въ единогласномъ желаніи націи, слѣдовательно верховнаго авторитета совсѣмъ не существуетъ. Это королевство безъ законовъ и безъ правительства, которое ни республика, ни монархія и которое, совмѣщая всѣ пороки деспотизма и анархіи, не можетъ имѣть ни войска, ни финансовъ, ни торговли; слѣдовательно, оно не имѣетъ никакого вліянія въ политикѣ, оно не можетъ вести никакой войны, не можетъ вступить въ какой бы то ни было союзъ; это пассивное тѣло въ политическомъ отношеніи, которое никакой державѣ не можетъ быть ни полезнымъ, ни вреднымъ. Слѣдовательно доказано, что въ своемъ теперешнемъ положеніи Польша совершенное ничто и должна быть совершенно безразлична для всѣхъ другихъ государствъ. Эту истину не могутъ опровергнуть даже самые рьяные защитники нашей политической системы въ Польшѣ, и они стараются доказать правильность этой системы двумя средствами. Вопервыхъ, можно было бы измѣнить польскую конституцію, такъ что этому королевству была бы возвращена его прежняя сила; во вторыхъ, окончательное разореніе и раздѣлъ Польши можетъ сдѣлать одного изъ ея сосѣдей слишкомъ могущественнымъ во вредъ Франціи“. Авторъ мемуара старается доказать, что нельзя ожидать въ Польшѣ благодѣтельныхъ реформъ, а затѣмъ говоритъ слѣдующее: „Положеніе и интересы державъ, которыхъ Польша можетъ бояться, кажутся гарантируютъ ее отъ опасности быть раздѣленною между сосѣдними державами. Въ самомъ дѣлѣ, Польша граничитъ съ Австріей, Пруссіей, Россіей, Турціей, четырьмя

державами, которыя съ завистью смотрять другъ на друга и которыя поэтому скорѣе защитники чѣмъ враги Польши. Въ интересахъ каждой изъ этихъ державъ покровительствовать Польшѣ, потому что она должна бояться, какъ бы сосѣдъ не увеличилъ своихъ владѣній на ея счетъ. Такимъ образомъ Франція можетъ быть спокойна, что эти четыре державы будутъ блюсти цѣлость Польши, и раздѣлъ этого королевства произойдетъ вѣроятно только послѣ кровопролитныхъ войнъ, въ которыхъ французскому королю не слѣдуетъ принимать участія. Предположимъ даже, что, противъ всякаго вѣроятія, эти державы согласятся раздѣлить между собою Польшу, все-таки сомнительно, чтобъ это событіе могло интересовать Францію.“ Такимъ образомъ министерство иностранныхъ дѣлъ держалось благоразумнаго мнѣнія, что Франція не слѣдуетъ вмѣшиваться въ польскія дѣла и надо предоставить польскому сейму выбирать короля по своему желанію ¹.

Секретная дипломатія возставала противъ взгляда Пралена, она, напротивъ, доказывала, что надо держаться старой системы, посадить французскаго кандидата на польскій престолъ, и съ этою цѣлью предлагала или принца саксонскаго Ксаверія или принца Конти. Людовикъ колебался между взглядами официальной и секретной дипломатіи. Онъ не соглашался на полное невмѣшательство, не хотѣлъ отдать добровольно Польшу въ русскія руки, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ свою слабость и невозможность по окончаніи разорительной и невыгодной войны двинуть вновь войска въ Варшаву. Вотъ что писалъ король Терсье, завѣдывавшему секретною дипломатіей: „Относительно предстоящихъ выборовъ въ Польшѣ я желаю, вопервыхъ, свободнаго выбора Поляковъ, затѣмъ одного изъ братьевъ дофини, преимущественно принца Ксаверія. Если выберутъ принца Конти, я не стану противиться этому“. Въ другой разъ Людовикъ категорически заявлялъ Терсье, что не пожертвуетъ ни однимъ солдатомъ изъ-за польскихъ выборовъ ². Такимъ образомъ французское правительство не рѣшалось на энергичныя дѣйствія, которыя были бы необходимы, чтобъ остановить энергію Екатерины, но вмѣстѣ съ тѣмъ считали нужнымъ отправить секретныхъ агентовъ въ Варшаву, которые интриговали бы противъ русской дипломатіи.

Нерѣшительность и колебанія французской политики ясно ска-

¹ Broglie, le secret du roi, t. 2, p. 88, 72—83.

² Boutaric, t. I, p. 290, 293.

зались въ инструкціи, данной въ концѣ 1763 г. маркизу Боссе, который долженъ былъ замѣстить Бретеля, на самомъ же дѣлѣ отправился въ Петербургъ только въ 1765 г. уже послѣ выборовъ польскаго короля. „Освободившійся польскій престолъ, читаемъ въ этомъ документѣ, даетъ поводъ къ весьма важнымъ опасеніямъ. Тѣсныя связи, установившіяся съ недавняго времени между русскою императрицей и королемъ прусскимъ, внушаютъ подозрѣніе, что эти два монарха предполагаютъ продать корону Пясту за владѣнія, которыя покажутся имъ подходящими. Правда, что исполненіе подобнаго плана можетъ встрѣтить серьезныя затрудненія со стороны всѣхъ державъ, заинтересованныхъ въ равновѣсіи на Сѣверѣ; но такъ какъ самый проектъ и средства къ его осуществленію недостаточно извѣстны намъ, надо внимательно слѣдить за мѣропріятіями Пруссіи и Россіи. Система короля относительно будущаго избранія польскаго короля заключается въ трехъ очень простыхъ пунктахъ. Король желаетъ: 1) чтобы никоимъ образомъ не была нарушена конституція республики; 2) чтобы выборы были свободны; 3) чтобы польская территорія была сохранена въ цѣлости. Король объявилъ, что признаетъ королемъ польскимъ того, кого призоветъ на престолъ свободный выборъ націи, и что кто бы онъ ни былъ, онъ будетъ считаться французскимъ союзникомъ, такъ какъ онъ будетъ главой Поляковъ. Король только рекомендовалъ имъ курфюрста саксонскаго, какъ брата дофины и наиболѣе подходящаго кандидата. Все заставляетъ насъ думать, что Пруссія и Россія имѣютъ опредѣленный планъ дѣйствія и теперь выпскиваютъ только средства привести его въ исполненіе. Планъ этотъ можетъ быть двоякимъ, или онъ состоитъ только въ томъ, чтобы посадить на престолъ Пяста или предполагаютъ отнять у этого королевства нѣсколько провинцій. Несомнѣнно, что еслибы рѣчь шла только о первомъ, мы не видѣли бы въ этомъ ничего противнаго нашимъ политическимъ принципамъ и не стали бы сожалѣть, что курфюрстъ саксонскій не имѣлъ успѣха. Такъ какъ прусскій король согласился съ русскою императрицей посадить на престолъ Поляка, естественно подозрѣвать территоріальныя уступки будущаго короля въ пользу покровительствующихъ державъ. Мы предполагаемъ, что прусскій король желаетъ пріобрѣсти польскую Пруссію и Данцигъ. Вотъ за этимъ надо слѣдить какъ можно внимательноѣ.“¹

¹ Recueil, IX, 225—226.

Въ то время какъ Репинъ дѣйствовалъ очень энергично въ Варшавѣ и для защиты кандидата на польскій престолъ было двинуто русское войско, французская дипломатія напрасно тратила деньги и не въ состояніи была организовать сколько-нибудь серьезную партію. Въ то время въ Варшавѣ Францію представляли три политическіе агента, дѣйствовавшіе самостоятельно; то были: официальный посланникъ престарѣлый маркизъ Поми, интересовавшійся больше молоденькою графиней Мнишекъ, тѣмъ политикой, затѣмъ агентъ секретной дипломатіи Генненъ, и еще секретный агентъ генераль Монне, присланный, чтобы слѣдить за предстоящими выборами. Генненъ долженъ былъ слѣдить за Поми, Монне за Генненомъ; всѣ три агента получили разныя инструкціи, такъ какъ взгляды министерства не сходились съ секретною дипломатіей; изъ всего этого происходила большая путаница, одинъ агентъ жаловался на другаго, и всѣ они доносили, что французская партія находится въ грустномъ положеніи и нѣтъ никакой надежды на избраніе принца саксонскаго. Дѣло кончилось тѣмъ, что Людовикъ отозвалъ за нѣсколько мѣсяцевъ до избирательнаго сейма своего официального посланника, а вскорѣ послѣ того и тайныхъ агентовъ ¹.

Въ польскіе короли былъ избранъ Станиславъ Понятовскій, и это было большимъ торжествомъ для Россіи и Пруссіи и большимъ пораженіемъ для Франціи. Въ восторгѣ Фридрихъ II писалъ Екатеринѣ: „Наконецъ настала эпоха, когда я могу поздравить ваше императорское величество съ счастливымъ успѣхомъ вашихъ плановъ въ Польшѣ. Никогда еще сеймъ не былъ столь спокойнымъ, никогда еще ни одно избраніе столь единодушнымъ, какъ избраніе Станислава Понятовскаго. Я не могу воздержаться, чтобы не прибавить, что ничто не кажется мнѣ болѣе удивительнымъ, какъ-то, что вы совершили столько великихъ дѣлъ, такъ сказать безъ усилій, безъ употребленія насилія, жестокостей; Господь сказалъ: да будетъ свѣтъ и былъ свѣтъ. Дворы вѣнскій и версальскій содрогаются отъ ярости, видя роль, исполненную вами; привычные заставляютъ Россію служить рабочимъ орудіемъ своего честолюбія и политики, они не могутъ скрыть досады, видя высшій полетъ съ какимъ вы парите.“ ²

„Король польскій, доносилъ англійскій посланникъ своему пра-

¹ Broglie, le secret du roi, t. II, p. 238, 252—259.

² Сб. Ист. Общ. Т. XX, стр. 204—205.

вительству, сильно встревоженъ, и не безъ основанія, ибо я долженъ сознаться, что, по моему мнѣнію, русская императрица смотритъ на него единственно какъ на орудіе; она будетъ оказывать ему покровительство до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ ей полезенъ, но не долѣе.“¹ Мнѣніе это должно быть признано справедливымъ; русское войско не выходитъ изъ Польши вплоть до перваго раздѣла, и Екатерина желаетъ при помощи короля и сейма распорядиться по своему. По договору Россіи съ Пруссіей союзники обязались: 1) не позволять пережѣны въ польской конституціи, предупреждать и уничтожать всѣ намѣренія, которыя могли бы къ этому клониться, прибѣгая даже къ оружію; 2) покровительствовать диссидентамъ и уговаривать польскаго короля и республику восстановить ихъ въ прежнихъ правахъ. Чарторижскіе, дяди Понятовскаго, сильная партія которыхъ помогла Екатеринѣ посадить своего кандидата на польскій престолъ, желали сдѣлать нѣкоторыя реформы, отмѣнить или по крайней мѣрѣ ослабить *liberum veto*. Россія и Пруссія противились этому всѣми силами, потому что конституція ослабляла Польшу и давала иностраннымъ державамъ поводъ вмѣшиваться въ ея дѣла; *liberum veto*, требованіе, чтобы дѣла на сеймѣ рѣшались единогласно, давало возможность распустить сеймъ, какъ только онъ собирался принять какое-нибудь непріятное рѣшеніе. Этимъ порядкомъ или беспорядкомъ очень дорожили Фридрихъ и Екатерина. Далѣе русская императрица требовала, чтобы диссидентамъ, то-есть всѣмъ не католикамъ, въ томъ числѣ и православнымъ, были даны гражданскія права, которыми они не пользовались, чтобъ они имѣли право занимать всякія государственныя должности и участвовать въ сеймѣ. Въ одной депешѣ Панина къ Репнину объяснено, почему Россія защищаетъ диссидентовъ „не для распространенія въ Польшѣ нашей и протестантскихъ вѣръ, но для пріобрѣтенія чрезъ посредство нашихъ единовѣрныхъ и протестантовъ единожды навсегда твердой и надежной партіи съ законнымъ правомъ участвовать во всѣхъ польскихъ дѣлахъ“ и потому, что эта партія, какъ слабѣйшая въ будущемъ правительствѣ польскомъ, сохраненіе свое въ ономъ должна будетъ всегда заимствовать отъ нашего покровительства“².

Требованіе, чтобы всѣ вѣроисповѣданія были сравнены въ

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 12, стр. 325—326.

² *Сб. Ист. Общ.* Т. 67, стр. 409.

своихъ правахъ вызвало бурю въ Польшѣ, привело къ междоусобной войнѣ между католиками и диссидентами. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ описывалъ состояніе Польши въ такихъ выраженіяхъ: „Положеніе этого несчастнаго и страдающаго отъ раздоровъ королевства въ настоящую минуту до того затруднительно, что еслибъ отъ меня потребовали, чтобъ я отъ имени короля, моего повелителя, высказалъ мнѣніе: должны ли русскія войска удалиться изъ Польши или нѣтъ? то я бы сказалъ: нѣтъ; ибо, еслибы Польша была предоставлена самой себѣ, безо всякаго основанія силы иностранной или собственной для поддержанія какаго бы то ни было правительства, то слѣдствіемъ такого порядка вещей немедленно появилась бы анархія; справедливыя привилегіи диссидентовъ, которыхъ требовали столь многія державы, исчезли бы, какъ исчезли бы и самыя диссиденты, и одна пятая часть Поляковъ была бы перерѣзана остальными четырьмя пятими.“²

Король прусскій предвидѣлъ, что Франція не будетъ спокойно смотрѣть на польскія дѣла, но предвидѣлъ также, что ея усилія не предотвратятъ паденія Польши. „Дворы вѣнскій и версальскій, писалъ Фридрихъ Екатеринѣ, не такъ скоро уступятъ то, что замыслили; безпокойство Французовъ и зависть Австрійцевъ не позволяютъ имъ быть спокойными зрителями царствованія короля польскаго, котораго не они возвели на тронъ. Къ счастью, ихъ недоброжелательство ограничится безплодными дѣйствіями, которыя засвидѣтельствуютъ объ ихъ безсиліи“.³ Сначала Франція ограничилась тѣмъ, что не соглашалась признать Понятовскаго, но когда послѣ Пралена министерскій портфель перешелъ вновь въ руки Шуазеля, были приняты болѣе энергичныя мѣры, чтобы спасти Польшу отъ русскаго деспотизма, какъ выражались въ Парижѣ. Шуазель писалъ Жерару, французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Данцигѣ: „Король истинно интересуется судьбой Польши, и вы въ этомъ отношеніи не можете ничего преувеличить въ разговорахъ своихъ съ патриотами, лишь бы вы ограничивались общими мѣстами, которыя не обязываютъ насъ ни къ чему, и лишь бы только вы всегда давали имъ чувствовать, что жалкія и безсвязныя дѣйствія польской націи, которая сама не умѣетъ помочь себѣ, не дають и друзьямъ ея средствъ

² Сб. Ист. Общ. Т. 12, стр. 401.

³ Сб. Ист. Общ. Т. 20, стр. 222.

помочь ей. Патриоты должны чувствовать, что съ этихъ поръ только отъ оружія должны зависѣть спасеніе, независимость, само существованіе республики. Въ настоящихъ обстоятельствахъ самый главный предметъ—это дѣлать всевозможное зло Русскимъ, не стѣсняясь какимъ-нибудь временнымъ неудобствомъ, могущимъ отъ этого произойти. Эта политика составляетъ часть великихъ видовъ, входящихъ въ настоящую систему короля.“¹ Поэтому французское правительство сочло нужнымъ помогать католической конфедерации, которая вела открытую войну съ конфедерацией диссидентовъ и русскимъ войскомъ. „Мнѣ весьма жаль сообщить вамъ, писалъ герцогъ Галифаксъ англійскому посланнику въ Петербургѣ, что Франція старается не только поддержать, но даже усилить смуты въ Польшѣ. Англійскіе посланники въ Вѣнѣ и въ Дрезденѣ оба получили извѣстіе, что версальскій дворъ обязался выдавать польскимъ конфедератамъ ежемѣсячную субсидію въ шесть тысячъ червонцевъ съ тѣмъ, чтобъ они имѣли четыре тысячи войска, что многіе французскіе офицеры намѣреваются служить въ этомъ корпусѣ“². „Извѣстно, что огромныя суммы, розданныя Французами конфедератамъ, писалъ Фридрихъ Екатеринѣ, явно усилили ихъ религіозную ревность и ихъ католицизмъ, впрочемъ Франція не извлечетъ изъ того никакой пользы, потому что начальники конфедератовъ тратятъ эти деньги и не берегаютъ, чтобы содержать на жаловань толпу народа, которую они собрали.“³ Чтобы руководить дѣйствіями конфедератовъ, послали въ Польшу Дюмурье, пріобрѣвшаго впоследствии большую извѣстность. Но несмотря на то, что во главѣ католическаго войска стоялъ пылкій французскій офицеръ и въ немъ служила цѣлая шайка французскихъ авантюристовъ, конфедераты были совершенно разбиты въ концѣ 1771 года.

XXVII.

Шуазель сознавалъ, что въ самой Польшѣ трудно добиться сколько-нибудь серьезныхъ результатовъ. „Легкомысліе Поляковъ, говорилъ онъ,— ихъ несогласіе между собой, ихъ народный характеръ не позволяютъ надѣяться съ ихъ стороны ни на какое сколько-нибудь значительное усиліе противъ Россіи.“ Поэтому фран-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 28, стр. 87—88.

² *Сб. Ист. Общ.* Т. 19, стр. 196.

³ *Сб. Ист. Общ.* Т. 20, стр. 256.

цузскій министръ прибѣгъ къ старой политикѣ и старался возбудить противъ насъ Турцію и Швецію. Въ данномъ случаѣ и Людовикъ и его секретная дипломатія были согласны съ министерствомъ. „Мы такъ далеко отъ Польши, писалъ король герцогу Брольи, — что мы не можемъ помѣшать дѣйствіямъ Ренина, пока намъ не будетъ помогать Вѣна и Порта.“¹

Шуазель приказалъ французскому послу въ Константинополѣ Вержену побудить Порту заступиться за Польшу и объявить войну Россіи. Французская интрига въ Турціи велась очень дѣлательно, пока не привела наконецъ къ желаемымъ результатамъ. Нашъ посоль Обрѣзковъ доносилъ, что недоброжелатели русскаго двора (то-есть Верженъ, которому помогали австрійскій посоль) всѣми силами подущаютъ Порту вступить за Поляковъ; они доказываютъ Портѣ неосновательность претензій русскаго двора на право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, при этомъ горячимъ сообщникомъ ихъ является крымскій ханъ. Сначала Порта положила смотрѣть равнодушно на польскія дѣла и послала хану запрещеніе въ нихъ вмѣшиваться; но ханъ снова прислалъ донесеніе, что самые знатные Поляки, въ виду притѣсненій отъ русской императрицы за несогласіе удовлетворить ея требованіямъ въ дѣлахъ вѣры, вознамѣрились просить Порту о защитѣ и покровительствѣ и объявили своему королю, что если онъ согласится на требованія русской императрицы, то они непремѣнно лишатъ его престола. Французскій и австрійскій послы сейчасъ явились съ прежними представленіями, что Польша государство независимое, и претензіи Россіи и Пруссіи относительно вѣры въ ней противны ея вольности. Вскорѣ послѣ этого Обрѣзковъ увѣдомилъ Панина, что австрійскій и французскій послы сдѣлали Портѣ письменное представленіе, что русскій дворъ старается уничтожить польскую вольность и древніе уставы республики, и дѣлаетъ это съ такимъ самовластіемъ, какъ будто распоряжается въ собственномъ государствѣ; такихъ поступковъ со стороны Россіи никто не ожидалъ, тѣмъ болѣе, что Порта манифестами своими французскому, австрійскому и другимъ дворамъ объявила, что никакъ не потерпитъ поврежденія вольности и древнихъ уставовъ польскихъ. Вслѣдствіе такихъ объявленій, Порта, для поддержанія собственнаго достоинства, должна соединиться съ ихъ дворами и принять мѣры для защиты поль-

¹ Boutaric, t. I. p. 363.

ской вольности и для безопасности собственныхъ границъ. Русскій дворъ такъ смѣло распоряжается въ Польшѣ, надѣясь на союзъ съ прусскимъ королемъ; несмотря, однако, на это, дворы австрійскій и французскій не будутъ смотрѣть равнодушно на происходящее въ Польшѣ. Для противодѣйствія этой запискѣ, Обрѣзковъ подалъ Портѣ свою, въ которой доказывалъ права диссидентовъ и права русской императрицы защищать ихъ. Такъ какъ турецкое правительство колебалось, французскій посоль черезъ нѣкоторое время подалъ новую записку, въ которой говорилъ, что по смерти Августа III русскій дворъ возвелъ на польскій престолъ свою креатуру и возжегъ усобицу между Поляками для своихъ выгодъ, наполнивъ страну своими войсками. Порта въ собственныхъ интересахъ не можетъ быть равнодушна, и единственное средство для нея къ отвращенію зла—это заключеніе союза между нею и Франціей. Убѣжденія французскаго дипломата, продолжавшіяся не менѣе трехъ лѣтъ, подѣйствовали наконецъ на Порту; она стала требовать, чтобы русскія войска были выведены изъ Польши, и наконецъ драгоманъ объявилъ Обрѣзкову: „ты долженъ обязаться, что русскій дворъ отречется отъ защиты диссидентовъ и оставитъ Польшу при совершенной ея вольности.“ Обрѣзковъ отвѣчалъ, что дать такое обязательство не въ его власти; тогда нашего посланника арестовали и засадили въ подземельный погребъ одной башни. Въ 1768 году Турція объявила войну Россіи. ¹

Вслѣдъ за этимъ, Верженъ оставилъ свой постъ и подалъ королю мемуаръ „о французской политикѣ въ Турціи“, который вдвойнѣ интересенъ, потому что выражаетъ взгляды французскаго правительства на Россію и излагаетъ интригу, которую авторъ велъ въ Константинополѣ. „Европа, говоритъ французскій дипломатъ, только-что начала наслаждаться миромъ, когда смерть короля польскаго Августа III открыла новое представленіе, развязка котораго можетъ-быть еще далека и неизвѣстна. Россія разсудила, что, благодаря союзу съ Пруссіей, она можетъ располагать польскимъ престоломъ; отъ утомленныхъ великихъ державъ она не могла ждать сопротивленія; бояться ей приходилось только Турокъ, но она счумѣла и ихъ присоединить къ своимъ видамъ. Турки думали, что выборъ Паста будетъ приятенъ Полякамъ и ихъ сосѣдямъ; они не поняли, что царица не предоставила По-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 27, стр. 266—269, 14.

лякамъ свободаго выбора, а заставила ихъ выбрать того, кого хотѣла. Порта отнеслась равнодушно къ узурпаціи Россіи конституціонныхъ правъ Польши, но опасалась, какъ бы ея территория не была занята Россіей. Пробужденная совѣтами и увѣщаніями Франціи, она поняла, что подъ видомъ разграниченія съ Польшей Россія собиралась отнять у Польши территорию, которая, попавъ въ руки Россіи, по своему положенію будетъ опасна для Турціи. Порта дала понять, что она не потерпитъ никакого захвата. Таково было положеніе вещей по окончаніи польскаго сейма 1766 г. Россія могла хвастаться послушаніемъ оязаннымъ ей сеймомъ; все произошло по ея желанію; сопротивленіе встрѣтило только требованіе, чтобы диссиденты были восстановлены въ ихъ яко бы прежнихъ правахъ. Это сопротивленіе раздражило Россію; она считала себя въ правѣ требовать полнаго повиновенія Поляковъ и рѣшила принудить ихъ къ этому. Она захотѣла образовать изъ диссидентовъ конфедерацію, которою могла бы располагать по своему желанію. Эта пнтрига велась въ величайшемъ секретѣ, но тѣмъ не менѣе о ней узнали и предувѣдомили Порту. Ей дали понять, къ какому безпорядку приведетъ этотъ возмутительный проектъ, что слѣдствіемъ будетъ междоусобная и религіозная война, что, какъ весьма вѣроятно, не пощадятъ и турецкихъ границъ, что несчастіе это можно предупредить, если потребовать отъ петербургскаго двора, чтобъ онъ немедленно вывелъ войска изъ Польши. Порта понимала это, но, любя покой, отвергла предложенное ей средство, потому что, не будучи увѣренною, что Россія выведетъ войска по ея требованію, она не хотѣла компрометтировать себя. Порта колебалась, не принимала никакого рѣшенія, и Россія могла дѣлать все, что ей угодно; диссиденты образовали конфедерацію подъ покровительствомъ Россіи. Въ этомъ мемуарѣ не имѣется въ виду представлять исторію волненій въ Польшѣ, поэтому мы только вкратцѣ упоминаемъ о незаконныхъ мѣрахъ Россіи, о всякихъ насиліяхъ, которыми она запятнала себя. Вѣрная картина этого тиранническаго образа дѣйствія была представлена Портѣ. Если она не произвела вполнѣ того дѣйствія, какового ждали, то не потому, что мы пожалѣли красокъ. Довольно понятно, что Турки, плохо отличая отношенія политическія отъ отношеній религіозныхъ, не поняли, насколько ихъ интересуеть диссидентскій вопросъ. Для нихъ все равно, что латынинъ, что Грекъ, что католикъ, что протестантъ,

стантъ, и требованія диссидентовъ казались имъ справедливыми. Но совершенно непонятно равнодушіе, съ какимъ Турки смотрѣли, какъ Россія ставила въ политѣйшую отъ себя зависимость польскаго короля и дѣлала изъ Польши страну, которая не могла бы дѣйствовать безъ ея согласія. Между тѣмъ Туркамъ легко было уразумѣть, какія слѣдствія будетъ имѣть столь страшный захватъ. Чего только не дѣлали мы, чтобы дать понять Портѣ, что Россія подъ разными предлогами оставляетъ армию въ Польшѣ и старается присвоить себѣ ея верховную власть, что какъ только она завладѣетъ Польшей, она нападетъ на Оттоманскую имперію и нанесетъ ей страшный ударъ. Только послѣ большого труда съ нашей стороны, послѣ самыхъ настоятельныхъ убѣжденій Порты потребовала, чтобы Россія вывела свои войска изъ Польши.“

Разсказавъ, какъ Турція объявила войну Россіи, Верженъ говоритъ: „Верженъ не приписываетъ себѣ заслуги, будто онъ произвелъ это счастливое событіе; это дѣло обстоятельство и божественнаго Провидѣнія, поднявшаго мстителя, который наконецъ остановитъ жестокости и страшныя дѣла, которыми запятнала себя Россія. Пусть Провидѣніе вручитъ свой мечъ этому мстителю, чтобы онъ унизилъ эту гордую державу.“

Французское правительство ожидало, что Турецкая война принесетъ большой вредъ Россіи. „У Турокъ, говоритъ Верженъ въ своемъ мемуарѣ,—есть все, что нужно для продолжительной войны; люди, деньги, артиллерія, вооруженіе, все это въ изобиліи; но у нихъ недостаетъ знающихъ и опытныхъ генераловъ и офицеровъ. Однако, если постоянство не покинетъ ихъ, весьма вѣроятно, что даже терпя пораженія, они умалятъ высокомѣріе Россіи, которая истощена расходами послѣдней войны и польскими дѣлами и не можетъ находиться въ такомъ блестящемъ положеніи, чтобы долго нести расходы обременительной войны съ Турціей.“¹ „Только неудачи, читаемъ мы въ инструкціи повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ Сабатье, могутъ заставить Россію вернуться къ политической системѣ болѣе миролюбивой и болѣе справедливой; эти неудачи могутъ явиться только со стороны Оттоманской имперіи, которая въ концѣ концовъ должна осилить Россію. Король желаетъ, чтобы война Россіи съ Турціей продолжалась до тѣхъ поръ, пока петербургскій дворъ, униженный,

¹ Boutaric, t. I p. 376—386.

или по крайней мѣрѣ истощенный, не будетъ въ состояніи думать объ угнетеніи сосѣдей и о вмѣшательствѣ въ общеевропейскія дѣла. ¹

Само собою разумѣется, что Франція старалась всячески помогать Турціи противъ Россіи. Такъ какъ Порты нуждалась въ опытныхъ офицерахъ, Шуазель отправилъ въ Константинополь драгунскаго полковника Валькруассана и написалъ ему въ инструкціи: „Нужда, какую имѣютъ Турки въ совѣтахъ для направленія ихъ дѣятельности, внушила королю желаніе, чтобы Валькруассанъ нашелъ какое-нибудь средство получить вліяніе на ихъ рѣшенія. Намѣреніе короля состоитъ въ томъ, чтобы Валькруассанъ оказалъ всевозможныя услуги дѣлу Турокъ противъ Россіи.“

Когда рѣшено было послать русскую эскадру въ Грецію, и, вышедши изъ Кронштадта, она должна была обогнуть Европу, въ Парижѣ нашлись государственные люди, совѣтовавшіе Людовику не пропускать русскаго флота. Но король не могъ согласиться на это, потому что это значило бы нарушить нейтралитетъ и явно стать на сторону Порты; поэтому удовольствовались тѣмъ, что постарались затруднить плаваніе русскаго флота. Когда въ Версалѣ получено было извѣстіе, что русскіе корабли, назначенные въ Архипелагъ, прошли Ламаншъ и нашъ повѣренный въ дѣлахъ Хотинскій пріѣхалъ къ Шуазелю, тотъ встрѣтилъ его съ обычною своею живостью, съ веселымъ лицомъ и сказалъ съ улыбкой: „Ну, вы можете сѣсть на вашъ флотъ“. Хотинскій отвѣтилъ, что, въ случаѣ подлинности слуха о проходѣ эскадры черезъ Ламаншъ, онъ надѣется, что въ опасныхъ и нужныхъ обстоятельствахъ русскимъ кораблямъ не будетъ отказано въ убѣжищѣ во французскихъ гаваняхъ. „Я доложу объ этомъ королю, сказалъ Шуазель, и надѣюсь, что въ помощи флоту въ здѣшнихъ гаваняхъ отказано не будетъ.“ По поводу этого разговора Хотинскій писалъ Панину: „Признаюсь, что такое скромное поведеніе и отзывы Шуазеля меня удивили, да и во всемъ нашелъ я въ немъ новаго человѣка, видъ его былъ тихій, ласковый, смиренный и больше обыкновеннаго учтивый. Онъ показался мнѣ какъ будто уstraшеннымъ и чаятельно реченная новость такъ его ошибла, что онъ еще не опомнился, когда со мною о ней говорилъ. Здѣшнее министерство постоянно думало, что снаря-

¹ Recueil, IX, 266—267.

женіе нашихъ эскадръ останется безплоднымъ; погулявъ по Балтійскому морю возвратятся домой.“ Но любезность Шуазели была обманчива; онъ дѣйствительно удивился, что Россія успѣла въ короткое время снарядить двадцать кораблей, но надѣялся, что морская экспедиція не принесетъ намъ никакой пользы. „Это предпріятіе романично, говорилъ онъ, но нельзя не признать, что оно имѣетъ основаніе и на него хорошо смотреть; дорого оно, и не думаю, чтобы много этимъ было сдѣлано, но все-таки это блестящая экспедиція.“ Какъ только русская эскадра подошла къ французскимъ берегамъ, поскакалъ курьеръ изъ Версаля въ Константинополь, чтобы предупредить объ этомъ Турокъ. Черезъ нѣкоторое время Шуазель объявилъ Хотинскому рѣшеніе короля насчетъ русской эскадры: въ случаѣ нужныхъ и опасныхъ приключеній, Франція не откажетъ въ должной по челоуѣчеству помощи и не запретитъ входа русскимъ кораблямъ въ свои гавани, такъ какъ находится съ Россіей въ согласіи; но корабли должны входить въ гавани по одному, а не цѣлою эскадрой, потому что Франція, имѣя значительную торговлю съ Турціей, должна ее щадить. Хотинскій представилъ, что этого недостаточно: если цѣлая эскадра, настигнутая бурей, будетъ искать спасенія въ гавани, то неужели примутъ только одинъ корабль, и дадутъ погибнуть другимъ? Шуазель отвѣчалъ, что перемѣнить рѣшеніе нельзя: таковы морскіе законы; можно позволить войти въ гавань цѣлою эскадрѣ только той державы, которая находится въ союзѣ съ Франціей. Однако, несмотря на французскіе законы, наша эскадра благополучно добралась до Архипелага. ¹

Франціи удалось поднять Турцію противъ Россіи, но ей не удалось помочь этимъ Польшѣ. Предсказанія французскихъ дипломатовъ не сбылись: турецкая война была одною изъ самыхъ блестящихъ войнъ прошлаго вѣка. Поздравляя Еватерину съ побѣдами, Фридрихъ Великій могъ написать ей: „Я боюсь наконецъ наскучить вашему императорскому величеству своими поздравленіями съ успѣхами вашего оружія надъ Турками, но смѣю сказать, что вы были бы не правы жаловаться на мою надоѣдливость, ибо я позволилъ себѣ выждать три или четыре побѣды, чтобы разомъ принести вамъ свои привѣтствія, и мнѣ кажется, что совершенное пораженіе Турокъ заслуживаетъ, чтобы

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 28. стр. 87—92.

тотъ, кто напроорочилъ его, могъ сказать о томъ слово вашему императорскому величеству; я вижу Шуазеля и зависть, заставляющую его содрогаться отъ ярости; я вижу Диванъ, раскаивающійся въ томъ, что слѣдоваль дурнымъ совѣтамъ, вижу конфедератовъ, смущенныхъ и принужденныхъ умолять о милосердіи побѣдителя, вижу, наконецъ, Европу, изумляющуюся мудрымъ мѣрамъ, которыя повели къ столькимъ побѣдамъ и успѣхамъ.“¹

Въ то время, какъ Франція помогала польскимъ конфедератамъ и старалась возбудить противъ насъ Порту, она интриговала и въ Стокгольмѣ, надѣясь поднять противъ насъ Швецію. Тутъ продолжалась старая борьба между русскими и французскими дипломатами; Россія поддерживала конституцію, Франція старалась усилить королевскую власть. „Конституція 1720 г., говоритъ Жеффруа, проведенная шведскою аристократіей, была съ ея стороны эгоистическимъ и необдуманымъ дѣломъ. Сохранили короля и сенатъ, но верховная власть принадлежала сейму. Сеймъ, состоявшійся изъ четырехъ сословій или штатовъ, собирался каждые три года и могъ быть распущенъ только имъ самимъ. Ему принадлежала власть законодательная; онъ рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ; онъ усваивалъ себѣ и судебную власть, разбирая въ одной изъ своихъ комиссій дѣла, подлежащія королевскому суду. Центральною исполнительною властью былъ секретный комитетъ, избираемый сеймомъ изъ трехъ первыхъ штатовъ. По окончаніи сейма вся его власть переходила къ сенату, а не къ королю; но сенатъ находился въ полной зависимости отъ сейма. Сеймъ составлялъ списокъ кандидатовъ, изъ которыхъ король избиралъ сенаторовъ, назначавшихся только на три года. Сенатъ между сессіями сейма былъ отвѣтственъ только предъ сеймомъ, который могъ исключить изъ числа сенаторовъ тѣхъ лицъ, поведеніемъ которыхъ былъ недоволенъ. Такимъ образомъ, сеймъ чрезъ сенатъ навязывалъ королю свою волю; на высшія военныя и гражданскія должности король могъ назначать только лицъ по списку, представленному сенатомъ. Сенатъ собирался самъ безъ призыва короля, читалъ донесенія посланниковъ, рѣшалъ самыя важныя дѣла даже въ отсутствіе короля и предоставлялъ ему только подписывать свое имя подъ постановленіями, которыхъ онъ часто не одобрялъ.“²

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 20, стр. 267—268.

² *Geffroy. Gustave III et la cour de France*, t I, p. 9—10.

Въ договорѣ, заключенномъ Россіей съ Пруссіей, была секретная статья, по которой обѣ державы обязывались поддерживать въ Швеціи конституцію 1720 г., а въ случаѣ ея нарушенія Фридрихъ долженъ былъ сдѣлать диверсію въ Померанію. Екатерина заботилась о вольности шведской по той же причинѣ, по которой она стояла за вольность польскую; вслѣдствіе этой вольности въ Швеціи, такъ же какъ въ Польшѣ, постоянно боролись между собою разныя партіи, которыя искали покровительства иностранныхъ державъ. Такимъ образомъ, сами Шведы давали поводъ къ иностранному вмѣшательству и при помощи денегъ можно было распоряжаться шведскимъ сеймомъ. Въ Елисаветинское время въ Стокгольмѣ велась постоянная борьба между партіей шляхъ, поддерживавшеюся Франціей, и партіей колпаковъ, которой раздавались русскія деньги. Но въ царствованіе Екатерины Франція измѣнила свою политику. Въ инструкціи французскому посланнику Бретелю говорилось: „Франція была введена въ заблужденіе, слишкомъ благопріятствовала ослабленію королевской власти въ Швеціи, изъ чего возникло метафизическое, невозможное правленіе. Растрачивали деньги на слабыя партіи, а Швеція становилась все слабѣе и незначительнѣе. Поэтому надобно доставить королю болѣе власти.“ Въ инструкціи слѣдующему посланнику Модену, составленной Шуазелемъ, читаемъ: „Правленіе Швеціи настоящая анархія, кормило его то въ рукахъ одной партіи, то въ рукахъ противоположной партіи; постоянныя интриги и борьба двухъ партій, старающихся уничтожить другъ друга, можетъ быть только пагубнымъ для этого королевства и сдѣлать союзъ съ нимъ бесполезнымъ или даже опаснымъ. Король измѣнилъ свою систему и рѣшилъ основать свою политику въ Стокгольмѣ на принципахъ менѣе проблематическихъ и независимыхъ отъ различныхъ партій, раздирающихъ Швецію. Король по зрѣломъ размышленіи не видитъ другаго средства достигъ намѣченной себѣ цѣли, какъ только работать надъ восстановленіемъ монархической власти, которую отняла у шведскаго короля конституція 1720 года.“¹

Не такъ разсуждалъ Панинъ. „Того вправду бояться надобно, говорилъ онъ, чтобъ Бретель вдругъ не соединился съ партизанами двора и не подалъ бы нечувствительно способа имъ схва-

¹ Recueil, II, 418—419.

тить самодержавство, что въ существѣ есть и будетъ истинный интересъ Франціи“. Поэтому въ инструкціи нашему посланнику въ Стокгольмѣ Остерману говорилось: „Вы равно могли довольно усмотрѣть изъ нашихъ прежнихъ рескриптовъ, что мы не намѣрены совсѣмъ оставить настоящее положеніе шведскихъ дѣлъ ихъ собственному жребію и зависимости французской державы и не принимать въ нихъ никакого участія. Изъ прежнихъ неоднократныхъ наставленій вамъ уже довольно извѣстно, что мы постояннымъ и ненарушимымъ интересомъ поставляемъ въ Швеціи непоколебимое соблюденіе узаконеннаго въ 1720 году вольнаго образа правленія и сопротивленіе введенію самодержавства, еже и симъ наискрѣпчайше подтверждаемъ и повелѣваемъ всѣми силами неусыпно престоерегать и поспѣшествовать“. Остерману поручали внушать Шведамъ, что „покровительство Россіи можетъ быть только выгодно Швеціи, „что Франція, какія бы она теперь ни дѣлала уваженія, не имѣетъ однакожь, да и не можетъ конечно имѣть другаго въ шведской дружбѣ интереса и побужденія, какъ только чтобъ содержать на сѣверѣ такую ей преданную державу, посредствомъ бы которой она при всякихъ замѣшательствахъ дѣйствовать могла, а сколько въ настоящихъ къ тому случаяхъ имѣла Франція возможности доставить Швеціи въ замѣну какія-либо выгоды, о томъ прошедшихъ временъ и дѣлъ самое искусство больше, нежели всѣ политическія разсужденія, доказывать можетъ; напротивъ чего и изъ злостнѣйшихъ недоброжелателей и завистниковъ нашихъ нието съ малѣйшею вѣроподобностію сказать не можетъ, чтобъ Россія могла имѣть истинный свой въ томъ интересъ, чтобъ приводить Швецію въ безпрестанное вооруженіе и, такъ-сказать, содержать и видѣть ее всегда съ обнаженною шпагой.“¹ Въ запискѣ, поданной англійскому посланнику, Панинъ выразилъ свой взглядъ на шведскую политику въ слѣдующихъ словахъ: „Дѣйствительные интересы русской имперіи, вслѣдствіе положенія ея границъ относительно Швеціи, предписываютъ ей правило, сохранять въ этой странѣ настоящую форму правленія и въ то же время поддерживать тамъ значительную партію. Россія не можетъ отъ себя скрыть, что такъ какъ эта держава русскимъ оружіемъ лишена своихъ лучшихъ провинцій, весьма естественно, что въ видахъ сохраненія того, что у ней осталось, она, несмотря на согласіе и дружбу

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 57, стр. 127, 209.

съ Россіей, старается защититься отъ могущихъ возникнуть событій помощью сильнаго союза, не будучи въ состояніи благо-разумно полагать полнѣйшую для себя безопасность въ гарантіи и помощи Россіи или Даніи, относительно которой она находится приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ и положеніи по вопросу о границахъ. Сама Россія не можетъ разсматривать свой союзъ со Швеціей и помощь, обозначенную имъ, иначе какъ средствомъ утвердить тамъ необходимое для себя вліяніе. Вслѣдствіе шатавшаго состоянія этой страны, какъ по отношенію ко внутреннему управленію, такъ и относительно внѣшней политики, въ странѣ этой нельзя не признать гнѣзда, откуда Франціи будетъ всего легче и удобнѣе возстановить свое вліяніе и распространить его по всему сѣверу.“¹

Франція не только поддерживала все усиливавшуюся партію, требовавшую измѣненія конституціи, но и старалась впутать Швецію въ русско-турецкую войну. Французскій посоль предлагалъ шведскому королю послать секретнаго эмисара въ Константинополь съ предложеніемъ Портѣ денежной ссуды и требованіемъ, чтобы Порта однимъ изъ условій мирнаго договора съ Россіей поставила шведскую независимость и приняла на себя гарантію новой формы шведскаго правленія. Швеція была слишкомъ занята своими внутренними дѣлами, чтобы принять участіе въ войнѣ противъ Россіи, тѣмъ не менѣе французская дипломатія одержала побѣду надъ русскою. Она помогла молодому королю Густаву III, вступившему на престоль въ 1771 г., устроить *coup d'état*, измѣнить конституцію 1720 г. и усилить монархическую власть.

„Можно утвердительно сказать, говорить С. М. Соловьевъ, что извѣстіе о шведскихъ событіяхъ было самое неприятое по внѣшнимъ дѣламъ, какое до сихъ поръ получала Екатерина. Она видѣла въ переворотѣ побѣду Франціи, которая воспользуется ею, чтобы возбудить войну между Швеціей и Россіей, войну опасную по близкому сосѣдству съ Петербургомъ и открытости границъ; кромѣ того, эта война поддержитъ войну турецкую. можетъ поддержать и Поляковъ въ ихъ сопротивленіи раздѣлу.“²

Французскія интриги въ Константинополѣ и Стокгольмѣ велись

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 12, стр. 374—375.

² Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 28, стр. 95, 387

секретно, и о нихъ, конечно, не говорили съ французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ; но эта скрытая борьба выразилась и наружно въ сношеніяхъ версальскаго двора съ русскимъ. Въ кредитивныхъ грамотахъ и письмахъ къ Екатеринѣ перестали писать ваше императорское величество, а писали просто: „ваше величество“. На это обратила вниманіе сама императрица. „Апробуя вашу съ господиномъ Босетомъ (французскимъ посланникомъ) конференцію, писала она Панину, лишь примѣтить вамъ отдаю, что въ королевскомъ кредитивѣ нигдѣ не написано V. M. Impériale, а только просто V. Majesté.“ На запросъ, сдѣланный по этому поводу французскому посланнику, онъ отвѣчалъ, что слово „императрица“ заключаетъ въ себѣ полный титулъ и что прибавлять ли „императорское“ къ величеству, или нѣтъ, это не увеличиваетъ и не умаляетъ ея достоинства. Въ запискѣ, поданной Боссе, говорили, что „хотя министерство могло бы отчасти принять резоны маркиза Боссета, однакожъ, какъ скоро такое выпущеніе не простое забвеніе канцелярское, или обыкновеннаго переѣзна французскаго языка, который индифферентно принимаетъ величество, или императорское величество, то російскій дворъ можетъ частое употребленіе принять за отмѣну этикета, непремѣнно наблюдаемаго по вступленіи Е. В. на престолъ, ибо слово „императорское“ было въ содержаніи всѣхъ грамотъ королевскихъ къ Е. В., въ чемъ господинъ полномочный министръ удостовѣриться можетъ при семъ сообщаемыми ему копіями; чего ради министерство и проситъ маркиза Боссета о склоненіи своего двора къ продолженію прежняго титула.“ Въ то же время приказано было нашему послу въ Парижѣ Голицыну объясниться съ французскимъ министерствомъ и сказать отъ имени Екатерины, что „всемирно имѣли бы всякое право не принимать отъ маркиза Боссета кредитивной грамоты, такъ какъ объявлено, что мы не можемъ имѣть какую-либо корреспонденцію съ тѣми державами, кои отрекнутся признавать имп. титулъ въ особѣ російскихъ государей, но что однако мы того съ Боссетомъ не сдѣлали, единственно по чистосердечному нашему обращенію, почитая выпущенное въ кредитивѣ его слово за канцелярскую ошибку и представляя министерству нашему дружески о томъ изъясниться, что потому мы уповаемъ, что французскій дворъ, имѣя равномѣрные съ нами сентименты, впредь въ подобныхъ случаяхъ не склоненъ будетъ избѣгать наималѣйшіе слѣды, кои могли бы хотя нѣсколько помутить продолжающееся между обоими дворами

толь доброе согласіе и остановить дружескую корреспонденцію.“ Когда въ извѣстительномъ письмѣ о смѣрти дофина вновь не проставили полностью титула, Голицыну дали знать, что этого письма отъ Боссе не примутъ, пока не получатъ изъ Париза требуемаго разъясненія, но тѣмъ не менѣе наложили при русскомъ дворѣ трауръ на двѣ недѣли. Почти черезъ годъ пришло донесеніе Голицына, въ которомъ онъ сообщалъ о своемъ разговорѣ съ Шуазелемъ. Нашъ посланникъ доказывалъ, что считаетъ ли французское министерство вопросъ о титулѣ важнымъ, или неважнымъ, оно во всякомъ случаѣ должно удовлетворить требованію русской императрицы, потому что „если оно важное, они не должны самовольно и безъ причины переимѣнять то, что съ самаго восшествія на престолъ Екатерины употребляли, если же оно неважное, то они еще болѣе резона имѣютъ по желанію императрицы сдѣлать, потому что никакой причины не имѣютъ манкировать въ снисхожденіи императрицъ.“ На это Шуазель, по словамъ Голицына, объяснилъ, что король, признавъ Екатерину императрицей, не думалъ оспаривать этотъ титулъ, что жъ въ ономъ случаѣ они употребляютъ просто титулъ *Votre Majesté*, не приложивъ *Impériale*, оное для того только дѣлается, что регула французскаго языка и ихъ протокола не дозволяетъ прикладывать *Impériale* всегда тогда, когда говорится *Votre Majesté*, равномѣрно не можно-жъ связать ни писать *Votre Majesté très chretienne*, *Votre Majesté tres fidèle*, *V. M. catholique*, напротивъ того, какъ дойдетъ писать *Sa Majesté*, они неотгѣнно по регулу французскаго языка и протокола должны прибавить титулъ *Impériale* или *très chretienne* и пр., что если раньше писали *Votre Majesté Impériale*, это дѣлалось по ошибкѣ, которую необходимо исправить.“

На этомъ донесеніи Голицына Екатерина написала: „Противу же регуламъ языка и протокола російскаго принимать грамоты безъ надлежащей титулатуры“. Боссе объяснилъ, что Екатерина пишуть такъ же, какъ писали Елисаветъ Петровнѣ. На это Панинъ отвѣчалъ въ депешѣ Голицыну слѣдующее: „Вопросъ объ императорскомъ титулѣ никогда не былъ вполнѣ разсмотрѣнъ въ царствованіе императрицы Елисаветы. Французскій дворъ желалъ показать видъ, будто онъ даетъ титулъ императрицы только лично императрицѣ Елисаветѣ; и онъ на дѣлѣ доказалъ, что таково было дѣйствительно намѣреніе, отказавъ дать императорскій титулъ ея наслѣднику Петру III. Нынѣ царствующая государыня при вступ-

леніи своемъ на престолъ сознавала неудобства такого неопредѣленнаго положенія; она вернулась къ началамъ, коими руководствовался Петръ I, принимая титулъ императора Всероссійскаго и требуя признанія его всею Европой. Императрица утверждала, что это не новая квалифікація, прибавляемая, ею къ всероссійской коронѣ, а что это титулъ, который съ давняго времени ею присвоенъ. Въ этомъ именно смыслѣ она изъяснилась въ деклараціи. Съ этого времени, которое единственно, конечно, должно служить рѣшающимъ моментомъ въ настоящемъ вопросѣ, всѣ двory, въ томъ числѣ и самъ французскій дворъ, писали „императорское величество.“ Всѣ они продолжаютъ писать такъ, за исключеніемъ послѣдняго, который, по случаю отправленія Боссе, захотѣлъ обратиться къ старому порядку и, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи возстановитъ нерѣшимость, въ какой находился раньше вопросъ объ императорскомъ титулѣ. Такое измѣненіе не могло не произвести чувствительнаго впечатлѣнія на насъ, но такъ какъ мы не могли предположить въ этомъ умысленности, то мы не думали, чтобъ исправленіе встрѣтило затрудненіе. Не слѣдуетъ ли намъ удивляться нынѣ, видя упорство французской канцеляріи, которая, злоупотребляя довѣріемъ министерства, старается выдать за ошибку стиль, который неизмѣнно соблюдался со времени вступленія императрицы на престолъ? Всѣ двory пишутъ къ ней „императорское величество“, и она полагаетъ, что слава ея требуетъ не терпѣть, чтобы французскій дворъ поступалъ относительно ея отлично отъ другихъ. Мы здѣсь убѣждены такъ же, какъ убѣждены и во Франціи, что въ словѣ „императрица“ заключается вся полнота титула, но „императорское величество“ есть непосредственная принадлежность ея, которая не можетъ быть отъ него отдѣлена. Тщетно стали бы дѣлать сравненіе между эпитетами „христіаннѣйшій“, „католическій“ и „императорскій“. Тѣ эпитеты суть лишь квалифікаціи, чуждыя коронѣ, нисколько не касающіяся свойства верховенства, между тѣмъ какъ послѣдній естественно происходитъ отъ титула и составляетъ съ нимъ лишь одно общее цѣлое. Впрочемъ, чѣмъ незначительнѣе кажется вопросъ, тѣмъ страннѣе упорство, съ какимъ на немъ останавливаются. Лишь принимая въ соображеніе это упорство и полагая, что французскій дворъ руководствуется весьма вѣскими и обдуманными принципами въ своемъ поведеніи, чтобъ изъ-за совершенно незначительнаго затрудненія вступать въ столь важную для обоихъ дворовъ пере-

писку, какова нынѣшня между Россіей и Франціей, мы вынуждены поневолѣ воображать, что стараются установить традицію въ титулѣ императрицы и императорскаго величества, традицію, подозрѣваемая возможность которой, по мнѣнію императрицы, была бы оскорбительна для достоинства ея короны. Поэтому императрица приказала своему министерству объявить Боссе, что она не приметъ никакой грамоты отъ короля, въ которой титулъ „императорскаго величества“ будетъ пропущенъ. На кого можетъ пасть упрекъ въ молчаніи, который настанетъ между обими дворами? На императрицу ли, которая требуетъ лишь того, что всѣми признается и что признавала и сама Франція съ начала ея царствованія, или же на дворъ, который желаетъ по собственному усмотрѣнію распоряжаться измѣненіемъ стили въ отношеніи къ ней?“

Французское правительство не хотѣло уступить, и Панинъ написалъ письмо Шуазелю, въ которомъ объяснялъ, что въ такомъ случаѣ невозможно имѣть при версальскомъ дворѣ полномочнаго министра. Послѣ увѣренія, что Екатерина желаетъ поддерживать хорошія отношенія съ Людовикомъ, Панинъ говоритъ: „Основаніе этого желанія она находитъ въ своихъ собственныхъ чувствахъ и въ идеѣ о пользѣ, о приличіи и о достоинствѣ, которую она связываетъ съ прямою корреспонденціей между двумя такими державами, какова Россія и Франція. Въ виду такой цѣли, придаваемой ею такой корреспонденціи, она не колебалась бы принести ей въ жертву обычную форму рѣчи, еслибъ это былъ единственный спорный для нея вопросъ. Послѣ этого мнѣ трудно было бы скрыть отъ васъ, что настоящее затрудненіе представляется вашему и моему двору въ двухъ различныхъ видахъ. Корреспонденція между двумя государями должна обнимать, кромѣ отношеній ихъ личной дружбы и интересовъ ихъ государствъ, еще уваженіе и вниманіе, слѣдующее достоинству ихъ короны. Эtiquette, регулирующій форму корреспонденціи, тѣмъ болѣе строгъ, что онъ служитъ мѣриломъ ихъ взаимнаго уваженія и взаимнаго почтенія къ своимъ силамъ. Отказаться употреблять въ корреспонденціи все принадлежащее титулу государя, значить—прямо или косвенно оспаривать этотъ титулъ. Настаивая на полномъ изложеніи титула, присущаго ея самодержавію, императрица требуетъ такимъ образомъ лишь соблюденія въ отношеніи къ ней правилъ, которыя представляютъ основаніе всякой прямой корреспонденціи между двумя монархами. Еслибъ

этотъ споръ имѣлъ мѣсто при обстоятельствахъ, при какихъ ему естественно и должно было происходить, еслибы Франція настаивала на томъ, чтобы не употреблять „императорское величество“, какъ противное духу ея языка, то въ такомъ случаѣ и между обоими дворами, и въ глазахъ всѣхъ другихъ сочтено было бы за дѣйствительный фактъ, что въ правилахъ французскаго языка заключается единственная причина, которая удерживаетъ Францію, и они могли бы незамѣтно для другихъ согласиться на счетъ способа избѣгнуть этого затрудненія. Императрица должна предполагать другую причину; она дастъ полную и совершенную вѣру объясненіямъ, полученнымъ мною отъ васъ, но не въ ея власти помѣшать впечатлѣнію на публику. На основаніи всѣхъ соображеній, которыя я имѣлъ честь изложить вамъ здѣсь, вы сами согласитесь, что какъ бы ни было велико желаніе императрицы продолжать всегда прямую переписку съ королемъ, однако настойчивость вашего двора, послѣ тѣхъ объясненій, которыя я имѣю честь сообщить вамъ, будетъ имѣть естественнымъ послѣдствіемъ своимъ удаленіе князя Голицына. Перерывъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ, если эта неприятность неизбежна для обеихъ державъ, не повлечетъ за собою никакого умаленія дружбы императрицы къ королю; даже интересы ихъ государствъ не должны страдать отъ этого во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно будетъ направлять ихъ на одну общую цѣль. Если взаимность не позволитъ намъ оставить князя Голицына на его посту, то въ Парижъ прибудетъ г. Хотинскій, который въ настоящее время находится въ Испаніи, чтобъ охранять интересы императрицы и продолжать сношенія въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ.“ Въ августѣ 1767 года Голицынъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ Хотинскій повѣреннымъ въ дѣлахъ.¹

Послѣ смерти Боссе, послѣдовавшей въ Петербургѣ въ апрѣлѣ 1767 года, вплоть до 1772 года Франція была представлена въ Россіи только повѣренными въ дѣлахъ Жюсіеромъ и Сабатіе де Кабромъ; секретнымъ же агентомъ Людовика былъ консулъ Росиньолю. Изъ инструкцій, данныхъ этимъ представителямъ, видно, какъ недружелюбно относилась Франція къ Россіи; это особенно замѣтно въ документахъ, исходившихъ изъ секретной дипломатіи. Такъ въ секретной инструкціи Росиньолю читаемъ:

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 18, стр. 4, т. 57, стр. 350 — 351, 441, 449 — 450, 544 — 545, т. 67, стр. 1 — 5, 437 — 446.

„Время неудобно для образованія союза съ Россіей. Русскіе должны сдѣлать первый шагъ въ этомъ смыслѣ, и Франціи всегда слѣдовало бы пріучать ихъ къ этому, потому что Русскіе становятся слишкомъ высокомерны, какъ только ищутъ сближенія съ ними. Впрочемъ, опытъ научилъ короля, что эта держава мало-полезная союзница; единственная выгода, которую мы можемъ извлечь изъ союза съ ней—это помѣшать вреду, который она можетъ причинить намъ союзами съ нашими врагами. Конвульсивныя движенія, измѣнчивая политика дѣлаютъ ея силы почти всегда бесполезными для ея союзниковъ. Слѣдовательно, надо ограничиваться тѣмъ, чтобъ изучать возможность, всегда доставляющуюся этою страной, поддерживать ее въ состояніи безпобойства, кризиса и борьбы партій. Этотъ дворъ имѣетъ принципомъ поддерживать раздоры между различными его совѣтами и министрами, предосторожность дѣйствительно необходимая въ деспотической странѣ. Эти внутренніе раздоры служатъ большою помощью иностраннымъ министрамъ, резидующимъ въ Петербургѣ; благодаря этому имъ удается собирать свѣдѣнія о внутреннихъ дѣлахъ.“ Въ инструкціи Сабатье говорится: „Со времени вступленія на престолъ Екатерины II, предубѣжденіе этой государыни противъ Франціи или лучше убѣжденіе, что здравая политика должна внушить королю постоянное сопротивленіе всѣмъ проектамъ, порожденнымъ ея тщеславіемъ и честолюбіемъ, не позволило установить никакихъ связей съ ней. Всѣ предшествующіе переговоры, особенно же переговоры о торговомъ трактатѣ, были прерваны. Когда со всѣхъ сторонъ обнаружилась опасная политическая система Екатерины, политика угнетенія и захвата, король, слишкомъ справедливый, чтобъ измѣнить интересамъ державъ, своихъ старинныхъ друзей и союзницъ и интересамъ человѣчества, не могъ скрыть, какъ онъ смотритъ на несправедливыя, насильственныя и возмутительныя предпріятія, могущія привести въ смятеніе всю Европу. Шведскія, польскія и турецкія дѣла породили взаимное нерасположеніе, и настоящія обстоятельства поддерживаютъ враждебность и взаимное недобѣріе. Моментъ не наступилъ, когда король считалъ бы согласнымъ со своимъ достоинствомъ и своими интересами измѣнить свое положеніе по отношенію къ Россіи.“

Въ Парижѣ думали, что Екатерина сидитъ на престолѣ не слишкомъ твердо, что въ Россіи возможенъ государственный переворотъ и готовы были помочь этому перевороту. „Тайное не-

расположеніе знати, духовенства и народа, читаемъ въ той же инструкціи, дѣлаетъ положеніе Екатерины II критическимъ. Знать съ огорченіемъ видитъ, что милости расточаются новымъ людемъ. Духовенство, лишенное ею своихъ имуществъ, потеряло въ то же время и богатство и значеніе. Народъ, недостаточно просвѣщенный, чтобъ отличать въ недовольствѣ священниковъ и монаховъ ихъ личный интересъ отъ интереса религіи, раздѣляетъ ненависть духовенства. Онъ съ нетерпѣніемъ выноситъ иностранку узурпаторшу и желаетъ, чтобъ имъ управлялъ принцъ, подающій большія надежды, происшедшій отъ обожаемой крови Петра Великаго. Недовольство, возбуждаемое во всѣхъ сословіяхъ войной, не могущей принести настоящей пользы Россіи, а начатой единственно съ цѣлью поддержать въ Польшѣ дѣло страсти и тщеславія Екатерины, довершаетъ картину, представляющую какимы опасностямъ эта государыня можетъ ежеминутно подвергнуться. Это даже своего рода чудо, за которое она обязана больше своей звѣздѣ, чѣмъ мудрости, что она спаслась отъ столькихъ заговоровъ противъ нея. Если поднимутся новыя бури, чтобы свергнуть ее съ престола, на который она никогда не должна была бы вступать, король не будетъ желать успѣха Екатерины, и по справедливости будетъ привѣтствовать революцію, которая отдада бы скипетръ въ руки его законнаго собственника. Если сообщать о какомъ-нибудь подобномъ проектѣ повѣренному въ дѣлахъ короля, онъ спроситъ приказанія короля, а въ крайнемъ случаѣ поступитъ согласно съ обстоятельствами и своему благоумію.“¹

Недружелюбно относился къ намъ французскій король и секретная дипломатія, недружелюбно относился и Шуазель. Тотъ самый министръ, который хлопоталъ о сближеніи съ Россіей, когда Франція могла воспользоваться побѣдами русскаго войска, теперь думалъ только о томъ, какъ бы повредить Россіи и сокрушить ея могущество. Въ послѣднихъ числахъ 1770 года онъ впалъ въ немилость и былъ сосланъ. Екатерина писала по этому поводу г-жѣ Біелке: „Поистинѣ я такъ мало сержусь на Шуазеля, что сожалѣю о его ссылкѣ; этотъ человѣкъ думая дѣлать мнѣ величайшее зло, всегда ошибался, потому что его льстецы вѣчно говорили ему только пріятное и скрывали отъ него правду; это завлекло его въ лабиринтъ неправильныхъ дѣйствій,

¹ Recueil, IX, 249, 265—268, 275.

которые окончательно послужили только къ моей славѣ. Я не чувствую никакого желанія вредить ему; онъ былъ чрезвычайно вѣтренный человекъ; чиновники, служившіе при немъ здѣсь, были чудовищно злы. Но что такое злоба? она становится смѣшною, когда обнаруживается въ подобныхъ лицахъ.“¹

„Печальное царствованіе Людовика XV, говоритъ С. М. Соловьевъ, спѣшило къ концу своему истратить всѣ еще оставшіяся матеріальныя и нравственныя средства французскаго правительства. Это правительство объявило, что новая война изъ-за кого и изъ-за чего бы то ни было невозможна для него; у Франціи оставалось одно средство заявлять свое значеніе, свою силу—искусная дипломатическая интрига, и дѣйствительно Франція славилась своею школою дипломатовъ, бороться съ которыми было очень трудно дипломатамъ другихъ странъ; знаменитая школа вела свое происхожденіе отъ временъ кардинала Ришелье. Но этому сильному блестящему войску, какое представлялъ корпусъ французскихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ, нуженъ былъ искусный полководецъ, который бы изъ Версаля направлялъ его движенія къ общей цѣли по одной системѣ. Такимъ искуснымъ полководцемъ былъ завѣдывавшій иностранными дѣлами Франціи герцогъ Шуазель. Какъ только Россія появилась на сценѣ общеевропейскаго дѣйствія при Петрѣ Великомъ, французскіе государственные люди поняли ея значеніе, и когда имъ не удалось втянуть это новое могущество въ свои виды, когда Россія, по единству тогдашнихъ интересовъ, вступила въ союзъ съ враждебною имъ Австріей, стали вести противъ Россіи ожесточенную дипломатическую борьбу въ Турціи, Швеціи и Польшѣ. Мастерская переимѣна политическаго фронта, союзъ съ Австріей вслѣдствіе признанія, что Пруссія Фридриха II гораздо опаснѣе для Франціи, чѣмъ монархія Габсбурговъ, сблизилъ Францію съ Россіей въ общемъ дѣйствіи, въ Семилѣтней Войнѣ. Но переимѣна русской политики по смерти Елисаветы возобновила прежнія непріязненные отношенія между Франціей и Россіей, и герцогъ Шуазель, какъ истый старый Французъ, съ знаменитымъ французскимъ увлеченіемъ повелъ дипломатическую борьбу противъ петербургскаго кабинета, ибо видѣлъ ясно, что послѣ Семилѣтней Войны Россія стала сильнѣе всѣхъ государствъ въ Европѣ, и главное видѣлъ, что русская государыня хочетъ и

¹ Сб. *Ист. Общ.* Т. 13, стр. 63.

можетъ пользоваться этою силой для утверженія своего вліянія въ Европѣ. Этого не могъ сносить Шуазель, хотѣвшій, чтобы при немъ Франція, какъ прежде, имѣла господствующее вліяніе на европейскія дѣла; онъ обижался величіемъ Россіи, какъ представитель древней, но разстроенной въ своихъ дѣлахъ фамиліи, обижается успѣхами молодого, способнаго и богатаго новичка. Для противодѣйствія Россіи онъ хотѣлъ затянуть еще сильнѣе узелъ дружбы съ Австріей, устроилъ союзъ фамилный посредствомъ брака наслѣдника французскаго престола съ эрцгерцогиней Маріей Антуанетой. Въ Россіи, слѣдя за движеніями противника, хотѣли идти одинакимъ съ нимъ ходомъ. Какъ Шуазель устроилъ южный католическій союзъ изъ Франціи, Испаніи и Австріи, такъ и въ Россіи придумали Сѣверный союзъ. Этотъ сѣверный концертъ не удался по несходству интересовъ трехъ державъ имѣвшихъ быть главными его членами, Россіи, Пруссіи и Англіи, но самое принятіе вызова, вступленіе въ открытую дипломатическую борьбу въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, подражаніе ходу противника, веденіе контръ-минъ раздражало Шуазеля. Попытка отвлечь Пруссію отъ Россіи оказалась напрасною; въ Польшѣ нельзя было воспрепятствовать Россіи возвести на престолъ Понятовскаго и проводить извѣстныя требованія; но Шуазель дождался взрыва неудовольствія и началъ помогать конфедератамъ людьми и деньгами, причемъ главною цѣлью Шуазеля было продленіе борьбы, истомленіе Россіи; цѣль эта достигалась какъ нельзя лучше поднятіемъ Турціи, и Шуазель успѣлъ поднять ее, а между тѣмъ неутомимо работалъ въ Швеціи въ пользу усиленія королевской власти. Однимъ словомъ, во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ Россія встрѣчала главнымъ врагомъ своимъ Шуазеля.¹

XXVIII.

Когда во Франціи распространился слухъ, что Австрія, Пруссія и Россія рѣшили приступить къ раздѣлу Польши, въ Парижѣ были встревожены этимъ извѣстіемъ, хотя не подтвержденнымъ еще официально, и поняли, что необходимо имѣть въ Петербургѣ болѣе значительнаго представителя, чѣмъ повѣрен-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 28, стр. 371—372.

ный въ дѣлахъ. Графъ Брольи, вновь завѣдывавшій секретною дипломатіей, подалъ королю мемуаръ о раздѣлѣ Польши и слѣдствіяхъ, какія это событіе должно вызвать въ политической системѣ Франціи. „Съ самой смерти Августа III, говорится въ этомъ мемуарѣ, можно было предвидѣть, что Русскіе воспользуются обстоятельствами и разрѣшатъ въ свою пользу давнишній споръ о границахъ, завладѣвъ польскою Украиною. Давно осведомленная о паденіи Турціи, русская императрица рѣшилась напасть на Турокъ со всѣхъ сторонъ. Мы видѣли русскій флотъ въ Архипелагѣ, въ то время какъ сухопутное войско дошло до Дуная. Успѣхъ различныхъ этихъ предпріятій въ Молдавіи, Валахіи, Крыму и на Дибѣстрѣ превзошелъ ожиданія Екатерины и повазалъ трусость и безсиліе Турокъ. Нельзя сомнѣваться, что Россія окончитъ эту войну самымъ славнымъ образомъ, и миромъ, который готова заключить, приведетъ въ исполненіе почти всѣ планы Петра Великаго. Она пріобрѣтетъ свободу торговли на Черномъ Морѣ и расширеніе границъ. Въ то время какъ всѣ державы выигрываютъ отъ такого устройства дѣлъ на Сѣверѣ, одна Франція не принимаетъ участія въ раздѣлѣ Польши, терять всякое вліяніе какъ тамъ, такъ и въ Швеціи, и рискуетъ еще потерять левантскую торговлю и кредитъ, которымъ она пользовалась въ Турціи, такъ какъ Турки будутъ винить ее во всѣхъ несчастіяхъ войны. Не надо допускать, чтобы наступило полное охлажденіе между Франціей и Россіей, и хотя вслѣдствіе самолюбія и гордости Екатерины могутъ встрѣтиться затрудненія, надо постараться вернуть намъ добрыя чувства Россіи. Торговля на Черномъ Морѣ дастъ поводъ къ переговорамъ между Франціей и Россіей; на этомъ основаніи можно вновь начать переговоры о торговомъ трактатѣ, который можетъ быть намъ полезенъ.“¹

Король обратилъ вниманіе на мемуаръ Брольи, и въ 1772 году рѣшено было сдѣлать опытнаго дипломата Дюрана полномочнымъ министромъ въ Петербургѣ. „Затрудненіе изъ-за эпитета „императорское“, говорится въ данной ему инструкціи, помѣшало монархамъ писать другъ другу, и сношенія съ Россіей уже нѣсколько лѣтъ поддерживаются простымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Такъ какъ такое охлажденіе представляется королю не соответствующимъ его интересамъ и здравой политикѣ, онъ рѣшается

¹ *Boutarie*, t. I, p. 432—442.

отнынѣ имѣть при петербургскомъ дворѣ полномочнаго министра, таланты котораго давали бы ему возможность доставлять точныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается въ этой странѣ и вести важные переговоры, на которые могутъ вызвать обстоятельства.“

Но для того, чтобы кредитивная грамота Дюрана была принята въ Петербургѣ, надо было сдѣлать уступку въ вопросѣ о титулѣ. Людовикъ согласился писать Екатеринѣ „ваше императорское величество“ съ тѣмъ, чтобы императрица писала ему „ваше христіаннѣйшее величество“; но ему казалось неудобнымъ писать этотъ титулъ по-французски, потому что это значило бы отказаться отъ объясненій, дававшихся французскимъ правительствомъ. Поэтому рѣшили писать по-латыни съ тѣмъ, чтобы императрица отвѣчала на томъ же языкѣ; кредитивную грамоту Дюрану написали дѣйствительно по-латыни.

Въ Парижѣ надѣялись, что возможно еще спасти Польшу, а потому въ инструкціи Дюрану написали: „Раздѣлъ Польши, условленный между дворами вѣнскимъ, петербургскимъ и берлинскимъ, обращаетъ на себя въ настоящую минуту главное вниманіе короля, какъ въ виду стариннаго союза съ республикой и всегдашняго ей покровительства, такъ и въ виду поддержанія равновѣсія державъ. Это соглашеніе, конечно еще не вполне определенное, слишкомъ послѣднее и несправедливое, чтобы быть обдуманнѣмъ и солиднымъ, можетъ потерпѣть еще разныя измѣненія. Россія, конечно, видитъ не безъ огорченія, что король прусскій пожинаетъ главный плодъ ея побѣды; Екатерина II должна чувствовать, что она готовитъ русской имперіи близкія опасности, какія будутъ грозить отъ Пруссіи балтійскому морю и самымъ важнѣмъ русскимъ провинціямъ. Претензіи берлинскаго двора, можетъ-быть, сдѣлаются столь чудовищными или другія конъюнктуры столь благоприятными, что государыня, вернувшись въ истиннымъ интересамъ своей имперіи, постарается, можетъ-быть, разрушить дѣло, которому она благопріятствовала по необдуманности.“

Дюранъ былъ сдѣланъ въ то же время и секретнымъ агентомъ короля и получилъ отдѣльную секретную инструкцію, въ которой о польскихъ дѣлахъ говорится слѣдующее: „Король польскій уже дѣлалъ попытки выказать желаніе вступить въ тѣсный союзъ съ Франціей и ему, конечно, желательно сбросить русское иго; поэтому Дюранъ будетъ поддерживать въ этомъ монархѣ надежду, что при первомъ удобномъ случаѣ установитъ съ нимъ

совершенную гармонию, мы постараемся примирить его съ конфедератами и помѣшать раздѣлу его государства, какъ только онъ дастъ намъ возможность къ этому, прибѣгнувъ къ добрымъ услугамъ и помощи короля, послѣ того, какъ онъ будетъ протестовать во главѣ какой-нибудь партіи своей націи противъ всего, что сила и насиліе собираются сдѣлать во вредъ ему. Дюранъ увѣритъ этого монарха, что мы ничего не имѣли лично ни противъ него, ни противъ русской императрицы, что все наши мѣропріятія имѣли цѣлью спасти польскую свободу, сохранить неприкосновенность польской территоріи и выказать живое участіе, принимаемое королею въ благѣ Польши.“¹

Когда Дюранъ пріѣхалъ въ Петербургъ, конвенція о раздѣлѣ Польши между Австріей, Пруссіей и Россіей была уже подписана, соответствующая декларация предъявлена польскому королю и оставалось только провести новыя границы сильно уменьшившагося польскаго королевства. По первому раздѣлу Россія получила Бѣлоруссію, то-есть приблизительно тѣ самыя области, на которыя указывалъ Чернышевъ. Франція вынуждена была признать совершившійся фактъ, и новому министру иностранныхъ дѣлъ герцогу Эгилону оставалось только говорить проповѣди, въ родѣ той, какую онъ сказалъ Хотинскому: „а королю прусскому достанется лучшая часть. Мы не досаждемъ, что онъ усиливается, но вы будете о томъ когда-нибудь жалѣть. Вотъ до чего довели поступки Шуазеля, тогда какъ по положенію нашихъ государствъ должны были бы мы жить въ дружбѣ со взаимною выгодой.“²

Дюранъ вынужденъ былъ ограничиваться изъясненіемъ своихъ симпатій Польшѣ и просьбами, чтобъ Екатерина освободила французскихъ офицеровъ, попавшихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ польскими конфедератами. Плѣнные Французы нашли впрочемъ болѣе сильнаго заступника въ лицѣ философа Даламбера, писавшаго Екатеринѣ слѣдующее: „Восемь французскихъ офицеровъ, увлеченныхъ въ Польшу обстоятельствами мнѣ неизвѣстными, впрочемъ исполненныхъ чести и отваги, имѣли несчастье, государыня, попасть въ плѣнъ при осадѣ Краковскаго замка. Увѣряютъ, что они сосланы въ отдаленные края вашихъ владѣній, и что съ ними обращаются съ суровостью, основанною вѣроятно на по-

¹ Resueil, IX, 286—289, 304—305.

² Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 28, стр. 373.

вѣдѣніяхъ, будто бы данныхъ вашимъ величествомъ, но которыя не могли изойти отъ васъ. Это прискорбное извѣстіе дошло до меня въ моей глуши, куда я давно удалился отъ тревоженій и сильныхъ міра сего, и гдѣ я въ тишинѣ, въ обществѣ нѣсколькихъ мудрецовъ, занимаюсь литературой и философійю. Жалкое положеніе нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ глубоко взволновало этихъ мудрецовъ и меня. Мы льстимъ себя надеждой, что душа столь возвышенная и чувствительная, какъ ваша, не менѣе насъ будетъ тронута такимъ положеніемъ, которое, конечно, ей неизвѣстно, и что для прекращенія ихъ страданія вашему величеству нужно было только узнать о нихъ. Итакъ, государыня, не только мой слабый и робкій голосъ, но и единодушное желаніе всѣхъ тѣхъ, кто думаетъ и пишетъ между нами, смѣю я принести къ подножію вашего престола, поручая этихъ несчастныхъ вашему величію и милосердію и умоляя васъ сбросить оковы, въ которыхъ они томятся и которыми ваше человеколюбіе не могло отличить ихъ. Вашему величеству не безизвѣстно до какой степени философія, для которой имя ваше такъ почтенно и дорого, подвергается нынче въ большей части Европы не только порицанію, но и гоненію; почти вся ея опора и надежда въ покровительствѣ, оказываемомъ ей безсмертною Еватериной и немногими государями, достойными подражать вамъ. Ея враги суть также и враги вашего величества: суевѣріе и фанатизмъ; и она считаетъ за честь раздѣлять съ такою великою государыней противниковъ, столь же злобныхъ, сколько и нелѣпныхъ, такъ постоянно и бесполезно возстающихъ на просвѣщеніе, которое вы стараетесь распространить, и такъ постыдно поражаемыхъ вашими законами и вашимъ орудіемъ. Какое славнѣйшее доказательство, государыня, можете вы дать этой философій, прибѣгающей нынѣ къ вашей благодати, что она имѣетъ счастье пользоваться вашимъ отличнымъ уваженіемъ, какое болѣе трогательное утѣшеніе въ невзгодахъ, испытываемыхъ ею отъ другихъ? Какой ожидать ей наконецъ милости, болѣе лестной для нея и болѣе способной унижить враговъ ея, какъ не дарованія вами, по ея смиренной и темной просьбѣ того, что болѣе могущественное заступничество не получило бы отъ васъ? Восемь лишнихъ плѣнниковъ не увеличатъ блеска побѣдъ вашихъ; ихъ освобожденіе снова откроетъ уста молвѣ, полагавшей было, что уже нечего прибавлять къ прославленію вашему. Республика литературы, которой достойнѣйшимъ органомъ являет-

ся нынѣ философія и въ которой она такъ-сказать держитъ перо, не умолчить ни для Франціи, ни для Европы, что та же императрица, которая изъ глубины сѣвера привела въ трепеть Константинополь, раздавила гордыню оттоманскую и потрясла корону на главѣ султановъ, явила себя послѣ побѣды еще болѣе великою, нежели въ самой побѣдѣ; что она умѣла не только уважать, но и награждать неосторожное и несчастное мужество, осмѣлившееся по ошибкѣ сражаться съ ней; что если нѣсколько Французовъ подняли оружіе противъ нея, она хотѣла своею снисходительностію къ нимъ доказать ихъ націи, что не считаетъ ее враждебною себѣ и что она благодушно помнитъ справедливый энтузіазмъ, который ея таланты, добродѣтель и просвѣщеніе внушили образованнѣйшей части этой націи.“

На это письмо Екатерина отвѣчала Даламберу слѣдующее: „Я получила прекрасное письмо, которое вы сочли нужнымъ написать мнѣ насчетъ вашихъ соотечественниковъ, военнопленныхъ въ моихъ владѣніяхъ, ходатайствуя объ освобожденіи ихъ во имя философіи и философовъ. Вамъ представили ихъ окованными, страждущими и во всемъ нуждающимися въ глуши Сибири. Успокойтесь, милостивый государь, и успокойте друзей своихъ: знайте, что ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности. Пленныя вашей націи, взятые въ разныхъ мѣстахъ Польши, гдѣ они возбуждали и поддерживали смуты, находятся теперь въ Кіевѣ, гдѣ они, по собственному признанію, пользуются весьма сноснымъ положеніемъ. Они свободно переписываются съ Дюраномъ, посломъ короля французскаго при моемъ дворѣ, и съ своими родными. Я видѣла письмо одного изъ нихъ, Галибера: онъ хвалитъ доброе обращеніе съ ними кіевскаго генераль-губернатора и проч. Вотъ все, что я вамъ въ эту минуту могу сказать о нихъ. Привыкнувъ уже къ тому, что въ свѣтѣ распространяютъ ядъ самой черной клеветы, я не удивилась этой: она могла произойти изъ того же источника. И потому она меня мало озабочиваетъ; я вполне могу утѣшиться всѣмъ, что вы говорите мнѣ лестнаго отъ имени просвѣщенныхъ людей вашей родины, во главѣ которыхъ вы находитесь.“

Даламберъ не успокоился, и вновь написалъ императрицѣ. „Философія, говоритъ онъ, взывающая къ вамъ о помощи, успокоенная теперь вашими щедротами насчетъ положенія нашихъ соотечественниковъ, посмѣетъ ли съ трепетомъ надѣяться на новую отъ васъ милость? Если она нынѣ поневолѣ злоупотреб-

ляеть великодушiемъ вашего императорскаго величества, то это великодушiе, смѣемъ вымолвить, должно обвинять въ томъ само себя. Можеть-быть также, государыня (надобно ли бояться имѣть слишкомъ высокое мнѣнiе о такой душѣ, какъ ваша?), можеть-быть эта душа, столь достойная своей славы и своего сана, ищетъ, такъ-сказать, только предлога, чтобы всецѣло обнаружиться въ томъ обстоятельстве, которое снова повергаетъ насъ къ подножiю вашего престола. Пльнные, за которыхъ мы имѣли честь ходатайствовать предъ вашимъ величiемъ и правосудiемъ, похищены у ихъ отечества и семьи; ихъ очень небольшое число; предъ вашимъ императорскимъ величествомъ ихъ защищаетъ только голосъ нѣсколькихъ мудрецовъ, такихъ же безвѣстныхъ, такихъ же одинокихъ, такихъ же слабыхъ, какъ сами они, сдѣлавшихся жертвами лжи и зависти, подобно тому, какъ и эти пльнные являются жертвами судьбы. Эта часть нашей нации, старающаяся поучать и образовывать себѣ подобныхъ, этотъ классъ людей, столь неизмѣнно и столь справедливо преданный вашему императорскому величеству и за высокiе таланты, которыхъ онъ въ васъ удивляется, и за уважаемыя добродѣтели ваши, и за полученныя отъ васъ щедроты, обвиняется въ томъ, что онъ врагъ общества, законовъ и нравственности, обвиняется со стороны того жестокаго и нелѣпаго фанатизма, который нынѣ умерщвляетъ королей, не смѣя, какъ прежде, пытаться низлагать ихъ. Отвратительное суевѣрiе, которое ожесточается съ равною яростию и противъ успѣховъ просвѣщенiя, и противъ высокаго покровительства, которымъ его счастливить русская герония, было бы смущено и унижено этими немногими словами вашего императорскаго величества къ французскимъ пльннымъ: Идите, будьте свободны, возвратитесь во Францiю и благодарите философию. Фокiонъ, этотъ добродѣтельный Афинянинъ, почитаемый и нѣжно любимый Александромъ, въ то самое время, когда онъ былъ преслѣдуемъ согражданами, безъ труда исходатайствовалъ у великаго царя свободу нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые были пльниками въ его владѣнiяхъ. Почему бы, государыня, людямъ, угнетаемымъ въ наши дни, какъ Фокiонъ, не надѣяться, что монархиня, достойная подражать Александру, благоволитъ въ пользу ихъ возобновить этотъ поступокъ, столь умилительный въ древней исторiи, столь почтенный въ завоевателѣ Азии? Почему науки и письмена, удостоенныя столькихъ знаковъ уваженiя вашимъ величествомъ, не посмѣютъ съ довѣрiемъ ожидать

милости. столь дестной для нихъ, столь достойной снискать навѣки ихъ нѣжную и почтительную благодарность и быть прославленной всѣми умами въ Европѣ, способными чувствовать и восхвалять великія дѣянія? Государыня, я здѣсь только слабый органъ ихъ желаній, ихъ чувствованій и, смѣю прибавить, ихъ надеждъ. Они полагали, что въ самомъ сердцѣ вашего величества въ воспоминаніи, можетъ-быть, сохраняемомъ вами о милостяхъ, которыми вы удостоили меня осыпать, буду имѣть счастье найти тѣ средства къ убѣжденію, какихъ не можетъ мнѣ доставить въ настоящемъ дѣлѣ слабое мое дарованіе. Мое здоровье, слабѣющее съ каждымъ днемъ, конечно, не позволитъ мнѣ, государыня, долго наслаждаться столь дорогимъ для моего сердца зрѣлищемъ вашихъ торжествъ и вашего царствованія. Но какое было бы утѣшеніе для меня, еслибъ я могъ, умирая, поручить моимъ друзьямъ начертать на моемъ надгробномъ камнѣ эту краткую надпись, за которую они полюбятъ мою память: Во имя философіи и человѣколюбія, онъ испросилъ у бессмертной Екатерины свободу плѣннымъ Французамъ.“

Этого письма Екатерина не оставила безъ отвѣта и написала Даламберу: „Я получила второе письмо, писанное вашею рукой, относительно французскихъ плѣнныхъ, содержащее слово въ слово то же, что и первое. За нимъ послѣдовало третье письмо, которое, какъ я полагаю, было отвѣтомъ на мое. Въ немъ вы стараетесь склонить меня столько же основательностью разсужденій, сколько и силой вашего краснорѣчія, пріятностью и красотой вашего слога, чтобъ я отпустила французскихъ плѣнныхъ, находящихся въ моей имперіи. Но позвольте мнѣ выразить вамъ, какъ я удивлена, вида такое усердіе содѣйствовать освобожденію отъ кажущейся неволи зажигателей, старавшихся посѣять смуты вездѣ, гдѣ они ни являлись. Я обѣщаю вамъ, только что мѣрь будетъ заключенъ, сказать вашимъ соотечественникамъ слова, которыя вы мнѣ говорите: Идите, будьте свободны, возвратитесь во Францію и благодарите философію. Я прибавлю: она научитъ васъ, что нехорошо быть злымъ по влеченію сердца. Тысячи плѣнныхъ Турокъ и Поляковъ, жертвъ обмана со стороны тѣхъ, къ кому вы питаете участіе, должны будутъ жаловаться, что они забыты человѣколюбіемъ, тогда какъ столько средствъ употреблено для возвращенія послѣднихъ на родину, которая впрочемъ не одобряетъ ни этихъ благородныхъ людей, ни ихъ прелестныхъ поступковъ. Спрашиваю васъ, какая была бы справедли-

вость отдать предпочтенеі виновникамъ зла и оставить въ менѣе благоприятномъ положеніи тѣхъ, кто послужилъ имъ игралищемъ? Истинное человеколюбіе въ моихъ глазахъ болѣе говорить за этихъ, чѣмъ за другихъ. Но будьте увѣрены, что я по просьбѣ вашей возвращу свободу и тѣмъ и другимъ въ свое время. Я говорю: по вашей просьбѣ, потому что, ходатайствуя за причину, вы по силѣ логики вмѣстѣ ходатайствовали и за послѣдствія. Тогда вамъ можно будетъ прибавить въ надписи, о которой вы упоминаете, и имена турецкихъ плѣнныхъ къ именамъ французскихъ. Впрочемъ, я желаю для блага философіи, чтобы вамъ долго еще не понадобилось никакой эпитафіи.“¹

Турецкія дѣла очень волновали французское правительство. Министръ Эгильонъ доказывалъ Хотинскому, что Россія не въ состояніи долго вести войну съ Портой, что ей слѣдуетъ заключить миръ и не требовать слишкомъ многого отъ Турціи. Когда Хотинскій замѣтилъ, что Россія готова уступить Молдавію и Валахію, но требуетъ независимости Крыма, и что такая уступка должна повести къ миру, Эгильонъ выразилъ сомнѣніе во всей своей наружности и вскрикнулъ: „А Крымъ къ чему?“ Потомъ, немного помолчавъ, прибавилъ: „Вы знаете, что Турки не хотятъ ничего уступить“. Хотинскій замѣтилъ: „Какое же будетъ вознагражденіе за полученные нашимъ оружіемъ успѣхи и понесенные убытки?“ Эгильонъ отвѣчалъ съ холоднымъ видомъ и вполголоса: „Думаю, что вознагражденіе это будетъ состоять въ деньгахъ. По турецкимъ приготовленіямъ видно, что Порта вовсе не отказывается отъ продолженія войны. Турки знаютъ, что ваши эскадры не въ состояніи больше держаться въ морѣ, чему и дивиться нечего, когда принуждены десять мѣсяцевъ въ году отправлять службу; отъ этого корабли испортились и люди гибнутъ. Турки знаютъ, что пополненіе арміи рекрутами становится вамъ трудно по причинѣ мора; оставшіеся въ государствѣ полки истощены; въ деньгахъ также большой недостатокъ, такъ что самимъ министрамъ вашимъ платится жалованье бумагой“. „Уже съ самаго начала войны, возразилъ Хотинскій, слыхалъ я такія разсужденія; давно ждутъ, что мы истощимся. Правда, война намъ тяжела, но такъ какъ у насъ нѣтъ государственнаго долга и содержаніе войска стѣбитъ дешевле, чѣмъ въ другихъ странахъ, то мы можемъ вынести военныя издержки долѣе другихъ государствъ,

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 13, стр. 279—284, 288—292.

которыя и побогаче насъ. Что касается флота, то возвращающіеся съ него черезъ Францію переводчикъ Лизакевичъ и поручикъ Прошинъ сказывали мнѣ, что на эскадрахъ все благополучно“. „Наборъ страшно тягостенъ для дворянства, сказалъ Эгильонъ, теперь принуждены давать осьмаго человѣка“. „Вамъ сообщено ложное извѣстіе, отвѣтилъ Хотинскій, набираютъ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, слѣдовательно жребій падаетъ слишкомъ на сотаго человѣка, ибо въ подушномъ окладѣ записано болѣе девяти милліоновъ душъ“. „У насъ есть обстоятельныя извѣстія, продолжалъ Эгильонъ, вычтя дѣтей, стариковъ и вольныхъ людей, немного останется годныхъ въ службу. Планъ вашей государыни содержать армию въ Крыму, другую на Дунаѣ и флотъ въ Архипелагѣ безспорно хорошъ, славенъ и великъ; но такіе планы должны быть маскированы, иначе въ случаѣ продолжительности войны не имѣютъ ожидаемаго успѣха; примѣромъ служить нашъ походъ въ Баварію: первая кампанія была блестяща, а послѣ армія исчезла отъ болѣзней и недостатка въ рекрутахъ“.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого происходилъ слѣдующій любопытный разговоръ между Эгильономъ и Хотинскимъ.

Эгильонъ. Равновѣсіе въ Европѣ нарушится, если вы успѣете предписать Туркамъ миръ на трехъ условіяхъ: свободное мореплаваніе по Черному Морю, гавань на немъ и независимость Татаръ. Съ такими выгодами вы скоро будете и въ Константинополѣ, и тогда кто васъ оттуда выживетъ?

Хотинскій. Кто захочетъ.

Эгильонъ. Кто же это?

Хотинскій, улыбаясь. Вы первые, потомъ Австрійцы и Англичане.

Эгильонъ. Тогда уже будетъ поздно.

Хотинскій. Неужели вы серьезно такъ думаете?

Эгильонъ. Совершенно серьезно.

Хотинскій. Въ такомъ случаѣ я вамъ признаюсь, что выгоды, которыя мы себѣ выговариваемъ, болѣе славны для насъ, чѣмъ полезны, ибо что касается мореплаванія, то представляю вамъ въ примѣръ, какой успѣхъ имѣемъ мы на Балтійскомъ морѣ, которое намъ открыто. Вы знаете, что нашу торговлю производятъ чужіе народы, и несмотря на всѣ старанія поощрять нашъ народъ къ морской торговлѣ, онъ на это не поддается, изъ чего ясно видно, что нѣтъ въ немъ къ этому промыслу склонности. Крымскіе Татары останутся независимыми.

Эмльонг. Какая можетъ быть ихъ независимость? Вы уже взяли имъ и хана, который будетъ вамъ преданъ. Когда вамъ понадобится, пошлете вы ихъ на Венгрію и другія австрійскія земли, которыя они разорять прежде, чѣмъ вѣнскій дворъ успеетъ оглянуться и собрать разсѣянные по Италіи и Фландріи свои войска. Можно ли вамъ предписать, чтобы вы имѣли на Черномъ Морѣ только десять, двадцать или тридцать кораблей и о сколькоихъ пушкахъ? Вы и такъ уже сильны съ королемъ прусскимъ; вы теперь дружны съ нимъ, и онъ все вамъ позволяетъ; но со временемъ и съ нимъ вы справитесь. Вы безопасны по своему положенію: кто пойдетъ нападать на васъ въ такую даль? Впрочемъ, вы дѣлаете хорошо, настаивая на полученіи этихъ выгодъ. Я бы то же на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ; но сомнѣваюсь, чтобы Турки вамъ уступили. ¹

Въ 1773 г. Брольи представилъ королю, по его желанію, обширѣйшій мемуаръ объ отношеніяхъ Франціи къ иностраннымъ державамъ, въ которомъ находимъ осужденіе всего царствованія Людовика XV. Авторъ указываетъ на то, какъ пала Франція, насколько уменьшилось ея вліяніе въ Европѣ, винить въ этомъ больше всего министерство Шуазеля, котоый не сумѣлъ энергически вмѣшательствомъ помѣшать раздѣлу Польши и успѣхамъ русскаго оружія въ турецкой войнѣ.

Брольи указываетъ на могущество Россіи и на опасность, какую она представляетъ для Франціи. „Съ тѣхъ поръ какъ Россія, говоритъ онъ, начала играть роль на европейской сценѣ, ея военное могущество, основанное прежде на трусливой и недисциплинированной толпѣ, устроилось мало-по-малу на всѣхъ преимуществахъ искусства и дисциплины, которыя теперь у нея одинакія со всѣми цивилизованными государствами. Солдаты стали въ Россіи очень хороши, и если офицеры оставляютъ еще желать кое-чего, иностранцы пополняютъ этотъ пробѣлъ. Соревнованіе, награды ускорятъ наступленіе этого времени; и надо думать, что русское войско уже не такъ далеко отъ совершенства, такъ какъ въ войнѣ противъ короля прусскаго армія Елисаветы часто одерживала побѣды, и еще съ бѣльшимъ успѣхомъ дѣйствовала армія Екатерины въ настоящую войну. Эта держава сдѣлала успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ и за ней осталось еще преимущество численности войска. Петербургскій дворъ можетъ на-

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 28, стр. 378—376.

нести роковой ударъ нашей восточной торговлѣ. Побѣдоносная Россія находится въ блестящемъ положеніи, собирая плоды своего военнаго могущества и могущества, доставляемаго ей выгодными союзами. Изъ великихъ державъ одна Франція заинтересована въ томъ, чтобы помѣшать торжеству Россіи и протянуть руку несчастнымъ Туркамъ, ибо съ Польшей дѣло кончено. Если судить по наружности, представляемой всегда сближеніемъ двухъ дворовъ послѣ временнаго охлажденія, по комплиментамъ, по взаимному вниманію въ церемоніалѣ и этикетѣ, можетъ показаться, что Франція и Россія не далеки отъ союза; но если поразмыслить о противоположности справедливыхъ и миролюбивыхъ видовъ короля и несправедливыхъ и честолюбивыхъ плановъ русской императрицы, которые она отчасти привела уже въ исполненіе, эта надежда должна исчезнуть.“

Брольи обвинялъ Шуазеля въ томъ, что онъ не принялъ рѣшительныхъ мѣръ въ защиту Турціи. Напримѣръ, по его мнѣнію, можно было вмѣстѣ съ Англіей объявить Средиземное море нейтральнымъ и не пропускать русской эскадры, а еслибъ этотъ планъ не удался—послать въ Архипелагъ военныя суда, которыя помогли бы Туркамъ уничтожить русскій флотъ. Время было упущено и, по словамъ Брольи, оставался только путь убѣжденія.¹ Другими словами, Франція желала быть посредницей при заключеніи мира Россіи съ Турціей и дипломатическимъ путемъ облегчить тяжелую участь Порты, завлечь, обольстить и обмануть Россію, какъ выражался англійскій посланникъ въ Петербургѣ.

Дюранъ три раза ходилъ къ Панину и предлагалъ ему услуги французскаго короля, увѣряя его, что одному только его двору извѣстны намѣренія Турокъ и что это даетъ ему возможность оказать Россіи болѣе пользы, чѣмъ могутъ сдѣлать прочіе ея друзья и союзники; что въ случаѣ еслибы предложенія его были выслушаны, императрица могла бы ожидать такихъ условій мира, на которыя даютъ ей право великіе успѣхи ея оружія, что Людовикъ желаетъ положить конецъ настоящимъ несогласіямъ, побуждаемый къ тому двумя соображеніями: вопервыхъ, для того, чтобы торговля его подданныхъ на Средиземномъ морѣ не подвергалась больше столь частымъ нарушеніямъ; вовторыхъ, чтобы въ скорѣйшемъ времени имѣть случай заявить уваженіе

¹ Boutaric, t. II, p. 31, 36, 42, 46, 48.

свое императрицѣ, вступивъ съ ней въ тѣснѣйшія обязательства, условія которыхъ были бы предписаны ею. Панинъ отвѣчалъ каждый разъ то же самое, что дворъ его не считаетъ настоящую минуту удобнымъ временемъ для увеличенія своихъ обязательствъ, имѣя полное основаніе быть довольнымъ обязательствами уже существующими, но что императрица весьма чувствительна къ дружественнымъ намѣреніямъ короля и ничего такъ не желаетъ, какъ имѣть случай доказать ему свое уваженіе и цѣну, которую она придаетъ его дружбѣ. Панинъ рѣшительно увѣрялъ англійскаго посланника, что до тѣхъ поръ пока онъ пользуется вліяніемъ, никакія условія, предлагаемыя Россіи Франціей, не побудятъ его согласиться на ея посредничество.

Дюранъ попытался повліять на императрицу. Онъ воспользовался пребываніемъ знаменитаго Дидро, имѣвшаго постоянный доступъ къ Екатеринѣ. Дидро вручилъ императрицѣ бумагу, содержащую предложенія условій мира съ Турками, которыя французскій дворъ обязуется доставить въ случаѣ только, если будетъ принято его посредничество. Извиняясь въ этомъ поступкѣ, совершенно выходящемъ изъ его сферы, Дидро объяснилъ, что не могъ отказаться отъ исполненія требованія французскаго посланника, боясь, что по возвращеніи на родину онъ будетъ засажень въ Бастилію. Екатерина отвѣчала, что въ виду этого соображенія она извиняетъ Дидро его неприличный поступокъ, но съ условіемъ, чтобъ онъ передалъ Дюрану, что она сдѣлала съ бумагой, а бумагу она бросила въ огонь.¹

Вслѣдъ за пріѣздомъ въ Петербургъ Дюрана былъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Парижѣ князь Барятинскій, которому приказано уклончиво отвѣчать на предложеніе посредничества. Ему данъ былъ наказъ, написанный самимъ Панинымъ и представляющій объясненіе и оправданіе русской политики во время Панинскаго управленія иностранными дѣлами. Привожу этотъ любопытный документъ: „Руководство общими дѣлами раздѣляется главными державами по мѣрѣ умѣнья каждой себѣ его присвоивать. До царствованія Великой Екатерины Россія, при всѣхъ своихъ успѣхахъ въ прусской войнѣ, играла только второстепенную роль, выступая вездѣ вслѣдъ за своими союзниками. При вступленіи Екатерины на престолъ въ Европѣ были двѣ стороны: въ первой находились Франція и Австрія, за нимъ

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 19, стр. 388—385.

Испанія и значительная часть имперских князей; на другой стороне́ была Англія и король прусскій. Съ первымъ въ союзѣ находился король португальскій и нѣкоторые имперскіе князья; съ послѣднимъ же сдѣлался вдругъ изъ непріятеля тѣснѣйшимъ союзникомъ императоръ Петръ III: слѣдовательно и тутъ Россія, перемѣня политическую систему, осталась все же въ значеніи державы, отъ постороннихъ интересовъ зависимою. При заключеніи мира Англія успѣла вынудить отъ бурбонскаго дома выгодныя условія, удержавъ за собою многія и важныя завоеванія, а король прусскій отдался безо всякой потери. Чѣмъ меньше Россія, вслѣдствіе скоропостижнаго перелома, совершеннаго въ ея политикѣ Петромъ III, могла имѣть вліяніе въ этихъ мирныхъ переворотахъ, которые основывали будущее положеніе всей Европы, тѣмъ труднѣе было ей послѣ приобрѣсть вліяніе. Мудрость и твердость императрицы Екатерины превозмогли однако скоро эту трудность, и свѣтъ увидѣлъ вдругъ съ удивленіемъ, что здѣшній дворъ началъ играть въ общихъ дѣлахъ роль, равную роли главныхъ державъ, а на сѣверѣ первенствующую. Англія, имѣя съ нами одинакіе государственные интересы, а сверхъ того привыкнувъ, по естественному положенію острова своего, смотрѣть въ мирное время очень равнодушно на континентальныя дѣла, увидѣла такую политическую перемѣну съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ по той причинѣ, что находила въ Россіи новую соперницу Франціи, облегчающую собственныя ея заботы. Австрія и Пруссія были такъ утомлены отъ войны, что сначала мало помышляли о распространеніи вліянія своего далѣе предѣловъ Германской имперіи, а послѣ, увидя, что Россія начала сама собою и по собственной системѣ дѣйствовать, стали, по взаимной ихъ другъ къ другу ревности, наперерывъ искать ея дружбы и союза, но съ тою разностію, что вѣнскій дворъ, по прежней привычкѣ руководствовать ею для собственныхъ видовъ, старался и тутъ возвратитъ насъ въ зависимость отъ своей политики; а король прусскій, оставляя императрицѣ первенство въ общихъ съ нимъ дѣлахъ, хотѣлъ только приобрѣсть себѣ ея дружбу и союзомъ ея оградить цѣлость и безопасность владѣній своихъ на будущее время, зная по опыту, какою завистію пылаетъ къ нему вѣнскій дворъ. Не трудно было императрицѣ избрать, которая сторона выгоднѣе и полезнѣе для славы и достоинства имперіи, тѣмъ болѣе, что вѣнскій дворъ находился въ тѣснѣйшемъ соединеніи съ Франціей, которой вліяніе вездѣ господствовало и особенно

на сѣверѣ препятствовало усилению русскаго вліянія. Предпочтеніе Россіей прусскаго союза не могло быть по вкусу вѣнскому двору, и потому онъ началъ вездѣ способствовать французскимъ интригамъ противъ насъ, сохраняя нѣкоторую угнѣренность и наружное приличіе. Но Франція оскорблялась, чувствуя, что русское вліяніе усиливается въ ущербъ ея собственному, и первый министр Шуазель, полагая въ томъ личную свою честь, сталъ хвататься за всѣ позволенные и не позволенные способы. Общая французская система противъ насъ состоитъ въ томъ, чтобы вліянію и значенію Россіи, по крайней мѣрѣ равняющимися теперь вліянію и значенію Франціи, ставить сильнѣйшія препятствія и стараться возратить Россію въ прежнее положеніе державы, дѣйствующей не самостоятельно, а повинующейся чужимъ интересамъ. По этому плану дѣйствуютъ теперь при всѣхъ дворахъ французскіе министры, хотя герцогу Эгильону надо отдать справедливость, что со времени его министерства наблюдается ими все наружное приличіе, и здѣсь Дюранъ увѣряетъ въ дружескомъ расположеніи своего короля къ императрицѣ и желаніи его оказать ей услуги, средствомъ къ чему могутъ служить возобновленіе оборонительнаго союза между Россіей и Швеціей и посредничество для заключенія мира съ Портой; но все это дѣлается съ прежнею цѣлію лишить нашу политику самостоятельности. Франція увидала, что успѣхи ея въ борьбѣ съ нами не соотвѣтствуютъ ея желанію, и потому вздумала перевернуться и построить батареи у насъ самихъ, пользуясь шведскою революціей и порваніемъ переговоровъ съ Турками, въ надеждѣ, что увеличеніе нашихъ заботъ побудитъ насъ съ радостію и безъ размышленія ухватиться за ея лестныя предложенія. Тонкая мысль, чтобы дать намъ въ собственномъ нашемъ дѣлѣ почувствовать недостатокъ собственныхъ нашихъ средствъ. Но тонкость Франціи не устояла однако противъ мудрости императрицы, проникнувшей ковы и отклонившей французскія предложенія¹.

Въ 1774 году былъ заключенъ Кучукъ-Кайнарджискій миръ съ Турціей, по которому, къ крайней досадѣ Франціи, Россія приобрѣла свободное мореплаваніе по Черному Морю, Кинбурню, Керчь, Еникале и всю степь между Бугомъ и Днѣпромъ, а Татары были признаны независимыми. Въ томъ же году умеръ

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 29, стр. 74—76.

Людовикъ XV, и съ его смертью навсегда прекратилась секретная дипломатія, которая, въ лицѣ Брольи, Терсье и др., враждебно относилась къ Россіи и надѣлала не мало вреда самой Франціи.

Съ 1756 года по 1774 годъ продолжался, по мнѣнію Рамбо, четвертый періодъ сношеній Россіи съ Франціей. Французскій историкъ характеризуетъ этотъ періодъ такими словами: „Двухсотлѣтняя борьба между Бурбонами и Габсбургами уступила мѣсто довольно тѣсному союзу между этими домами, и наши старинные союзники на Востокѣ перестали играть роль, принадлежавшую имъ въ политической системѣ XVII вѣка; они перестали быть необходимыми союзниками противъ Австріи и стали неспособными играть роль союзниковъ противъ какой бы то ни было державы; ихъ существованіе намъ все еще драгоценно, но единственно настолько, насколько они представляютъ элементы восточнаго равновѣсія; ибо они не только не могутъ служить намъ помощію, но для самаго своего существованія нуждаются въ помощи нашей дипломатіи и въ остаткахъ вліянія французскаго короля. Съ 1756—1774 года Россія представляется намъ опасною державою, нарушающею европейское равновѣсіе, разрушающею государство, необходимыя, какъ казалось, для поддержанія равновѣсія.“

Рамбо очень вѣрно передалъ взглядъ французскаго правительства на Россію, тѣмъ не менѣе надо замѣтить, что первая половина четвертаго періода отличается отъ второй. Во время Семилѣтней Войны Россія приступила къ союзному договору между Австріей и Франціей, русская армія дралась заодно съ французскою противъ Пруссіи, французскіе дипломаты прямо нигдѣ не вредили намъ. Правда, что Людовикъ XV и въ то время относился недоброжелательно къ Россіи и старался, воспользовавшись успѣхами нашего войска, оставить насъ безо всякаго вознагражденія за военные убытки. Но Елисавета Петровна искренно желала и искала союза съ Франціей, между тѣмъ, какъ Екатерина считала Францію своимъ врагомъ и старалась противопоставить ей сѣверный союзъ. Первое десятилѣтіе царствованія Екатерины напоминаетъ всего больше время Анны Иоанновны, когда точно также французскіе дипломаты интриговали противъ насъ въ Швеціи, Польшѣ, Турціи, а у насъ твердо держались Австріи, какъ Екатерина держалась Пруссіи.

XXIX.

Со вступленіемъ на престолъ Людовика XVI и съ переменъ министертва, началась новая политика, болѣе миролюбивая вообще и болѣе дружелюбная по отношенію къ Россіи. На мѣсто Дюрана, давно привыкшаго смотрѣть на Россію, какъ на страну враждебную, назначенъ былъ маркизь Жюинье. Данная ему инструкція написана совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ писались инструкціи при Людовикѣ XV. „Если мы желаемъ видѣть больше довѣрія между нами и Россіей, читаемъ въ этомъ документѣ, то не столько для нашей личной выгоды, сколько для сохраненія мира, столь необходимаго для счастья человѣчества. Король поручаетъ Жюинье уничтожить личныя предубѣжденія противъ насъ императрицы, приведшія къ охлажденію между двумя дворами. Онъ постарается представить, что въ поведеніи короля и поведеніи его министра не было и слѣда враждебности, что король отдастъ справедливость талантамъ и образу мыслей русской императрицы, что онъ желаетъ жить съ ней въ дружбѣ, что для общаго блага онъ часто сожалѣлъ, что отношенія его съ императрицей не такъ близки, какъ того требовали бы интересы обѣихъ имперій, что поведеніе короля будетъ все больше и больше убѣждать государыню въ искренности его расположенія, если и она со своей стороны будетъ выказывать тѣ же чувства.“

Французское правительство рассчитывало, что союзъ Россіи съ Пруссіей непочтенъ, что завоевательная политика Фридриха заставить наконецъ Екатерину положить предѣлъ его властолюбію, и что тогда Россія естественно вернется къ австро-французскому союзу. „Претензіи берлинскаго двора, говорится въ помянутой инструкціи, становятся съ каждымъ днемъ все чрезвычайнѣе, дружба ея все деспотичнѣе, и не вопли невѣроятно, что Екатерина II, вернувшись къ истиннымъ интересамъ своей имперіи, умѣривъ свое честолюбіе, успокоившись въ своихъ враждебныхъ чувствахъ, увидить, что она болѣе не нуждается въ королѣ прусскомъ, что она слишкомъ способствовала возрастанію его могущества, что она доставила себѣ въ Польшѣ опаснаго конкурента, котораго она должна была устранить отъ дѣлъ королевства, что она доставила ему средства присвоить себѣ торговлю съ Поляками, что она дала прусскому королю возможность

содержать сухопутное войско громадныхъ размѣровъ, а также создать морское могущество, которое доставитъ ему лишнее средство напасть на Россію и отдѣлить ее отъ остальной Европы, наконецъ, что она доставила этому предприимчивому королю средства играть первую роль на Сѣверѣ, гдѣ Россія имѣла до сихъ поръ претензію быть диктаторомъ. Столь очевидные результаты многихъ ошибокъ не ускользнуть отъ пронизательнаго ума Екатерины II, когда она спокойно начнетъ обдумывать прошедшее, настоящее и будущее. Можно предвидѣть, что рано или поздно желаніе разрушить свое дѣло (то-есть союзъ съ Пруссіей) замѣнить покровительство, которое ее необдуманная предпріятія заставили ее оказывать естественному врагу Россіи. Екатерина пойметъ, что единственное средство остановить чрезмѣрное возрастаніе прусскаго могущества—это проидводѣйствіе короля и что совмѣстное противодѣйствіе Франціи и Россіи воздвигнетъ неодолимую преграду прусской жадности.“¹

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ французскій посланникъ получилъ отъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ Вержена письмо, въ которомъ тотъ говорилъ: „Такъ какъ одна изъ главныхъ причинъ предубѣжденія противъ насъ Екатерины заключается въ томъ, что Франція постоянно противодѣйствовала всѣмъ ея мѣропріятіямъ въ Польшѣ, король даетъ вамъ право сказать въ удобную минуту, что мы не считаемъ ея вліянія въ Польшѣ опаснымъ для поддержанія мира и равновѣсія, что, напротивъ, мы считаемъ это вліяніе однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ сдерживать честолюбіе другихъ сосѣдей Польши.“²

Эта любезная фраза указываетъ на то, что французское правительство дѣйствительно желало жить въ дружбѣ съ Россіей. Тѣмъ не менѣе, у Жюенъ не было никакого прямаго дѣла, онъ больше наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось въ Россіи, не вступая ни въ какіе переговоры, потому что въ то время была еще въ полной силѣ идея сѣверной системы, то-есть тройственнаго союза Россіи, Пруссіи и Англіи. Специальное порученіе было дано Жюенъ только разъ: начиналось возстаніе американскихъ колоній противъ Англіи и образованіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Франція собиралась вступить за Америку, а въ Парижѣ распространился слухъ, что между Екатериной и королемъ англійскимъ

¹ Recueil, IX, 313, 315, 317—318.

² Recueil, IX, 326—327.

заключенъ договоръ, по которому Россія обязалась послать въ Америку на помощь Англіи двадцать тысячъ войска. Жюльенъ поручали разстроить это дѣло.¹

Слухъ, распространившійся въ Парижѣ, имѣлъ основаніе. Лѣтомъ 1775 г. англійскому посланнику въ Петербургѣ Гуннингу поручили узнать: если со временемъ понадобится употребить въ Америкѣ иностранныя войска, можно ли рассчитывать, что Русская императрица снабдитъ короля значительнымъ корпусомъ пѣхоты? Гуннингъ, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, сказалъ Панину, что несомнѣнно мѣры, предпринимаемыя королемъ, положить конецъ возстанію, но тѣмъ не менѣе онъ желалъ бы знать, можно ли рассчитывать на поддержку императрицы, въ случаѣ своего войска окажется мало. Екатерина, по словамъ Гуннинга, велѣла Панину въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ увѣрить его въ полной готовности оказать королю всякую помощь, какой онъ только можетъ пожелать, въ томъ видѣ и тѣмъ путемъ, какіе онъ признаетъ нужными. Екатерина думала по всей вѣроятности, что ей можно будетъ ограничиться словами и, какъ увѣрялъ англійскій посланникъ, дѣло не дойдетъ до того, что потребуются иностранныя войска. Но въ Лондонѣ поняли иначе любезный отвѣтъ императрицы, и Гуннингу поручили объяснить, что испрашиваемая помощь должна состоять изъ двадцати тысячъ пѣхоты, прирученной къ дисциплинѣ, вполне вооруженной и готовой, какъ только весной откроется плаваніе, къ отплытію въ Канаду, гдѣ они поступятъ подъ начальство британскаго главнокомандующаго. Король англійскій Георгъ III прямо писалъ Екатеринѣ: „Великодушное заявленіе, съ которымъ вамъ угодно было обратиться чрезъ министра вашего къ Гуннингу, вызываетъ съ моей стороны самую искреннюю признательность, въ которой и прошу ваше императорское величество принять увѣреніе и быть убѣжденною, что я принимаю предложенную вами мнѣ помощь нѣкоторой части вашихъ войскъ“. Гуннингу былъ присланъ проектъ трактата, по которому Россія обязывалась за субсидію дать вспомогательный корпусъ. Но когда англійскій посланникъ предъявлялъ этотъ проектъ Панину, Екатерина отказалась отъ безумнаго и бесполезнаго для Россіи предпріятія, и въ письмѣ къ Георгу объяснила, что ей невозможно посылать войско въ Америку, несмотря на большую симпатію къ Англіи. Такимъ

¹ Recueil, IX, 329.

образомъ желаніе Франціи исполнилось, безо всякаго вмѣшательства Жюинье. ¹

Жюинье, пробывшій въ Петербургѣ болѣе двухъ лѣтъ (до конца 1777 года) и оставившій свой постъ по болѣзни, способствовалъ установленію болѣе дружественныхъ отношеній съ Франціей. Екатерина писала о немъ Гримму: „Вашъ Жюинье пріѣхалъ. Онъ не имѣетъ вида вѣтренника. Я молю Бога, чтобъ Онъ высиль его умъ надъ пустыми мечтами, горячкой, грубыми и тяжелыми клеветами, глупостью его предшественниковъ, и чтобъ онъ предохранилъ его отъ желчи и черной ипохондріи маленькой министерской канальи, бывшей до Дюрана. Этотъ человекъ нравится мнѣ, онъ кроткій и не злой. Вашъ маркизь Жюинье кажется мнѣ честнымъ и порядочнымъ человекомъ, и я думаю, что онъ неспособенъ лгать. Правда, что онъ служитъ при министрѣ, наиболѣе почтенномъ изъ когда-либо бывшихъ, и ухаживая за которымъ, думаю, не нужно прибѣгать къ желчи и злости для поддержанія его принциповъ.“ „Я всегда рада, когда мнѣ говорятъ о Жюинье, писала Екатерина въ 1781 году, потому что это очень честный человекъ и онъ измѣнилъ здѣсь тонъ своихъ предшественниковъ“. ²

Векорѣ Франціи представился случай помочь намъ и доказать, что она дѣйствительно относится къ намъ дружельюбно. Несмотря на Кучукъ-Кайнарджискій миръ или благодаря ему, отношенія наши съ Турціей оставались натянутыми; Порты не хотѣла исполнять нѣкоторыхъ статей мирнаго трактата, не хотѣла признать независимость Татаръ. Въ Крыму шла борьба между русскимъ и турецкимъ вліяніемъ, мы поддерживали свергнутаго съ престола хана Шагина, султанъ хотѣлъ посадить новаго претендента Селима. Русскій корпусъ помогъ Шагину разбить своего противника, и Екатерина объявила Портѣ, что если она не признаетъ ханомъ Шагина, это будетъ сочтено за объявленіе войны. Турецкое правительство, подущаемое Австріей, было расположено къ войнѣ, Румянцевъ формировалъ въ южной Россіи 70-тысячный корпусъ, и въ 1777 году казалось, что вновь должны открыться военныя дѣйствія, но Екатерина не желала войны, и Франція помогла ей уладить недоразумѣнія съ Портой.

Въ мартѣ этого года нашъ посоль Барятинскій видѣлся съ

¹ *Сб. Ист. Общ.*, т. 19, стр. 464, 473—474, 477, 479, 482—487, 490—502.

² *Сб. Ист. Общ.*, т. 23, стр. 31, 34, 38, 200.

французскимъ министромъ Морепа, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, и просилъ его сказать искренне, по дружбѣ, извѣстно ли ему въ какихъ расположеніяхъ находится Порты? Морепа отвѣчалъ: „Я думаю, что Турки сдѣлаютъ дурачество и опять начнутъ съ вами войну; но я скажу вамъ по совѣсти, что Франція не побуждаетъ Порту къ войнѣ; мы не думаемъ, чтобъ истребленіе Порты было для насъ полезно, ибо мы предполагаемъ, что въ настоящемъ состояніи Порты ей съ вами воевать невыгодно; будьте въ томъ увѣрены, что мы не стараемся удалиться отъ васъ и думаемъ, что въ сближеніи была бы обоюдная польза, особенно въ отношеніи къ торговлѣ.“ Верженъ, хорошо знавшій положеніе Турціи, потому что долго былъ посломъ въ Константинополь, подалъ въ королевскій совѣтъ мемуаръ такого содержания: Критическое положеніе Порты таково, что какъ бы ни стали дѣйствовать Россія и Австрія согласно или нѣтъ, новая война можетъ только приготовить паденіе Турціи въ Европѣ. Если вѣнскій дворъ внушать или Россіи, или Портѣ твердо держаться своихъ требованій, то онъ достигнетъ цѣли своего честолюбія: имѣя свободныя руки дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ, онъ воспользуется истощеніемъ Турціи для полученія отъ нея извѣстныхъ провинцій или, въ случаѣ отказа, завоюетъ ихъ. Польша предана Франціи и стала бы дѣйствовать непременно согласно съ ея видами; но это государство истощено внутреннею анархіей и не можетъ свободно располагать своими силами. Морскія державы, Англія и Голландія, имѣютъ наравнѣ съ Франціей сильныя побужденія препятствовать паденію Оттоманской имперіи въ Европѣ. Франція имѣетъ обязательство съ Австріей по версальскому договору; но было бы странно обращать вниманіе на эти обязательства въ виду такого важнаго для Франціи интереса, какъ сохраненіе Турціи въ Европѣ. По моему мнѣнію надо войти въ прамыя сношенія съ вѣнскимъ дворомъ, объявить ему, что король желаетъ сохраненія мира между Россіей и Турціей, и сохраненія цѣлости послѣдней. Какія бы приобрѣтенія ни сдѣлалъ вѣнскій дворъ въ войнѣ съ Портой, они не могутъ идти въ сравненіе съ выгодами, какія можетъ получить Россія, ибо страны, которыми она овладѣетъ, обитаемы большею частію Греками (то-есть православными) и по единовѣрію естественно будутъ ей преданы.

Барятинскаго извѣстили, что къ французскому послу при Портѣ отпущенъ курьеръ съ приказаніемъ стараться удерживать Тур-

цію отъ войны; Англіи и Голландіи предложено, чтобъ и онѣ со своей стороны хлопотали о томъ же, ибо это нужно и для ихъ левантской торговли. ¹ Франція дѣйствительно старалась умиротворить Порту. „Россія и Порта, писалъ Вержень Корберону, повѣренному въ дѣлахъ, замѣстившему Жюинье, заняты приготовлениями къ предстоящей войнѣ. Но мы хотимъ думать, что оба правительства въ сущности не желаютъ войны, и слова императрицы, о которыхъ вы пишете (что она заключить миръ только тогда, когда ея войска войдутъ въ Константинополь), были связаны вѣроятно условно, то-есть, если возникнетъ война, она окончить ее не иначе, какъ взятіемъ Константинополя; но зная благоразуміе этой государыни, мы убѣждены, что она желала бы покончить мирно свои пререканія съ Портой. Король думаетъ, что общій другъ, который постарался бы сдѣлать переговоры Россіи съ Портой миролюбивыми, окажетъ услугу обѣимъ державамъ. Поэтому король охотно принялъ на себя роль миротворца; онъ послалъ инструкціи своему послу въ Константинополь, чтобы тотъ ознакомился съ расположеніемъ Порты и нашелъ пункты, на которыхъ можетъ состояться примиреніе. Когда мы будемъ имѣть достаточно данныхъ, мы сообщимъ ихъ императрицѣ.“ ²

Благодаря вмѣшательству французскаго посла С.-При была созвана конференція, Порта рѣшилась не объявлять войны, и въ 1779 г. заключила съ Россіей конвенцію, которою подтверждались условія Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Екатерина была очень довольна мирнымъ оборотомъ дѣла и считала себя обязанною Франціи. Нашъ посланникъ въ Константинополь Стахіевъ долженъ былъ объявить С.-При отъ собственнаго лица императрицы благоволеніе за его ревностные, полезные труды и помощь при переговорахъ; русскому министру при версальскомъ дворѣ поручили изъявить Людовику XVI въ дружественнѣйшихъ выраженіяхъ, какъ императрица обязана его христіаннѣйшему величеству за тщательное и полезное содѣйствіе С.-При въ полюбовномъ окончаніи турецкаго дѣла. ³

Изъ мемуара Вержена видно, что истинный мотивъ, которымъ руководствовалась Франція, было опасеніе, какъ бы Россія не

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 29, стр. 253—254.

² Recueil, IX, 337—339.

³ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 29, стр. 311.

сокрушила окончательно Порту, какъ бы она въ самомъ дѣлѣ не вступила въ Константинополь. Это особенно ясно изъ слѣдующаго мѣста письма того же Вержена къ Корберону: „Мудрая предусмотрительность короля заставила его воспользоваться моментомъ, когда новая война между Россіей и Портой могла привести къ событіямъ, способнымъ нарушить миръ Европы. Король замѣтилъ, что хотя вслѣдствіе предъидущихъ успѣховъ Петербургскій дворъ, казалось, искалъ новыхъ случаевъ побѣждать, чувство это не доходило до страсти. Онъ въ то же время принялъ во вниманіе, что возможное паденіе Турецкой имперіи произведетъ переворотъ, слѣдствія котораго могутъ быть роковымъ для общеевропейской политики, и королю казалось, что онъ одинъ можетъ предотвратить это бѣдствіе. Вотъ почему онъ предложилъ свое посредничество для улаженія пререканій между Россіей и Портой.“¹

30 декабря 1777 г. умеръ курфюрстъ баварскій Максимілианъ, не оставивъ потомства, и это случайное обстоятельство подало поводъ къ новому сближенію между Франціей и Россіей. Австрія заключила съ наслѣдникомъ баварскаго курфирста курфирстомъ пфальцскимъ конвенцію, по которой послѣдній уступилъ Австріи значительную часть Баваріи. Но существовалъ еще другой наслѣдникъ баварскаго курфиршества, герцогъ цвейбрюкенскій, который протестовалъ противъ конвенціи, заключенной курфирстомъ пфальцскимъ, и за котораго вступился Фридрихъ II, желая помѣшать расширенію австрійскихъ предѣловъ. Австрійскія войска заняли нижнюю Баварію, Фридрихъ вступилъ въ Богемію, вновь началась война между Пруссіей и Австріей. По договорамъ, заключеннымъ съ Пруссіей, Екатерина должна была помочь Фридриху, и главнокомандующему Репнину отданъ былъ приказъ быть готовымъ выступить съ 40-тысячнымъ корпусомъ. Но русской императрицѣ не хотѣлось вступить въ открытую борьбу съ Австріей, и потому она старалась уладить дѣло мирнымъ образомъ. Екатерина была очень довольна, когда оказалось, что Пруссія и Австрія, не желая войны, просятъ ея посредничества; по желанію Австріи русская императрица согласилась, чтобы Франція приняла участіе въ этомъ посредничествѣ. Въ рескриптѣ Репнину, посланному для переговоровъ въ Берлинъ отъ 22 октября 1778 г., говорится: „Изъ публичныхъ бумагъ и актовъ извѣстно,

¹ Recueil, IX, 343—344.

какія слѣдствія произвело отгрывшееся по смерти курфирста Максимилиана баварское наслѣдство. Австрійскій домъ присвоилъ себѣ и захватилъ знатную часть онаго наслѣдства. Сія конвенція (курфирста пфальцскаго съ Австріей) и непосредственно за нею послѣдовавшее обложене австрійскими войсками знатной и лучшей части баварскихъ земель учинились скоро и естественно сигналами тревоги и безпокойства всего корпуса имперіи Германской, и особливо въ тѣхъ княжескихъ домахъ, кои сами по себѣ однимъ или другимъ образомъ интересованы были въ наслѣдствѣ баварскомъ. Обиженные княжескіе дома прибѣгли одновременно почти и къ намъ, и къ королю прусскому съ просьбой о защищеніи и предствательствѣ въ пользу ихъ у вѣнскаго двора. Мы со своей стороны, не входя въ юридическое разбирательство ни правъ австрійскаго дома, ниже оспариваній прусскаго двора, довольствовались обѣимъ сторонамъ объявить, коли пожелаемъ, дабы возставшій между ими вопросъ дружжелюбнымъ соглашеніемъ разрѣшенъ быть могъ безъ нарушенія общаго покоя, и чтобы для того разныя изъ наслѣдства баварскаго родившіяся требованія по справедливости разобраны и удовлетворены были. Доболю продолжалась извѣстная берлинская неогоціація, слѣдовательно же и надежда полюбовной развязки, до тѣхъ поръ не переставали мы со своей стороны способствовать по возможности нашими совѣтами и представленіями сближенію обоихъ неогоцірующихъ дворовъ для того, чтобы въ случаѣ неудачи не найтись намъ самимъ въ неприятной необходимости взять въ ихъ войнѣ дѣйствительное участіе по уваженіямъ собственнаго имперіи нашей главнаго интереса, когда Россіи не меньше всякой другой европейской державы нужно, дабы посреди Германіи ненарушимо сохранялось и раздѣлялось навсегда между дворами вѣнскимъ и берлинскимъ настоящее равновѣсіе силъ, важности и инфлюенціи ихъ. Съ прискорбіемъ увидѣли мы посему, что въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ начались въ Силезіи, Богеміи и Саксоніи дѣйствительныя неприятельства. Нельзя не отдать королю прусскому справедливости, что онъ предъ поднятіемъ оружія истощалъ втунѣ всѣ средства умѣренности и миролюбія, и что не онъ, а хищность и упрямство вѣнскаго двора причинствовало войну. Мы хотѣли вамъ показать, что дѣло короля прусскаго почитаемъ правымъ. ибо войну началъ онъ единственно въ охраненіе германской конституціи, а какіе тутъ съ интересами короля встрѣчаются и собственные имперіи нашей интересы, то по снмъ двумъ началамъ,

но рекламаціи нашего покровительства и защиты отъ обиженныхъ княжескихъ домовъ и по уваженіи счастливо пребывающей между нами и прусскимъ королемъ союзнической дружбы, которую онъ намъ со своей стороны дѣятельно уже доказалъ, не можемъ и не хотимъ мы обойтись безъ поданія и ему дѣйствительной отъ насъ помощи въ такомъ случаѣ, гдѣ вся ненависть кровопролитія не на него, а на вѣнскій дворъ упадать долженствуетъ, дабы общими силами скорѣе принудить сей гордостью и честолюбіемъ надменный дворъ къ возвращенію похищенной имъ части баварскихъ земель законному наслѣднику и къ справедливому впрочемъ удовлетворенію за насильственный его поступокъ, коимъ общій миръ толь нагло потрясенъ и нарушенъ. Одновременно съ сею резолюціей не оставили мы помыслить, какъ о способахъ предварить оную въ исполненіе чрезъ отвращеніе самой побудительной причины, такъ и о мѣрахъ прямого исполненія и тогда, когда-бъ уже тѣ способы не произвели желаемого плода. Въ первомъ видѣ препоручили мы нашему министру кн. Голицыну учинить въ Вѣнѣ дружеское, но тѣмъ не менѣе сильное на письмѣ представленіе. Приглашая императрицу внять гласу собственнаго ея челоуѣколюбія и прекратить несправедливую войну, не скрыли мы тутъ отъ проницанія ея, что ннако не можемъ остаться равнодушными зрителями оной по тѣмъ самымъ политическимъ правиламъ, которыя предъ симъ употребилъ вѣнскій дворъ противу насъ въ теченіе нашей войны съ Портой Оттоманскою; а дабы такому представленію придать болѣе лица и доказать австрійскому дому, что мнѣніе наше о его неправости, есть мнѣніе общее, признали мы за нужное отвзаться ко дворамъ версальскому, лондонскому, датскому и шведскому, дабы оныя учинили и со своей стороны таковыя же внушенія и представленія, и особливо Франція въ качествѣ ручательницы вестфальскихъ трактатовъ. Если Франція и не согласится на сообразованіе отзывовъ своихъ нашему представленію, такъ по крайней мѣрѣ оказанною ей отъ насъ откровенностію будетъ она обязана изъявить въ оборотъ намъ и всей публикѣ истинныя свои о войнѣ мнѣнія, коихъ познаніе съ другой стороны нужно для развязанія рукъ королю аглинскому въ разсужденіи германскихъ его областей, ибо доколѣ она не отречется формальнымъ образомъ отъ употребленія въ пользу австрійскаго дома гарантіи своей, до тѣхъ поръ нельзя королю-курфирсту взять дѣятельную сторону дворовъ берлинскаго и дрезденскаго,

дабы инако не вовлечь непріятеля въ тѣ области. Въ равномъ-
сему положеніи находится много другихъ княжескихъ домовъ,
кои съ нетерпѣливостью ожидаютъ рѣшенія Франціи, чтобы дать
свободное теченіе своимъ склонностямъ противъ австрійскаго
насильства. Мы будемъ такимъ образомъ имѣть предъ всею Гер-
маніей честь сей нужной развязки, а можетъ-быть и соединенія
по ней въ одну систему разныхъ принцевъ, пзъ чего далѣе мо-
жетъ для Россіи произрости давно желаемое преимущество—учи-
ниться ей на будущее время ручательницей германской консти-
туціи, качеству, которому Франція обязана своею превосходною
въ дѣлахъ инфлюенціей.“¹

Въ то же время Екатерина сдѣлала предложеніе французскому
двору принять совмѣстно съ Россіей участіе въ мирномъ улаже-
ніи дѣлъ по баварскому наслѣдству. Когда Барятинскій объявилъ
объ этомъ Вержену, тотъ отвѣчалъ: „Я увѣренъ, что король мой
государь приметъ съ величайшимъ удовольствіемъ такую друже-
скую откровенность императрицы, тѣмъ болѣе, что сегодня ми-
нула недѣля, какъ отправленъ курьеръ въ Петербургъ съ подоб-
ными предложеніями короля императрицѣ.“ На конгрессѣ въ
Тешенѣ Франція была представлена Бретелемъ, Россія Репни-
нымъ, и при ближайшемъ участіи послѣдняго споръ о баварскомъ
наслѣдствѣ былъ мирно улаженъ и заключенъ трактатъ между
Австріей, Пруссіей и другими германскими государствами, ко-
торыя по просьбѣ договаривающихся сторонъ были гарантиро-
ваны Россіей. Такъ какъ Тешенскій трактатъ возобновлялъ силу
Вестфальскаго трактата, то Россія приняла на себя гарантію
этого послѣдняго договора, лежавшаго въ основаніи тогдашнихъ
международныхъ отношеній, и наравнѣ съ Франціей обязана
была слѣдить за исполненіемъ Вестфальскаго трактата. Екате-
рина получила благодарственныя письма отъ Фридриха и Маріи
Терезіи за заключенный ею миръ и была очень довольна ролью
посредницы между европейскими державами, которую Россія при-
шлоось сыграть въ первый разъ.²

Вслѣдствіе такого успѣха Екатерина предложила Франціи за-
ключить миръ съ Англіей при ея посредствѣ. Но версальскій
дворъ отклонилъ посредничество Россіи. Верженъ просилъ Кор-

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 65, стр. 1—4.

² Актъ гарантіи Россіей трактата и конвенцій, заключенныхъ въ Тешенѣ,
напечатанъ у Мартенса. *Собраніе трактатовъ и конвенцій*, т. II, стр. 61 и сл.

Корберона передать Панину, что Людовикъ очень благодаренъ русской императрицѣ за сдѣланное ею предложеніе, но что послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ нельзя надѣяться, что англійское министерство вступитъ вновь въ переговоры. Корберонъ долженъ былъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ дать понять русской императрицѣ, какъ король былъ тронутъ этимъ знакомъ вниманія со стороны петербургскаго двора, и сказать ей, что только невозможность успѣха заставляетъ отклонить ея предложенія. ¹ Миръ съ Англіей былъ заключенъ черезъ четыре года послѣ этого безъ посредничества Россіи.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка наши отношенія къ Франціи были самыя дружественныя. Въ инструкціи нашему посланнику въ Лондонѣ говорится: „Вамъ извѣстно, что мы съ нѣкотораго времени обязаны благодарностью Франціи за добрыя услуги при Оттоманской Портѣ для окончанія уничтоженія распрей, продолжавшихся отъ самаго почти заключенія Кучукъ-Кайнарджискаго мира; не менѣе обязаны мы Франціи за готовность и довѣріе, съ какими она посредничала вмѣстѣ съ нами при разбирательствѣ распрей по поводу баварскаго наслѣдства. Такимъ политическимъ сближеніемъ съ нами Франція отворила дверь къ дружескимъ сношеніямъ съ Россіей и возстановленію добраго согласія, продолженіе которыхъ будетъ для насъ, конечно, очень пріятно и для дѣлъ нашихъ полезно.“

Съ большимъ вниманіемъ приняли въ Парижѣ нашего посланника Бяратинскаго и говорили ему лестныя вещи. „Король, говорилъ ему Морепа, почитаетъ за особое удовольствіе быть въ согласіи съ такою великою и премудрою монархиней, не только изъ взаимныхъ интересовъ, но также изъ личнаго къ ней почтенія. Франція и Россія со временъ Петра Великаго нѣсколько разъ были готовы заключить дружескіе и торговые договоры, но всегда встрѣчали препятствія; императрица достойная и истинная наслѣдница всѣхъ великихъ дѣлъ и замысловъ Петра: ей и предоставлено довершить недоконченное. Здѣсь можно сказать нашу пословицу: что отложено, то еще не потеряно.“ „Императрица, сколько я знаю, отвѣчалъ Бяратинскій, питаетъ къ королю дружественные сентименты; а что Россія и Франція не всегда были въ добромъ согласіи, то причиной Франція; сколько она противъ насъ во всѣ времена интриговала, это всѣмъ из-

¹ Recueil, IX, 348—349.

вѣстно.“ „Я съ вами согласенъ, сказала Морепа, и не понимаю какъ наше министерство не видало настоящихъ своихъ интересовъ. По моему нѣтъ еще двухъ другихъ державъ, которыя имѣли бы столько побужденій быть въ согласіи, какъ Россія и Франція. Надѣюсь, что теперь прежнее мнѣніе о насъ въ Россіи уничтожится; поведеніе нашего посла въ Константинополь можетъ служить императрицѣ удостовѣреніемъ, какъ чистосердечны чувства короля къ ней.“ Вержень говорилъ Бяратинскому слѣдующее: „Мы всегда почитали, что добрая дружба съ Россіей для взаимныхъ интересовъ очень полезна, но настоящія дружескія теперъ съ вами сношенія почитаемъ еще болѣе пріятными въ царствованіе великой вашей монархини, и какъ бы вы часто ни повторяли объ истинной дружбѣ моего государя къ императрицѣ, вы не выскажете всего; я вамъ скажу болѣе: вся нація чрезвычайно довольна настоящею дружбой нашею съ вами.“ Однимъ словомъ, писалъ Бяратинскій Панину, пмя ея величества произносится съ восторгомъ, ее почитаютъ владычницей міра, отъ нея ожидаютъ возстановленія спокойствія и блаженства роду человѣческому. ¹

Въ 1780 году былъ назначенъ министромъ при Петербургскомъ дворѣ маркизъ Веракъ, и инструкція ему составлена въ самомъ дружественномъ тонѣ. „Россія, читаемъ въ этомъ документѣ, представляетъ для политики предметъ весьма достойный вниманія. Эта имперія своею цивилизаціей, своими завоеваніями, честолюбіемъ своихъ монарховъ приковываетъ взоры Европы, и надо сознаться, что, несмотря на то, что могущество ея преувеличивается, Россія должна непремѣнно входить во всѣ политическіе расчеты. Россія управляется иностранною принцессой, которую посадила на престолъ революція; однако эта принцесса царствуетъ въ теченіе восемнадцати лѣтъ. Она совершила великія дѣла, она обогатила свою націю и въ данную минуту она играетъ роль, которая можетъ повліять на судьбу будущихъ поколѣній. Любовь къ славѣ сдѣлала изъ Екатерины II монархиню, царствованіе которой составитъ эпоху во всемірной исторіи. Главный предметъ миссіи маркиза Верака поступать такъ, чтобы русскій дворъ привыкалъ рассчитывать на справедливость и откровенность короля, чтобы императрица и ея министры были убѣждены, что изъ согласія начинающаго устанавливаться между

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXIX, стр. 323, 319—320, 331—332.

двумя дворами могут произтечь только хорошие результаты; для достижения этого онъ будетъ стараться доказывать, что предложенія, которыя онъ будетъ дѣлать, одинаково полезны какъ для Франціи, такъ и для Россіи, и не повредятъ другимъ обязательствамъ, принятымъ на себя этими державами. Веракъ исполнить намѣреніе короля и заслужить его довѣріе, если ему удастся убѣдить императрицу и ея министровъ, что Россія можетъ и должна искать дружбы Франціи по крайней мѣрѣ столько же, сколько Англіи, и что связь, полезная обѣимъ имперіямъ и не доставляющая непремѣнно быть исключительною, не можетъ повлечь за собой никакихъ неудобствъ, которыхъ должно избѣгать мудрое правительство, измѣняя свою политику.“¹

Въ 1780 году Екатерина отправила Гримму слѣдующую шуточную пьесу: „Мемуаръ его превосходительству господину вице-канцлеру. Французскій посланникъ съ прискорбіемъ видитъ себя вынужденнымъ представить г. вице-канцлеру, что въ его лицѣ самымъ жестокимъ образомъ нарушено международное право и что вся Европа должна придти въ негодованіе отъ подобнаго покушенія, совершеннаго въ нашъ просвѣщенный вѣкъ. Онъ видитъ себя вынужденнымъ просить у націи, которую представляетъ, блестящаго мщенія за недостойное обращеніе, которое испытываетъ уже два мѣсяца, за опасности, которымъ подвергался, за похищенную свободу. Раньше чѣмъ погибнуть при дворѣ, гдѣ считаютъ шуткой нарушать обязанности гостепріимства, гдѣ не обращаютъ никакого вниманія на званіе посла, онъ хочетъ вратцѣ изложить обстоятельства, на которыя жалуется и которыя заставляютъ содрогнуться всякую чувствительную душу. 4 іюня, по приказанію императрицы, посланники австрійскій, французскій и англійскій были похищены изъ ихъ домовъ и быстро перевезены въ Новгородъ; оттуда ихъ увезли въ Вышній-Волочекъ, гдѣ они нѣкоторое время надѣялись, что жалобы ихъ будутъ выслушаны и они вновь доставлены будутъ въ Петербургъ. Но надежды ихъ были обмануты и ихъ отправили въ Москву. Во время этого длиннаго путешествія они нѣсколько разъ думали, что лишатся жизни среди постоянныхъ бунтовъ и возстаній, вызванныхъ недавно изданными тиранническими законами, страшнымъ голодомъ и несправедливостью императрицы по отношенію къ тремъ иностраннымъ посламъ. Такъ какъ возмущенія

¹ Recueil, IX, 352, 357, 370.

повторялись на каждомъ шагѣ и здоровье императрицы становилось съ каждымъ днемъ слабѣе, для успокоенія умовъ рѣшено было вернуться въ Петербургъ. Распространили слухъ, что наша участь совершенно пзмѣнится; говорили, что намъ возвратятъ свободу и дадутъ удовлетвореніе; но въ то же время составили коварный планъ погубить насъ тайкомъ, и конечно мы обязаны только чудесной помощи свыше, что остались живы послѣ столькихъ опасностей. Бертенъ (главный поваръ) первый взялся за исполненіе этого ужаснаго проекта; было бы слишкомъ долго перечислять, сколько жертвъ было зарѣзано по пути по приказанію этого жестокаго человѣка; онъ употреблялъ противъ насъ всѣ ядовитыя хитрости своего искусства; по прочная организація позволяла намъ сопротивляться дѣйствию опасныхъ кушаньевъ, которыя онъ заставлялъ насъ ѣсть. Съ ужасомъ сознаюсь, что императрица по возвращеніи заперла насъ въ Царскосельскомъ замкѣ, и наши преслѣдователи, послѣ того какъ постарались соблазнить насъ подарками и утратить угрозами, заставили насъ задушить собственными руками турецкаго посланника во время публичной аудіенціи, дарованной ему императрицей. Я думалъ, по крайней мѣрѣ, что этимъ преступленіемъ добуду свободу, но я приобрѣлъ только позоръ злодѣянія; изъ глубины своей темницы обращаюсь я къ вамъ съ этою жалобой, которая можетъ-быть еще ухудшитъ мое положеніе.“¹

Этимъ шуточнымъ документомъ Екатерина хотѣла показать Гримму, что она въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ французскимъ посланникомъ, что она брала его съ собой въ Москву и на славу угошала.

Внѣшнимъ проявленіемъ нашей дружбы съ Франціей было путешествіе въ Парижъ наслѣдника престола Павла Петровича. Хотя цесаревичъ жилъ въ Парижѣ никогда подъ пменемъ Сѣвернаго графа, все-таки до него со времени Петра Великаго не приѣзжалъ во Францію ни одинъ членъ русской императорской фамилии.

XXX.

Какъ общіе виды на Польшу сблизили Екатерину съ Фридрихомъ Великимъ, такъ восточный вопросъ соединялъ Россію съ Австріей и произвелъ охлажденіе къ Пруссіи и Франціи. По-

¹ Сб. Ист. Общ., т. XXIII, стр. 169—171.

ѣзда въ Россію императора австрійскаго Іосифа II и свиданіе съ императрицей въ Могилевѣ положило начало дружбѣ Россіи съ Австріей, не прекращавшейся до самой смерти Екатерины. Въ то же время, во главѣ нашей иностранной политики становятся новыя лица; Панинъ впалъ въ немилость въ началѣ 1781 года, его замѣстилъ гр. Остерманъ въ званіи вице-канцлера, но настоящимъ канцлеромъ, хотя и не имѣвшимъ этого званія, былъ Потемкинъ, которому теперь представлялась полная возможность приводить въ исполненіе свои грандіозные завоевательные планы.

Въ 1781 году заключенъ трактатъ оборонительнаго союза между Россіей и Австріей, направленный прямо противъ Турціи, по которому, въ случаѣ нарушенія Портой своихъ обязательствъ и возникновенія войны, союзникъ обязанъ дать тридцать тысячъ человѣкъ войска въ помощь и даже объявить войну общему неприятелю. Послѣ этого Потемкинъ счелъ возможнымъ сокрушить послѣднее татарское царство, въ іюнѣ 1782 года свергнуть съ престола крымскій ханъ Шагинъ-гирей, а указомъ 8 апрѣля 1783 года Крымъ присоединенъ къ Россіи. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого указа Екатерина сообщила Іосифу II свой грандіозный планъ о раздѣлѣ Оттоманской имперіи. Императрица предлагала возстановить независимое государство, извѣстное въ древности подъ именемъ Дакии изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, подъ скипетромъ православнаго государя. Екатерина высказывала увѣренность, что если имъ обоимъ удастся „избавить Европу отъ врага христіанскаго имени изгнаніемъ его изъ Константинополя“, то императоръ не откажется содѣйствовать „возстановленію древней монархіи греческой на развалинахъ и послѣ паденія варварскаго правленія, нынѣ тамъ господствующаго, подъ непремѣннымъ условіемъ съ моей стороны сохранять возобновленную монархію въ полной независимости отъ моей монархіи и возвести на ея престолъ младшаго внука моего, великаго князя Константина, который обяжется не имѣть никогда притязаній на російскій престолъ, ибо эти двѣ короны никогда не могутъ и не должны быть соединены на одной главѣ.“¹ Это знаменитый греческій проектъ, о которомъ Безбородко, второй присутствующій членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, игравшій руководящую роль въ нашей политикѣ, говоритъ въ автобіографической запискѣ: „съ перваго момента понялъ я, что намѣреніе государыни о грече-

¹ Мартенсъ, *Собраніе трактатовъ*, т. II, стр. 100, 132—134.

ской монархіи серьезно, и ощутилъ въ полной мѣрѣ, что сей проектъ достоинъ великаго духа, а при томъ, что онъ, конечно, исполненъ быть можетъ, ежели не стануть упускать его изъ виду, будутъ принаравливать всѣ дѣйствія и пользоваться счастливыми обстоятельствами.“¹

Греческій проектъ былъ принятъ сочувственно Іосифомъ II, тѣмъ болѣе, что за десять лѣтъ до этого подобный же проектъ о раздѣлѣ Турціи былъ составленъ австрійскимъ министромъ Кауницомъ. Но во Франціи присоединеніе Крыма произвело непріятное впечатлѣніе; однако, въ виду слабости Оттоманской имперіи и союза Россіи съ Австріей, французскій посолъ въ Константинополѣ С.-При успокаивалъ волновавшихся Турокъ и совѣтовалъ имъ признать совершившійся фактъ, что они и сдѣлали. За это С.-При получилъ отъ Екатерины Андреевскую ленту и за это же былъ отозванъ изъ Константинополя. Въ Парижѣ имъ были крайне недовольны. „У насъ въ Константинополѣ не французскій посланникъ, а русскій, говорили при версальскомъ дворѣ, и назначили туда Шуазеля-Гуфье, который повелъ интригу противъ Россіи. „Французы посылають Шуазеля-Гуфье посломъ въ Царьградъ, писала Екатерина Потемкину, это тотъ, который „Вожь Питорескъ дела-Гресъ“ выдалъ и къ оному предисловіе, гдѣ предлагаетъ изъ Греціи составить республику; думаю, что вы это „Путешествіе“ знаете; если нѣтъ, прошу васъ прочесть предисловіе этой книги; онъ весьма раздраженъ противъ насъ и описываетъ нашу войну противъ Турокъ съ величайшею враждебностью.“ Екатерина желала, чтобы присоединеніе Крыма прошло мирнымъ образомъ. Она писала Потемкину: „Изъ слѣдующихъ при семь списковъ рескрипта нашего къ Булгакову (посланнику въ Константинополѣ) усмотрите вы обстоятельно, въ какой силѣ разсудили мы отозваться къ Портѣ Оттоманской для узнанія рѣшительности ея на войну, или на миръ, и какую опять черту въ податливостяхъ нашихъ опредѣлили цѣной мира. Хотя въ означенномъ рескриптѣ изображены причины, побудившія насъ на таковой важный поступокъ, однакожь представилась нынѣ кромѣ тѣхъ и совсѣмъ еще новая. Версальскій дворъ началъ грозить вѣнскому соединеніемъ своимъ съ королемъ прусскимъ и общими ихъ мѣрами противу императору (австрійскаго), въ случаѣ совокупнаго ихъ съ нами на Турокъ нападе-

¹ Сб. Ист. Общ., т. 26, стр. 93.

нія. Союзникъ нашъ (то-есть Австрія) не оставилъ Францію безъ твердаго и достоинству его приличнаго отвѣта. Оный можетъ имѣть сугубыя послѣдствія, или смягчить Франція на будущее время гласъ свой, увѣрившись между тѣмъ изъ нашего ей даннаго отвѣта, что мы сверхъ приобрѣтенія Крыма, Тамани и Кубани не имѣемъ на владѣнія Оттоманскія другихъ видовъ, или же паче будетъ она поощрена на вящую зависть противу союза обоихъ императорскихъ дворовъ и для того дѣйствительно уже войдетъ съ королемъ прусскимъ въ тѣсную связь. Какъ поступовъ нашъ будетъ больше къ миру, нежели на войну, то уповательно, что воспособствуетъ онъ первому дѣйствию, тѣмъ паче, что сообщеніе французскому двору вручаемой Портѣ записки польститъ его тамъ кредиту.“

Нашъ посланникъ Булгаковъ сообщалъ о прусскихъ интригахъ и о томъ, что Франція совѣтуетъ Портѣ не воевать до поры до времени и старается привести ея войско и крѣпости въ надлежащій видъ. „Дошло до моего свѣдѣнія, доносилъ онъ, отъ вѣрныхъ, кажется, людей, что Гафронъ (прусскій посланникъ), употребляя всѣ позволенные и непозволенные способы, дабы довести Порту до разрыва, возобновилъ прежніе свои проски объ извѣстномъ союзѣ (съ Франціей) и будто объявилъ, что король, его государь, готовъ теперь оный заключить, ежели Порта склонитъ къ тому Францію, а что онъ одинъ не возьметъ на себя столь тяжкаго бремени. Толкуетъ онъ также, когда найдетъ кому, что всякое снисхожденіе Порты ей безславно, безчеститъ ее предъ лицомъ свѣта и можетъ ободрить оба императорскіе двора къ новымъ покушеніямъ, и что присоединеніе Крыма есть не что иное, какъ преддверіе конечнаго разрушенія Оттоманской въ Европѣ имперіи. Помочники мои не щадятъ своего усердія, но не забываютъ и своихъ видовъ: французскій посолъ искренно старается и даже беспокоится о неудачѣ, предвидя, что разрывъ съ Портой произведетъ всеобщую войну, въ которой Франція и пріятельницу свою Порту потеряетъ, и торговлю истребитъ, и сама больше другихъ пострадать можетъ; но возстановя здѣсь миръ, намѣрена она ничего не щадить для приведенія Порты въ почтенное состояніе, заведя порядочное войско, укрѣпя каналъ и границы, устроивъ флотъ и доставя ей союзниковъ. Живущіе у него два Француза, Сервиль и Эйнаръ, суть по моимъ свѣдѣніямъ не что иное, какъ присланные отъ двора инженеры

для исполненія части сего плана, кои тотчасъ по возстановленіи тишины начнутъ укрѣплять Черноморское устье.“¹

Въ концѣ 1784 года, когда назначенъ былъ полномочнымъ министромъ при русскомъ дворѣ гр. Сегюръ, французское правительство смотрѣло на Россію не слишкомъ дружелюбно и не искало сближенія съ нами. Охлажденіе произвелъ не только восточный вопросъ, но и нѣкоторыя мелкія дѣла. Три Француза были высланы изъ Россіи и объ этомъ даже не дали знать французскому повѣренному въ дѣлахъ; далѣе Франція требовала, чтобы возмѣщены были убытки негоціантамъ, ограбленнымъ русскими разбойниками во время Турецкой войны, но не получила удовлетворенія. Поэтому Сегюру вручили инструкцію, написанную въ очень холодныхъ выраженіяхъ. „Король убѣжденъ, говорится въ этомъ документѣ, что всякія усилія пріобрѣсти дружбу Екатерины II были бы бесполезны, что пока жива эта государыня, надо ограничиваться почтительнымъ съ ней обращеніемъ; что же касается общихъ дѣлъ, полномочный министръ въ Петербургѣ долженъ доказывать только, что политика короля клонится исключительно къ тому, чтобы сохранять за каждою державой ея права и владѣнія.“ Въ частности Сегюру поручалось заключить, если это окажется возможнымъ, торговый трактатъ и противодѣйствовать греческому проекту. „Проектъ возстановити греческую имперію, говорится въ инструкціи, кажется, теперь главная забота Екатерины II. Въ Петербургѣ любятъ о немъ говорить и увѣряютъ, что его очень легко привести въ исполненіе. Министръ короля долженъ стараться доказывать трудность подобнаго переворота и, не позволяя себѣ угрозы, ставить на видъ, что, доведя Турокъ до крайности, Россія рискуеть тѣмъ, что за Турцію заступятся великія державы.“²

Сегюръ отправился въ Петербургъ въ началѣ 1785 года, съ намѣреніемъ установить дружескія отношенія съ Россіей, силу которой онъ понималъ, утвердить въ Россіи французское вліяніе и найти въ Екатеринѣ сильнаго союзника противъ Пруссіи. Молодой, элегантный и остроумный графъ поправился императрицѣ и ея приближеннымъ. Безбородко говорилъ о Сегюрѣ, что онъ весьма много имѣетъ въ себѣ пріятнаго при отличныхъ знаніяхъ и способностяхъ и что онъ не похожъ на своихъ предшественниковъ, такихъ скотовъ, какъ Веракъ, Жюинье и Боссе.

¹ Recueil IX, 375—376. *Сб. Ист. Общ.*, т. 27, стр. 281—283.

² Recueil IX, 391—393.

„Изо всѣхъ министровъ, рассказываетъ Сегюръ въ своихъ мемуарахъ, мнѣ полезнѣе всего было сблизиться съ кн. Потемкинымъ; къ несчастію, казалось его всего труднѣе излѣчить отъ его предубѣжденія противъ Франціи. Противникъ панинской системы, онъ раздѣлялъ и разжигалъ честолюбивыя желанія Екатерины II, онъ считалъ насъ препятствіемъ для осуществленія своихъ плановъ и ненавидѣлъ насъ какъ покровителей Турокъ, Поляковъ и Шведовъ.“ Черезъ мѣсяць Сегюръ счумѣлъ побѣдить Потемкина и между ними установились дружескія отношенія. Самъ Сегюръ рассказалъ намъ, какъ произошло это сближеніе: „Однажды, когда онъ прогуливался со мной по апартаментамъ Нарышкина, я направилъ разговоръ на два сюжета, совсѣмъ не похожіе другъ на друга, но которые, какъ я зналъ, обратятъ вниманіе Потемкина. Я говорилъ сначала о новыхъ завоеваніяхъ императрицы, о южныхъ провинціяхъ, управленіе которыми было поручено ему, о процвѣтаніи, котораго онѣ легко могли достигнуть, и о благородномъ планѣ, приписывавшемся ему, сдѣлать торговлю южной части имперіи такою же цвѣтущею, какъ сѣверная. Затѣмъ, заговоривъ естественно о Черномъ Морѣ, Архипелагѣ, Греціи, мнѣ не трудно было, избѣгая политики, перейти къ его любимому сюжету, къ вопросу о раздѣленіи церквей греческой и латинской. Тогда онъ увлекъ меня въ кабинетъ, усѣлся со мной и началъ выкладывать предо мной свою обширную эрудицію, говорить о древнихъ спорахъ папъ съ патріархами, о вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ и т. д. Нашъ разговоръ затянулся до поздней ночи. Съ этой минуты князь, слабую струну котораго я счумѣлъ затронуть, казалось не могъ обходиться безъ меня. Онъ часто приглашалъ меня на совѣщанія большею частью о мемуарахъ, подававшихся французскими негоціантами, относительно установленія торговыхъ сношеній между Крымомъ и Марселемъ. Рѣшившись сдѣлать наши отношенія совершенно непринужденными, онъ написалъ мнѣ однажды, что желалъ бы видѣть меня по дѣламъ, но что онъ боленъ и не можетъ ни встать, ни одѣться. Я отвѣтилъ, что немедленно отправлюсь къ нему и прощу его не стѣсняться; дѣйствительно, я нашелъ его лежащимъ въ халатѣ на постели. Извинившись предо мною, онъ сказалъ: дорогой графъ, я питаю къ вамъ истинную дружбу, и если вы чувствуете то же, оставимъ всякія церемоніи и будемъ друзьями.“

Дружба съ Потемкинымъ имѣла большое вліяніе на импера-

трицу, которая уже раньше была расположена въ пользу французскаго посланника вслѣдствіе рекомендаціи ея корреспондента Гримма. Екатерина обращалась съ Сегюромъ необыкновенно любезно, она брала его съ собою въ поѣздки по Россіи, и судя по виѣшности тогдашнее общество думало, что мы находимся въ самой большой дружбѣ съ Франціей. Сегюръ воспользовался ласковымъ пріемомъ, оказывавшимся ему во дворцѣ, и добился того, о чемъ безуспѣшно хлопотали всѣ его предшественники, — заключенія торговаго трактата съ Россіей. „Англичане, рассказываетъ Сегюръ, составляли въ Петербургѣ опасную колонію; негоціанты этой націи, колоссально разбогатѣвшіе вслѣдствіе своей дѣятельной торговли, ловкихъ спекуляцій и мудрости своего правительства, руководствующагося всегда только общимъ интересомъ, а не интересами частныхъ лицъ, имѣли столько торговыхъ домовъ, что занимали въ Петербургѣ цѣлый кварталъ, называвшійся англійскою линіей. Таково было могущество, которое я долженъ былъ сразить въ странѣ, гдѣ у насъ было только нѣсколько изолированныхъ негоціантовъ и только одинъ солидный торговый домъ. Негоціанты англійской линіи напали на насъ въ нашей собственной странѣ, ихъ предложенія соблазняли Нантскіе и Бордоскіе торговые дома, которые, пугаясь трудностей навигаціи и таможи, поручали Англичанамъ и Голландцамъ возить въ Россію наши товары. Мы почти исключительно снабжали эту имперію кофеємъ, сахаромъ и винами; но, благодаря нашей безопасности, эти товары привозились иностранцами. Эта торговля занимала ежегодно двѣ тысячи кораблей, а между тѣмъ въ русскіе порты входило не больше 20 французскихъ кораблей.“¹

Еще во времена Петра Великаго французское правительство заботилось о расширеніи торговли съ Россіей и хлопотало о заключеніи торговаго трактата, по которому французскіе купцы получили бы разныя привилегіи, такъ какъ въ прошломъ вѣкѣ разнымъ народамъ давались разныя льготы и не всѣ были подчинены однороднымъ торговымъ правиламъ и тарифамъ. Въ царствованіе Петра II, когда наши сношенія съ Франціей были недружелюбны, повѣренному въ дѣлахъ Маньяну было однакоже поручено вести переговоры о торговомъ доготорѣ. Маньянъ указывалъ на затрудненія, встрѣчаемыя французскими купцами. „Недобросовѣтность Русскихъ при всѣхъ торговыхъ операціяхъ, доносилъ онъ въ

¹ Ségur, Mémoires t. II, p. 268—269, 277—281, 289—291.

1728 г., страшныя стѣсненія, которымъ подвергаются иностраннѣе торговцы послѣ введенія тарифа 1724 г. и непомѣрныхъ пошлинъ, которыя тамъ установлены, все это производить вообще чрезвычайныя затрудненія при торговлѣ съ Россіей, которая такъ страдаетъ отъ этого, что люди, ею занимающіеся, почти вовсе отступились отъ нея теперь; но встрѣчаются и другія особенныя затрудненія, столь же важныя для нашего народа, и являющіяся со стороны самихъ нашихъ негоціантовъ съ ихъ постояннымъ правиломъ собирать, если можно сейчасъ же послѣ посѣва, то-есть заявлять притязанія, чтобы тотъ самый товаръ, который составляетъ фрахтъ судна, посылаемаго въ Россію весной, служилъ для снабженія судна предметами обратнаго фрахта при его возвращеніи во Францію въ томъ же самомъ году; они не желаютъ слѣдовать въ этомъ отношеніи правиламъ, принятымъ другими націями, которыя устраиваютъ загода склады въ Россіи, чтобы обезпечить себѣ въ подходящее время года товары, какіе имъ нужно; такая торговля производится подъ руководствомъ хорошихъ агентовъ и компаніоновъ, живущихъ въ Россіи, и съ гораздо большею экономіей, чѣмъ еслибы пришлось проходить чрезъ посредство разныхъ комиссіонеровъ. Благодаря именно этой необходимой предосторожности, Англичане съ Голландцами и вели до сихъ поръ въ Россіи торговлю, принадлежащую Франціи, и справедливо будетъ сказать, что именно, не соблюдя этого правила, наши негоціанты, дѣлавшіе попытки торговать въ этой странѣ, всегда терпѣли неудачу и будутъ ее терпѣть, пока не станутъ дѣйствовать указаннымъ образомъ.“

На это донесеніе сохранился курьезный отвѣтъ Шовелена, министра иностранныхъ дѣлъ. По тому поводу, что французскіе негоціанты желаютъ немедленно продавать свои товары на чистыя деньги, онъ поручаетъ Маньяну разслѣдовать, что можетъ давать поводъ къ недовѣрію такого рода, и нѣтъ ли возможности придти на помощь въ этомъ случаѣ, объявивъ русскимъ министрамъ о недостаточной добросовѣстности русскаго народа и о необходимости принять противъ этого мѣры, которыя могли бы привлечь иностранцевъ въ Россію. Въ заключеніе французскій министръ совѣтовалъ вести съ Россіей мѣновую торговлю.

Во все царствованіе Екатерины французское правительство хлопотало о развитіи торговли съ Россіей и поручало всѣмъ своимъ посланникамъ въ Петербургѣ заключить торговый договоръ. Такъ напримѣръ, въ инструкціи марезиу Боссе отъ

1763 года говорится: „Единственные прямые сношения, которые Франція может имѣть съ Россіей, это торговля. Несомнѣнно, что торговый трактатъ принесъ бы пользу обѣимъ державамъ. Россія обладаетъ сырьемъ, изъ котораго выдѣлываются самыя необходимыя вещи для флота, и мы должны сознаться, что, такъ какъ намъ необходимы эти продукты, добывать ихъ изъ первыхъ рукъ представляетъ значительную выгоду, потому что они будутъ доставаться намъ дешевле. Къ этому можно прибавить, что торговля связи усилили бы наше политическое вліяніе въ Россіи. Торговля придала Англичанамъ тотъ кредитъ, которымъ они пользуются въ Россіи. Они замѣстили Голландцевъ, которые въ прошломъ вѣкѣ почти одни торговали съ Русскими. Эта нація, которая имѣетъ недостатокъ въ деньгахъ и которая по своему характеру и формѣ правленія мало склонна отправляться въ чужія страны за тѣмъ, чего не находитъ у себя, естественно привязалась къ народу, помогшему ей бездѣйствію. Она знаетъ наши товары, но почти не видѣла нашихъ купцовъ; вслѣдствіе этого сложилось предубѣжденіе, поддерживаемое нашими врагами, будто Франція въ торговомъ отношеніи не можетъ быть полезна Россіи и будто въ торговлѣ съ Франціей Россія теряетъ, такъ какъ за свои вина, ткани и предметы роскоши Французы увозятъ деньги, а не продукты страны. Однако нѣкоторые здравомыслящіе люди и преимущественно министры отказались отъ этихъ идей и понимаютъ, что мы настолько же нуждаемся въ ихъ сырѣ, насколько они въ нашихъ мануфактурныхъ издѣліяхъ. Они ясно видятъ, что прямая, основанная на мѣнѣ торговля между обѣими націями, доставитъ имъ барыши, которыми теперь пользуются посредники, и мы имѣемъ основаніе думать, что это соображеніе заставило ихъ не возобновлять вотъ уже два года торговаго договора съ Англіей, имѣя въ виду доставитъ одинаковыя выгоды всѣмъ народамъ и установить между ними конкуренцію. Это несомнѣнно самая лучшая система, которую можетъ принять Россія и которой мы желали бы, чтобъ она слѣдовала. Когда возбуждался вопросъ о заключеніи торговаго трактата съ Россіей, мы желали только быть на равномъ положеніи съ Англичанами. Мы подавали по этому поводу нѣсколько мемуаровъ, на которые не получили еще окончательнаго отвѣта. Или русское министерство ждетъ заключенія договора съ Англіей, или оно хочетъ сдѣлать торговлю одинаково свободною для всѣхъ, во всякомъ случаѣ переговоры о торговыхъ трактатахъ со смертію

императрицы Елисаветы не возобновлялись ни съ однимъ народомъ.“ Чрезъ два года въ секретной инструкціи Россійскому Людовику XV писалъ: „Легко было бы показать, что самая выгодная торговля для Россіи, это торговля съ Франціей. Съ тѣхъ поръ, какъ въ этой странѣ развилась роскошь, увеличилась надобность въ нашихъ товарахъ. Мы со своей стороны не можемъ обходиться безъ ихъ мачтъ и ихъ льна.“¹

Дѣйствительно внѣшняя торговля Россіи все развивалась. Въ 1762 году англійскій посланникъ съ неудовольствіемъ сообщалъ своему правительству: „Сегодня утромъ Бестужевъ повѣстилъ меня, что Французы нынѣ просятъ императрицу заключить съ ними торговый союзъ и, чтобы получить на то ея согласіе, предлагаютъ брать изъ Россіи табакъ и мясо, которыми въ настоящую минуту они запасаются въ Англіи и Ирландіи, что до сихъ поръ онъ этому противодействовалъ и будетъ продолжать поступать такимъ же образомъ. Если Французы сдѣлали подобныя предложенія, то, вѣроятно, они имѣли при этомъ въ виду лишь на время занять вниманіе этой страны и вовсе не намѣревались привести ихъ въ исполненіе, такъ какъ хотя въ Украинѣ и производится значительное количество табака, но по качеству онъ стоитъ гораздо ниже нашего, а перевозка его во Францію непременно бы возвысила его цѣну по крайней мѣрѣ на одну пятаю. Опытъ надъ перевозкой мяса уже былъ сдѣланъ однимъ купцомъ, который отправилъ большое количество мяса во Францію и, несмотря на всѣ взятія предосторожности, весь товаръ испортился еще до окончанія путешествія.“² Такимъ образомъ въ торговлѣ съ Франціей Россія выступала конкурентомъ Англіи.

Въ началѣ царствованія Екатерины образовалась компанія тульского купца Владимірова съ другими тульскими же купцами для непосредственнаго торга съ Италіей чрезъ Средиземное море. Императрица на свое издивеніе построила для компаніи фрегатъ о 36 пушкахъ. Фрегатъ этотъ, названный *Надежда Благополучія*, отправился нагруженный русскими товарами: желѣзомъ, юфтью, парусными полотнами, табакомъ, керой, воскомъ и канатами изъ Кронштадта 11 августа 1764 года въ Ливорно. Это былъ первый русскій корабль, показавшійся въ Средиземномъ морѣ³. Въ 1767 году было учреждено консульство въ Бордо.

¹ Recueil, IX, 230—231, 251.

² Сб. Ист. Общ., т. 12, стр. 55.

³ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 26, стр. 26—27.

„Какъ изъ російскихъ купцовъ нѣкоторыя, говорится въ инструкціи первому консулу въ Бордо, производять уже торгъ на своихъ корабляхъ прямо во Францію въ городъ Бордо и за неимѣніемъ тамъ російскаго консула адресуютъ товары свои къ тамошнимъ купцамъ, претерпѣвая чрезъ то излишніе убытки, то ея императорское величество, усердствуя о распространеніи непосредственной російской торговли съ французскими портами, высочайше повелѣть соизволила учредить въ помянутомъ городѣ російскаго консула.“¹

Естественно, что французское правительство желало заключить съ нами торговый трактатъ и на пользу его указывалъ еще въ 1766 году нашъ посланникъ въ Парижъ князь Голицынъ. „Министерство здѣшнее, писалъ онъ, съ нѣкотораго времени еще болѣе желанія оказываетъ для сочиненія трактата комерціи съ имперією вашего императорскаго величества, а въ послѣднее мое обыкновенное по вторникамъ свиданіе съ дюкомъ де-Шоазелемъ сей министръ весьма распространялся объ обоюдныхъ преимуществахъ, которые изъ подобнаго трактата для обѣихъ націй вослѣдовать должны, увѣря меня, что онъ безпрестанно сей проектъ въ головѣ имѣетъ и за крайнее себѣ удовольствіе почтетъ, если возможетъ его благополучно въ дѣйство произвести. По многимъ о сей матеріи разсужденіямъ просилъ онъ меня всеподданнѣйше донести, сколько они того желаютъ, и просить васъ, всемилостивѣйшая государыня, чтобы благоволили сіе ихъ представленіе принять въ уваженіе и повелѣть министерству вашему, разсмотря всѣ обстоятельства, прислать сюда проектъ того трактата, который они наискорѣе будутъ стараться окончить, дабы тѣмъ доказать искреннюю ихъ охоту утвердить, вопервыхъ, навяще дружбу и согласіе между высочайшими дворами, а вовторыхъ, дать способъ обоюднымъ націямъ пользоваться онымъ согласіемъ, кое дѣйствительно толикимъ важностямъ подвержено, что какъ Россія, такъ и Франція по изобилію ихъ въ разныхъ товарахъ великую нужду другъ въ другѣ имѣютъ. Разсужденіе Шоазеля столь на несправедливости основано, сколько завсегда дѣйствомъ доказывается, что трактатъ комерціи съ Франціей не можетъ не авантажентъ быть для имперіи вашего императорскаго величества. Россія безпрестанную нужду имѣетъ въ французскихъ товарахъ, которые генерально почти дешевле другихъ европейскихъ; а хотя

¹ Сб. Ист. Общ., т. 67, стр. 294.

Россія до сихъ поръ и не манкировала оныхъ, но они ей гораздо дороже становятся, будучи привезены къ ней англійскими и голландскими кораблями. Равнымъ образомъ и російскіе товары, безъ которыхъ Франція обойтись не можетъ, здѣсь дороже жъ приходатъ. По учрежденіи же трактата комерціи сей бы недостатокъ кончился, и подданные вашего императорскаго величества или бы сами въ порты французскіе товары свои отвозили и тамо бы нагружали корабли свои французскими товарами, или бы французскіе корабли привозили сами въ Россію все, что ей нужно. Вскорѣ жъ послѣ того и компаніи бы учредились, что бы еще болѣе способствовало комерціи. Шоазель кончилъ свое разсужденіе слѣдующимъ примѣчаніемъ, что сей трактатъ столь болѣе твердъ быть можетъ, что Россія съ Франціей по дальнемъ ихъ другъ отъ друга разстояніи не можетъ никогда въ прямой войнѣ быть, и такимъ образомъ безконечнымъ бы онъ могъ почестся. Справедливость еще долженъ я отдать Ремберту, вице-консулу французскому въ Россіи. Онъ всячески старается здѣсь установить комерцію Франціи съ Россіей и повидимому старанія его бесплодны не будутъ. На сихъ дняхъ отправляется онъ въ С.-Петербургъ, учредя нѣкоторое число французскихъ кораблей въ Россію.¹ Въ то время отношенія наши къ Франціи были далеко не дружелюбны, и Панинъ отказался вступать въ какія-либо новыя неогоціи въ виду страннаго шикана титулатуры со стороны французскаго правительства¹.

Пользуясь своею дружбой съ Потемкинымъ, Сегюръ подалъ ему записку, что слѣдуетъ установить прямую торговлю между французскими портами на Средиземномъ морѣ и русскими на Черномъ. Франція будетъ вывозить изъ южной Россіи ленъ, солонину, кожи, сало, воскъ, селитру. Какъ только будетъ заключенъ торговый трактатъ, который поставилъ бы Францію на одну ногу съ Англійей, торговля съ Россіей оживится и во Франціи увеличится потребленіе русскихъ товаровъ, которые тогда станутъ дешевле, потому что не будутъ проходить чрезъ третьи руки².

Въ то же время велись переговоры и въ Парижѣ. Версальскій кабинетъ подалъ нашему посланнику Сямолину ноту, въ которой

¹ Сб. *Ист. Общ.*, т. 57, стр 520—521.

² Segur, *Mémoires*, t. II, p. 331—336.

говорилось: „Франція и Россія—двѣ производящія державы. У нихъ большое количество товаровъ, которыми они могутъ мѣняться. Можно даже сказать, что эта потребность будетъ увеличиваться по мѣрѣ того, какъ Россія будетъ становиться болѣе населенною и богатою. Настало время обѣими этимъ державамъ заняться средствами сдѣлать ихъ мѣну болѣе полезною, расширить ее и упростить. До сихъ поръ онѣ слишкомъ много переплачивали посредникамъ за то, чтобы привозить имъ товары, которые они легко могли непосредственно доставлять другъ другу. Еслибы король могъ дѣйствовать по своему убѣжденію, онъ свелъ бы всѣ трактаты къ полному однообразію и ограничилъ бы ихъ одною статьею: такая-то держава будетъ пользоваться во Франціи всѣми выгодами, которыми пользуются остальные. Но обычай противится еще подобному распоряженію. При томъ разнообразіи законовъ въ разныхъ странахъ требуетъ гарантій, которыя публикуются въ торговыхъ трактатахъ для спокойствія подданныхъ. Первые основанія для переговоровъ положены и не предвидится затрудненій, могущихъ препятствовать заключенію договора. Въ русскихъ тарифахъ есть разница между пошлинами, наложенными на французскіе товары, и пошлинами на тѣ же товары, исходящіе изъ другихъ странъ. Эта неравномѣрность обложенія, служащая помѣхой для французской и одинаково для русской торговли, не будетъ существовать, какъ только король сдѣлаетъ Русскихъ наиболѣе привилегированною націей, такъ какъ цѣль обоихъ монарховъ установить полнѣйшую взаимность. Изъ этого не слѣдуетъ, будто король требуетъ, чтобы за французскіе товары въ Россіи вимали столько же, сколько за тѣ же товары, привозимые во Францію иностранцами. Но Франція считаетъ себя въ правѣ просить, чтобы французскіе товары были обложены въ Россіи тою же пошлиною, какъ товары одинаковой категоріи, привозимые другими народами, такъ какъ Франція предлагаетъ то же самое для товаровъ, привозимыхъ въ нее Россіей. Приобрѣтеніе Крыма, части Татаріи и Кубани естественно расширяютъ торговля сношенія Россіи съ Франціей. Какъ бы ни совершалась торговля по Черному Морю, она будетъ имѣть главною цѣлью—доставку русскихъ товаровъ во Францію и французскихъ—въ Россію. Почти всѣ товары, которые Французы будутъ вывозить изъ крымскихъ портовъ, большаго объема, какъ-то: лѣсъ, ленъ, табакъ. Если вслѣдствіе пошлинъ, установленныхъ въ этихъ портахъ на объемистые французскіе товары, вино и

водки, французскій негодіантъ не въ состояніи будетъ выдержать конкуренцію съ турецкими подданными, торговля этимъ путемъ не можетъ установиться между обоими государствами, такъ какъ за русскіе товары пришлось бы платить слишкомъ дорого и выгоднѣе было бы ѣздить за этими товарами въ Америку. Мы увѣрены, что это соображеніе поразитъ императрицу и ея министровъ. Въ общемъ въ интересахъ обѣихъ державъ не извлекать большихъ барышей изъ немногихъ товаровъ, но маленькіе часто поворачивающіеся барыши на большомъ количествѣ товара.“¹

Сегору былъ врученъ вице-канцлеромъ письменный отвѣтъ, изъявляющій готовность заключить торговый трактатъ, который, дѣйствительно, былъ подписанъ 31 декабря 1786 года, а ратификованъ 3 апрѣля слѣдующаго года. Статья вторая этого договора, озаглавленнаго „трактатъ между Россіей и Франціей о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи“, гласитъ: Россійскіе подданные во Франціи, равно какъ и французскіе въ Россіи, имѣютъ пользоваться совершенною вольностью торговли, сообразуясь законамъ и учрежденіямъ, существующимъ въ обѣихъ монархіяхъ, безо всякаго помѣшательства и безпоянства. Франція получила слѣдующія выгоды: пошлина съ оксофта французскихъ винъ (мѣрой въ 240 бутылокъ), исключая бургонскихъ и шампанскихъ, по тарифу была въ 15 рублей; теперь же сбавили 3 рубля, такъ что съ оксофта приходилось платить 12 рублей. Пошлина на шампанское вмѣсто прежнихъ 60 коп. съ бутылки была назначена въ 50 коп., на бургонское вмѣсто 50 коп. въ 40 коп. Значительно была сбавлена пошлина на марсельское мыло, именно вмѣсто прежнихъ 6 руб. съ пуда назначено всего 1 руб., то-есть пошлина, какая платилась съ подобнаго же мыла венеціанскаго и турецкаго. Указанныя пошлины взымались тогда, когда французскіе товары привозились въ порты морей Балтійскаго и Бѣлаго; для того, чтобы поднять черноморскую торговлю, о чемъ особенно хлопоталъ Потемкинъ, французскимъ купцамъ были сдѣланы еще льготы. Пошлины на товары, привозимые въ черноморскіе порты, были понижены еще на 25%. Съ оксофта вина назначено всего 9 руб. вмѣсто 15, съ бутылки шампанскаго 37½ коп., съ бутылки бургонскаго 30 коп. Льготный тарифъ примѣнялся только въ тѣхъ случаяхъ, когда французскіе товары привозились на французскихъ судахъ и французскими

¹ Recueil, IX 405—407.

купцами. Ясно, что иностранцы не могли уже конкурировать съ Французами, и Англичанамъ стало невозможнымъ продавать въ Россіи французскіе товары по той же цѣнѣ, каковую могли назначить Французы. Напримѣръ, съ Англичанина, привезшаго бутылку бургонскаго, брали 50 коп., а съ Француза—30 коп. Взамѣнъ этихъ льготъ русскіе купцы получили также нѣкоторыя выгоды: съ русскаго желѣза, вывозимаго во Францію, установлена была пошлина, равная наиболѣе пріятствуемому народу; 20% сбавлено на русскій воскъ и сало.¹

За заключеніе торговаго трактата сановникамъ, участвовавшимъ въ переговорахъ, было прислано Людовикомъ по 40 тысячъ франковъ и по портрету короля, осыпанному брилліантами; такой же подарокъ былъ сдѣланъ Сегюру русскою императрицей.

Сегюръ способствовалъ нашему сближенію съ Франціей и несомнѣнно, что, еслибы не восточный вопросъ, установились бы самыя дружественныя отношенія. Но Булгаковъ доносилъ изъ Константинополя, что Французы всѣми силами стараются усилить средства къ защитѣ Оттоманской имперіи. Сегюръ хорошо зналъ, что въ Константинополь посылаютъ французскихъ инженеровъ и вполне одобрялъ подобный образъ дѣйствій, онъ порицалъ версальскій кабинетъ за его слабость, за то, что допустили раздѣлъ Польши и завоеваніе Крыма.

Между Потемкинымъ и французскимъ посланникомъ происходили разговоры въ родѣ слѣдующаго. „Какимъ образомъ, спрашивалъ Потемкинъ, вы, Французы, такіе блестящіе, такіе цивилизованные, такіе любезные, продолжаете быть покровителями варварства и чумы? Что вы думаете объ этомъ сами? Еслибъ у васъ были подобныя сосѣди, которые ежегодно угрожали бы вамъ набѣгами, грабежомъ и похищеніемъ нѣсколькихъ сотъ христіанъ, которыхъ они обращаютъ въ рабство, находили ли бы вы хорошимъ, чтобы наше правительство помѣшало вамъ прогнать этихъ сосѣдей?“ Сегюръ отвѣчалъ на это общими фразами, что прекрасно было бы распространить по всему свѣту европейскую цивилизацію, но мирнымъ образомъ; однако, вѣчный миръ—химера, а потому для поддержанія европейскаго равновѣсія французское правительство вынуждено отклонять нападеніе державъ на Турцію. Вскорѣ послѣ этого была перехвачена переписка одного французскаго эmissара, отправившагося въ

¹ Первое Полное Собр. Законовъ, № 16.489.

Персію съ тѣмъ, чтобы поднять противъ Россіи персидскаго шаха. Извѣстіе это произвело очень непріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ какъ разъ въ то время, когда шли переговоры о торговомъ договорѣ. Сегюру удалось уладить этотъ инцидентъ; согласно присланному ему приказанію, онъ убѣдилъ русское правительство, что французскій эmissаръ былъ посланъ въ качествѣ наблюдателя и нарушилъ данныя ему полномочія.

Вслѣдъ за присоединеніемъ Крыма недовольныя этимъ Пруссія и Англія не переставали интриговать въ Константинополь, вслѣдствіи стараясь побудить Порту объявить войну Россіи. Франція держалась миролюбивой политики,—она считала Турцію неготовою къ войнѣ, старалась усилить ея средства къ оборонѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ Шуазель старался склонить Порту къ уступкамъ во время постоянныхъ пререканій при приведеніи въ исполненіе заключенной съ Россіей конвенціи. Сегюръ увѣдомлялъ французскаго посланника о русскихъ вооруженіяхъ. „Несмотря на миролюбивое настроеніе, въ которомъ меня увѣряютъ, писалъ онъ, опасность, грозящая Оттоманской имперіи, все увеличивается, политика и добросовѣстность требуютъ, чтобы мы не оправдывали подозрѣній, внушаемыхъ Турками нашимъ недоброжелателямъ, чтобы мы не усныляли ихъ въ то время, какъ по сосѣдству съ ними Русскіе дѣлаютъ грозныя вооруженія на Черномъ Морѣ; напротивъ, мы должны совѣтовать вмѣстѣ принять мѣры къ внушительной оборонѣ.“ Во время путешествія Еватерини въ Крымъ, въ которомъ ей сопутствовали Потемкинъ и Сегюръ, нѣсколько разъ происходили размовки между французскимъ посланникомъ и императрицей, вслѣдствіе вѣстей, доходившихъ изъ Константинополя. „Какъ это понять, сказала однажды Потемкинъ Сегюру, что въ то время, какъ мы только-что подписали дружественный трактатъ, въ ту минуту, какъ императрица взяла съ собой французскаго посланника, награждая его отличіями и знаками довѣрія, французскіе инженеры заняты пушками, кораблями, враждебными приготовленіями нашихъ непріятелей?“ Сегюръ отвѣтилъ на это откровенно, что французское правительство старается уладить пререканія съ Турціей мирнымъ образомъ, но что король будетъ всѣми, зависящими отъ него, мѣрами способствовать сохраненію Оттоманской имперіи.¹

¹ Ségur, Mémoires, t. II, p. 105, 303—304, 311, 862—863, t. III, p. 80—81, 124—125.

Такая откровенность нравилась и Потемкину, и Екатерину, вообще нерасположеннымъ къ Франціи. Въ 1785 году императрица говорила въ рескриптѣ Булгакову, нашему посланнику въ Константинополь, что версальскій дворъ имѣеть за правило въ своей политикѣ вредить намъ koliko можно и воздвигать препоны намѣреніямъ нашимъ и что нельзя полагаться на дружбу того двора и на повторяемыя министрами его въ оной увѣренія.¹ Когда Турція объявила намъ войну, въ концѣ 1787 года, французскіе инженеры и артиллеристы помогали Туркамъ. Но въ миролюбивыхъ чувствахъ самого Сегюра нельзя было сомнѣваться. „Послѣ Клинбургской побѣды, писала Екатерина Потемкину, когда Сегюръ услышалъ, что тутъ предводительствовали Французы, тогда уже на другой или третій день онъ послалъ курьера во Францію съ представленіемъ, чтобъ отозвали Французовъ, кон у Турокъ, если хотять, чтобы здѣшнія мысли о нихъ были, что они намъ не злодѣи.“ На Сегюра подѣйствовалъ разговоръ съ императрицей, въ которомъ она заявила, что Франція своими полумѣрами, то-есть посылкой Туркамъ судовъ, артиллеріи, инженеровъ причинить мало вреда Россіи и не остановитъ сухопутныхъ операцій ея войска, Франція тщетно будетъ дѣйствовать противъ Россіи и дружественной съ ней Австріи. При продолженіи подобнаго образа дѣйствій, въ крайнемъ случаѣ, императрица сблизится съ Англіей. Сегюръ желалъ союза съ Россіей, а потому совѣтовалъ своему правительству отозвать изъ Турціи французскихъ инженеровъ.

За союзъ съ Франціей стояли и нѣкоторые русскіе министры, и онъ представлялся желательнымъ и возможнымъ. „Французскія каверзы, писала Екатерина Потемкину, по двадцатипятилѣтнимъ опытамъ мнѣ довольно извѣстны. Но нынѣ спознали мы и англійскія, ибо не мы одни, но вся Европа увѣрена, что посоль англійскій и посланникъ прусскій Порту склонили на объявление войны.“² Въ данномъ случаѣ французскія каверзы были довольно невинны, потому что ограничивались ничтожною помощью, подаваемою Турціи и мало намъ вредившею. Вслѣдъ за турецкою войной поднялась противъ насъ Швеція по наущенію Пруссіи, и тутъ Франція имѣла новый случай доказать свое миролюбіе и заслужить нашу благодарность; французскіе дипломаты въ Сток-

¹ Сб. Ист. Общ., т. 47, стр. 145.

² Сб. Ист. Общ., т. 27, стр. 445.

гольмѣ дѣйствовали въ нашу пользу, отговаривая короля Густава начинать войну.

Но главная причина, заставлявшая многихъ русскихъ министровъ искать союза съ Франціей, это враждебное къ намъ отношеніе Пруссіи. Сѣверный концертъ, проектированный Панинымъ, не только не удался, но бывший нашъ другъ Фридрихъ Великій оказался не слишкомъ сердечнымъ. Фридрихъ, говоритъ профессоръ Мартенсъ, постоянно опасаясь нападенія со стороны Австріи, вынужденъ былъ искать дружбы Россіи и поддерживать съ нею самыя близкія отношенія. Но въ то же время онъ также постоянно боялся увеличенія могущества своей союзницы. Въ 1769 году, когда, повидимому, союзъ между Россіей и Пруссіей представлялся неразрывнымъ и тѣснымъ, когда между Екатериной II и Фридрихомъ II происходила постоянная дружеская переписка, король прусскій на свиданіи съ Іосифомъ II не упускалъ случая вселить въ послѣднемъ опасенія насчетъ Россіи. Въ то время, когда Россія была занята первою турецкою войною, въ которой она надѣялась на союзную помощь Пруссіи, Фридрихъ II убѣждалъ Іосифа II согласиться съ нимъ насчетъ общихъ мѣръ, необходимыхъ для предупрежденія опасностей отъ увеличенія могущества Екатерины. Фридрихъ II не могъ никогда до самой своей смерти простить Екатерину, что она сблизилась съ Австріей и предпочла тѣсный союзъ между Россіей и Австріей, союзу Россіи съ Пруссіей. Убѣдившись на дѣлѣ, что между русскою императрицей, его вѣрною союзницей, и императоромъ Іосифомъ устанавливаются полное согласіе и тѣсная дружба, король прусскій увидѣлъ, что всѣ его многолѣтнія старанія, всѣ его горячія письма, наполненные самыхъ восторженныхъ выраженій удивленія и почитанія, все-таки не связали окончательно судьбу Россіи съ интересами и политическими видами Пруссіи. Король прусскій не хотѣлъ понять, что императрица сблизилась съ вѣнскимъ дворомъ только потому, что находила въ императорѣ Іосифѣ II полную готовность содѣйствовать осуществленію задуманныхъ ею плановъ насчетъ оттоманской имперіи. Онъ не могъ отказаться отъ мысли, что вѣнскій дворъ, сдѣлавшись союзникомъ Россіи, непременно подвинетъ императрицу на войну противъ Пруссіи и что, такимъ образомъ, опять прусскій народъ долженъ будетъ вынести на своихъ плечахъ кровопролитную войну съ ужасными ея опустошеніями и бѣдствіями. Престарѣлому Фридриху II уже представлялось начало

новой Семилѣтней Войны и конецъ мира, которому онъ желалъ посвятить послѣдніе годы своей жизни. Въ восьмидесятыхъ годахъ отношенія между императрицей и королямъ прусскимъ перестали быть настолько дружественными, какъ прежде. Въмѣсто переписки между императрицей и Фридрихомъ II завязывается личная и дружественная переписка между Екатериной II и Иосифомъ II.

Вмѣсто прежняго полнаго согласія по всѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ между петербургскимъ и берлинскимъ дворами обнаруживается разладъ по дѣламъ, касающимся существенныхъ интересовъ обоихъ государствъ. Такое разногласіе обнаружилось по дѣламъ города Данцига. Прусскій король, получивъ на основаніи перваго раздѣла Польши нѣкоторыя фискальныя права въ отношеніи этого города, рѣшился воспользоваться ими для того, чтобы совершенно подчинить городъ своей власти. Екатерина же не желала допустить такого порабощенія прусскимъ правительствомъ и всячески старалась отстоять вольность города Данцига, отошедшаго къ Пруссіи только въ 1793 году. Въ инструкціи, данной въ 1785 году нашему посланнику въ Берлинъ, графу Румянцеву, доказывается, что по естественному положенію земель короля прусскаго онъ долженъ бояться Россіи и ея приращенія, такъ какъ силы ея съ большою удобностью могутъ очень скоро обращены быть на королевство прусское, гдѣ противу насъ оборона весьма недостаточная. „Такимъ образомъ, говорится въ инструкціи, дружба между Пруссіей и Россіей, не будучи основана на естествѣ вещей, не можетъ инакова быть, какъ развѣ временная, по стеченію обстоятельствъ.“ Отношенія еще болѣе испортились по смерти Фридриха II (въ 1786 году). Екатерина отказалась возобновить союзный договоръ съ его преемникомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и не соглашалась принять посредничество берлинскаго двора для заключенія мира со Швеціей и Турціей.¹

Натянутыя, почти враждебныя, отношенія къ прежнему другу, Пруссіи побуждали русское правительство искать новыхъ союзовъ, склоняли его на сторону Франціи. Въ Петербургѣ составилъ планъ о четверномъ союзѣ Россіи, Австріи, Франціи и Испаніи, чтобы быть противовѣсъ союзу, заключенному между Пруссіей, Англіей и Голландіей. Сегюръ старался доказать своему

¹ Мартенсъ, *Собраніе трактатовъ*, т. 2, стр. 98, т. 6, стр. 119—120, 122—123, 132—133, 138.

правительству выгоду подобнаго союза и настаивалъ на томъ, что Франція должна принять роль посредницы и побудить Турцію и Швецію къ миру съ Россіей. „Наше вліяніе въ Константинополѣ и Стокгольмѣ, писалъ Сегюръ министру иностранныхъ дѣлъ Монморену, было бы восстановлено миромъ, который мы одни можемъ доставить Туркамъ и Шведамъ; вслѣдствіе укрѣпленія нашихъ связей съ Австріей, Англія несомнѣнно была бы лишена всякой полезной помощи со стороны Пруссіи и была бы болѣе чѣмъ когда-нибудь удалена отъ мысли напасть на насъ. Очевидно, что въ нашихъ интересахъ избѣгать войны; мнѣ кажется столь же очевиднымъ, что единственное средство избѣжать войны—это заключить помянутый союзъ и даже принять и требовать то, отъ чего мы отказываемся. Ибо хотя мы отказываемся противодѣйствовать расширенію Пруссіи насчетъ Польши, это расширеніе произойдетъ или послѣ войны, въ которую мы будемъ втянуты поневолѣ, или послѣ новаго раздѣла Польши, противнаго нашимъ интересамъ. Если, напротивъ, мы соединимся съ двумя императорскими дворами и Испаніей, чтобы предохранить теперешнія польскія владѣнія отъ посягательствъ Пруссіи, король прусскій, испуганный этимъ значительнымъ противодѣйствіемъ, будетъ обреченъ на бездѣйствіе, и миръ не будетъ нарушенъ. Не представляется ли вамъ несомнѣннымъ, что Франція, Испанія, Австрія и Россія, соединившись въ видахъ миролюбивыхъ и оборонительныхъ, произведутъ рѣшительное давленіе на остальную Европу, и война станетъ невозможною безъ ихъ желанія?“¹

Монморенъ одобрилъ идею четвернаго союза, но находилъ, что непремѣннымъ условіемъ должно быть участіе Испаніи и общаіе Россіи помогать Франціи въ случаѣ войны съ Англіей. Безбородко былъ сторонникомъ четвернаго союза. „Что касается, говорить онъ въ запискѣ, представленной совѣту, при императрицѣ состоящему, до связи съ бургонскими дворами, о которой Вѣнскій дворъ въ сообщеніи своемъ намъ настоянія свои подтверждаетъ, оная для обезпеченія обоихъ императорскихъ дворовъ весьма полезна и нужна; ибо, имѣя съ императоромъ систему на сухомъ пути, надобно свое равенство или преимущество утвердить и на водахъ. Не можно остаться безъ союза съ одною или другою изъ первѣйшихъ морскихъ державъ. На настоящее время соединеніе морскихъ нашихъ силъ, съ таковыми же Франціи и Гишпаніи,

¹ Recueil, IX, 443—444.

доставить намъ рѣшительное преобладаніе.“ Канцлеръ находилъ однако, что не слѣдуетъ исключать изъ союза Англію, если она свое единомысліе съ королемъ прусскимъ не распространить такъ далеко, чтобъ ему способствовать дѣйствіями, противу насъ посредственными или непосредственными. Но исключеніе Англіи было *conditio sine qua non*, по мнѣнію французскаго правительства. Въ совѣтѣ была партія за союзъ съ Франціей, была и партія противъ него. Потемкинъ относился скептически къ четвертому союзу, и сама императрица, хотя и согласилась на него, но не придавала ему большаго значенія. „Сегюръ, писала Екатерина Потемкину, имѣя конференцію съ вице-канцлеромъ, въ которой искалъ своему разговору дать видъ такой, будто я ищуща съ Франціей установить союзъ. Франція, конечно, и безспорно, находится въ слабомъ состояніи и ищетъ нашего союза, но koliko можно далѣе себя менажировать съ Франціей и Англіей, безъ союза намъ будетъ полезнѣе иногда, нежели самъ союзъ тотъ или другой, понеже союзъ навлечетъ одинаго злодѣя болѣе. Но въ случаѣ, еслибы пришлось рѣшиться на союзъ съ тою или другою державой, то таковой союзъ долженъ быть распоряденъ съ постановленіями, сходными съ нашими интересами, а не по дудѣ и прихотямъ той или другой націи, еще менѣе по ихъ предписаніямъ.“¹

Первый ударъ четвертому союзу былъ нанесенъ Испаніей, отказавшеюся принять въ немъ участіе. Тогда и французское правительство стало отступать отъ плана, пропагандировавшагося Сегюромъ; находили, что моментъ для заключенія союза съ Россіей неудобенъ. „Шуазель-Гуфье, писалъ Монморенъ Сегюру, велъ себя въ Константинополѣ такъ, чтобы поддержать довѣріе къ намъ Порты, несмотря на интриги англійскаго и прусскаго посланниковъ, старавшихся подорвать это довѣріе. Извѣстіе о союзѣ съ Россіей дало бы богатый матеріалъ этимъ посланникамъ. Мнѣ могутъ возразить, что мы въ союзѣ съ вѣнскимъ дворомъ, который также въ войнѣ съ Турками и что это не производитъ на нихъ большаго впечатлѣнія. Но тутъ большая разница: мы уже тридцать лѣтъ союзники вѣнскаго двора, а вдругъ въ самый разгаръ войны Порты съ Россіей мы заключили бы союзъ съ этою послѣднею державой! Еслибы подобное извѣстіе дошло до Турокъ, оно несомнѣнно вполнѣ уничтожило бы наше вліяніе въ Константинополѣ. По этимъ соображеніямъ король

¹ Сб. Ист. Общ., т. 29, стр. 50—51, т. 27, стр. 446, 458.

откладываетъ свое намѣреніе укрѣпить всѣми возможными способами связь съ Петербургскимъ дворомъ. Королю непріятно подписать союзный трактатъ съ державой враждебною Туркамъ, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ, предлагая имъ свое посредничество, увѣряетъ ихъ въ своемъ полнѣйшемъ безпристрастіи.“

Несмотря на это былъ составленъ проектъ союзаго договора, который Франція считала возможнымъ подписать по заключеніи мира съ Турціей. Начавшееся было обсужденіе проекта было прервано въ началѣ 1789 г. по приказанію Екатерины. Взятіе Бастиліи произвело сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ, и самыя горячіе сторонники Франціи, какъ, напримѣръ, Безбородко, считали невозможнымъ вступать въ союзъ съ революціонною страной. Въ октябрѣ 1789 г. Сегюръ былъ отозванъ, и въ Петербургѣ оставленъ только повѣренный въ дѣлахъ Жене ¹.

XXXI.

Несмотря на то, что Екатерина вела дружескую переписку съ Вольтеромъ, увлекалась идеями энциклопедистовъ и сочиненіями Монтескье, проявленіе этихъ идей на практикѣ произвело на нее удручающее впечатлѣніе, и она отвернулась отъ революціонной Франціи. „Какъ измѣнялись времена, писала Екатерина Гриму. Генрихъ IV и Людовикъ XIV называли себя первыми дворянами въ своемъ королевствѣ и считали себя непобѣдимыми во главѣ этой знати. Въ ихъ времена епископы и проповѣдники не находили въ Библии иныхъ текстовъ, кромѣ тѣхъ, которые поддерживали королевскій авторитетъ; блескъ царствованія Людовика XIV поддерживался за границей до нашихъ дней. Я не вѣрю въ великіе правительственные и законодательные таланты башмачниковъ и сапожниковъ; заставьте тысячу человѣкъ написать одно письмо, и вы увидите, что изъ этого выйдетъ. Зачѣмъ мнѣнять Францію на Французовъ черезъ 800 лѣтъ ея существованія? Съ какихъ поръ вѣтренность, беспорядокъ, всякаго рода излишества считаются лучше, чѣмъ опытность, благоразуміе и порядокъ?“ Вотъ еще нѣсколько мѣстъ изъ переписки Екатерины съ Гриммомъ, которому императрица постоянно говорила о революціи. „Манера, какъ вы читали мое письмо въ четыре страницы, совсѣмъ новая; вы читали его по клочкамъ; я знаю что

¹ Recueil, IX, 452—476.

такое національное собраніе, разрывающее Францію на клочки; вы заразились и обращаетесь съ моими письмами такъ же, какъ національное собраніе съ королевствомъ, которое кажется перестало имъ быть“. „До сихъ поръ считали заслуживающимъ вѣсѣлицы всякаго, кто замыслить разрушеніе страны, а вотъ этимъ дѣломъ занимается цѣлая нація или скорѣе 1.200 депутатовъ этой націи. Я думаю, что еслибы повѣсить нѣкоторыхъ изъ нихъ, остальные одумались бы. Надо бы начать съ того, чтобъ отнять у нихъ 18 ливровъ, выдающихся каждому депутату; тогда эти несчастные вернулись бы къ своимъ ремесламъ и издали бы законъ не допускать туда ни одного адвоката, потому что это куча интригановъ, противъ которыхъ во всѣхъ странахъ изданы законы, а во Франціи изъ этихъ плутовъ сдѣлали законодателей. Эти каналы совсѣмъ какъ маркизъ Пугачевъ, о которомъ я всегда говорила, что никто больше его самого не убѣдитъ какой онъ мерзавецъ. Эти адвокаты за деньги до сихъ поръ защищали правду и ложь, справедливость и несправедливость. Жаль королевство и всѣхъ здравомыслящихъ людей. А на мнѣніе толпы нечего обращать вниманіе.“ „Никто болѣе меня не желаетъ, чтобы Франція заняла прежнее мѣсто въ Европѣ, я питаю нѣжную привязанность къ королю и королевѣ. По ремеслу и по обязанности я монархиста, и я до сихъ поръ не видѣла, чтобы какое-нибудь національное собраніе или сеймъ дѣлалъ что-нибудь другое кромѣ множества ошибокъ, что, конечно, не дѣлаетъ большой чести соединенному роду человѣческому.“ „Не говорите мнѣ больше о республиканцахъ. Они способны надолго дискредитировать свободу и сдѣлать ее ненавистною всѣмъ народамъ; послѣ нихъ съ свободѣ будутъ говорить съ негодованіемъ въ теченіе вѣковъ.“ „Куда бы вы ни поѣхали, на Бурбонскія воды или во Франкфуртъ, вы хорошо сдѣлали бы, уѣзжая изъ Содома и Гоморры, еслибы положили въ карманъ короля Французовъ, чтобъ онъ добрался цѣлымъ и невредимымъ по крайней мѣрѣ до границъ своего королевства. Вы отдали бы его какому-нибудь благонамѣренному лицу, которое предохранило бы его величество отъ несчастій, ему угрожающихъ, по нашему мнѣнію. Хотя мы ни минуту не дрожали за себя, мы ежедневно дрожимъ за жизнь нашего большого друга Людовика XVI, за королеву и ея милыхъ дѣтей, которыхъ мы желали бы видѣть внѣ Парижа. Но скажите, какимъ образомъ ихъ покинули въ Парижѣ, когда имъ угрожаютъ всякія опасности? Этого у насъ не одобряютъ, и я не могу

выносить этого; имъ надо выбраться оттуда.“ „Я никогда не считала дѣло короля чуждымъ коронованнымъ особамъ; я считаю его дѣломъ королей и всѣхъ существующихъ правительствъ, которыхъ преступное собраніе оскорбляетъ всѣхъ одинаково и къ тому же самымъ глупымъ образомъ.“ „Видя изъ вашего послѣдняго письма, что вы находитесь въ бѣдности вслѣдствіе потери причиненной вамъ злодѣями-цареубійцами, присвоившими себѣ власть во Франціи и обратившими ее въ обширную пустыню, обитаемую самыми дикими звѣрями, осквернявшими когда-либо землю, посылаю вамъ три-веселя.“ „Французскіе философы, которые, какъ думаютъ, подготовили французскую революцію, ошиблись можетъ-быть только въ одномъ; они думали, что проповѣдуютъ людямъ съ добрымъ сердцемъ и соотвѣтствующими желаніями, а вмѣсто того прокуроры, адвокаты и всѣ злодѣи прикрываются ихъ принципами, чтобы подъ этою мантией дѣлать самое ужасное, чтó дѣлало когда-либо самое страшное злодѣйство, и эта парижская каналья, покоренная самыми дикими преступленіями, смѣетъ говорить, что она свободна, въ то время, какъ она никогда не терпѣла болѣе жестокой и нелѣпой тиранніи. Голодъ и чума возвратятъ ей здравый смыслъ, и когда убійцы короля погибнутъ одинъ отъ другаго, тогда можетъ-быть будетъ больше надежды, что зародится новый порядокъ вещей.“

Екатерина предвидѣла, что республика не удержится во Франціи и что ее смѣнитъ монархія. „Конечно, не мои письма душатъ васъ теперь, писала она Гримму въ 1791 году, потому что они въ два послѣдніе года стали рѣже и менѣе длинны не за недостаткомъ матеріала, а вслѣдствіе обстоятельствъ, ибо я не люблю посылать ихъ въ отвратительное общество, васъ окружающее. Никогда не знаешь, живы ли вы среди убійствъ, рѣзни и безпорядковъ вертепа разбойниковъ, которые завладѣли правленіемъ Франціи и которые сдѣлаютъ изъ нея Галлію времянь Цезаря. Но Цезарь покорилъ ихъ! Когда придетъ этотъ Цезарь? О, онъ придетъ, не сомнѣвайтесь въ этомъ. Надо заглянуть въ исторію и посмотреть, спасалась ли страна когда-нибудь, кѣмъ-нибудь кромѣ истинно великаго человѣка, и послѣ этого открытія я предскажу, чтó будетъ съ Франціей. Персія разрушается около пятидесяти лѣтъ, и спаситель еще не появился. Россія по прекращеніи Рюрикова рода была спасена отъ сорока лѣтъ междоусобной войны тремя людьми, богачемъ, храбрецомъ и искуснымъ политикомъ; всѣ трое имѣли нужныя качества для успѣха въ

свое время. Какъ только первый князь изъ дома Романовыхъ былъ посаженъ на престолъ, неурядицы прекратились, не было больше причины для ссоры, мѣсто было занято. Знаете ли, что случится съ Франціей, если удастся сдѣлать изъ нея республику? Тогда всѣ пожелаютъ, чтобъ она стала вновь монархіей. Вѣрьте мнѣ, никому дворъ не нравится больше, чѣмъ республиканцамъ.“¹

По словамъ статсъ-секретаря Грибовскаго Екатерина говорила слѣдующее о французской революціи: „Мы не должны предать добродѣтельнаго короля въ жертву варварамъ. Ослабленіе монархической власти во Франціи подвергаетъ опасности всѣ другія монархіи. Древніе за одно утѣсненное правленіе воевали противу сильныхъ: почему же европейскіе государи не устремятся на помощь государю и его семейству, въ заточеніи находящемуся? Безначаліе есть злѣйшій бичъ, особливо когда дѣйствуетъ подъ личиною свободы, сего обманчиваго призрака народовъ. Европа вскорѣ погрузится въ варварство, если не послѣшать ее отъ онаго предохранить. Съ моей стороны я готова воспротивиться всѣми моими силами. Пора дѣйствовать и приняться за оружіе для устрашенія сихъ бѣснующихся! Благочестіе къ сему возбуждаетъ, религія повелѣваетъ, человѣчество призываетъ, а съ нимъ драгоцѣнныя и священныя права Европы сего требуютъ.“²

Одно неизвѣстное лицо сообщаетъ, что въ одинъ изъ тѣхъ пріятнѣйшихъ вечеровъ, которые императрица проводила въ Царскомъ Селѣ въ непринужденной бесѣдѣ съ особами, кои имѣли счастье быть къ ней приближенными, зашелъ разговоръ о волненіяхъ во Франціи. Екатерина предложила всѣмъ присутствующимъ изложить свои мысли на бумагѣ, и сама написала слѣдующее: „Лѣтописи протекшихъ временъ доказываютъ, что государства, опустошаемыя безначаліемъ и лютостями отъ онаго проистекающими, весьма опасны сосѣдственнымъ народамъ бывають. Безопаснѣе быть сосѣдомъ народа спокойнаго, въ богатствѣ, въ изобиліи и въ нѣгѣ живущаго, чѣмъ народа мятежнаго, гибелью и нищетою влекомаго къ отчаянію и къ презрѣнію жизни. Народъ, погруженный въ бѣдствія междоусобій, разоряя и пожирая собственную внутренность, извнѣ еще болѣе опасенъ.

¹ Сб. Ист. Общ., т. 23, стр. 479—481, 484, 488, 535, 537, 543, 551, 586, 603, 521.

² Грибовскаго Записки о Екатеринѣ Великой, стр. 51—55.

Онъ тогда только ничтожнымъ быть кажется, когда раздѣленные внутри партіи возстаютъ одна на другую, и взаимными пораженіями занимаютъ и изнуряютъ силы свои, рѣшительно не превозмогая одна другую. Но коль скоро произволеніемъ судьбы исчезнуть противодѣйствія сіи и явится власть, соединяющая противоборствовавшія силы во едино, и если она предуспѣетъ жестокостями утвердить неограниченное и слѣпое повиновеніе, а притомъ и воинство предуспѣетъ ободрить успѣхами и побѣдами: возвышаясь изъ казавшагося ничтожества, народъ тотъ произвестъ можетъ усилія, каковыхъ бы онъ въ спокойномъ и мирномъ положеніи явить не могъ. Успѣшная война, крамольнымъ народомъ произведенная противу двухъ сильныхъ монархій, повергнувшая всѣхъ сосѣдей въ трепеть; поражение и истребленіе многочисленныхъ ополченій, а паче завоеваніе богатыхъ и обширныхъ областей, и дѣлаго цвѣтущаго государства, ясно доказали, что можетъ въ свирѣпостяхъ хотя и изнуренный народъ, но движимый отчаяніемъ и изступленіемъ, соединеннымъ надеждой грабежа и обогащенія, предводимый предпримчивостью и сопровождаемый лютостями и безпощадою? Напротивъ того, возстановленіемъ законной власти, утвержденіемъ личной и имущественной безопасности, а паче введеніемъ непоколебимаго правосудія, возстановляются народы въ бытіе мирное и, приобретаая способы, поощряются охраненіемъ отъ насилія собственности къ мирнымъ и полезнымъ обществу трудамъ, коими народы обогащаются, а паче тѣ, кои, подобно Французамъ, столь щедро одарены природой и изобиліемъ отъ богатствъ земель своихъ. Государственное положеніе, не насильственное и не къ разоренію клонящееся, но водворяющее посреди народа миръ и спокойствіе, можетъ быть прочно основано и, бывъ руководимо правосудіемъ, продлится на долгое время. Но владычество, похищенное коварствомъ и лютостями и утвержденное тѣми же безчеловѣчными способами, ни твердо, ни продолжительно быть не можетъ: ибо свойство порочности есть собственное сокрушеніе, и злоупотребленіе власти истребляетъ власть.“¹

Французскій повѣренный въ дѣлахъ Жене продолжалъ хлопотать о томъ, чтобъ Екатерина приняла посредничество Франціи, но союзъ съ революціонною страной представлялся невозможнымъ. Нашъ посланникъ въ Парижѣ Симолинъ доносилъ, что возстаніе

¹ Русскій Архивъ 1865 года, стр. 1.282—1.284.

сопровождалось потрясающими сценами убійства, коего многія жертвы оказываются невинными. Жестокость французскаго народа посланникъ нашъ сравнивалъ съ ужасами, которые читаются въ описаніяхъ Варооломеевской ночи, съ тою разницею, что вмѣсто изступленія религіознаго, умы были одержимы политическимъ изувѣрствомъ, которое порождено войной и революціей въ Америкѣ. „Было бы мечтаніемъ, писалъ Симолинъ, рассчитывать теперь на союзъ и еще менѣе на политическое значеніе Франціи. Какъ бы новое министерство ни было сълочно въ пользу союза, предположеннаго ея императорскимъ величествомъ, оно не въ состояніи долго занять ее онымъ. Въ дѣлахъ, которыя у насъ теперь на плечахъ (война съ Турціей и Швеціей), Францію надо считать несуществующею. Я не смѣю подавать совѣты, однако считаю обязанностью предьявлять то, что вижу, и потому скажу, что какъ бы хорошо ни была къ намъ расположена Франція, но она не будетъ въ состояніи оказать намъ какую-либо услугу, и что ея союзъ съ Россійскою имперіей надо считать мечтой. Кромѣ того, французскій народъ, какъ видно, исполненъ отвращенія къ союзу съ австрійскимъ домою, и еслибы даже заключить намъ такой союзъ, онъ не будетъ имѣть значенія, такъ какъ министры обязаны теперь слѣдовать преобладающему направленію и внушеніямъ третьяго сословія. Если государынѣ нужны посредники, чтобъ удобнѣе окончить обѣ войны, которыя она ведетъ, то необходимо обратиться за ними куда-нибудь въ другую сторону. Нельзя не поразиться удивленіемъ при видѣ того, какъ въ продолженіе 36 часовъ уничтожилась французская монархія, и представителю ея пришлось подписать все, что дерзко и повелительно потребовано отъ него разнузданнымъ, жестокимъ и варварскимъ народомъ. И онъ еще счастливъ, что народъ соблаговолилъ удовольствоваться этимъ принесеніемъ себѣ въ жертву королевскихъ правъ и власти.“

Безбородко, стоявшій прежде за союзъ съ Франціей, согласился съ мнѣніемъ нашего посланника, и въ запискѣ, поданной въ 1790 году, говорилъ: „Происшествія во Франціи дѣйствительно отдаляютъ всякую возможность соединенія нашего съ бурбонскимъ дворомъ, которое одно бы только могло противоставить союзу Пруссіи съ Англіей и Голландіей; по крайней мѣрѣ надолго о томъ помышлять не должно. Итакъ, въ настоящее время наипаче надлежитъ стараться о приласканіи берлинскаго двора.“ Безбородко совѣтовалъ заключить миръ съ Швеціей и

Турціей, чрезъ посредство Пруссіи. Когда Жене въ разговорѣ съ вице-канцлеромъ выразилъ надежду, что по заключеніи мира съ Шведами Россія вернется въ союзъ съ Франціей, ему отвѣтили: „мы не сомнѣваемся въ дружбѣ короля, въ его добрыхъ намѣреніяхъ, въ прямотѣ его министерства, но теперь, когда духъ новшества дѣлаетъ у васъ такіе успѣхи, мы должны опасаться, что мудрая система короля встрѣтитъ враговъ въ самой Франціи?“¹

Это было въ началѣ 1790 года, когда Жене, какъ представителя короля, принимали еще при дворѣ; но вскорѣ послѣ этого, когда французскій повѣренный представлялъ плѣннаго Людовика XVI и затѣмъ республику, съ нимъ стали обращаться очень холодно и наконецъ дѣлали даже прямые оскорбленія. Этому способствовала перемена въ образѣ мыслей самого Жене; сначала онъ стоялъ на сторонѣ короля, удивляясь его добродѣтелямъ и отеческой добротѣ, но затѣмъ онъ сталъ помогать деньгами французской революціи и съ ненавистью смотрѣлъ на французскихъ эмигрантовъ, пріютившихся въ Россіи. „Чѣмъ больше увеличивается количество враговъ нашей конституціи, писалъ Жене, чѣмъ больше злонамѣренныя распространяютъ противъ насъ свою желчь, чѣмъ больше устраиваютъ интригъ, чтобы задушить нашу зарождающуюся свободу, тѣмъ больше воспламеняется мой патриотизмъ. Еслибы моя обязанность не представляла меня оставаться здѣсь, я исполнилъ бы другую обязанность, устремившись на защиту нашихъ границъ со всѣми великодушными гражданами, рѣшившимся сдѣлать изъ своего тѣла плотину противъ чужестраннаго нашествія. Но если я не могу побѣдить, или умереть съ ними, я могу помогать государству содержать солдатъ свободы. Мой первый патриотическій взносъ былъ въ 1.000 франковъ, недавно я сдѣлалъ второй, въ 600 франковъ. У меня была лишнія вещи, я продалъ ихъ и прошу передать кому слѣдуетъ прилагаемый при семь вексель на 600 франковъ; деньги эти предназначаются на содержаніе на границахъ національной гвардіи.“

Патриотизмъ Жене очень не нравился Екатеринѣ. Не признавая республиканской Франціи, она запрещала своимъ подданнымъ ѣздить въ Парижъ и въ сентябрѣ 1791 года отказалась принять Жене. Безбородко писалъ слѣдующее своему племяннику

¹ *Сб. Ист. Общ.*, т. 29, стр. 55, 525.

Бочубею, собиравшемся ѣхать во Францію: „Вы напрасно на меня неняете за молчаніе по содержанію письма вашего, гдѣ вы требовали monkъ рекомендацій въ Парижъ. Молчаніе мое было основано на томъ соображеніи, что вояжъ вашъ въ сей городъ весьма былъ некстати. Давно запрѣщено нашихъ отпускать въ землю, толь развращенными началами управляемую, и дано приказаніе г. Симолину всѣхъ оттуда выслать. Письмо ваше дошло въ такое время, когда уже у насъ помышляли было о средствахъ къ пособію государю и его семейству, угнетеннымъ взбунтовавшимися его подданными. Съ прекращеніемъ нашихъ хлопотъ съ Пруссіей и Англіей и закончаніемъ прелиминарій съ Портой идетъ дѣло между нами, вѣнскимъ, берлинскимъ, стокгольмскимъ, туринскимъ, неаполитанскимъ и мадридскимъ дворами о принятіи мѣръ прекратить зло во Франціи и законное правленіе монарха возстановить. Кстати ли было бы вамъ туда ѣхать? Ежели вы рѣшитесь вояжировать въ Италію, внутри Германіи, я письма пришлю; а во Францію выѣхать не можете и не должны, ибо инако вы подвергнете себя опасности не только не употреблену быть никогда въ дѣло, но иногда и секвестру имѣнія. Я столько добрыхъ имѣю о васъ мыслей, что и думать не смѣю, чтобы вы хотя малѣйше заразились духомъ разврата французскаго; и потому увѣренъ, что вы, зная положеніе дѣлъ, теперь планъ путешествія вашего пережвните. Женету объявлено, чтобъ онъ у двора не являлся, ибо здѣсь имѣютъ дѣло съ королемъ, а не съ собраніемъ, законную власть своевольно уничтожившимъ. Въ Швеціи, Вѣнѣ и Неаполѣ то же учинено.“¹

Въ письмѣ министру иностранныхъ дѣлъ Монморену Жене сообщалъ слѣдующее о нанесенномъ ему оскорбленіи: „Императрица, увлеченная интригами многочисленныхъ враговъ нашей конституціи, приказала своимъ министрамъ такое со мной обращеніе, примѣръ котораго поданъ Вѣнскимъ дворомъ. Вчера я отправился на обычное еженедѣльное совѣщаніе съ графомъ Остерманомъ (вице-канцлеромъ). Министръ отвелъ меня въ сторону и сказалъ съ видомъ искренняго сожалѣнія, что онъ получилъ приказаніе намекнуть мнѣ, чтобъ я пересталъ появляться при дворѣ въ виду положенія Франціи и плѣна, въ которомъ находится король. Я протестовалъ противъ этого поступка и, удалившись къ себѣ, написалъ письмо вице-канцлеру, коию съ

¹ Сб. Ист. Общ., т. 29, стр. 125.

котораго прилагаю. Такъ какъ весь дипломатическій корпусъ былъ свидѣтелемъ моего разговора съ графомъ Остерманомъ и того, что я ушелъ отъ него, не оставшись обѣдать, я счелъ нужнымъ сообщить извлеченіе изъ моего письма дворямъ дружественнымъ Франціи.“ Въ своемъ протестѣ Жене старался опровергнуть фактъ, что Людовикъ XVI находится въ плѣну у революціонеровъ. „1) Фактъ, о которомъ вы говорите, пишетъ онъ, находится въ противорѣчій съ декретами представителей французской націи, созванныхъ королемъ, которые сохранили монархическую конституцію и вновь объявили по возвращеніи короля въ столицу (послѣ его неудачнаго бѣгства), что особа короля священна и неприкосновенна, изъ чего видно, что пребываніе короля въ Парижѣ не можетъ быть недобровольнымъ. 2) Такъ какъ я въ 1789 году былъ аккредитованъ при дворѣ императрицы по приказанію короля, то, исходя изъ нашихъ принциповъ и изъ тѣхъ, которые должны быть соблюдаемы всѣми монархіями, отказывать отъ двора представителю французскаго министра при государынь—это значитъ оскорблять достоинство короля и нераздѣлимой отъ него націи. По этимъ двумъ соображеніямъ я долженъ былъ протестовать самымъ энергическимъ образомъ противъ подобнаго обращенія. Мнѣ остается только довести это до свѣдѣнія своего министерства. Въ ожиданіи приказанія я остаюсь въ Петербургѣ, не сомнѣваясь, что императрица будетъ скоро освѣдомлена относительно настоящаго положенія вещей въ моей родиѣ и относительно пользы для нея продолжать доброе согласіе, которое къ счастью установилось было между Франціей и Россіей.“

Надежды Жене были конечно совершенно напрасны. Съ нимъ не только не вступали ни въ какіе переговоры, но, считая его подозрительнымъ лицомъ, отдали его подъ надзоръ полиціи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая записка Жене къ петербургскому губернатору Коновницыну отъ 24 сентября 1791 года: „Жене, извѣщенный самымъ достовѣрнымъ образомъ, что полицейскіе агенты слѣдятъ за каждымъ его шагомъ, стараются получить отъ его людей свѣдѣнія о такихъ вещахъ, которыхъ онъ нисколько не скрываетъ, и своими неловкими разслѣдованіями возбуждаютъ любопытство сосѣдей, имѣеть честь довести до свѣдѣнія г. губернатора, что онъ приказалъ своимъ служителямъ давать точный отчетъ не только въ его вѣншихъ дѣйствіяхъ, но и внутреннихъ всѣмъ, кто пожелаетъ это знать. Жене не

боялся, не боится и никогда не будет бояться никакого шпіонства, но онъ огорченъ тѣмъ, что оно существуетъ еще въ Россіи въ царствованіе бессмертной Екатерины. Онъ думалъ, что эти маленькія средства существуютъ только для несчастныхъ монарховъ, живущихъ подъ вѣчнымъ страхомъ, а не для сильныхъ, пользующихся непримѣрною славой, любовью своихъ подданныхъ, удивленіемъ и уваженіемъ всѣхъ народовъ.“¹

Когда 14 сентября 1791 года Людовикъ XVI присягнулъ конституціи, Екатерина была возмущена его слабостью. Безбородко совѣтовалъ не принимать официального извѣщенія объ этомъ событіи и прекратить сношенія съ Франціей, выслать Жене. Онъ подалъ по этому поводу записку, въ которой говорилъ: „О соглашеніи короля французскаго на предложенную ему конституцію, безъ сомнѣнія, получить Женеть депешу отъ Монморена, или съ курьеромъ, или съ завтрашней почтой. По поводу сего, осмѣлюсь доложить вашему величеству, что хотя вице-канцлеръ третьяго дня и сообщалъ мнѣ свое разсужденіе, чтобы, не принимая самого Жене, принять однакожь пакетъ, буде онъ пришлетъ съ подобнымъ тому сообщеніемъ, но я не могу быть одного съ нимъ мнѣнія. Положимъ, что о семъ странномъ соглашеніи короля на конституцію надлежитъ предварительно государямъ снестися, какъ его разумѣть: добровольнымъ ли, или вынужденнымъ у невольника въ цѣну хотя малой свободы, да и сообразить съ происшествіями и полномочіями, отъ него другимъ данными. Съ нашей однакожь стороны отклонить всякое сообщеніе есть способъ самый сходственный, именно: въ персонѣ Жене и его неистовомъ поведеніи, оказанномъ чрезъ протестацію на самое вѣжливое внушеніе вице-канцлеромъ сдѣланное, и для того не повелите ли ваше величество, чтобы вице-канцлеръ не только не допустилъ къ себѣ Жене, но и приказалъ пакета его не принимать, объявивъ послу и всѣмъ интересованнымъ въ дѣлѣ министрамъ, что онъ, послѣ происшедшаго у него съ Жене, не можетъ имѣть съ нимъ дѣла. Если бы паче чаянія случилось, что дѣла съ Франціей остались и въ той же разстройкѣ, то, по крайней мѣрѣ, дворъ ихъ долженъ будетъ прислать иного человѣка на смѣну шалууну; а можетъ-быть надобно будетъ, когда сей уѣдетъ, согласиться съ другими принять ли новаго.“²

¹ Recueil, IX, 511—512.

² Сб. Ист. Общ., т. 29, стр. 547.

Мнѣніе Безбородко было одобрено императрицей, но около года не принимали рѣшительныхъ мѣръ противъ Жене, ожидая вѣроятно, что онъ уѣдетъ самъ. Французскій повѣренный сер-дился и, ослѣпленный гнѣвомъ, рассказывалъ небылицы про императрицу и Россію. Въ этомъ отношеніи очень интересно его донесеніе отъ 8 ноября 1791 года: „Вы видѣли изъ моей предъ-идущей депеши, пишетъ Жене, до какой степени эта тщеслав-ная и высокоумѣнная женщина (Екатерина) обманута льстецами насчетъ своихъ силъ и финансоваго положенія. Зablужденіе ея таково, что она полагаетъ, будто природа не положила предѣ-ловъ человѣческому величію, и вмѣсто того, чтобы излѣчить раны, которыя самая несообразная война оставила въ ея импе-рін, вмѣсто того, чтобы развивать торговлю, искусство, земледѣ-ліе и поддерживать свое вліяніе путями справедливости и умѣ-ренности, она предается самому разнузданному честолюбію. Но если она не видитъ пропасти, разверзающейся подъ ея ногами, я пролью на это нѣкоторый свѣтъ, чтобы показать вамъ всю глубину этой пропасти. Троякаго рода революція угрожаетъ этой имперіи. Крестьяне, среди которыхъ Екатерина II неблагораз-умно распространила идеи свободы въ то время, когда она при-держивалась принциповъ новой философіи, какъ теперь придержи-вается принциповъ деспотизма, крестьяне, говорю я, близки къ тому, чтобы свергнуть иго своихъ господъ. Школы увеличи-ваютъ ежедневно число грамотныхъ. Они пожираютъ сообщенія о французскихъ событіяхъ, печатаемые въ русскихъ газетахъ. Я видѣлъ нѣсколькихъ крестьянъ, плакавшихъ отъ радости, когда узнали, что король призналъ конституцію; я слышалъ, какъ дру-гіе говорили съ энтузіазмомъ, что если ихъ сыновья, братья или родственники будутъ посланы сражаться съ Французами, они бу-дутъ заклпнать ихъ во имя всего самага дорогаго стрѣлять на воздухъ. Путешественники, пріѣхавшіе изъ Москвы, увѣрили меня, что тамъ народъ еще болѣе расположенъ къ намъ, чѣмъ здѣшніе жители. Подобныя же сообщенія дѣлаются мнѣ изнутри Россіи; это доказываетъ, что въ Россійской имперіи есть настоящій зародышъ демократіи. Большинство русскихъ вельможъ, по смерти Петра II, имѣли намѣреніе обратить правительство въ респуб-лику знати; но встрѣтивъ препятствія по всей вѣроятности въ недостаточности своего ума, они согласились принять бразды правленія, оставивъ имя и отличія верховной власти кому-нибудь изъ императорской фамліи; они выбрали Анну Іоанновну. Они

полагали, что могут держать ее въ своей зависимости, но ошиблись, позволили устранить себя, и съ тѣхъ поръ монархи съумѣли держать ихъ въ кандалахъ. Но близкія отношенія, въ которыхъ я находился со знатью, убѣдили меня, что они только выжидаютъ удобнаго случая, чтобы сбросить оковы. Наша революція не будетъ служить имъ примѣромъ; они находятъ ее несомѣстимою съ крѣпостнымъ правомъ; они желали бы подражать Польшѣ, и надо сознаться, наша конституція, которая можетъ управлять только народомъ очень кроткимъ и просвѣщеннымъ, имъ не подходитъ. Третій рычагъ революціи таится въ сердцѣ великаго князя. Этотъ принцъ, беспокойный, мстительный, недовольный своимъ положеніемъ, въ ссорѣ съ императрицей. Онъ живетъ въ удаленіи со своею фавориткой, Нелидовой, и на ней, такъ же какъ на великой княгинѣ, вымещаетъ свое дурное расположеніе духа. Многие увѣрены, что еслибъ его подозрительный и недовѣрчивый характеръ не удалилъ отъ него всѣхъ, кто могъ бы служить ему, онъ уже завладѣлъ бы престоломъ. Надо очень сильную голову, чтобы справиться со столькими бурями, чтобы восстановить порядокъ во всѣхъ частяхъ управленія, чтобы предупредить банкротство, устраняемое однимъ только деспотизмомъ, чтобы сдерживать армію, которую Потемкинъ желалъ привязать къ себѣ и которую онъ развратилъ, чтобы поддерживать столь тяжелую ношу, и къ несчастію самолюбіе императрицы убѣждаетъ ее, что ея силъ хватить на все это. Потемкинъ былъ лѣнивъ, но несмотря на всѣ его недостатки, онъ былъ настоящею опорой всего зданія, и паденіе его потрясло всю имперію. Анархія въ полномъ разгарѣ, интриги при дворѣ до того развились, что въ нихъ съ трудомъ разбираются самые опытные придворные. Итакъ, не будемъ пугаться скоропреходящаго метеора, какова эта держава, имя которой мы едва знали раньше чѣмъ Петръ Великій вырвалъ ее изъ хаоса.“

Въ апрѣлѣ 1792 г. Женѣ понялъ наконецъ, что ему лучше уѣхать изъ Петербурга, гдѣ не хотятъ признавать французскаго правительства. Въ мартѣ король Шведскій Густавъ III валь жертвой аристократическаго заговора, но въ Россіи распространился слухъ, что это дѣло Якобинцевъ. „Наши эмигранты, доносили Женѣ, поддерживаютъ этотъ гнусный слухъ, и они съумѣли придать этой клеветѣ наружный видъ правды, такъ что, говоря, на границѣ арестовали нѣсколько Французовъ, поручили одному только Нѣмцу-повару готовить обѣдъ императрицѣ и со-

братятся сдѣлать у меня обыскъ. Изъ всѣхъ этихъ негѣпостей происходитъ то, что тѣ, которые оказывали мнѣ гостепріимство, не смѣютъ больше видѣться со мной. Таково мое положеніе. Твердость моя будетъ на высотѣ достоинства націи, но умоляю васъ принять во вниманіе, что, оставляя меня въ скандальномъ положеніи, въ какомъ я нахожусь вотъ уже восемь мѣсяцевъ, національная честь можетъ быть ежеминутно компрометтирована.“

Дѣйствительно, съ французскимъ повѣреннымъ обращались крайне грубо. Онъ все еще надѣялся, что русское правительство приметъ письмо конституціоннаго короля, а потому послалъ своего чиновника Муассонье просить свиданія съ Остерманомъ. Муассонье отправился въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и съ большимъ трудомъ добился увидѣть Вейдемейера, правителя канцеляріи совѣта при ея величествѣ. Онъ подстерегъ его, когда тотъ выходилъ изъ кабинета министра. Но когда чиновникъ объяснилъ, что пришелъ отъ имени Жене, Вейдемейеръ повернулся къ нему спиной. Муассонье пошелъ за нимъ въ канцелярію и тутъ получилъ отвѣтъ, что неизвѣстно присланъ ли онъ дѣйствительно французскимъ повѣреннымъ. Когда Муассонье подалъ ему записку Жене, Вейдемейеръ сказалъ, что просьба его уважена быть не можетъ, потому что Жене больше не признаютъ представителемъ Франціи.

Другая неприятная сцена произошла у графа Воронцова, вице-президента коллегіи коммерціи. Къ нему явился Бюлло, завѣдывавшій дѣлами кронштадтскаго вице-консульства, чтобы сообщить ему о новомъ законѣ, касавшемся коммерческихъ судовъ. Между русскимъ министромъ и французскимъ агентомъ произошелъ слѣдующій разговоръ.

Воронцовъ. Что вамъ угодно, милостивый государь?

Бюлло. Я пришелъ, графъ, чтобы сообщить вамъ...

Воронцовъ (грубо прерывая его). Никакихъ сообщеній, милостивый государь; мы не можемъ и не желаемъ выслушивать никакихъ сообщеній отъ теперешней Франціи.

Бюлло. Национальное собраніе...

Воронцовъ. Ни слова о національномъ собраніи, ни слова о націи, мы этого не знаемъ.

Бюлло. Но, графъ, это по приказанію короля.

Воронцовъ (съ презрительнымъ смѣхомъ). Вашъ король въ заключеніи, онъ не можетъ давать приказаній, вмѣсто него царствуетъ анархія.

Бюльо (подавая бумагу). Однако для безопасности французской навигаціи, гарантированной торговымъ трактатомъ, важно, чтобы вы по крайней мѣрѣ просмотрѣли эту бумагу.

Воронцовъ (съ ужасомъ отворачивая голову). Я ничего не хочу просматривать. Положите поскорѣе эту бумагу въ карманъ, я требую этого, поскорѣе.

Несмотря на просьбу Жене, его не отзывали, а потому наша коллегія иностранныхъ дѣлъ подала ему 8 іюля 1792 г. слѣдующую ноту: „Беспорядокъ и анархія, царящіе съ нѣкотораго времени во Франціи, въ ущербъ законной власти, обнаруживаясь ежедневно все новыми излишествами, заставляютъ, наконецъ, Русскій Императорскій Дворъ прервать сношенія съ этимъ королевствомъ до тѣхъ поръ, пока христіаннѣйшій король не будетъ восстановленъ въ правахъ и прерогативахъ, назначенныхъ ему законами Божескими и человѣческими. По этимъ соображеніямъ императрица, отозвавъ изъ Парижа своего полномочнаго министра, а затѣмъ и повѣреннаго въ дѣлахъ, остававшагося тамъ нѣкоторое время, считаетъ точно также, что присутствіе Жене стало не только излишнимъ, но и невыносимымъ. Вслѣдствіе этого министерство ея величества имѣетъ приказаніе объявить г. Жене, что онъ въ теченіе недѣли имѣетъ оставить столицу и русское государство какъ можно скорѣе. Петербургскому губернатору, Коновницыну, дано приказаніе облегчить его отъѣздъ и путешествіе; къ нему г. Жене можетъ обратиться за паспортами для себя и своихъ людей.“ Въ теченіе недѣли Жене дѣйствительно выѣхалъ изъ Петербурга. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ выразилъ свой гнѣвъ въ слѣдующихъ словахъ, адресованныхъ Жене: „Если что удивило меня въ поведеніи этого дерзкаго двора, это то, что вамъ раньше не предъявили деклараціи о выѣздѣ. Дѣйствительно, казалось очень страннымъ, что Екатерина II, годъ тому назадъ отозвавшая изъ Франціи своего посланника, терпѣла въ своей столицѣ друга свободы, принципы котораго должны были казаться очень странными среди окружавшихъ ее сатраповъ и рабовъ.“

Послѣ отъѣзда Жене въ Петербургъ оставался только одинъ официальный представитель Франціи Пато д'Орфланъ, повѣренный въ дѣлахъ консульства. Въ инструкціи ему данной Жене говорятъ: „Я имѣю основаніе думать, что разрывъ нашихъ политическихъ сношеній съ Россіей не повлечетъ за собою разрыва коммерческихъ сношеній съ этою державой и что лица, исправ-

ляющія обязанности французскихъ консуловъ, останутся на своихъ мѣстахъ.“ Жене ошибался. Черезъ годъ послѣдній официальный представитель Франціи въ Петербургѣ долженъ былъ уѣхать. Дѣйствіе торговаго трактата было прервано до тѣхъ поръ, пока во Франціи не будетъ восстановлена законная власть. Французскимъ судамъ запрещено было входить въ русскіе порты, русскимъ купцамъ возить свои товары во французскіе порты; всѣмъ русскимъ подданнымъ, проживающимъ во Франціи, приказано немедленно выѣхать изъ республики. ¹

Разрывомъ закончился пятый періодъ нашихъ сношеній съ Франціей, о которомъ Рамбо говоритъ: „Три восточныя государства, потерпѣвши цѣлый рядъ поражений, не имѣютъ больше почти никакого значенія для нашей политики; наше правительство, употребляя похвальные усилія для сохраненія остатковъ этихъ государствъ, думаетъ опереться на союзъ болѣе крѣпкій, на союзъ съ державой, побѣдившею ихъ и отнявшею у нихъ часть территоріи. Наше правительство отказывается отъ своихъ вѣковыхъ предразсудковъ и антипатіи къ Россіи, искренно сближается съ Екатериной II и вмѣстѣ съ ней составляетъ систему охранительной политики, предназначенную поддерживать европейское равновѣсіе, противъ честолюбія Австріи, противъ интригъ Пруссіи и противъ морской тиранніи Англіи. Этотъ періодъ заканчивается уничтоженіемъ абсолютнаго королевства во Франціи. Революція, ослабивъ королевскую власть, сдѣлала французскій союзъ менѣе интереснымъ для Екатерины, заставила ее скоро искать союзниковъ среди нашихъ враговъ.“ ² Несомнѣнно, что союзъ Екатерины II съ Людовикомъ XVI былъ возможенъ: Франція, сознавая собственную слабость и силу Россіи, не рѣшалась энергически вступаться за Польшу и Порту. Но Франція не хотѣла и не могла способствовать завоевательнымъ планамъ Екатерины, какъ то дѣлалъ Фридрихъ Великій въ Польшѣ и Иосифъ II въ Турціи. Восточный вопросъ все же оставался тѣмъ сомнительнымъ пунктомъ, на который указывали противники франко-русскаго союза.

¹ Vesneil, IX, 518—546.

² Рамбо, издавая документы до французской революціи, дѣлитъ на періоды исторію нашихъ сношеній съ Франціей только до конца XVIII вѣка, поэтому пятый періодъ у него послѣдній.

XXXII.

Императоръ Александръ I вступилъ на престолъ въ трудную минуту. Россія была изолирована, она была въ ссорѣ съ Австріей, въ дурныхъ отношеніяхъ съ Англіей и Пруссіей, въ войнѣ съ Франціей. Завоевательные планы Наполеона Бонапарта, провозглашеннаго первымъ консуломъ французской республики, уже ясно обозначались: полъ разными предлогами онъ вмѣшивался во внутреннія дѣла европейскихъ государствъ, подчинялъ ихъ своему вліянію, сумѣлъ изъ Голландіи и Швейцаріи сдѣлать республики, подчиненныя Франціи. Одерживая непрерывныя побѣды надъ коалиціями, боровшимися противъ революціонной Франціи, онъ покорилъ часть Германіи, почти всю Италію, Сардинскаго короля изгнавъ изъ его владѣній, занявъ Неаполитанское королевство и островъ Мальту.

Екатерина II, занятая войнами со Швеціей и Турціей, не рѣшилась принять участіе въ европейской коалиціи противъ Франціи. Павелъ I послѣ нѣкотораго колебанія соединился съ Австріей; результатомъ этого рѣшенія былъ знаменитый походъ Суворова. Походъ этотъ, во время котораго австрійскія войска плохо помогали намъ, поссорилъ насъ съ Австріей, съ которою Павелъ прекратилъ дипломатическія сношенія. Съ конца 1800 г. по инициативѣ Наполеона начинаются переговоры о мирѣ и даже о союзѣ съ Россіей. Въ началѣ 1801 г. отправленъ былъ въ Парижъ Колычевъ, который выработывалъ тамъ проектъ мирнаго договора и конвенціи съ Франціей.¹

По вступленіи на престолъ Александръ Павловичъ возобновилъ сношенія съ Австріей, заключилъ договоръ съ Англіей и послалъ въ Парижъ дипломата екатерининскаго времени гр. Моркова для окончательнаго примиренія съ Франціей. Въ инструкціи Моркову высказана политическая программа, которой намѣрень былъ слѣдовать государь, и ясно засвидѣтельствовано его искреннее миролюбіе. „Рѣшаясь продолжать переговоры, начатыя съ Франціей въ концѣ прошлаго года, говоритъ Александръ I (27 іюня 1801 г.), я руководился двумя соображеніями, съ одной стороны, я желалъ бы

¹ О сношеніяхъ съ Франціей при Павлѣ I см. предисловіе профессора Трачевскаго къ 70 тому *Сборника Истор. Общества*.

утвердить въ моей имперіи миръ и спокойствіе, необходимыя для возстановленія порядка въ различныхъ частяхъ управленія; съ другой стороны, я желалъ бы содѣйствовать, насколько это въ моей власти, ускоренію окончательнаго замиренія, которое дало бы по крайней мѣрѣ Европѣ время возстановить социальное зданіе, потрясенное до самаго основанія, если Провидѣніе еще не позволитъ уничтожить самый источникъ бѣдствій, угнетающихъ человечество. Первый предметъ изъ числа такихъ, которые могутъ быть достигнуты, если соединить твердость со справедливостью и умѣренностью. Отвѣты разныхъ дворовъ Европы на первыя сообщенія моего министерства и счастливый исходъ моихъ переговоровъ съ цѣлью прекратить распри на Сѣверѣ, подають мнѣ даже надежду, что мои подданные будутъ наслаждаться безмятежно прелестями спокойнаго и безопаснаго положенія. Но второй предметъ, на который я только-что указалъ, обнимаетъ столь обширный планъ и можетъ быть отдаленъ, благодаря разнымъ превратностямъ, которыхъ я не скрываю отъ себя, и многочисленнымъ затрудненіямъ со стороны самихъ державъ, на содѣйствіе которыхъ можно бы вполнѣ рассчитывать. Если первый консулъ французской республики будетъ продолжать поддерживать и укрѣплять свою власть путемъ ссоръ и смутъ, волнующихъ Европу; если онъ не сознаетъ, что могущество, основанное на несправедливости, всегда непрочно, потому что оно внушаетъ ненависть и узакониваетъ возмущенія; если онъ дастъ увлечь себя потоку революціи; если, наконецъ, онъ доврится только счастью, война можетъ продолжаться. Германія и Италія по очереди будутъ подвергаться игу республики, и при такомъ порядкѣ вещей мои старанія о возстановленіи всеобщаго спокойствія могутъ быть поддержаны лишь весьма слабо, а потому и мой уполномоченный во Франціи долженъ будетъ ограничиваться наблюденіемъ за ходомъ управленія и заниматься пустяками, покуда болѣе благоприятныя обстоятельства не позволятъ прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. Но еслибы первый консулъ, лучше понимая свои истинные интересы и сознавая истинную славу, захотѣлъ залѣчить раны революціи и построить свою власть на болѣе прочныхъ основахъ, уважая независимость правительства, то много соображеній величайшей важности заставили бы его желать искренняго согласія съ Россіей и присланія средствъ къ возстановленію равновѣсія въ Европѣ. Тогда это спасительное дѣло будетъ зависѣть преимущественно отъ успѣха вашихъ стараній,

и начатые въ Парижѣ переговоры могутъ повести къ самымъ утѣшительнымъ результатамъ. Несомнѣнно, что въ царствованіе покойнаго императора консулъ имѣлъ преимущественно въ виду приобрести поддержку моего отца противъ Великобританіи, а теперь онъ, можетъ-быть, только старается выиграть время, чтобы узнать мою систему и смотря по тому направлять свои политическія дѣла, не обращая вниманія на обязательства, которыя онъ можетъ заключить въ промежутокъ этого времени. Отъ его дальнѣйшаго поведенія будетъ зависѣть мое сужденіе объ этомъ предметѣ; а покуда справедливая осторожность не позволяетъ мнѣ выразить его. Тѣмъ не менѣе, желая ничего не упустить для того, чтобы возвратить французское правительство на путь справедливости и установить такимъ образомъ нѣкоторое довѣріе въ переговорахъ, вамъ необходимо будетъ сообщить Бонапарту начала, которыя управляютъ всѣми моими сношеніями съ иностранными державами. Уважая независимость націй, я никогда не приму никакого участія въ ихъ внутреннихъ раздорахъ, и какова бы ни была форма избраннаго ими правленія по общему желанію, онѣ могутъ находиться въ полномъ согласіи съ моею имперіей до тѣхъ поръ, покуда у нихъ будетъ господствовать тотъ же духъ справедливости. Принимая бразды правленія, я оказался связаннымъ политическими обязательствами, изъ которыхъ многія прямо противорѣчили интересамъ имперіи, а другія были несовмѣстимы съ географическимъ положеніемъ и взаимными выгодами договаривающихся сторонъ. Тѣмъ не менѣе, желая подать слишкомъ рѣдкій примѣръ уваженія къ публичному обѣщанію, я взялъ на себя тягостную задачу выполнить эти обязательства, насколько это въ моей власти и насколько нерушимый и священный законъ блага моихъ подданныхъ позволитъ мнѣ это. Вотъ почему Европа видѣла, что я былъ готовъ поддерживать моихъ союзниковъ силой оружія въ дѣлѣ чуждомъ интересамъ моей имперіи, но къ которому она присоединилась до моего востшествія на престолъ. Мое твердое заступничество за короля обѣихъ Сицилій (или Неаполитанскаго), безо всякой прямой выгоды, есть также неопровержимое доказательство моей вѣрности правилу, что нужно подавать примѣръ того, чего требуемъ отъ другихъ. Если я думаю, что истинное величіе, которое должно быть достоинствомъ трона, основывается на справедливости и довѣрїи, я точно также убѣжденъ, что оно должно сопровождаться твердостью; и всякое покушеніе на права моихъ подданныхъ и моего

престола, всякое нарушеніе обязательствъ, заключенныхъ имперіей вѣренною мнѣ Провидѣніемъ, положить конецъ тому плану умѣренности, который я себѣ предначерталъ. Полное прекращеніе всѣхъ политическихъ сношеній между Россіей и Австріей продолжалось болѣе десяти мѣсяцевъ, когда неисповѣдимая воля Провидѣнія призвала меня на престолъ. Убѣжденный, что только союзъ великихъ державъ можетъ возстановить миръ и общественный порядокъ, возмутители котораго радовались этому разрыву, я прежде всего постарался обмануть ихъ надежду, выразивъ вѣнскому двору искреннее желаніе предать все прошлое забвенію и возобновить древнія связи, взаимныя выгоды которыхъ доказаны долгими годами. Какова бы ни была моя привязанность къ этой системѣ, она все-таки не заставитъ меня отказаться отъ начала справедливаго равновѣсія между монархіями австрійскою и прусскою, котораго требуетъ безопасность Россіи и одною изъ моихъ дѣятельнѣйшихъ заботъ будетъ слѣдить за соблюденіемъ этого равновѣсія. Подозрѣніе, что можетъ составиться новая коалиція противъ Франціи, могло бы побудить ея правительство къ новымъ насиліямъ, которыя продлили бы общественныя бѣдствія, снова возгнли и войну. Итакъ, вамъ надобно будетъ приложить всѣ старанія, чтобы разрушить подобное мнѣніе и увѣрить перваго консула самымъ положительнымъ образомъ, что въ моемъ сближеніи съ дворами вѣнскимъ и лондонскимъ нѣтъ никакой враждебной цѣли, что ни тотъ ни другой не дѣлалъ мнѣ никакихъ предложеній наступательнаго союза, и что я какъ нельзя болѣе далекъ отъ мысли содѣйствовать ему, покуда французскому правительству самому угодно будетъ уважать права и независимость моихъ союзниковъ. Всѣ мои заботы и усилія направлены къ одной цѣли, къ возстановленію мира и спокойствія, и для нея я всегда готовъ буду войти въ соглашеніе съ первымъ консуломъ. Оттоманская Порта была доселѣ вѣрна своимъ обязательствамъ относительно Россіи, и я не имѣю никакого повода жаловаться на нее. Но когда Египетъ будетъ освобожденъ отъ французскаго ига (событіе, которое вѣроятно совершится скоро), то не нужно особеннаго дара предвидѣнія, чтобъ опасаться, что ненависть къ христіанскому имени пробудится въ Константинополѣ и приметъ серьезный характеръ противъ насъ. Но что бы ни было, дѣло не станетъ за моею готовностью предупреждать всякій поводъ къ недоразумѣнію между моею имперіей и Оттоманскою Портой. Далекій, какъ въ силу

моихъ правилъ, такъ и въ силу моей естественной склонности ото всякихъ плановъ завоеванія и захвата, убѣжденный, что это честолюбіе должно быть чуждо государю обширной имперіи, одаренной величайшими благами природы и заключающей въ собственныхъ нѣдрахъ всѣ источники народнаго благосостоянія со всѣми задатками силы и могущества, я буду основывать свою политическую систему всегда на томъ, чтобы содѣйствовать всѣмъ зависящими отъ меня средствами сохраненію государства, слабость и дурное правленіе котораго служатъ драгоценнымъ залогомъ безопасности. Изъ набросанной мной картины вытекаетъ слѣдующее: какъ общій интересъ, такъ и выгоды моей имперіи порождаютъ во мнѣ желаніе прочно соединиться съ дворами вѣнскимъ, лондонскимъ и германскимъ. Во всякомъ случаѣ я расположенъ сойтись съ первымъ консуломъ насчетъ мѣръ къ возстановленію европейскаго равновѣсія, если только онъ оцѣнитъ честность моихъ намѣреній.“¹

Александръ Павловичъ отказывался отъ принципа, которому слѣдовала Екатерина и вся Европа конца прошлаго вѣка, отъ коалиціи противъ Франціи только потому, что она республиканская страна; борьба съ революціей была тѣмъ болѣе излишня, что первый консулъ Бонапартъ былъ фактически полновластнымъ императоромъ и недалеко былъ тотъ день, когда онъ долженъ былъ принять этотъ титулъ. Александръ I желалъ способствовать замрению Европы и готовъ былъ сойтись съ Бонапартомъ, но лишь подъ условіемъ, чтобъ онъ отказался отъ своей завоевательной политики. Но такъ какъ воинственные замыслы были слишкомъ очевидны, въ Петербургѣ не могли относиться къ нему безъ недоувѣрчивости, которая скоро нашла себѣ полное оправданіе.

Моркову поручили не только заключить мирный договоръ съ Франціей, но и потребовать отъ французскаго правительства гарантій въ пользу утѣсненныхъ имъ державъ, главнымъ образомъ, чтобы войска были выведены изъ неаполитанскаго королевства и сардинскій король возстановленъ на престолѣ. Переговоры были уже достаточно подвинуты Колычевымъ, и въ сентябрѣ Морковъ нашелъ возможнымъ подписать два документа, мирный договоръ и секретную конвенцію. По Люневильскому миру, заключенному въ 1801 году, лѣвый берегъ Рейна отошелъ къ Франціи; въ за-

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 70, стр. 201—220.

иѣтъ уступленной территоріи въ 1.150 кв. миль, германскіе владѣтели требовали вознагражденія, именно секуляризаціи нѣкоторыхъ церковныхъ владѣній и уничтоженія нѣкоторыхъ вольныхъ городовъ. По франко - русской конвенціи обѣ державы обязались сообща въ полномъ согласіи покончить дѣло о вознагражденіи германскихъ владѣльцевъ, сохранять при этомъ справедливое равновѣсіе между домами австрійскимъ и бранденбургскимъ; соблюдать искреннее согласіе и сообщать другъ другу свои намѣренія относительно устройства Италіи. Наполеонъ обязывался при русскомъ посредничествѣ открыть въ скорости мирныя переговоры съ Турціей, сохранить неприкосновенность владѣній короля обѣихъ Сицилій, и какъ скоро судьба Египта будетъ рѣшена, вывести французскія войска изъ неаполитанскаго королевства. Обѣ державы обязались заняться дружески и доброжелательно интересами короля сардинскаго, и вообще какъ можно скорѣе утвердить всеобщій миръ, возстановить должное равновѣсіе въ различныхъ частяхъ свѣта, обезопасить свободу морей и дѣйствовать согласно, убѣжденіями и силой, для блага человечества, общаго спокойствія и независимости правительствъ. ¹

Въ тотъ самый день, когда подписана была конвенція, первый консулъ писалъ императору Александру: „Отправляю къ вашему величеству Коленкура, чтобы выразить вамъ, какъ я счастливъ, что наконецъ подписанъ мирный договоръ между нашими двумя великими націями. Это было для всей Франціи предметомъ радости, равной тому уваженію, которое питаетъ французская нація къ храбрымъ и благороднымъ подданнымъ вашего величества.“ Государь принялъ Коленкура съ изысканною вѣжливостью, сказалъ, что очень желаетъ возстановить дружественныя отношенія съ Франціей, пригласилъ Коленкура пожить подольше въ Петербургѣ, такъ какъ его присутствіе доставляетъ ему, государю, безконечное удовольствіе. На любезное письмо Александръ Павловичъ отвѣтилъ любезными фразами: „Гражданинъ первый консулъ, письмо присланное вами съ полковникомъ Коленкуромъ, доставлено мнѣ этимъ офицеромъ. Меня столько же тронулъ знакъ вашего вниманія, сколько и чувства, которыя вы выражаете по поводу мира, только-что заключеннаго между Россіей и Франціей. Искренно раздѣляю радость по случаю этого сча-

¹ Соловьевъ, *Александръ Первый*, стр. 28.

стливого возстановленія старыхъ связей, мнѣ будетъ очень пріятно споспѣшествовать ихъ упроченію на пользу обѣихъ странъ.“¹

Оффициально дипломатическія сношенія съ Франціей были возстановлены въ началѣ 1802 года, когда Морковъ былъ аккредитованъ въ качествѣ полномочнаго министра при Наполеонѣ (раньше онъ этого званія не носилъ), а въ Петербургъ полномочнымъ министромъ былъ присланъ генераль Эдувиль. Судя по наружному виду мы находились въ дружбѣ съ Франціей.

Скоро оказалось, что гораздо легче заключить съ Наполеономъ договоръ, чѣмъ заставить перваго консула соблюдать его. Пропшелъ всего мѣсяцъ послѣ подписанія конвенціи и Морковъ сообщалъ уже неутѣшительныя вѣсти объ аудіенціи у Наполеона. „Я настаивалъ на дѣлѣ сардинскаго короля, доносилъ онъ, напоминая ему его формальныя обязательства предъ покойнымъ императоромъ, которыя онъ, кажется, желалъ соблюсти и относительно нынѣ царствующаго императора. Будучи не въ силахъ отвергать этотъ доводъ, онъ не посовѣстился признаться, что никогда и не думалъ сдерживать это обѣщаніе, данное лишь съ цѣлію выиграть время, вовлечь нашъ дворъ въ свои виды и во всякомъ случаѣ заручиться возможностью оставить за собою Пиемонтъ.“ Морковъ подалъ ноту министру иностранныхъ дѣлъ Талейрану, въ которой указывалъ опять на обѣщаніе, данное Павлу, и на статью конвенціи, по которой дѣла Италіи должны быть рѣшены съ общаго согласія договорившихся державъ и слѣдовательно ни одна изъ нихъ не имѣетъ права располагать Пиемонтомъ безъ согласія другой. Нашъ государь требовалъ, чтобы король сардинскій по меньшей мѣрѣ получилъ другія области вмѣсто отнятаго у него Пиемонта. На сообщенія Моркова онъ отвѣчалъ: Донесеніе ваше, заключающее разговоры ваши съ первымъ консуломъ, не могло не произвести во мнѣ прискорбнаго чувствованія. Нерѣдко, конечно, случалось, что иные кабинеты нечистосердечно руководствуются, но по крайней мѣрѣ искали они всегда соблюсти какую-либо наружность; тутъ же видно ясное признаніе Бонапарта въ худой вѣрѣ тогда, какъ любилъ ласкаться, что личныя качества и положеніе сего консула прекратятъ наконецъ превратныя правила, кои разныя послѣдовавшія правительства французскія руководствовали. Счастливое положеніе республики ея и склонность лондонскаго двора нанско-

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 70, стр. 259—260, 292—293, 298.

рѣе привести къ окончанію примиреніе свое (съ Франціей) чинитъ весьма сомнительнымъ какое-либо сильное заступленіе со стороны моей за короля сардинскаго, но не меньше долгомъ служенія вашего будетъ продолжать настоянія ваши объ удовлетвореніи государя сего не денежно, а областями.“ Государь совѣтовалъ Моркову дѣйствовать осторожно, говоря: „Чувствую, конечно, въ полной мѣрѣ я, что Россія не можетъ и не должна теперь одна съ Франціей завязываться, да и вообще всякая подобная рѣшимость противна была бы расположеніямъ моимъ и попеченію о пользѣ государственной.“

На конференціи у канцлера Кочубея Эдувиль заявилъ отъ имени Бонапарта, что „при искреннемъ желаніи его удовлетворить благорасположительнымъ видамъ императора къ сардинскому королю, не можетъ онъ того исполнить, понеже распаленіе умовъ въ Піемонтѣ такъ велико, что весьма дурная услуга оказана была бы королю сардинскому, еслибъ область сія была ему возвращена“. А самъ Наполеонъ на новую просьбу Моркова отвѣтилъ очень рѣзко и грубо: „справедливость государствъ—это ихъ выгоды и удобства. Вынужденное великодушіе есть страсть или скорѣе слабость. Я не отдамъ Піемонта, покуда у Австрійцевъ останется хоть пядь итальянской земли, и я считалъ бы себя лгуномъ, еслибы говорилъ съ вами иначе. У сардинскаго короля остается одно владѣніе (Сардинія): пусть себѣ живетъ спокойно въ Кальяри.“ Нѣсколько позднѣе первый консулъ не только категорически объявилъ Моркову, что добровольно не отдастъ Піемонта, но даже, что ему неприятно будетъ видѣть, если сардинскій король поселится въ Италиі, гдѣ онъ вѣчно будетъ служить помѣхой видамъ и намѣреніямъ Франціи. Въ насмѣшку Наполеонъ предлагалъ отвести обездоленному королю удѣлы въ Турціи или Алжирѣ, когда эти страны будутъ завоеваны.¹ Бонапартъ не только не исполнялъ обѣщанія относительно Сардиніи, но въ началѣ 1802 года провозгласилъ Италію республикой, а себя президентомъ этой республики.

Морковъ былъ недоволенъ Наполеономъ и Талейраномъ и въ своихъ донесеніяхъ постоянно указывалъ на то, что имъ довѣрять нельзя; съ другой стороны французское правительство было недовольно нашимъ посланникомъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 70, стр. 284—285, 295—296, 302, 389, 384—385, 490—491.

1801 года пѣкій Фулью былъ обвиненъ въ томъ, что за деньги редактируетъ возмутительный листокъ съ цѣлю униженія и ниспроверженія существующаго правительства. На допросѣ обвиняемый показалъ, что онъ составлялъ этотъ листокъ для Моркова за жалованье въ 600 ливровъ и обѣщаніе хорошаго мѣста въ Петербургѣ. Морковъ, по словамъ Фулью, руководился Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ, надѣялся, что первый консулъ не удержится на своемъ мѣстѣ и желалъ способствовать этому перевороту. Официально этому обстоятельству не хотѣли придавать большаго значенія, потому что, не заключивъ еще мира съ Англіей и не устроивъ германскихъ дѣлъ, Наполеонъ избѣгалъ разрыва съ Россіей. Поэтому въ письмахъ къ Александру Бонапарту ограничился слѣдующею фразой: „прошу ваше величество не очень довѣрять разнымъ тайнымъ и поспѣшно составленнымъ бюллетенямъ, которые могутъ доставлять вамъ мелкіе агенты и которые служатъ источникомъ дурныхъ слуховъ въ Европѣ насчетъ положенія Франціи.“ Талейранъ въ письмѣ къ Коленкуру поясняетъ эту фразу слѣдующимъ образомъ: „Нужно сказать вамъ, что эти слухи происходятъ изъ нежданнаго бюллетеня, составленію которыхъ не былъ чуждъ г. Морковъ: пасквильянтъ Фулью объявилъ на допросѣ, что его возбуждалъ, оплачивалъ и направлялъ русскій министръ. Не придавая этимъ интрижкамъ больше значенія, чѣмъ онѣ заслуживаютъ, первый консулъ не удержался, чтобы не выразиться о нихъ предъ Морковымъ съ нѣкоторою насмѣшкой. Если посмотрѣть на дѣло серьезно, можно бы замѣтить, какъ такая поддержка писавки, который старался только поспѣвать смуту, противорѣчить прямымъ условіямъ недавно заключеннаго договора, гдѣ правительства обѣщали другъ другу величайшее взаимное уваженіе. Но будетъ достаточно, если вы въ вашихъ бесѣдахъ постараетесь слегка, въ мѣру и съ тонкостью, коснуться всей несообразности поступка Моркова, поступка, явно противорѣчащаго извѣстнымъ и возвышеннымъ чувствамъ его двора. Можете также проронить словечко насчетъ его скаредной жизни въ Парижѣ. По правдѣ, онъ еще не далъ ни одного обѣда и едва знаютъ, гдѣ онъ живетъ. Конечно, не въ видахъ его правительства, чтобъ онъ велъ такую скромную жизнь. И еслибы не видѣли тутъ экономическаго разчета, непременно признали бы недостатокъ почтенія къ своему правительству и уваженія къ правительству, къ которому онъ посланъ.“ Государь былъ сначала очень недоволенъ пове-

деніемъ Моркова и въ разговорѣ съ Коленкуромъ сказалъ: „Я слышалъ, что одна особа надѣлала глупостей. Клянусь, знай я достоверно, она была бы примѣрно наказана: не позволю дѣлать низости моему именемъ.“ Но когда французская газета, издававшаяся въ Лондонѣ, придавала огласку этому дѣлу и въ самомъ неблагоприятномъ смыслѣ для Моркова, и когда нашъ посланникъ въ свое оправданіе говорилъ, что по предложенію Фулью только подписался на его журналъ за лундоръ въ мѣсяцъ, дѣйствительно получалъ журналъ, но едва пробѣгалъ его и никогда не выпускалъ изъ своего кабинета, тогда государь счелъ нужнымъ заступиться за своего представителя и на намекъ Наполеона отвѣчалъ: „Остается сказать о бюллетеняхъ и другихъ ходячихъ новостяхъ, на которыя вы обращаете мое вниманіе. Я всегда презиралъ подобнаго рода произведенія и даже не зналъ бы къ чему относится ваша просьба, еслибы не увидѣлъ въ нѣкоторыхъ газетахъ столь же неприличную, какъ и неумѣстную статью, которая навлекла на Моркова обвиненіе въ предполагаемомъ закомствѣ съ подобными памфлетами. Надѣюсь, вы легко поймете, какъ мало я склоненъ обращать малѣйшее вниманіе на разказни писакъ, не знающихъ никакой привязанности къ своему правительству. Понятно, что я и не задумывался надъ обвиненіями, взведенными на Моркова. Этотъ министръ слишкомъ хорошо знаетъ мое стремленіе развивать и укрѣплять полнѣйшее согласіе съ Франціей, чтобы рѣшиться потворствовать чему-либо противному ея видамъ и интересамъ ея правительства.“¹

Въ Парижѣ не хотѣли дѣлать инцидента изъ дѣла Фулью, въ Петербургѣ мирился съ захватами въ Италиі, лишь бы были исполнены остальные статьи конвенціи, и переговоры продолжались. Но еще въ началѣ 1802 года, когда возстановлены были официальные дипломатическія сношенія, оба правительства чувствовали, что согласіе между ними непрочно. „Въ Петербургѣ, говорится въ инструкціи Эдувию, существуетъ сильная партія, которая только и заботится о томъ, чтобы закрѣпить узы, связующія Россію съ Австріей и Англіей, въ ущербъ ея связямъ съ Франціей и Пруссіей; быть-можетъ даже нужно думать, что Морковъ первый двигатель этого вліянія, чѣмъ и объясняется непристойность его поведенія въ Парижѣ.“ „Изъ мѣры вышедшее могущество Франціи, читаемъ въ рескриптѣ Моркову отъ

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 70, стр. 325—327, 341, 352—353, 362, 367, 371.

19 марта 1802 года, и нравственность первого консула, вами описываемая, нужными чинять наибольшую осмотрительность. Не въ томъ положеніи, конечно, Россія состоитъ, чтобы можно было ей чего-либо собственно для себя опасаться; но не можетъ настоять для нея пользы, чтобы отъ новыхъ замѣшательствъ потерпѣть могли другіе и именно между прочими вѣнскій дворъ, опасующійся паче всего компрометтировать себя съ Франціей. Съ другой стороны и разныи другія уваженія утверждаютъ въ убѣжденіи, что должно предпочесть сохраненіе съ правительствомъ симъ всякой наружности.¹

Нерасположеніе къ Франціи усилилось, когда канцлеромъ былъ назначенъ Александръ Воронцовъ, сторонникъ австро-англійскаго союза, изъявлявшій недовольство заключенною съ Франціей конвенціей, и когда дальнѣйшія событія показали, что нельзя полагаться на слово Наполеона. Русское правительство сговорилось съ французскимъ относительно вознагражденія нѣмецкихъ князей и рѣшено было сообщая предложить эти условія имперскому сейму въ Регенсбургѣ. Въ то время какъ Наполеонъ увѣрялъ Александра, что безъ его согласія не будетъ ничего сдѣлано въ Германіи, консулъ вступилъ въ секретныя переговоры съ Пруссіей и въ маѣ 1802 года заключилъ съ ней договоръ. На основаніи этого трактата Наполеонъ обѣщаль Пруссіи нѣкоторые имперскіе города и духовныя владѣнія, а Пруссія признавала существованіе новой итальянской республики и присоединеніе Пьемонта къ Франціи.² „Предъ нами, писалъ Морковъ, новый примѣръ страннаго способа вести дѣла, котораго держатся въ Парижѣ: тамъ, вѣжеться, приняли за правило дѣйствовать внезапно и не обращая особеннаго вниманія на общепринятія дипломатическія формы.“

Франція отвергла посредничество Россіи, которое должна была принять по конвенціи, и въ примиреніи съ Турціей предпочла обратиться къ Пруссіи. Въ разговорѣ съ Бонапартомъ въ октябрѣ 1802 года Морковъ указывалъ ему довольно рѣзко на прямое нарушеніе конвенціи. „Я напомнилъ ему, доносилъ онъ, что императоръ, по истинѣ побуждаемый своимъ миролюбіемъ не принимать участія въ еще не оконченной войнѣ, могъ при своемъ волеареніи безо всякаго затрудненія и опасности прервать нача-

¹ Сб. Ист. Общ. Т 70, стр. 360, 381.

² *Publicationen aus den Preussischen Staatsarchiven*, Bd. 29, p. XXIV.

тые его предшественникомъ переговоры съ Франціей и уже этимъ продлить войну, поддерживая надежду Англичанъ вовлечь его въ нее. Напротивъ того, пославъ меня въ Парижъ, онъ разсѣялъ эту надежду и Англія склонилась къ болѣе быстрому и выгодному миру, чѣмъ случилось бы безъ этого. Когда первый консулъ выразилъ желаніе возстановить свободу торговли между обоими государствами, императоръ не только не уклонился отъ этого, но избралъ кратчайшій путь для его исполненія, возстановивъ договоръ, по всѣмъ правамъ уничтоженный. Точно также, когда консулъ захотѣлъ добиться отъ Порты свободнаго плаванія по Черному Морю, государь поспѣшилъ склонить эту державу и успѣлъ въ этомъ къ полному удовольствію Франціи. Наконецъ, императоръ вполне любезно принялъ въ дѣлахъ Германіи предложенную консуломъ систему и усердно, и честно содѣйствуетъ ея принятію германскою имперіей. А чѣмъ до сихъ поръ отвѣчало французское правительство на такіе искренніе и дружескіе поступки? Лишенный своихъ владѣній, король (сардинскій) тщетно взываетъ по сю пору къ покровительству монарха, который приобрѣлъ столь справедливыя права на дѣйствительность его великодушнаго заступничества? Его посредничество въ мирѣ между Турціей и Франціей, спрошенное одною стороною и принятое другою, устраняется и замѣняется вмѣшательствомъ третьей державы, вовсе не принимавшей участія въ налаживаніи этого мира. Въ то самое время, какъ уговаривались съ нимъ насчетъ мѣръ къ установленію новой системы въ Германіи, опредѣлили эти мѣры путемъ договора, заключеннаго безъ его вѣдома съ другою державой, именно договора 23 мая съ Пруссіей. Наконецъ уже послѣ того какъ императоръ далъ свое полное согласіе на планъ вознагражденія и приказалъ своимъ министрамъ помогать министрамъ Франціи въ его исполненіи, заключилъ еще договоръ съ Пруссіей и Баваріей, также безъ вѣдома Россіи.“ Въ отвѣтъ на эти слова Наполеонъ пригласилъ Моркова присоединиться къ франко-прусскому трактату. Нашъ посланникъ отказался, потому что это значило бы стать въ служебное отношеніе къ Франціи, скрѣплять своею подписью всѣ ея мѣропріятія и потерять знаменитую „инфлуенцію“ въ германскихъ дѣлахъ, приобретенную на Тешенскомъ конгрессѣ.

Въ официальныхъ отвѣтахъ на донесенія Моркова Воронцовъ обвинялъ Наполеона въ двуличности, и по поводу приведеннаго разговора писалъ: „Вы справедливо замѣтили первому

консулу, что къ причинамъ нашего недовольства Франціей относится заключеніе договора съ Турціей при чужомъ посредничествѣ. Первый консулъ отвѣчалъ вамъ, что воспоминанія прошлаго и страхъ за будущее заставили Порту предпочесть Россіи другаго посредника. Но что касается воспоминаній, то болѣе свѣжія и непріятныя изъ нихъ должны бы сильнѣе запечатлѣться въ памяти, чѣмъ воспоминаніе о старыхъ обидѣхъ, которыя потомъ были заглажены столькими добрыми поступками. А если дѣло идетъ о страхѣ за будущее, то конечно его должна внушать Туркамъ не Россія, а скорѣе Франція, и первый консулъ не скрываетъ этого. Стало-быть эти слова съ его стороны не что иное, какъ изворотъ, которымъ онъ не проведетъ насъ. Впрочемъ, разъ это дѣло кончено, было бы бесполезно возвращаться къ нему: не упоминайте больше о немъ. Если я еще говорю вамъ о немъ, то лишь съ одною цѣлью: знайте, что хотя императоръ, по своему нраву и по положенію своей имперіи, выше всякихъ мелкихъ побужденій злыхъ страстей, часто вліяющихъ на политику, однако его вовсе не обманываютъ фразы Бонапарта. Онъ не тревожатъ его и не заставляютъ думать, что слѣдуетъ и ему бросить правила справедливости и честности, которыми онъ намѣренъ руководиться. Онъ и безъ того очень хорошо понимаетъ, какъ мало вообще должно полагаться на добросовѣстность перваго консула и въ особенности на его доброжелательство къ Россіи.“

Въ виду завоевательной политики Наполеона, Воронцовъ еще въ концѣ 1802 г. указывалъ на то, что намъ слѣдуетъ соединиться съ Англіей и другими европейскими державами и дать отпоръ Бонапарту. „Нѣтъ кажется надобности новыми доводами утверждать, говорилъ канцлеръ въ запискѣ, поданной государю, сколь мало на умѣренность и миролюбіе настоящаго французскаго правительства полагаться можно, и если не приспѣло еще время, такъ какъ то и весьма желательно, чтобъ о мѣрахъ рѣшительныхъ намъ помышлять уже нужно было, то по крайней мѣрѣ не надобно отвергать откровенія и ближайшія сношенія державъ, имѣющихъ равный интересъ съ нами и нѣкоторую готовность оказывающихъ къ принятію общихъ мѣръ для сохраненія тишины въ Европѣ и воздержанія французскаго правительства отъ всякихъ новыхъ нарушеній.“¹

¹ *Сб. Ист. Общ.* Т. 70, стр. 539, 524—529, 612, 616—617, 556.

Дружба съ Россіей нужна была Наполеону до поры до времени не потому, что онъ искренно желалъ европейскаго мира и посредничества Александра Павловича, а только для того, чтобы утвердить свои захваты въ Италиі и Германіи и обратить всѣ силы противъ Англии, съ которою онъ собирался воевать, несмотря на заключенный въ Амьенѣ договоръ. Но такъ какъ русское правительство упорно стояло на своемъ, на началахъ справедливости и гуманности, совершенно чуждыхъ знаменитому завоевателю, Наполеонъ прибѣгъ къ дипломатическому способу, которымъ онъ пользовался неоднократно и съ большимъ успѣхомъ. Онъ старался сдѣлать русскаго государя сообщникомъ своихъ насилій, посулить ему лакомый кусокъ, обратить его вниманіе на Турцію и, по выраженію Людовика XV, отвлечь его отъ европейскихъ дѣлъ. Въ разговорахъ съ Морковымъ, Наполеонъ какъ бы невзначай и безо всякой задней мысли намекалъ, что Турція близка къ разложенію и ее слѣдуетъ подѣлать. „Турецкая имперія, говорилъ онъ, готова рухнуть, и въ такомъ случаѣ такіа сосѣднія державы, какъ Россія и Австрія, естественно желаютъ имѣть свою долю въ ея развалинахъ; я со своей стороны ничему не воспротивлюсь, если только предоставятъ Франціи сподручныя ей доли.“ Австрійскій домъ, говорилъ Наполеонъ въ другой разъ, и безъ того слишкомъ могущественъ, и онъ станетъ еще сильнѣе, когда его призовутъ къ раздѣлу развалинъ Оттоманской имперіи, которой угрожаетъ близкое разложеніе. „Нужно замѣтить, доносилъ Морковъ, что эта мысль насчетъ Турціи появляется во всѣхъ его разговорахъ со мной. Если это не сѣти, которыя онъ разставляетъ мнѣ, чтобы возбудить страхъ и недобѣріе Порты, то онъ старается подготовить умы къ какому-нибудь внезапному нападенію на ея нынѣшнія владѣнія.“ Несомнѣнно это были сѣти, въ которыя Бонапартъ старался поймать Александра I. Ничего не желалъ онъ такъ, какъ войны Турціи съ Россіей, возобновленія знаменитаго греческаго проекта. Тогда Россія, увлеченная идеей разложить Порту, не могла бы стать во главѣ коалиціи противъ Франціи, а такъ какъ Австрія не стала бы смотрѣть равнодушно на русскія завоеванія, то и она была бы отвлечена на Востокъ и поссорить союзниковъ при мнимомъ дѣлежѣ турецкихъ провинцій не оказалось бы слишкомъ труднымъ. Съ другой стороны, намеки Наполеона должны были возбудить опасенія Порты и нарушить дружественныя отношенія, въ которыхъ она находилась съ Россіей.

Но русское правительство замѣтило разставленныя сѣти. „Умышленность, писалъ Воронцовъ Моркову, съ которою первый консулъ въ разговорахъ съ вами всегда старается затронуть вопросъ о близкомъ разложеніи Оттоманской имперіи, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Подобно вамъ, мы не можемъ объяснить это поведеніе ничѣмъ инымъ, кромѣ желанія заподозрить насъ въ глазахъ Порты или подготовить умы къ какому-нибудь неожиданному шагу французскаго правительства въ этомъ направленіи, а можетъ-быть то и другое вмѣстѣ. При томъ и другомъ предположеніи одинаково необходимо, чтобы вы подхватывали подобныя слова и каждый разъ давали ясно понять, что императоръ вовсе не расположенъ принимать участіе во враждебныхъ Турціи планахъ, напротивъ, онъ рѣшился сохранить доброе со-сѣдство съ этою державой.“¹

Въ январѣ 1803 г. Русское правительство еще разъ подтверждаетъ свое миролюбіе по отношенію къ Турціи. „Будучи убѣжденъ, пишетъ канцлеръ Моркову, что въ сущности намѣренія французскаго правительства не враждебны Турціи и полагая, что во всѣхъ случаяхъ первое достоинство политики и самая существенная обязанность дружбы состоятъ въ томъ, чтобы говорить правду и поступать искренно и честно, императоръ поручаетъ вамъ объясниться откровенно объ этомъ важномъ предметѣ съ министерствомъ республики. Вы скажете, что государь, довольный долей назначенною ему Провидѣніемъ, не хочетъ увеличивать ее ни со стороны Турціи, ни съ какой бы то ни было другой стороны и что, слѣдовательно, онъ также не можетъ смотрѣть равнодушно, чтобы кто-нибудь увеличилъ свои владѣнія на счетъ Порты Оттоманской. Это лучший сосѣдъ, какого можетъ имѣть Россія, и государь не желаетъ его переимѣнять.“ При этомъ Воронцовъ излагаетъ политическую систему Александра I, по поводу словъ Наполеона, будто у насъ измѣнилась система. „Съ самага восшествія на престоль, говоритъ онъ, императоръ слѣдовалъ только одной системѣ и не думаетъ отъ нея отступать. Государь проникнутъ убѣжденіемъ, что каждое правительство должно употреблять всевозможныя мѣры, чтобы сохранять миръ извнѣ, дабы сосредоточить всѣ свои усилія на увеличеніе счастья народовъ, ввѣренныхъ его заботамъ; и мы думаемъ, что этому принципу въ особенности должны слѣдовать

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 70, стр. 491, 530, 619.

всѣ большія государства, сильныя своими собственными средствами, въ развитіи которыхъ они могутъ искать главнымъ образомъ своей безопасности, а не во вѣншихъ планахъ и надеждахъ. Въ этомъ состоитъ вся теперешняя система русскаго двора, которая подходитъ къ характеру императора и которую заставило избрать самое положеніе его имперіи. Россія въ нѣкоторомъ родѣ находится въ уголѣ земнаго шара и доступна нападенію лишь съ одной стороны; она не имѣетъ никакой причины желать войны и еще менѣе имѣетъ причинъ ея бояться. Она не хочетъ ни повелѣвать, ни повиноваться. Работать надъ своимъ внутреннимъ благополучіемъ и для этого охранять свое спокойствіе и спокойствіе Европы, вотъ самое пламенное желаніе императора. Но къ несчастью, опытъ показываетъ намъ, что для того, чтобы сохранить миръ, недостаточно быть самому мирнымъ; нужно, чтобы и другіе также были мирными и чтобы ихъ поведеніе позволяло сохранить миръ. Последнія времена снова убѣдили насъ, что издали могутъ придти и нарушить его; походы Русскихъ въ Италію, а Французовъ въ Египетъ достаточно доказываютъ, что теперь разстоянія служатъ слабымъ залогомъ мира. Итакъ, можетъ случиться, что обстоятельства заставятъ государя выйти изъ состоянія покоя, въ которомъ онъ теперь находится; и это произошло бы тогда, когда честь и безопасность его имперіи были бы затронуты, хотя бы косвенно, или аслибы дѣло справедливости и поддержанія порядка и общаго блага націй потребовали бы этого.“¹

Скоро случилось событіе, раскрывшее коварныя и воинственные замыслы Бонапарта. Франція только что заключила Амьенскій договоръ съ Англіей, но вновь возникали недоразумѣнія. Англія должна была по договору отозвать свои войска съ острова Мальты и передать его Мальтійскому ордену, но медлила сдѣлать это отчасти потому, что хотѣла завладѣть этимъ важнымъ пунктомъ на Средиземномъ морѣ, отчасти потому, что Наполеонъ думалъ о вторичномъ захватѣ Египта и для развѣлокъ былъ уже посланъ на Востокъ Себастіани. Бонапартъ, никогда не соблюдавшій никакихъ трактатовъ, возмущился такимъ нарушеніемъ международнаго права со стороны Англіи и сталъ обращаться съ нею высокомерно, потому что Австрія и Россія высказывали миролюбивыя тенденціи, а Пруссія была игрушкой въ

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 77, стр. 21—23.

его рукахъ. Бонапартъ заявилъ 'англійскому посланнику, что если его дворъ будетъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи не выводить войска съ Мальты, онъ немедленно объявить Англии войну; у него уже готово войско въ 400 тысячъ человѣкъ, которое онъ увеличитъ еще на 50 тысячъ, онъ самъ приметъ начальство надъ этою экспедиціей, и это будетъ война не на жизнь, а на смерть, въ которой онъ тѣмъ болѣе надѣется на успѣхъ, что уже много разъ пѣль его и умы возбуждены до крайности, такъ что нѣтъ Француза, который не помогъ бы ему всѣми силами; со стороны Англии неблагоразумно вызывать подобную войну, тѣмъ болѣе, что она не имѣетъ основаній рассчитывать на помощь материка. При этомъ консулъ выражался съ большимъ презрѣніемъ объ Австріи, говоря, что отъ него зависѣло спать въ Вѣнѣ на императорской постели, но что его удержала отъ этого только его умѣренность; онъ ручался за миролюбивый характеръ русскаго государя, а о всѣхъ другихъ державахъ говорилъ, что онѣ вполнѣ подчинены ему. Англійскій посланникъ спокойно отвѣтилъ, что можетъ-быть удастся уладить дѣло безъ войны, но, передавая свой разговоръ Моркову, замѣтилъ, что онъ былъ смущенъ грубыми выраженіями Наполеона, ему казалось, что онъ слушаетъ драгунскаго капитана, а не главу европейскаго государства.

Вскорѣ послѣ этого, на раутѣ у г-жи Бонапартъ, Наполеонъ показавъ всему дипломатическому корпусу, какъ безцеремонно онъ обращается съ представителями державъ, которыми не дорожитъ. Подойдя къ англійскому посланнику, онъ сказалъ ему: „По полученнымъ изъ Лондона пзвѣстіямъ, кажется, что Франція и Англія, послѣ пятнадцатилѣтней войны, предстоить драться еще 15 лѣтъ.“ Англійскій посланникъ отвѣчалъ, что, быть-можетъ, все уладится дружескими объясненіями. „Нечего объяснять, сказали первый консулъ, такіе ясныя и опредѣленные договоры, какъ Амьенскій“, и подойдя къ Моркову повторилъ: очень хорошо, будемъ драться еще 15 лѣтъ. Морковъ осмѣлился скромно замѣтить, что и первыя 15 лѣтъ принесли много вреда человечеству и что лучше было бы прибѣгнуть къ полюбовному соглашенію. „Я очень былъ бы радъ, возразилъ Наполеонъ, но Мальта или война“, и прибавилъ съ жестомъ негодованія: „послѣ этого нужно покрыть чернымъ крепомъ всѣ договоры и статуи чести“. Потомъ онъ опять подошелъ къ англійскому посланнику и сказалъ: „не Франція запугать Англію, но и Англія не можетъ

запугать Францію. Вы можете убить ее, но вы не заставите ее отступиться отъ правъ, которыя ей даютъ ея договоры, и мы готовы идти требовать ихъ даже въ вашу землю“. Бонапартъ ушелъ съ раута и въ дверяхъ крикнулъ громкимъ голосомъ: „Мальта или война, и горе тому, кто нарушаетъ договоры“. „Болѣе пятидесяти присутствующихъ, писалъ Морковъ, не пропустили ни одного слова изъ этой странной сцены. Я не могу нахвалиться благоразуміемъ англійскаго посланника. Онъ употребилъ всѣ старанія, чтобы сократить этотъ необычайный взрывъ. Но первый консулъ оставился лишь тогда, когда задохнулся отъ гнѣва, который, повидному, потрясалъ его и не давалъ ему даже подбирать выраженія.“

Послѣ этой сцены война съ Англіей стала неминуемою. Наполеонъ старался заручиться содѣйствіемъ Александра и писалъ ему: „Я прошу внимательства вашего величества для сохраненія морскаго мира, который, повидному, всегда интересовалъ васъ“. Россіи предстояло отвѣтить на запросъ Наполеона, высказаться за или противъ Англии. Хотя формально Англія нарушила договоръ, но по существу она была права, желая сдержать Наполеона, не позволяя ему хозяйничать въ Голландіи, Швейцаріи и Италіи. По этому поводу Воронцовъ представилъ докладъ государю, въ которомъ доказывалъ, что еслибы война между Франціей и Англіей ограничивалась ихъ собственными владѣніями, то сія война могла бы, по торговымъ и политическимъ соображеніямъ, для насъ быть равнодушною. Но такъ какъ Наполеонъ собрался вновь поставить войско въ Неаполитанское королевство, занять Ганноверъ и сѣверную Германію и, слѣдовательно, Италія и Нѣмецкая земля будутъ потревожены, то изъ сего могутъ произойти общія потрясенія во всемъ состояніи Европы и еслибы какими внушеніями, какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ, можно было упредить сей разрывъ, не запынаясь, ихъ бы употребить было должно. Поэтому Воронцовъ совѣтовалъ сдѣлать шагъ весьма невинный въ разсужденіе обѣихъ державъ, заявить сожалѣніе, что дѣла между ними доходятъ до такой близости къ разрыву и что государь готовъ способствовать, чтобы оба кабинета искренно между собою объяснились. Въ такомъ тонѣ было составлено отвѣтное письмо Александра къ Наполеону, гдѣ, между прочимъ, говорилось: „Мнѣ по истинѣ грустно видѣть, что между Франціей и Англіей возникаетъ такой горячій и важный споръ. Я очень тронутъ, что въ этихъ

обстоятельствахъ вы изволили пожелать моего вмѣшательства и что вы считаете его способнымъ предохранить миръ въ Европѣ. Я думаю, что лучше всего могу заслужить и оправдать ваши ожиданія, соблюдая самое строгое **безпристрастіе**, которое одно только и можетъ укрощать такіе важные **раздоры**. Хотя поведеніе Англіи въ данную минуту, повидимому, **дѣйствительно** противорѣчить буквѣ Амьенскаго договора, но я не позволю себѣ ни защищать, ни порицать ее. Я глубоко убѣжденъ, что оба государства слишкомъ могущественны, чтобы не руководиться въ своей политикѣ главнымъ образомъ искренностью и сдержанностью; это-то и убѣждаетъ меня въ томъ, что настоящіе раздоры происходятъ единственно отъ какого-нибудь недоразумѣнія, которое легко устранить искреннимъ объясненіемъ. Это самое побужденіе, а также желаніе всеобщаго блага и спокойствія, такъ вѣски, что я долженъ сдѣлать все, что можетъ отъ меня зависѣть, чтобы предупредить въ Европѣ близкую войну. Итакъ, я съ удовольствіемъ принимаю вашу просьбу и написалъ въ этомъ смыслѣ моему посланнику въ Лондонъ. Гр. Моркову поручено войти по этому поводу съ французскимъ министерствомъ въ болѣе подробные переговоры, согласуясь съ выраженными мною взглядами.“

Официально русское правительство строго держалось нейтралитета, но въ письмѣ Воронцова къ Моркову, отправленному вмѣстѣ съ отвѣтомъ Наполеону, высказывалось нерасположеніе къ Франціи и желаніе сдержать властолюбивые замыслы перваго консула. „Кромѣ чувства гуманности, писалъ канцлеръ, которое затрогиваетъ сердце императора, сама политика заставляетъ его горячо желать устраненія, если возможно, столь быстраго взрыва и для этого доставить Европѣ единственную безопасность, на которую она способна въ данную минуту, а именно, безопасность договоровъ и взаимныхъ обязательствъ. Конечно, эта безопасность не стоить той, которая вытекаетъ изъ естественнаго порядка вещей, когда каждая держава заключена въ подходящія ей границы; въ особенности эта безопасность непрочна при такомъ правительствѣ, какъ французское; съ нимъ нельзя ни на что рассчитывать, и оно что ни день мѣняетъ рѣчи, проекты и поведеніе. Нашъ настоящій шагъ есть лишь вступленіе, которое естественно ведетъ къ объясненію насчетъ тревогъ, вызванныхъ въ Лондонскомъ дворѣ намѣреніями Франціи относительно Оттоманской имперіи. Если намъ удастся добиться документа, кото-

рымъ бы Франція и Англія, съ присоединеніемъ другихъ державъ Европы, гарантировали существованіе и цѣлость Оттоманской имперіи, то мы покуда сдѣлаемъ все, что можно было ожидать и желать лучшаго. Еслибы можно было влючить въ этотъ договоръ новую гарантію для итальянскихъ государствъ, присоединивъ сюда и Нѣмецкую имперію, Голландію и Швейцарію, и обезпечить нейтралитетъ этихъ странъ, такъ-сказать, заковать Францію въ ея настояція границы, то это было бы верхомъ совершенства, котораго можно ожидать отъ вашей ловкости.“ „Когда французская республика, говорилъ Воронцовъ въ другомъ письмѣ, при всякомъ случаѣ себя сравниваетъ съ прежнею римскою, то, навѣрно, однакоже, можно сказать, что не въ російскихъ государствахъ найдетъ она тѣхъ подвластныхъ ей союзниковъ, какихъ имѣла римская республика во владѣтеляхъ того времени.“¹

Наполеонъ остался недоволенъ отвѣтомъ Александра. Эдувиль доносилъ, что Россія не особенно горячо будетъ стараться предотвратить войну Франціи съ Англіей, что посредничество императора было бы искренно, еслибъ онъ не находился подъ вліяніемъ своихъ министровъ, нерасположенныхъ къ Франціи, что, исключая Пруссіи, всѣ правительства, и въ томъ числѣ русское, раздѣляютъ зависть Англіи къ могуществу Франціи. Наполеонъ подставилъ вновь ловушку нашему государю. Онъ предложилъ Россіи занять Мальту, хотя Александръ отказался отъ претензіи Павла I на этотъ островъ и гарантировалъ его независимость. Расчетъ консула былъ очень простъ, онъ надѣялся, что занятіе Мальты русскими войсками вызоветъ столкновеніе съ С.-Джемскимъ кабинетомъ, и въ войнѣ съ Англіей Россія окажется на сторонѣ Франціи.

Въ докладѣ государю Воронцовъ снова указывалъ на опасность, грозящую намъ отъ франко-англійской войны. „Когда бы, по разрывѣ мира съ Англіей, Франція ограничила себя въ отраженіи ея усилій нападеніемъ на непріятельствующаго сосѣда ея, Россія не имѣла бы причины тревожиться борьбой сихъ равносильныхъ между собою государствъ. Но объявленное уже первыиъ консуломъ намѣреніе наносить Англіи удары повсемѣстно, гдѣ токмо достигнуть ея можетъ и подъ симъ предлогомъ ввести войска свои въ Ганноверъ, сѣверную Германію и неапольское

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 77, стр. 47—49, 63—65, 56, 92—93, 101—103, 108—110, 117.

королевство, перемежаются совершенно состояніе войны сей относительно выгодъ и обязанностей нашихъ. Нашествіе войскъ французскихъ въ сѣверную Германію тѣмъ менѣе равнодушно быть можетъ для Россіи, когда затѣмъ послѣдовать имѣеть занятіе оными Гамбурга, съ которымъ торговля и банковыя дѣла, спрягая насъ, содѣлываютъ независимость его для насъ необходимою. Касательно же неапольскаго королевства ручательство, нами данное силой оборонительнаго союзнаго трактата о цѣлости его, налагаетъ на насъ обязанность учинить заступленіе къ обращенію грозящей ему опасности.“ Канцлеръ совѣтовалъ принять подъ охрану Мальту, если согласится на это Англія, и взаимно того потребовать отъ французскаго правительства, чтобы оно въ случаѣ войны не вводило войска ни въ сѣверную Германію, ни въ неапольское королевство. Сообразно съ этимъ послалъ Моркову инструкцію, подписанную государемъ, въ которой говорилось: „Россія не имѣеть никакого прямаго интереса во владѣніи Мальтой, и совершенно противно моимъ правиламъ дать завлечь мое государство въ кругъ событій, совсѣмъ для него чуждыхъ. Не будемъ говорить о томъ, что занятіе острова потребовало бы такъ мало войскъ, что это обстоятельство слишкомъ ничтожно, чтобы на немъ остановиться; но не то выходитъ, когда подумаешь о важныхъ послѣдствіяхъ, которыя легко могутъ отсюда произойти. Мы видимъ, что изъ-за этого острова готова теперь возгорѣться война, и я не могу не признаться, что, разъ согласившись занять Мальту моими войсками, я можетъ-быть буду вынужденъ отстаивать эту мѣру всѣми силами, не имѣя однакоже въ этомъ никакого прямаго интереса. Я рѣшаюсь приказать вамъ объявить министерству республики, что я согласенъ принять Мальту на храненіе, если оба правительства, французское и англійское, согласны просить меня объ этомъ и если этимъ способомъ я могу избавить Европу отъ бича войны. Конечно, французское правительство пойметъ, что если, въ угоду его желаніямъ относительно Мальты, я измѣняю принципу, съ которымъ по моему убѣжденію связано истинное благо моего государства, то я не могу дать ему ни въ какомъ случаѣ болѣе сильнаго доказательства моей истинной дружбы. Я надѣюсь, что взаимно оно исполнитъ просьбу, съ которою вы обратитесь къ нему отъ моего имени, именно въ случаѣ еслибы даже разрывъ былъ неизбеженъ, сѣверныя державы Германіи и Неаполитанское королевство должны сохранить нейтралитетъ, который они такъ

пламенно желаютъ соблюдать. Что касается неаполитанскаго короля, то первому консулу небезызвѣстно, какое большое участіе я принимаю въ этомъ принцѣ; это достаточно доказываютъ и тайныя статьи мирнаго договора между Россіей и Франціей, по которымъ французское правительство обязалось во время прошлой войны вывести свои войска изъ неаполитанскаго королевства и обезпечить его нейтралитетъ. Сверхъ того, я связанъ съ королемъ оборонительнымъ союзомъ, въ силу котораго я обязанъ воспротивиться всякому покушенію на цѣлость и независимость его владѣній; а мнѣ трудно было бы не считать ихъ затронутыми, еслибы французское правительство ввело войска въ это королевство и принудило бы его высказаться. Я слишкомъ довѣряю справедливости и мудрости перваго консула и потому увѣренъ, что онъ легко убѣдится въ томъ, что было бы совершенно противно всякой справедливости и по-моему даже истинному благу Франціи принуждать государства, совершенно чуждыя настоящей распрѣ, принимать въ ней участіе вопреки ихъ волѣ и самымъ существеннымъ интересамъ.“

Въ Петербургѣ въ ловушку не попались; еслибъ Англія поступилась Мальтой, этимъ самымъ былъ бы устраненъ casus belli, сѣверная Германія и Италія были бы гарантированы отъ захватовъ Наполеона, о чемъ все время хлопоталъ Александръ Павловичъ. вмѣстѣ съ тѣмъ представлялся случай окончательно убѣдиться, дѣйствительно ли Бонапартъ желаетъ европейскаго мира, какъ онъ неоднократно увѣрялъ русское правительство. Наполеонъ можетъ-быть желалъ мира, но только съ условіемъ, чтобы всѣ монархи подчинились ему, поэтому онъ былъ сильно раздосадованъ, что Россія не поддается. Наполеонъ не скрылъ своей досады отъ Моркова; на аудіенціи онъ прямо сказалъ, что Воронцовъ, нашъ посланникъ въ Лондонѣ, не приложилъ полного старанія и усердія, какъ бы онъ долженъ былъ это сдѣлать, чтобы отразить разразившуюся войну, что если намѣренія императора были хороши, то министры плохо исполняли ихъ, что еслибы Россія высказалась, какъ подобааетъ въ этомъ случаѣ, она сдержала бы Англію, что такъ какъ русскій кабинетъ держался такой неопредѣленной системы относительно Франціи, то ему не слѣдовало бы обращаться къ нему за услугами. Наполеонъ пошелъ далѣе и на официальномъ приемѣ нанесъ оскорбленіе Моркову, обратившись къ нему съ дерзкою рѣчью, преисполненною угрозою и упрековъ. Морковъ велъ себя съ достоинствомъ,

онъ сдержался въ разговорѣ съ Наполеономъ, но просилъ Талейрана передать ему протестъ, объясняя при этомъ, что ни одинъ русскій министръ не потерпитъ упрековъ, подобныхъ тѣмъ, которые сдѣлалъ ему первый консулъ; онъ, Морковъ, считаетъ себя отвѣтственнымъ за свои дѣйствія и слова лишь предъ своимъ государемъ, который одинъ въ правѣ требовать у него отчета. „Талейранъ, доносилъ Морковъ, вздумалъ выказать мнѣ нѣкоторое удивленіе, что я изъ простаго разговора, который не могъ имѣть никакого оффиціальнаго характера, дѣлаю министерскій вопросъ. Я отвѣчалъ ему, что гораздо раньше его бывалъ въ подобныхъ дѣлахъ и знаю по крайней мѣрѣ не хуже его, что они допускають, что нѣтъ; что такъ какъ первый консулъ былъ въ полной формѣ, какъ и я, когда онъ говорилъ мнѣ тѣ рѣчи, противъ которыхъ я возражаю, то я имѣлъ бы полное право сдѣлать изъ этого строго министерскій вопросъ, но что духъ миролюбія, постоянно мною руководящій, настолько дѣйствуетъ на меня, что я ограничиваюсь простою словесною нотой.“¹

Изъ этого видно, что Морковъ не искалъ ссоры съ Франціей, ограничиваясь необходимымъ протестомъ и не требуя, чтобъ его отозвали. Правда, онъ принадлежалъ къ партіи Воронцовыхъ, относившихся недовѣрчиво къ Франціи и считавшихъ бесполезнымъ союзъ съ Наполеономъ, правда, онъ представлялъ дѣйствія консула въ самомъ черномъ свѣтѣ, говоря напрямѣръ: всѣ писанія, какъ и всѣ поступки, вызванные настоящими обстоятельствами, отзываются гнусными временами Робеспьера и директоріи и стремятся пробудить всюду идеи возмущенія и разрушенія, тогда какъ нѣкоторое время всѣ льстили себя надеждой, что здѣшнее правительство совершенно отъ нихъ отказалось.“ Тѣмъ не менѣе Морковъ неуклонно слѣдовалъ своимъ инструкціямъ, твердо отстаивалъ русскіе интересы, исполняя миролюбивыя намѣренія государя, который былъ имъ вполне доволенъ. Въ глазахъ Наполеона твердость Моркова была большимъ недостаткомъ, и онъ въ значительной степени приписывалъ ему свою неудачу въ сношеніяхъ съ Россіей. „Поведеніе Моркова таково, писалъ Талейранъ Эдувилю, что необходимо дать ему почувствовать, что мы имъ недовольны. Первому консулу даже желательно, чтобы вы нашли случай сказать слѣдующее: Въ смыслѣ безпристрастія гр. Морковъ, какъ въ своихъ обычныхъ словахъ, такъ и въ своихъ поступ-

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 77, стр. 120, 149, 155—156, 160—164, 170, 187—189,

какъ далеко не показываетъ себя достойнымъ почетной роли, которую онъ призванъ играть. Всѣ его симпатіи на сторонѣ Англіи. Если Русскій дворъ считаетъ долгомъ держать въ Лондонѣ Воронцова, который считается совсѣмъ Англичаниномъ, то ему слѣдовало бы по крайней мѣрѣ предписать своему министру въ Парижѣ выказываться немного Французомъ.“ Въ іюлѣ 1803 года Бонапартъ рѣшился просить государя объ отозваніи Моркова. Онъ изложилъ свою просьбу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Руководясь правиломъ довѣрять всѣмъ министрамъ въ Парижѣ, пользующимся довѣріемъ своихъ кабинетовъ, я все медлилъ увѣдомлять ваше величество о многократныхъ непріятностяхъ, которыя причинялъ мнѣ графъ Морковъ, часто вмѣшиваясь непріятнымъ образомъ въ мелкія интриги. Но сегодня, въ силу довѣрія, которое ваше величество столь часто оказывали мнѣ, я долженъ увѣдомить васъ, какъ тяжело мнѣ имѣть при себѣ столь непріятнаго мнѣ министра и оказывать ему довѣріе и уваженіе, которыя я обязанъ оказывать и всегда окажу вашимъ посланникамъ. Морковъ не замѣчаетъ и никогда не замѣтитъ, какія чувства онъ внушаетъ мнѣ; но чтобы выйти изъ этого тяжкаго положенія, я не нашелъ иного средства, какъ написать вамъ съ тою довѣрчивостію, къ которой вы приучили меня.“

Когда это письмо было получено въ Петербургѣ, Воронцовъ написалъ Моркову: „Сказать вамъ, что васъ не любятъ первый консулъ съ Талейраномъ, это не было бы ни огорченіемъ, ни новостію для васъ. Министръ, который сознаетъ свою силу, который не желаетъ ни пресмыкаться, ни жертвовать выгодами своего монарха въ угоду диктатора Франціи, никогда не будетъ имѣть успѣха у него; эти господа слишкомъ мало уважаютъ сами себя, чтобы умѣть уважать другихъ. Тѣмъ не менѣе васъ изумитъ извѣстіе, что Бонапартъ положительно требуетъ вашего отозванія. Мало того, Талейранъ прибавилъ бумагу своего издѣлія. Въ ней онъ излагаетъ подробно мнимые поводы къ жалобамъ французскаго правительства на васъ. Это не болѣе, какъ сплетеніе смѣшной лжи и самой черной клеветы: вы обвиняетесь въ произнесеніи обидныхъ и предосудительныхъ словъ противъ императора, о чемъ вы, конечно, никогда не помышляли. Нѣтъ нужды говорить вамъ, что государь нисколько не повѣрилъ такому обвиненію; напротивъ, въ его глазахъ эта гнусность увеличила крайнее непріличіе поведенія французскаго правительства въ данномъ случаѣ. Спѣшу увѣдомить васъ, что императоръ от-

даетъ вамъ справедливость. Онъ поручилъ мнѣ повторить вамъ, что ваше поведеніе въ Парижѣ всегда заслуживало его полнаго одобренія и что за это время вы не переставали приобрѣтать новыя права на его уваженіе и благоволеніе. Вы легко поймете, какъ нуженъ намъ въ Парижѣ министръ съ такимъ характеромъ и съ такими талантами, какъ вы, и что, чѣмъ менѣе вы сумѣли понравиться въ теченіе вашей миссиі консульскому правительству, тѣмъ болѣе государь желалъ бы удержать васъ тамъ. Но послѣ всего происшедшаго я сомнѣваюсь, чтобы вамъ было хорошо въ той странѣ и чтобы вы желали оставаться тамъ долѣе. Поэтому думаю, что самое лучшее вамъ самимъ просить объ отозваніи подъ предлогомъ болѣзни.“ Отвѣчать на письмо Бонапарта не спѣшили, и только 16 октября государь написалъ ему: „Съ прискорбіемъ и изумленіемъ узналъ, что гр. Морковъ не успѣлъ приобрѣсти вашего довѣрія, тѣмъ болѣе, что я никогда не замѣчалъ въ этомъ министрѣ ничего кромѣ поведенія, согласнаго съ данными ему наставленіями и основаннаго на его собственномъ убѣжденіи, что Россія и Франція одинаково нуждаются въ добромъ согласіи, которое должно существовать между двумя странами, равно могущественными и въ то же время совершенно независимыми другъ отъ друга. Но какъ бы не согласовались между собой два такіа государства въ главномъ и въ сознаніи взаимныхъ и прочныхъ выгодъ отъ добраго единенія, невозможно, чтобы порой не встрѣчалось между ними разногласія во взглядѣ на событія и чтобы одно изъ нихъ всегда слѣпо слѣдовало по стопамъ и внушеніямъ другаго: не можетъ быть совпаденія чувствъ въ такой мѣрѣ, когда нѣтъ никакого преобладанія ни съ той, ни съ другой стороны, и никто не можетъ ни притязать, ни соглашаться на него. Итакъ, неудивительно, что Морковъ говорилъ иногда не въ тонъ съ министерствомъ республики и смотря на вещи съ иной точки зрѣнія, высказывалъ свой взглядъ, какъ приличествуетъ представителю виднаго государства въ Европѣ. Повѣрьте, что случись то же самое здѣсь съ генераломъ Эдувилемъ, я не видѣлъ бы тутъ достаточнаго повода требовать у васъ его отозванія. Очень дорожа сохраненіемъ навсегда вашихъ чувствъ ко мнѣ, я счелъ долгомъ подробно объяснитьсь съ вами по сему поводу со всевозможною откровенностью. Несмотря на плохое здоровье гр. Моркова, я постоянно настаивалъ, чтобы онъ оставался на своемъ мѣстѣ; я былъ убѣжденъ, что онъ очень годенъ для поддержанія добраго согласія,

существующаго между обоими государствами. Содержаніе вашего письма заставляетъ меня теперь не противиться больше его многократнымъ просьбамъ удалить его съ поста. Къ тому же отнынѣ, я думаю, пребываніе въ Парижѣ не будетъ особенно пріятно ему самому. И хотя я хорошо знаю, что все, доложенное вамъ о немъ, противно точной истинѣ, однако было бы излишнимъ огорченіемъ для него противиться его желаніямъ и удобствамъ: въ моемъ отказѣ даже не было бы того оправданія, что этимъ улучшились бы наши взаимныя отношенія съ вами.“ Тонъ этого письма значительно отличается отъ пріятельскаго тона, въ которомъ писалъ раньше государь; Бонапарту давали понять, что онъ идетъ къ разрыву, что если онъ недоволенъ Морковымъ — вина падаетъ на русское правительство.

Въ октябрѣ Морковъ, награжденный Андреевскою лентой, представилъ свои отзывныя грамоты первому консулу и былъ очень радъ уѣхать, потому что въ послѣднее время ему дѣлали множество неприятностей, и Бонапартъ не сдерживалъ уже своего вспыльчиваго характера и грубыхъ привычекъ. „На публичной аудіенціи въ Тюльрійскомъ дворцѣ, доносилъ Морковъ, консулъ напалъ на меня самымъ жестокимъ образомъ. Онъ измѣнился въ лицѣ, губы у него дрожали, онъ задыхался, но все возвышалъ голосъ. Я былъ до того взволнованъ столь возмутительною сценой, что готовъ былъ не идти на обѣдъ, на который меня пригласили въ тотъ же день. Однакожъ я преодолѣлъ это отвращеніе; но какъ только вышелъ изъ-за стола, я покинулъ дворецъ.“ Александръ былъ возмущенъ не менѣе своего посланника и несмотря на свою всегдашнюю сдержанность, на этотъ разъ не вытерпѣлъ и на парадѣ при всѣхъ сказалъ Эдувилю: „что же вы не подойдете, г. Эдувиль? Я не сдѣлаю вамъ такой сцены, какую первый консулъ сдѣлалъ моему министру въ Парижѣ“. ¹

На мѣсто Моркова не назначили полномочнаго министра; въ Парижѣ былъ оставленъ Убри въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ.

XXXIII.

Въ маѣ 1803 г. война между Франціей и Англійей была объявлена; французскія войска заняли Ганноверъ и нѣкоторые порты въ сѣверной Германіи, чтобы повредить англійской торговлѣ.

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 77, стр. 179, 270—271, 328—329, 379—381, 355, 378.

Наполеонъ прямо объявлялъ, что не будетъ стѣсняться международнымъ правомъ, будетъ бить Англiю вездѣ, гдѣ возможно, будетъ вводить свои войска въ нейтральныя державы. Такому образу дѣйствiй нельзя было не положить предѣла, и становилось яснымъ, что война съ Англiей превратится въ общеевропейскую. „Меня крайне огорчаетъ разрывъ Францiи съ Англiей, писалъ Воронцовъ Моркову. Не говоря уже о томъ, что это прискорбно по чувству человѣчества, есть особенный поводъ, затрогивающiй меня: боюсь, не будемъ ли мы принуждены принять тутъ дѣятельное участiе. А этого не избѣжать, если будутъ продолжать мутить материкъ Европы. Придется прибѣгнуть къ средствамъ отпора: насъ вовлекутъ въ это наша собственная безопасность и много другихъ сильныхъ побужденiй. Европа всегда представлялась республикой или большимъ сообществомъ, гдѣ пожалуй бывали три-четыре влiятельныя лица, но никогда не бывало единственнаго господина. Терпѣть послѣдняго было бы глупо со стороны тѣхъ, которые могутъ воспрепятствовать этому.“ Въ докладѣ государю, представленномъ 27 августа 1803 г., Воронцовъ указывалъ на опасность, грозящую намъ отъ Наполеона, и заканчивалъ его словами: „Никто болѣе меня не чуждъ напраснаго употребленiя крайнихъ мѣръ, когда иныя средства ихъ замѣнить могутъ, будучи весьма удостовѣренъ, сколь для Россiи нужно сохраненiе покоя и тишины, которымъ, можно сказать, она почти полстолѣтiя рѣдко пользовалась, а сверхъ того не менѣе желательно, чтобы благотворная попечительность ваша о внутреннемъ государственномъ устройствѣ не отвлекаема была внѣшними занятiями. Но къ чему послужать Россiи всѣ новыя учрежденiя къ просвѣщенiю, къ успѣхамъ промышленности и къ благосостоянiю народному, подъ сѣнiю покровя вашего среди ея возникающiя, когда гибель, всѣмъ прочимъ государствамъ угрожающая, поработя постепенно оныя, постигнуть можетъ и ее; а если и не подпадетъ она власти иноплеменной, то развратъ умовъ, шествующiй по слѣдамъ успѣховъ Францiи, не допустить тогда подданныхъ вашихъ наслаждаться ни усовершенствованiемъ рукодѣлiй, ни распространенiемъ торговли, для восчувствованiя коихъ необходимо состоянiе безмятежное. Съ настоящею войною рѣшится жребiй независимости Европы и всемирнаго владычества Бонапарта. А посему неоспоримо, что ни одинъ сочленъ сословiя европейскихъ державъ не можетъ безъ нареканiя устранить себя отъ борьбы, имѣющей ниспровергнуть все понинѣ въ Ев-

роги существующее и предать ее въ руки одного властителя. Сердце вашего величества, конечно, далеко отъ таковой незаботливости, и я смѣю надѣяться, что попеченіе ваше о сохраненіи Россіи въ миру не затмитъ у васъ той истины, что ополчась вовремя предупредить можно дальнѣйшія бѣдствія.“ Чрезъ три мѣсяца послѣ этого, канцлеръ въ новомъ докладѣ государю указывалъ на вредъ, причиненный нашей торговлѣ Наполеономъ, не допускающимъ иностранныхъ судовъ въ устье Эльбы и намѣревающимся занять вольные города Гамбургъ и Любекъ, а также Голштинію и Мекленбургъ. Несовмѣстно было съ достоинствомъ и прямыми интересами Россіи, говорилъ Воронцовъ, предать сосѣдей своихъ, искони къ ней приверженныхъ, въ руки наглаго властолюбца, а потому необходимо поставить себя безъ отлагательства въ положеніе приличное настоящимъ смутнымъ обстоятельствамъ Европы и обнаруживъ готовность нашу къ мѣрамъ дѣятельнымъ, придать надлежащій вѣсъ и увѣщаніямъ нашимъ властолюбивыхъ къ умѣренности и ободренію слабыхъ къ защитѣ своей, и для того собрать немедленно войска наши въ корпусы, назначить командующихъ арміями и расположить ихъ надлежащимъ образомъ.“¹

Наполеонъ не желалъ европейскаго мира, не уважалъ правъ остальныхъ державъ, не признавалъ нейтральной территоріи, его нужно было принудить къ этому силой. Вступать въ борьбу съ гениальнымъ полководцемъ одной Россіи представлялось слишкомъ опаснымъ, надо было составить коалицію, надо было, чтобы къ Англіи и Россіи присоединились Австрія и Пруссія. Въ октябрѣ 1803 г. канцлеръ поручилъ нашему посланнику въ Вѣнѣ войти въ секретные переговоры съ австрійскимъ правительствомъ насчетъ видовъ и мѣръ, которыя оно готово было бы принять совмѣстно съ Россіей противъ общаго ихъ непріятеля, Наполеона. Нашему посланнику было вмѣнено въ обязанность представить вѣнскому двору всю опасность, неминуемо грозящую въ особенности ему самому, и просить о сообщеніи своихъ видовъ и намѣреній. Предложеніе Россіи было принято съ радостью вѣнскимъ дворомъ, но австрійское правительство хорошо помнило недавнія пораженія и невыгодный миръ, заключенный съ Франціей, а потому медлило и не рѣшалось сейчасъ же заключить формальный договоръ съ Россіей. А въ Петербургѣ торопились,

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 77, стр. 190—191, 338—339, 410—413.

канцлеръ подалъ ноту австрійскому посланнику, въ которой высказывалъ непоколебимое свое убѣжденіе, что Наполеонъ не можетъ остановиться на скользкомъ пути, по которому онъ все болѣе и болѣе увлекается своимъ честолюбіемъ и завоевательными помыслами. Силой вещей онъ долженъ идти все далѣе и далѣе, пока его не остановятъ неопределимыя препятствія и въ частности энергическое противодѣйствіе со стороны европейскихъ державъ. Вотъ цѣль, которую должны имѣть въ виду въ особенности Австрія и Россія. Что касается послѣдней, она готова немедленно выставить въ поле армію въ 90 тысячъ чело-вѣкъ и содержать въ резервѣ другую армію въ 80 тысячъ для операций на сѣверѣ или югѣ, смотря по обстоятельствамъ. Теперь дѣло стало только за Австріей, которая должна, наконецъ, рѣшиться и дать категорическій отвѣтъ, чтобы Россія знала, что дѣлать. Въ Вѣнѣ все-таки медлили, полнѣйшее безсильіе и вкоренившаяся боязнь, по словамъ нашего посланника, обратились въ систему вѣнскаго двора, который нуждается въ сильномъ толчкѣ, чтобы выйти изъ апатичнаго состоянія. На убѣжденія русскаго посла въ Вѣнѣ отвѣчали: вы видите, мы находимся у дула пушки, и мы скорѣе будемъ уничтожены, чѣмъ вы въ состояніи будете поспѣшить къ намъ на помощь. Для скорѣйшаго достиженія цѣли, Александръ не только постоянно предписывалъ своему представителю въ Вѣнѣ энергически настаивать на полученіи немедленнаго и категорическаго отвѣта, но онъ самъ неоднократно обращался съ собственноручными письмами къ Францу II, въ которыхъ убѣдительно доказывалъ необходимость соединенія великихъ европейскихъ державъ противъ Франціи. Страшный консулъ, доносилъ нашъ посланникъ, для вѣнскаго двора голова Медузы, окаменяющая всѣ его движенія и дѣйствія. Наконецъ, когда Россія обѣщала увеличить вспомогательное войско до 100 тысячъ чело-вѣкъ и уговорила Англію дать Австріи значительныя субсидіи, вѣнскій дворъ вышелъ изъ своей апатіи, и въ октябрѣ 1804 г. былъ подписанъ договоръ съ Россіей, начинавшійся многозначительными словами: „послику чрезмѣрное вліяніе французскаго правительства на сосѣдственныя государства и множество областей, занятыхъ войсками онаго, внушаютъ справедливыя опасенія о сохраненіи всеобщей тишины и безопасности въ Европѣ: и австрійскій императоръ, и императоръ всероссійскій равномѣрно убѣждены въ томъ, что такое положеніе вещей требуетъ ихъ самыхъ дѣятельныхъ взаимныхъ

попеченій и поставляетъ ихъ въ необходимость соединиться еди-
нодушнымъ соглашеніемъ, сообразнымъ съ бѣдствіями и опас-
ностями, коимъ Европа нынѣ подвержена.“¹

Недальновидность прусскаго короля и ненависть къ Австріи по-
мѣшали ему приступить къ коалиціи, несмотря на настоятельное
приглашеніе Россіи. Въ одной очень интересной депешѣ отъ
1802 года Воронцовъ говоритъ: „Я никогда не былъ ни Фран-
цузомъ, ни Англичаниномъ, ни Пруссакомъ, ни Австріецемъ, но
всегда и во всѣ времена я былъ Русскимъ. Я всегда былъ пре-
данъ сердцемъ и душой странѣ, которая есть моя родина. Пер-
вая цѣль моихъ дѣйствій—благо Россіи, ея процвѣтаніе и сча-
стіе. Я не могу не быть убѣжденнымъ въ томъ, что тѣсная дружба
съ Берлинскимъ дворомъ можетъ намъ быть только чрезвычайно
выгодна, и эта цѣль останется навѣрно одною изъ главныхъ до-
тѣхъ поръ, пока я останусь у дѣлъ.“ На слѣдующій годъ канц-
леръ говорилъ прусскому правительству: „Нужно много времени
и событій, чтобы Французы могли дойти до насъ. Не въ такомъ
положеніи находится Пруссія. Поэтому ей подобаешь сказать
намъ яснымъ образомъ: желаетъ ли она поставить плотину про-
тивъ этого потока?“

Но прусскій король хотѣлъ держаться нейтралитета. Фридрихъ-
Вильгельмъ считалъ миръ величайшимъ благомъ на свѣтѣ, един-
ственнымъ средствомъ къ благосостоянію человѣчества. Въ моло-
дости онъ принималъ участіе въ походахъ противъ Франціи и
Польша, и получилъ отвращеніе къ войнѣ. Вступивъ на престолъ,
онъ далъ себѣ слово не нарушать мира до послѣдней возможности,
чтобы привести въ порядокъ финансы и онѣмечить вновь приобрѣ-
тенныя польскія провинціи. Онъ не раздѣлялъ антипатіи къ Фран-
ціи своего перваго министра, Гаугвица; напротивъ, онъ считалъ,
что Франція его естественная союзница противъ Австріи. Онъ
не замѣчалъ, что чрезмѣрно развивающаяся власть Наполеона
грозитъ и Пруссіи; онъ соглашался взяться за оружіе только
тогда, когда Французы прямо нападутъ на его земли. Онъ довѣ-
рялъ Наполеону, когда тотъ завѣрялъ его въ своей дружбѣ и
обѣщалъ вознаградить за области отошедшія къ Франціи по Ба-
зельскому миру (1795 г.). Когда Наполеонъ, объявивъ войну
Англіи, ввелъ войска въ Ганноверъ и нейтральныя мѣстности сѣ-
верной Германіи, когда Гаугвицъ указывалъ на опасность и вредъ

¹ Мартенсъ, *Собрание трактатовъ*. Т. II, стр. 399—407.

такихъ произвольныхъ мѣръ, король категорически объявилъ первому министру, что онъ желаетъ оставаться нейтральнымъ. Если Наполеонъ будетъ захватывать вольные ганзейскіе города, закроетъ судоходство по Эльбѣ и Везеру блокадой приморскихъ портовъ, даже въ такомъ случаѣ надо дѣйствовать исключительно дипломатическимъ путемъ. Гаугвицъ старался побѣдить упорство короля. Онъ подавъ докладъ, въ которомъ доказывалъ, что политика Наполеона приведетъ къ разрыву съ Россіей, что французскіе захваты въ сѣверной Германіи, хотя и не касаются непосредственно Пруссіи, все же приведутъ къ такому положенію вещей, которое не можетъ быть терпимо. Министръ требовалъ, чтобы была мобилизована армія въ 50 тысячъ человекъ, заявляя, что отъ этого война не откроется раньше, но что надо быть готовымъ. Король упорно стоялъ на своемъ, онъ отказывался вооружаться, отказывался вступить въ союзъ съ Россіей, онъ надѣялся даже заключить конвенцію съ Наполеономъ съ тѣмъ, чтобы Франція очистила сѣверную Германію и отдала ему Ганноверъ. Но когда онъ замѣтилъ, что Наполеонъ обманываетъ его, требуетъ союза, а взаменъ ничего не даетъ, Фридрихъ-Вильгельмъ желалъ, сохраняя дружбу съ Франціей, обезпечить себѣ помощь Россіи. Гаугвицъ доказывалъ невозможность этого, невозможность оставаться нейтральнымъ, и когда король все-таки стоялъ на своемъ, вышелъ въ отставку. ¹

Пока шли переговоры съ Пруссіей, высокомеріе Наполеона все больше раздражало Александра. Бонапартъ требовалъ, чтобы были лишены своихъ мѣстъ Антрегъ и Вернегъ, французскіе эмигранты, поступившіе на русскую службу и служившіе въ дрезденскомъ и римскомъ посольствахъ, на томъ основаніи, будто эти Французы недовольны существующимъ во Франціи правительствомъ, желаютъ его ниспровергнуть, а потому не могутъ быть терпимы на русской службѣ. Въ просьбѣ Наполеона было отказано, потому что у насъ не было достовѣрныхъ свѣдѣній, дѣйствительно ли помянутыя лица участвовали въ заговорахъ противъ перваго консула, и потому что надо было дать отпоръ „дерзкому властолюбцу“, считавшему возможнымъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государей.

Наконецъ Наполеонъ совершилъ злодѣяніе, взволновавшее всю

¹ Мартенсъ, *Собраніе трактатовъ*, т. VI, стр. 299—315. Publicationen aus den Preussischen Staatsarchiven Bd. 29, p. XXXVI—XLVI.

Европу. Французскіе солдаты ворвались въ нейтральное курфиршество баденское, схватили проживавшаго тамъ герцога Ангіенскаго, представителя бурбонской династіи, ненавистной Наполеону, привели въ Парижъ, передали военному суду и въ тотъ же день расстрѣляли, какъ крамольника, главнымъ образомъ за то, что въ немъ текла кровь дореволюціонныхъ французскихъ королей.

Какъ только въ Петербургѣ узнали объ этомъ возмутительномъ дѣлѣ, былъ созванъ совѣтъ, на которомъ Чарторижскій, замѣстившій Воронцова, прочелъ слѣдующее объясненіе: „Вторженіе, которое Французы позволили себѣ сдѣлать во владѣнія Германской имперіи, чтобы схватить тамъ герцога Ангіенскаго и повести этого принца немедленно на казнь, событіе, которое служить мѣриломъ того, чего можно ожидать отъ правительства, не признающаго болѣе границъ въ своихъ насиліяхъ и попирающаго самыя священныя принципы. Императоръ, возмущенный столь явнымъ нарушеніемъ всякихъ обязательствъ, которыя могутъ быть предписаны справедливостью и международнымъ правомъ, отказывается сохранять долге сношенія съ правительствомъ, которое не признаетъ ни узды, ни какихъ бы то ни было обязанностей и которое запятнано такимъ ужаснымъ убійствомъ, что на него можно смотрѣть лишь какъ на вертепъ разбойниковъ: и несмотря на свое могущество, оно тѣмъ не менѣе заслуживаетъ этого названія. Покушеніе, совершенное Бонапартомъ, должно бы привлечь на Францію крикъ мести и осужденія со стороны всѣхъ государствъ Европы и подать знакъ ко всеобщей оппозиціи; но если другія державы, пораженные ужасомъ и безсиліемъ, униженно хранятъ молчаніе въ подобную минуту, то прилично ли Россіи слѣдовать этому примѣру? Не ей ли, наоборотъ, слѣдуетъ первой подать примѣръ, которому остальная Европа должна слѣдовать, чтобы спастись отъ неизбежнаго переворота, который ей угрожаетъ? Государь въ силу этихъ соображеній, вытекающихъ изъ его чувствительнаго и благороднаго сердца, и изъ чувства собственнаго достоинства считаетъ необходимымъ наложить на свой дворъ трауръ по случаю смерти герцога Ангіенскаго и намѣренъ выразить открыто все свое негодованіе на неслыханныя поступки Бонапарта. Его величество тѣмъ болѣе желалъ бы слѣдовать этому образу дѣйствій, что нарушеніе международного права произошло во владѣніяхъ принца, близкаго связаннаго съ императоромъ узами родства, и оскорбленіе, нанесенное въ этомъ случаѣ всему сонму европейскихъ государствъ и самому человѣ-

честву, можетъ въ силу этого лишь вдвое оскорбить его. Нашъ августѣйшій государь, признавая съ этихъ поръ постыднымъ и бесполезнымъ продолжать связи съ правительствомъ, которое такъ же мало уважаетъ истинную справедливость, какъ и виѣшнія приличія и предъ которымъ совершенно бесполезно вступаться за право и противъ угнетенія, считаетъ своимъ долгомъ разорвать съ нимъ сношенія и намѣревается отослать отсюда французское посольство и въ то же время отозвать изъ Парижа русское. Французское правительство не исполнило обязательствъ, которыя оно самымъ торжественнымъ образомъ приняло относительно Россіи, и наши неоднократныя просьбы, основанныя на этихъ обязательствахъ, въ пользу принцевъ, въ которыхъ императоръ принимаетъ участіе, до сихъ поръ не привели ни къ чему. Въ послѣднее время первый консулъ, напротивъ, какъ будто поставилъ себѣ задачей причинять русскому двору постоянныя непріятности неумѣстными и неприличными просьбами и поступками, которыхъ не могла прекратить осторожная твердость. Эта краткая картина поведенія Франціи относительно Россіи служитъ доказательствомъ, что мы немного потеряемъ, если прекратимъ въ данную минуту всякія сношенія съ правительствомъ, которое въ своихъ дѣйствіяхъ ставитъ себѣ за правило нарушать всѣ правила, установленныя обычаемъ и приличіями, и не отвѣчать ни малѣйшею взаимностью другимъ правительствамъ. Еслибъ императоръ принялъ это рѣшеніе, то, помимо побужденій, внушаемыхъ ему возмущеннымъ чувствомъ и обязанностью оставаться вѣрнымъ своему достоинству, оно имѣло бы также различныя, чисто политическія выгоды. Нужно ожидать, что энергическое поведеніе Россіи въ данную минуту дастъ скорѣе, чѣмъ что-либо, толчекъ всеобщей оппозиціи европейскихъ государствъ, которую такъ необходимо вызвать, чтобы наконецъ положить предѣлъ честолюбію и насиліямъ Бонапарта. Но предположимъ, что, разорвавъ съ французскимъ правительствомъ, Россія останется одна безъ союзниковъ на материкѣ; чего же ей опасаться въ такомъ случаѣ? Прекратить всякія сношенія еще не значить начать войну; а Франція не можетъ прямо напасть на насъ. Его величество не можетъ не чувствовать жестокаго поступка перваго консула, угрожающаго безопасности каждаго государства, иначе онъ унизилъ бы свое достоинство; и Европа, и Франція, и самъ Бонапартъ убѣждались бы все болѣе и болѣе, что первый консулъ можетъ все предпринимать, все

держатъ, съ полною увѣренностью, что ни откуда не явится противодѣйствія.“ Единогласно признано было, что двору слѣдуетъ наложить трауръ по случаю смерти герцога Англенскаго и этимъ выразить протестъ Наполеону. Однако большинствомъ голосовъ рѣшено было, что слѣдуетъ выразить недовольство первому консулу, но не прекращать дипломатическихъ сношеній съ Франціей, потому что это равносильно объявленію войны по поводу, который Европа сочтетъ недостаточнымъ. Только два члена совѣта, Румянцевъ и Завадовскій, держались на отношенія къ Франціи того же воззрѣнія, какъ прусскій король; они полагали, что убійство герцога Англенскаго не касается Россіи, а потому лучше смолчать, что Россія достаточно ограждена собственными силами и своимъ географическимъ положеніемъ даже въ томъ случаѣ, еслибы Французамъ удалось разгромить всѣ сосѣднія страны.

На этомъ основаніи, не принимая болѣе рѣшительныхъ мѣръ, русское правительство предложило имперскому сейму протестовать противъ поступка Наполеона, нарушившаго нейтралитетъ Бадена, а Убри подалъ ноту Талейрану, въ которой говорилъ: „Императоръ тѣмъ глубже сожалѣетъ о поступкѣ перваго консула, что онъ тщетно старался примирить земельное нарушеніе, учиненное во владѣніяхъ курфюрста баденскаго, съ принципами справедливости и права, обыкновенно священными для націй и составляющими основу ихъ взаимныхъ отношеній. Его императорское величество, къ несчастію, видитъ въ этомъ нарушеніе, столь же бесполезное, какъ и очевидное, международнаго права и нейтральныхъ владѣній, нарушеніе, послѣдствія котораго трудно исчислить и которое, если его сочтутъ дозволеннымъ, поставятъ ни во что безопасность и независимость державныхъ государствъ германской имперіи. Последняя, послѣ испытанныхъ ею несчастій, которыя давали ей сильно чувствовать необходимость въ промежуткѣ спокойствія и тишины, должна была еще опасаться за цѣлость своей территоріи. Можно ли было ожидать, что это произойдетъ со стороны правительства, которое взялось позаботиться объ огражденіи ея спокойствія и обезпечить его надолго? Его императорское величество считаетъ долгомъ заявить тѣ же чувства прямо французскому правительству: онъ увѣренъ, что первый консулъ постарается внять справедливымъ нареканіямъ Германіи и почувствуетъ необходимость употребить самыя дѣйствительныя средства, чтобъ успокоить всѣ правительства относительно только-что внутреннаго имъ страха и содѣйствовать прекращенію порядка ве-

щей въ Европѣ, слишкомъ опаснаго для ихъ спокойствія и независимости, на которое они имѣютъ неоспоримое право.“ На эту ноту Талейранъ отвѣтилъ нотой оскорбительною для русскаго правительства, начинавшеюся словами: „Первый консулъ съ прискорбіемъ видитъ, что вліяніе враговъ Франціи возоблагодало въ петербургскомъ кабинетѣ, теперь оно подрываетъ то благорасположеніе между двумя государствами, которое установилось съ такимъ трудомъ, но казалось такъ упроченнымъ, благодаря вытекшимъ изъ него счастливымъ послѣдствіямъ.“ А дальше говорится: „Еслибы нынѣшнимъ предметомъ мыслей его величества было составленіе новой коалиціи въ Европѣ и возобновленіе войны, то къ чему напрасныя предлоги, и отчего бы не дѣйствовать болѣе открыто? Какъ бы ни было прискорбно первому консулу возобновленіе непріязненныхъ дѣйствій, нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который могъ бы запугать Францію, котораго онъ допустилъ бы вмѣшаться во внутреннія дѣла страны. И такъ какъ онъ самъ не вмѣшивается въ партіи, которыя могутъ раздирать Россію, то и императоръ не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ партіи, которыя могутъ раздирать Францію. По врученной вамъ нотѣ вы требуете, чтобы Франція употребила самыя дѣйствительныя мѣры для успокоенія правительствъ, чтобы она содѣйствовала прекращенію порядка вещей въ Европѣ, который слишкомъ тревоженъ для ихъ безопасности и независимости. А развѣ не ударъ этой независимости европейскихъ государствъ, когда мы видимъ, что въ Дрезденѣ и въ Римѣ Россія охраняетъ и содержитъ заправиль заговоровъ, которые стараются злоупотреблять преимуществами своего пребыванія, чтобы волновать сосѣднія страны? Вотъ истинное покушеніе на независимость европейскихъ государствъ; вотъ это должно бы возбудить съ ихъ стороны горячія представленія. Предъявленная Россіей жалоба заставляетъ спросить: еслибы въ то время, когда Англія замышляла убіеніе Павла I, знали, что зачинщики заговора находятся на разстояніи одного мѣ отъ Франціи, неужели не постарались бы схватить ихъ?“

Убри объявилъ Талейрану, что не можетъ переслать этой ноты своему правительству, потому что она заключаетъ оскорбительныя выраженія и непристойныя намеки на отношенія государя къ его отцу Павлу I; если нота не будетъ измѣнена, онъ оставитъ свой постъ. Несмотря на угрозу, французское правительство не соглашалось на уступки. Наполеонъ, которому сенатъ только-

что поднесъ титулъ императора, считая свою власть достаточно упроченною во Франціи, хотѣлъ распространить ее на всю Европу. Онъ настаивалъ на томъ, что нарушеніе международнаго права его внутреннее дѣло, не касающееся Россіи; такъ привыкъ онъ распоряжаться въ мелкихъ германскихъ княжествахъ, что считалъ ихъ за свои провинціи и не допускалъ между ними и собою международнаго права. Бонапарту не удалось привлечь на свою сторону Александра; онъ хотѣлъ показать ему свою силу и послѣ побѣды сдѣлать изъ него помощника своимъ честолюбивымъ замысламъ. Разрывъ былъ неизбеженъ. Эдувило приказано было выѣхать изъ Петербурга, передавъ дѣла Реневалю, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Убри, вынужденный переслать въ Петербургъ оскорбительную ноту, подалъ французскому правительству ультиматумъ. „Мы живемъ не въ такъ-называемыя варварскія времена, говорится въ этомъ документѣ, когда всякая страна не признавала ничего, кромѣ своихъ прямыхъ выгодъ. Современная дипломатія, покоящаяся на международномъ правѣ, установила иные интересы, болѣе сообразные съ выгодами всѣхъ вообще государствъ. Къ обстоятельству, о которомъ идетъ рѣчь (казнь герцога Ангьенскаго), никто не могъ относиться равнодушно, какъ къ событію, заключавшему въ себѣ столь гибельное покушеніе на независимость и безопасность націи. Званіе поручителя и посредника въ Германской имперіи, возложенное на Россію Тешенскимъ договоромъ, давало его величеству еще болѣе неоспоримое право и возлагало еще болѣе великій долгъ высказаться по этому случаю. И если, облеченное тѣмъ же званіемъ, французское правительство считаетъ дозволеннымъ нарушить нейтралитетъ Германіи и дѣйствовать такъ произвольно, то трудно понять, почему его величество не въ правѣ заступиться за ту самую имперію, которой онъ взялся обезпечить безопасность и независимость. Когда послѣ разрыва съ Англіей, французское правительство сочло возможнымъ занять своими войсками и лишить торговли тѣ страны, которыя тщетно протестовали въ пользу своего нейтралитета, его величество встревожился, но не за себя самого: при силѣ и положеніи своей имперіи, онъ могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ этихъ печальныхъ сценъ. Онъ встревожился за безопасность остальной Европы и выступилъ предъ правительствомъ республики съ требованіемъ обезпечить хоть тѣ страны, нейтралитетъ которыхъ Франція была обязана уважать въ силу дого-

воровъ между ней и Россіей. Но такъ какъ его многократныя справедливыя настоянія остались безъ дѣйствія, то онъ не скрылъ своего образа мыслей отъ государствъ, которыя находились въ опасности очутиться въ одинъ прекрасный день въ положеніи Италіи, части Германіи и другихъ странъ, уже подчинившихся французскому правительству. Видя, что, вопреки всѣмъ этимъ заботамъ и представленіямъ, опасность возрастаетъ, видя, что французскія войска съ одной стороны окаймляютъ берега Адриатики, съ другой—налагаютъ контрибуціи на Ганзейскіе города и угрожаютъ Даніи, его величество рѣшилъ приготовить свои силы, чтобы воспротивиться дальнѣйшимъ захватамъ, поприще которыхъ расширилось бы такимъ путемъ до его границъ. Если такое поведеніе неискренно и нечестно, если такое поведеніе считаютъ оскорбительнымъ для Франціи и противнымъ благоденствію и спокойствію Европы, то гдѣ же будетъ различіе между очевидными проступками, съ одной стороны, и вызываемымъ ими озлобленіемъ съ другой, между нападеніемъ и защитой, между угнетеніемъ и защитой слабого? Здѣсь не станемъ входить въ обсужденіе вопроса международнаго права, можетъ ли французское правительство во всѣхъ странахъ преслѣдовать лицъ, изгнанныхъ имъ изъ своихъ владѣній, и имѣть ли оно право предписывать иностраннымъ державамъ, какъ поступать съ бывшими эмигрантами, уже давно состоящими на ихъ службѣ и ихъ натурализованными подданными? Достаточно замѣтить, что такое ученіе совсѣмъ противно началамъ справедливости и прежде торжественно отвергалось французскою націей. Вѣдь это значило бы странно смѣшивать понятія и слова, еслибы признать, что именно Россія нападаетъ на независимость европейскихъ государствъ, когда она не смѣняетъ одного изъ своихъ чиновниковъ за границей по волѣ французскаго правительства. Его величество никогда не потворствовалъ заговорщикамъ. Его благородный и прямой нравъ слишкомъ хорошо извѣстенъ всей Европѣ, чтобы требовалось опровергать это обвиненіе, столько же ложное, сколько непостижимое. Французское правительство само убѣждено въ противномъ: ему стоить только припомнить, что его величество много разъ заявлялъ ему, что пусть только оно докажетъ виновность любого русскаго чиновника въ подобныхъ замыслахъ, и онъ поспѣшитъ покарать въ его лицѣ преступленіе, которое онъ считаетъ самымъ гнуснымъ. А затѣмъ вотъ факты. Португалія должна была купить свой нейтралитетъ (она платила Наполеону ежемѣсячную субсидію); неапо-

литанское королевство, которое не могло сохранить его, было вынуждено понести громадные издержки для содержания расположенных въ немъ французскихъ войскъ; вся Италия, тѣ самыя республики, которымъ были обѣщаны независимость и благоденствие, Швейцарія и Голландія стали не болѣе какъ французскими провинціями; одна часть германской имперіи захвачена, а въ другой французскіе отряды производятъ аресты, похирая священное право народовъ. Пусть эти страны рѣшатъ: кто, Россія или Франція, угрожаетъ спокойствію Европы; кто исповѣдуетъ болѣе благопріятныя для независимости государства правила, и кто позволяетъ себѣ относительно ихъ болѣе самоволія, вмѣшиваясь въ ихъ управленіе? Желательно бы видѣть, какимъ образомъ въ настоящемъ спорѣ можно бы было доказать, что если Россія протестуетъ противъ явнаго нарушенія международнаго права, учиненнаго державой-порукой и посредницей внѣ предѣловъ республики, на нейтральной землѣ нѣмецкой имперіи, то это значитъ, что она вмѣшивается во внутреннія дѣла Франціи, о которыхъ нѣтъ и рѣчи въ данномъ случаѣ и въ которыхъ императоръ вообще никогда не думалъ вмѣшиваться или вступаться. Трудно повѣрить, чтобы ради поддержки ложнаго начала французскій кабинетъ могъ до того отступить отъ требованій почтительности и приличія, что выбралъ наименѣе подходящий примѣръ: въ оффиціальной бумагѣ онъ напомнилъ чувству августѣйшаго сына о смерти его отца и, сверхъ всякаго вѣроятія и правды, взвелъ ужасное преступленіе на правительство, на которое онъ не стѣсняется безпрестанно клеветать, потому что находится въ войнѣ съ нимъ. Впрочемъ, какія ни изобрѣтай предположенія, ничто не измѣнитъ громкаго вопроса, ничто не оправдаетъ, не содѣлаетъ дозвольтельнымъ дѣла произвола, дѣла, нарушающаго основы международнаго права, которыя до сихъ поръ еще не были оспариваемы. Въ заключеніе Убри объявлялъ отъ имени русскаго правительства, что его пребываніе въ Парижѣ можетъ продлиться лишь въ томъ случаѣ, если будетъ исполнена секретная конвенція, если Наполеонъ выведетъ войска изъ неаполитанскаго королевства, вознаградитъ сардинскаго короля за понесенныя имъ потери, немедленно очиститъ всю сѣверную Германію отъ своихъ войскъ и приметъ обязательство строго уважать нейтралитетъ германской имперіи.

Требованія эти, справедливыя сами по себѣ, не могли быть приняты Наполеономъ, и Талейранъ отвѣтилъ, что Россія сама

нарушила мирный договоръ, напрымѣрь, статью третью, гласящую: „обѣ договаривающіяся стороны, желая, насколько это отъ нихъ зависитъ, содѣйствовать спокойствію двухъ соотвѣтственныхъ правительствъ, общають взаимно не допускать, чтобъ ихъ подданные поддерживали прямыя или косвенныя сношенія съ врагами двухъ государствъ, распространяли принципы, противные строю соотвѣтственнаго государства, возбуждая смуты. Вслѣдствіе этого соглашенія всякій поданный одной изъ двухъ державъ, который, находясь въ предѣлахъ другой, посягнетъ на ея безопасность, будетъ удаленъ изъ сказанной страны, не имѣя ни въ какомъ случаѣ права ссылаться на защиту своего правительства.“ Нота Талейрана оканчивалась словами: „Русскому кабинету хотѣлось бы, чтобы Франція обязалась исполнять невыгодныя для нея условія договора, не обезпечивая ей исполненія выгодныхъ. Такъ поступаетъ только побѣдитель съ побѣжденнымъ. Это значило бы предположить, что Францію можно запугать угрозами, или что ей приходится признать господство какой-нибудь державы. Но исторія годовъ предшествовавшихъ зампренію съ Россіей съ очевидностью доказываетъ, что ни эта и никакая другая держава не имѣетъ права поднимать голосъ предъ Франціей. Императоръ французскій желаетъ мира на материкѣ. Онъ сдѣлалъ все, чтобъ установить его съ Россіей; онъ ничего не пощадилъ для его сохраненія; но при помощи Бога и своихъ армій ему нечего бояться кого бы то ни было.“ Въ августѣ 1804 г. Убри покинулъ свой постъ и Реневаль былъ отозванъ изъ Петербурга. Война стала неизбѣжна. ¹

Военныя дѣйствія открылись въ 1805 году. При Аустерлицѣ Наполеонъ нанесъ жестокое пораженіе соединенному войску австрійскому и русскому. Послѣ этого Австрія вышла изъ коалиціи, заключила отдѣльный миръ съ Франціей, по которому она лишилась Венеціи, Тироля, вообще территоріи въ 1.114 кв. миль съ 2.785.000 жителей.

Напрасно старался Александръ убѣдить Пруссію присоединиться къ коалиціи, напрасно ѣздилъ въ Берлинъ на свиданіе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Пруссійскій король преслѣдовалъ свою узкую національную политику и надѣялся получить отъ Франціи больше выгоды, чѣмъ отъ Австріи и Россіи, потому что

¹ Сб. Ист. Общ. Т. 77, стр. 547—563. 593—595, 606—608, 610, 663—678, 681—684.

Наполеонъ завлекалъ его разными обѣщаніями, которыхъ не имѣревался сдержать. Для округленія своихъ владѣній Фридрихъ-Вильгельмъ желалъ приобрести Ганноверъ, представлявшій въ стратегическомъ и торговомъ отношеніи очень важное владѣніе, и Наполеонъ обѣщаль ему Ганноверъ, обѣщаль, но продолжалъ держать тамъ свои войска. Когда при началѣ войны съ Англіей Наполеонъ, не спросясь короля, провелъ свою армію по прусской территоріи, Фридрихъ-Вильгельмъ возмущился и сталъ вооружаться. Тогда Наполеонъ, желая отвлечь Пруссію отъ коалиціи, къ которой она собиралась приступить, разрѣшилъ прусскимъ войскамъ занять Ганноверъ. Ослѣпленный такою уступчивостью и пораженный аустерлицкимъ погромомъ прусскій король въ началѣ 1806 г. заключилъ союзный договоръ съ Франціей, по которому Пруссія обязалась закрыть свои порты англійскимъ судамъ. Владѣніе Ганноверомъ было призрачно, его можно было занять во время войны по праву сильнаго, но присоединить его къ Пруссіи можно было только послѣ мира Франціи съ Англіей, потому что ганноверское курфиршество принадлежало англійской коронѣ. За то реальнымъ фактомъ была ссора между Англіей и Пруссіей, необходимость воевать съ Англіей. Этого-то и добивался Наполеонъ. Скоро въ Берлинѣ узнали, что при переговорахъ съ англійскимъ уполномоченнымъ Наполеонъ обѣщаль по замиреніи возвратить Ганноверъ Англіи, что Наполеонъ собираетъ большое войско и двигаетъ его къ прусскимъ границамъ. Прусскій король вооружается, Наполеонъ требуетъ, чтобы онъ разоружился. Пруссія понимаетъ наконецъ, что Наполеонъ обманываетъ ее, и приступаетъ къ русской коалиціи, приступаетъ поздно, когда Австрія уже вышла изъ нея, когда русская армія истощена двухлѣтнею войной. ¹

Въ борьбѣ съ Россіей Наполеонъ прибѣгъ къ старинному средству, много разъ удававшемуся французской дипломатіи; онъ старался поднять противъ насъ Порту. Онъ отправилъ, рассказываетъ С. М. Соловьевъ, посланникомъ въ Константинополь генерала Себастіани, хорошо знакомаго съ Востокомъ, и слѣдствія его внушеній скоро сказались. Савонники стоявшіе за дружескія отношенія между Россіей и Портою были удалены и мѣста ихъ заняли люди, доступные внушеніямъ французскаго посланника.

¹ *Publicationen aus den preussischen Staatsarchiven* Bd. 29, p. LVII—LXXX.

Внушенія состояли въ томъ, что Порты не должна терять, чтобъ ея христіанскіе подданные получали какія-нибудь выгоды отъ Россіи, привыкали къ ея покровительству, почему запрещено было Грекамъ, которые плавали подъ русскимъ флагомъ, пользоваться привилегіями русскихъ подданныхъ; уничтоженъ былъ, такимъ образомъ, обычай, ведшійся издавна. Договорами было утверждено, что господаи молдавскій и валахскій не могутъ быть смѣнены диваномъ ранѣ семи лѣтъ, если только не совершатъ преступленія, доказаннаго по слѣдствію, произведенному сообща Россіей и Портой; вслѣдствіе внушеній Себастіани султанъ смѣнилъ обонихъ господарей до срока, безо всякой причины, безъ предварительнаго изслѣдованія. По договору 1805 года русскимъ военнымъ кораблямъ дозволенъ былъ свободный проходъ и перевозъ войска черезъ Босфоръ и Дардавеллы: теперь Порты объявила, что не намѣрена больше исполнять этого условія. Такое нарушеніе договора объяснялось тѣмъ, что Себастіани подавъ дивану ноту, въ которой требовалъ, чтобы Босфоръ былъ запертъ для русскихъ военныхъ судовъ и транспортовъ; отказъ въ этомъ требованіи Франція сочтетъ для себя враждебнымъ дѣйствіемъ со стороны Турціи и получить право двигать свои войска черезъ турецкія владѣнія для борьбы съ русскимъ войскомъ на берегахъ Днѣстра. Въ нотѣ Себастіани говорилось: возобновеніе или продолженіе союза Турціи съ врагами Франціи, именно съ Англичанами и Русскими, будетъ не только явнымъ нарушеніемъ нейтралитета, но участіемъ въ войнѣ, которую эти народы ведутъ съ Франціей. Нарушеніемъ договоровъ Турки прямо объявляли войну; оставлять долге Порту подъ диктатурой французскаго посланника и дожидаться новыхъ враждебныхъ поступковъ и дерзостей было бы странно, и русскія войска получили приказаніе занять дунайскія княжества. ¹

Въ двѣ недѣли Наполеонъ страшно отомстилъ своему прежнему союзнику; 10 октября Прусски потерали сраженіе при Саальфельдѣ, 14 октября при Іенѣ и Ауерштедтѣ, 26 октября Наполеонъ, разгромивъ Пруссію, былъ уже въ Берлинѣ. Послѣ такого погрома не могло быть рѣчи о дальнѣйшемъ сопротивленіи. Россія тоже нечувствовала себя въ состояніи продолжать войну послѣ пораженія при Фриландѣ, послѣдовавшаго за многими неудачами. Александръ послалъ для переговоровъ о мирѣ Лобанова-

¹ Соловьевъ, *Александръ Первый*, стр. 123.

Ростовскаго; онъ былъ принятъ съ необыкновенною лаской Наполеономъ который радъ былъ не только примириться, но и заключить союзъ съ Россіей, чтобъ обратить всѣ свои силы противъ Англіи, единственной державы, не сложившей еще оружія.

„Александръ думалъ о мирѣ и его условіяхъ, справедливо замѣтилъ С. М. Соловьевъ, Наполеонъ думалъ о союзѣ, для котораго готовъ былъ на всевозможныя обѣщанія; это ему ничего не стоило, ибо ему ничего не стоило ихъ неисполненіе. Но прельстить обѣщаніями, закладать пестрыми рѣчамн, обмануть притворною искренностью, фальшивымъ добродушіемъ всего лучше было при личныхъ сношеніяхъ; прельщать такимъ образомъ пословъ не достигало цѣли, впечатлѣніе ослабѣвало, исчезало при передачѣ; притомъ эти люди имѣли инструкціи, были подъ властью, могущею отвергнуть все, ими поставленное; другое дѣло, еслибы можно было войти въ сношенія съ самимъ самодержцемъ, съ нимъ обо всемъ условиться одинъ на одинъ, его прельстить! Всѣ самыя сильныя побужденія желать свиданія съ императоромъ Александромъ были на сторонѣ Наполеона; со стороны Русскаго государя были также сильныя побужденія вести дѣло непосредственно съ Наполеономъ. При живости своей природы Александръ былъ страстный охотникъ лично вести переговоры, имѣть непосредственныя сношенія съ государями, вліятельными министрами, направлять совѣщанія, уговаривать, улаживать; страсть усиливалась тѣмъ, что тутъ Александръ могъ твердо положиться на свои способности, могъ надѣяться выйти съ побѣдой; сюда присоединялась недоувѣрчивость къ людямъ; въ одномъ подозрѣвалъ онъ недостатковъ надлежащихъ способностей; въ другомъ — нравственныхъ качествъ; въ третьемъ при отсутствіи этихъ недостатковъ подозрѣвалъ какое-нибудь убѣжденіе, несогласовавшееся съ его собственнымъ и могшее повредить въ данномъ случаѣ“.¹

XXXIV.

25 іюня 1807 г. произошло знаменитое Тильзитское свиданіе между двумя императорами, не имѣвшими между собою ничего общаго ни по характеру, ни по политическимъ взглядамъ, и тѣмъ не менѣе облобызавшимся и заключившимъ между собою союзъ.

¹ Императоръ Александръ Первый, стр. 117—118, 151

„Я только что видѣлся съ императоромъ Александромъ, въ тотъ же вечеръ писалъ Наполеонъ Жозефинѣ, я остался имъ очень доволенъ. Это очень красивый, добрый и молодой императоръ; онъ умнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ.“ „Въ этихъ немногихъ строкахъ, говорить Вандаль, легко прочесть надежду, которую Наполеонъ возлагалъ на Александра. Быстрымъ взглядомъ онъ охватилъ всѣ стороны этого характера. Прежде всего Александръ представился ему нѣжною и привязчивою натурой, чувствительною къ вниманію, много удѣляющей дружбѣ и много отъ нея требующей. Далѣе, у него было пылкое воображеніе, которое не трудно было воспламенить; восхищаясь возвышенными и соблазнительными идеями, онъ упивался ихъ блескомъ, не стараясь придать имъ конкретную форму; обладая умомъ блестящимъ, но не полнымъ, онъ способенъ былъ всего больше воспринимать впечатлѣнія, присвоивать себѣ подсказанныя ему мысли, придавать имъ поэзію и блескъ, дѣлать ихъ предметомъ созерцательнаго культа; казалось, онъ былъ рожденъ скорѣе, чтобы мечтать, чѣмъ дѣйствовать. Наполеонъ замѣтилъ, что всѣми этими сторонами своего характера молодой императоръ можетъ поддаться ему, что онъ доступенъ чарамъ его повелительнаго генія. Съ этой минуты рѣшеніе его было принято: деликатною, но твердою рукой онъ тронетъ всѣ пружины, которыя могутъ поддѣйствовать на душу Александра, онъ овладѣетъ этимъ монархомъ, чтобы чрезъ него овладѣть Россіей. Онъ хочетъ въ одно и то же время господствовать надъ его умомъ и плѣнить его сердце; онъ придастъ ихъ сношеніямъ характеръ не политическаго союза, а интимной и личпой связи, основанной на привязанности одного человѣка къ другому, и это дастъ ему возможность оставить въ ихъ соглашеніи нѣчто недоговоренное и таинственное; между друзьями недоверіе немислимо и они понимаютъ другъ друга съ полуслова. Въ политикѣ слова и дѣйствія французскаго императора будутъ неизмѣнно вдохновляться нравственными тенденціями и душевными особенностями, замѣченными имъ въ Александрѣ; выставятъ общія идеи, развивать ихъ съ несравненно очаровательностью мысли и выраженія, возвышать, облагораживать всѣ вопросы, показывать въ нихъ стороны общечеловѣческія, сентиментальныя, философскія, переносить ихъ въ возвышенную и туманную область, избѣгать матеріальныхъ и практическихъ сторонъ вопросовъ, ставить принципы и предоставлять будущему извлекать изъ нихъ приложеніе, избѣгать въ на-

стоящемъ преждевременныхъ обязательствъ; когда будетъ неизбежно дать Александру дѣйствительное удовлетвореніе, давать его человѣку, а не монарху, такъ чтобы было удовлетворено его самолюбіе, его личные и минутные интересы, а не постоянные интересы его народа, подавать ему надежду на другія выгоды еще болѣе важныя, оставлять ему постоянно предметъ желанія, держать его въ постоянномъ ожиданіи чего-то хорошаго, въ очаровательномъ снѣ, который отниметъ у него способность рассуждать и одуматься; таковъ былъ планъ, который Наполеонъ преслѣдовалъ съ необыкновенною выдержкой и искусствомъ, и который, кажется, зародился въ его головѣ въ моментъ перваго свиданія съ русскимъ императоромъ¹.

Грубый по своей природѣ и мстительный какъ истый Корсиканецъ, Наполеонъ умѣлъ быть любезенъ, умѣлъ обворожить и манерами и разговоромъ. „Ни противъ кого у меня не было такого предубѣжденія какъ противъ него, рассказывалъ Александръ Павловичъ, но послѣ разговора съ нимъ, продолжавшагося три четверти часа, всѣ мои предубѣжденія исчезли какъ сонъ.“ Императоры прожили въ Тильзитѣ три недѣли, Александръ обѣдалъ ежедневно у Наполеона, засыпавшая у него до поздней ночи. Во время этихъ продолжительныхъ бесѣдъ Наполеонъ сумѣлъ овладѣть душой Александра, сумѣлъ приобщить его къ своимъ завоевательнымъ планамъ, прельстить его какъ бы внезапно брошенной идеей. Во время смотра, на которомъ присутствовали оба императора, Наполеону принесли дипломатическія депеши. Онъ раскрылъ ихъ, прочиталъ, затѣмъ, обращаясь къ Александру, сказалъ: „это рѣшеніе Провидѣнія, оно говоритъ мнѣ, что турецкая имперія не можетъ существовать долѣе“. Онъ подалъ царю донесенія своего посла въ Константинополь, Себастіана. Въ нихъ были подробно описаны только что совершившійся переворотъ: солдаты и народъ, недовольные реформами Селима, возстали противъ него, и султанъ, осажденный въ собственномъ дворцѣ, отказался отъ престола; Турція, подпавшая было подъ власть просвѣщеннаго монарха, вновь погружалась въ бездну. Наполеонъ былъ союзникомъ султана, онъ не былъ союзникомъ Турціи, съ которою у него не было договора. Онъ объявилъ, что паденіе Селима развязываетъ его съ Турціей, и онъ въ состояніи теперь привести въ исполненіе

¹ Vandal, Napoléon et Alexandre I, t. I, p. 60—61.

великіе проекты, на которые указываютъ ему его собственная склонность и дружба съ русскимъ императоромъ. Съ тѣхъ поръ Наполеонъ не переставалъ играть на этой струнѣ, онъ намекалъ, что Константинополь будетъ принадлежать Россіи, если она вступитъ въ союзъ съ Франціей. Приманка, къ которой Александръ оставался равнодушенъ, когда она доходила до него при посредствѣ Моркова, теперь возымѣла свое дѣйствіе, потому что теперь она была поднесена въ оболъстительной формѣ, прикрыта возвышенными идеями и очаровательными словами гениальнаго императора. Наполеонъ не только раскрывалъ предъ Александромъ картину покореннаго Востока, онъ предлагалъ ему воспользоваться разгромомъ Пруссіи, великодушно дарилъ ему Мемель и часть прусской территоріи по ту сторону Нѣмана. Благородство русскаго императора, хлопотавшаго о наиболѣе выгодномъ мирѣ для Пруссіи, не позволило ему принять этотъ подарокъ, предложенный, конечно, не съ тѣмъ, чтобъ увеличить русское государство, а съ тѣмъ, чтобы поселить раздоръ между Пруссіей и Россіей. Фридрихъ-Вильгельмъ не простилъ бы Александру, еслибъ онъ сначала старался втянуть его въ коалицію, а потомъ воспользовался пораженьемъ союзника.

Пока монархи проводили время въ дружеской бесѣдѣ, и Наполеонъ давалъ множество разныхъ обѣщаній, отъ которыхъ впоследствии можно было отказаться, уполномоченные вели переговоры болѣе серьезныя, потому что они привели къ письменному Тильзитскому договору. По мнѣнію одного современнаго историка. договоръ этотъ былъ для насъ очень выгоденъ, съ чѣмъ однако трудно согласиться. Тильзитскій трактатъ состоитъ изъ трехъ частей, мирнаго договора, приложенныхъ къ нему сепаратныхъ секретныхъ статей и союзнаго договора. По мирному договору Россія признавала всѣ захваты Наполеона, признавала братьевъ его: Иосифа королемъ неаполитанскимъ, Людовика королемъ голландскимъ, Иеронима королемъ Вестфалии, образованной изъ отобранныхъ у Пруссіи земель. Александръ обязался отозвать свои войска изъ Молдавіи, Валахіи и принять посредничество Наполеона въ примиреніи съ Турціей. Наполеонъ, со своей стороны, обязывался возвратить Фридриху-Вильгельму всѣ земли, кромѣ уступленныхъ Пруссіей по мирному договору. Всѣ польскія области, принадлежавшія Пруссіи, были выдѣлены въ отдѣльное герцогство варшавское и отданы какъ вассальное государство союзнику Наполеона, королю саксонскому. По одной изъ секретныхъ статей Але-

ксандръ признавалъ принадлежащими Франціи Іоническіе острова, находившіеся подъ протекторатомъ Россіи. Относительно Англіи въ союзномъ договорѣ было постановлено: „Если Англія не приметъ посредничества Россіи, или если принявъ его, она до 1 ноября не согласится заключить миръ, признавъ, что флаги всѣхъ державъ должны пользоваться одинаковою и полною свободою на моряхъ и. возвративъ Франціи и ея союзникамъ всѣ завоеванія, сдѣланныя ею съ 1805 года, то въ теченіе ноября посланникъ русскаго императора подастъ С.-Джемскому кабинету ноту. Въ этой нотѣ, заявляющей объ участіи, какое принимаетъ русскій императоръ въ общемъ спокойствіи и намѣреніи употребить всѣ силы своей имперіи для доставленія человѣчеству благодѣтельнаго мира, будетъ заключаться положительная и ясная декларация, что въ случаѣ отказа Англіи заключить миръ на указанныхъ условіяхъ, Русскій императоръ соединится съ Франціей и въ случаѣ С.-Джемскій кабинетъ не дастъ категорическаго и удовлетворительнаго отвѣта до 1 декабря, русскій посланникъ получитъ приказаніе немедленно покинуть Англію. Въ такомъ случаѣ договаривающіяся стороны сообща предложатъ дворамъ копенгагенскому, стокгольмскому и лисабонскому закрыть свои порты Англичанамъ, отозвать своихъ пословъ и объявить войну Англіи. Съ дворомъ, который откажется исполнить это требованіе, будетъ поступлено договаривающимися сторонами, какъ съ непріятелемъ, и если откажется Швеція, Данію принудятъ объявить ей войну.“ О французскомъ посредничествѣ въ Турціи въ союзномъ договорѣ сказано: „Если вѣлѣдствіе перемиръ, происшедшихъ въ Константинополѣ, Порты не приметъ французскаго посредничества или если она приметъ его, но въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ начала переговоровъ они не приведутъ къ удовлетворительному результату, Франція соединится съ Россіей противъ Оттоманской Порты и договаривающіяся стороны согласятся отнять у Оттоманской имперіи всѣ европейскія провинціи, исключая Константинополя и Румелійской провинціи.“¹

Легко видѣть, что условія о русскомъ и французскомъ посредничествѣ сильно разнятся между собой. Было точно опредѣлено, на какихъ условіяхъ Франція согласна примириться съ Англіей, когда должны начаться переговоры, даже что русское правитель-

¹ Тильзитскій договоръ напечатанъ въ приложеніяхъ къ вышеупомянутой книгѣ Вандала и къ книгѣ г. Татищева *Alexa. Are et Napoléon*. Paris. 1891.

ство должно написать въ своей нотѣ. Такъ какъ можно было предвидѣть, что Англія не согласится на французскія условія, Россія обязалась разорвать съ этою державой черезъ пять мѣсяцевъ послѣ Тильзитскаго договора; мало того, она обязалась вести войну противъ Швеціи, принимавшей также участіе въ европейской коалиціи. За это Франція обязалась доставить Россіи выгодный миръ съ Турніей, но условія этого мира не были опредѣлены, не было опредѣлено, когда должны начаться переговоры, и ихъ можно было оттягивать подъ разными предлогами. Наполеонъ могъ не нарушая договора поступить, какъ ему будетъ угодно, всякій результатъ переговоровъ могъ быть признанъ удовлетворительнымъ; все здѣсь основывалось на довѣріи, и Русскій императоръ получилъ внезапно такое довѣріе къ Наполеону, что не считъ нужнымъ обезпечить свои интересы на бумагѣ, между тѣмъ какъ хитрый Корсиканецъ не ограничился словесными обѣщаніями Александра. Нельзя признать, чтобы намъ было выгодно возстановленіе Польши подъ видомъ герцогства варшавскаго, враждебное положеніе, въ которое Россія становилась къ Англіи и Швеціи, обязанность воевать за интересы Наполеона, для увеличенія его и безъ того чрезмѣрнаго могущества. Бѣлостокская область, уступленная Россіи изъ прусскихъ владѣній, не могла вознаградить насъ за потери, которыя мы имѣли понести отъ прекращенія торговли съ Англіей и отъ предстоящихъ войнъ. Не надо забывать, что Александръ I былъ побѣжденъ, и еслибъ ему удалось заключить выгодный мирный договоръ, это былъ бы единственный примѣръ въ исторіи.

„Хотя оба монарха, говоритъ Вандаль, поклялись другъ другу въ дружбѣ, во взаимной помощи, въ неизмѣнномъ довѣріи, хотя они въ примирительномъ духѣ коснулись важныхъ вопросовъ, разъединившихъ ихъ до этого дня, они не рѣшили ни одного вопроса: прусскій вопросъ былъ закрытъ только по наружности, грозный польскій вопросъ оставался въ полной силѣ; трактатъ породилъ скорѣе надежду, чѣмъ увѣренность, что восточный вопросъ будетъ разрѣшенъ; какъ только надо будетъ ближе опредѣлить соотвѣтственные интересы, рисковали натолкнуться на прежнее разногласіе и прежнюю вражду. Эта будущая туча не ускользала отъ вниманія Наполеона: онъ чувствовалъ, что Англія располагаетъ еще тысячею средствъ, чтобы разрушить шаткое зданіе его союзовъ; что достаточно будетъ его врагу продолжать пассивное сопротивленіе, не уступать, и Англія вновь найдетъ

сообщниковъ, что надо преслѣдовать ее безошадно, побить ее сейчасъ же, иначе всѣ добытые результаты вновь отойдутъ въ область спорныхъ вопросовъ, что Франція не можетъ выжидать мира, но должна завоевать его. Пользуясь первымъ пыломъ Александра, Наполеонъ организовалъ въ Тильзитѣ самую грандіозную систему войны, которую онъ когда-либо придумывалъ для противодействія британской стойкости. Но эта система заключала въ себѣ большія опасности: увлекая императора, заставляя его удвоить усилія, приводить въ отчаяніе побѣжденныхъ, насиловать нейтральныхъ, онъ снабжалъ Англію новымъ оружіемъ, доводилъ угнетеніе до послѣднихъ предѣловъ, подготавливая всеобщее возмущеніе народовъ противъ насъ. Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ похищалъ Александра съ надеждой и довольный своимъ дѣломъ; въ первый разъ онъ заключилъ большой союзъ, нашелъ помощника въ борьбѣ противъ дерзкой націи; съ этою помощью, хотя бы временною, онъ могъ все предпринять и надѣялся все исполнить. Только бы Александръ оставался ему вѣрнымъ въ эту минуту, только бы очарованіе не прошло слишкомъ скоро, только бы царь въ Петербургѣ продолжалъ слѣдовать по направленію, данному ему въ Тильзитѣ, тогда Наполеонъ былъ увѣренъ быстро сломить Англію.⁴

Вернувшись въ Петербургъ государь принялся за исполненіе Тильзитскаго договора. Когда Англія отказалась принять его посредничество и мириться съ Франціей, онъ прервалъ съ нею дипломатическія сношенія, отозвалъ своего посланника изъ Лондона. Онъ смѣстилъ Будберга только-что замѣстившаго Чарторижскаго, потому что Будбергъ, такъ же какъ его предшественники, недоброжелательно относился къ Франціи и смотрѣлъ отрывательно на союзъ съ Наполеономъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ графъ Румянцевъ, который на совѣтѣ по убіеніи герцога Англенскаго стоялъ за миръ съ Франціей во что бы то ни стало. Но государь желалъ также, чтобы Наполеонъ сдержалъ свои обѣщанія, и это дѣло поручено было генералу Толстому, отправленному въ Парижъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ сентябрѣ 1807 года.

Изъ обширной инструкціи, данной ему, видно, чего желалъ Александръ I. „Вы найдете, говорится въ этомъ документѣ, что руководствуясь неизмѣнно одними и тѣми же началами справед-

⁴ *Napoléon et Alexandre I*, p. 110.

ливости, безкорыстія и непреложною заботливостію о сохраненіи моихъ союзниковъ, я ничѣмъ не пренебрегъ, по мѣрѣ силъ моихъ, для поддержанія и защиты ихъ. Независимо отъ дипломатическихъ отношеній, сдѣланныхъ съ этою цѣлью по моему приказанію, я два раза вступалъ въ борьбу съ Франціей и, конечно, не будутъ меня упрекать ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ въ преслѣдованіи какихъ-либо личныхъ выгодъ. Усматривая постепенное разрушеніе началъ, на которыхъ уже столько вѣковъ основывалось спокойствіе и благоденствіе Европы, я чувствовалъ, что долъ и достоинство Россійскаго государя обязываютъ не оставаться празднымъ зрителемъ этого окончательнаго разрушенія. Я сдѣлалъ все, что было въ силахъ человеческихъ. Но въ томъ положеніи, до котораго ошибками другихъ доведены были дѣла, когда мнѣ одному пришлось бороться со всѣми силами Франціи, поддержанными огромными средствами, доставленными ею Германіей, Италіей, Голландіей и даже Испаніей; когда я былъ совершенно покинутъ союзниками, на которыхъ я имѣлъ поволь всего болѣе рассчитывать; наконецъ, когда увидѣлъ, что границы моей имперіи подвергаются опасности отъ сдѣленія ошибокъ и обстоятельствъ, которыхъ мнѣ невозможно было тотчасъ отвратить, я разсудилъ, что имѣю полное право воспользоваться предложеніями, неоднократно сдѣланными мнѣ въ продолженіе всей войны императоромъ Французовъ. Тогда и я, въ свою очередь, предложилъ перемиріе, за которымъ въ скоромъ времени послѣдовалъ окончательный миръ между Россіей и Франціей, подписанный 25 іюня въ Тильзитѣ. Какія бы то ни были причины этого долгаго разрыва между Россіей и Франціей, и какое положеніе дѣлъ отсюда бы ни пронстекло, я рѣшился предать прошедшее совершенному забвенію и въ точности выполнить принятыя на себя обязательства; при этомъ мнѣ пріятно думать, что императоръ Французовъ пребываетъ со своей стороны въ такомъ же настроеніи, въ чемъ онъ самъ меня увѣрялъ самымъ положительнымъ образомъ. Я желаю поддерживать съ непрерывнымъ вниманіемъ связи, установившіяся теперь между обѣими имперіями, даже стараться объ упроченіи ихъ при каждомъ случаѣ, гдѣ дѣло коснется нашихъ обоюдныхъ выгодъ и по возможности избѣгать всякаго повода къ неприятымъ пререканіямъ, которыя могли бы нарушить доброе согласіе, столь счастливымъ образомъ между нами возстановленное. Вотъ, по моему мнѣнію, самыя лучшія средства, чтобъ обоюдно достигнуть цѣли и пзвлечь

пользу пзъ возстановленіи сношеній Россіи съ Франціей. Вотъ также общія правила, которыми вы должны руководствоваться въ вашихъ общественныхъ сношеніяхъ. Если я не крупно ошибаюсь на счетъ того, какъ цѣнить императоръ Наполеонъ мою дружбу, я имѣю полное право думать, что вы найдете этого государя одушевленнымъ одинаковымъ со мною желаніемъ болѣе и болѣе скрѣплять дружескія отношенія, которыя насъ соединяютъ.“

Послѣ этихъ общихъ указаній, свидѣтельствующихъ, что императоръ Александръ вѣрнѣе въ дружбу Наполеона и отказывался отъ своей прежней политики, Толстому даются опредѣленные порученія. Онъ долженъ хлопотать о томъ, чтобы французское правительство ускорило эвакуацію прусскихъ владѣній, и поддерживать по возможности интересы прусскаго короля. „Я не могу достаточно обратить ваше вниманіе, говорится въ инструкціи, на все то, что относится къ этому предмету; и мнѣ пріятно заранѣе увѣрить васъ, что я приму съ особенною признательностію все то, что вамъ удастся выговорить въ пользу короля.“ Далѣе слѣдуетъ самая важная часть инструкціи, касающаяся Восточнаго вопроса: „Отъ жпвой проницательности императора Наполеона не ускользнетъ, что настоящее время какъ нельзя болѣе отвѣчало бы его собственнымъ выгодамъ, если я поскорѣе освобождепъ буду отъ войны, отвлекающей у меня противъ Турціи столь значительную часть моихъ силъ, которыми я могу располагать. Постарайтесь обратить его вниманіе на это обстоятельство: вы можете извлечь отсюда громадную выгоду для пользы моей службы; во всѣхъ разговорахъ, которые вамъ придется имѣть съ этимъ государемъ, вы можете даже сказать ему, что самымъ лучшимъ средствомъ для прекращенія этой войны было бы, еслибы при его посредствѣ, въ соединеніи со страхомъ, который внушаетъ Туркамъ мое оружіе, я получилъ бы Валахію и Молдавію, чтобъ однимъ словомъ границы моей имперіи были бы отодвинуты съ этой стороны до Дуная. Сколько бы мелочныхъ вопросовъ и споровъ, которые неизбѣжно затагивали бы переговоры и могутъ привести къ возобновленію войны, пали бы сами собою, благодаря одному этому рѣшенію. Вы можете почаще напоминать ему, что еслибы заключеніе мира освободило мнѣ эту часть моихъ силъ, я тотчасъ же могъ бы дать этой арміи направленіе, болѣе сообразное для интересовъ императора Наполеона, я размѣстилъ бы ихъ такимъ образомъ, чтобъ отвлечь силы австрійскаго дома

и парализовать присущее, может-быть, ему желаніе применить къ Англіи. Я не ожидаю встрѣтить большаго противодѣйствія своимъ видамъ, такъ какъ они клонятся къ выгодѣ самого же императора Французовъ и въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуютъ его собственнымъ видамъ на Оттоманскую имперію. Вы постарайтесь также объяснить ему, что это пріобрѣтеніе будетъ, конечно, способствовать осуществленію его замысловъ и что, добившись его, я буду имѣть болѣе возможности помогать ему; въ разговорахъ съ нимъ вы можете выражать также, лично отъ себя, желаніе, чтобы Русскіе мои подданные получили бы немедленно наглядное доказательство той пользы, которую пріобрѣла моя имперія отъ измѣненія мной прежней политической системы и предпочтенія Франціи замѣнъ Англіи. Не упустите заявить также, что я вполне считаю себя въ правѣ сохранить за собой границу отъ Кубани до Ріона, равно какъ и перечисленныя ниже крѣпости. Если же, сверхъ всякаго ожиданія, вы встрѣтите рѣшительное противодѣйствіе, которое останется неизмѣннымъ, вы выскажете, что справедливость требуетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы война, которой я постарался съ такимъ тщаніемъ избѣгнуть, получила бы соотвѣтствующее вознагражденіе; а для того, чтобы вы были въ состояніи возражать съ знаніемъ дѣла на всѣ доводы, которые могутъ быть вамъ противопоставлены, я долженъ сказать вамъ, что послѣдняя война съ Турками была вызвана исключительно послѣдовательнымъ нарушеніемъ Портой самыхъ торжественныхъ обязательствъ, принятыхъ ею на себя по отношенію къ Россіи. Я не буду разсматривать здѣсь, насколько французское правительство могло быть причастно подобному образу дѣйствій Порты; тогда мы были врагами, теперь — нѣтъ. Однимъ словомъ, быть-можетъ, слишкомъ уже долгое время я считалъ своимъ долгомъ противопоставлять умѣренности и самое полное безкорыстіе цѣлому ряду вызововъ. Но когда, наконецъ, опасность возрасла до такой степени, что являлась крайняя необходимость предупредить враждебные замыслы Порты, въ то самое время, какъ главный врагъ приближался къ границамъ имперіи, мнѣ не позволено было долѣе колебаться и мои войска получили приказаніе перейти Днѣстръ. Хотя эта мѣра не имѣла другой цѣли, кромѣ понужденія Турокъ къ точному выполненію смысла договоровъ, Турція, тѣмъ не менѣе, взглянула на нее, какъ на первый шагъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ, и она объявила мнѣ войну.“ На этомъ основаніи государь находилъ спра-

ведливимъ требовать взаменъ вознагражденія за военныя издержки слѣдующія территориальныя пріобрѣтенія: Бессарабію съ крѣпостями Бендеры, Аккерманъ, Измаиль, крѣпость Хотинъ, границу отъ устьевъ Кубани до Ріона съ крѣпостями Анапа, Сухумъ-Кале и Поті. Кромѣ того, государь желалъ, чтобы въ будущей мирный договоръ включены были слѣдующія условія: возстановленіе и признаніе прежнихъ договоровъ Россіи съ Турціей; подтвержденіе прежнихъ преимуществъ для Молдавіи и Валахіи въ случаѣ, если онѣ не будутъ уступлены Россіи; возведеніе Сербіи въ княжество на подобіе Молдавіи и Валахіи. Но такъ какъ по Тильзитскому договору русскія войска должны были быть выведены изъ дунайскихъ княжествъ, государь прибавилъ въ инструкціи Толстому: они должны тамъ остаться впредь до приказанія. Это измѣненіе есть результатъ словеснаго соглашенія между мной и императоромъ Наполеономъ, который мнѣ сообщилъ, что онъ не только не будетъ настаивать на эвакуаціи этихъ двухъ областей, но что онъ постарается даже затянуть переговоры, чтобы продлить время пребыванія моихъ войскъ въ этихъ краяхъ.“¹

Императоръ Александръ считалъ, что словесное обѣщаніе такъ же обязательно, какъ письменный договоръ. Но не такъ думалъ Наполеонъ. По его мнѣнію, если Россія будетъ занимать Молдавію и Валахію, то и онъ долженъ получить какое-нибудь вознагражденіе. Несмотря на Тильзитскій договоръ, Наполеонъ не выводилъ войскъ ни изъ Берлина, ни изъ другихъ городовъ, занятыхъ во время войны, предоставивъ Фридриху-Вильгельму одинъ только Кенигсбергъ; наложивъ на Пруссію непосильную контрибуцію во 150 милліоновъ франковъ, онъ не соглашался на эвакуацію, пока не будутъ заплачены деньги. Теперь онъ желалъ воспользоваться завоевательными стремленіями Александра и готовъ былъ согласиться на пріобрѣтеніе Россіей Дунайскихъ княжествъ съ тѣмъ, чтобы Россія позволила ему отнять у Пруссіи Силезію. Но русскій царь говорилъ не только о Молдавіи и Валахіи, онъ заявлялъ и другія претензіи, очевидно на основаніи словъ Наполеона, на основаніи намековъ о раздѣлѣ. Надо было какъ-нибудь

¹ Инструкція Толстому до сихъ поръ не издана, но важнѣйшая часть напечатана въ подлинникѣ, то-есть по-французски, г. Татищевымъ, и раньше его въ русскомъ переводѣ г. Шильдеромъ, которымъ я и воспользовался въ изслѣдованіи: Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ (*Русская Старина*, 1890 г. январь, стр. 157—163).

устранить этотъ вопросъ, потому что Наполеонъ не имѣлъ серьезнаго намѣренія нападать на Турцію, гдѣ только-что упрочилось его вліяніе; у него было слишкомъ много дѣла на Западѣ, чтобы думать о Востокѣ.

Вслѣдъ за прїѣздомъ Толстаго былъ отправленъ въ Петербургъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла Коленкуръ, и въ данной ему инструкціи опредѣленно выражены желанія Наполеона. „Русскій императоръ, говорится въ этомъ документѣ, принялъ посредничество императора Наполеона въ примиреніи съ Турціей; Турція также приняла это посредничество. Изъ оккупацин Молдавіи и Валахія и пзъ движенія русской арміи видно, что Россія имѣетъ виды на эти провинціи. Императоръ не очень противится оккупацин Валахія и Молдавіи Русскими. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она можетъ служить его интересамъ, давъ ему возможность получить соотвѣтственную часть въ видѣ нѣсколькихъ прусскихъ провинцій. Къ этому присоединяется еще то соображеніе, что при теперешнемъ уладѣнн Порты Молдавія и Валахія все равно, что потеряны для нея; нельзя надѣяться, чтобы Порта могла воспользоваться доходами, доставляемыми этими провинціями; страна будетъ опустошена, жители ограблены обѣими воюющими сторонами; крики и жалобы будутъ раздаваться въ ушахъ императора; онъ будетъ призванъ вмѣшиваться въ постоянные споры, и дружба Франціи съ Россіей рискуетъ быть нарушеною. Но если русскій императоръ удержитъ Валахію и Молдавію, этимъ будетъ нарушенъ Тильзитскій договоръ, и нарушение это не можетъ быть въ пользу одной изъ договорившихся сторонъ. Императору нужно удовлетвореніе, и онъ можетъ найти его только въ части прусскихъ владѣній, которыя онъ по договору обязанъ возвратить, въ части, по количеству народонаселенія соотвѣтствующей двумъ турецкимъ провинціямъ. Такимъ образомъ, союзникъ Франціи и союзникъ Россіи потерпятъ одинаковую потерю. Правда, что у Пруссіи останется населенія только два милліона; но развѣ этого не достаточно для счастья королевскаго семейства и развѣ не въ ея интересахъ съ полною покорностью занять сейчасъ же мѣсто среди мелкихъ державъ, когда всѣ ея усилія вернуть себѣ прежнее мѣсто будутъ только мучить народы и приведутъ къ безплоднымъ сожалѣніямъ? Вѣроятно вамъ скажутъ въ Петербургѣ, что императоръ могъ бы взять себѣ взамѣнъ турецкія провинціи, сосѣднія съ его итальянскимъ королевствомъ, напрімѣръ, Боснію и Албанію. Вы должны отгло-

нить подобную сдѣлку; она не можетъ годиться для императора. Она поведетъ къ послѣдствіямъ, которыхъ нельзя предвидѣть. Императору нужно было бы завоевать эти провинціи; онѣ не находятся въ его рукахъ, какъ Молдавія и Валахія въ рукахъ Русскихъ. Надо было бы сражаться, чтобы завоевать ихъ и сражаться, чтобы удержать ихъ, ибо предубѣжденія и характеръ тамошнихъ жителей препятствовали бы спокойному обладанію этими провинціями. Это не было бы цѣннымъ приобрѣтеніемъ для императора; эти бѣдныя провинціи, по ихъ географическому положенію, трудно было бы соединить съ центромъ нашей имперіи. Отсюда проистекли бы еще болѣе важныя послѣдствія: разрушеніе Оттоманской имперіи. При такихъ захватахъ съ сѣвера и востока она не могла бы держаться долѣе. Отдѣленіе отъ нея Молдавіи и Валахій не отнимаетъ у нея силы; вотъ уже двадцать лѣтъ, что эти провинціи, подчинившись русскому вліянію, потеряны для нея; но если за эту потерю послѣдуетъ отдѣленіе западныхъ провинцій, имперія будетъ поражена въ самое сердце; Оттоманская Порта, подвергшись съ одной стороны нападенію Русскихъ, съ другой—Французовъ, перестанетъ существовать. Это паденіе Оттоманской имперіи можетъ быть желательно для петербургскаго кабинета; оно неизбежно; но ускореніе его не должно входить въ политику обонхъ императорскихъ дворовъ; они должны откладывать его до той минуты, когда раздѣлъ Турціи можно будетъ совершить болѣе выгоднымъ способомъ, когда нечего будетъ опасаться, что враждебная имъ теперь держава (Англія), занявъ Египетъ и острова, присвоитъ себѣ лучшую часть. Вотъ главное возраженіе императора противъ раздѣла Оттоманской имперіи.“

Къ этому мѣсту инструкціи, подъ диктовку Наполеона, прибавлено слѣдующее: „Истинное желаніе императора въ эту минуту заключается въ томъ, чтобы Оттоманская имперія оставалась въ своихъ теперешнихъ предѣлахъ (разумѣется, исключая Молдавіи и Валахій), живя въ мирѣ съ Россіей и Франціей, имѣя границей долину Дуная съ крѣпостями на этой рѣкѣ, если только Россія согласится, чтобы Франція также увеличилась на счетъ Пруссіи. Однако, можетъ быть раздѣлъ Оттоманской имперіи рѣшенъ въ Петербургѣ; въ такомъ случаѣ намѣреніе императора не слишкомъ шокировать русской дворъ. Онъ предпочитаетъ одному совершить съ ней этотъ раздѣлъ, такъ чтобы Франція имѣла какъ можно болѣе вліянія при этомъ раздѣлѣ, чѣмъ побудитъ

Россію прибѣгнуть къ содѣйствію Австріи. Слѣдовательно, не надо прямо отказываться отъ раздѣла, но объявить, что согласиться насчетъ этого предмета можно только при личномъ свиданіи.“

Мысль Наполеона еще болѣе выясняется въ слѣдующемъ мѣстѣ инструкціи: „Императоръ желалъ бы всего болѣе, чтобы Турки продолжали владѣть Молдавіей и Валахіей. Однако, желаніе падить петербургскій кабинетъ и все больше привязывать къ себѣ императора Александра не отстраняетъ его отъ предоставленія Россіи этихъ двухъ провинцій въ обмѣнъ на соотвѣтствующія прусскія провинціи; наконецъ, совсѣмъ не будучи склоненъ къ раздѣлу Турецкой имперіи и считая эту мѣру пагубною, императоръ не желаетъ, чтобы вы въ объясненіяхъ съ императоромъ Александромъ безусловно осуждали ее; но онъ предписываетъ вамъ энергично представить мотивы, по которымъ ее надо отложить. Этотъ старинный проектъ русскаго честолюбія представляетъ связь, которая можетъ прикрѣпить Россію къ Франціи, и съ этой точки зрѣнія не слѣдуетъ вполнѣ отнимать надежду у русскаго императора.“¹

Изъ этого ясно, что когда Наполеонъ въ Тильзитѣ намекалъ на раздѣлъ Турціи, онъ прельщалъ Александра, говорилъ о далекомъ будущемъ, какъ о чемъ-то, чтò можно привести въ исполненіе сейчасъ же. Увлеченный на путь завоеваній, императоръ Александръ не хотѣлъ отстать отъ взлѣблянной имъ идеи. Въ угоду Франціи, онъ готовъ былъ воевать съ Англіей и Швеціей, лишь бы ему оказана была помощь на Востокаѣ. Но на комбинацію Наполеона онъ согласиться не могъ; онъ рѣшительно объявилъ, что не согласенъ на насиліе противъ своего союзника. Восточный вопросъ требовалъ разрѣшенія, оккупация Дунайскихъ княжествъ не могла продолжаться безконечно, и Александръ съ безпокойствомъ ждалъ, чтобы Наполеонъ категорически высказался о Восточномъ вопросѣ.

Наполеонъ медлилъ, помощь Россіи нужна была ему не противъ Турціи, а противъ Англій, ему надо было сначала покорить себѣ Европу, потомъ думать о Востокаѣ. Какъ смотрѣлъ Наполеонъ на Восточный вопросъ въ началѣ 1808 г., показываетъ его разговоръ съ австрійскимъ посланникомъ, знаменитымъ впоследствии Меттернихомъ. „Только особенныя обстоятель-

¹ Vandal, p. 508—512.

ства, говорилъ Наполеонъ, могутъ заставитьъ меня напасть на Турцію, которую я долженъ былъ бы всячески поддерживать; меня могутъ принудить къ этому Англичане, я долженъ преслѣдовать ихъ вездѣ, гдѣ встрѣчаю. Мнѣ ничего не надо, никакого увеличенія территоріи; Египетъ и нѣкоторыя колоніи были бы мнѣ выгодны, но эта выгода не уравнивалась бы громаднымъ расширеніемъ Россіи. Вы также не можете смотрѣть равнодушно на такое расширеніе, и я вижу, что раздѣлъ Турціи долженъ тѣсно соединить насъ. Въ тотъ день, когда Русскіе займутъ Константинополь, вамъ нужна будетъ помощь Франціи противъ Россіи; и вы будете нужны Франціи, чтобы перевѣсъ оказался на нашей сторонѣ.“ Въ яркихъ чертахъ представилъ Наполеонъ Меттерниху опасность, грозящую со стороны московскаго царства, одобрялъ претензіи Австріи на дунайскую долину, претензіи, основанныя на географіи, и закончилъ свою рѣчь словами: „Вы сообщите своему двору, что еще нѣтъ вопроса о раздѣлѣ Турціи, но какъ только онъ будетъ поставленъ, вы не только будете допущены къ его разрѣшенію, но будете призваны, какъ это справедливо, защищать ваши интересы и обсуждать ихъ вмѣстѣ съ нами.“¹

Какая же была цѣль этого разговора? Ослѣпить Австрію тою же приманкой, какою былъ ослѣпленъ императоръ Александръ, указать ей на выгоду, какою она можетъ извлечь изъ сближенія съ Франціей, заручиться помощью вѣнскаго двора въ случаѣ если дѣло дойдетъ до раздѣла Турціи, воспользоваться этою помощью для ограниченія чрезмѣрныхъ требованій Россіи. Близжайшая же цѣль заключалась въ томъ, чтобы возбудить недовѣріе Австріи къ Россіи, сдѣлать невозможною новую европейскую коалицію противъ Франціи.

Разговоръ съ Меттернихомъ происходилъ 22 января, а черезъ десять дней (2 февраля) Наполеонъ пишетъ письмо Александру, которое преисполняетъ радостью сердце русскаго царя, становившагося уже мрачнымъ отъ уклончивыхъ отвѣтовъ Коленкура, отъ молчанія французскаго императора. Вотъ содержаніе этого письма: Изъ послѣднихъ рѣчей въ англійскомъ парламентѣ, ваше величество уже видѣло, что тамъ принято рѣшеніе продолжать войну до послѣдней возможности. Теперь мы можемъ достигнуть мира и укрѣпить нашу систему только значительнымъ и обшир-

¹ Vandal, p. 234.

ными мѣропріятіями. Пусть ваше величество увеличитъ и усилить свою армію. Вы получите отъ меня всякую помощь, какую я въ состояніи буду вамъ дать; меня одушевляетъ не чувство ревности въ Россіи, а исключительно желаніе ей славы, процвѣтанія, расширенія предѣловъ. Позволить ли ваше величество подать совѣтъ человѣку, нѣжно и искренно ему преданному? Вашему величеству необходимо отдалить Шведовъ отъ своей столицы; распространите съ этой стороны ваши границы такъ далеко, какъ хотите, я готовъ помогать вамъ въ этомъ всякими средствами. Армія въ 50 тысячъ человѣкъ, состоящая изъ Русскихъ, Французовъ, можетъ быть даже нѣсколькихъ Австрійцевъ, направившись чрезъ Константинополь въ Азію, не дойдя еще до Ефрата, заставила бы трепетать Англію и броситься на колѣни предъ континентальными державами. Я твердо стою въ Далмаціи, ваше величество на Дунаѣ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ нашего приглашенія армія могла бы быть на Босфорѣ. Ударъ этотъ отозвался бы въ Индіи, и Англія была бы покорена. Я не отказываюсь ни отъ какихъ предварительныхъ соглашеній, необходимыхъ для достиженія столь великой цѣли. Но взаимные интересы нашихъ государствъ должны быть соединены и уравновѣшены. Это можетъ быть сдѣлано только на свиданіи съ вашимъ величествомъ, или послѣ искреннихъ конференцій между Румянцевымъ и Коленкуротъ и присылки сюда человѣка, который держался бы новой системы. Толстой хорошій человѣкъ, но преисполненъ предубѣжденій противъ Франціи, недовѣрія къ ней, и онъ не стоитъ на высотѣ событій, случившихся въ Тильзитѣ и новаго положенія, приданнаго вселенной тѣсною дружбой между вашимъ величествомъ и мной. Все можетъ быть рѣшено и подписано до 15 марта. 1 мая наши войска могутъ быть въ Азіи, а ваша армія въ Стокгольмѣ. Тогда Англичане, изгнанные съ Востока и получая угрозы въ Индіи, будутъ подавлены подъ тяжестью событій, которыми будетъ наполнена атмосфера. Ваше величество предпочло бы, такъ же, какъ и я, сладость мира, мы предпочли бы жить въ нашихъ обширныхъ имперіяхъ, стараясь осчастливить ихъ благодѣяніями хорошаго управленія: враги міра не хотятъ этого. Намъ надо, противъ воли, быть болѣе великими. Разумно и политично дѣлать, что приказываетъ судьба и идти туда, куда влечетъ насъ неустойчивый ходъ событій. Тогда толпа пигмеевъ, которые не хотятъ видѣть, что настоящія событія таковы, что сравненія имъ надо искать въ исторіи, а не

въ газетахъ прошлаго вѣка, преклонятся и послѣдуютъ движенію, данному вашимъ величествомъ и мною, и русскій народъ будетъ доволенъ славой и богатствомъ, которыя будутъ результатомъ этихъ великихъ событій. Въ этихъ немногихъ строкахъ я изливаю передъ вашимъ величествомъ всю мою душу. Тильзитское дѣло направитъ судьбу міра. Можеть-быть нѣкоторая робость вашего величества и моя склоняли насъ предпочесть вѣрное и настоящее благо лучшему и болѣе совершенному положенію; но такъ какъ Англія не хочетъ, признаемъ, что настала эпоха великихъ перемѣнъ и великихъ событій.“¹

Въ этомъ письмѣ прямо не говорится о раздѣлѣ Турціи, но вопросъ, очевидно, предрѣшенъ; фантастическій походъ франко-русскаго войска изъ Константинополя могъ быть предпринятъ только тогда, когда Царьградъ будетъ европейскимъ городомъ. Почему же Наполеонъ въ двѣ недѣли перемѣнилъ всѣ свои планы? Въ концѣ января онъ утверждаетъ, что о раздѣлѣ Турціи не можеть быть рѣчи, а 2 февраля считаетъ Константинополь принадлежащимъ союзникамъ. Цѣль французскаго императора была самая простая: отвлечь вниманіе Александра отъ европейскихъ дѣлъ. Царь требуетъ исполненія Тильзитскаго договора, требуетъ эвакуаціи Пруссіи; надо, чтобъ онъ забылъ Пруссію, надо дать матеріалъ его фантазіи. Пусть онъ будетъ увѣренъ, что съ помощью Наполеона ему удастся покорить половину вселенной, пусть увлекается этимъ миражемъ тѣмъ временемъ французскій императоръ воспользуется смутами, происходящими въ Мадридѣ, свергнетъ съ престола послѣднихъ Бурбоновъ, сдѣлаетъ Испанію своею провинціей. Александръ можеть содѣйствовать его планамъ, онъ можеть напасть на союзницу Англіи — Швецію; занятый войной съ Швеціей и войной съ Турціей, которая непременно начнется, онъ не будетъ слишкомъ настаивать на эвакуаціи Пруссіи, не будетъ противодѣйствовать завоевательнымъ планамъ Наполеона, въ расчетѣ, что тотъ поможетъ ему на Востока. Какъ извѣстно, Наполеонъ увлекался иногда фантастическими планами, мечтая о завоеваніи Индіи. Но во всякомъ случаѣ онъ откладывалъ осуществленіе этого грандіознаго плана до тѣхъ поръ, пока не покоритъ всей Европы.

Въ Петербургѣ письмо Наполеона произвело совсѣмъ другое впечатлѣніе. Государь повѣрилъ своему корреспонденту, вообра-

¹ Vandal, p. 242—243.

зиль, что Наполеонъ собирается приступить къ раздѣлу Турціи, и въ Петербургѣ началось серьезное обсужденіе этого вопроса. Между Александромъ Павловичемъ и Коленкуромъ происходилъ слѣдующій разговоръ.

Коленкуръ. Императоръ пишетъ мнѣ въ такомъ же духѣ, какъ вашему величеству. Этого достаточно для вашего величества, хорошо помнящаго Тильзитское свиданіе и для меня, знающаго, что Наполеонъ желаетъ все сдѣлать для славы вашего величества и выгоды Россіи.

Государь. Изъ одного выраженія его письма я заключилъ, что въ письмѣ къ вамъ будутъ изложены основанія, на которыхъ можетъ состояться соглашеніе.

Коленкуръ. Вотъ извлеченіе изъ письма ко мнѣ императора.

Государь (прочтя письмо). Это тѣ же самыя слова. Однако, изъ желанія императора предпринять экспедицію въ Индію видно, что надо раздѣлить всю Турцію, даже Константинополь, который долженъ быть пунктомъ отправленія. Если рѣчь идетъ только о раздѣлѣ, проектированномъ въ Тильзитѣ, все готово. Если желаютъ полнаго раздѣла, надо войти въ соглашеніе. Я думаю и даже говорилъ Румянцеву, что надо обсуждать этотъ вопросъ съ картой въ рукѣ.

Коленкуръ. Мнѣ кажется, для обсужденія достаточно того, что сообщаетъ вамъ императоръ. Все, что у насъ дѣлается, имѣетъ цѣлью угодить вашему величеству, и это намѣреніе будетъ стоять во главѣ всѣхъ переговоровъ.

Государь. Мои претензіи не простирались дальше Молдавіи и Валахіи. Тогда императоръ не хотѣлъ разрушать Турціи. Планы его измѣнились. Все, что ему кажется подходящимъ, подходитъ и мнѣ. Я въ восторгѣ, что больше нѣтъ рѣчи о Силезіи. Императоръ ничего объ этомъ не говоритъ. По слогу письма императора я узнаю мысли, высказанныя въ Тильзитѣ. Я увѣренъ въ успѣхѣ. Вопросъ объ Оттоманской имперіи долженъ уничтожить все, что предлагалось относительно Пруссіи послѣ Тильзита.

Коленкуръ. Императоръ никогда не настаивалъ на томъ, чтобы вы вывели войска изъ турецкихъ провинцій. Въ Англіи были слишкомъ довольны идеей объ эвакуаціи Пруссіи, чтобы ваше величество не поняли, что въ общихъ интересахъ французскія войска должны оставаться въ Пруссіи, пока не окончена война съ Англіей. Довѣріе и взаимная помощь приведутъ все дѣло къ благополучному исходу. Вы цѣните, конечно, довѣріе, выка-

зывается вамъ императоромъ и я привелъ причины, почему ему неудобна эвакуація Пруссіи въ настоящую минуту. Императоръ Наполеонъ проситъ васъ не настаивать на эвакуаціи Пруссіи, какъ онъ не настаиваетъ на эвакуаціи Молдавіи. Императоръ говоритъ вамъ, что онъ желаетъ всего, чего вы желаете. Онъ приказываетъ мнѣ переговорить съ Румянцевымъ; это для того, чтобы набросать первоначальныя идеи, затѣмъ только монархи могутъ согласиться между собой.

Государь. Средство, которое я предпочитаю,—это лично свидѣться съ императоромъ. Я отвѣчаю вамъ самымъ положительнымъ образомъ: если рѣчь идетъ о раздѣлѣ, предложенномъ въ Тильзитѣ, все готово; если же о полномъ раздѣлѣ, переговорите съ Румянцевымъ, возьмите карты, обсудите, что можно сдѣлать, что можетъ быть подходящимъ для каждой стороны. Я напишу императору, вы представите ему свои планы, и пусть онъ тогда назначить день и мѣсто свиданія.

Коленкуръ. Это вполне входитъ въ намѣренія императора. Необходимо будетъ также объясниться на счетъ средствъ, которыми вы можете располагать при раздѣлѣ и для экспедиціи.

Государь. Я дамъ императору количество солдатъ, какое онъ пожелаетъ. Моя армія на Дунаѣ готова, я не заставляю ждать императора. Если экспедиція возможна, она возможна только чрезъ Константинополь; маленькій корпусъ могъ бы идти на Астрабадъ.

Коленкуръ. Вы можете комбинировать ваше содѣйствіе разными способами: корпусъ на Астрабадъ, высадка въ Требизондѣ; но во всякомъ случаѣ необходимо идти къ Герату и Кандагару.

Государь. Я готовъ сдѣлать все, что полезно императору, все что можетъ способствовать его славѣ. Согласимся вполне, и онъ увидитъ, что я не бываю другомъ и союзникомъ на полувину. Я прикажу Румянцеву дать вамъ всѣ необходимыя справки объ Азіи; надо повсюду громить Англію.¹

Первымъ результатомъ Наполеоновскаго письма была война, которую Россія объявила Швеціи, когда стокгольмскій кабинетъ отказался бросить союзъ съ Англіей и закрыть ей свои порты. Вторымъ результатомъ было то, что Наполеонъ получилъ разрѣшеніе воспользоваться русскимъ флотомъ, стоявшимъ въ Средиземномъ морѣ. „Пусть ваше величество, доносилъ Коленкуръ,

¹ *Tatistcheff*, p. 320—323.

присоединить Италію и даже Испанію къ Франціи, мѣняйте династіи, основывайте королевства, требуйте содѣйствія Черноморскаго флота и русской арміи для завоеванія Египта, мѣняйтесь съ Австріей, какими угодно областями, однимъ словомъ, пусть міръ сойдетъ со своего мѣста, я думаю, Россія будетъ смотрѣть на все это безъ безпокойства, если только она получитъ Константинополь и Дарданеллы.“ Справедливость словъ французскаго посланника подтверждается письмомъ Александра Наполеону въ отвѣтъ на вышеприведенное письмо.

„Письмо вашего величества отъ 2 февраля перенесло меня во времена Тильзита, воспоминаніе о которомъ навсегда останется мнѣ дорого. Читая ваше письмо, мнѣ казалось, что я вновь переживаю тѣ часы, которые мы проводили вмѣстѣ и не могу вполне выразить доставленнаго мнѣ вами удовольствія. Виды вашего величества представляются мнѣ настолько же грандіозными, насколько справедливыми. Генію, столь возвышенному, какъ вашъ, предназначено было создать такой обширный планъ. Этотъ самый геній будетъ руководить его исполненіемъ. Я вполне откровенно изъяснилъ генералу Коленкуру интересы моей имперіи и ему поручено представить вашему величеству мои идеи. Онѣ основательно обсуждены имъ и Румянцевымъ, и если ваше величество присоединится къ нимъ, я предлагаю ему армію для экспедиціи въ Индію, другую армію для завоеванія Малой Азіи. Точно также я пишу различнымъ командирамъ моего флота, чтобъ они были въ полномъ вашемъ распоряженіи. Надѣюсь, вы усмотрите въ моемъ поведеніи постоянное желаніе доказать вамъ, какія сильныя чувства я питаю къ вамъ, и желаніе сдѣлать тѣснѣе соединяющую насъ связь, долженствующую повліять на судьбы міра. Если идеи, предлагаемыя вашему величеству, согласуются съ вашими, я готовъ отправиться на свиданіе, которое вы желаете имѣть со мной. Я заранѣе радуюсь этому, и мнѣ нужно всего двѣ недѣли, чтобъ доѣхать до Ерфурта, мѣста представляющагося мнѣ наиболѣе подходящимъ для нашего свиданія. Я предвкушаю эту минуту, какъ одну изъ лучшихъ въ моей жизни. Завоеваніе Финляндіи не было трудно. Мои арміи занимаютъ уже самыя важныя пункты и двигаются на Або; въ то же время бомбардируютъ Свеаборгъ. Я считаю, что съ этой стороны скоро все будетъ кончено, и, кажется, недалека минута, когда, благодаря соединеннымъ нашимъ мѣропріятіямъ, Англія должна будетъ сдаться.“

Несмотря на увлеченіе франко-русскимъ союзомъ нѣкоторые факты, случившіеся вскорѣ послѣ этого, должны были поселить въ душѣ Александра тѣнь недовѣрія къ Наполеону. Впервыхъ, изъ Парижа приходили неудовлетворительные отвѣты; тамъ не соглашались отдать Россіи Константинополь и Дарданеллы, и, что самое важное, Наполеонъ подъ всякими предлогами откладывалъ свиданіе съ русскимъ государемъ. Далѣе отъ прекращенія торговли съ Англіей пострадали наши финансы и курсъ бумажныхъ денегъ палъ очень низко. Наконецъ, въ шведскомъ вопросѣ прямо обнаружилась неискренняя политика Наполеона. Послѣдній самымъ положительнымъ образомъ обѣщавъ помочь Александру въ войнѣ съ Швеціей и отдалъ якобы приказаніе маршалу Бернадоту идти въ Швецію. На самомъ же дѣлѣ французская армія не двинулась съ мѣста и намъ пришлось однимъ сражаться со Шведами. Наполеонъ желалъ, чтобы шведская война затянулась какъ можно дольше. „Я ничего не выиграю отъ того, что Русскіе будутъ въ .Стокгольмѣ“, писалъ Наполеонъ. Въ данномъ случаѣ Коленкуръ не вполне понялъ намѣренія своего правительства. Какъ опытный генералъ, онъ давалъ государю разные военные совѣты, подавалъ ему мемуары и планы, какъ сохранить за собой Финляндію, какъ лучше вести наступленіе на Шведскомъ полуостровѣ. Но за такіе неумѣстные совѣты онъ получилъ отъ своего государя строгій выговоръ. „Не переставайте быть Французомъ“, писалъ ему Наполеонъ.¹

Многіе сановники, несмотря на громкія обѣщанія Наполеона, продолжали относиться къ нему съ недовѣріемъ и предупреждали Александра Павловича. „Донесенія мои, писалъ Толстой, достаточно представляютъ вашему императорскому величеству дальновидныя желанія и подвиги французскаго правительства къ новымъ приобрѣтеніямъ чужихъ земель, къ покоренію сосѣдственныхъ государствъ и къ расширенію своего владычества до конца Европы. Надежды возстановить съ симъ правительствомъ долговременный и основательный миръ есть обманъ, коимъ ослѣпляются слабые умы, не чувствующие въ себѣ никакой силы сопротивленія, теряя тѣмъ время и самые способы приуготовить себя къ оборонѣ. Дѣйствіе необузданной власти императора Наполеона, дѣятельность и искусство людей, его окружающихъ, необыкновенны; Гішпанія и Португалія скоро падутъ подъ иго

¹ Vandal, p. 307, 303—304, 321—322, 260, 331.

Франціи, а потомъ возстановленіе Польши будетъ предметомъ его славолюбія. Теперь есть еще время усилить російскія войска и сдѣлать основаніе внутренняго ополченія. Ежелижъ не примутся нужныя мѣры, то внезапно и съ удивленіемъ увидимъ мы французскія арміи въ границахъ нашихъ, и тогда послѣдствія будутъ неисчислимы.“¹

Въ ту минуту когда Александръ Павловичъ обѣщаль помощь фантастическимъ планамъ Наполеона, Чарторижскій счелъ своею обязанностью предостеречь государя и подалъ ему записку, въ которой говорилъ между прочимъ: „Я думаю, что ваши теперешнія отношенія къ французскому правительству кончатся для вашего императорскаго величества самымъ гибельнымъ образомъ. У Наполеона только одна цѣль, которую онъ преслѣдуетъ непрерывно съ тѣхъ поръ какъ управляетъ Франціей; эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ унижать, поработать и уничтожать всѣ существующія правительства для того, чтобъ его собственная власть и его династія стали непоколебимыми. Онъ не можетъ не желать униженія Россіи. Это государство не можетъ не внушать ему недоувѣрія. Пока Россія будетъ подчиняться его желаніямъ, пока она будетъ помогать исполненію его плановъ, онъ можетъ быть оставить ее въ покоѣ. Но съ минуты, когда онъ замѣтитъ нѣкоторое противодѣйствіе съ ея стороны, онъ постарается сломить ее открытою силою. Затруднительнѣе и досаднѣе всего, въ нашемъ положеніи, то что, уступая во всемъ волѣ Наполеона, Россія служитъ лишь интересамъ этого завоевателя; она увеличиваетъ его средства и уменьшаетъ въ значительно большей пропорціи свои собственныя; она лишаетъ себя возможности противустоять Наполеону, когда онъ со временемъ заблагоразсудитъ нанести ей послѣдній ударъ; а онъ не замедлитъ сдѣлать это, какъ только будетъ увѣренъ въ успѣхѣ. Наполеонъ все еще занимаетъ владѣнія прусскаго короля съ цѣлью при первомъ же удобномъ случаѣ доконать этого несчастнаго монарха, а также чтобъ имѣть въ распоряженіи болѣе силъ вдоль границъ Россіи и Австріи. Уступая ради мира во всемъ томъ, что было причиной войны, Россія думала купить этою цѣною спокойствіе, въ которомъ она крайне нуждалась и изъ котораго могла извлечь большія выгоды. Но именно это никакъ не могло входить въ расчеты Наполеона. Ему было невыгодно, чтобы Россія пользова-

¹ Русская Старина, 1890 г. январь, стр. 190—191.

лась благотворнымъ покоемъ; ему надо было, чтобы торговля и финансы ея пришли въ упадокъ, и онъ потребовалъ разрыва съ Англіей. Онъ хотѣлъ, чтобы силы наши были раздроблены, чтобы обращенная къ нему граница была обнажена, и онъ вовлекъ насъ въ войну съ Швеціей. Наконецъ, спрашиваю я, зачѣмъ Наполеонъ постоянно старается отдалить окончаніе нашего перемирія съ Турками, если не для того, чтобы помѣшать намъ сколько - нибудь одержать надъ ними верхъ и для того, чтобы имѣть болѣе средствъ раздробить наши силы и держать насъ въ постоянной тревогѣ? Итакъ, Россія, принеся жертвы ради мира, все-таки продолжаетъ переносить бѣдствія войны, которая на этотъ разъ противна ея интересамъ и имѣетъ цѣлью лишь выгоды Наполеона.“ Указавъ на то, что Наполеонъ нападетъ на Австрію и разгромить ее, Чарторижскій продолжаетъ: „Россія оставалась бы тогда единственнымъ государствомъ, которое Наполеону останется покорить. Можно ли предположить, что онъ устоитъ передъ этимъ послѣднимъ искушеніемъ, что при всѣхъ шансахъ успѣха онъ оставитъ предпріятіе, безъ котораго его честолюбіе никогда не будетъ удовлетворено, которое завершило бы его славу и дополняло его обширные планы, дало бы имъ ту долю основательности, на которую они способны? Возможно ли успокоиваться мыслью, что человѣкъ, котораго въ его быстрой карьерѣ никакое чувство, никакое постороннее обстоятельство никогда не могло совратить съ пути, котораго требовали расчеты его самолюбія, который поступалъ совершенно также со всѣми государствами и государями, что этотъ человѣкъ вдругъ остановится на нашихъ границахъ, разомъ перемѣнитъ характеръ, образъ дѣйствія? Какъ только Австрія и Турція будутъ низведены на степень наиболѣе соотвѣтствующую планамъ Наполеона, нашъ часъ пробьетъ. Когда французскія войска займутъ наивыгоднѣйшее положеніе, русскія же будутъ достаточно разобщены, казна и частныя лица достаточно разорены, недовольство же и броженіе внутри государства достигнуть требуемаго размѣра, однимъ словомъ, какъ скоро Наполеонъ будетъ увѣренъ, что не встрѣтитъ противодѣйствія, могущаго остановить его, и что онъ въ состояніи нанести рѣшительный ударъ и можетъ не сомнѣваться въ успѣхѣ, тогда, государь, готовьтесь къ развязкѣ и катастрофамъ подобнымъ тѣмъ, свидѣтелемъ которыхъ вы были у другихъ. Еслибы Наполеону случайно пришла въ голову мысль объявить намъ войну, гдѣ войска, которыя ваще

величество противопоставили бы ему, гдѣ достаточное количество ихъ? Еслибы даже вы могли пополнить ихъ эстреннымъ наборомъ, гдѣ возьмете вы денегъ, чтобы вооружить, кормить ихъ и платить жалованье. Финансы ваши находятся въ ужасающемъ упадкѣ, ибо источники богатства народного иссякаютъ, такъ что если дѣла пойдутъ тѣмъ же путемъ и о поправленіи ихъ не будутъ стараться, вы конечно не будете въ состояніи ему сопротивляться, когда онъ вздумаетъ разорвать съ вами сношенія. Единственная гарантія ваша теперь слѣдовательно въ его умѣренности и доброй волѣ; такого рода безопасность очень ненадежна. Всегда несчастіе для государя и государства находится какъ бы въ состояніи полной зависимости отъ чужеземной власти, но по моему мнѣнію ничто не предсказываетъ большихъ опасностей и несчастій, какъ находится почти въ полной зависимости отъ такого человѣка, какъ Наполеонъ.“¹

Взгляды Чарторижскаго на современныя ему событія сходятся со взглядами наиболѣе выдающихся современныхъ историковъ (Соловьева и Вандаля), но ихъ не раздѣлялъ императоръ Александръ. Тѣмъ не менѣе и въ его душу закрадывалось сомнѣніе.

Наполеону удалось добиться отреченія испанскихъ Бурбоновъ и сдѣлать своего брата Іосифа королемъ испанскимъ, но вслѣдъ затѣмъ началось въ Испаніи національное движеніе противъ иноземнаго владычества, справиться съ которымъ было нелегко. Въ то же время Австрія принимала угрожающее положеніе, и помощь Россіи была необходима. Повинувъ на время мечты о Востока, Наполеонъ старался подѣйствовать теперь на Александра другимъ образомъ. Ему необходимо было имѣть въ Испаніи больше войска и онъ рѣшилъ отозвать часть оккупационнаго корпуса, стоявшаго въ Пруссіи. Поэтому онъ далъ знать императору Александру, что соглашается наконецъ на его просьбу и приступаетъ къ эвакуаціи Пруссіи. Нашъ государь сначала счелъ это мѣропріятіе знакомъ благодарности за то, что онъ призналъ Іосифа королемъ испанскимъ, но скоро оказалось, что хотя Наполеонъ возвращаетъ Берлинъ, но сохраняетъ за собой стратегическую линію на Одерѣ, именно три крѣпости (Штетинъ, Глогау и Кюстрианъ), пока ему не будетъ выплачена непожѣрная контрибуція. Александръ высказалъ свое неудовольствіе Коленкуру. Онъ указалъ на то, что много сдѣлалъ для Франціи, а вза-

¹ Сб. *Ист. Общ.* Т. 6, стр. 373—386.

мѣнь получилъ только одни обѣщанія, напримѣръ, обѣщаніе помощи противъ Швеціи и Турціи. Эвакуація Пруссіи не совершается, какъ должно, французскія войска остаются въ Варшавѣ, и это не можетъ не внушать опасенія. „Можетъ показаться, сказалъ государь, что крѣпости на Одерѣ скорѣе направлены противъ насъ, чѣмъ противъ Пруссіи, потому что домены прусской короны, которые вы имѣете право держать въ залогѣ до уплаты контрибуціи, представляютъ гораздо болѣе серьезную гарантію.“

Императоръ надѣялся все-таки, что свиданіе съ Наполеономъ скрѣпитъ франко-русскій союзъ и дастъ, наконецъ, Россіи соотвѣтствующія выгоды. Свиданіе это состоялось въ Erfurtѣ, въ сентябрѣ 1808 года. Наполеонъ пріѣхалъ съ готовымъ планомъ; заключить съ Россіей трактатъ, по которому царю дано было бы обѣщаніе уступить ему въ будущемъ дунайскія княжества, а онъ обязался бы содѣйствовать Франціи всѣми мѣрами противъ Австріи, договоръ съ самыми неопредѣленными уступками Россіи и самыми положительными отъ нея требованіями. Сообразно съ этимъ Наполеонъ требовалъ отъ своего союзника, чтобъ онъ напалъ на Австрію, но Александръ не поддавался. Разговоры двухъ императоровъ принимали иногда непріятный оборотъ; раздѣло дошло до того, что Наполеонъ бросилъ на полъ свою шляпу и началъ топтать ее ногами. Александръ хотѣлъ прервать съ нимъ переговоры, но Наполеонъ одумался, считая выгоднымъ заключить конвенцію съ Россіей. Конвенція дѣйствительно была подписана и не представляла для Россіи никакихъ выгодъ. Россія обязалась дать Франціи вспомогательный корпусъ, въ случаѣ если на нее нападетъ Австрія. Наполеонъ со своей стороны обязался признать за Россіей Молдавію и Валахію, но поворотъ ихъ приходилось одному Александру, потому что Наполеонъ отъ посредничества въ турецкихъ дѣлахъ отказался.

Такимъ образомъ въ Erfurtѣ былъ вновь скрѣпленъ союзъ Франціи съ Россіей, но тутъ же императоръ Александръ разочаровался въ Наполеонѣ, понялъ какъ мало пользы можно ожидать отъ него. „Въ Тильзитѣ, справедливо замѣчаетъ Вандаль, въ расположеніи царя одержало верхъ довѣріе; въ Erfurtѣ вновь взяло верхъ недоувѣріе. Если императоръ не рѣшился еще отдѣлиться отъ насъ, какъ только окончится турецкая война, если онъ не опредѣлилъ еще момента разрыва, малѣйшая обида, всякая переувѣна въ Европѣ, всякое событіе, которое представило бы Наполеона болѣе грознымъ и страшнымъ, должно было

склонить Александра на сторону нашихъ враговъ, и союзъ не могъ пережить новыхъ испытаній.“

А такія испытанія скоро случились. Австрія напала на Францію и Александру пришлось послать армію въ помощь Наполеону. Западная Галиція съ Браковымъ и остальными областями, доставшимися Австріи по третьему польскому раздѣлу, были присоединены побѣдителемъ къ герцогству варшавскому. Наполеонъ возстановилъ Польшу, старался поднять въ ней національное движеніе; по его инициативѣ въ Варшавѣ печатались воззванія ко всѣмъ Полякамъ — вооружаться для возстановленія отчизны, разорванной преступною стачкой трехъ державъ. Въ Петербургѣ это не могло нравиться. Румянцевъ говорилъ Коленкуру: „Вы спокойно смотрите, какъ разгораются политическія страсти во всѣхъ городахъ варшавскаго герцогства; вы позволяете дѣлать воззванія къ жителямъ прежней Польши; я вамъ объявляю, г. посоль: мы пожертвуемъ послѣднимъ человѣкомъ, мы продадимъ послѣднія наши рубашки, а не согласимся на возстановленіе Польши.“ Поэтому императоръ Александръ требовалъ письменнаго документа, которымъ Наполеонъ поручился бы, что Польша не будетъ возстановлена. Конвенцію, въ которой была статья: „Польское королевство не будетъ никогда возстановлено“, подписалъ Коленкуръ. Но Наполеонъ отказался утвердить конвенцію, объявивъ, что Коленкуръ превысилъ полномочіе. „Я не хочу, говорилъ Наполеонъ, предвѣщать рѣшенія Провидѣнія и не хочу воевать съ другими государствами, которымъ придетъ фантазія возстановлять Польшу.“ „Такая увертка, замѣчаетъ С. М. Соловьевъ, такое слишкомъ не серьезное толкованіе въ дѣлѣ столь важномъ, показывали всю неискренность Наполеона. Отъ Наполеона требовали прямо, чтобъ обязательствомъ „Польша никогда не будетъ возстановлена“, онъ уничтожилъ надежды и волненія Поляковъ. Онъ выдалъ свою мысль, требуя, чтобы соглашеніе оставалось тайнымъ, тогда какъ Россія требовала, напротивъ, чтобъ оно было публично. Это дѣло о конвенціи на счетъ Польши было основною причиною уничтоженія тильзитскаго союза, основною причиною окончательной борьбы между Россіей и Франціей.“¹

Это былъ первый ударъ, нанесенный франко-русскому союзу. Вторымъ ударомъ былъ новый захватъ Наполеона. Онъ лишилъ владѣній герцога Ольденбургскаго, близкаго родственника импе-

¹ Соловьевъ, *Александръ Первый*, стр. 203—206.

ратора Александра. Это было нарушеніемъ Тильзитскаго трактата, гарантпровавшего неприкосновенность герцогства Ольденбургскаго и личнымъ оскорбленіемъ для Александра Павловича. Въ 1810 г. начинаются во Франціи и Россіи вооруженія, приведшія къ знаменитому московскому пожару.

Какія же выгоды приобрѣла Россія отъ союза съ Наполеономъ? Въ 1805 г. мы выступили противъ Франціи во главѣ европейской коалиціи, въ 1812 г. Австрія и Пруссія соединились съ Наполеономъ противъ насъ. Изолированность Россіи была несомнѣннымъ плодомъ Тильзитскаго свиданія. Австрія была встревожена нашими завоевательными планами въ Турціи, она не могла простить намъ, что въ 1809 г. мы стали на сторону Наполеона, усилили его и безъ того сильное войско. Пруссія выступила противъ насъ изъ страха быть раздавленною Наполеономъ, страха довольно основательнаго, потому что въ Пруссіи стояла значительная французская армія, и походъ на Москву начался бы съ новаго разгрома Берлина. На Востокъ мы ничего не выиграли отъ союза съ Франціей; намъ не удалось завоевать Молдавію и Валахію, пришлось даже заключить посрѣшный миръ съ Турціей. Правда, мы приобрѣли Финляндію, но сдѣлали это собственными силами, безъ французской помощи, и могли бы сдѣлать въ другую болѣе подходящую минуту. За то мы лишились прежней союзницы Швеціи, и уже исключительно въ угоду Наполеону порвали добрыя отношенія съ Англіей. Несомнѣнно наше положеніе въ 1812 г. было бы совсѣмъ иное, еслибъ императоръ Александръ не былъ ослѣпленъ въ Тильзитѣ, еслибъ онъ не былъ увлеченъ на опасный путь завоеваній и не отказался отъ своей прежней вполнѣ самостоятельной политики. Тогда наши финансы и наша армія не были бы истощены двумя войнами и разрывомъ съ Англіей, тогда мы нашли бы союзниковъ въ Австріи и Швеціи, вѣроятно также Пруссіи.

Два раза императоръ Александръ вступалъ въ соглашеніе съ Наполеономъ и два раза ему пришлось убѣдиться, что соглашеніе это невозможно. Наполеонъ былъ олицетвореніемъ войны; пока онъ распоряжался судьбами Европы, Россія вынуждена была воевать, или сражаться противъ него, или вполнѣ подчиниться ему и приносить жертвы для упроченія его могущества. Но это чрезмѣрное могущество, эта сила въ концѣ концовъ должна была обратиться противъ Россіи; способствовать планамъ Наполеона, это значило усиливать непріятели.

XXXV.

Симпатіи общества имѣютъ мало общаго съ политикой. Въ то время какъ французскіе дипломаты интриговали противъ насъ во всей Европѣ, русскіе люди прошлаго вѣка все болѣе сближались съ французскимъ обществомъ, все чаще ѣздили въ Парижъ, знакомились съ французской литературой и подражали ей. Съ царствованія Елисаветы Петровны начинаютъ особенно ярко сказываться наши симпатіи къ Франціи, проявлявшіяся въ томъ, что всякому порядочному Русскому было обязательно говорить по-французски, одѣваться по парижской модѣ, знать французскихъ писателей и Парижъ, если не изъ собственнаго опыта, то по крайней мѣрѣ изъ книгъ. Какъ теперь русское сердце изо всѣхъ иностранныхъ народовъ преимущественно влечется къ Французамъ, такъ это было и въ прошломъ вѣкѣ.

Какое воспитаніе давалось въ то время дѣтямъ состоятельныхъ родителей, видно изъ автобіографіи А. Р. Воронцова, дипломата екатерининскихъ временъ и канцлера въ царствованіе Александра I.

Воронцовъ родился въ 1741 году и пяти лѣтъ уже свободно говорилъ по-французски, потому что къ нему приставлена была Француженка-гувернантка. Въ автобіографіи, написанной имъ въ 1805 году, онъ говоритъ, что воспитаніе, полученное имъ, не было такимъ блестящимъ, ни дорого стоящимъ, какъ воспитаніе, дававшееся впоследствии, но оно имѣло свои хорошія стороны. „Не пренебрегли, говоритъ онъ, научить насъ русскому языку, который уже не входитъ въ планъ современнаго образованія. Можно сказать, что Россія единственная страна, гдѣ не считаютъ нужнымъ учиться родному языку и всему касающемуся своего отечества. Люди, считающіе себя просвѣщенными въ Петербургѣ и Москвѣ, учатъ своихъ дѣтей французскому языку, окружаютъ ихъ иностранцами, приглашаютъ за большія деньги учителей музыки и танцевъ и не учатъ ихъ родному языку. Такимъ образомъ, это блестящее и дорого стоящее воспитаніе приводитъ къ полному незнанію своей страны, равнодушію, можетъ-быть, даже презрѣнію къ своему отечеству и привязанности ко всему иностранному, преимущественно къ Франціи.“ „Но возвратимся, говоритъ Воронцовъ, къ нашему воспитанію. Въ придворномъ театрѣ

два раза въ недѣлю давали французскую комедію; отецъ позволялъ намъ ходить туда въ ложу, на которую имѣлъ право. Я припоминаю объ этомъ обстоятельстве, потому что оно много способствовало развитію въ насъ съ самаго ранняго дѣтства склонности къ чтенію и литературѣ. Отецъ выписалъ для насъ изъ Голландіи бібліотеку, состоявшую изъ лучшихъ французскихъ писателей и историческихъ книгъ, такъ что въ 12 лѣтъ я былъ хорошо знакомъ съ Вольтеромъ, Расиномъ, Корнелемъ, Буало и другими французскими авторами. Среди этихъ книгъ было собраніе приблизительно во сто томовъ журнала подъ заглавіемъ *Clef des cabinets des princes de l'Europe*, издававшегося съ 1700 года. Я упоминаю объ этомъ сборникѣ потому, что изъ него я узналъ все наиболѣе важное и интересное, случившееся въ Россіи съ 1700 года. Это сочиненіе имѣло на меня большое вліяніе и развило во мнѣ любовь къ исторіи и политикѣ, въ особенности же къ русской исторіи и къ русской политикѣ.“

Въ 1757 году, когда во время Семилѣтней Войны Франція сблизилась съ Россіей, тогдашній французскій посланникъ маркизъ Лопиталь предложилъ вице-канцлеру Воронцову отправить его племянника въ аристократическое кавалерійское училище въ Парижѣ. Хотя въ это заведеніе иностранцы не принимались, Лопиталь выхлопоталъ разрѣшеніе Людовика XV, и когда императрица Елисавета Петровна одобрила эту идею, молодой Воронцовъ отправился во Францію. По его словамъ, эта поѣздка имѣла большое вліяніе на развитіе его характера и склонность къ политической дѣятельности. По дорогѣ, въ Мангеймѣ, Воронцову удалось увидѣть Вольтера, о чемъ онъ рассказываетъ слѣдующее: „Въ ожиданіи курфюрста Пфальцскаго, которому я долженъ былъ быть представленъ, я замѣтилъ въ залѣ человѣка уже почтенныхъ лѣтъ, за которымъ всѣ ухаживали. Я спросилъ, кто это такой, и къ величайшему удивленію узналъ, что это Вольтеръ. Будучи уже въ то время поклонникомъ сочиненій Вольтера, я не нахожу словъ выразить радость, какую испыталъ увидѣвъ его. Я попросилъ, чтобы меня представили этому знаменитому человѣку и просилъ у него позволенія явиться къ нему послѣ обѣда. Какъ только появился курфюрстъ, сѣли за столъ и меня посадили довольно близко къ курфюрсту; это доставило мнѣ тѣмъ большее удовольствіе, что я могъ не терять ни слова изъ того, что говорилъ Вольтеръ. Послѣ обѣда я погулялъ въ садахъ курфюрста, а потомъ отправился къ Вольтеру. Онъ много говорилъ

мнѣ объ императрицѣ Елисаветѣ, объ ея гуманности, отзывался съ восхищеніемъ о Петрѣ Великомъ. Онъ занимался тогда исторіей этого великаго монарха, и Шуваловъ собиралъ и посылалъ ему свѣдѣнія о Петрѣ Великомъ. Этотъ знаменитый писатель много говорилъ мнѣ объ обширности Россіи и о нашихъ сосѣдяхъ Китайцахъ. Такъ какъ въ тотъ же день былъ спектакль во дворцѣ, я не могъ задерживать его и просилъ у него позволенія заходить къ нему еще, пока буду въ Мангеймѣ. Желаніе видѣться съ Вольтеромъ побудило меня пробить тамъ нѣсколько лишнихъ дней.“

На слѣдующій же день по приѣздѣ въ Парижъ Воронцовъ отправился смотрѣть Вольтеру *Заиру*, потому что былъ въ нетерпѣніи видѣть парижскіе театры. „Я былъ пораженъ этимъ спектаклемъ, рассказываетъ Воронцовъ, особенно игрой Левена и Саразена. Г-жа Госсенъ, хотя уже не молодая, превосходно и съ большою чувствительностью исполнила роль Заиры.“ Парижъ произвелъ на Воронцова большое впечатлѣніе; его удивляло и восхищало обиліе книжныхъ и другихъ магазиновъ, а также поразительное для русскаго движеніе на улицахъ.

Воронцовъ осматривалъ Парижъ, пока не получилъ позволенія вступить въ кавалерійское училище. О своемъ поступленіи въ школу онъ рассказываетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Нашъ посланникъ былъ такъ добръ, что самъ отвезъ меня въ кавалерійское училище и препоручилъ полковнику Лаберзау, которому порученъ былъ надзоръ за училищемъ. Послѣ этого Бестужевъ пошелъ посмотрѣть отведенные мнѣ апартаменты. Онъ нашелъ ихъ очень удобными, потому что у меня было двѣ комнаты, маленькая передняя и антресоли для лакея; все это содержалось очень чисто. Легко себѣ представить, что я долженъ былъ очутиться въ конфузномъ положеніи; я былъ единственнымъ иностранцемъ среди 120 молодыхъ людей, находившихся въ заведеніи, множества офицеровъ генеральнаго штаба, изъ которыхъ я не зналъ ни одного. Но я долженъ отдать справедливость любезности всей этой французской знати; они были со мной такъ предупредительны и вѣжливы, что черезъ два дня мнѣ казалось, что я провель съ ними нѣсколько мѣсяцевъ. Въ училищѣ были только аристократы. Въ годъ платили 4.000 франковъ за содержаніе и ученіе. Преподавали лучшіе учителя математики и фортификаціи, очень искусный инженеръ Тринкано, построившій и возобновившій нѣсколько крѣпостей. Рисованію училъ знаменитый Ейзенъ,

извѣстный прекрасными рисунками къ баснямъ Лафонтена, литературѣ Арну, бывший секретарь Вольтера. Черезъ недѣлю я замѣтилъ, какъ хороша была эта школа и какъ она могла мнѣ быть полезна, а потому прилежно занимался. Между классами я приглашалъ помянутого Арну давать мнѣ уроки литературы, за которые платилъ конечно отдѣльно.¹

Воспитаніе, которое получилъ Воронцовъ, не представляло исключенія, напротивъ, оно было обычнымъ въ то время. Во всѣхъ сколько-нибудь состоятельныхъ домахъ были учителя Французы, и молодежь училась прежде всего французскому языку и французской литературѣ. Явленіе совершенно понятное, потому что русская литература только зарождалась, а грамматика была совсѣмъ не разработана. Воронцовъ въ своей автобіографіи говоритъ, что во время его молодости, то-есть въ царствованіе Елисаветы, русскій языкъ не былъ въ такомъ пренебреженіи, какъ въ послѣдніе годы прошлаго вѣка. Этому обстоятельству много способствовала французская революція; эмигранты въ большомъ количествѣ спасались въ Россію и многіе изъ нихъ по необходимости становились учителями. Впрочемъ надо замѣтить, что самъ Воронцовъ владѣлъ французскимъ языкомъ лучше, чѣмъ русскимъ, а потому и написалъ свою автобіографію по-французски. Ламеселіеръ, служившій во французскомъ посольствѣ при Елисаветѣ Петровнѣ, рассказываетъ, что онъ къ крайнему огорченію видѣлъ у многихъ русскихъ вельможъ своихъ соотечественниковъ дезертировъ, банкротовъ, распутниковъ, которымъ поручалось воспитаніе дѣтей только потому, что они были Французы.

Кромѣ гувернеровъ и гувернантокъ были французскіе учителя и учительницы, устраивавшіе въ столицахъ школы и помѣщавшіе въ газетахъ курьезныя объявленія. Такъ, напримѣръ, въ Москвѣ въ 1758 году мадамъ де-Мога объявляла: если кто пожелаетъ отдать своихъ дѣтей дѣвицъ на ея содержаніе для обученія французскому языку и географіи, то она не приминетъ удовольствовать, показывая притомъ благородные поступки, пристойныя къ ихъ природѣ. Въ 1760 году мадамъ Сринъ начала обучать малыхъ дѣтей обоего пола французскому и нѣмецкому языкамъ, читать, писать, рисовать, также убирать на головѣ и другимъ приличнымъ къ воспитанію женскаго пола вещамъ. Въ 1761 году

¹ Архивъ Воронцова, т. V, стр. 6—87.

учитель Эрве намѣренъ былъ обучать дворянство по-французски, географіи, политикѣ, ариметикѣ, геометріи, фортификаціи, архитектурѣ. Въ Петербургѣ въ 1757 году Лаваль объявилъ, что съ женой своею намѣрены принимать къ себѣ дѣвицы для обученія французскому языку, географіи, исторіи, ррсованію и ариметикѣ. Даже французскій комедіантъ Пьеръ Рено говорилъ въ объявленіи, что принимаетъ къ себѣ молодыхъ людей для обученія французскому языку, танцованію и пѣнію.

Французскіе учителя, воспитывавшіе русскую молодежь во французскомъ духѣ, не только имѣли большое значеніе въ Россіи, но нѣкоторые изъ нихъ знакомили своихъ соотечественниковъ съ нашею исторіей и языкомъ. Такъ, на примѣръ, Левекъ, бывшій преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ, научился русскому и славянскому языку и написалъ исторію Россіи, появившуюся въ 1782 году. Клеркъ, бывшій сначала медикомъ, а потомъ педагогомъ и сотрудникомъ Бецаго, составилъ также русскую исторію древнюю и новую. Модрю издалъ въ Парижѣ русскую грамматику на французскомъ языкѣ, въ которой доказывалъ, что Французы должны учиться русскому языку какъ для выгодъ коммерціи, такъ и для лучшаго знанія самой французской грамматики. Авторъ хвалитъ богатство, силу и гармонию нашего языка, замѣчая въ немъ только нѣкоторую суровость, которую онъ приписываетъ климату; несмотря на это онъ не научился по-русски основательно, и Карамзинъ, написавшій разборъ этой грамматики, отмѣтилъ въ ней много курьезовъ. На примѣръ, Модрю объяснялъ язычество слѣдующимъ образомъ: Русскіе видятъ въ многобожій пустословіе, а потому изъ слова „язычникъ“, означающаго пустомелю или болтуна, они составили язычество. „Модрю есть грамматикъ-поэтъ, говоритъ Карамзинъ, но еще болѣе грамматикъ-философъ, какъ то видно изъ слѣдующаго важнаго примѣчанія: монархъ въ Россіи имѣютъ неограниченную власть, но какъ языкъ русскій повинуется только законамъ общаго синтаксиса, то мы должны заключить, что и народъ Русскій повинувался нѣкогда одной волѣ своей. Заглядываемъ въ его исторію и находимъ, что сіе мнѣніе есть истина.“ Карамзинъ закончилъ свой разборъ словами: „гражданинъ Модрю, говоря въ грамматикѣ своей о многихъ правилахъ, забылъ одно: не учи тому, чего самъ не разумѣешь“.

¹ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 26, стр. 308—309.

Русскіе прошлаго вѣка не только знакомились съ Франціей у себя дома, но нерѣдко предпринимали путешествія въ Парижъ отчасти для своего удовольствія, отчасти для образованія. Воронцовъ всталъ въ Парижѣ много соотечественниковъ: братьевъ Измайловыхъ, князей Голицыныхъ и Долгорукихъ, Нелединскаго, графа Салтыкова. Многіе подолгу жили во Франціи и знали Парижъ лучше Парижанъ; у княгини Голицыной, напримѣръ, былъ даже салонъ, гдѣ собирались знаменитые художники и писатели.

Изъ путешественниковъ прошлаго вѣка наиболѣе любопытныя свѣдѣнія о Франціи сообщаютъ Карамзинъ въ Письмахъ русскаго путешественника и фонъ-Визинъ.

Карамзинъ называлъ Францію прекраснѣйшимъ въ свѣтѣ государствомъ; прекраснѣйшимъ по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ. Въ своихъ Письмахъ русскаго путешественника онъ въ нѣсколько напыщенномъ тонѣ передалъ притягательную силу, какую имѣлъ Парижъ для Русскихъ прошлаго вѣка. „Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увижу его? Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ во всю длину ея Парижъ! Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій и терлапей въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. Вотъ онъ (думалъ я), вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцомъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ, котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, философами и щеголами, художниками и невѣждами, въ Европѣ и Азіи, въ Америкѣ и Африкѣ, котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слышалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ! Вотъ онъ! я его вижу и буду въ немъ! Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми чувствами, съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ нетерпѣніемъ.“ „Я въ Парижѣ, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особенное, быстрое, невзяснимое, пріятное движеніе. Я въ Парижѣ! говорю самъ себѣ и бѣгу пзъ улицы въ улицу, изъ Тюльери въ Поля Елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ отпѣннымъ любопытствомъ: на дома, на кареты, на людей. Чтò было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами, веселюсь и радуюсь живою картиной ве-

личайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій.“

Карамзинъ относился конечно отрицательно къ французской революціи, что не мѣшало ему восхищаться французскимъ театромъ и литературой. „Съ прїѣзда моего въ Парижъ, писалъ онъ, всѣ вечера безъ исключенія проводилъ я въ спектакляхъ и потому около мѣсяца не видалъ сумерекъ. Цѣлый мѣсяцъ быть всякій день въ спектакляхъ! быть и не насытиться ни смѣхомъ Талии, ни слезами Мельпомены! и всякій разъ наслаждаться ихъ прїятностями съ новымъ чувствомъ! Самъ дивлюсь; но это правда. Правда и то, что я не имѣлъ прежде достаточнаго понятія о французскихъ театрахъ. Теперь скажу, что они доведены каждый въ своемъ родѣ до возможнаго совершенства, и что всѣ части спектакля составляютъ здѣсь прекрасную гармонію, которая самымъ прїятнѣйшимъ образомъ дѣйствуетъ на сердце зрителя.“

О французскомъ характерѣ Карамзинъ писалъ одной парижской дамѣ: „Скажу: огонь, воздухъ, и характеръ Французовъ описать. Я не знаю народа умнѣе, пламеннѣе и вѣтреннѣе вашего. Кажется, будто онъ выдуманъ или для него выдумано общежитіе: столь мила его обходительность и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми! Сіе искусство кажется въ немъ любезною природой. Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкой. Напрасно Англичанинъ или Нѣмецъ захотѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ: на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. Я хочу жить и умереть въ моемъ любезномъ отечествѣ; но послѣ Россіи нѣтъ для меня земли прїятнѣе Франціи, гдѣ иностранецъ часто забывается, что онъ не между своими. Говорятъ, что здѣсь трудно найти искреннаго, вѣрнаго друга... Ахъ! друзья вездѣ рѣдки, и чужеземцу ли искать ихъ. Но всего, чего по справедливости могутъ требовать отъ чужихъ людей, Французъ предлагаетъ мнѣ съ лаской, съ букетомъ цвѣтовъ. Вѣтренность, непостоянство, которыя составляютъ порокъ его характера, соединяются въ немъ съ любезными свойствами души, происходящими нѣкоторымъ образомъ отъ сего самаго порока. Французъ непостояненъ и не злопамятенъ: удивленіе, похвала можетъ скоро ему наскучить, ненависть также. По вѣтренности оставляетъ онъ доброе, избираетъ вредное: за то самъ первый смѣется надъ своею ошибкой и даже плачетъ, если надобно. Веселая безразсудность есть милая подруга жизни его. Какъ Англичанинъ

радуется открытію новаго острова, такъ Французъ радуется острому слову. Чувствителенъ до крайности, влюбляется въ истину, въ славу, въ великія предпріятія; но любовники непостоянны! Минуты его жара, изступленія, ненависти могутъ имѣть страшныя слѣдствія: чему примѣромъ служить революція. Жаль, если эта ужасная политическая переменна должна переменить и характеръ народа, столь веселаго, остроумнаго, любезнаго!“

Уѣзжая изъ Парижа, Карамзинъ писалъ: „Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностью. Выключая мои обыкновенныя меланхолическія минуты, я не зналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствія. Провести такъ около четырехъ мѣсяцевъ есть, по словамъ одного англійскаго доктора, выманить у скупой волшебницы судьбы очемъ богатый подарокъ.“

Карамзинъ не отличался крайнимъ пристрастіемъ къ Франціи, онъ не увлекался, на примѣръ, Расиномъ и Корнелемъ и ставилъ ихъ гораздо ниже Шекспира, что въ его время было рѣдкостью, но онъ питалъ симпатію къ французскому народу и его восхищеніе Парижемъ было обычнымъ явленіемъ въ прошломъ вѣкѣ. Исключеніемъ является взглядъ фонъ-Визина, который относился отрицательно къ Франціи и видѣлъ во Французахъ преимущественно дурныя стороны. Авторъ *Недоросля* прожилъ во Франціи всю зиму 1777 — 1778 г., имѣлъ случай изучить тамошніе порядки, но смѣется надъ мнимою французскою вольностью и указываетъ на множество злоупотребленій администраціи. „Система законовъ сего государства, писалъ онъ изъ Монпелье, есть зданіе, можно сказать, премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдкими умами; но вравшіяся мало-по-малу различныя злоупотребленія и развращеніе нравовъ дошло теперь до самой крайности, уже потрясло основаніе сего пространнаго зданія, такъ что жить въ немъ бѣдственно, а разорить его пагубно. Первое право каждаго Француза есть вольность; но истинное настоящее его состояніе есть рабство; ибо бѣдный человѣкъ не можетъ снискивать своего пропитанія иначе какъ рабскою работою; а если захочетъ пользоваться драгоцѣнною своею вольностію, то долженъ будетъ умереть съ голоду, словомъ, вольность есть пустое имя и право сильнаго остается правомъ превыше всѣхъ законовъ.“

Фонъ-Визинъ вообще вынесъ изъ своего путешествія очень не лестное мнѣніе о Французахъ и находилъ, что ихъ порядки

нисколько не лучше нашихъ. Это видно изъ его писемъ къ Панину, изъ которыхъ привожу соответствующія мѣста: „Здѣшнія злоупотребления и грабежи, конечно, не меньше у насъ случаются. Въ разсужденіи правосудія вижу я, что вездѣ однимъ манеромъ поступаютъ. Наилучшіе законы не значать ничего, когда исчезъ въ людскихъ сердцахъ первый законъ, первый между людьми союзъ—добрая вѣра. У насъ ея немного, а здѣсь и совсѣмъ нѣтъ. Вся честность на словахъ; и тѣмъ складнѣе у того фразы, тѣмъ больше остерегаться должно какого-нибудь обмана. Ни природа, ни наружные знаки почестей не препятствуютъ ни мало спускаться до подлѣйшихъ обмановъ, какъ скоро дѣло идетъ о малѣйшей корысти. Словомъ, деньги суть первое божество здѣшной земли. Развращеніе нравовъ дошло до такой степени, что подлый поступокъ не наказывается уже и презрѣніемъ; жестивѣйшіе дѣйствительно люди не имѣютъ ни мало твердости отличить бездѣльника отъ честнаго человѣка, считая, что таковая отличность была бы *contre la politesse française*. Кто слышалъ ложь или ошибку, не смѣетъ или не смываетъ противорѣчить, тому всего вѣрнѣе и легче согласиться, тѣмъ больше, что всякая потачка пріятна большей части людей. Сіе правило здѣсь стало всеобщее; оно совершенно отвращаетъ господъ Французовъ отъ всякаго размышленія и дѣлаетъ ихъ простымъ эхомъ того человѣка, съ коимъ разговариваютъ. Почти всякій Французъ, если спросить его утвердительною образомъ, отвѣчаетъ „да“, а если отрицательною о той же матеріи, отвѣчаетъ „нѣтъ“. Сколько разъ имѣя случай разговаривать съ отличными людьми, напримѣръ о вольности, начиналъ я рѣчь мою тѣмъ, что сколько мнѣ кажется, сіе первое право человѣка во Франціи свято сохраняется, на что съ восторгомъ мнѣ отвѣчаютъ: *que le Français est né libre*, что сіе право составляетъ ихъ истинное счастье, что они помрутъ прежде, нежели стерпятъ малѣйшее оному нарушеніе. Выслушавъ сіе, завожу я рѣчь о примѣчаемыхъ мною неудобствахъ и нечувствительно отрываю имъ мысль мою, что желательно бы было, еслибы вольность была у нихъ не пустое слово. Повѣрите ли, что тѣ же самые люди, кои восхищались своею вольностью, тотъ же часъ отвѣчаютъ мнѣ: о *Monsieur, vous avez raison le Français est écrasé, le Français est esclave*. Говоря сіе, впадаютъ въ преужасный восторгъ негодованія, и если не унять, то хотя цѣлыя сутки рады бранить правленіе и унижать свое состояніе. Если такое разнорѣчіе происходитъ отъ

вѣжливости, то, по крайней мѣрѣ, не предполагаетъ большаго разума. Можно, кажется, быть вѣжливу и соображать притомъ слова свои и мысли. Вообще надобно отдать справедливость здѣшней націи, что слова слетаютъ мастерски, и если въ томъ состоитъ разумъ, то всякій здѣшній дуракъ имѣетъ его превеликую долю. Мыслить здѣсь мало, да и некогда, потому что говорить много и очень скоро. Обыкновенно отворяютъ ротъ, не зная еще что сказать: а какъ затворить ротъ, не сказавъ ничего, было бы стыдно, то и говорятъ слова, которыя машинально на языкъ попадаютъ, не заботясь много, есть ли въ нихъ какой-нибудь смыслъ. Притомъ каждый имѣетъ въ запасѣ множество внученныхъ наизусть фразъ, правду сказать, весьма общихъ и ничего не значущихъ, которыми однако отдѣливается при всякомъ случаѣ. Сии фразы состоятъ обыкновенно изъ комплиментовъ, часто весьма натянутыхъ и всегда излишнихъ для слушателя, который пустоты слушать не хочетъ. Вотъ общій или иначе сказать природный характеръ націи; но надлежитъ присокупить къ нему и развращеніе нравовъ, дошедшее до крайности, чтобы сдѣлать истинное заключеніе о людяхъ, коихъ вся Европа своими образцами почитаетъ. Справедливость, конечно, требуетъ исключить нѣкоторыхъ честныхъ людей, прямо умныхъ и почтенія достойныхъ; но они столь же рѣдки, какъ и въ другихъ земляхъ. Сравнивая хорошее и дурное, осмѣлюсь чисто-сердечно признаться, что если кто изъ молодыхъ монахъ согражданинъ, имѣющій здравый рассудокъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его въ должную любовь къ отечеству нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію. Здѣсь, конечно, узнаетъ онъ самымъ опытнымъ очень скоро, что всѣ рассказы о здѣшнемъ совершенствѣ сущая ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человекъ вездѣ рѣдокъ и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно однако быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ править воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ. Возмечтаніе ихъ о своемъ разумѣ дошло до такой глупости, что рѣдкій Французъ не скажетъ самъ о себѣ, что онъ преразуменъ. Видя, что разумъ вездѣ рѣдокъ и что въ одной Франціи имѣетъ его всякій, примѣчаль я весьма прилежно, нѣтъ ли какой разницы между разумомъ французскимъ и разумомъ человѣческимъ;

ибо казалось мнѣ, что весьма унижительно бы было для человеческого рода, рожденнаго не во Франціи, еслибы надобно было необходимо родиться Французомъ, чтобы быть неминуемо умнымъ человекомъ. Дабы сдѣлать сіе изысканіе, примѣнялъ я къ здѣшнимъ умникамъ знаменованіе разума въ цѣломъ свѣтѣ. Я нашелъ, что для нихъ оно слишкомъ длинно; они гораздо его для себя поукоротили. Черезъ слово разумъ, по большей части, понимаютъ они одно качество, а именно острогу его, не требуя отнюдь, чтобы она управляема была здравымъ смысломъ. Сію острогу имѣеть здѣсь всякій безъ исключенія, слѣдственно всякій безъ затрудненія умнымъ здѣсь признается. Всѣ сіи умные люди на двѣ части раздѣляются: тѣ, которые не очень словоохотны и какихъ однакоже весьма мало, называются philosophes; а тѣмъ, которые врутъ неумолчно и каковы почти всѣ, дается титулъ aimables. Судятъ всѣ обо всемъ рѣшительно. Не о томъ дѣло, что сказать, а о томъ, какъ сказать. Нужды нѣтъ, если говорятъ о человекѣ, что онъ имѣеть злое сердце, негодный нравъ; но если скажутъ, что онъ ridicule, то человекъ дѣйствительно пропасть, ибо всякій убѣгаетъ его общества. Нѣтъ способности Французовъ усматривать смѣшное и нѣтъ націи, въ которой бы самой было столь много смѣшнаго. Всѣ столько любятъ забавы, сколько труды ненавидятъ; а особливо черной работы народъ терпѣть не можетъ. За то нечистота въ городѣ такая, какую людямъ, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно. Почти нигдѣ нельзя отворить окошко лѣтомъ отъ зараженнаго воздуха.“

Фонъ-Визинъ, какъ видно, былъ несправедливъ къ Франціи, но всего несправедливѣе онъ отзывался о французскихъ ученыхъ и писателяхъ: „О здѣшнихъ ученыхъ можно по справедливости сказать, что весьма мало изъ нихъ соединили свои знанія съ поведеніемъ. Я почти со всѣми познакомился. Томасъ, сочинитель переведеннаго мною похвальнаго слова Марку Аврелію, Мармонтель и еще нѣкоторые ходятъ ко мнѣ въ домъ. Весьма учтивое и пріятельское ихъ со мною обхожденіе не ослѣпило глазъ моихъ на ихъ пороки. Исключая Томаса, котораго кротость и честность мнѣ очень понравились, нашелъ я почти во всѣхъ другихъ много высокомерія, лжи, корыстолюбія и подлѣйшей лести. Конечно, ни одинъ изъ нихъ не поколеблется сдѣлать презрительнѣйшую подлость для корысти или тщеславія. Я не нахожу, чтобы въ свѣтѣ такъ мало другъ на друга похо-

дѣло, какъ философія на философѣ. Обманъ почитается у Французѣ правомъ разума. По всеобщему ихъ образу мыслей обмануть не стыдно; но не обмануть—глупо. Смѣло скажу, что Французъ никогда самъ себѣ не проститъ, если пропуститъ случай обмануть, хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его—деньги. Безъ денегъ нѣтъ труда, котораго бы не поднялъ, и нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ. Къ большимъ злодѣяніямъ способенъ. Самые убійцы становятся таковыми тогда только, когда умирають съ голоду; какъ же скоро Французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать. Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философѣ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостью. Даламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе. Одно тщеславіе нынѣшнихъ философѣ простирается до того, что сама наука сдѣлалась источникомъ непримиримой вражды между семьями. Братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина, а другой Корнеля; ибо острота французскаго разума велитъ одному брату, любя Расина, ругать Корнеля и клясться передъ свѣтомъ, что Расинъ предъ Корнелемъ, а братъ его предъ нимъ, гроша не стѣитъ. Вообще ни одинъ писатель не можетъ терпѣть другаго и почитаетъ праздникомъ всякій случай уязвить своего совѣстника. При всей ихъ премудрости, нѣтъ въ нихъ и столько разсудка, чтобъ осмотрѣться, какъ безчестятъ сами себя, ругая другъ друга, и въ какое посмѣяніе приводятъ себя и тѣхъ, въ коихъ хотятъ вселить къ себѣ почитаніе. Вотъ каковы тѣ люди, изъ которыхъ Европа многихъ почитаетъ великими и которые, можно сказать, всей Европѣ повернули голову.“

Наши соотечественники прошлаго вѣка, которымъ не удавалось побывать за границей, утѣшались тѣмъ, что изучали Францію по книгамъ, читали французскіе романы, а также серьезную литературу Вольтера, Монтескье, энциклопедистовъ, римскую исторію Роллена и т. п. „Со временъ Елисаветы, говоритъ С. М. Соловьевъ, отношенія русскихъ людей къ Западной Европѣ стали болѣе сочувственны, болѣе пристрастны, въ то же время отношенія къ просвѣщенію вообще стали болѣе свободны и само-

стоятельны; русскіе люди съ жадностью бросаются не на то или другое знаніе, специально имъ нужное, но на европейскую литературу, которая представлялась тогда французскою литературой, ушнваются новымъ широкимъ миромъ идей, легкостью французской мысли, съ какою она перелетала отъ одного предмета на другой, вскрывала новыя отношенія между ними; восхищаются ея остротой, съ какою она подтачивала такъ-называемыя предрасудки; русскіе люди читали, переводили, создавали свою литературу, которая не могла не находиться подъ сильнымъ вліяніемъ образцовой литературы французской. Страсть къ чтенію, которая овладѣла въ это время русскими людьми, видна изъ всѣхъ мемуаровъ времени. Чтеніе это, какъ обыкновенно бываетъ, производило различное впечатлѣніе на читающихъ. Въ однихъ вліяніе прочитаннаго не было сильно; знакомство съ литературой служило имъ для вѣщныхъ только цѣлей, для наведенія лоска; обычное въ переходныя времена: двувѣріе, поклоненіе новымъ богамъ, безъ повинутія старыхъ, видимъ и здѣсь; въ другихъ отрицательное направленіе модной французской литературы поколебало религіозныя и нравственныя убѣжденія; въ третьихъ произошла борьба, окончившаяся рано или поздно торжествомъ религіозныхъ убѣжденій; четвертыя съ наслажденіемъ читали блестящія остроуміемъ произведенія отрицательной литературы, не слѣпо имъ вѣрили, но находили много правды и усвоивались тѣмъ, что отрицалось не свое, а чужое; нападки сыпались на католицизмъ, на католическое духовенство. Наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ при господствѣ извѣстнаго направленія, переходящемъ большею частью въ деспотизмъ и употребляющемъ своего рода терроръ, мало находится людей, которые бы прямо высказали свои убѣжденія, свое неодобреніе господствующему направленію, неодобреніе тому или другому ея представителю; такъ и въ Россіи въ описываемое время люди и не сочувствующіе, напримѣръ, Гельвецію, съ уваженіемъ отзывались объ его книгѣ; не хотѣлось явиться обскурантомъ, казалось, что, давши неодобрительный отзывъ о знаменитой книгѣ, тѣмъ самымъ дѣлаешь выходку вообще противъ просвѣщенія.⁴ 1

Извѣстно, что въ прошломъ вѣкѣ обожаніе Французовъ и подражаніе имъ доходило до болѣзни, справедливо называемой галломаніей. Все русское считалось дурнымъ только потому, что оно

⁴ *Ист. Россіи.*, т. 26, стр. 213—214.

русское, все французское хорошииъ только потому, что оно французское. „Со времяъ Петра Великаго, говорить Вигель въ своихъ мемуарахъ, судьба велить Россіи покорствовать которому-нибудь изъ государствъ или народовъ европейскиихъ и поклоняться ему, какъ идолу. Чтобъ угодить Петру, надобно было сдѣлаться Голландцемъ; Германія владычествовала надъ нами при Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ; при Елисаветѣ Петровнѣ появился Лашетарди, и начались соблазны Франціи; они умножились и усилились страстью Екатерины II къ французской литературѣ и дружбой ея съ философами XVIII вѣка.“ Тотъ же Вигель рассказываетъ, что богатые и знатные Петербуржцы въ наружной архитектурѣ своихъ домовъ, какъ и во внутреннемъ ихъ украшеніи, старались подражать отелямъ Сентъ-Жерменскаго предмѣстья, за столомъ подавались заморскія вина, и французскія блюда почитались необходимымъ церемоніаломъ званыхъ обѣдовъ. О модахъ онъ говоритъ слѣдующее: „Мода, которой престоль въ Парижѣ и которая повидимому такъ своенравно властвуетъ надъ людьми, сама въ свою очередь слѣпо повинуется господствующему мнѣнію въ отчизнѣ своей, Франціи, и служить, такъ сказать, ему выраженіемъ. При Людовикѣ XIV, когда онъ Францію поставилъ съ собою на ходули, необъятные парики покрывали головы, люди какъ бы росли на высокихъ каблукахъ, и огромные банты съ длинными, какъ полотенца, изъ кружева, висящими концами, прикрѣплялись къ галстукамъ; женщины тонули въ обширныхъ вертюгadenaхъ, съ тяжелыми накладками, съ фижмами и шейфами; вездѣ было преувеличеніе, все топорщилось, гигантствовало, фанфаронило. При Людовикѣ XV, когда забавы и амурь смѣнили славу, платья начали коротѣть и суживаться, парики понижаться и, наконецъ, исчезать; ихъ замѣнили чопорные тупеи, головы осѣнились голубиними крылышками, ailes de pigeon. При несчастномъ Людовикѣ XVI, когда философизмъ и американская война заставили мечтать о свободѣ, Франція отъ свободной соедки своей Англии перенесла къ себѣ фракъ, панталоны и круглыя шляпы; между женщинами появились шпенцеры. Вспыхнула революція, престоль и церковь пошатнулись и рухнули, всѣ прежнія власти ниспровергнуты, сама мода нѣкоторое время потеряла свое могущество, ничего не умѣла изображать, кромѣ красныхъ колпаковъ и безпштанства, и террористы должны были въ одеждѣ придерживаться старини, причесываться и пудриться. Но новые Бруты и Тимолеоны захотѣли, наконецъ, возстановить у себя

образцовую для них древность; пудра брошена съ презрѣніемъ, головы завилась а-ла-Титюсъ и а-ла-Каракала, и еслибы республика не скоро начала дохнуть въ рукахъ Бонапарте, то показались бы тоги и сандалии. Что касается до женщинъ, то всѣ онѣ хотѣли казаться древними статуями, съ пьедестала сошедшими: которая одѣлась Корнеліей, которая Аспазіей. Итакъ, Французы одѣваются, какъ думаютъ; но зачѣмъ же другимъ націямъ, особливо же нашей отдаленной Россіи, не понимая значенія ихъ нарядовъ, бессмысленно подражать имъ, носить на себѣ ихъ бредни и, такъ сказать, ихъ ливрею? Какъ бы то ни было, но костюмы, коихъ память одно ваяніе сохранило на берегахъ Эгейскаго моря и Тибра, возобновлены на Сенѣ и перенесены на Неву. Послѣ расхищенія гардемебля, по увезеніи эмигрантами всѣхъ легковѣсныхъ драгоценностей, кажется не оставалось во Франціи ни одного камушка. Фортуны раздробились, сравнялись; новыя, конъ война и торговля потомъ такъ быстро создали, не успѣли еще составиться, и женщины, вмѣсто алмазовъ, принуждены были украшаться камнями и мозаиками, ихъ мужьями и родственниками награбленными въ Италіи. Намъ и тутъ надобно было подражать. Бриллианты, коими наши дамы были такъ богаты, всѣ попрятаны и предоставлены для ношенія царской фамиліи и купчихамъ. За неимовѣрную цѣну стали доставать разные камни, оправлять золотомъ и вставлять въ браслеты и ожерелья. Это было гораздо античнѣе. Въ области моды и вкуса находится и домашнее убранство или меблировка. И по этой части законы предписывалъ намъ Парижъ. Штофные обои въ позолоченныхъ рамахъ были изорваны, пстрелены разъяренною его чернью, да и мирнымъ его мѣщанамъ были противны, ибо напоминали имъ отели ненавистой для нихъ аристократіи. Когда они поразжились, повысились въ должностяхъ, то захотѣли жилища свои украсить богатою простотою, и для того, вмѣсто позолоты, стали во всемъ употреблять красное дерево съ бронзой, то-есть съ накладною латунью, что было довольно гадео; ткани же шелковыя и бумажныя замѣнили сафьянами разныхъ цвѣтовъ и кринолиномъ, вытканымъ изъ лошадиной гривы. Прежде простѣнки покрывались огромными трюмо съ позолотою кругомъ, съ мраморными консолями снизу, а сверху съ хорошенькими картинками, представляющими, обыкновенно, идилліи, писанными рукою Буше или въ его родѣ. Они также свои зеркала стали одѣлывать въ красное дерево съ мѣдными бляхамъ и вмѣсто

картины вставлять надъ ними овальныя стекла, съ подложеннымъ кускомъ синей бумаги. Шелковыя занавѣси также были изгнаны модой и дѣлались изъ бѣлаго коленкора или другой холщевой матеріи съ накладкой прорѣзнаго казимпра, по большей части краснаго, съ такого же цвѣта бахромой и кистями. Эта мода вошла къ намъ въ концѣ 1800 года и продолжалась до 1804 или 1805 годовъ. Павелъ ни къ кому не ѣздилъ, и еслибъ увидѣлъ, то, конечно, воспретилъ бы ее, какъ яacobинизмъ.“

Объ увлеченіи французскимъ театромъ Вигель рассказываетъ: „Страсть къ французской сценѣ доходила во мнѣ до безумія. Мнѣ случалось не допивать, не доѣдать; случалось довольствоваться людскими щами и кашей, чтобы послѣдній мѣдный рубль нести въ театръ: тамъ была вся услада, все утѣшеніе моей жизни. Вскорѣ послѣ кончины Павла I удалилась или была выслана красавица-гѣввица Шевалье съ балетмейстеромъ мужемъ своимъ, и опера безъ него осиротѣла. Прошелъ траурный годъ, въ продолженіе котораго придворные актеры не могли являться на сценѣ и о театрѣ, до котораго императоръ Александръ никогда не былъ большой охотникъ, какъ-будто позабыли. Но когда весной 1802 года онъ опять былъ открытъ, среди всеобщаго стремленія къ веселостямъ, тогда всѣ почувствовали необходимость его въ столичномъ городѣ. Для самого государя, тогда еще совершенно молодого, публичныя увеселенія имѣли еще нѣкоторую заманчивость. Каменный или Большой Театръ, воздвигнутый въ Коломенѣ при Екатеринѣ, велѣно архитектору Пюмоу перестроить заново и съ большою противъ прежняго роскошью, а показавъ, дабы не прерывать представленія, отыскать деревянный или малый театръ, никому неизвѣстный, построенный великолѣпнымъ княземъ Потемкинымъ на дворѣ принадлежавшаго ему Аничковскаго дворца. Самъ директоръ императорскихъ театровъ, расточительный Маршвинъ, отправился въ примиренный съ нами Парижъ и навербовалъ тамъ два или три комплекта артистовъ всякаго рода. Все наѣхало, все поспѣло въ послѣдніе мѣсяцы сего 1802 года. Перестроенный Большой Театръ открытъ 30 ноября; меня чуть не задавили при входѣ, и я все-таки въ него не попалъ. Нѣсколько дней спустя было воскресеніе французской оперы, то-есть первый дебютъ знаменитой у насъ Филисъ. Незабвенная Филисъ! Какими я блаженными минутами ей обязанъ! Девять лѣтъ сряду восхищала она меня. Въ продолженіе 1803 года не проходило

почти недѣли, чтобы не было на французскомъ театрѣ дебюта и одной или двухъ новыхъ пьесъ.“¹

Слѣбое подражаніе французскимъ модамъ и манерамъ осмѣивалось нашими сатириками начиная съ Елисаветинскаго времени. Въ комедіи *Чудовищи* является фразть, петиметръ, какъ ихъ тогда называли, подъ именемъ Дюлижа. Дюлижъ презираетъ все нефранцузское. Когда хозяинъ дома, неимѣющій понятія объ иностранныхъ языкахъ, думаетъ, что фразы, которыя Дюлижъ влетаетъ въ свою рѣчь, нѣмешія, петиметръ страшно оскорбляется: „Что? вы думаете, что я говорю по-нѣмецки. Quelle pensée! quelle impertinence! чтобы я этимъ языкомъ говорить сталъ!“ Услыхавъ объ Уложеніи, онъ спрашиваетъ: „Уложеніе, что это за звѣрь? Я не только не хочу знать русскія права, я бы русскаго языка знать не хотѣлъ. Скарелный языкъ! Для чего я родился Русскимъ? О натура! не стыдно-ль тебѣ, что ты, производя меня прямымъ человѣкомъ, произвела меня отъ русскаго отца!“

Въ *Бригадирѣ* фонъ-Визина безпощадно осмѣяна галломанія прошлаго вѣка, и наши симпатіи къ Франціи особенно рельефно выставлены, въ карриатурѣ конечно, въ слѣдующихъ словахъ сына бригадира:

Сынъ. Всякій, кто былъ въ Парижѣ, имѣетъ уже право, говоря про Русскихъ, не включать себя въ число тѣхъ, затѣмъ, что онъ уже сталъ больше Французъ, нежели Русскій.

Совѣтница. Скажи мнѣ, жизнь моя, можно-ль тѣмъ изъ нашихъ, кто былъ въ Парижѣ, забыть совершенно то, что они Русскіе?

Сынъ. Totalement нельзя. Это не такое несчастіе, которое бы скоро въ мысляхъ могло быть заглажено; однако, нельзя и того сказать, чтобы оно живо было въ нашей памяти. Оно представляется намъ какъ сонъ, какъ illusion. (Дѣйствіе III, явл. 3.)

Совѣтница. Какъ, душа моя, ты и съ отцомъ подраться хочешь?

Сынъ. Et pourquoi non? Я читалъ въ прекрасной книгѣ, какъ бышь ее зовутъ... le nom m'est échappé, да.. въ книгѣ les sottises du tems, что одинъ сынъ въ Парижѣ вызывалъ отца своего на дуэль... а я, что я скотъ, чтобы не послѣдовать тому, что хотя одинъ разъ случилось въ Парижѣ.

¹ Русскій Архивъ 1891 г., стр. 7, 31, 38—40, 48—49.

XXXVI.

Двѣ мощныя фигуры Русскихъ царей обратили на себя всеобщее вниманіе въ прошломъ вѣкѣ, въ началѣ столѣтія Петръ I, во второй половинѣ Екатерина. Одинъ Французъ говорилъ государю Александру Павловичу: „Хотя ваша августѣйшая бабушка заслужила безсмертіе въ Россіи, приобрѣла она его во Франціи.“ Дѣйствительно, цѣлый хоръ французскихъ писателей прославлялъ Екатерину за ея либерализмъ, необыкновенный умъ и даже военные подвиги, наносившіе удары французской политикѣ.

Вслѣдъ за своимъ воцареніемъ Екатерина вступаетъ въ переписку съ Вольтеромъ и получаетъ отъ него самыя лестныя посланія. Онъ не только называетъ ея Наказъ мастерскимъ произведеніемъ, но и нападеніе на большую Турцію считаетъ въ высшей степени справедливымъ. Онъ относился съ величайшимъ презрѣніемъ къ фанатическимъ Полякамъ и ихъ поклоненію Ченстоховской Божіей Матери и ѣдко смѣется надъ Туркамъ и ихъ султаномъ. Онъ протестуетъ противъ мира съ Туркамъ, который не отдастъ бы намъ Константинополи и надѣется, что въ Стамбулѣ будетъ водруженъ памятникъ Русской государынѣ. Вольтеръ давалъ тонъ другимъ писателямъ, Лагарпъ и Дора писали Екатеринѣ Великой (à Catherine le Grand) посланія въ стихахъ на подобіе посланія Боало къ Людовику XIV. Тома сочиняетъ Петренду, въ которой подъ видомъ похвалы Петру I куритъ оніамъ его преемницѣ. Волиэ издаетъ теоретическое оправданіе ея восточной политики. Мерсье въ своемъ *Tableau de Paris* предлагаетъ молодому дофину брать примѣръ съ великой императрицы. Аббатъ Люберзакъ хвалитъ русскія государственныя учрежденія.

Хвалебныя отзывы объ Екатеринѣ не отличались полною искренностію, они часто были только отвѣтомъ на своего рода завгрыванье, которое позволяла себѣ русская императрица по отношенію къ французскимъ философамъ и писателямъ, и на ея меценатство. Напр. вступивъ въ переписку съ Бюффономъ и расхваливъ его сочиненія, Екатерина проситъ знаменитаго естествоиспытателя прислать ей свой бюстъ, и Бюффонъ посылаетъ въ Петербургъ сына со своимъ бюстомъ. Русская императрица постоянно награждала французскихъ писателей и даже очень

ничтожныхъ. Она посылаетъ 20 тысячъ франковъ Седену за трагедію, которой теперь никто не помнитъ, 1.200 франковъ аббату Годеру за пустой панегирикъ; покупаетъ по очень высокой цѣнѣ музыкальную партитуру Филлидора.¹

Особенный восторгъ произвело въ Парижѣ либеральное отношеніе Екатерины къ энциклопедистамъ. Въ 1751 г. Дидро и Даламберъ предприняли изданіе извѣстной Энциклопедіи, которая съ самаго начала пришлась не по вкусу духовенству, особенно иезуитамъ. Когда въ 1757 г. появился седьмой томъ съ рѣзкимъ осужденіемъ протестантскаго духовенства, на энциклопедистовъ напали уже не только католики, но и протестанты и старались представить энциклопедію подрывающею основы государства и церкви. Въ 1759 г. генеральный адвокатъ Парижскаго парламента Омеръ формально обвинилъ энциклопедистовъ; онъ объявилъ ихъ деистами и атеистами, бунтовщиками и развратителями юношества и сослался при этомъ на свидѣтельство Шоме, который прежде торговалъ уксусомъ, потомъ былъ янсенистомъ и послѣ разныхъ походовъ сдѣлался наконецъ школьнымъ учителемъ въ Москвѣ, откуда возвратился въ Парижъ, чтобы заняться ремесломъ литературнаго доносчика. Парламентъ осудилъ Энциклопедію: продажа уже вышедшихъ и имѣющихъ еще выйти томовъ была запрещена. Какъ только Екатерина взшла на престолъ, она написала письмо Вольтеру, въ которомъ возмущалась поступкомъ Шоме и запрещеніемъ Энциклопедіи. По ея порученію Шуваловъ чрезъ Вольтера предложилъ Дидро продолжать печатаніе Энциклопедіи въ Россіи. Это предложеніе привело въ восторгъ Вольтера. „Я получилъ ваше письмо за столомъ, писалъ онъ Шувалову, и мы всѣ позволили себѣ выпить за здоровье ея имп. величества и пожелать ей долгоденствія и счастья, котораго она вполне заслуживаетъ. Съ нами было нѣсколько философовъ, интересующихся Энциклопедіей. Мы всѣ пришли въ восхищеніе отъ великодушія вашей августѣйшей государыни. Мы послали вамъ свое благословеніе и сохраняя все уваженіе наше къ ея величеству, позволили себѣ присоединить имя ваше къ ея имени, какъ прежде имя Мецената присоединилось къ имени Августа. Я сомнѣваюсь, чтобъ ученые, принявшіе изданіе Энциклопедіи, въ виду заключенныхъ ими во Франціи обязательствъ, могли воспользоваться милостію ея имп.

¹ Pingaud. Les Français en Russie et les Russes en France, p. 42—44.

величества; но предложеніе, которое вы дѣлаете имъ, будетъ для нихъ, конечно, самымъ достойнымъ вознагражденіемъ за ихъ труды, и ваше имя справедливо будетъ прославлено ими. Надо признаться, что въ этомъ полезномъ словарѣ есть много статей, которыя недостойны Даламбера и Дидро, потому что не ими составлены. Ихъ непременно надо будетъ передѣлать во второмъ изданіи, и я полагаю, что это второе изданіе можно было бы тиснуть у васъ въ Россіи. Это было бы великолѣпною услугою для литературы и, осмѣлюсь прибавить, не умалпло бы славы вашей знаменитой государыни. Только великіе люди способствовали процвѣтанію свободныхъ искусствъ. Императрица приобрѣтетъ право на имя великаго человѣка. Я пишу къ Дидро, убѣдительно совѣтую ему окончить первое изданіе подъ вашимъ покровительствомъ.“

По этому поводу Вольтеръ писалъ Дидро: „Ну, славный философъ, что скажете о русской императрицѣ? Не правда ли, что ея предложеніе есть самая жестокая пощечина, какою только можно было отвѣсить господамъ, въ родѣ Омера? Въ какое время живемъ мы! Франція преслѣдуетъ философію, а Скины ей покровительствуютъ!“

Однако два обстоятельства не позволили Дидро принять предложеніе императрицы. Во первыхъ, онъ былъ связанъ контрактомъ съ парижскимъ издателемъ, во вторыхъ, положеніе Екатерины во Франціи считали непрочнымъ. „Я немного беспокоюсь на счетъ моей императрицы Екатерины, писалъ Вольтеръ графу де-Аржанталю. Вы знаете, что она поручила мнѣ просить энциклопедистовъ, преслѣдуемыхъ Омеромъ, чтобъ они перенесли печатаніе своего словаря къ ней въ Россію. Эта пощечина, данная изъ Скины глупцамъ и бездѣльникамъ, доставила мнѣ величайшее удовольствіе, которое и вы должны раздѣлить со мною; но я крѣпко боюсь, чтобъ Иванъ не свергъ съ престола нашей благодѣтельницы, а вѣдь этотъ молодой человѣкъ, воспитанный въ Россіи монахомъ, вѣроятно не будетъ философомъ.“

Вскорѣ послѣ этого Екатерина оказала важную услугу Дидро. Онъ постоянно нуждался въ деньгахъ и потому рѣшился продать свою бібліотеку. Но въ Парижѣ дѣло не устроилось. „Гриммъ, рассказываетъ дочь Дидро, познакомила отца лично съ княземъ Голицынымъ, тогдашнимъ русскимъ посломъ, и дѣло было устроено иначе. Императрица купила бібліотеку за 15 тысячъ франковъ, оставила ее отцу моему и назначила ему въ пенсію

1.000 франковъ въ должности бібліотекаря. Пенсія, съ умысломъ забытая, два года не была высылаема. Князь Голицынъ спросилъ отца моего, исправно ли онъ получаетъ ее; тотъ отвѣчалъ, что онъ и не думалъ о ней, почитая за особенное счастье, что ея имп. величеству угодно было купить лавку его, оставя ему инструменты. Князь увѣрилъ его, что конечно не таково намѣреніе государыни, и что онъ обязывается предупредить на будущее время подобный безпорядокъ. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ того, отецъ мой получилъ 50 тысячъ франковъ впередъ за пятьдесятъ лѣтъ.“

Фиктивная покупка бібліотеки Дидро была для Екатерины предлогомъ облагодѣтельствовать философа и пожать новые лавры во Франціи. Дѣйствительно, кружокъ парижскихъ литераторовъ пришелъ въ восхищеніе отъ щедрости русской императрицы, сѣверной Семирамиды или сѣверной звѣзды, какъ ее называли. „Мерцаніе сѣверной звѣзды, писала Екатерина Вольтеру, есть только сѣверное сіяніе. Благодѣнія, распространяющіяся на нѣсколько сотенъ миль, и о которыхъ вамъ угодно было упомянуть, не принадлежать мнѣ; Дидро продажей своей бібліотеки обязанъ вамъ, своему другу. Ничего не значитъ помочь ближнему отъ своихъ излишковъ; но быть ходатаемъ челоуѣчества и защитникомъ угнетенной невинности — это безсмертная заслуга.“ Вольтеръ отвѣчалъ: „Прошу извинить меня, ваше имп. величество! Нѣтъ, вы не сѣверное сіяніе; вы навѣрное самая блестящая звѣзда Сѣвера, и никогда еще не бывало звѣзды столь благодѣтельной, какъ вы: Андромеда, Персея и Каллиста не стоить васъ. Всѣ эти звѣзды оставили бы Дидро умереть съ голоду. Онъ былъ гонимъ въ своемъ отечествѣ, а вы взыскали его своими милостями. Мы втроемъ, Дидро, Даламберъ и я, мы воздвигаемъ вамъ олтари: вы сдѣлали меня язычникомъ.“¹

Желая лично отблагодарить императрицу, Дидро въ 1773 г. отправился въ Петербургъ и остался очень доволенъ своимъ путешествіемъ. Изъ нѣсколькихъ писемъ къ друзьямъ видно, какое впечатлѣніе произвелъ на Дидро любезный пріемъ, оказанный ему въ Россіи. „Я сдѣлалъ не только пріятное, но и почетное путешествіе, пишетъ онъ г-жѣ Волланъ,—меня принимали какъ представителя честныхъ и искусныхъ людей моей стра-

¹ Шугуровъ. Дидро и его отношенія къ Екатерианѣ II (Бартеневъ. Осьмнадцатый вѣкъ, т. I, стр. 334—344).

ны. Я смотрю на себя какъ на такого представителя, когда сравниваю знаки отличія, которыми меня почтили, съ тѣмъ, что я могъ ожидать лично для себя. Я говорилъ себѣ, уѣзжая изъ Франціи: ты будешь представленъ императрицѣ, ты поблагодаришь ее, черезъ мѣсяць она можетъ-быть пожелаетъ увидѣть тебя; она сдѣлаетъ тебѣ нѣсколько вопросовъ, еще черезъ мѣсяць ты пойдешь откланяться ей и уѣдешь. Такъ дѣйствительно дѣло происходило бы при всякомъ другомъ дворѣ, кромѣ петербургскаго. Тутъ, напротивъ, дверь кабинета императрицы открыта мнѣ ежедневно съ 3 часовъ пополудни до пяти, а иногда до шести. Я вхожу, меня просятъ сѣсть, и я бесѣдую такъ же свободно, какъ съ вами. Уходя я вынужденъ сознаться, что у меня была рабская душа въ странѣ, называемой страной свободныхъ людей, и что у меня оказалась душа свободного человека въ странѣ, которую называютъ страной рабовъ. Ахъ, друзья мои, какая монархія! Какая необыкновенная женщина! Мою похвалу не будутъ обвинять въ продажности, потому что я поставилъ тѣсныя предѣлы ея щедрости. Вы должны будете сказать вмѣстѣ со мной, что это душа Брута съ лицомъ Клеопатры; твердость одного и прелесть другой; возвышенныя идеи, и грація въ ихъ выраженіи; любовь къ правдѣ, доходящая до послѣднихъ предѣловъ; знаніе дѣлъ своей имперіи, какъ вы знаете свой домъ. Все это я вамъ расскажу“. „Клянусь вамъ, писалъ Дидро той же госпожѣ Волланъ, — что это время моей жизни было наиболѣе удовлетворительно для моего самолюбія. Вамъ придется повѣрить тому, что я расскажу вамъ объ этой замѣчательной женщинѣ. Мнѣ не заплатили за мою похвалу, и она выйдетъ не изъ продажныхъ устъ“. „Я имѣлъ честь, писалъ Дидро кн. Дашковой, — приближаться къ ея имп. величеству такъ часто, какъ я только могъ желать, чаще чѣмъ я могъ на это надѣяться. Я нашелъ ее такою, какъ вы рисовали мнѣ ее въ Парижѣ: душа Брута въ соединеніи съ прелестью Клеопатры. Она велика на престолѣ, а привлекательность ея какъ женщины можетъ вскружить голову тысячѣ людей. Никто не обладаетъ въ одинаковой съ нею мѣрѣ искусствомъ заставлять всѣхъ чувствовать себя какъ дома.“

Въ восторгѣ Дидро не послѣднюю роль играла матеріальная помощь, оказанная ему Екатериной; это видно изъ его откровеннаго письма къ женѣ. Вотъ существенная часть этого письма. „Наканунѣ моего отъѣзда изъ Петербурга императрица при-

казала отдать мнѣ три тысячи рублей. Учетъ, который очень великъ особенно въ эту минуту въ Петербургѣ, привелъ эти три тысячи рублей къ 12.600 ливрамъ нашей монеты. Если вычестъ изъ этой суммы цѣну эмали и двухъ картинъ, которыя я подарилъ императрицѣ, расходы на обратный путь и подарки, которые слѣдуетъ сдѣлать Нарышкинымъ, принявшимъ меня какъ роднаго брата, помѣстившимъ меня у себя и кормившимъ меня въ теченіе пяти мѣсяцевъ, у насъ остается отъ пяти до шести тысячъ франковъ, можетъ-быть даже нѣсколько менѣе. Но я не могу повѣрить, чтобъ это было все, чего мы можемъ ждать отъ императрицы, олицетворенія щедрости, для которой я въ довольно почтенномъ возрастѣ сдѣлалъ болѣе 1500 лѣтъ, которая не отвергла моего подарка, для которой я работалъ разными способами въ теченіе пяти мѣсяцевъ почти день и ночь. Но еслибы положеніе вещей не измѣнилось, мнѣ нечего было бы жаловаться. Раньше она была ко мнѣ такъ великодушна, что только ненасытная жадность могла бы требовать больше; однако, надо подождать и довольно долго, раньше чѣмъ произнести окончательное сужденіе. Она знаетъ, что ея подарки не обогатили меня, и я увѣренъ, что она питаетъ ко мнѣ уваженіе, смѣю даже сказать, дружбу. Я прежде предлагалъ ей сдѣлать для нея новое изданіе энциклопедіи; она сама вернулась къ этому проекту, нравившемуся ей потому что все, чтѣ имѣетъ характеръ величія, увлекаетъ ее. Обсудивъ съ ней касающееся ея славы, она отослала меня къ одному изъ своихъ министровъ для обсужденія матеріальной стороны дѣла. Я сговорился съ этимъ министромъ, и въ ту минуту, какъ я пишу тебѣ, министръ передаетъ мнѣ, что онъ немедленно снабдитъ меня необходимою суммой. Эта сумма будетъ очень значительна. Рѣчь идетъ о 40 тысячахъ рублей, т.-е. о 200 тысячахъ франковъ, съ которыхъ мы будемъ получать ренту въ теченіе шести лѣтъ, 10 тысячъ франковъ въ теченіе первыхъ 15 мѣсяцевъ, затѣмъ 5 тысячъ; если прибавить это къ нашему обыкновенному доходу, дѣла наши будутъ хорошо устроены. На этотъ разъ энциклопедія будетъ доходная статья и не причинитъ мнѣ никакихъ огорченій, потому что я буду работать для иностраннаго двора и подъ покровительствомъ монархини. Французское министерство усмотритъ въ этомъ славу и интересъ націи, и послѣдніе годы жизни я употреблю съ пользой для тебя и нашихъ дѣтей.

„Кромѣ маленькихъ подарковъ и работы въ Петербургѣ, ея

величество почтила меня множеством порученій, среди которых на многія я долженъ потратить талантъ и время. Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что императрица, которая во всемъ такъ великодушна, не уступитъ мнѣ въ данномъ случаѣ этого преимущества; ибо ты должна знать, что я самъ связалъ ей руки и остановилъ ея щедрость. Ты спросишь меня, почему я это дѣлалъ, и я сейчасъ отвѣчу тебѣ. Какъ только я пріѣхалъ въ Петербургъ, мошенники написали изъ Париза и другіе мошенники повторяли въ Петербургѣ, что подъ предлогомъ благодарить за прежнія благодѣянія, я пріѣхалъ просить новыхъ. Это оскорбляло меня, и я тотчасъ же сказалъ себѣ: надо закрыть ротъ этой канальѣ. Поэтому, откланиваясь императрицѣ, я подалъ ей родъ прошенія, въ которомъ настоятельно просилъ ничего не прибавлять къ своимъ прежнимъ милостямъ. Она спросила меня о причинѣ такой просьбы. „Это дѣлается, отвѣтилъ я,—и для вашихъ подданныхъ и для моихъ соотечественниковъ. Я не хочу, чтобы ваши подданные думали, какъ они имѣли наглость намекать, что не благодарность была причиной моего путешествія, а тайное желаніе получить матеріальныя выгоды; я желаю разувѣрить ихъ въ этомъ, и ваше величество должны бы быть такъ добры, чтобы помочь мнѣ. По отношенію къ моимъ соотечественникамъ я хочу сохранить право свободно говорить; когда и буду говорить правду о вашемъ велиествѣ, не надо, чтобы они думали слышать голосъ благодарности, который всегда подозрителенъ. Мнѣ пріятнѣе, чтобы мнѣ вѣрили, когда я буду хвалить ваши великія добродѣтели, чѣмъ имѣть больше денегъ“. Она возразила мнѣ: „Развѣ вы богаты?“ „Нѣтъ, отвѣтилъ я,—но я доволенъ, что гораздо лучше“.—„Что же я могу сдѣлать для васъ?“—„Много. Впервые, ваше величество можетъ уплатить расходы по моему путешествію, принимая, однако, во вниманіе, что философъ не путешествуетъ какъ важный баринъ“. Она отвѣтила мнѣ: „Сколько же вы желаете?“—Думаю, что будетъ достаточно 1.500 рублей.— Я дамъ вамъ 3 тысячи.—Вторыхъ, ваше величество, соблаговолите выдать мнѣ какой-нибудь пустякъ, который пріобрѣтаетъ цѣнность только отъ того, что онъ былъ въ вашемъ употребленіи.—Я согласна, но скажите какой пустякъ вы желаете. Я отвѣтилъ: „вашу чашку и блюдечко“.—Нѣтъ, она разобьется и вы будете имѣть огорченіе, я придумаю что-нибудь другое.—Третьихъ, дать мнѣ одного изъ вашихъ придворныхъ, который доведетъ бы меня до Гаги.—Это будетъ

сдѣлано. — Вчетвертыхъ, дать мнѣ право прибѣгнуть къ вашему величеству, въ случаѣ я разорюсь отъ какой-нибудь случайности. Она отвѣтила мнѣ: „Вы можете вполне рассчитывать на меня“. Ты можешь себѣ представить, что, видя такую доброту, я расплакался“¹.

Изъ сказаннаго видно, что отношенія Дидро къ Екатеринѣ не были вполне безкорыстны, а потому и его хвалебныя рѣчи не всегда могутъ быть приняты за чистую монету. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнiю, что Дидро такъ же какъ Вольтеръ и Даламберъ цѣнили умъ великой императрицы и блескъ ея царствованiя. Болѣе безпристрастны отзывы французскихъ путешественниковъ, которые, начиная съ царствованiя Елисаветы Петровны, все чаще и чаще посѣщали Россiю; прiѣзжали ученые и художники, разные прожекторы и фокусники, учителя и гувернантки. Россiя была страной, гдѣ, по мнѣнiю Французовъ, было всего легче обогатиться, и надежда на наживу возможную для людей безъ выдающихся талантовъ и знанiя служила большою приманкой. Екатерина II и Россiя были одно время въ модѣ въ Парижѣ. Гриммъ говорилъ даже объ особой болѣзни, которую онъ называлъ *die Catharinen-Sucht oder nach anderen die Nord-Minergven Krankheit*. Въ Парижѣ отрывали магазины съ вывѣсками à l'impératrice de Russie, гостиницы и кафе „Россiя“ и даже модныя магазины *Au russe galant*. Драматурги брали сюжеты изъ русской жизни, несмотря на то, что они ея совсѣмъ не знали. Въ Парижѣ давали драмы: „Петръ Великiй“ Дора, „Меншиковъ“ Лагарпа, „Федоръ и Лизанька“ Дефоржа.²

Изъ французскихъ путешественниковъ съ наибольшою симпатiей отзываются о Россiи Бернарденъ де С. Пьеръ, извѣстный авторъ „*Paul et Virginie*“, и не менѣе извѣстная писательница г-жа Сталь, проѣхавшая чрезъ Россiю въ Швецию въ 1812 году. Вотъ что рассказываетъ послѣдняя: „Въ этой русской имперiи, которую такъ неправильно называютъ варварскою, я испытала только благородныя и сладкiя впечатлѣнiя. Я вѣхала въ Россiю въ моментъ, когда французская армiя уже достаточно проникла въ глубь страны, тѣмъ не менѣе никакое преслѣдованiе, никакая помѣха ни на минуту не останавливала иностранца-

¹ Oeuvres complètes de Diderot, t. XIX, p. 347—349, t. XX, p. 39, 51 — 54.

² Pingaud. Les Français en Russie, p. 112.

путешественника. Ни я, ни мои спутники не знали русскаго языка; мы говорили только по-французски, то-есть на языкѣ непріятеля, опустошавшаго имперію; по непріятной случайности у меня не было даже прислуги, которая говорила бы по-русски, и еслибы не одинъ нѣмецкій врачъ, великодушно взявшійся быть нашимъ переводчикомъ вплоть до Москвы, мы дѣйствительно заслужили бы названіе глухихъ и нѣмыхъ, какъ Русскіе называютъ иностранцевъ. Даже въ такомъ положеніи мы совершили бы свое путешествіе легко и безопасно; такъ велико въ Россіи гостепріимство среди знати и народа.

„Въ характерѣ русскаго народа не бояться ни усталости, ни физическихъ страданій; въ этой націи совмѣщаются терпѣніе и дѣятельность, веселость и меланхолія. Въ ней соединяются самыя поразительныя контрасты, и на этомъ основаніи ей можно предсказать великую будущность; только въ высшихъ существахъ совмѣщаются противоположныя качества, массы по большей части бывають одного цвѣта. Мои русскіе вучера везли меня съ быстротой молніи и при этомъ пѣли пѣсни, заключающія, какъ меня увѣряли, комплименты и поощренія лошадямъ. Я не замѣтила въ этомъ народѣ ничего варварскаго, напротивъ, его манеры имѣють что-то элегантное и мягкое. Никогда русскій кучеръ не пройдетъ мимо женщины, какого бы возраста и положенія она ни была, не поклонившись ей, и женщина отвѣчаетъ ему наклоненіемъ головы всегда благороднымъ и граціознымъ. Старикъ, котораго я никакъ не могла понять, показалъ мнѣ жестомъ сначала на землю, потомъ на небо; онъ хотѣлъ этимъ сказать, что земля будетъ ему путемъ къ небу.“

„Я была принята съ большимъ гостепріимствомъ въ этихъ уединенныхъ жилищахъ, ибо таковыми представляются провинціальныя города въ Россіи. Нѣсколько дворянъ пришли ко мнѣ въ гостиницу (въ Тулѣ) изъ окрестностей и дѣлали мнѣ комплименты на счетъ моихъ сочиненій; сознаюсь, я была польщена, что моя литературная репутація распространилась на такое разстояніе отъ моего отечества. Жена губернатора приняла меня по-азіатски и угощала вареньемъ; комната ея была очень элегантна убрана музыкальными инструментами и картинами. Вездѣ въ Европѣ замѣтенъ контрастъ между богатствомъ и нищетою; но въ Россіи не выдаются ни богатство, ни нищета. Народъ не бѣденъ; знать умѣеть, когда нужно, вести тотъ же образъ жизни, что и народъ; смѣсь самыхъ тяжелыхъ лишеній

и самых изысканных наслаждений характеризует эту страну. Тѣ самые вельможи, въ домахъ которыхъ собрана самая блестящая роскошь со всѣхъ странъ свѣта, во время путешествія бѣдятъ хуже, чѣмъ наши французскіе крестьяне, и умѣютъ выносить не только во время войны, но и въ разныхъ обстоятельствахъ очень неприятное физическое существованіе. Суровость климата, болота и лѣса, покрывающіе значительную часть страны, вынуждаютъ человѣка бороться съ природой. Фрукты и цвѣты растутъ только въ оранжереяхъ; овощей разводятъ мало; виноградниковъ совсѣмъ нѣтъ. Обычный образъ жизни крестьянъ во Франціи возможенъ былъ бы въ Россіи только при чрезвычайныхъ расходахъ. То, что Англичане называютъ комфортомъ, совсѣмъ не встрѣчается въ Россіи. Вы никогда не найдете ничего достаточно совершеннаго, чтобъ удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ воображеніе русскихъ вельможъ. Но когда у нихъ недостаетъ этой поэзіи богатства, они пьютъ медъ, спятъ на доскахъ, путешествуютъ день и ночь въ телѣгѣ, не сожалѣя о роскоши, къ которой они казалось бы привыкли. Они любятъ богатство скорѣе за то, что оно даетъ возможность быть великолѣпнымъ, чѣмъ за доставляемыя имъ удовольствія. Въ этомъ они похожи на восточныхъ людей, которые отличаются своимъ гостепріимствомъ по отношенію къ иностранцамъ, богато одариваютъ ихъ, въ ущербъ своей обыденной жизни. Это одна изъ причинъ, объясняющая славную храбрость, съ которою Русскіе вынесли разореніе отъ московскаго пожара. Этотъ народъ характеризуется чѣмъ-то гигантскимъ во всѣхъ отношеніяхъ; обыкновенные размѣры неприменимы къ нему. Я не хочу сказать этимъ, чтобъ у нихъ не встрѣчалось ни истиннаго величія, ни устойчивости; но смѣлость и воображеніе Русскихъ не знаетъ никакихъ границъ; у нихъ все скорѣе колоссально, чѣмъ соразмѣрно, скорѣе смѣло, чѣмъ обдуманно, и если они не достигаютъ цѣли, то потому, что переходятъ дальше цѣли.

„Репутація непобѣдимыхъ, которую дали этой націи многіе военные успѣхи, гордость, свойственная знати, самопожертвованіе, лежащее въ характерѣ народа, религія, сила которой глубока, ненависть къ иностранцамъ, которую Петръ I старался уничтожить, желая просвѣтить свою страну, но которая тѣмъ не менѣе осталась въ русской крови и при случаѣ обнаруживается, всѣ эти причины дѣлаютъ изъ этой націи очень энергическій народъ. Нѣсколько свѣрныхъ анекдотовъ изъ предыдущихъ цар-

ствованій, нѣсколько Русскихъ, дѣлавшихъ долги въ Парижѣ, нѣсколько остротъ Дидро поселили въ головѣ Французовъ мысль, что Россія состоитъ исключительно изъ испорченнаго двора, придворныхъ и народа, состоящаго изъ рабовъ; это большая ошибка. Правда, узнать этотъ народъ можно только послѣ продолжительнаго наблюденія; но я имѣла случай наблюдать этотъ народъ въ удобную минуту, потому что въ минуты несчастія выступаютъ всѣ хорошія стороны народа. Повторяю, въ этой націи замѣтны самые поразительные контрасты; можетъ-быть это происходитъ отъ смѣси европейской цивилизаціи съ азіятскимъ характеромъ.“

Г-жа Сталь пробыла въ Россіи недолго, но повсюду, въ Кіевѣ, Москвѣ и Петербургѣ, ее принимали съ распростертыми объятіями. Это обстоятельство играло конечно немаловажную роль въ ея сужденіяхъ о Россіи. Ей понравились русскіе хороводы, русскія пѣсни и балалайка, и въ своихъ мемуарахъ она старалась разсѣять предубѣжденія Французовъ противъ Русскихъ. Она находила возможнымъ даже защищать крѣпостное право, находя, что оно не такъ тягостно, какъ его обыкновенно представляютъ. „Но скажутъ мнѣ, русскій народъ находится въ рабствѣ, пишетъ г-жа Сталь, какой же у него можетъ быть характеръ? Нечего говорить, что всѣ просвѣщенные люди желаютъ, чтобы русскій народъ вышелъ изъ этого состоянія, и можетъ-быть болѣе всѣхъ желаетъ этого императоръ Александръ; но рабство Россіи не похоже на западное; здѣсь не побѣдители наложили тяжелые законы на побѣжденныхъ, какъ это было при феодальныхъ порядкахъ. Отношенія знати къ народу похожи скорѣе на то, что у древнихъ называлось семействомъ рабовъ, чѣмъ на положеніе крѣпостныхъ у новыхъ народовъ. Средняго сословія въ Россіи нѣтъ, и это большая помѣха для развитія науки и искусства, ибо прогрессъ обыкновенно развивается въ этомъ среднемъ сословіи; но это отсутствіе посредниковъ между знатью и народомъ дѣлаетъ то, что послѣдніе больше любятъ другъ друга. Эта общественная организація неблагоприятна для развитія высшихъ классовъ, но не для счастья низшихъ. Религіозный и военный духъ господствуютъ до такой степени въ этой націи, что можно простить многія погрѣшности ради этихъ двухъ источниковъ прекрасныхъ дѣяній. Во время большаго кризиса, испытаннаго Россіей, когда я проѣзжала по ней, нельзя было не удивляться энергичному противодѣйствию и смиренному самопожертвованію, выказанному этимъ народомъ; и

вѣдѣ такіа добродѣтели не хватало смѣлости осуждать то, что стала бы осуждать въ другое время.“

Въ Парижѣ нерѣдко говорили о распушенности русскихъ нравовъ, но и съ этимъ г-жа Сталь не можетъ вполне согласиться. „Я провела слишкомъ мало времени въ Петербургѣ, пишетъ она, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о семейной жизни; однако мнѣ показалось, что семейная добродѣтель встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ говорятъ, а съ другой стороны Русскіе мало склонны къ сентиментальной любви.“

Г-жа Сталь вообще относилась къ Россіи съ симпатіей, хотя знала ее совершенно недостаточно, и русскій народъ представлялся ей восточнымъ, совершенно отличнымъ отъ европейскихъ народовъ. Мы видѣли, что наши помѣщики читали эту писательницу; она же со своей стороны не только никогда не слышала о Ломоносовѣ, Державинѣ, Карамзинѣ и фонъ-Визинѣ, но даже прямо утверждала, что не существуетъ русской литературы. „Поэзія, краснорѣчіе, литература не встрѣчается еще въ Россіи“, говоритъ она.¹

Въ 1803 году было напечатано въ Парижѣ путешествіе въ Петербургъ Ламессельера, служившаго во французскомъ посольствѣ при Елисаветѣ Петровнѣ. Въ предисловіи Мюссэ-Патэ счесть нужнымъ указать на интересъ, какой представляетъ Россія для Французовъ и опровергнуть нѣкоторыя ходячія мнѣнія. „Въ очень короткое время, говоритъ онъ, Россія сдѣлала быстрые успѣхи, на которые казалось бы нужны вѣка. Эта быстрая перемяна не можетъ не возбудить нашего любопытства и нельзя относиться равнодушно ко всему, что можетъ объяснить эту перемяну.“ Далѣе авторъ старается доказать, что деспотизмъ русскаго правительства вовсе не таковъ, какимъ его представляютъ. „Русское правительство представляютъ деспотическимъ, говоритъ онъ, то-есть такимъ, гдѣ воля монарха есть высшій законъ; однако насчетъ этого пункта показанія путешественниковъ и писателей противорѣчивы. Несомнѣнно, что русскій деспотизмъ не похожъ на турецкій. Если установить параллель между Туреами и Русскими, преимущество будетъ на сторонѣ послѣднихъ. Многіе, можетъ-быть, сдѣлаютъ размышленіе, которое кажется справедливымъ на первый взглядъ: законы ни къ чему не ведутъ тамъ, гдѣ монархъ можетъ безнаказанно нарушать ихъ; результаты почти одни и тѣ же въ странѣ, гдѣ нѣтъ законовъ и въ

¹ M-me de Stael, Dix ans d'exil, p. 246—325.

странѣ, гдѣ ихъ не соблюдаютъ. Но на это можно отвѣтить, что во второмъ случаѣ несправедливость возмущаетъ и можетъ привести къ реформѣ, между тѣмъ, какъ въ первомъ случаѣ нѣтъ надежды на переимѣну. Не зная основательно русскаго законодательства, ограничимся увѣреніемъ, что такое законодательство существуетъ, и что слѣдовательно образъ правленія не заслуживаетъ названія деспотическаго. Впрочемъ, въ только-что окончившееся столѣтіе Россія имѣла достойныхъ монарховъ, Петра I, Елисавету, Екатерину II и Александра I. При такихъ государяхъ можно обходиться безъ законовъ. Это страшное слово *деспотизмъ*, легкомысленно брошенное путешественниками или историками, показало Россію въ ложномъ свѣтѣ. Это выраженіе, хотя несправедливо примѣняемое, производитъ магическое дѣйствіе; сейчасъ же представляешь себѣ, что находишься въ азіатскихъ царствахъ, гдѣ ложаешься спать вечеромъ, не знаешь увидишь ли на другой день ласки своего семейства, гдѣ совершенно неожиданно появляется петля, кинжалъ или ядъ и гдѣ вамъ предоставляютъ единственную милость— свободу выбора. Пусть разувѣрятся въ этомъ: Россія не представляетъ ничего подобнаго и невиновные въ полной безопасности въ этой странѣ. Какая страна представляетъ примѣръ Россіи, гдѣ въ теченіе долгаго времени мечъ правосудія не былъ запятнанъ ни одною каплей крови? Я обращаюсь съ этимъ вопросомъ не только къ деспотическимъ государствамъ, но и къ свободнымъ. Видно ли гдѣ-нибудь, чтобы царствованіе почти въ двадцать лѣтъ и другое почти въ сорокъ лѣтъ прошло безъ того, чтобы была пролита кровь преступниковъ?“

Въ характерѣ Русскихъ авторъ находилъ сходство съ Французами и говоритъ объ этомъ: „На Русскихъ наклеветали нѣкоторые путешественники, которые наблюдали ихъ очень поверхностно или, лучше сказать, совсѣмъ не наблюдали. При большемъ вниманіи и добросовѣстности легко понять, что Русскихъ судили слишкомъ строго. Вотъ замѣчаніе, которое можетъ показаться, сначала ребяческимъ, но по нѣкоторомъ размысленіи окажется не бесполезнымъ. У Русскихъ есть общее обыкновеніе, которое кажется мнѣ доказываетъ возвышенную душу: это клянутся слегка всѣмъ особамъ пышно одѣтымъ и низко себѣ равнымъ. Затѣмъ въ нихъ есть врожденная доброта, благодаря которой они отлично принимаютъ всѣхъ иностранцевъ; и когда тѣ плохо выражаются, они не смѣются, какъ мы и всѣ цивилизованные народы, но чувствуютъ къ нимъ жалость и стараются помочь имъ выразить свои мысли. Русскіе очень веселы, они пользуются

всякъмъ случаемъ, чтобы позабавиться. Въ этомъ отношеніи я нахожу, что Русскій отчасти похожъ на Француза; обоихъ небо одарило неоцѣнимымъ благодѣяніемъ, я говорю о расположеніи въ веселію, которое замѣняетъ философію и лучше ея.“¹

Мы видѣли, что г-жа Сталь возставала противъ предубѣжденій, довольно сильно распространенныхъ во Франціи противъ Россіи. Главныя обвиненія противъ Русскихъ заключались въ томъ, что у насъ развитъ деспотизмъ. Народъ не вышелъ еще изъ варварскаго состоянія, нравы высшаго общества распущены, религія заключается въ однихъ обрядахъ. Такой взглядъ встрѣчается у многихъ французскихъ путешественниковъ. Я приведу для примѣра только отзывы двухъ писателей.

Аббатъ Жоржель, посѣтившій Россію въ царствованіе Павла I, говоритъ слѣдующее о русскихъ нравахъ и правительствѣ. „Какимъ образомъ могутъ быть добрые нравы у народа, лишеннаго образованія и законовъ, карающихъ пороки? Русская религія сосредоточивается исключительно на внѣшней обрядовой сторонѣ и предоставляетъ полную свободу развитію самыхъ скверныхъ страстей; а потому неудивительно, что на нравственность не обращаютъ большаго вниманія. Можно безнаказанно быть пьяницей, развратникомъ, воромъ, если постился всѣ посты и становился на колѣни предъ иконами. Судя по тому, что я видѣлъ въ Петербургѣ, можно сказать, что пьянство, воровство и распутство—національные пороки. Женщины не краснѣютъ, выставляя публично свое безстыдство; войдите въ русскія бани, вы увидите, что тамъ мужчины и женщины моются вмѣстѣ. При Екаторинѣ II распутство женщинъ было въ модѣ и дамы высшаго круга хвастались имъ. При Павлѣ I онѣ съ нахальствомъ показываютъ дѣтей, которыхъ имѣли не отъ мужей. Образъ правленія въ Россіи нельзя сравнить ни съ какимъ европейскимъ; онъ совершенно азіатскій, то-есть воля императора—высшій законъ. Поэтому русскій императоръ имѣетъ титулъ автократа; это греческое слово значить, что монархъ самъ есть могущество. У него нѣтъ, какъ у другихъ европейскихъ монарховъ, государственнаго совѣта, гдѣ обсуждаются самыя важныя дѣла; въ Россіи нѣтъ даже, какъ въ Китаѣ, самой деспотической странѣ, судилища, которое позволяетъ себѣ судить о поведеніи императора и дѣлать ему увѣщанія. Самодержецъ Всероссийскій самъ себѣ государственный совѣтъ и верховный судъ. Нѣтъ деспота

¹ La Messeliere, Voyage à Petersbourg, p. 3, 16—22.

во вселенной, который царствовалъ бы на такомъ пространствѣ. Къ счастью для спокойствія Европы и Азіи, громадная территория Азіатской Россіи населена гораздо рѣже европейской¹.

У аббата Жоржеля не было никакой причины относиться враждебно къ Россіи, и его отзывы о Русскихъ не были написаны съ какою-нибудь предвзятою цѣлью. Массонъ имѣлъ поводъ быть недовольнымъ нашимъ правительствомъ. Онъ прослужилъ десять лѣтъ на русской военной службѣ при Екатеринѣ, но Павломъ былъ изгнанъ изъ Россіи. Поэтому у Массона краски наложены гораздо гуще, а онъ нерѣдко въ своихъ мемуарахъ посвященныхъ Россіи, разсказываетъ совершенно невѣроятныя вещи. „Русскій характеръ, говоритъ онъ, заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакого характера, но умѣть удивительнымъ образомъ усвоивать себѣ характеръ другихъ народовъ. Знатный Русскій, единственный Русскій, котораго можно видѣть за границей и изучать въ его собственной странѣ, имѣетъ дѣйствительно большую способность ассимилироваться съ мнѣніями, нравами и обычаями чужихъ народовъ. Онъ будетъ вѣтренъ, какъ старинный французскій петиметръ, будетъ приходить въ безуміе отъ музыки, какъ Итальянецъ, будетъ благоразуменъ какъ Нѣмецъ, страненъ какъ Англичанинъ, низокъ какъ рабъ, гордъ какъ республиканецъ. Онъ такъ же легко мѣняетъ вкусы и характеръ, какъ моды, и эта гибкость ума составляетъ несомнѣнно отличительное свойство Русскихъ. Такой подвижности нечего удивляться, если вспомнить, что Русскіе народъ молодой, на который всѣ націи вліяли болѣе или менѣе. Они получили отъ иностранцевъ науки, искусства, пороки и мало добродѣтелей. Образъ правленія и частный характеръ самодержца отпечатлѣваются на всей націи, какъ на одномъ человѣкѣ, и греческая религія самая нелѣпая изъ всѣхъ христіанскихъ сектъ окончательно обезображиваетъ этотъ народъ. О Русскомъ можно сказать, что его правительство унижаетъ его, религія развращаетъ, мнимая цивилизація портитъ. Русскій крестьянинъ безъ собственности, безъ религіи, безъ нравственности, безъ чести, гостеприименъ, человеколюбивъ, услужливъ, веселъ и храбръ; чѣмъ дальше отъ городовъ, тѣмъ онъ лучше; самый дикій крестьянинъ всегда самый лучший, чѣмъ дальше отъ своего тирана, тѣмъ ближе онъ къ добродѣтели; однимъ словомъ, въ немъ всѣ врожденные добродѣтели, напоминающія патріархальные нравы, а пороки его исключительно

¹ Abbé Georget. Mémoires t. VI, p. 270—273.

пороки рабства. Остатки варварства, замѣчаемые въ высшихъ слояхъ, представляютъ отвратительный контрастъ. Это варварство обнаруживается въ грубости нравовъ, въ оскорбительномъ презрѣннн къ людямъ вообще, въ презрительномъ обращенн съ низшими въ рабской трусости предъ высшими, въ равнодушіи ко всякому усовершенствованію, въ незнанн приличій, въ нахальствѣ, безстыдствѣ, отсутствіи патріотизма, особенно же въ отсутствіи чувства чести, которое иногда замѣняетъ честность и даже добродѣтель. Полупросвѣщенные Русскіе еще болѣе рабы чѣмъ ихъ правительство деспотично; ихъ господину невозможно не быть ихъ тиранномъ.

„Послѣ пьянства самый распространенный въ Россіи порокъ, это воровство. Сомнѣваюсь, чтобы какой-нибудь народъ былъ болѣе склоненъ къ присвоенію чужой собственности. Отъ перваго министра и генерала до лакея и солдата, всѣ воруютъ, грабятъ и мошенничаютъ. Въ Россіи къ вору не относятся, какъ у самыхъ послѣднихъ народовъ съ презрѣніемъ, которое клеймятъ его позоромъ; когда Русскій украдетъ, онъ всего больше боится, что ему придется возратить украденное, потому что онъ не во чтѣ не ставитъ нѣсколько ударовъ палкой. Когда вы поймаете его съ поличнымъ, онъ говоритъ со смѣхомъ: виновать, господинъ, виновать, и отдаетъ вамъ свою добычу, считая, что отдѣлался отъ воровства. Этотъ позорный порокъ распространенъ во всѣхъ слояхъ общества и его почти не порицаютъ. Случается иногда, что во дворцѣ, куда имѣютъ доступъ только сановники, у васъ вытаскиваютъ бумажки точно на ярмаркѣ. Иностранецъ, живущій съ Русскими, хотя бы княземъ, скоро научится, что нельзя оставлять ничего на столѣ; существуетъ даже русская поговорка: чтѣ не заперто, то принадлежитъ тому, кто пожелаетъ взять.“¹

Изъ всего сказаннаго ясно, что франко-русскія симпатіи были односторонни, то-есть Русскіе увлекались Французами и французской культурой. Французы же знали Россію очень плохо, а то, что онѣ о насъ знали, въ большинствѣ случаевъ не представлялось имъ симпатичнымъ. До послѣдняго времени наше отечество считали варварскою, полуазіатскою страной, не достигшею еще европейской цивилизаціи.

¹ Masson. Mémoires secrets sur la Russie, p. 170—175.

Мы видѣли, что союзъ Россіи съ Франціей былъ невозможенъ во все прошлое столѣтіе вплоть до Наполеоновскихъ временъ, невозможенъ потому, что французская политика расходилась самымъ кореннымъ образомъ съ русскою политикой. То, что наши цари считали своею національною задачею, какъ напримѣръ, пріобрѣтеніе Балтійскаго побережья и Крыма, то въ Парижѣ представлялось опасною завоевательною политикою, которой необходимо положить предѣлъ. Но если франко-русскій союзъ былъ невозможенъ сто лѣтъ тому назадъ, это не значитъ еще, чтобъ онъ былъ невозможенъ и нежелателенъ теперь. Изъ трехъ вопросовъ, разъединившихъ насъ съ Франціей, два (шведскій и польскій) давно перестали существовать, и только третій, восточный, все еще ждетъ рѣшенія.

Восточный вопросъ былъ причиною послѣдней нашей войны съ Франціей. Крымская кампанія возгорѣлась изъ-за вопроса, который многимъ казался пустымъ и не стоящимъ вниманія, изъ-за ключей Внелемскаго храма. Но дѣло заключалось, конечно, не только въ томъ, кому будетъ принадлежать Внелемская святыня; за этимъ вопросомъ скрывалось вѣковое недоразумѣніе: рѣчь шла о политическомъ вліяніи на Востокѣ. Франція желала возстановить утраченный ею авторитетъ, вернуть тѣ времена, когда французскіе дипломаты царили на Босфорѣ. Императоръ Николай Павловичъ выступилъ въ роли, какую принимали на себя всѣ русскіе цари, начиная съ Іоанна Грознаго, въ роли покровителя и защитника православнаго Востока.

Если въ Европѣ наши интересы сходятся съ французскими, если намъ однаково нежелательно чрезмѣрное увеличеніе прусскаго могущества, то нельзя сказать того же о Палестинѣ. Тамъ идетъ дѣятельная католическая пропаганда, тамъ православіе борется съ папизмомъ и въ Святой Землѣ наше Палестинское Общество не можетъ вступить въ союзъ съ французскими миссіонерами.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Сношенія съ Франціей въ допетровское время.

	<i>Стран.</i>
Глава I. Первый французскій посланникъ въ Москвѣ. Торговья сношенія въ царствованіе Годунова и Михаила Ѳеодоровича.	1
Глава II. Переговоры Алексѣя Михайловича съ Людовикомъ XIV. Война съ Швеціей и Польшей и посредничество Франціи..	11
Глава III. Посольство Потемкина. Посольство Виніуса. Предложеніе Людовику вступить въ коалицію противъ Турціи.....	18
Глава IV. Второе посольство Потемкина въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича	24
Глава V. Неудачные переговоры въ правленіе царевны Софіи. . .	28

Петръ Великій и Франція.

Глава VI. Посольство Балюза. Захватъ русскихъ судовъ	32
Глава VII. Восточный вопросъ.....	36
Глава VIII. Петръ во Франціи. Амстердамскій трактатъ.....	43
Глава IX. Посредничество Франціи въ примиреніи Россіи съ Швеціей	50
Глава X. Торговья сношенія съ Франціей.....	64
Глава XI. Переговоры о бракѣ Людовика XV съ царевною Елизаветой Петровною. Кампредонъ въ Петербургѣ.....	69
Глава XII. Посредничество Франціи въ переговорахъ съ Турціей и Англійей	84
Глава XIII. Культурное вліяніе Франціи.....	92

Разрывъ съ Франціей.

Глава XIV. Переговоры съ Франціей въ царствованіе Екатерины I. Охлажденіе къ Франціи.....	101
Глава XV. Разрывъ съ Франціей. Борьба за польскій престолъ...	112
Глава XVI. Переговоры о выдачѣ вѣннскихъ.....	128
Глава XVII. Французскія интриги въ Константинополѣ. Бѣлградскій миръ.....	135

II

Елисавета Петровна и Людовикъ XV.

	<i>Стран.</i>
Глава XVIII. Французскій посланникъ Шетарди и его роль въ переворотѣ 1741 г.....	145
Глава XIX. Политическая неудача Шетарди.....	169
Глава XX. Вторичное посольство Шетарди. Стараніе его заключить тройственный союзъ между Россіей, Франціей и Пруссіей. Высылка Шетарди.....	177
Глава XXI. Прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Франціей.	190
Глава XXII. Французскія интриги въ Польшѣ и Турціи. Перемирие европейской политики. Союзъ съ Франціей.....	203
Глава XXIII. Семилѣтняя война. Посольство Лопиталя.....	220
Глава XXIV. Министерство Шуазеля. Посольство Бретеля. Переговоры объ окончаніи Семилѣтней войны.....	232

Екатерина II и Людовикъ XV.

Глава XXV. Перемирие въ политикѣ при Петрѣ III. Вступленіе на престолъ Екатерины.....	258
Глава XXVI. Сближеніе Екатерины съ Фридрихомъ Великимъ. Дѣйствія французской дипломатіи въ Варшавѣ.....	266
Глава XXVII. Французскія интриги въ Константинополѣ и Стокгольмѣ. Споръ объ императорскомъ титулѣ.....	280
Глава XXVIII. Раздѣлъ Польши. Попытка Франціи быть посредницей въ примиреніи Россіи съ Турціей.....	299

Екатерина II и Людовикъ XVI.

Глава XXIX. Дружелюбіе Людовика XVI. Тешенскій конгрессъ..	315
Глава XXX. Восточный вопросъ. Посольство Сегюра. Торговый трактатъ съ Франціей. Проектъ союзнаго договора съ Франціей.....	328
Глава XXXI. Французская революція. Разрывъ съ Франціей.....	349

Александръ I и Наполеонъ I.

Глава XXXII. Франко-русская конвенція.....	364
Глава XXXIII. Первая война съ Наполеономъ.....	389
Глава XXXIV. Тяльзитское свиданіе. Франко-русскій союзъ и его послѣдствія ..	405
Глава XXXV. Отношеніе Русскихъ къ Франціи.....	432
Глава XXXVI. Отношеніе Французовъ къ Россіи.....	449

1-50 ✓

T

Цѣна 2 руб.